

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
«ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»**

На правах рукописи

ЧИБИРОВ АЛЕКСЕЙ ЛЮДВИГОВИЧ

**ДРЕВНЕЕ ИРАНСТВО ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

**Специальность 5.6.5. – Историография, источниковедение,
методы исторического исследования**

**Диссертация
на соискание ученой степени доктора исторических наук**

Владикавказ 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

| | |
|---|-----|
| ВВЕДЕНИЕ | 5 |
| ГЛАВА 1. ИРАНОЯЗЫЧНЫЕ ПЛЕМЕНА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДУЕМОЙ ТЕМЫ..... | 29 |
| 1.1. Иранские номады юга России и Северного Кавказа. К истории вопроса | 29 |
| 1.2. От античности до конца XIX столетия. Проблема этногенеза древних иранцев | 60 |
| 1.3. Осетино-аланская проблематика в зарубежной историографии первой половины XX века | 82 |
| ГЛАВА 2. ВОПРОСЫ ИРАНИСТИКИ В ТРУДАХ М.И. РОСТОВЦЕВА | 95 |
| 2.1. Русская античность М.И. Ростовцева | 95 |
| 2.2. Аналитический обзор античных источников. Труды ученого по античности | 106 |
| 2.3. Археологические исследования М.И. Ростовцева по скифо- сарматской проблематике | 133 |
| 2.4. М.И. Ростовцев об этногенезе иранских народов | 145 |
| 2.5. Доиранский и догреческий юг России | 157 |
| 2.6. Скифская экспансия | 160 |
| 2.7. Начало сарматской эпохи | 169 |
| 2.8. Государственный строй и социальная организация у скифов и сарматов | 173 |
| 2.8.1. Социальная организация скифского общества | 182 |
| 2.9. О степени иранизации эллинов Северного Причерноморья | 186 |
| 2.10. Быт и обрядовые традиции скифов и сармат в трудах М.И. Ростовцева | 198 |

| | |
|---|-----|
| 2.11. Религиозные верования скифов в работах М.И. Ростовцева | 203 |
| 2.12. Различные аспекты иранской культуры. Искусство «звериного стиля» | 208 |

ГЛАВА 3. Г.В. ВЕРНАДСКИЙ И ЕГО ВКЛАД В ИССЛЕДОВАНИЕ СЛАВЯНО-ИРАНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

| | |
|--|-----|
| 3.1. Г.В. Вернадский: штрихи к портрету | 217 |
| 3.2. Киммерийцы и скифы. Происхождение и раса | 229 |
| 3.2.1. Киммерийцы | 229 |
| 3.2.2. Скифы | 236 |
| 3.2.3. Саки | 245 |
| 3.2.4. Массагеты | 250 |
| 3.2.5. Юэчжи | 251 |
| 3.2.6. Тохары-кушаны | 252 |
| 3.2.7. Эфталиты | 253 |
| 3.2.8. Меланхлены | 255 |
| 3.2.9. Андрофаги | 257 |
| 3.3. О государственном устройстве и войнах скифов | 257 |
| 3.4. Взаимоотношения скифов с греческими колонистами | 264 |
| 3.5. Сарматские племена на юге России | 266 |
| 3.5.1. Языги | 272 |
| 3.5.2. Роксоланы | 274 |
| 3.5.3. Аорсы | 276 |
| 3.6. Аланы (асы) | 277 |
| 3.6.1. Ясы | 288 |
| 3.7. Анты | 289 |
| 3.8. Политическая история алан. Аланы в I-V вв. | 299 |
| 3.9. Участие группы алан в походе на Запад | 305 |
| 3.10. Аланы на Кавказе после V в. | 314 |
| 3.11. Аланы в эпоху Киевской Руси | 319 |

| | |
|---|-----|
| 3.12. Аланы в период татаро-монгольских войн | 327 |
| 3.13. Г.В. Вернадский и его критики об увлеченности «иранизмами» | 335 |
| 3.14. Культурное наследие иранских народов | 339 |
| 3.14.1. Параллели в области хозяйства и материальной культуры | 340 |
| 3.14.2. Схожие явления в духовной культуре иранских народов и славян | 344 |
| 3.14.3. Следы в топонимике и гидронимике | 352 |
| 3.14.4. Антропонимы | 367 |
| ГЛАВА 4. ОСЕТИНО-АЛАНСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА | 374 |
| 4.1. История алан Бернарда Бахраха | 374 |
| 4.2. Сарматская сага Тадеуша Сулимирского | 407 |
| 4.3. Ф.Кардини: Азиатские истоки европейского рыцарства | 431 |
| 4.4. Аланские хроники Агусти Алеманя | 440 |
| 4.5. Аланы: украинский взгляд. О.Б. Бубенок | 468 |
| 4.6. От Великобритании до Китая. Г. Рид, А. Кадырбаев, Ю. Рерих | 492 |
| 4.7. Я. Лебединский. Сармато-аланская компонента французской истории | 512 |
| ЗАКЛЮЧЕНИЕ | 535 |
| СПИСОК ИСТОЧНИКОВ..... | 553 |
| СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ..... | 578 |

ВВЕДЕНИЕ

Политическое и культурное наследие скифов, сарматов и алан всегда привлекало внимание исследователей, а вопросы исторической, лингвистической и культурной преемственности этих племен и народов никогда не теряли своей актуальности. Однако, история кочевников, их этногенез долгие годы вызывали у ученых больше вопросов, нежели вносили какую-либо ясность в их происхождение. Поколения ученых штудировали первоисточники, обсуждали археологические артефакты, найденные во время «скифского бума», сопровождающего раскопки скифских курганов во второй половине XIX в., пытаясь понять, кем были эти номады, откуда они появились в южнорусских степях. Конечно же, одних свидетельств Геродота, который к тому времени уже был хорошо известен, было недостаточно. Количество курганов, разбросанных по Великой Степи, и артефакты безумного изящества и красоты, извлеченные из них, способствовали порождению различных, ничем не подтвержденных теорий, а поэты, писатели и художники, следуя зову своего воображения, увлеченно мифологизировали древних обитателей степи. Скифы и сарматы стали прекрасным мифом, который вызрел в художественном сознании людей искусства в начале двадцатого века. Русская интеллигенция увлеченно читала Геродота, а воображение подсказывало все остальное. А. Блок, К. Бальмонт, А. Ахматова, Н. Гумилёв, В. Брюсов, И. Бунин, З. Гиппиус – это лишь малая часть ее представителей, которых вдохновенные поиски предтечи славянства подталкивали к тому, чтобы с головой окунуться в античность, облачив все это в поэтические формы. Точно так же артефакты, извлеченные из Кобанского могильника в Осетии, способствовали творческой фантазии великого осетинского художника Махарбека Туганова, который понял как надо иллюстрировать Нартовский эпос осетин. Ни один художник пока еще не превзошел Махарбека в иллюстрации Нартиады, да и вряд ли превзойдет.

В 1912-1913 гг. археологическая экспедиция под руководством профессора Петербургского университета Н.И. Веселовского сделала открытие, которое с новой силой побудило в общественном сознании интерес к скифам и Скифии. Открытие уникального кургана Солоха близ Никополя впечатлило, в том числе и профессора Петербургского университета, антиковеда, основателя отдела археологии Эрмитажа М.И. Ростовцева. В 1918 г., незадолго до эмиграции он издает, пожалуй, одну из самых своих известных работ «Эллинство и иранство на юге России», в которой Михаил Иванович четко обосновал иранство как предтечу славянства. В 1927 г. Г.В. Вернадский издает в пражском «Евразийском издательстве» книгу под общим названием «Начертание русской истории», где сказано, что «... историческая подпочва Русского государства создана была скифами» [Вернадский, 2002: 47]. Академик Н.И. Державин, литературный критик Р.В. Иванов-Разумник, художники В. Васнецов и К.С. Петров-Водкин, поэты Марина Цветаева, Борис Пастернак, О. Мандельштам – список интеллигенции, вовлеченной в скифский водоворот, был немалым. Поэт Сергей Есенин в мае 1921 г. писал Р.В. Иванову-Разумнику следующее: «Не люблю я скифов, не умеющих владеть луком и загадками их языка. Когда они посылали своим врагам птиц, мышей, лягушек и стрелы, Дарию нужен был целый синедрион толкователей. Искусство должно быть в некоторой степени тоже таким» [Сергей ... , 1995: 101]. Н.А. Бердяев говорил писателю А.В. Бахраху: «Я вижу в Пикассо порыв против грядущего царства мещанства, к которому ведет и капитализм, и социализм. В нем меня также прельщает, что человек латинской культуры, по рождению испанец, ощущает в себе нечто «скифское», а ведь это близкий мне русский соблазн...» [Бахрах, 1995: 417]. Великая Степь увлекала всех, и увлекала безоглядно.

Отечественная историческая наука, пусть и не сразу, но определилась с ираноязычием скифов, сарматов и алан. Поддержали их в этом и зарубежные исследователи, которые в основе своей также придерживались

общепризнанной теории. И если загадочные скифы вместе с сарматами так и остались в общественном сознании окутанными ореолом таинственности, постепенно растворяясь в дымке древней истории, то с аланами дело обстояло иначе. Они были рядом (конечно же, по историческим меркам), что позволяло серьезным ученым на основании целого корпуса исторических свидетельств довольно подробно изучить историю возникновения, становления и падения государства Алания. Аланское государство просуществовало с конца IX – начала X в., времени своего освобождения от зависимости хазар, вплоть до 1230-х годов, когда она пала под нашествием монгольских войск [Ковалевская, 2014: 16]. История этого государства довольно хорошо изучена не только отечественной наукой, представленной плеядой таких ученых, как В.Ф. Миллер, Ю.А. Кулаковский, В.И. Абаев, Б.Н. Граков, К.Ф. Смирнов, М.Г. Мошкова, Э.А. Грантовский, А.И. Иванчик, В.А. Кузнецов, Ю.С. Гаглойти, Н.Н. Лысенко, А.К. Нефедкин и др., но и представителями зарубежной историографии. При изучении истории средневековой Алании ученые, в первую очередь опирались на результаты археологических и этнографических изысканий, а также на многочисленные письменные источники, еще раз подтвердившие ираноязычие скифов, сарматов и алан и генетической связи с ними осетинского народа на Кавказе.

Скифология, сарматоведение и алановедение как составная часть иранистики развивались не только в России, но и на Западе, чему способствовали эмигранты из Российской империи, прежде всего такие столпы исторической мысли, как М.И. Ростовцев, Г.В. Вернадский, а также пусть и непрочные, но, все же сохранившиеся связи с российской и советской наукой, благодаря которым осетинский языковой, фольклорный и этнографический материал стал доступен мировой науке. Этому способствовали и энтузиасты исторической науки из числа осетинских эмигрантов Дзамбулат Дзанти и Дзегка Зураев. В 1933 году Комитетом осетиноведения при Европейском центре Музея академика Н.К. Рериха в Париже начал издаваться журнал «Осетия», главным редактором которого

выступил Дзамбулат Дзанти. Параллельное название писалось в журнале как «*Osetiia*». Активное участие в работе редколлегии принимали известные востоковеды отец и сын Н.К. Рерих и Ю.Н. Рерих. Извещая общественность о начале деятельности Комитета осетиноведения, председатель комитета Б.П. Цараев, писал: «... Осетины, проживающие в Париже, стремясь объединиться в культурной работе, решили основать комитет, задачей которого будет изучение языка в истории Осетии» [Осетия, 1933: 1]. В журнале публиковались материалы, написанные на трёх языках – осетинском, русском, французском.

Историк-самоучка Дзегка Александрович Зураев, эмигрировавший из России в Германию в 1907 г., позже получил в Англии образование инженера. Затем была Америка, мечта всех эмигрантов, где Дзегка Зураев и проработал по профессии практически до конца своей жизни. Хорошее знание языков дало ему возможность работы в различных архивах Европы и США, результатом чего стал объемный труд под названием «Северные иранцы Восточной Европы и Северного Кавказа». Книга впервые была опубликована на английском языке в США в 1966 г., и, несмотря на большой корпус проработанных автором первоисточников, была лишена некоей системности и академичности в выводах. Дзегка Александрович не был профессиональным историком и отсутствие специального исторического образования все же сказалось на его работе.

Помимо прочего, в зарубежной печати появился ряд интересных и глубоких исследований, таких как «История Персии» (1921) и «История Афганистана» (1940) Перси Сайкса, «Сарматы: древний народ юга России» (1970) польского археолога Тадеуша Сулимирского, «Аланы на Западе» (1973) американского ученого Бернарда Бахраха, «Наследие Ирана» (1972) Ричарда Фрая и книга польских археологов Р. Бжежинского и М. Мельчарека «Сарматы, 600 г. до н.э. – 450 г. н.э.» (2002). Из относительно последних работ, посвященных иранскимномадам, нельзя не упомянуть великолепное издание каталонского ученого А. Алеманя «Аланы в древних и

средневековых письменных источниках» (2003), ряд работ французского ученого украинского происхождения Ярослава Лебединского, таких как «Скифы» (2001), «Сарматы» (2002), «Номады» (2003), «Киммерийцы» (2004), «Сарматы и аланы в Галлии IV-V вв. История и наследство» (2016), а также Говарда Рида «Артур-король драконов. Варварские истоки величайшей легенды Британии» (2005), А.Ш. Кадырбаева «Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII—XIV вв.» (1990), О.Б. Бубенка «Аланы-асы в Золотой Орде (XIII-XV вв.)» (2004). Несомненно, стоит отметить и работы таких исследователей, как Reinhard Schmoeckel «Sachsen, Thüringer, Schwaben: Einst von Sarmaten beherrscht?» (2011) и «Sarmaten: Unbekannte Vater Europas» (2013); Eszter Istvanovits, Valeria Kulcsar «Sarmatians – History and Archaeology of a Forgotten People» (2017), Mischa Meier «Geschichte der Völkerwanderung» (2021) и др.

В советский период часть исследований зарубежных авторов становилась известной советским исследователям сразу, их учитывали, на них ссылались, критиковали исходя из идеологических норм того периода, обвиняя их при этом в «буржуазности». Они не публиковались, иногда бытуя в виде «рабочих» переводов для тех исследователей, которые не владели европейскими языками. В частности, книга Т. Сулимирского «Сарматы: древний народ юга России», вышедшая впервые в 1970 г. в Лондоне, до официального представления книги была известна как минимум в двух «рабочих» переводах, которые были доступны исключительно специалистам.

Не избежали клейма «буржуазных» ученых и М.И. Ростовцев и Г.В. Вернадский. Ю.Н. Рерих, приглашенный Н.С. Хрущевым в 1957 г. в СССР и проработавший последние три года своей жизни в Институте Востоковедения АН СССР, также был обвинен коллегами в «буржуазности» взглядов и идей. Подвергалась антибуржуазной критике и теория алано-осетинской преемственности. В частности, большой апологет «марризма» Б.Е. Деген-Ковалевский отмечал, что «буржуазная наука видит последние остатки алан в современном народе центрального Кавказа – осетинах, «осах»

грузинских летописей, проводя между осетинами и аланами знак тождества» [История ... , 1939: 443], делая акцент на «буржуазности», то есть «несоветскости» этого положения, и тут же подверг его критике, цитируя при этом Н.Я. Марра, который утверждал, что «термин наименования современных осетин – *os, ovs, ows* и его разновидности в разное время и в разной среде обозначали равным образом и яфетических соседей осетин – абхазов, адыгов, хевсур, сванов и туркоязычных ныне балкар и карачаевцев, т.е. почти всех горцев Центрального Кавказа», считая, что основа этнонима алан имеет массу соответствий в живых языках Кавказа [История ... , 1939: 445]. «... Можно считать несомненным связь осетинского народа с аланским государственно-племенным образованием, – писал далее Б.Е. Деген-Ковалевский, – но не прямое и исключительное «происхождение» от аланских предков, состав которых нами не может быть установлен с достаточной ясностью и на наследство которых с неменьшим основанием может претендовать ряд народов центрального и западного Предкавказья – от чечено-ингушского народа до прикубанских адыгов» [История ... , 1939: 446].

Образ мифического «алана», как и в случае с их далекими предками, на протяжении многих веков также подвергался различным спекуляциям, начиная от оголтелой демонизации вплоть до чрезмерной идеализации. Искажение роли сармато-алан в исторических процессах в Европе началось еще в раннем средневековье. Так, известный археолог В.Б. Ковалевская писала, что «игнорирование роли алан в истории Западной Европы связано с франкской исторической традицией, начиная с Фредигера, который имя Алан заменил на Франка»¹. Это было обусловлено, прежде всего, изменением идеологического вектора средневековой Европы. В Европе возникла потребность в совершенно другой идеологии, необходимость которой диктовалась формированием новой, только зарождающейся политической

¹ Ковалевская В.Б. Аланы в Западной Европе. Сопоставление данных истории, археологии, лингвистики и антропологии. Владикавказ, 1992. С.74.

элиты в ряде европейских стран эпохи средневековья. Новой европейской элите, сконцентрированной на построении иного типа государства, аланы были ни к чему.

Современные исследования, в том числе и зарубежных учёных, признанных специалистов в области иранистики, еще раз подтвердили факт того, что прямыми потомками аланских племен, оставшихся в регионе после нашествия гуннов, следует считать осетин. Это положение давно утвердилось в мировой исторической науке, и не существует аргументированных предпосылок для утверждения обратного. Все исследователи – приверженцы подобного взгляда на проблематику опирались на несколько основных маркеров. Такими показателями являются осетинский язык, уходящий корнями в индо-иранское прошлое, осетинская Нартиада, в которой наиболее полно представлены все циклы героического эпоса, а также другие ярко выраженные элементы духовной культуры осетин, предтечей которых являлся скифо-сармато-аланский мир². Такой подход несколько не противоречит академически обоснованной концепции В.И. Абаева о двуприродности этногенеза осетинского народа, которой придерживается и диссертант.

И все же большая часть материала, издаваемая за рубежом, из-за идеологического противостояния СССР с остальным миром, закрытости нашей страны, была недоступна советским ученым и была переведена на русский язык только в современной России. Однако, и она, пусть даже косвенно, но оказала существенное влияние на советскую иранистику и осетиноведение, как составную часть этого направления, в том числе на осетинские научные школы. Осмысление этого процесса, равно как и самого наследия великих учёных, их вклада в науку, важно для развития науки в целом, понимания сложных этнокультурных процессов на Кавказе и за его

² В частности, общее количество сказаний осетинской Нартиады с вариациями насчитывает более чем восемьсот, что существенно больше всех остальных вариантов других кавказских сказаний о Нартах. К примеру, сказание о Урузмаге и его безымянном сыне известно специалистам в двадцати трех вариантах. – А.Ч.

пределами, а также для осознания роли и места ираноязычных народов в становлении российской и западноевропейской культуры.

В диссертации проведено комплексное исследование исторических источников по проблеме этногенеза североиранских племен в зарубежной историографии конца XIX и начала XXI вв. Опираясь на античные и средневековые источники о скифах, сарматах, аланах, диссертант осветил вопросы генезиса древних иранцев, произвел систематизацию опыта, накопленного поколениями зарубежных ученых, в изучении скифо-сармато-аланской проблематики. На основе анализа письменных памятников, сравнения результатов исследования письменных источников с археологическим, этнографическим и антропологическим материалом рассмотрены основные этапы становления и развития этногенеза древнего иранства с позиций зарубежных исследователей, разработана концепция алано-осетинской преемственности по исследованиям М.И. Ростовцева, Г.В. Вернадского, Ю.А. Кулаковского, Б. Бахраха, Т. Сулимирского, А. Алеманя, Я. Лебединского и др.

Актуальность исследования. Важной стороной, объясняющей актуальность диссертационного исследования, является тот факт, что до сих пор не существует полноценной обобщающей работы, в которой были бы рассмотрены основные этапы становления и развития интересующей нас проблемы с точки зрения зарубежных исследователей. Представленное диссертационное исследование в определенной степени восполняет этот пробел. Несмотря на солидную литературу об этногенезе и этнической истории скифо-сарматских племен, не все вопросы, связанные с темой (в том числе этногенетические), оказались одинаково глубоко исследованы, еще оставались спорные вопросы, требовавшие дальнейших изысканий. Этот пробел во многом восполнили труды М.И. Ростовцева и Г.В. Вернадского, а с 60-х годов XX в. монографические исследования Б. Бахраха Т. Сулимирского, А. Алеманя, Я. Лебединского, О. Бубенка, Ф. Кардини, М. Шенкар, Э. Иштванович, В. Кульчар, Р. Шмёкель и др. Своими ценными

трудами эти ученые способствовали дальнейшему более углубленному исследованию вопросов этногенеза и этнической истории североиранских племен, во многом содействовали становлению иранства как научного направления в западной историографии.

Многие основополагающие вопросы истории и культуры скифов, были впервые фундаментально исследованы выдающимся ученым-антиковедом М.И. Ростовцевым. Подавляющее большинство сделанных им выводов и обобщений еще при его жизни были растасканы на цитаты, и остаются актуальными для ученых-скифологов вплоть до наших дней. Коллега и младший товарищ М.И. Ростовцева, великий русский и американский историк Г.В. Вернадский внес такой же весомый вклад в вопрос изучения древних народов юга России. Именно поэтому основной акцент диссертантом сделан на второй и третьей главах диссертационного труда, посвященных исследованию и анализу фундаментальных работ М.И. Ростовцева и Г.В. Вернадского. К сожалению, судьба распорядилась таким образом, что вторую, большую, половину своей жизни и М.И. Ростовцев, и Г.В. Вернадский вынуждены были провести вне пределов России, в США, где и утвердились на пьедестале исторической науки, что относит их в большой степени к когорте крупных зарубежных ученых.

До сих пор труды М.И. Ростовцева и Г.В. Вернадского не рассматривались сквозь призму «иранства». Между тем, их взгляды на историю народов, населяющих степи Северного Причерноморья в дославянскую эпоху, являются базовыми для исследователей данной темы. Они отличаются основательностью, детальной, исходя из возможностей ученых, проработанностью проблемы, и не теряют своей актуальности спустя десятилетия. Вместе с тем выводы М.И. Ростовцева и Г.В. Вернадского относительно этногенеза древнего иранства коррелируются с результатами исследований целого ряда собственно зарубежных ученых, таких, как Б. Бахрах, Т. Сулимирский, А. Алемань, Я. Лебединский, О. Бубенок и т.д., которые, после основательной проработки темы, в своих

трудах также подчеркивают скифо-сармато-алано-осетинскую преемственность. Конечно же, определенные погрешности в выводах присутствуют, и это нормально. Однако основные этапы становления древнего иранства в Восточной Европе не подвергаются ими сомнению.

Еще одним важным аспектом, подчеркивающим актуальность данного исследования, является тот факт, что впервые в диссертационном труде были подвергнуты сопоставительному анализу работ советских ученых-историков с аналогичными работами зарубежных исследователей по базовым вопросам этногенеза иранских народов, обосновавшимся в древности в Восточной Европе. В силу политических и идеологических разногласий, разделивших в XX веке мир на два враждующих лагеря, советские и зарубежные историки, как правило, проводили свои исследования независимо друг от друга. Причем для советских ученых в основном это были результаты археологических раскопок, а для зарубежных – различные источники, которые хранились в европейских архивах. Конечно же, присутствовала и археология, как в случае с такими учеными, как М.И. Ростовцев, Я. Лебединский и М. Канзанский. И если первая половина века для советской исторической науки была окрашена в яркие идеологические краски, о чем было сказано выше, то во второй половине двадцатого столетия, таким крупным ученым, как Б.А. Рыбаков, В.И. Гуляев, К.Ф. Смирнов, Б.Н. Мозолевский, В.И. Абаев, А.И. Иванчик, Э.А. Грантовский, Г.М. Бонгард-Левин и др., лишенным необходимости идеологического окраса своих трудов, общая ситуация позволила быть более независимым в суждениях, нежели их предшественникам. Исследование показало, что в вопросах этногенеза древних иранцев, как правило, советские и зарубежные ученые приходили к одним и тем же выводам.

И, наконец, последнее. Деликатность и подчеркнутое взаимоуважение друг к другу были основой поведенческого этикета кавказцев. Кавказ вместил в себя десятки народов с уникальной культурой, особой индивидуальностью и собственной картиной мира. Надо обладать

совершенной интуицией, тактом и соответствующим образованием для того, чтобы разобраться в особенностях менталитета того или иного народа, проживающего в ареале. Кавказ всегда был интересен исследователям разнообразием культур. Существуют общекавказские темы, которые не теряют своей актуальности в зависимости от общественно-политической конъюнктуры, и одной из таких тем является, в том числе историческое и культурное наследие алан, которые должны стать одним из факторов объединения, взаимопонимания и взаимоуважения дружественных кавказских народов, но никак не фактором разобщенности. И в этом им должны способствовать выводы академической науки. Именно в этом ракурсе данное исследование приобретает особую актуальность.

Объект исследования – зарубежная историография об этногенетических предках осетин (скифах, сарматах и аланах) от конца XIX века и до начала XXI столетия.

Предметом исследования является история изучения, становления и развития североиранских племен – скифов, сарматов и алан – в зарубежной историографии, начиная с упоминания связки «аланы-осетины», их преемственности и связи с современными осетинами.

Цель исследования. Обзор и критический анализ наиболее значимой литературы по исследуемой проблематике, изданной за рубежом, и последующее сопоставительное сведение позиций советско-российской и зарубежной науки в вопросе этногенеза древних иранцев Восточной Европы; обоснование процесса генезиса культуры и этногенеза ираноязычных племен, населявших в разные исторические периоды Европу, южнорусские степи, Кавказ, с позиций современного уровня исторической науки.

Задачи исследования. Для достижения цели диссертационного исследования выделен круг взаимосвязанных и взаимообусловленных задач:

– историографическое исследование проблемы генезиса североиранских племен Восточной Европы в трудах зарубежных ученых на

большом хронологическом отрезке времени – с конца XIX и до начала XXI столетия;

– определение состояния изученности истории и культуры североиранских племен, а также освещение и систематизация опыта, накопленного поколениями зарубежных ученых в исследовании скифо-сармато-аланской проблематики;

– проведение историко-сопоставительного анализа трудов видных представителей зарубежной историографии по североиранским скифо-сармато-аланским племенам; критическое осмысление проблемы в свете позиций советских и российских ученых-иранистов;

– типологический и системный анализ трудов зарубежных ученых с целью выявления структурных элементов этнокультурного взаимодействия и взаимовлияния скифо-сармато-алан и древних греков, славян, германцев и гуннов, как в циркумпонтийской зоне, так и на территории Европы; обсуждение вопросов хронологической и культурной взаимосвязи в развитии подобных этнически разнообразных контактов и их значимость;

– критический обзор работ выдающегося русского ученого зарубежья М.И. Ростовцева, внесшего значительный вклад в развитие иранства как комплексного научного направления, сложившегося в изучении иранских народов древности, локализовавшихся в Северном Причерноморье и южнорусских степях; задачей является показать исключительную ценность фундаментальных трудов ученого по античности («Эллины и иранцы на юге России», «Скифия и Боспор» и др.), по вопросам этногенеза и этнической истории североиранских племен, особенно истории и культуры скифов;

– обоснование тесных этнокультурных связей североиранских племен, понтийских греков и древних славян на предмет обнаружения позитивных последствий в деле ускорения процесса формирования русской государственности, берущей свое начало не на севере, а на юге современной России;

– определение уровня взаимодействия скифо-сармато-аланских племен с древнеславянскими племенами в многочисленных исследованиях Г.В. Вернадского, особенно в первых двух томах его «Истории России», посвященных Древней и Киевской Руси;

– выявление параллелей, указывающих на историко-культурную преемственность и общность между средневековыми аланами и современными осетинами, но не исключая значения важного кавказского компонента при формировании осетин как новой этнической общности;

– проведение комплексного критического анализа специальных монографических исследований таких известных зарубежных исследователей, как Б. Бахрах, Т. Сулимирский, А. Алемань, Ф. Кардини, Я. Лебединский и др. для выявления особенностей освещения ими скифо-сармато-аланской проблематики и сопоставления их с данными, представленными в трудах советских и российских ученых, придерживавшихся идентичных взглядов;

– установление степени научной достоверности материалов о скифо-сарматской истории в трудах ученых Западной Европы, США и Средней Азии;

– характеристика развития скифо-сармато-алано-осетинской идентичности в контексте признанной академическим сообществом концепции двуприродности осетинского языка и процесса формирования осетинского народа на основе работ видных исследователей зарубежья;

– проведение комплексного сопоставительного анализа проблемы этногенеза североиранских племен, алано-осетинской преемственности с позиций русских, советских и зарубежных ученых, чьи исследования в XX веке развивались параллельно, однако в силу идеологических противоречий политических систем сами исследователи не всегда имели доступ к результатам научных изысканий коллег.

Хронологические рамки исследования – конец XIX века (время появления первых трудов М.И. Ростовцева), замыкаются на работах ученых

начала XXI столетия. В ходе работы хронологические рамки могут меняться, что обусловлено необходимостью более полного представления исследуемого историографического контекста.

Территориальные рамки исследования определяются областью, ограниченной акваториями Черного, Азовского и Каспийского морей, Северным Причерноморьем и Закавказьем на юге, побережьем Балтики на севере, Атлантическим океаном на западе и Средней Азией на востоке.

Методологической основой диссертационного исследования выступили принципы историзма, комплексный, системный, сравнительно-типологический, историко-генетический, аналитический, структурный методы исследования. Изучение особенностей истории становления и развития североиранских племен – скифов, сарматов и алан – в зарубежной историографии, начиная с упоминания связки «аланы-осетины», их преемственность и связь с современными осетинами, предполагает сравнительно-сопоставительный анализ комплекса исторических источников, позволяющий выявить общее и особенное в типологии письменных источников по заявленной проблеме.

Применение указанных методологических подходов позволило осуществить сравнительный анализ историографических данных и данных комплекса источников, направленный на поиск критериев, основных маркеров традиционной культуры североиранских племен и этносов – скифов, сарматов, алан и осетин, выявить особенности иранского культурного комплекса для обоснования процесса этногенеза древних иранцев Восточной Европы.

Основу диссертационного исследования составляет изучение первоисточников, способствующих выявлению закономерностей в процессе этногенеза на территории Европы, реконструкции общих тенденций генезиса и развития культур ираноязычных племен, населявших в разные исторические периоды Европу, южнорусские степи, Кавказ, с позиций современного уровня исторической науки.

Следование принципу научной объективности позволило исключить тенденцию предвзятого освещения фактов и явлений исторической действительности.

Источниковая база исследования представлена широким спектром разнохарактерных источников, опубликованных в различных изданиях. Обширный комплекс источников первой группы включает в себя исторические источники эпохи античности и раннего средневековья по скифо-сармато-аланской проблематике, которые изучены и введены в научный оборот исследователями разных поколений: Геродот, Гомер, Арриан, И. Барбаро, Иордан, Джуаншер Джуаншериани, Г. де Рубрук, М. ат-Табари, Констанций Лионский, Григорий Турский, Гарфильд Монмутский и др.

Второй комплекс источников, используемых в диссертации, представляет собой данные зарубежной историографии по древним иранцам Восточной Европы, которые впервые подвергаются обстоятельному обзору и систематизации. Это, прежде всего, труды М.И. Ростовцева и Г.В. Вернадского, Б. Бахраха и др.

Третий комплекс источников, использованный при историко-сравнительном анализе результатов исследования по этногенезу осетинского народа в контексте устоявшейся теории о преемственности ираноязычных алан и современных осетин, представлен трудами видных исследователей по истории и культуре скифо-сармато-аланских племен. Это работы Т. Сулимирского, А. Алеманя, Я. Лебединского, О. Бубенка и др.

Все три комплекса источников так или иначе охарактеризованы в отдельных главах диссертации, их разделах и подразделах в соответствии с хронологией и значимостью в освещении проблемы.

Степень изученности темы. Изучению проблемы древних иранцев Восточной Европы посвящены античные и средневековые

источники³, в которых рассмотрены отдельные вопросы этногенеза древнего иранства. К анализу первых сведений о скифах, сарматах, аланах обращались отечественные, российские и зарубежные исследователи⁴.

В изысканиях М.И. Ростовцева, выдающегося русского историка-антиковеда в эмиграции, рассматривается роль историко-культурного наследия североиранских скифо-сармато-аланских племен в жизни ранних славян и русского народа⁵. В научный оборот ученым был введен тезис о том, что история славянства, следовательно, и история России, начинается с удивительного синтеза иранства и греческой культуры, возникшего в Северном Причерноморье и ставшего предтечей возникновения славянства в этом ареале⁶.

Этот основополагающий тезис М.И. Ростовцева проходит красной нитью и в трудах другого известного русского ученого зарубежья Г.В. Вернадского, который одним из первых ввел в научный оборот сведения о сарматских племенах, исследовал их взаимоотношения со скифами. Ростовцев не сомневался в преемственной связи алан с осетинами. Вернадский считал алан самостоятельным сарматским племенем и был убежденным сторонником скифо-сармато-алано-осетинского единства, считая алан предками осетинского народа. Ученым также подчеркнута определяющее значение алано-асских племен в формировании славянского мира, роль, которую они сыграли в истории Древнего мира и Средних веков.

³ Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1900-1906. Т. 1-2; Вопросы древней истории. 1946-1947; Античные источники о Северном Кавказе. Нальчик, 1990.; Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Сост., вступ. ст., коммент. и карты С.П. Перевалова. СПб., 2000.

⁴ Миллер В.Ф. Осетинские этюды (Репринтное издание). Владикавказ, 1992 Ч. I-III.; Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. СПб., 1918; его же: Скифия и Боспор. М., 2013; Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Тверь-Москва, 1996; Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984; Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966; Гутнов Ф.Х. Средневековая Алалия. Владикавказ, 1993; Вансеев З.Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Цхинвали, 1989, Т. I; Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. Дзауджикау, 1947.

⁵ Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство ... ; его же: Скифия и Боспор и др.

⁶ Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство ... , С. 129.

С 60-х годов XX в. монографические исследования Б. Бахраха⁷, Т. Сулимирского⁸, А. Алеманя⁹, Я. Лебединского¹⁰, Г. Рида¹¹, Ф. Кардини¹², О. Бубенка¹³, А. Кадырбаева¹⁴ и др. способствовали более углубленному исследованию вопросов этногенеза и этнической истории североиранских племен, во многом содействовали становлению иранства как научного направления в западной историографии.

История вопроса в контексте заданной темы насчитывает не одно столетие. Она хорошо изучена и освещена как отечественными учеными (В.Ф. Миллер¹⁵, В.И. Абаев¹⁶, В.А. Кузнецов¹⁷, Ю.А. Кулаковский¹⁸, Ю.С. Гаглойти¹⁹, В.А. Ковалевская²⁰), так и упомянутыми выше зарубежными исследователями.

В исследованиях Б. Бахраха, Т. Сулимирского, А. Алеманя, Я. Лебединского подчеркнута, что аланы были единственным негерманским народом, который обосновался на Западе и имел непосредственное отношение к становлению западноевропейского общества.

⁷ Бахрах Б. Аланы на Западе (От первого упоминания в античных источниках до периода раннего Средневековья) // Пер. с англ. И. Санакоева. М., 1993.

⁸ Сулимирский Т. Сарматы. Древний народ Юга России. М., 2008.

⁹ Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.

¹⁰ Лебединский Я. Сарматы и аланы в Галлии IV–V вв. История и наследство / Серия «Алано-кавказская библиотека». Владикавказ: Проект-Пресс, 2016.

¹¹ Рид Г. Артур – король драконов. Варварские истоки величайшей легенды Британии. Владикавказ: Алания, 2006.

¹² Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987.

¹³ Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – нач. XIII вв.). Киев, 1997; его же. Аланы-Асы в Золотой Орде (XII–XIV вв.). Киев, 2004.

¹⁴ Кадырбаев А.Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии в XIII–XIV вв. Алма-Ата, 1990.

¹⁵ Миллер В.Ф. Осетинские этюды; его же. Язык осетин. М.-Л., 1962.

¹⁶ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949 Т. I; его же: Избранные труды. Владикавказ, 1990. Т. 1; Владикавказ, 1995. Т. 2.

¹⁷ Кузнецов В.А. Очерки истории алан, Владикавказ, 1992.; его же: Аланы и Кавказ. Осетинская эпопея обретения родины // Алано-осетинская библиотека. Владикавказ, 2014; его же: Введение в кавказоведение. Владикавказ, 2004; его же: Кавказская Алания: Запад–Восток. Историко-археологическое исследование. Пятигорск, 2019, его же: Иранизация и тюркизация Центральнокавказского субрегиона // Материалы и исследования по археологии России. М., 1997.

¹⁸ Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии.

¹⁹ Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин; его же; Избранные труды. Цхинвал, 2010. Т. I.

²⁰ Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М.: Наука, 1984; ее же: Кавказ: скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э.– I тыс. н.э. М., 2005.

Необходимо отметить, что в своих взглядах на историю и культуру алан на Западе советские исследователи в принципе не расходятся с зарубежными коллегами²¹.

В свете анализа новых материалов, источники по истории скифо-сармато-аланских племен и этногенезу осетин, соотнесенные со средневековыми аланами, введенные в научный оборот во второй половине XX века, значительно усилили информационный потенциал концепции, представленной в диссертации, дали возможность рассмотреть означенные вопросы исключительно в культурно-исторической плоскости.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Впервые в исторической науке предпринят критический обзор и осмысление трудов зарубежных ученых на предмет сопоставительного анализа их позиций с положениями советских и российских ученых по вопросу этногенеза и этнической истории североиранских народов – скифов, сарматов, алан.

2. Введены в научный оборот новые, документально фундированные работы, представляющие зарубежную историографию проблемы древних иранцев Восточной Европы, многоуровневые и многосоставные по своему историческому содержанию.

3. Впервые систематизирован широкий круг источников, освещающих культурно-историческое развитие скифо-сармато-аланских племен. На основе анализа комплекса источников выявлены маркеры традиционной культуры ираноязычных народов, имевших непосредственное отношение к становлению западноевропейского общества.

4. Вопросы исторической, лингвистической и культурной преемственности скифов, сарматов и алан как никогда актуализировались в последнее время, что вызвано появлением околонуточных работ, в которых

²¹ Кузнецов В.А., Пудовин В.К. Аланы в Западной Европе в эпоху Великого переселения народов // Советская археология. 1961. № 2; Виноградов В.Б. Аланы в Европе // Вопросы истории (далее – ВИ). 1974. № 8; Ковалевская В.Б. Аланы в Западной Европе. Сопоставление данных истории, археологии, лингвистики и антропологии. Владикавказ, 1992.

проявляется неприкрытая, порой агрессивная, историческая и политическая ангажированность. Впервые историко-генетический и сравнительно-сопоставительный анализ комплекса исторических источников, проведенный диссертантом, доказывает, что подобные работы никак не отвечают требованиям академической науки.

5. Предпринятый в диссертации комплексный критический анализ работ зарубежных исследователей (Б. Бахрах, Т. Сулимирский, Я. Лебединский, А. Алемань, Ф. Кардини, О. Бубенок, А. Кадырбаев и др.) впервые научно обосновал скифо-сармато-алано-осетинскую этническую идентичность.

6. Впервые на основе критического анализа исторических и лингвистических материалов и результатов археологических раскопок, проведенных советскими учеными в Северном Причерноморье, южнорусских степях и на Северном Кавказе, а также работ видных зарубежных исследователей, изучающих историю древних иранцев Восточной Европы, предложен обобщенный взгляд на этногенез древних иранцев.

7. На основе комплексного сравнительно-сопоставительного анализа источников произведена реконструкция мировоззренческой модели североиранских номадов (древнего и средневекового иранства).

8. Впервые в диссертации сведены воедино результаты исследований проблемы этногенеза древних иранцев зарубежными, советскими и российскими учеными, что позволило прийти к практически идентичным выводам.

9. Впервые в рамках заявленной темы акцентировано особое внимание на научных положениях и выводах, сформулированных в трудах видных ученых русского зарубежья М.И. Ростовцева и Г.В. Вернадского, в основе своей строго придерживающихся академического подхода к проблеме этногенеза североиранских номадов.

10. Научно обоснован процесс влияния восточных иранцев на формирование обществ и культур Восточной Европы.

11. На основе анализа письменных памятников, сравнения результатов исследования письменных источников с археологическим, этнографическим и антропологическим материалом рассмотрены основные этапы становления и развития древнеиранской общности с позиций зарубежных исследователей.

12. В диссертации впервые проведено комплексное исследование исторических источников по проблеме этногенеза североиранских племен в зарубежной историографии конца XIX – начала XXI в.

Положения, выносимые на защиту:

1. Изучение комплекса исторических памятников позволяет документировать и аргументировать особенности этногенеза древних иранцев Восточной Европы.

2. В результате историко-сравнительного и сопоставительного анализа письменных источников, анализа мифологических сюжетов и культовых предметов рассмотрены вопросы генетической преемственности культур североиранских племен.

3. Представлено обоснование синтеза эллинства и иранства, возникшего в циркумпонтийской зоне, в контексте возникновения славянства, и того, что история славянства органически сливается со скифо-сармато-аланской проблематикой.

4. На основе системного и структурного анализа рассмотрены вопросы интерпретации символических маркеров традиционной культуры североиранских племен, нашедших отражение в исторических и письменных источниках, религиозных представлениях и памятниках культуры.

5. Посредством системного и структурного анализа зарубежной и отечественной историографии с привлечением исторических источников, данных по антропогенезу, материалов в области хозяйства и материальной культуры, явлений в духовной культуре, данных топонимии, гидронимии и

антропонимии разработана теоретическая аргументация этногенеза древних иранцев на территории Восточной Европы.

6. Документированное обоснование процесса взаимодействия и взаимовлияния культур понтийских греков, славянских племен юга России и этнически разнородных ираноязычных скифо-сарматских племен произведено в результате анализа исторических источников, этнографических материалов и данных письменных свидетельств.

7. Осуществлено исследование, направленное на теоретический анализ структуры основ идеологического комплекса, отраженного в зарубежной и отечественной историографии означенного в исследовании периода.

8. В целях дальнейшего изучения особенностей этнокультурных процессов в иранском мире на территории Европы, юга России и Кавказа мыслится проведение комплексного изучения источников, основу которых должно составить исследование проблемы взаимосвязи генезиса культур с традиционным мировоззрением населения.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования предопределена возможностью использования основных положений и выводов, обоснованных в результате осмысления широкого круга исторических источников, материалов специальных научных исследований, этнографических и археологических данных, аналитических материалов всех сфер гуманитарного знания.

Теоретико-методологический аспект выводов, основанный на междисциплинарном анализе фундаментальной проблемы, направленной на обоснование идеи об этногенезе скифов, сарматов и алан, их непосредственной связи с осетинами, на основе широкого использования материалов зарубежной историографии, будет, на наш взгляд, способствовать формированию новых подходов в исследовании вопросов истории иранских народов Восточной Европы, юга России и Кавказа.

Особенности реконструкции культуры, традиционного мировоззрения и мировосприятия ираноязычных племен Восточной Европы по материалам

комплекса источников подтвердят их этноспецифичность, генетические истоки и то влияние, которое оказали древние иранцы на дальнейший ход мировой истории.

Научные результаты исследования могут быть использованы в практике высшей школы в процессе подготовки специалистов по истории, этнографии, философии, культурологии, археологии и другим сферам гуманитарного знания.

Основные положения диссертационного труда могут быть использованы при написании обобщающих работ по истории скифо-аланских племен, истории народов Северного Кавказа, а также учебно-методических пособий, разработке лекций, спецкурсов для исторических факультетов, будут способствовать популяризации исторической науки в рамках различных проектов и общественных площадок.

Апробация работы. Результаты изысканий были апробированы в четырех монографиях: Чибиров А.Л. Эдвин М. Ямаучи. Недруги с северных границ. Вторгшиеся орды из скифских степей / Пер., предисл. и коммент. А.Л. Чибирова. Владикавказ, 2014 (14,2 п.л.); Чибиров А.Л. Иранство как предчувствие (вопросы иранистики в трудах М.И. Ростовцева). Владикавказ, 2016 (10,5 п.л.); Чибиров А.Л. Г.В. Вернадский: Славяно-Аланика (история одной «истории»). Владикавказ, 2018 (16 п.л.); соавтор вступительной главы «Аланы-осетины в российской и зарубежной историографии», один из составителей и переводчиков книги – *Alani sive Aas: Аланы-осетины в исторической науке*. Владикавказ, 2019 (28,7 п.л).

Основные концептуальные идеи и положения диссертации отражены в 17 публикациях в рецензируемых научных журналах, включенных в WoS, Перечень ВАК РФ, также включающие в себя две монографии.

Отдельные публикации увидели свет в специализированных изданиях на территории ближнего зарубежья. Общий объем авторских публикаций по теме диссертационного исследования составил более 45 п.л.

Различные аспекты концепции по этногенезу древних иранцев Восточной Европы и отдельные результаты диссертационной работы были представлены на международных и региональных научных и научно-практических конференциях, конгрессах, семинарах и круглых столах:

1. Чибиров А.Л. V Международная научная конференция «Перспективы и особенности интеграционных процессов Северной и Южной Осетии» 11-12 декабря 2014 г. Доклад: Государственность Южной Осетии в свете международной правовой практики.

2. Чибиров А.Л. IV Международная научно-практическая конференция «Образование и наука в современных условиях», Чебоксары, 24 июля 2015 г. Доклад: Скифы и нарты: К вопросу о пребывании скифов на Кавказе. Научные исследования: от теории к практике.

3. Чибиров А.Л. Международная научная конференция «Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации», 23-25 октября 2015 г. Доклад: Аланы (ясы, асы) и Киевская Русь в трудах Г.В. Вернадского.

4. Чибиров А.Л. Всероссийские Миллеровские чтения, 20-22 октября 2016 г. Доклад: Аланы-осетины. Возвращаясь к истории вопроса.

5. Чибиров А.Л. IV Международная научная конференция «Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации», 16-17 ноября 2017 г. Доклад: К вопросу об осетино-балкаро-карачаевских нартовских параллелях.

6. Чибиров А.Л. Международная научная конференция V Абаевские чтения, посвященная 90-летию юбилею факультета осетинской филологии СОГУ, 11 мая 2018 г. Доклад: Некоторые замечания по поводу монографии Т.А. Моллаева «Новый взгляд на историю осетинского народа».

7. Чибиров А.Л. Всероссийские Миллеровские чтения, 15-17 ноября 2018 г. Доклад: Некоторые подробности переписки Ж. Дюмезиля с В.И. Абаевым (К 120-летию со дня рождения Ж. Дюмезиля).

Материалы и результаты, изложенные в диссертационном исследовании, получили практическое применение при чтении курсов «Этногенез и этническая история осетин», которые читаются на первом и втором курсах в ЮОГУ.

Некоторые положения и выводы соискателя по теме исследования получили позитивные отзывы от коллег, известных ученых – Я. Лебединского, А. Алеманя и В. Кузнецова. Эти отклики позволяют надеяться, что представленная диссертация либо отдельные ее положения и выводы окажутся востребованными и в будущем.

Структура диссертации определена основной целью, задачами и предметом исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения и снабжено библиографией и списком сокращений.

Соответствие паспорту научной специальности. Исследование соответствует паспорту специальности 5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования.

ГЛАВА 1. ИРАНОЯЗЫЧНЫЕ ПЛЕМЕНА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДУЕМОЙ ТЕМЫ

1.1. Иранские номады юга России и Северного Кавказа.

К истории вопроса

От Хинганских гор и озера Байкал на востоке, вплоть до среднего течения Дуная на западе распростерлась широкая полоса степей, так называемая Великая Степь, которая орошается множеством больших и малых рек. В глубокой древности Великая Степь разделяла миры, она служила непреодолимым препятствием для цивилизаций Востока и Запада, но с тех пор, как в начале IV тысячелетия до н.э. человек приручил лошадь, Степь внезапно, по историческим меркам стала доступной, представ перед народами, живущими на ее окраинах, бескрайним горизонтом, который следовало покорить. Люди на конях освоили ее довольно быстро, создав при этом новый тип хозяйствования – кочевое скотоводство. Кочевники изобрели седло, и эта часть амуниции всадника древности стала очень важной инновацией, повлиявшей впоследствии на различные аспекты мировой истории. Доместикация лошади оказала соответствующее влияние и на одежду, в частности на мужской костюм. Свободная одежда, повсеместно распространенная в античном мире, не вполне способствовала верховой езде, и кочевники придумали такой предмет гардероба, как штаны, которые позволяли не сковывать ноги во время езды верхом. Лошадь способствовала и тому, чтобы сандалии и тапки, как неизменный атрибут костюма древности, был потеснен, уступив место такому элементу одежды как сапоги. «Древние сапоги делались из кожи или из войлока, и это с большой вероятностью указывает, что искусство изготовления войлока было еще одной культурной особенностью, которая постепенно проделала путь из

Центральной Азии в другие части света. Несколько позднее именно в Центральной Азии родился обычай приделывать к сапогам или туфлям каблуки» [Макговерн, 2021: 8].

Таким образом, Великая Степь, этот гигантский природный коридор посредством кочевников, первыми из которых были скифы, соединил древние цивилизации Азии и Европы. Западную часть Степи обычно называют Дешт-и-Кипчак, в то время как восточную – Монгольская степь. М.И. Ростовцев писал об этом следующее: «Степи юга России, широко раскинувшиеся от Дуная и вплоть до предгорий Урала, к северу от Чёрного моря, Кавказа и Каспийского моря, сыграли в культурно-историческом развитии человечества немаловажную роль. Строение местности и географическое положение в значительной степени предопределили эту роль. Степи юга России, частью богато поросшие травой, частью покрытые лесами и перелесками, особенно по многочисленным типичным для юга России балкам и оврагам, доходят до самых берегов Черного моря. Северное побережье Чёрного моря, за исключением южного берега Крымского полуострова и всё побережье Азовского моря – сплошь степные..., на севере они составляют одно неразрывное целое со всей центральной и северной Россией» [Ростовцев, 1918: 1]. Согласно ему же, степь была «естественным продолжением могучего иранского культурного мира, определяющего с собой культурную физиономию прикаспийской и приаральской Азии и тесно связанного с культурным миром Месопотамии» [Ростовцев, 1918: 1].

История человечества – это, прежде всего история миграции. Писатель А. Генис писал: «Собственно, вся наша цивилизация, как говорят историки античности, началась с того, что греки перестали умирать там, где родились» [Генис, 2004: 15]. Вот и Великая Степь на протяжении тысячелетий постоянно принимала волны мигрантов-кочевников, которые двигались строго с востока на запад, и растворялись впоследствии во времени и на окраинах известной человечеству Ойкумены. Стоит отметить, что движение это никогда не было встречным. Народы возникали в глубинах Азии, а затем,

движимые Историей, пройдя Степь, и обогнув Черное море, рассеивались по всему миру.

В этом бурлящем потоке племен и народов Черное море играло особую роль. Это была зона постоянных ареальных контактов, в которую входили области с разных сторон примыкающие к нему, и которая была обозначена в специальной статье Н.Я. Мерперта как «циркумпонтийская» [Мерперт, 1988: 9]. Вполне естественно, что и Северное Причерноморье входит в эту зону. Е.Н. Черных усматривает здесь экспансию кавказских металлургических центров и связанных с ними степных групп в балкано-дунайский район [Chernych, 1973: 7], что является результатом расселения древних индоевропейцев из каспийско-черноморских степей на запад и юго-запад с дальнейшим выделением конкретных индоевропейских групп. Все эти сложные вопросы, восходящие к IV-III тыс. до н.э. рассмотрены в вышеназванной статье Н.Я. Мерперта, который в заключении отмечал следующее: «Это был результат длительных и сложных процессов, веками протекавших в циркумпонтийской зоне, в том числе и кратко рассмотренных выше интеграционных процессов IV-III тысячелетий до н.э.» [Мерперт, 1988: 32].

Данной проблеме посвящена также статья Е.Н. Черных под названием «Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы», опубликованная в сборнике «Древний Восток: этнокультурные связи» [Черных, 1988: 37-57]. Особо стоит отметить часть его статьи, которая касается так называемых «курганых культур», расположенных в пространственном ареале от Северного Кавказа до Добруджи на западе (майкопская, ямная, кеми-обинская, усатовская), а также важное положение И.М. Дьяконова о понятии индоевропейского «праязыка»²² и его привязке к

²² «Термин «праязык» ... — это условность; его следует понимать лишь как более или менее очерченный континуум близких диалектов и говоров, а не как язык в собственном смысле этого слова. «Праязык» важен для нас только как система понятий, выражаемая реконструируемыми глоссами. Без введения понятия языкового перехода от протоязыка к праязыку в инкубационный период с последующей экспансией наблюдаемый феномен праязыка приходится воспринимать как условность, континуум или фантом». — Черных Е.Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток:

археологическим материалам [Черных, 1988: 47], что позволяет говорить о начале процесса индоевропеизации Юго-Восточной Европы с V тыс. до н.э. [Черных, 1988: 48; Дьяконов, 1984: 3-20].

В контексте исследуемого вопроса вполне уместно напомнить историографически интересное научное мероприятие, непосредственно перекликающееся с темой диссертации. В 1989 г. постоянный оргкомитет конференций по Древнему Востоку, возглавляемый академиком Б.Б. Пиотровским, обратился к руководству СОАССР с просьбой о проведении конференции по теме «Кавказ и цивилизации Древнего Востока» в Северной Осетии. Ведущие ученые-востоковеды СССР пояснили причину такого выбора места данного форума учёных следующим образом: «На территории Республики много памятников позднесарматской и аланской культур, свидетельствующих о широком расселении племен древних иранцев на Центральном Кавказе на рубеже нашей эры и позже; горы наполнены сотнями историко-архитектурных памятников-башен, замков, склепов, святилищ – застывших в камне, но живых для нас страниц истории» [Дьяконов, 1989: 3]. Еще одним аргументом в пользу Северной Осетии послужило то, что «Особое внимание мировой науки давно привлекает осетинский язык, как уникальный остаток языка древних иранцев-скифов, сарматов и алан» [Дьяконов, 1989: 3]. К этой территориальной локализации прародины северных иранцев принадлежат и современные осетины, язык которых И.М. Дьяконов, автор предисловия к сборнику материалов конференции, называет «уникальным остатком языка древних иранцев-скифов, сарматов, алан» [Дьяконов, 1956]. В то же время не представлялось возможным игнорировать тот живой интерес, который образованное осетинское общество питало и питает к истории своего народа.

Помимо прочего И.М. Дьяконов представил на конференции основной доклад на тему «Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке»

[Дьяконов, 1989: 5-23], в котором предлагал ряд фундаментальных, убедительно обоснованных положений, сохраняющих на наш взгляд свое значение и сегодня. Основные положения концепции автора сводились к следующим пунктам:

1. Первоначальные носители индоевропейских языков «обладали более жизнеспособной экономикой, обеспечивали понижение детской смертности в большей степени, чем у их соседей». Иными словами, возросшее население не обеспечивается своим производством сельхозпродукции, наступает острейший кризис данной популяции – так называемый «демографический взрыв», знакомый археологам в различные периоды на юге России (напр. В.Б. Ковалевская).

2. Протогородская культура Чатал-Хююка VIII-VII тыс. до н.э. в Малой Азии «должна быть родиной пре-праиндоевропейцев» [Дьяконов, 1989: 11].

3. Отождествление индоевропейской языковой группы с археологической культурой Восточной Европы. Наиболее обоснованной представляется связь этой группы со срубной культурой эпохи бронзы в степи и лесостепи Украины и России второй половины II тыс. до н.э., а также соседняя Андроновская культура с ареалом от Южной Сибири до границ Ирана и Афганистана. Как считает И.М. Дьяконов, эти археологические культуры «могут с уверенностью рассматриваться как индоиранские или, скорее, северо-восточные иранские» [Дьяконов, 1989: 11].

Необходимо подчеркнуть всю важность данной территориальной локализации прародины северных иранцев, к коим принадлежат и современные осетины. Стоит отметить, что вопросы, непосредственно относящиеся к древнейшей прародине иранцев, не могли не интересовать русского и американского историка-античника М.И. Ростовцева, который начинал все свои экскурсии в древности юга России именно с VIII-VII вв. до н.э. – то есть со времени появления первых «иранских и греческих выходцев», хотя, при этом ученый не оставлял попыток «заглянуть в более отдаленное прошлое и связать его, так или иначе, со сведениями

литературными» [Ростовцев, 1918: 8]. Однако из-за отсутствия соответствующего корпуса источников, прежде всего археологических, в то время сделать это было невозможно.

Проблема генезиса древнего иранства с учётом зарубежной историографии довольно обширна, поэтому нет необходимости рассматривать её подробно. Для освещения предыстории вопроса достаточно будет остановиться на кратком обзоре двух-трех итоговых отечественных исследований, которых может быть достаточно для того, чтобы показать, как туманные идеи и интуитивные догадки М.И. Ростовцева, с именем которого связаны первые основательные труды в области иранистики, воплотились в жизнь и сегодня уже стали незыблемым активом исторической науки. Прежде всего, это фундаментальная монография Э.А. Грантовского (Институт востоковедения РАН) под названием «Ранняя история иранских племен Передней Азии», в которой говорится о древнеиранских племенах Передней Азии в доахеменидский период, т.е. до VI в. до н.э. На основании анализа урартских, ассирийских надписей, иранских текстов, трудов античных авторов, археологических материалов автор приходит к ряду новых выводов о роли иранских племен в истории Передней Азии и Циркумпонтийской ойкумены в начале I тыс. до н.э. Э.А. Грантовский убедительно обосновывает версию о движении этих племён из южнорусских-северопричерноморских степей через Кавказ на юг – в земли Передней Азии, где ираноязычное население сыграло большую роль в этногенезе народов, проживающих в южнорусских степях, на Северном Кавказе, Закавказье, народов Передней и Средней Азии, а также некоторых других регионов России.

Однако, массовая миграция иранцев через Кавказ, их продвижение на юг сквозь чрезвычайно сложные горные проходы через кавказские перевалы у части учёных вызывала сомнения. В качестве альтернативы предлагались и иные варианты. Так, согласно Эд. Мейеру, область расселения ариев находилась в Средней Азии [Meyer, 1926: 896-902]. На Среднюю Азию, как

родину ариев, указывают и данные Ригведы и Авесты [Грантовский, 1970: 23]. Но в настоящее время основная версия все же склонилась в пользу евразийских степей, где все, вплоть до экологии, свидетельствует о весьма широком территориальном распространении индоевропейцев в Северном Причерноморье (топонимика, Волга, индоиранские-финно-угорские изоглоссы и т.д.). [Смирнов, Кузьмина, 1977: 52; Основы, 1979: 34-38]. Значительную часть своего труда «Осетинский язык и фольклор», вышедшего в 1949 г., В.И. Абаев уделил происхождению осетинского языка, отнесенного к скифо-иранскому. Изначально ученый был сторонником среднеазиатской прародины иранцев [Абаев, 1949: 31 и сл.], но в последующих своих работах он все же склонился к «Причерноморской» версии.

Первым народом, населяющим эти территории, известным нам благодаря Геродоту [Геродот, 1972: 15] были киммерийцы. Это было то самое доскифское население легендарной страны *Аирианэм-Ваэджа*²³ – страны ариев, тот пространственно-временной континуум, который и стал прародиной древних иранцев. Геродот сообщает, что киммерийцы находились в Азии, куда явились и скифы: «И теперь еще в Скифской земле существуют киммерийские укрепления и Киммерийские переправы; есть также и область по имени Киммерия и так называемый Киммерийский Боспор. Спасаясь бегством от скифов в Азию, киммерийцы, как известно, заняли полуостров там, где ныне эллинский город Синопа» [Геродот, 1972: 190]. Местоположение Боспора хорошо известно, подтверждено, и довольно подробно обсуждалось и описывалось М.И. Ростовцевым в его монографии «Скифия и Боспор». В новой отечественной историографии киммерийцам, их культуре посвящены монографии М.И. Артамонова (Артамонов, 1950), А.И. Тереножкина (Тереножкин, 1976) и А.И. Иванчика (Ivantchik, 1993).

²³ Аирианэм-Ваэджа (авест. *Airyānem Vaejah*, «арийский простор») - мифическая прародина древних иранцев, ариев; согласно Видевдату, именно с неё начинается список из 16 «наилучших» «местностей и областей», созданных Ахура Маздой для человечества.

Проблема этнической принадлежности киммерийцев так и осталась нерешенной. М.И. Ростовцев ошибочно считал их фракийцами. А.И. Иванчик в свою очередь отмечал: «Вполне вероятно, что они были иранцами, однако это предположение основывается лишь на культурной близости со скифами» [Иванчик, 1996: 159-162]. Такого же мнения придерживаются И.М. Дьяконов (1994), и В.И. Гуляев (2005). Хронологические рамки их присутствия на исторической арене ограничены VIII-VII вв. до н.э., затем киммерийцы вытесняются или поглощаются скифами. Городищ и поселений киммерийцы после себя не оставили, так как они были кочевниками. Известны только их курганы и клады, отдельные находки.

Археологическая культура киммерийцев подробно исследована А.И. Мелюковой [Археология СССР, 1989: 10-16]. Не касаясь археологической составляющей ее работ, тем не менее, стоит обратить внимание на концепцию, представленную автором, тем более, что выводы, изложенные в ней, сохраняют актуальность до сих пор. А.И. Мелюкова отмечает, что «основываясь на интерпретации имён киммерийских царей, известных из письменных источников, среди которых лингвисты выделяют фракийские наряду с иранскими, а также на данных Страбона о связях киммерийцев с трерами, многие исследователи придерживались мнения о фракийской этнической принадлежности киммерийцев (М.И. Ростовцев, 1918, В.Д. Блаватский, 1948: с. 9 сл.). Однако в последнее время среди лингвистов и археологов находится всё больше исследователей, причисляющих киммерийцев к числу древнейших иранцев» [Археология СССР, 1989: 16]. Вопреки мнению М.И. Ростовцева, культура киммерийских племён в корне отлична от фракийской, несмотря на отдельные схождения и глубокие связи со срубной археологической культурой, что подтверждает существование древнеиранского этноса в степях Евразии, начиная с эпохи бронзы. Именно к такому выводу склоняются лингвисты и востоковеды [Абаев, 1971: 10-11; Грантовский, 1970: 81; Трубочёв, 1976: 39-63], внося,

таким образом, в вышеприведенные взгляды М.И. Ростовцева весьма существенные коррективы.

Далее были скифы – ираноязычный народ, живший в ареале Северного Причерноморья, Крыма и Предкавказья. Сэр Перси Сайкс, известный британский, дипломат, солдат и писатель, со ссылкой на пророка Иеремию, пишет о скифах следующее: «Они владеют луком и копьем; они жестоки и не знают жалости; их голоса режут, как море; они ездят на лошадях, облаченные, как на войну против тебя, о дочь Сиона» [Сайкс, 2021: 23]. Скифы присутствовали на исторической арене в период с VIII в. до н.э. – по VI в. н.э. Они относились к той же этнической группе, что и киммерийцы, и, согласно «отцу истории» Геродоту, делились на скифов «царских», скифов «кочевников» и скифов «земледельцев-пахарей». Геродот посвятил большую часть четвертой главы своей «Истории» скифам, предоставив тем самым прекрасный материал о хозяйственных основах скифского общества, отличавшегося наличием социальной структуры во главе с централизованной царской властью. Согласно ему, в экономике скифов преобладало земледелие и скотоводство (скорее всего полукочевое), существовала своя обработка металлов, кожи, древесины и т.д. Существовал также торговый обмен с античными городами Северного Причерноморья, народами Кавказа, странами Ближнего Востока. В ходе распада родового, затем рабовладельческого строя в VI-V вв. до н.э. в Северном Причерноморье, называемом греками Великой Скифией, образовалось собственно Скифское государство, типичное для т.н. варварских государств. Расцвет государства скифов, пришелся на так называемую Тавроскифию со столицей в городе Неаполь Скифский (III в. до н.э. – III в. н.э.), руины которого и сегодня можно увидеть около г. Симферополя в Крыму, [СИЭ, 1969: 955].

Согласно определению, принятому у древних греков и римлян, варварами (греч. *Barbaros*) назывались все чужеземцы, говорящие на непонятных языках и чуждые греческой и римской культуре. Это были германцы, славяне, иранцы, кавказцы и др. По периодизации, предложенной

Л.Г. Морганом (1818-1881), варварство – это средняя из трех эпох в истории человечества, которые определяются им как дикость, варварство, эпоха цивилизации, начинающаяся с изобретением письменности. Но здесь возникает вопрос: насколько «варварским» было скифское государство? В конце 60-х годов XX в. во время раскопок кургана Иссык (Казахстан) была обнаружена сакская серебряная чаша V в. до н.э. с горизонтальной надписью на внешней стороне. Надпись состоит из двадцати шести знаков, внешне напоминающих орхоно-енисейскую письменность, то есть древнетюркское письмо. Еще одна гипотеза связывает Иссыкское письмо²⁴ с *кхароштли* – письменностью, которая была распространена в Северной Индии и на юге Средней Азии (Бактрия, Согдиана) в III в. до н.э. – IV в. н.э. По всей вероятности эта письменность произошла от арамейского алфавита. Известный лингвист В.А. Лифшиц идентифицировал Иссыкское письмо как сакское. В то же время А.А. Формозов показал наличие элементов письменности у племен срубной культуры и у скифов на примерах семнадцати археологических артефактов – сосудах со знаками, обнаруженных в захоронениях срубной культуры. О значении этих знаков А.А. Формозов выдвигает три предположения. Согласно ему это может быть вид орнаментации сосудов, знаки типа тамг, или же это все – знаки письменности [Формозов, 1953: 193-200]. Расшифровка этих надписей затруднена из-за недостатка рассматриваемого материала. Известны и попытки скифов писать буквами греческого и арамейского алфавита. Сложно предположить, чтобы, имея развитую дипломатию, регулярно контактируя с народами, имеющими письменность, – от армян до египтян, подолгу служа наёмниками у грамотных эллинов и персов, выступая в качестве купцов на огромной территории, скифы обходились без письменности. У осетин есть слова для обозначения понятий «знак», «писать», «книга», причём эти слова довольно древние [Рахно, 2013: 124-130]. В нартовском эпосе Барастыр

²⁴ Именно так, по имени кургана Иссык обозначен ряд недешифрованных надписей, найденных на Памире и Тянь-Шане. – А.Ч.

пишет на спине героя и т.д. То есть косвенных признаков, свидетельствующих о наличии письменности у древних иранцев, более чем достаточно. Вряд ли Скифия с блестящим искусством звериного стиля была более отсталой, чем Персия, Бактрия и Согд, которые также были представлены как кочевым, мигрирующим, так и оседлым населением.

Скифы известны исторической науке гораздо лучше киммерийцев, прежде всего благодаря тому, что с VII в. до н.э. началась так называемая греческая колонизация варварских земель к востоку от Эллады, или проще говоря, процесс постепенного освоения греками Северного Причерноморья. На территории современных России, Украины, Абхазии и Грузии возникает ряд торговых городов-эмпориев²⁵ по обмену различными товарами с соседними варварами-скифами. На Бугском лимане возникла Ольвия, в восточной части Крымского полуострова появилось Боспорское царство со столицей в городе Пантикапей (Керчь), а в III в. до н.э. была основана самая северная колония греков в Восточной Европе – в устье реки Дон был заложен город Танаис. Появление античных городов в Циркумпонтийской зоне, наполненной иранством, имело решающее значение для дальнейшей эволюции скифской культуры по пути цивилизации. Греки стали описывать скифов, а историки даже считают, что Геродот побывал в Ольвии, где непосредственно общался со скифами [Петрухин, Раевский, 1998: 65], что дало ему возможность столь достоверно их описать. Геродотова «История» и по сей день является основным достоверным, заслуживающим внимания источником по скифам. Она дополнена великолепным изданием антологии античных свидетельств о народах Восточной Европы академика В.В. Латышева (Латышев, 1890-1906). Скифы в их взаимоотношениях с греками – содержание главного труда М.И. Ростовцева «Скифия и Боспор».

Достаточно хорошо известна и издана материальная культура скифов, представленная в археологических памятниках, главным образом в курганах. Стоит отметить монографии Б.Н. Гракова (Граков, 1971), Б.А. Рыбакова

²⁵ *Emporium* – греч. рынок. – А.Ч.

(Рыбаков, 1979), А.П. Смирнова (Смирнов, 1966), А.М. Хазанова (Хазанов, 1975). Из зарубежных изданий – А.Н. Потраца (Potrats, 1963) и Я.П. Лебединского (Lebedynsky, 2001).

Длительное время в территорию расселения скифов исследователи не включали Предкавказье, за исключением нижнего Прикубанья (Б.Н. Граков). Подобной постановке вопроса возражал Е.И. Крупнов [Крупнов, 1960: 10-13], который, при этом, ссылаясь на М.И. Ростовцева, писавшего: «Географические границы области господства этой (скифской) культуры до сих пор с точностью указаны быть не могут ... Основной характерной особенностью этой культуры на всем протяжении является смешанность составных ее элементов, притом не везде одинаковых. В состав её входят, прежде всего, разнообразные по местам элементы местной, так называемой доисторической культуры, в состав так называемой скифской культуры входят ещё и другие, менее важные и значительные, но, тем не менее, уловимые. К составу последних можно причислить некоторые культурные элементы свойственные, главным образом, Кавказу». «Иными словами, – резюмирует Е.И. Крупнов, – М.И. Ростовцев указывал на своеобразный смешанный характер археологических материалов далеких окраин скифской культуры» [Крупнов, 1960: 15]. Сегодня мы уже можем уверенно говорить о присутствии ранних скифов в Предкавказье, как «метрополии» [Петрухин, Раевский, 1998: 88] и исходный плацдарм для их «балцев»²⁶ в Закавказье. Последние раскопки курганов скифского времени, выполненные в степных районах Ставропольского края (могильники Новозаведенное, «Красное Знамя» и др.) экспедициями Ставропольского предприятия «Наследие» под руководством А.Б. Белинского, вскрыли скифские захоронения с невероятно богатым инвентарем. Автор раскопок, опытный археолог-скифолог В.Г. Петренко (ИА РАН) получила полевой материал такой информативной значимости, который может изменить целый ряд существующих концептов в действующей скифологии (см. Петренко, 2006; Петренко, Маслов,

²⁶ *Балц* – осет. поход. – А.Ч.

Канторович, 1998; Петренко, Маслов, Канторович, 2000; Канторович, Петренко, Маслов, 2007; Petrenko, 1994). Вполне возможно, что опубликованные результаты этих раскопок существенно обогатят скифологию.

Нельзя обойти вниманием и такую обширную тему, как «Скифская триада» (оружие, конская амуниция, художественный металл), хотя, исходя из формата диссертационного труда, мы сможем коснуться ее лишь условно. Заметим только, что шедевры скифской торевтики из ставропольских курганов VII-VI вв. до н.э. не уступают по своим содержательным и художественным достоинствам прославленным шедеврам из больших, «царских» (аристократических) знаменитых курганов Украины, Кубани, Дона (см. напр. Мозолевский, 1979; Анфимов, 1987, С. 45-88; Братинский, 1967 и др.). Считалось, что все художественное наследие из богатых скифских курганов было на высочайшем ювелирном уровне произведено в греческих мастерских в самой Греции или в мастерских Причерноморья и Боспора (об этом говорил и М.И. Ростовцев). Однако тщательное изучение археологического материала из кургана Толстая могила позволило известному археологу Б.Н. Мозолевскому прийти к выводу о местном, скифском производстве некоторых украшений, извлеченных из кургана Толстая могила, в том числе и известной пекторали [Мозолевский, 1979: 238].

Для осмысления темы принципиально важно подчеркнуть, что археологические открытия последних лет в курганах скифской эпохи Ставрополя меняют этнографию Скифии и картину начальных этапов иранизации Центрального Кавказа, разработанную археологом В.А. Кузнецовым в 1997 г. [Кузнецов, 1997: 153-176]. Так, в рамках своей концепции В.А. Кузнецов говорил о немногочисленности скифов в Предкавказье, особенно на раннем этапе. Сегодня эта концепция, пересматривается, несмотря на то, что материала для этого пока

недостаточно, а городища скифской эпохи, кроме Елизаветовского городища на Нижнем Дону VI-III вв. до н.э. [Болтунова, 1962: 79] изучены очень слабо.

Хронологические рамки расселения древних иранцев – скифских племен в степях Центрального Предкавказья сдвинуты на более раннее время, чем считалось прежде. В тоже время остаётся в силе уже принятое наукой положение об отсутствии племён скифов в горных ущельях срединной части Большого Кавказа. Такое положение, естественно, зависит от особенностей ландшафтной зоны: кочевник, привыкший к безбрежной, плодородной равнине, в горных теснинах чувствует себя неуютно. Любое замкнутое пространство представляется кочевнику опасностью, с которой он не в состоянии справиться. Кочевник никогда не стремился стать горцем, как, собственно, и случилось со скифами. Не случайно в ущельях Северной Осетии, Чечни, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачае нет ни одного собственно скифского памятника. Можно говорить об отдельных предметах, но нет крупных комплексов, что указывает на соседские, ареальные связи и некий культурный обмен.

Субстратные позднекобанские племена явно относились к тому доскифскому коренному населению, которое Н.Я. Марр называл яфетическим и, которое входило в Кавказскую группу языков. М.П. Абрамова отмечает, что в горах Центральных районов Северного Кавказа «вплоть до эпохи раннего средневековья продолжали обитать племена кобанской культуры, отличавшиеся в то время большим консерватизмом» [Абрамова, 1974: 3-28]. Известный украинский ученый Д.И. Багалея пишет: «В Северном Кавказе обращают на себя внимание бронзы его могильников (Кобанского, Чми, Кумбульты). Это стоит в связи с известием об аланах, и из меди изготовлявших оружие, называемое аланским. Интересны здесь золотые серьги из кольца прутиком, напоминающие таковые же салтовского могильника Харьковской губернии и серьги калачиком – тип, перешедший в древнюю Русь» [Багалея, 1914: 109].

Открытие в середине XIX в. памятников Кобанской культуры способствовало всплеску интереса к археологии как науке. Д.И. Багaley писал: «В Кобанском могильнике на Кавказе также найдено было значительное количество погребений. Могильник этот по характеру бронзовых изделий, по заметному греко-римскому влиянию относится к позднейшей эпохе – к концу бронзового века. Предметы вооружения сводятся к двум типам: топорам и коротким мечам; вещи эти отличаются изящной отделкой. Топоры, украшены варварской резьбой или в виде геометрического орнамента, или животного-изображениями оленей, барсов, лошадей, рыб и т.п... Фибулы составляют неременную принадлежность мужского и женского убора... Оригинальными предметами Кобанского некрополя нужно признать большие бронзовые пластинки, с крючками для укрепления, которые служили украшением пояса. Орнаментика на них тождественна с украшениями топоров. Выдаются по своим крупным размерам головные булавки, употреблявшиеся для погребального варварского убора» [Багaley, 1914: 43].

Кобанская культура происходит от северокавказской культуры эпохи бронзы, II тыс. до н.э. Она была субстратом для сармато-аланского суперстрата, наложившегося на кобанский этнический субстрат и ассимилировавший его. Языковая принадлежность носителей Кобанской культуры не установлена из-за отсутствия языкового материала. Согласно устоявшемуся в науке положению, кобанцы в генетическом плане не имеют отношения к иранцам. Кобанцы были носителями бронзовой металлургии, сложившейся в местный центр по производству из недавно открытого железа скифского меча-акинака и литых бронзовых наконечников стрел. Кобанская культура входила в состав крупной археологической производственной общности — Кавказской металлургической провинции, носители которой владели высоким уровнем металлургии и металлообработки. Их предшественники эпохи бронзы (II тыс. до н.э.) научились вести в горах своеобразную геологическую разведку, выявляли месторождения меди и

наладили производство бронзы. Кобанцы впоследствии продолжили эти традиции [Черных, 1966: 80-82, 90; Семиханов, 1972; Крупнов, 1960]. Мощный очаг кобанской металлургии эпохи раннего железа, соседивший со скифами Предкавказья, не мог не влиять на скифов и в этом контексте, безусловно, права В.Б. Ковалевская, высказавшая мысль о том, что кобанцы производили оружие для скифов (Ковалевская, 2005). Тем не менее, В.А. Кузнецов утверждает, что «говорить о заселении скифами горной зоны мы не имеем оснований» [Кузнецов, 2013: 19].

Известный археолог Б.В. Техов, представивший миру уникальный Тлийский могильник, который является ответвлением Кобанского, со ссылкой на результаты своих изысканий, утверждает, что значительная часть артефактов, извлеченных из более чем ста пятидесяти захоронений Тлийского могильника, насчитывающего свыше пятисот погребальных комплексов периода поздней бронзы и раннего железа, относятся явно к скифскому периоду. Это является косвенным подтверждением научной гипотезы, согласно которой во время своих походов в Переднюю Азию и Закавказье скифы, помимо Дербентского прохода, использовали, в том числе и Рукский, Дзомагский, Зикарский и другие переходы. Именно с этого времени в тлийских комплексах в возрастающем числе появляются предметы скифского периода: скифские железные акинаки с брусковидным навершием и бабочковидным или сердцевидным перекрестием, когтевидным навершием, а еще большее число захоронений содержало железные секиры типично скифского облика [Техов, 1995: 3]. «В некоторых захоронениях с акинаками найдены наконечники ножен (из бронзы и кости), украшенные в скифском зверином стиле. В трех захоронениях зафиксированы сопогребения наложницы с хозяином, в могилах оказались бронзовые наконечники стрел, и среди них скифский с боковым щипом, а в двух захоронениях были погребены с усопшими головы лошадей. В некоторых из этих захоронений выявлены костяные наконечники ножен кинжалов, изображающие головки грифов (погребения № 216 и № 246)» [Техов, 1995: 3]. «Все это

доказательства тому, что высоко в горах проживали племена ираноязычных скифов. ... Они обитали не только в регионе Тли, но в Дзомагском и Рукском ущельях, откуда также происходят скифские наконечники ножен, украшенные в зверином стиле. Много скифских предметов есть и в кобанских материалах», – утверждает Баграт Виссарионович [Техов, 1995: 3].

Наибольший интерес для исследователей представляют парадные пояса из широкой листовой бронзы, извлеченные из могильников в Кобани и Тли. Все пояса, датированные I тыс. до н.э., подвергались уникальной гравировке, и представляли собой своего рода летописный свод поздней бронзы и раннего железа. В контексте вышесказанного стоит обратить внимание на артефакт, извлеченный из скифского захоронения в Тли № 76. «Охотники на этом поясе изображены с луками сложной конструкции. Это характерный лук «скифского» типа в виде сигма, с ассиметричными плечами, перехватом в средней части, где его берут рукой и загнутыми наружными концами²⁷. Он сопоставляется с древнейшими скифскими луками, изображенными в руках у фантастических существ на ножнах мечей из Мельгуновского и Келермесского курганов. Нет сомнения в том, что на поясе тлийского захоронения № 76 художник-гравер передал охотничью сцену. В ту древнюю эпоху охота была связана с определенным пантеоном антропоморфных божеств, олицетворявших, главным образом, солнце, луну и звезды. На поясе можно видеть и другую, не менее важную сцену: возвращение из похода. Всадник захватил добычу, и повесил голову побежденного врага на уздечку коня. В захваченной у врага добыче имеются бык, козы, ослы, кабан, олени и даже птицы» [Техов, 1995: 3].

Такая деталь, как отсеченная голова, изображенная на поясе, вызывает соответствующие ассоциации, описанные в различных письменных источниках. Так, обычай подвешивания головы побежденного врага к уздечке коня существовал у скифов. Геродот сообщает следующее: «Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ведь только

²⁷ Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981. С. 19

принесший голову врага получает свою долю добычи, а иначе – нет. Кожу с головы сдирают следующим образом: на голове делают кругом надрез около ушей, затем хватают за волосы и вытряхивают голову из кожи. Потом кожу очищают от мяса бычьим ребром и мнут ее руками. Выделанной кожей скифский воин пользуется, как полотенцем для рук, привязывает к уздечке своего коня и гордо щеголяет ею. У кого больше всего таких кожаных полотенец, тот считается самым доблестным мужем. Иные даже делают из содранной кожи плащи, сшивая их, как козьи шкуры» [Геродот, 1993: 202].

«Сцена, помещенная на тлийском поясе, полностью соответствует рассказу Геродота, что является важнейшим моментом подтверждения сообщения письменного источника археологическим материалом. Художник-гравер своим трудом оставил яркий памятник, о значении которого он даже не помышлял. Рассмотренным изображением он твердо подтверждает, что такие погребальные памятники, как Кобанский и Тлийский могильники были оставлены ираноязычными племенами – скифской общностью, проживавшими на территории Центрального Кавказа, и занимавшимися развитием своей материальной и духовной культуры. Не зная еще письменности, с помощью гравировки они оставили потомкам великолепные предметы бронзовой и железной металлургии, а главное они оставили первоклассные свидетельства о своем быте и хозяйственной деятельности» [Техов, 1995: 3]. По сведениям Аммиана Марцеллина такой обычай существовал и у аланов. «Ничем они так не гордятся, как убийством человека, и в виде славного трофея вешают на своих боевых коней содранную с черепа кожу» [Марцеллин, 2000: 336]. В осетинской Нартиаде Сослан убивает уаига Елтагана только лишь из-за того, что у того были золотистые волосы, которые Сослан использовал на воротник своей шубы. Нарт Сослан просит скроить ему шубу из скальпов убитых им врагов. В скальпах швеи узнают головы своих близких (отца, брата, мужа) [Нарты, 1989: 108].

Известный исследователь скифской истории и культуры В.А. Ильинская рассмотрев комплекс скифского захоронения № 76, писала: «Б.В. Техов первый сопоставил эти изображения (имеются в виду изображения воинов-охотников на бронзовом поясе из Тли) со скифами. Очевидно, определение, данное Б.В. Теховым, является единственно правильным. В этом убеждает нас не только такая (приведенная задолго до времени Геродота) деталь, как отрубленная голова врага, подвешенная к конской узде, но и ряд других элементов: бородатые и длинноволосые головы воинов, специфичная форма скифского лука, одежда, туго перетянутая поясом, и, наконец, особый прием изображения обнаженного фаллоса при одетой и вооруженной фигуре – прием, который является наиболее обычным на скифских каменных стеллах» [Ильинская, 1982: 44]. Из вышесказанного следует, что ираноязычные скифские племена все же присутствовали не только в степях Предкавказья, но и в горных ущельях Центрального Кавказа.

В контексте озвученной темы стоит добавить некоторые разъяснения и о скифском языке. Академической наукой доказано, что язык скифов – это объединение группы родственных наречий, относящихся к иранской группе индоевропейской языковой семьи второй половины I тыс. до н.э. Она же установила, что осетинский язык является непосредственным продолжателем одного из скифо-сарматских наречий [Основы ... , 1979: 275], что «одно из скифских наречий легло в основу осетинского языка» [СИЭ, 1982: 1229]. Открытие европейской наукой в XVIII в. на Кавказе народа Кавказского облика, но говорившего не на кавказском, а иранском языке, привлекло внимание исследователей к осетинам, что и привело к блестящему открытию Юлиуса Клапрота, отождествившего осетин со средневековым народом алан [Klaproth, 1829: 328-340], т.е. иранцев, что и было установлено в 1866 г. известным германистом, профессором немецкого языка и древностей К.В. Мюлленгофом по ономастическим данным у понтийских скифов и сарматов [Mullenhoff, 1866: 549-570]. Эти сведения стали в Европе

энциклопедическими [Paulus, 1890: 1283], в русской же науке этот вопрос был всесторонне исследован академиком В.Ф. Миллером [Миллер, 1881; Миллер, 1913: 80-95], вследствие чего и стала общеизвестна истина об ираноязычии скифов и их потомков алан. Окончательный бесспорный факт этноязыкового и иранства и преемственности скифо-сармато-алан по языку установлен трудами В.И. Абаева на основании реликтовых остатков скифского языка [Абаев, 1949: 147-247; Абаев, 1979: 272-365]. В.И. Абаев писал: «Тем не менее, в каждом разделе нашего очерка – лексике, фонетике, словообразовании – мы получили некоторую сумму положительных, твердых и бесспорных данных, которые не могут быть поколеблены никакими будущими изысканиями и открытиями. Эти данные характеризуют скифский язык как иранский язык, обладающий чертами своеобразной и хорошо выраженной индивидуальности. Из всех известных иранских языков он ближе всего к осетинскому. Эта близость настолько ярка, и отмечена такими чертами преемственности, что скифский и осетинский языки могут рассматриваться как две ступени развития одного и того же языка». [Абаев, 1949: 239]. И далее: «Споры о иранстве и неиранстве скифов и сарматов, основанные на единичных и случайных фактах и толкованиях, надо считать отошедшими в прошлое» [Абаев, 1979: 273]. Известный французский мифолог, исследователь, в том числе и скифского эпоса и осетинской мифологии, Ж. Дюмезиль писал следующее: «Уже полтора века известно, что скифы исчезли не бесследно: их последними потомками являются через алан кавказцы-осетины. Оба диалекта осетинского языка – иронский и несколько более архаичный дигорский – произошли от скифского также, как итальянский и испанский произошли от латинского» [Дюмезиль, 1990: 7]. В данном контексте нельзя не упомянуть и о построении д'Оссона [d'Ohsson, 1828: 180] и К. Ганна [Hann, 1911: 178] об осетинах, как части готов, т.е. германцах, что является историографическим казусом.

Чтобы показать неугасающий интерес к историческим проблемам живого осетинского (скифо-сармато-аланского) языка в мировой науке

необходимо отметить две значимые публикации – венгерскую Я. Харматты²⁸ и немецкую Г. Гумбаха²⁹ [Humbach, 1969], Библиографию вопроса можно существенно расширить, к примеру, работами Л. Згусты 1987 [Zgusta, 1987], А.И. Иванчика [Иванчик, 2009] и С.В. Кулланды [Кулланда, 2013: 122-129].

Ни один древний народ не сошел со сцены истории бесследно. Скифы вошли в историю мировой цивилизации не только благодаря созданному ими знаменитому «звериному» стилю в прикладном искусстве, но и тем, что заложили основу под будущие сказания о своих героях – могучих нартах, защитниках легендарной страны Нартов. Именно тогда и родились сказания о нартовских воителях, живших в степях близ Черного моря. Тогда же, примерно в VII-V вв. до н.э. началась циклизация сказаний, итогом которой было становление нартовского эпоса – гордости осетинской духовной культуры. Александр Блок писал: «Вообще события всемирной истории должны быть представлены в свете того поэтического чувства, которое делает весь мир близким и знакомым и тем более таинственным и увлекательным» [Блок, 1962: 240]. Древнеиранское культурное наследие скифов именно таким и является. Таинственно-увлекательным.

Последний раз скифы в письменных источниках упоминаются в III в. до н.э. [Петрухин, Раевский, 1998: 100]. С этого времени «Начинается стремительный её (Скифии – А.Ч.) закат и в истории юга Восточной Европы открывается новая, сарматская эпоха» [Петрухин, Раевский, 1998: 100]. Савроматы (ранние сарматы) – родственные скифам ираноязычные кочевые племена скотоводов, жившие восточнее скифов, в степях Поволжья и южного Приуралья в VII-IV вв. до н.э. Объединение этих племен стало называться сарматами. В III в. до н.э. они вытеснили скифов из Северного Причерноморья. М.И. Ростовцев считал савроматов отдельным племенем Приазовья, сокрушенным нашествием новых сарматских орд [Ростовцев,

²⁸ Harmatta J. Studies in the Language of the Iranian Tribes in South Russia (Magyar-Görög Tanulmányok, 31). Budapest, 1952

²⁹ Helmut Humbach and Kaikhusroo M. Jamaspasa (ed. and tr.): *Vaeθā Naslc: an apocryphal text on Zoroastrian problems*. 75 pp. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1969. DM 18.

1918: 43, 164], однако ведущий сарматовед СССР К.Ф. Смирнов полагал, что савроматы это группа кочевых племён VIII-VII вв. до н.э., мигрировавших из Заволжья, Южного Приуралья, и сформировавшаяся из потомков племён степной бронзы [Смирнов, 1964: 3]. Со времён В.Ф. Миллера (конец XIX в.) в языкознании господствует упомянутая теория об ираноязычии как скифов, так и сарматов [Абаев, 1949: 14; Камболов, 2006: 129-142]. Совмещение скудных данных языка сарматов с археологическим материалом позволило установить неслучайность ряда совпадений. Со специальным, первым по этой теме трудом выступил «выдающийся исследователь скифских и сарматских древностей» М.И. Ростовцев [Степи европейской части СССР, 1989: 158]. Этот комплексный, синтетический труд позволил доказательно продемонстрировать на курганных захоронениях Оренбургской области иранское происхождение артефактов. Археолог-сарматовед М.Г. Мошкова (ИА АН СССР) пишет о труде М.И. Ростовцева следующее: «Необычайная интуиция ученого позволила ему на очень малом тогда материале заложить основы хронологии и периодизации сарматских памятников» [Степи европейской части СССР, 1989: 158]. Но вслед за этим М.Г. Мошкова вносит в труд М.И. Ростовцева свои вполне обоснованные коррективы: «М.И. Ростовцев категорически отрицал генетическую связь геродотовских савроматов и сарматов позднего эллинизма и Римского времени. Все исследованные им памятники он приписал сарматам преимущественно ранним. Подчеркивая при этом пришлый «иранский» характер их культуры. Разновременность выделенных им групп он объяснял последовательными сарматскими волнами» [Степи европейской части СССР, 1989: 158].

Как уже было сказано ранее, скифская культура Северного Причерноморья угасла в начале III в. до н.э. Эта дата совпадает с датой появления в Причерноморье могил прохоровской культуры ³⁰ ,

³⁰ Сарматская культура (прохоровская) - археологическая культура степей Евразии IV-II веков до н.э., для которой характерен комплекс курганов у села Прохоровка Шарлыкского района Оренбургской области, раскопанных С.И. Руденко. М.И. Ростовцев датировал прохоровские курганы IV-III веками до н.э. и связал с восточными соседями скифов - сарматами (савромато-сарматская общность). В 1927-1929 годах

демонстрирующих расширение ареала этой культуры на Запад – Северо-Запад. Возникает вопрос о миграции прохоровцев в упоминавшуюся выше циркумпонтийскую зону, а это, скорее всего, есть движение сарматских племен на запад. Греческий историк Диодор Сицилийский (90-21 г. до н.э.) говорит о нашествии на Скифию, и ряд археологов ставят вопрос именно о сарматах (напр.: Смирнов, 1964: 5; Сулимирский, 2007: 11). Т. Сулимирский, описывая этот процесс, отмечает: «Поводом для больших войн могли послужить голод или какие-то внешние факторы, заставлявшие целые племена захватывать новые пастбища, вытесняя своих соседей и вызывая дальнейшее перемещение народов. Так различные сарматские племена, подталкиваемые своими восточными соседями, последовательно переселялись в степи Причерноморья и далее на запад, уступая напору следующей волны переселенцев» [Сулимирский, 2007: 11]. Итак, основной причиной гибели Скифии являлись сарматы, хотя некоторые авторы ссылаются и на другие причины, в частности, на изменение климатических условий. В.И. Гуляев отмечал: «К краху Скифии привел целый ряд неблагоприятных факторов и явлений: ухудшение климата и, как результат, усыхание степей, длительное вытаптывание травяного покрова многочисленными стадами скота, упадок экономических ресурсов населения» [Гуляев, 2005: 153]. Способствовали распаду Скифии и борьба центростремительных и центробежных сил, образовавшихся после смерти скифского царя Атея³¹, который погиб в битве с Филиппом II Македонским [Гуляев, 2005: 153].

Преемницей Великой Скифии стал ряд государственных образований, расположенных на окраинах ее некогда обширной территории: Малая Скифия или Тавроскифия в Крыму, Малая Скифия в Добрудже, Ишкуза ассиро-вавилонских и урартских источников в Закавказье и районе озера

Б.Н. Граков объединил археологические памятники Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, аналогичные прохоровским, в прохоровскую (савромато-сарматскую) ступень и датировал её IV-II веками до н.э.

³¹ Атей (*Atheas*; ок. 429 года до н. э. - 339 год до н. э.) - один из наиболее выдающихся царей Скифии. Погиб в битве с Филиппом II Македонским, по преданию, в 90-летнем возрасте.

Урмия и её преемница Сакашена в составе мидо-персидских царств, индо-скифские царства эллинистического периода на территории Согдианы, Бактрии, Арахосии, Кашмира, Раджастхана, Пенджаба и Гуджарата. И все же в контексте исследуемого вопроса нас интересует, прежде всего, Малая Скифия.

По свидетельству Страбона, в I в. н.э. «вся эта страна, а также почти вся область за перешейком до Борисфена называлась Малой Скифией. Однако из-за того, что множество людей из Малой Скифии переправлялось через Тирас и Истр и поселялось в той стране, значительная часть Фракии была также названа Малой Скифией, тем более, что фракийцы уступили пришельцам, отчасти подчиняясь силе, отчасти из-за плохой земли, так как большая часть страны болотиста» [Страбон, 1964: 284]. Центром нового образования стал Херсонес. В III в. н.э. Малая Скифия была сокрушена нашествием германского племени готов. Характерно, что во время похода готов 275 г. в малазийские провинции, одним из предводителей похода, по свидетельству Моисея Хоренского, был некий Ардашир³². А.М. Ременников и В.П. Буданова считают это имя не готским, а алано-сарматским [Ременников, 1964: 133; Буданова, 1990: 102], что вполне допустимо. Согласно Юлию Капитолину римский император Максимин Фракиец³³ «был родом из фракийского посёлка, находившегося на границе с варварами; варварами же были его отец и мать, из которых первый был из страны готов, а вторая из племени аланов. Говорят, что имя отца было Микка, а матери Габиби» [Буданова, 1990: 79]. Вполне возможно, что именно здесь и надо искать причину появления германо-осетинских изоглосс.

Благодаря успехам отечественной археологии (В.А. Городцов, Н.И. Веселовский, М.И. Ростовцев), сарматская проблема разработана удовлетворительно и ознаменована блестящими открытиями и

³² Помимо прочего имя Ардашир тесно ассоциируется с именем основателя Сасанидского Ирана шахиншаха Ардашира Папакана (ок. 180-241).

³³ Гай Юлий Вер Максимин Фракиец (лат. *Gaius Iulius Verus Maximinus Thrax*; 173 - 10 мая 238) - римский император с 20 марта 235 по 22 марта 238 года, первый «солдатский император», и первый император, поднявшийся до этого положения из самых низов. Выделялся огромным ростом и физической силой.

фундаментальными трудами. Бесспорен и велик вклад в науку К.Ф. Смирнова, которого, без сомнения, можно считать лидером советского сарматоведения. Весьма значителен вклад в сарматоведение М.Г. Мошковой (1973), М.П. Абрамовой (1959), В.Г. Петренко (1983), В.Б. Виноградова (1963), И.С. Каменецкого (1993), А.В. Симоненко (1991) и др. В последние годы сложились научные коллективы из нового поколения археологов, в том числе сарматоведов, в Крыму, Подонье, Поволжье, в Краснодаре, Ставрополе, Грозном, Владикавказе, Махачкале.

Античная письменная традиция не оставляет никаких сомнений в том, что греки использовали термин «сарматы» как обобщенное наименование ряда крупных племенных объединений языгов, роксолан, сираков, аорсов. Согласно определению Страбона (I в. н.э.), сираки живут по течению Ахардея³⁴, «который вытекает с Кавказских гор и впадает в Меотиду» [Страбон, 1964: 480], а аорсы – по течению р. Танаиса – Дона. Аорсы-танаиты делятся на нижних, локализующихся южнее Танаиса, и верхних, которые живут севернее Танаиса. Эти племена родственны друг другу, языковые расхождения наблюдаются на уровне диалектов, однако политического единения меж ними нет, что четко показала война между сираками и аорсами в 49 г. Однако в I в. н.э., с выходом на сцену истории алан ситуация кардинально изменилась. Обозначилась тенденция к созданию военно-политического объединения всех сарматских племен юга России под эгидой алан, на основе аланской доминации в численности, боевой выучке, сплочённости, власти дружинных вождей («вождизм»). В этом смысле показательным фактом может быть богатый комплекс вещей из кургана близ Азова с великолепным золотым фаларом с бирюзовыми вставками, браслет и парадный кинжал в ножнах из *красной* (выделено мной – А.Ч.) кожи, датированный I в. н.э. [Беспалый, 1992: 175-190, рис. 11-12]. Автор раскопок датирует курган временем первого проникновения алан на Нижний Дон.

³⁴ Ахардей обычно отождествляют с рекой Маныч. Маныч - река в Калмыкии, Ставропольском крае и Ростовской области, левый приток Дона.

Курган представляет собой могилу молодого аланского воина-дружиинника, вероятно представителя воинской элиты, хорошо известной по аланским катакомбным могильникам Кисловодской котловины (по Д.С. Коробову «Знатные воины» до VIII-X вв.), [Коробов, 2003: 276-279], или «алдары» в осетинском языке. Интересно, что ножны кинжала были обтянуты красной кожей, что, возможно, маркирует социальный статус погребенного. Подобная находка Е.И. Беспалого – не единственная в аланских древностях. Здесь кстати будет упомянуть красный сафьяновый чукяк из погребения 4 скального могильника VIII-IX вв. «Мощевая Балка» в ущелье р. Большая Лаба [Иерусалимская, 2012: 229, 230, ил. 137]. Дело в том, что в Византии красный цвет на дорогой одежде и обуви символизировал принадлежность к высшей аристократии вплоть до императора (см. – Константин VII Багрянородный или Порфирородный – А.Ч.). Еще одна традиция уводит нас в глубокую древность. Е.Е. Кузьмина считает, что издревле у индоиранских народов каждая цветовая символика соответствовала статусу, который человек занимал в индоевропейской социальной иерархии. Так, белый цвет одежды соответствовал брахманам, а красный был символом махараджей и кшатриев, то есть правителей и воинов [Кузьмина, 1994: 162]. Деление «по цветам» наблюдалось и в сакском обществе, в котором каждому сословию соответствовали определенные, традиционные цвета. Скотоводам соответствовал синий цвет, земледельцам желтый, а жрецам – белый. Цветом же воинов, вождей и царей был красный. Более того, царь у саков считался посредником между небом и землей [Локотионова, 2005: 99]. Конечно, вряд ли только лишь цвет обуви или ножен может служить доказательством высокого социального статуса погребенного воина, но в совокупности с богатством прочего инвентаря, привезённые из Азова дорогие предметы дают нам право отождествить этот курган с военной аристократией самой ранней волны аланских переселенцев на Дон. Возникает вопрос: как они могли оказаться там? Если рассуждать обобщенно, то вполне возможно, что

они прибыли туда с территории степей Заволжья и Южного Приуралья, то есть ареала прохоровской археологической культуры.

Центром притяжения массовой сарматской миграции на запад, наряду со сменой кормовой базы для скота, было изначально тяготение к эллинским городам-эмпориям, расположенным, как правило, на берегу моря, с возможностью дальней оптовой торговли. Греки первое время считали Черное море «негостеприимным» (Понт Аксинский). «Черное море ... после восхитительных видов Фракийского Босфора, Эгейского моря и Геллеспонта производило тяжелое, гнетущее впечатление на обитателей греческого мира. Частые и сильные бури, делавшие плавание по нему небезопасным, густые туманы, северные ветры, отсутствие хороших гаваней и островов – все это говорило не в его пользу и давало грекам полное право называть его негостеприимным» [Багалеи, 1914: 47]. С VII в. до н.э., после основания ионийцами колоний практически по всему побережью, море стало Эвксинским, то есть «гостеприимным»³⁵. Английский историк Е. Миннз пишет о греческой колонизации Северного Причерноморья следующее: «С милетскими мореплавателями дело обстояло иначе. Плавание по Эвксинскому Понту оставалось опасным, но опасности были известны и риск осознан... Однако это торговля зависела от установления регулярных сношений, которые могли быть обеспечены только путем основания факторий» [Иессен, 1947: 53]. Как считал М.И. Ростовцев, главными товарами для греков были рабы скифов и рыбные богатства, особенно в Меотиде [Ростовцев, 1918: 136, 77, 78]. В проливе Боспор Киммерийский (совр. Керченский) в V в. до н.э. на его Крымском берегу возник город Пантикапей – центр Боспорского царства (V в. до н.э. – IV в. н.э.). Боспорское царство объединило греческие города Феодосия, Фанагория,

³⁵ Древнегреческое название моря — Понт Аксинский (др.-греч. *Πόντος Ἀξίνος*, «Негостеприимное море»), встречается и название «Скифское». В «Географии» Страбона (7.3.6) предполагается, что такое название море получило из-за трудностей с навигацией, а также диких враждебных племён, населявших его берега. Однако скорее всего греки восприняли местное скифское название моря, представлявшее рефлекс др.-иран. **axšaina* — «тёмно-синий», «тёмный», соотносящееся с его нынешним названием, и переосмыслили его по созвучию с греческим словом «негостеприимный». Позднее, после удачного освоения берегов греческими колонистами, море стало называться Понтом Эвксинским (*Πόντος Εὐξένος*, «Гостеприимное море»).

Горгиппия и др. под властью династий Археанактидов (480-438 гг. до н. э.). С конца II до н. э. по IV в. н. э. Боспорское царство состояло в вассальных отношениях с Римом – его войска находились на Боспоре [Ростовцев, 1900: 140-158]. В конце IV в. Боспорское царство было сметено гуннами.

Боспор был важен для Рима как стратегический плацдарм на границе двух континентов – Европы и Азии, разделенных рекой Танаис, двух миров – иранства и тюркского мира, двух культур – эллинизированного иранства и тюркского варварства. На понтийской и прикавказской территории в I-II вв. произошла такая глубокая иранизация, что пришлось в начале III в. н.э. на Таманском полуострове (Азиатская часть Боспорского царства) создать штат переводчиков. В надписи на каменной плите, увенчанной знаком боспорского царя Савромата II, говорится и о некоем Ираке, сыне Понтика, носившего титул «главный аланский переводчик» [Шкорпил, 1911: 112-114].

Нельзя не упомянуть и статью В.И. Абаева «Сармато-боспорские отношения в отражении нартовских сказаний» [Абаев, 1958: 369-380], из которой следует, что Нартиада – это не только народный эпос, но и исторический источник того синтетического жанра, который В.А. Кузнецов назвал «археология фольклора». В.И. Абаев убедительно показал борьбу между собой нартских родов, а героем сказаний является алдар (князь) по имени *Кафты-Сар-Хуандон-алдар*, то есть «Глава-рыб-Владелец-пролива», он же «Черноморский алдар», который не является нартом. «Нарты» здесь – псевдоним сармато-аланских племен. В.И. Абаев, безусловно, прав, считая *Кафты-Сар-Хуандон-алдара* боспорским царем. Под проливом же, вполне естественно, подразумевается Боспорский пролив. Отметим, что статья В.И. Абаева показывает действительную картину сармато-боспорских отношений глазами самих сармато-алан, сквозь призму Нартиады. Этот факт представляется показательным примером «археологии фольклора», то есть отражения исторических событий в устном народном творчестве.

В конце IV в. началось нашествие на Юго-Восточную Европу нового и очень опасного врага – гуннского племенного объединения. Гунны –

племенной союз древних тюрков. В 372 г. они переправились через Волгу и напали на алан-танаитов, а в 375 г. сокрушили племенное объединение остготов Германариха³⁶. Именно тогда и началось Великое переселение народов³⁷, ознаменовавшее собой окончание двухтысячелетнего господства мира древних иранцев на юге Восточной Европы. Часть алан, очевидно донских, присоединилась к гуннам и вторглась с ними в Западную Европу. Американский историк русского происхождения Г.В. Вернадский, которому посвящена одна из глав этой работы, писал, что аланы в гуннском нашествии играли роль авангарда [Vernadsky, 1944: 131]. Гуннам посвящена также неустаревшая монография А.Н. Бернштама «Очерк истории гуннов» [Бернштам, 1951].

Общая картина будет неполной без краткой справки об археологических материалах, представляющих культуру ранних алан в I-IV вв. н.э. – того времени, когда поздние сарматы – ранние аланы стали играть доминирующую роль в Боспорском царстве. Особенно активно интеграция сарматов в население Боспора происходила в III–IV вв. н.э. Усиление влияния варварских элементов проявлялось в изменении характера погребального обряда, к примеру, в устройстве земляных склепов – катакомб, в обычае класть в могилы зеркала и хоронить с покойником его боевого коня. Широко распространяется сарматский язык и возможно возникновение билингвизма-двуязычия [Кругликова, 1966: 153]. С III-II вв. до н.э. по IV в. н.э. появляются так называемые загадочные сарматские знаки символического, гербового характера, (Соломоник, 1959, Рис, IV; Драчук, 1970, ч. 1 и 2; Драчук, 1975; Яценко, 2001). Значение этих знаков до сих пор

³⁶ Германарих или Эрманарих - король остготов в IV веке, из рода Амалов. Во главе готов-грейтунгов подчинил германские племена тайфалов, герулов и др., кроме вестготов, а также племена Северного Причерноморья. Государство Германариха пало под натиском гуннов в 370-е годы. По сообщению Амиана Марцелина, покончил жизнь самоубийством, не в силах противостоять гуннам.

³⁷ Великое переселение народов - условное название совокупности этнических перемещений в Европе в IV-VII веках, главным образом с периферии Римской империи, инициированное вторжением гуннов с востока в середине IV в. н.э. Одним из ключевых событий был климатический пессимум раннего Средневековья, начавшийся в 535 году н.э., но катализатором миграций стало завоевание Европы гуннами за 160 лет до этого события.

не раскрыто, но эта символика древнеиранского, сарматского мира, представлена в этнографии северо-кавказских горцев XIX-XX вв., как тамги.

В Центральном Предкавказье в указанный период картина была иная. Если Подонье, Боспорское царство, Тамань и берега Меотиды были плотно заселены сарматскими племенами, то здесь наблюдается явный перекоп в отношении изученности сарматских древностей первых веков н.э. в более удаленных районах. Эти районы в представленный период изучены хуже, что говорит о недостаточности материалов по археологии Северного Кавказа первых веков н.э., находящихся в научном обороте.

Раннеаланскому периоду Северного Кавказа посвящено немало как полевых раскопочных работ, так и отдельных монографических трудов, содержащих ценную информацию. В рамках заявленной темы нет необходимости анализировать весь массив информации, наработанный в разное время большим количеством ученых-археологов, работавших непосредственно на раскопках. Мы ограничимся использованием крупных сводных публикаций, способных дать общую перспективу по проблеме иранизации – сарматизации Центрального Кавказа в свете концепции «Эллинство-иранство» М.И. Ростовцева. Таких монографий четыре: М.П. Абрамовой (Абрамова, 1993), Т.А. Габуева (Габуев, 1999), Ф.Х. Гутнова (Гутнов, 2001) и А.А. Туаллагова (Туаллагов, 1997). Основным источником нашей информации по теме послужит монография М.П. Абрамовой, 1993 г., поскольку она написана на анализе большого археологического материала, преимущественно из раскопок самой М.П. Абрамовой. В монографии М.П. Абрамовой отмечено, что население центральных районов Предкавказья сарматского времени III в. до н.э. – IV в. н.э. по своей культуре заметно отличалось от населения более восточных районов (Дагестан) и от населения Северо-Западного Кавказа (меоты Прикубанья).

Во введении автор пишет: «Материалы этого времени представляют значительный интерес, поскольку они не только освещают определенный период в истории северо-кавказских племен, но и служат основой для

решения целого ряда более широких вопросов, в частности вопросов этногенеза осетин: по общепринятой точке зрения в этногенезе осетин участвовали раннесредневековые аланские племена Северного Кавказа; появление же алан на Кавказе относится именно к сарматскому периоду. Решение этого и других вопросов, касающихся взаимоотношений кочевых и оседлых племен, требует в первую очередь рассмотрения материалов памятников равнинных и предгорных районов, где происходили прямые контакты этих двух групп населения» [Абрамова, 1993: 5].

Это фундаментальное, научно-актуальное положение исследования М.П. Абрамовой, полностью соответствует той парадигме этногенеза осетинского народа, которая доминирует в академической науке РАН и получает постоянные научные подтверждения. Но кто же были эти «оседлые племена»? На этот вопрос не смогла ответить и известная Всесоюзная сессия 1966 г., посвященная этногенезу осетинского народа. Б.В. Техов считает, что «Аланские племена, выделившись из сарматского племенного объединения и обосновавшись на территории Центрального Кавказа, слились с родственными им по языку и культурной традиции племенами древних индоиранцев, живших здесь в течение веков. И лишь по этой причине могло произойти скорее естественное слияние двух этнических массивов – они, эти племена были ираноязычными: этническое, культурное и языковое родство способствовало их быстрой «адаптации», их слиянию в один этнос» [Техов, 1995: 3].

В 1971 г. в г. Орджоникидзе СОАССР прошла конференция по проблеме аланской археологической культуры, на которой с основным докладом выступил известный сарматовед К.Ф. Смирнов. Суть доклада – соотношение сарматских катакомбных могильников Приуралья и Поволжья и северокавказских. Катакомбы в Предкавказье появились с приходом сюда сарматов. Картографирование сарматских катакомб позволило К.Ф. Смирнову предположить, что они наиболее характерны для погребального обряда аорсов [Смирнов, 1972: 75-77]. Большинство

причастных к этой дискуссии археологов признали выводы К.Ф. Смирнова убедительными [Керэфов, 1985: 224-226]. М.П. Абрамова сообщила, что к началу XXI в. в Предкавказье ею учтено 510 комплексов сарматского времени, как грунтовых, так и курганных [Абрамова, 1993: 12-13]. Этот обширный материал позволил М.П. Абрамовой делать достаточно обоснованные выводы и обобщения.

Выше уже были озвучены некоторые вопросы общего характера, связанные с проблемой истории древнего иранства Юго-Восточной Европы. Это – вопросы хронологии территории расселения древнейших арийцев *Аирйанэм-Ваэджа* в Северном Причерноморье и Предкавказье, скифов в Большой и Малой Скифии, в Предкавказье, расселение савроматов и вытеснение скифов, Боспорское царство и его роль для скифов и сарматов, сарматизация и эллинизация соседствующих этносов на Боспоре и Танаисе, сарматские племена роксоланы, сираки, аорсы, их объединение в I в. под эгидой алан и т.д. В последующих главах диссертации мы вновь будем возвращаться к истории вопроса, но уже в свете взглядов ученых, которые имели непосредственное отношение к изучению древнего иранства Восточной Европы. И, конечно же, все эти вопросы глубоко интересовали М.И. Ростовцева и Г.В. Вернадского, которые искали истоки, предтечу славянства в удивительном синтезе иранства и эллинства, зародившегося в южнорусских степях, и Северном Причерноморье. Обзор и критический анализ работ этих без преувеличения великих русских ученых были выделены в отдельные, соответствующие их научной значимости главы диссертационного труда.

1.2. От античности до конца XIX столетия.

Проблема этногенеза древних иранцев

История древних народов всегда была прикрыта завесой тайны. Многочисленные исторические источники, рассказывающие о жизни, быте и

культуре царств, народов и кочевых племен древности не всегда отличались конкретикой, полнотой и точностью описываемых фактов. Поэтому исследование истории и культуры номадов, как правило, сопровождалось определенными трудностями. Порой, чтобы собрать мозаику этногенеза того или иного народа приходилось по крупицам сопоставлять различные данные, находящиеся в плоскости культуры, истории, географии, археологии, этнологии, топонимики, антропологии и даже мифологии. Однако и в этом случае многое из прошлого кочевых народов при наличии противоречащих друг другу источников можно было интерпретировать по-разному.

Аланы – ираноязычные кочевые племена, всегда будоражили воображение исследователей. Одно из могущественных племенных объединений древности, они оставили значительный след в истории, военном деле, культуре не только в ареале своего формирования – южнорусских степях, но и на территории Европы, в истории и культуре раннего средневековья только зарождающейся западноевропейской цивилизации, куда под мощным натиском гуннов, большая часть их была вынуждена мигрировать. Оставшиеся же, освободившись в конце IX – начале X в. от зависимости хазар, образовали на Северном Кавказе и в Предкавказских степях средневековое государство Алания, которое пало под нашествием монголов в 1230-х гг.

Военное дело римлян, катафрактарии, предания о короле Артуре, многочисленная гидро и топонимика, аланские боевые псы и аланские лошади – это лишь малая часть обширного аланского наследия Европы. Многие артефакты, свидетельствующие о разных периодах истории алан, затерялись во времени, а другие ждут своего часа в различных европейских архивах. Также вполне возможно, что нас еще ожидают открытия в области археологии. Однако, исторический материал, как источниковый, так и археологический, который сохранился до наших дней, достаточен для того, чтобы свидетельствовать о той важной роли, которую играли средневековые аланские племена в общекавказской и европейской истории. Ярким

примером этому могут служить мифы и предания о происхождении европейцев. Так, подчеркивая значимость аланского наследия в Западной Европе, и влияния алан в целом на раннюю европейскую культуру, Б. Бахрах в своей работе «Аланы на Западе» ссылается на средневековую армориканскую легенду, согласно которой родоначальником Европы был Аланус [Бахрах, 1993: 97]. Продолжая тему, известный археолог В.Б. Ковалевская отмечает, что «характеризует отношения древних авторов к аланам тот факт, что автор составленной в IX в *Historia Brittonum*, Ненний, эпонимом (родоначальником) Европы называет Алана (Аланус), вводя его в библейский генеалогический ряд» [Ковалевская, 1992: 74]. Согласно преданию, этот персонаж был сыном Яфета, внуком Ноя, и являлся предком бретонцев, бургундов, готов, франков, вандалов и т.д. Второе предание провозглашает Аллануса предком бретонцев, возводя его к Энею из Трои и к Яфету [Лебединский, 2016: 172].

Однако, в условиях постоянно меняющейся политической конъюнктуры, уже тогда, в ту давнюю эпоху, предпринимались попытки переписать историю, и даже интерпретировать мифологию в интересах вновь возникающей элиты социальной структуры. Политические реалии любого времени требовали соответствующего мифологического сопровождения. К примеру, процесс замалчивания или искажения роли сармато-алан в исторических процессах в Европе начался в период, когда само название Алан громко звучало на всем континенте. И неизвестно чего в этом звучании было больше по отношению к аланам – страха, ужаса, ненависти или восхищения. Французский ученый Я. Лебединский отмечает, что «роль алан несомненна в истории Галлии в период Великого переселения народов, именно в решающую эпоху перехода от Галлии римской сначала к римско-варварским королевствам, а затем и меровингской Франкии. Безоговорочна и их культурная экспансия на страну, которая впоследствии должна была называться Францией, а аланы (пусть даже в малой пропорции) входят в число предков французов» [Лебединский, 2016: 187, 188]. Впоследствии во

французской исторической традиции роль алан стала замалчиваться. Они не только оказались в забвении французской исторической памяти эпохи Великого переселения народов [Лебединский, 2016: 89], но и стали народом, история которого подвергалась безжалостному искажению. Согласно В.Б. Ковалевской, дальнейшее «игнорирование роли Алан в истории Западной Европы связано с Франкской исторической традицией, начиная с Фредегара, который имя Алан заменил на Франка» [Ковалевская, 1992:74]. В «Книге истории франков»³⁸ говорится, что франки получили свою независимость от Рима, или были освобождены от дани в награду за победу над аланами, обитавшими на Азовском море [Лебединский, 2016: 171]. Между тем в исторических хрониках не встречаются факты, которые бы свидетельствовали не только о войне между франками и аланами, но и о соприкосновении алан с франками до начала V в. (406-407 гг.), то есть до момента, когда аланы форсировали замерзший Рейн и впервые столкнулись с франками [Лебединский, 2016: 171]. И все же причины для подобных искажений фактов в раннефранкских источниках были разными. К примеру, в 406 г. аланы во главе с царем Респендиалом, вместе с союзными вандалами и свевами, форсировавшие реку Рейн, прошли по всей Галлии огнем и мечом, практически уничтожая все на своем пути. Естественно, что у франков возникло желание вытравить из своей памяти все, что было связано с аланами, принизить их значение в истории страны, дабы отомстить аланам за нанесенные поражения. Отголоски мнимых побед над аланами полумифического короля франков Меровея обнаруживаются в романе Оноре д'Юрфе «Астрея», опубликованном в начале XVII в. [Лебединский, 2016: 172].

Между тем современные фальсификаторы истории преследуют совершенно иные цели. В последнее время на Кавказе наблюдается тенденция политизировать, а также подвергнуть ревизии вопрос этногенеза

³⁸ Книга истории франков (лат. *Liber historiae Francorum*) - анонимная хроника VIII века, известная также под названием «Деяния франкских королей» (лат. *Gesta rerum Francorum*).

осетин. И невозможно определить, чего в этом вопросе больше – политики, или параистории. В центре внимания мифотворцев от науки оказываются не аланы, в силу обстоятельств переместившиеся на Запад, а та их часть, которая в раннем средневековье образовала на Северном Кавказе крупное политическое объединение. Его история довольно хорошо изучена не только отечественной, но и зарубежной историографией, в первую очередь по археологическим и этнографическим материалам, а также по многочисленным письменным источникам. И, тем не менее, борьба за право называться аланами среди некоторых кавказских народов разворачивается серьезная. Однако, при всех допустимых погрешностях, история это, прежде всего наука фактов, совокупности и сопоставления фактов, выдержанных в определенной хронологической последовательности. Не представляется возможным для серьезного исследователя произвольное манипулирование историческими фактами, выпячивание одних «удобных» источников, при полном игнорировании источников «неудобных», не отвечающих сиюминутным политическим и общественным интересам.

Известный ученый-алановед В.А. Кузнецов, в заочной полемике с оппонентами, склонными к подобным перегибам «локального масштаба», подчеркивает, что возросшая популярность околоаланской тематики «способствует развитию «творческой» активности ряда историков и филологов, направленных на формирование в общественном сознании народов Северного Кавказа устойчивого комплекса престижных предков в лице алан (речь здесь не идет об осетинах, родство которых с аланами давно установлено). Очевидное гетерогенное происхождение алан, вхождение ряда северокавказских народов в состав аланского племенного союза и раннефеодальной государственности дало возможность радикальным историкам настаивать на приоритетном положении своих народов в контексте аланской истории» [Кузнецов, 2004: 138].

Естественно, что аланское влияние распространялось как в целом на Центральном и Северо-Западном Кавказе, так и на народы, с которыми они

соприкасались в его предгорьях, и аланы косвенно являются частью истории, прошлого народов Кавказа. Точно так же, как и могущественное племя хазар, образовавших Хазарский Каганат, составной частью которого в свое время являлась Алания. Однако, прямыми потомками аланских племен, оставшихся в регионе после нашествия гуннов, следует считать осетин. Эта аксиома давно утвердилась в мировой исторической науке, и не существует аргументированных предпосылок для утверждения обратного. Все исследователи, приверженцы подобного взгляда на проблематику опирались на два основных маркера. Такими показателями являются осетинский язык, уходящий корнями в индо-иранское прошлое, культурные традиции, а также Нартовский эпос и другие элементы духовной культуры осетин, предтечей которой являлся скифо-сармато-аланский мир.

Борьба за скифо-аланское наследие на Северном Кавказе продолжается и сейчас. Она вовлекла в конкурентную схватку за право быть аланами несколько соседних народов. Бывшая Алания, в X в. объединившая все этнически пестрое население на большой территории, теперь стала объектом притязаний со стороны далеких потомков этого населения, которые требуют при этом территориальных переделов. Подчеркнем: в этом разгуле авантюризма, терроризма на фоне нелепой в наше время ксенофобии идейную роль играет именно научная, образованная интеллигенция национальных республик Северного Кавказа. В этом, казалось бы, чисто научном споре, уже побывавшем в состоянии вооруженных кровавых конфликтов, кроется реальная угроза самому существованию РФ, что отражено в литературе, возникшей за последние два десятилетия (см. напр.: Шнирельман, 2006; Гаджиев, Кузнецов, Чеченов, 2006; Материалы, 2006 и др.).

Вполне возможно переписать историю в локальном масштабе, однако не представляется допустимым игнорировать огромный пласт исторической науки, начало которому было положено не двадцать или тридцать лет назад, а гораздо раньше – в конце XVIII в. И впервые о неразрывной связке аланы –

осетины заговорили вовсе не представители осетинского научного сообщества. Историография вопроса изучена вполне подробно, достаточно систематизирована, и в этой связи невозможно не упомянуть, прежде всего, профессоров Ю.С. Гаглойти и Ф.Х. Гутнова, приложивших немало сил для исследования проблематики.

Вкратце же изучение вопроса складывалось следующим образом. Впервые в научной литературе концепция о генетической связи осетин с аланами была озвучена Герхардом Фридрихом Миллером, русским историком, профессором и членом Санкт-Петербургской Академии наук. В своей работе «О народах, издревле в России обитавших», изданной в 1773 г., он высказал мнение о родстве осетин с раннесредневековым аланским племенем *ассы*. Говоря о том, что «Алане были Готский народ», он далее продолжает: «Карпини и Рубрук в тринадцатом веке упоминают об аланах, коих они при путешествии своем находили. Первый равняет их с черкасами, и дает им прозвание Ассы, которое, кажется в сродстве с нынешними Оссетами» [Гаглойти, 1966: 12]. Далее, в 1802 г. польский ученый и путешественник Ян Потоцкий издал в Санкт-Петербурге книгу на французском языке, под названием «Начальная история народов России», в которой автор специально рассматривал вопрос о происхождении осетин. Почетный член Российской академии наук, Я. Потоцкий занимался древней историей народов России, в том числе и в контексте со скифской проблематикой. Согласно его выводам, осетины являются ветвью алан-асов, потомками «осилов» Птолемея, «сарматов-мидян» Диодора Сицилийского и Плиния [Гаглойти, 1966: 12]. Глава, в которой говорилось о происхождении осетин, впоследствии вошла в двухтомный труд Я. Потоцкого «Путешествие в астраханские степи и на Кавказ». Этот двухтомник был опубликован в Париже в 1829 г. уже после смерти автора, по инициативе и под редакцией Юлиуса Клапрота [Осетины ... , 1967: 175].

Известный немецкий востоковед первой половины XIX века Ю. Клапрот не является пионером в установлении и изучении осетино-

аланских взаимосвязей, однако, в исторической науке принято считать за точку отсчета именно его взгляд на проблему этногенеза осетинского народа. В начале XIX в. Клапротом было выдвинуто поистине революционное утверждение о генетической связи осетин с аланами – одним из крупнейших ираноязычных племенных объединений древности, которое как античные, так и средневековые историки и географы с I в. н.э. прочно локализируют на Северном Кавказе. Дальнейшие исследования лишь показывали верность этой концепции.

В 1812-1814 гг. Ю. Клапрот издает в Германии два тома «Путешествия на Кавказ и в Грузию, совершенных в 1807-1808 гг.», в которых впервые было сказано о генетической взаимосвязи ираноязычных осетин со скифами, сарматами и аланами. Позже, в 1822 г. в Париже отдельной брошюрой был издан его доклад об идентичности осетин и средневековых алан, зачитанный им ранее, 4 ноября 1822 г. на заседании Азиатского общества, в котором ученый в развернутой форме еще раз обосновал выдвинутые им доказательства идентичности алан с осетинами. Доклад был опубликован на французском языке в издании «Nouvelles annates des Voyages, de la geographie et de 18 histoire»³⁹. Статья Ю. Клапрота в последующем и будет считаться доказательством его приоритета в этой области. Согласно его утверждению, в VII в. до н.э. скифы переселили колонии мидийцев «в Сарматскую страну, расположенную в северной части Кавказа... Современные осетины происходят от этой колонии...» [Осетины ... , 1967: 176]. При этом он отмечал генетическую преемственность средневековых алан и позднейших осетин (осетины – «это одновременно и аланы»).

Справедливости ради необходимо отметить, что до начала XIX в., то есть до фундаментальных работ Юлиуса Клапрота четкой ясности в вопросе этногенеза осетин среди интересантов не существовало. Так, М.В. Ломоносов предками осетин считал или славян, или финно-угров; в своем труде «Древняя российская история» (1766 г.) он писал: «Плиний Аланов и

³⁹ «Nouvelles annates des Voyages, de la geographie et de 18 histoire». Paris, 1822. Т. XVI, p. 243-256.

Роксаланов вместе полагает ... Имена Аорси и Роксане или Россане у Страбона точное единство Россов и Аланов утверждают: к чему достоверность умножается, что они обои Славенского поколения были; затем, что Сарматам единоплечными от древних писателей засвидетельствованы, и потому с Варягами Россами одного корене». Протопоп И. Болгарский в донесении архиепископу астраханскому и ставропольскому Антонию от 1780 г. писал: «Что касается до самих сих народов, которых мы называем осетинцами, откуда они или от кого именно начало свое приняли, о том ни прежде, ни ныне совершенно узнать невозможно...» [Русско-Осетинские ... , 1984: 383, 384]. Практически ничего не говорится об осетинах и в первом сводном труде о народах России, автором которого был И.Г. Георги (1776). А в «Историогеографических записках о странах между морями Черным и Каспийским», изданных в Санкт-Петербурге в 1810 г., в разделе «Оссы или осетинцы» лишь указано, что «История их покрыта неизвестностью» [Историогеографическая ... , 1810: 31].

Одной из причин столь большого интереса к осетинам, как этносу, среди исследователей следует считать резкое отличие осетинского языка от языков других народов Северного Кавказа, что не могло не породить совершенно фантастические на первый взгляд теории о происхождении осетин. Так, Иоганн Антон Гюльденштедт, который путешествовал по Кавказу в 1770 и 1773 гг., считал осетин остатками половцев, бежавших, якобы после поражения в битве с русскими войсками, возглавляемыми Владимиром Мономахом в 1111 г. у притока реки Дон в кавказские горы [Гюльденштедт, 1803: 89]. Версий этногенеза осетин было предостаточно (некоторые исследователи всерьез считали их потомками этрусков), однако они не получили развития ввиду отсутствия каких-либо перспектив научного обоснования.

На этом фоне теория Ю. Клапрота, конечно же, оказалась наиболее привлекательной в силу своей ясности и четкости формулировок. К

концепции Я. Потоцкого и Ю. Клапрота в основном примыкал и швейцарский археолог, этнограф и натуралист Фредерик Дюбуа де Монпере, посвятивший этнической истории осетин специальную главу в IV томе своего труда «Путешествия вокруг Кавказа». Монпере рассматривал «алан, асов и иронов-осов» как родственные между собой племена, тремя разновременными волнами переселившиеся на Кавказ» [Montpereux, 1840: 320, 363, 364, 406, 407]. Август Гакстгаузен, побывавший в России в 1843 г., вслед за Герхардом Миллером придерживался германской теории происхождения осетин. Он считал, что осетины происходят от готских и других германских племен, разбитых гуннами и укрывшихся в горах Кавказа. По его мнению, готы, укрывшиеся в горах Кавказа, подчинили себе «первоначальных кавказских жителей, осетинов и аланов», заимствовали их язык и образовали вместе с ними новый народ [Гакстгаузен, 1857: 93, 117, 118].

Еще одна теория принадлежит французскому ученому-географу Луи Вивьену де Сен-Мартену, автору атласа географических открытий «История географии и географических открытий» (1873), который считал, что аланы появились на Северном Кавказе в результате миграции из Согдианы и Арала в I-III вв.н.э. Алан и осетин он рассматривал хотя и родственными, но разными народами. Сен-Мартен связывал появление осетин на Северном Кавказе со скифским вторжением в Закавказье в VII в. до н.э., видя отражение этого события в сообщении грузинских источников о нашествии «хазаров». Так же, как и другие исследователи до него, он отождествлял хазар со скифами. Согласно Сен-Мартену, предками осетин были *исседоны*⁴⁰, которые «еще во времена Митридатовых войн должны были находиться на Кавказе» [Saint-Martin, 1847: 168]. Считая осетин ираноязычным народом, Сен-Мартен рассматривал их как поселенцев, внедрившихся в среду древнего населения Кавказа, которое по отношению к осетинам «может

⁴⁰ Исседоны (др.-греч. *Εσσηδονες*) - древний народ, обитавший в степях Южной Сибири и Урала. Вероятно, были народом родственным сарматам. Некоторые историки и археологи полагают, что исседоны это другое название племени усуней.

рассматриваться как аборигенное». Вместе с тем, он категорически утверждал, что аланы не являются тем же народом, что и кавказские асы, считая, что в определенную эпоху «аланы покорили страну асов, вследствие чего соседние народы стали обозначать покоренный народ именем победителей. Однако обе народности не перестали быть различными с этнографической точки зрения, потому что сила оружия постепенно сблизила их между собой» [Saint-Martin, 1847: 12, 14, 19]. В то же время Сен-Мартен придавал большое значение изучению «осетинского языка, вне всякого сомнения, самого важного из языков Кавказа из-за его связей с основными языками Европы и Азии большой индоевропейской группы». Французский ученый весьма комплементарен к Ю. Клапроту, исследования которого, по его мнению «привлекли внимание ученых Европы к одному из самых замечательных народов тамошних высокогорий, к жителям Осетии». Однако, он не преминул подчеркнуть, что «этот ученый допустил большую ошибку, одновременно историческое и этнологическое смешение, идентифицируя кавказских асов и алан, которые завладели Осетией в первые века нашей эры». В. де Сен-Мартен высказывался и против этнонима «Осетины», которое ввел академик Российской академии наук, финн по происхождению Андреас Шегрен. «Это название, постоянно употребляемое г-ном Шегреном, так же как и Клапротом и всеми другими русскими, немецкими и французскими авторами, тем не менее, не является подлинным этнонимом: это слово совершенно неправильного образования ... грузины всегда называли иронов осами, а их страну Осетией, добавляя к названию народа окончание, которое в грузинском языке служит для обозначения территории в целом. Осетия, таким образом, означает страну, а не народ. Но русские, в свою очередь, придали этому слову форму «осетинцы», жители Осетии, а другие народы Европы переняли эту форму, смягчили ее и сделали из нее название «осеты», которое и закрепилось в употреблении» [Шегрен, 1998: 12-14, 19]

Теория аланского происхождения осетин все более утверждалась среди мировой научной общественности, находя среди них новых приверженцев, хотя сомнения по поводу ранних периодов истории осетин все еще оставались. Так, в 1836 г был издан большой коллективный труд под названием «Обозрение Российских владений за Кавказом», в котором автор раздела «Осетины» А. Яновский с сожалением отмечал: «Нет никаких источников, из которых можно бы вынести заключение о населении Осетии в разные эпохи» [Обозрение ... , 1836: 185]. Однако далее в работе сказано, что все осетины, и северные и южные «одного происхождения, имеют собственный язык». Издатель книги В. Легкобытов в комментариях к ней привел идею Ю. Клапрота о «мидо-аланских» корнях осетин, и обратил внимание на то, что аланы арабских географов жили там же, где и аланы Птолемея и Иосифа Флавия, и «где ныне живут Оссетины». Следовательно, и в начале н.э., и в XIV в., и в XIX в. народ этот оставался «там же, и что поэтому не без основания Оссетины могут быть признаны Кавказскими Аланами средних веков» [Обозрение ... , 1836: 186, 187]. Примерно в это же время И. Бларамберг завершает работу над своим фундаментальным трудом о горских народах. Касаясь происхождения осетин, он вслед за Ю. Клапротом и В. Легкобытовым, назвал их потомками «сармато-мидийцев» и «алан». При этом И. Бларамберг использовал свидетельства Константина Багрянородного, И. Барбаро, древнерусские летописи, сочинения армянских авторов, арабских историков и географов, грузинские хроники в критическом ключе. Однако все закончилось тем, что он также пришел к выводу о тождестве алан и осетин [Бларамберг, 1992: 133-139].

Значимыми для осетиноведения первой половины XIX в. являются работы словацкого и чешского слависта П.И. Шафарика, автора фундаментальной работы «Славянские древности» (1847 г.), который также коснулся вопроса происхождения осетин. Шафарик полностью отождествлял осетин с аланами, рассматривая последних в тесной связи с языгами и роксоланами. Называя алан «сильным народом Сарматского племени», он

коснулся и их происхождения: «Этот народ (аланы – А.Ч.) начинает показываться из Скифской и Савроматской тьмы в первый раз в конце I в. по Р. Хр., но в Азиатской истории память о нем идет далее в древность». В другом месте ученый высказался более определенно: «Главное местопребывание этого древнего народа было за Доном, в степях между Меотидой, Кавказом и Хвалынским (Каспийским – А.Ч.) морем, а колыбель его – Мидо-Персия, из коей долгое время выходили в Европу многочисленные полчища его, известные под именем Роксалан, Язигов и Алан...». Касаясь проблемы соотношения алан с осетинами, П.И. Шафарик подчеркнул: «нынешние Аланы, обитающие в Северной части Кавказских гор, называют сами себя Ирон, а землю свою – Иронистон, напротив того Грузинцы именуют их Осами или Овсами, землю их – Осетией, русские же – Асами, Осетинцами (Осами, Осетинцами)». В целом, к середине XIX в. сложилось довольно прочное мнение не только о происхождении осетин от алан, но и о корнях самих алан. О степени распространения этих знаний свидетельствует пример митрополита Макария, который в своей «Истории русской церкви» (Макарий, 1845) говорил о «многочисленных свидетельствах древности о наших аланах, об их родстве с царскими скифами Геродота, об их тождестве с массагетами, сарматами и проч. и проч.» [Шафарик, 1847: 108, 109].

Во второй половине XIX в. на Кавказе появляются новые периодические издания, которые довольно подробно освещают жизнь горцев. Это были такие издания, как «Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник сведений о Кавказе», «Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа», газета «Терские ведомости» и др. Именно в этих сборниках появляются статьи «Материалы для древней истории осетин», «Народное право осетин», автором которых являлся Вольдемар Богданович Пфаф. Несмотря на неоднозначность его выводов, Вольдемара Богдановича по праву можно назвать первым профессиональным этнографом-осетиноведом. В этих статьях В.Б. Пфаф предпринял первую

попытку систематизированного написания истории алан-осетин с древнейших времен до Крестьянской реформы 1861 г., однако те обобщения, которые он представил по следам своих экспедиций в Осетию, не всегда можно было назвать научными. Гипотезы В.Б. Пфафа по видению исторического прошлого Осетии порой страдали необоснованным разнообразием, при том, что он не особо заботился об их подтверждении историческими данными. Вполне естественно, что это приводило к серьезным ошибкам в выводах. Общая концепция, которую представил В.Б. Пфаф, содержала следующие положения: к примеру, согласно ему, «осетины, по своему происхождению иранцы и принадлежат к той ветви мидо-персидского племени, которая в Европе известна под названием сарматов» [Сборник сведений ... , 1870: 1]. Свой вывод В.Б. Пфаф обосновывал этимологией названий крупнейших южнорусских рек, которые объясняются из осетинского языка, самоназванием осетин «ирон», наличием в осетинском языке индоевропейских слов, некоторыми «арийскими», якобы, обычаями и, наконец, наружностью осетин. Вывод В.Б. Пфафа о прямой генетической связи осетин с древними сарматами вполне обоснован. Однако, там же он утверждает, что «осетины никогда не были чистыми сарматами, – они уже в глубочайшей древности перемешались со многими другими племенами, прежде и раньше всего с каким-то семантическим племенем» и что «в этнологическом отношении осетины представляют странную и поэтому в высшей степени интересную смесь еврейских и мидо-персидских элементов, с заимствованиями от других народностей, с которыми они в продолжение своей многовековой истории бывали в соприкосновении» [Сборник сведений ... , 1870: 1].

Не осталась незамеченной эта непоследовательность в выводах и для редакции издания «Сборник сведений о кавказских горцах», где печатались материалы В.Б. Пфафа. В рецензии к его работам указывалось: «не видно полного основания для принятия тех выводов и предложений, к которым приходит автор» [Сборник сведений ... , 1870: 2-8, 23, 119]. В целом суть

претензий у исследователей к Пфафу сводилась к следующему. В.Б. Пфаф подменил конкретный анализ этногенеза осетин общими рассуждениями об их ираноязычных предках (сарматах, аланах) и «совершенно фантастическим» утверждением о синтезе иранцев-осетин с семитами в XV в. до н.э. [Сборник сведений ... , 1870: 1]. Согласно Ю.С. Гаглойти, утверждение В.Б. Пфафа о смешении осетин-иранцев с семитами около XV в. до н.э. не подтверждается абсолютно никакими историческими данными [Гаглойти, 1966: 16].

Справедливо рассматривая Нартовский эпос как ценный источник, В.Б. Пфаф в трактовке фольклорных сюжетов был чересчур прямолинеен, ошибочно приняв нартов за реально существовавший народ. В.Б. Пфаф отождествляет легендарных нартов осетинских сказаний с воинственным народом *мардов*, живших, по данным древних авторов, на южном берегу Каспийского моря и в горах Эльбруса. По его мнению, *марды* (нарты-осетины) «могли перенести название Эльбрус на высочайшую вершину Кавказа, около которой они, вероятно, впервые поселились» [Гаглойти, 1966: 16]. Однако следует учесть, что согласно исследованиям специалистов, нарты являются фольклорным отражением предков осетин: скифов, сарматов, алан. Большинство сюжетов эпоса осетин имеет аналогии из истории и быта ираноязычных племен юга России. Помимо этого, Вольдемар Богданович значительно расширяет круг ираноязычных предков осетин и пишет, что предки последних «принадлежали к великой семье народов, населявшей вместе с некоторыми семитическими племенами, Иранское плоскогорье и, вероятно, называвшие себя общим именем или Ирон, или Ары (арии Геродота)». Он также не противопоставляет друг другу алан и осов и правильно отмечает наличие двух волн ираноязычных племен на Северном Кавказе. В.Б. Пфаф считает, что в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. приходят в движение кочевые народы, населявшие Туранскую низменность и часть среднеазиатского плоскогорья. «В числе первых в Европу пришли аланы – потомки той ветви древних массагетов, которые уже во время Кира

обитали в степях, на восточном берегу Каспийского моря» [ППКОО, 2014: 100]. Аланы вторглись на Северный Кавказ, где тогда уже обитала «другая ветвь громадного мидо-персидского племени, известная здесь под названием осов или нартов. Так как осы говорили на том же языке и, вероятно, придерживались, вследствие общего происхождения, тех же обычаев, как и аланы, то последние легко с ними могли смешаться и составить один народ» [Гаглойти, 1966: 16].

И все же, несмотря на то, что ценность работ В.Б. Пфафа, в которых был собран почти весь доступный в то время материал, в значительной мере снижалась неподтвержденными фактическими материалами, произвольными построениями, они имели определенное значение в повышении интереса к изучению далекого прошлого осетинского народа. К его бесспорным заслугам следует отнести первую в литературе широкую и разностороннюю характеристику социальных отношений у алан-осетин.

Нельзя не отметить и работы, посвященные Осетии и осетинам, другого русского исследователя Д.Л. Лаврова. Его работа под названием «Исторические сведения об Осетии и осетинах» была опубликована в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» в 1883 г. в Тифлисе. Материал, предоставленный автором, весьма интересен для анализа, и представляет неожиданные версии этногенеза осетин. В частности, со ссылкой на российского ученого-этнографа И.И. Шопена (1798-1870), который занимался сбором историко-филологических сведений относительно прошлого осетин, он пишет, что «названия «оссы, осси» как прототип «осетины» и «ироны» как производное от «ир» представляют слова-названия, имеющие один исторический источник своего происхождения. Так, И.И. Шопен сообщает, что древнейшие китайские летописи упоминают о народе «ир» названном впоследствии (не ранее 2300 л. до Р. Хр.) на зендском и санскритском наречиях «и-ры; а-и-ры», по некоторым произношениям, «виры», откуда и латинское *vir*. Эти виры или иры поклонялись зодиакальному тельцу Оссу». В VII в. до Р. Хр. скифы во время вторжения в

Азию захватили в плен целую колонию иров и поселили их на севере Кавказа, где обитали «поклонники коня» [Сборник материалов ... , 1883: 181]. Еще одна версия, приведенная Д.Л. Лавровым, говорит о тождестве оссов-осетин с Геродотовыми исседонами [Сборник материалов ... , 1883: 179]. Помимо прочего, Д.Л. Лавров приводит следующий исторический факт: «Помпей, разбивший Митридата Понтийского, настойчиво преследовал его через земли осетин-аланов и Кавказские ворота. Аланы, собравшие 60 тысяч пехоты, и 22 тысячи конницы хотели было отразить дальних иноземцев, но были разбиты. Римские войска в числе сражавшихся аланов-осетин заметили много женщин. Последнее обстоятельство ввиду существовавшего у древних народов сказания об амазонках было причиной того, что римские солдаты некоторые из найденных после сражения предметов одежды и вооружения признали амазонскими» [Сборник материалов ... , 1883: 194].

К проблеме этногенеза осетин не оставались равнодушными также представители грузинской интеллигенции, о чем можно судить по статье Ильи Чавчавадзе, опубликованной в номере 13 газеты «Иверия», и посвященной этнической принадлежности осетин. Разбирая и анализируя существующие теории по этому вопросу, в этой статье И. Чавчавадзе выступает как сторонник сарматского происхождения осетин [Шамелашвили, 1963: 73-76].

Очень важным событием для отечественного кавказоведения стало издание трудов известного общественного деятеля, ученого, академика императорской Санкт-Петербургской академии наук М.М. Ковалевского, друга и коллеги другого известного ученого-осетиноведа В.Ф. Миллера, работы которого по истории горских народов еще при жизни исследователя принесли ему заслуженное признание современников. Помимо фундаментальных исследований в области древнерусской старины, средневековья, феодализма и т.д., которые закрепили за ним славу выдающегося русского ученого, М.М. Ковалевский очень живо интересовался и прошлым осетинского народа. В одной из своих

монографий, под названием «Современный обычай и древний закон» он намеревался дать не простое описание права осетин, но «объяснить фактами из быта этого народа многие вопросы древнего права» [Ковалевский, 1886: 13]. В предисловии к основному тексту М.М. Ковалевский остановился на раннесредневековом периоде истории осетин. В данной области ученый разделял точку зрения В.Ф. Миллера, благодаря дружбе с которым он еще в рукописи смог познакомиться с третьим томом знаменитых «Осетинских этюдов» и использовать полученную информацию в своей работе.

Согласно глубокому убеждению М.М. Ковалевского, «Всеволоду Миллеру окончательно удалось обосновать тот взгляд, что осетинский язык принадлежит к иранской ветви арийских языков» [Ковалевский, 1886: 13]. Далее, согласно ему же, иранское происхождение осетин, «доказанное В. Миллером лингвистическими данными», нашло подтверждение в письменных источниках и археологических материалах. В давние времена на Северном Кавказе появились «кочевья Иранцев ... в их числе были Аланы, отождествляемые нередко средневековыми писателями с народом Асси или Яссы наших летописей, иначе говоря, с осетинами». Мысль о тождестве алан и осетин показалась М.М. Ковалевскому настолько значимой, что он повторил ее еще раз: «показания грузинских летописцев о древности Осетин находят себе решительное подтверждение в однохарактерных свидетельствах древних писателей об Аланах». В современных себе осетинах исследователь видел «уцелевший остаток многочисленных иранских поселений, какие расположены были некогда в Южной России». После нашествия монголов и Тимура они отошли в горы, где нашли «одновременно благоприятные условия для сохранения своей независимости и препятствия своему численному размножению» [Ковалевский, 1886: 11-12, 15-21].

И в завершение анализа историографических материалов XIX в. нельзя не упомянуть об одном из крупнейших представителей русской науки конца XIX и начала XX вв. В.Ф. Миллере. Его «Осетинские этюды» являются классическим произведением, настольной книгой для исследователей языка,

истории, права и этнографии осетин. В период между 1879-1886 гг. будущий академик совершил шесть научных экспедиций в Осетию, в ходе которых основательно овладел языком, записывал фольклорные памятники, изучал быт и верования народа. В.Ф. Миллер широко использовал данные таких нетрадиционных источников как лингвистика, топонимика, нумизматика и др., стремясь извлечь из них хотя бы «долю подлинной исторической истины». Нет необходимости в обзоре и анализе всех его работ, поэтому в контексте рассматриваемого вопроса обратимся лишь к третьей части фундаментального труда, в которой рассмотрены вопросы древней и средневековой истории алан. Именно в третьем томе В.Ф. Миллер убедительно обосновал генетическую связь между кавказскими аланами и осетинами, приведя доказательства того, что имя кавказских алан распространялось на предков осетин. Рассматривая древние и средневековые периоды жизни «оссов» (алан), В.Ф. Миллер детально остановился на вопросе исторической этнонимии и доказал принадлежность этнонимов ос, алан и яс к одному и тому же народу. Опираясь на солидную источниковую базу, он пришел к убеждению о принадлежности языка осетин «к иранской группе индоевропейской семьи»; предки осетин «входили в состав тех иранских кочевых племен, которые были известны за многие столетия до Р. Хр. под именем сарматов и отчасти скифов...» [Миллер, 1887: 100-101]. Исходя из лингвистических и исторических данных о времени появления древних предков осетин на Северном Кавказе, В.Ф. Миллер считал, что они «входили в состав тех иранских кочевых племен, которые были известны за многие столетия до н.э. под именем сарматов и отчасти скифов и занимали припонтийские и приазовские степи на протяжении от нижнего Дуная до Волги и Урала». Время появления ираноязычных племен в причерноморских и приазовских степях В.Ф. Миллер относил, по меньшей мере, к X в. до н. э. Указывая на генетическую связь алан с сарматами и скифами, он в то же время высказывал предположение о возможности сближения с ними массагетов. Это положение В.Ф. Миллера подтвердилось последующими

исследованиями. В другой работе ученый писал, что осетины являются остатком большого иранского племени, в классическую древность известного под именем понтийских скифов и сарматов, а в средние века – под именем алан [Miller, 1903: 4]. Разбирая возможные маршруты движения предков осетин на «их местожительства на северокавказской плоскости и в горах», В.Ф. Миллер писал: «у нас нет ни одного прямого исторического указания» на эту тему, поэтому «остается прибегнуть к данным языка, к рассмотрению культурных слоев и спросить себя, не сохранилось ли в них каких-нибудь следов пути, которым шли предки осетин, прежде чем водворились на Северном Кавказе». Предпринятый анализ осетинских названий металлов убедил ученого в том, что аланы «должны были двигаться не с юга... а с севера, близ обильных металлами отрогов Урала...» [Миллер, 1887: 11, 12; Miller, 1904: 72, 73]. Большинство исследователей придерживается этой точки зрения. [Гаглойти, 1966: 18]. Проанализировав весь пласт античных, древнеармянских и древнегрузинских исторических памятников, В.Ф. Миллер по сути воссоздал жизнь аланских племен I-IV вв. [Миллер, 1887: 45-48]. «Осетинские этюды» В.Ф. Миллера, бесспорно, являются достоянием мировой науки и до сих пор вызывают большой интерес [История ... , 1987: 355, 356].

В дальнейшем, если следовать хронологическому порядку, то в контексте теории, предполагающей принадлежность осетинского языка к иранским, предложенной с Я. Потоцким и впоследствии обоснованной В.Ф. Миллером, следует упомянуть и работу немецкого ученого Х. Хюбшмана «Этимология и фонетика осетинского языка» (H. Hübschmann. *Etymologie und Lautlehre, der Ossetischen Sprache*. Strassburg, Karl Trübner. 1887 – VIII, 151 s), название которой говорит само за себя. Еще один ученый конца XIX в., Карл Мюлленхофф в третьем томе своей работы под названием «Исследования в области немецких древностей» («*Deutsche Altertumskunde*»), изданной в Берлине в 1892 г., рассматривал осетин как потомков древних сарматов и алан, которые были ираноязычными и

находились в близком родстве. Он считал, «что остатки этого иранского населения, которое распространилось намного дальше на север, сохранились в осетинах на Центральном Кавказе, на Верхнем Тереке» [Müllenhoff, 1892: 103-105, 109, 111-112, 114, 118].

Бесспорным прорывом в осетиноведении наряду с трудами В.Ф. Миллера, надолго стала работа «Аланы по сведениям классических и византийских авторов» известного русского и украинского ученого, филолога-классика и историка Ю.А. Кулаковского. В своей книге он проследил в общих чертах политическую историю алан от времени их появления на европейской арене до монголо-татарских походов, а также счел необходимым подчеркнуть актуальность исследования истории ираноязычных племен Кавказа, «так как судьбы алан составляют часть до-русской, если можно так выразиться, истории нашей родины» [Кулаковский, 1899: 167]. Касаясь проблемы этногенеза, ученый ограничился лишь констатацией того, что осетины – «потомки и остаток древних алан». Все этапы политической истории алан, за исключением полувекового фактического правления Византией Флавия Ардавура и его сына Аспара, обозначены в вышеупомянутом труде ученого. С.В. Перевалов полагает, что причина, по которой автор проигнорировал Ардавуриев, заключалась в том, что вслед за Иорданом, он ошибочно считал их готами [Кулаковский, 2000: 40]. Помимо прочего, работе Ю. Кулаковского не хватает описания социальных отношений в аланском обществе, что подмечено и автором вступительной статьи к его книге «Избранные труды по истории аланов и Сарматии» С.М. Переваловым: «Событийная канва аланской истории изложена им великолепно, но вне связи с общественными структурами, этническими процессами, хозяйственным развитием: непосредственно в источниках эти факты не отражены и их, как бы, не было» [Кулаковский, 2000: 38]. Естественно, работа была бы еще более содержательной, если бы автор книги не ограничил себя источниками только классическими и

византийскими (что отражено и в заглавии), а пустил бы в научный оборот данные смежных наук (лингвистики, археологии, эпиграфики и др.).

Второй по значимости труд Ю. Кулаковского по аланам – это история принятия ими христианства, изложенная в небольшой работе под названием «Христианство у Алан» («Византийский временник», 1898: Т.5, кн. 1). Сквозь призму критики взглядов преосвященного Макария, митрополита Московского и всея Руси и анализ многочисленных писем патриарха Николая Мистика, Ю. Кулаковский исследует все подробности принятия аланами христовой веры, которая, безусловно, способствовала возвышению Алании, укреплению ее политического значения. Об этом свидетельствует и то, что кавказские династы (иверы, авазги, албанцы и еще семь племен) «получали от императора «приказ», только один властитель Алании удостоен чести признания самостоятельным государем дружественной державы, которого император именуется своим «духовным чадом» [Кулаковский, 2000: 177]. В первые три столетия (X-XIII вв.), политическая обстановка способствовала распространению христианства, чего нельзя сказать о последующих смутных и судьбоносных двух столетиях, причиной чему являлось татаро-монгольское нашествие. В одной из писем к абхазскому царю Георгию II Константинопольский патриарх Николай Мистик просит содействовать «пастырю соседнего народа», а затем хвалит его за «ревность» в просвещении князя Алании и благодарит за помощь. В общем итоге, как пишет Ю. Кулаковский, западные «аланы были христианским народом от начала X. в. до второй половины XV века» [Кулаковский, 2000: 180].

Ю. Кулаковский также перевел на русский язык знаменитое «Аланское послание» епископа Феодора. Основное содержание послания заключается в следующем: объехав всю аланскую страну (перв. пол. XIII в.), и выявив недостатки и факты отступления от веры, епископ направил патриарху и его синоду прискорбное послание, в котором называет алан христианами «лишь по имени», и просит помощи и наставления

С сармато-аланской тематикой увязана и работа Ю. Кулаковского «Карта Европейской Сарматии по Птоломею», выход в свет которой он приурочил как приветствие XI археологическому съезду в г. Киеве. Вслед за первой главой, в которой дана общая оценка труда Птоломея, и указано его значение для новоевропейской науки, во второй главе автором предложен общий обзор данных Птоломея, относящихся к Европейской Сарматии, по группам: реки, горы, народы, города. Будучи уже к тому времени общепризнанным авторитетным антиковедом, он внес целый ряд существенных поправок карте Птоломея и по существу создал новую карту Европейской Сарматии. Этот факт является несомненной заслугой ученого. Наконец органическая связь с аланской тематикой явилась причиной тому, что Ю. Кулаковский совместно с проф. А.И. Сони осуществил перевод на русский язык «Римской истории» Аммиана Марцеллина⁴¹ в трех выпусках (1906-1908) – главного и наиболее важного источника по истории алан.

1.3. Осетино-аланская проблематика в зарубежной историографии первой половины XX века

Октябрьская революция 1917 года внесла свои коррективы в дальнейший ход мировой истории. Естественно, она не могла не отразиться на науке в целом и истории как науке в частности. Значительная часть интеллектуальной прослойки России, среди которых были П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Л.П. Карсавин, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, И.И. Сикорский, М.И. Карпович и др., несогласные с произошедшими событиями были вынуждены разными путями и по разным причинам покинуть Советскую Россию. Отныне наука, как и весь мир, на долгие годы вперед оказались по разные стороны политических баррикад, развиваясь при этом автономно.

⁴¹ Аммиан Марцеллин (лат. *Ammianus Marcellinus*; около 330, Антиохия, Римская империя - после 395, вероятно, Рим) - древнеримский историк. Своё единственное произведение, «Деяния» (лат. *Res gestae*), написал на латыни. Это произведение также известно под названием «История» или «Римская история». Подробнее об А.М. будет сказано в последующих главах труда – А.Ч.

Только самые стойкие ученые, не сломавшись под натиском судьбы, продолжали заниматься своими исследованиями, как правило, находя в них спасение от политических катаклизмов. Помимо перечисленных выше, это были в первую очередь такие светила исторической науки, как Михаил Иванович Ростовцев, и Георгий Владимирович Вернадский, трудов которых мы коснемся в последующих главах исследования.

Одним из следствий Октябрьской революции стало то, что европейская историческая наука потеряла доступ к результатам археологических изысканий советских ученых, в то время как советские ученые постепенно лишались возможности исследовать архивы европейских научных центров. Однако история не стоит на месте. Скифы, сарматы и аланы, как органичная часть общечеловеческого культурного и исторического наследия, всегда привлекали пристальное внимание исследователей вне зависимости от политической конъюнктуры. Исторические и лингвистические источники, а также археологические артефакты, найденные на территории Европы и четко связанные с историей скифов, сармат и алан, стимулировали изыскания в этом направлении. Именно поэтому целый ряд зарубежных исследователей, таких, как Ж. Дюмезиль, Г. Бейли, У.С. Аллен, Б. Бахрах, М. Мельчарек, Р. Шмитт, Т. Сулимирский, Ж. Грисвар, А. Алемань, С. Фритц, Х. Гипперт, Х. Борджиан, О. Бубенок, М. Казанский, Я. Лебединский, Р. Шмекель и многие другие, после почти полувекового перерыва, вновь вернулись к исследованиям, которые непосредственно касаются истории и культурного наследия древних иранцев.

Но вернемся к началу XX века. Интерес к алано-осетинской проблематике не ослабевал у европейских западных ученых и после смены государственного строя России. К примеру, шведский ученый Э. Шарпентье в своей статье «Этнографическое положение тохаров», опубликованной в 1917 г., определяет современных осетин не потомками, но «соплеменниками» средневековых алан. Вместе с тем он отмечает, что «Осетины, как самостоятельная часть большого аланского народа со своих

насиженных мест в Трансоксиане и Согдиане попадают на Кавказ через юг Каспийского моря; в то время как собственно аланы шли из Киргизских степей и Поволжья в области на Кубани и Тереке» [Charpentier, 1917: 363]. Шарпентье был глубоко убежден в центральноазиатском происхождении как осетин, так и алан, и фактически развил точку зрения В. Сен-Мартена, утверждающего, что аланы и осетины были близкородственными, но разными народами. Аргументация его сводилась к следующему: «их грузинские соседи всегда строго различали *Алан-ети* и *Ос-ети*; Константин Порфирородный упоминал алан, управляемых собственным царем, и асов (осетин) внутри Кавказа, среди которых находилось несколько вождей племен (*Stammeshauptlinge*); арабскому автору Масуди (943 по Р. Хр.) также казалось необходимым проводить различие между аланами на севере и осетинами внутри Кавказа» [Charpentier, 1917: 363, 364]. Но согласно Ю.С. Гаглойти, эти аргументы весьма уязвимы: «Осами грузинские летописи и историки в разное время называли скифов, сарматов, алан и осетин (Джанашвили, 1897; Вахушти, 1904; Мровели, 1979; Летопись Картли, 1982). Иными словами, в культурных кругах Грузии ставили знак равенства между названными этносами, тем самым признавая преемственность ираноязычных скифов-сарматов-алан-осетин. Константин Багрянородный, в действительности, различает не «царей алан» и «вождей осов» (как об этом писал Э. Шарпентье), а «эксусиократора» Алании и «архонта Асии», контролировавшего Дарьяльский проход [Гаглойти, 1966: 17]. Современные исследователи в «эксусиократоре» единодушно видят царя Алании. Отношения эксусиократора Алании и архонта Асии сопоставимы, очевидно, с отношениями великого князя и местных князей Киевской Руси X в. Что касается Масуди, то в доступных нам переводах его трудов [Сведения ... , 1908: 53, 54; Минорский, 1963: 204, 205] обнаружить противопоставление алан и осетин не удалось. Появление алан в Юго-Восточной Европе Э. Шарпентье относил к I в. н.э.: «первыми классическими авторами, упоминавшими их (алан) имя, были Сенека и Лукан. К этому времени имя

народа было уже довольно хорошо известно в Риме». Далее цитируется рассказ Иосифа Флавия о том, как император Тиберий спровоцировал алан к нападению на Парфию. Аланы, «перейдя Главный Кавказский хребет, разорили Армению и Мидию; с этим сообщением вполне оправданно сопоставимы заметки Тацита о сарматах». Уже тогда часть алан находилась «в устье Волги и далее южнее на Тереке и Кубани, где в средние века располагалось, собственно, Аланское государство» [Гаглойти, 1966: 17]. Затем, обращаясь к свидетельству Плиния (IV, 12, 25) о связи алан с роксоланами, Шарпентье трактовал последний этноним как «аланы на Волге», усматривая в первой части названия племени *Rox-alani* иранское название р. Волги [Charpentier, 1917: 360]. Помимо прочего интересны и маршруты, по которым, по утверждению Э. Шарпентье, ираноязычные племена мигрировали из Средней Азии. Согласно ему, в то время как аланы через каспийские степи двинулись в Европу, предки осетин («часть древнего аланского народа») «пошли южным путем и через Гирканию пробивались далее на Центральный Кавказ» [Charpentier, 1917: 364].

Австрийский исследователь Р. Блайхштайнер в своей работе «*Das Volk der Alanen*» вышедшей в Вене в 1918 г., называет осетин потомком сакского (скифского) народа, жившего некогда на Понте, чей язык, «как выяснилось из собственных имен, был предшественником осетинского. Этот народ с I в. н.э. выступает под именем алан, которое восходит к имени ариа, как называют себя восточные осетины». Вместе с тем он отметил, что нельзя полностью отождествлять алан с саками, так как «в состав алан вошло некоторое количество иноязычных племен, в особенности кавказских». Тем самым Блайхштайнер объяснял наличие большого количества неиндоевропейских слов в осетинском языке [Bleichsteiner, 1918: 6-7, 10-1128].

Концепцию В. Сент-Мартена – Э. Шарпентье об аланах и осетинах как родственных, но различных частях одной этнической группы, в разное время и разными путями переселившихся на Кавказ, Ю.С. Гаглойти справедливо

объясняет стремлением исследователей согласовать взаимно исключаящие, казалось бы, факты. Это – пребывание осетин (осов грузинских летописей) на Кавказе с древнейших времен, идентичность алан и осетин и, вместе с тем, появление этнонима «аланы» в античных источниках лишь в I в. н.э. Не найдя правильного ответа на эти вопросы, вышеназванные ученые нашли выход в трактовке алан и осетин как двух различных, хотя и родственных, частях одного народа [Гаглойти, 1966: 18].

При изучении вопроса наше внимание привлекла небольшая работа известного норвежского ученого и полярника, лауреата Нобелевской премии мира Фритьофа Нансена. В начале 20-х годов, то есть уже после революции 1917 года, известный путешественник дважды посетил Советскую Россию с гуманитарной миссией, связанной с военнопленными первой мировой войны и помощи голодающим. По результатам своих поездок Ф. Нансен издал две книги на норвежском языке, в одной из которых, под названием «Через Кавказ в Поволжье»⁴², содержится небольшой, но весьма содержательный очерк об осетинах. Конечно, сложно представить великого полярника еще и этнографом, но, тем не менее, его очерк представляет интерес для исследователей, изучающих этногенез осетинского народа. К сожалению, путевые заметки автора, выраженные в этой работе, так и не были полностью переведены на русский язык, однако, часть, которая касалась осетин, была представлена в вполне приличном переводе на русский язык Н. Касаевым [Чибиров, 2016: 179]. Судя по всему, Ф. Нансен был знаком с литературой, касающейся истории осетинского народа. Он утверждает, что осетины (оссы) являются потомками индоевропейских алан и, возможно, даже массагетов и сарматов, упомянутых Геродотом: «Они были названы *Ossilians* Птоломеем и ассами и аланами арабскими и средневековыми авторами. В русских летописях с начала XII века они были названы *Яс* или *Jossi*». Ученый также возводит самоназвание осетин – *Ирон* – к этнониму *Aryon*, который является исходной формой для этнонима «Аланы» [Чибиров, 2016: 181].

⁴² Gjennem Kaukasus til Volga - Oslo: Jacob Dybwads Forlag, 1929. S. 162.

Помимо прочего Ф. Нансен обратил внимание на осетино-скандинавские этнокультурные параллели, которые, на его взгляд, оказались весьма существенными. Истоки этой взаимосвязи ученый видел в общем индоевропейском прошлом, полагая при этом, что осетины пришли на Кавказ с Севера, из Скандинавии. Он также четко определил языковую принадлежность осетин, исходя из того, что язык этот радикально отличается от языков других народов Кавказа. В качестве иллюстрации Ф. Нансен приводит перечень названий европейских рек, в основе которых присутствует гидроним «дон». «Это имя, – пишет он, – действительно осетинское слово для воды, которое и является составной частью многих речных имен на Северной стороне Кавказа, как и Ар-Дон ... и другие. Азовское море, на чьем восточном побережье осетины жили, скорее всего, также получил свое название от них. ... Осетины ушли на запад и поселились на реке Дунай, чье имя также может вытекать из их языка» [Чибиров, 2016: 181].

Исследователь со знанием вопроса описывает участие алан в Великом переселении народов, об аланской топонимике Молдавии, превратностях их исторической судьбы на Северном Кавказе с VII по XIV столетия, при этом, конечно же, допуская некоторые исторические неточности. К примеру, описывая события XIV в. он ошибочно предполагает, что аланы пострадали вследствие столкновений крымчан и кабардинцев, хотя исторические хроники в данном случае указывают на противостояние Тимура и Тохтамышша, хана Золотой Орды. Иллюстрируя ситуацию с оттеснением алан-овсов-осетин в горы, Ф. Нансен писал: «Мы были в Дарьяльском ущелье (что значит ворота алан; персидский Дар-и-Алан), также известны как ворота сарматов» [Чибиров, 2016: 181]. Там же, со ссылкой на Страбона и других античных авторов, Ф. Нансен говорит о неверности отождествления Кавказского (Дарьяльского) ущелья с Каспийскими воротами, и вместе с тем подчеркивает военно-стратегическое значение теснины ущелья, отмечая, что в Кавказских воротах на пути к аланам (с юга – А. Ч.) находится крепость

Баб-Аллан (ворота Алана), место, где малое количество воинов могут преградить путь через горы [Чиби́ров, 2016: 181]. Рассуждая об антропологическом типе осетин, ученый приходит к выводу, что осетины, возможно, первоначально принадлежали к нордической расе, или же вполне возможно, переселились с Севера, хотя их язык явно связывает осетин с ираноязычными народами.

Стремление Ф. Нансена разобраться в этнокультурной составляющей осетинского народа объясняется его стремлением поиска прародины скандинавов. Именно это позволило ему увидеть в культуре осетин черты, явно схожие со скандинавами. «Для жителей Севера этот народ (осетины – А.Ч.) представляет некоторый интерес потому, что их название связывают с древнорвежским словом *ass*» – писал он. Это позволило ему выдвинуть несколько скоропалительное предположение, согласно которому осетины, как и асы, были, возможно, скандинавского происхождения. «Для нас, – продолжает он, – этот народ (осетины – А.Ч.) представляет определенный интерес, поскольку его название связано с древнескандинавским словом для богов: Снорри Стурлусон⁴³ говорит в Саге об Инглингах⁴⁴, что страна на восток от Танаиса (Дон) в Азию называлась *Asaland* или *Asaheim*, а главный город в этой земле назывался Асгард, и что вождем этой земли был сам Один» [Чиби́ров, 2016: 181]. Таким образом, Стурлусон связывал этноним *Ass* с Азией, на что Ф. Нансен заявляет, что «само это название, несомненно, приведет к Оссам-Ассам, которые жили именно к востоку от реки Танаис или Дон; а *Asland* и есть земля Оссов». Далее он рассказывает о «неблагоприятных обстоятельствах заставивших Одина уйти со своими людьми сначала в Россию, затем в Германию и оттуда на север» [Чиби́ров, 2016: 181]. Осетино-скандинавские параллели, на которые ссылается Ф. Нансен, на этом не заканчиваются. Сравнивая обычаи, связанные с

⁴³ Снорри Стурлусон (исл. *Snorri Sturluson*; 1178, Хвамм - 23 сентября 1241, Рейкхольт) - исландский скальд, прозаик, историограф и политик. Больше всего известен как автор Младшей Эдды.

⁴⁴ «Сага об Инглингах» (др.-исл. *Ynglinga saga*) - один из важнейших источников по ранней истории Скандинавии. Предположительно написана в 1220 -1230 гг.

покровителем грома и молнии у осетин *AsElia* (Уацилла) и норвежским громовым богом Тор, он пишет: «Когда кто-то получает удар молнии, говорят, он был поражен Уацилла. ... Мертвых либо хоронили на месте, где он был поражен, или в случайном месте, где сама по себе останавливалась двухколесная повозка с телом, запряженная двумя козами⁴⁵. На месте захоронения черного козла забивают и меха вешают на шесте. ... Это заставляет меня задуматься, не могут ли они и двухколесная повозка иметь нечто общее с повозкой бога Тора?» [Чиби́ров, 2016: 181].

Согласно поверьям осетин, Уацилла, желая освободить народ от дракона Руймона⁴⁶, заковывает его в цепи и тянет к поверхности, где небесные духи режут его тело на куски (их смертные съедают и становятся молодыми). Здесь Ф. Нансен сравнивает Уацилла с древнескандинавским мифом о Торе, поймавшем в Йотунхейме на крючок Мирового змея и, вытащив его на поверхность. Ученый отмечает: «Кажется, это какая-то связь с Тором и Мидгард-змеем, который оцепил Землю и которого Тор поймал во время рыбалки...» [Чиби́ров, 2016: 181].

В целом автор очерка имеет четкое представление об осетинском пантеоне, перечисляя не только небожителей, но и определяя функции, которые они исполняют: *Хуыцауты Хуыцау* (верховный бог, повелевающий всем, как добром, так и злом, которому всегда поклоняются люди), *Барастыр* (бог суда, рая и ада), *Хурартхурон* (Сын Солнца), *Уацилла* (бог полей, урожая), *Донбеттыр* (бог воды и рыбы), *Сау-Барæг* (бог, защищающий от разбойников). В перечень попали и боги луны, игр,

⁴⁵ На самом деле в повозку запрягались не козы, а молодые бычки, предпочтительно черной масти – А.Ч.

⁴⁶ Руймон (осет. *Руймон*) - персонаж осетинского нартского эпоса, змеевидное чудовище. Руймон рождается от оленихи слепым. Если он похож на мать, то она начинает его кормить. В противном случае, если детеныш начинает вырывать деревья и грызть камни, то мать, определяя по этим признакам новорождённое чудовище, убегает от него. Считается, что новорождённый Руймон может стать зрячим и тогда, увеличиваясь постепенно до невероятных размеров, он может уничтожить всех людей. Чтобы этого не случилось, Уацилла (по другим вариантам - *Елия*) заковывает увеличивающегося Руймона в цепи и отправляет на небо, откуда тот уже не способен навредить живущим на земле людям. Небесные духи - *зедта* – осет.) - отрубают от Руймона куски его тела и раздают их умершим, которые изготовив из этих кусков чудесное снадобье и приняв его, воскресают в том состоянии и возрасте, в котором умерли. По мнению В. Абаева имя Руймон происходит от слова «римлянин» и уходит своими корнями в ту эпоху, когда предки осетин, аланы, вели борьбу с Римом. С течением времени образ римлян стал синонимом «чудовища».

крупного рогатого скота, которые в пантеоне осетин не значатся. Что касается божества *Сау Барæг*, то здесь речь идет не о боге, защитнике от разбойников, а покровителе воров и любителей легкой наживы. Ф. Нансен подробно описывает празднование в честь патрона нечистых сил – *Кæйдæртæ*, который обычно справляли между Рождеством и Новым годом. Во время справления церемонии в молитве старшего ни в коем случае не упоминались имена всех главных божеств осетинского пантеона, а из приготовленных яств в честь патрона низших, нечистых духов не полагалось угощать нечленов семьи. «Это же, как наши соотечественники говорили: если кто-нибудь ищет дружбы дьявола, имя бога нельзя произносить, иначе дьявол исчезнет сразу», – восклицает Ф. Нансен [Чиби́ров, 2016: 181].

Описывая священные рощи осетин, Ф. Нансен акцентирует внимание на следующем пассаже: «Характерны в священных рощах осетин большие кучи веток под определенными деревьями: каждый проходящий эту рощу обязан положить ветку или кусок дерева в жертву богу рощи» [Чиби́ров, 2016: 181]. Весьма примечательно, что, задолго до Ф. Нансена (в середине XIX в.), этот обычай в том же регионе зафиксировал немецкий путешественник и энтомолог Рудольф Рангнов, описав свое путешествие, которое случилось не позднее 1913 г., в книге под названием «В стране чёрного ветра. Среди казаков и кавказцев». Проезжая по Дарьяльскому ущелью на речной долине напротив Казбека, он заметил березняк, куда и отправился. «В глаза мне сразу бросились несколько больших куч хвороста, которые никак не могли оказаться здесь случайно. Напротив, уже их размеры говорили о том, что хворост был собран и сложен в кучи совершенно осознанно. Это поразило меня, потому что основным топливом у горцев является не дерево, а высушенный навоз» [Rangnow, 1941: 216]. Наблюдаемое действие напомнило Нансену аналогичный обычай из родного края: «В Норвегии мы имели такой же обычай, и все еще можно увидеть большие кучи веток на дорогах, где прохожие вешают ветку по старой привычке, не зная почему» [Чиби́ров, 2016: 181]. Налицо интересный реликт

скифской эпохи, отголосок известного скифского обычая, когда в честь Ареса скифы строили огромные помосты из хвороста, вершину которого венчал меч. В Нартиаде подобно скифам, Батрадз повелевает нартам сложить ему громадный стог хвороста (как варианты: колючки, выжженные древесные угли). Когда стальной герой взбирается на стог, нарты стали раздувать костер [Сказания ... , 1981: 293 и сл.].

Ф. Нансен находит параллели и между увиденными им в Осетии большими трехметровыми камнями, которые воздвигнуты на старинных могилах, и стоячими скандинавскими камнями-баутастейнами. Ученый пишет, что плоские осетинские лепешки напоминают ему лепешки в норвежских хуторах. Он же обращает внимание на то, что осетины сплавливают лес по рекам на скандинавский манер. В своем очерке Ф. Нансен описывает осетинские горные селения, в которых, как он утверждает, проживало от 20–30 хозяйств до 50 или 60: «В деревнях есть всегда высокие башни для обороны, и нередко один на каждой отдельной ферме. Во все времена эти люди должны были быть готовы к войне». Ученый видел разницу в хозяйственной деятельности в различных географических поясах: «Они живут за счет сельского хозяйства, но еще более животноводства, особенно в горах. ... Навоз собирается и используется, как и у нас, для удобрения полей. Это также обычай других кавказских народов, которые ... используют сушеный навоз и на топливо». И далее: «В горах, где нет лесов, иначе трудно получить топливо. Навоз месят с соломой, разрубают на куски и ... оставляется сушиться на солнце» [Чибиров, 2016: 181]. В поисках осетино-скандинавских этнокультурных параллелей, Ф. Нансен пытается раскрыть истоки этих связей: «Многие черты осетин, образ жизни и обычаи, и инструменты, показывают большое сходство с северогерманскими народами, может, в большей степени это связано с общим индоевропейским происхождением или же схожими условиями жизни» [Чибиров, 2016: 181].

Естественно, что общее индоевропейское прошлое, а также схожие условия жизни способствовали возникновению общих культурных и

бытовых особенностей. Но в данном случае причины общности обычаев и обрядов представляются нам гораздо более глубокими. Ф. Нансен был убежден, что предки викингов всегда жили на Севере, и, согласно его логике, если у асов на Кавказе и есть что-то общее с асами из северных сказаний, это значит, что именно кавказские асы пришли с Севера. Не являясь профессиональным ученым-историком, Ф. Нансен был склонен разделять эту точку зрения, господствовавшую в историографии Скандинавии. Тем не менее, полной уверенности в правоте этой версии у него не было. С одной стороны, он считал, что осетины, «должно быть, прибыли на Кавказ с севера, и были широко распространены на юге России в течение первых веков нашей эры, и что к переселению народов в эту пограничную область между Азией и Европой могла привлекать горная цепь Кавказа с вершинами высотой до 5 тыс. м.». Однако, в той же работе он сомневается в северном происхождении асов-алан, подчеркивая при этом их ираноязычие.

Между тем мнение скандинавских историков о северном происхождении асов-алан не обставлено ни соответствующими нарративными источниками, ни данными все более расширяющихся археологических раскопок в регионе. Мнение, к которому пришли скандинавские исследователи, коррелируется с академической наукой: асы пришли на Кавказ с Востока, из Азии [Хейердал, Лиллиемстрем, 2008: 214]. Ими также был установлен факт миграции ираноязычных асов и их предков в низовья Дона не с Севера, а с Востока. Свидетельство ученых о восточном происхождении асов-алан заставило задуматься исследователей о причинах проявления столь тесных осетино-скандинавских сходжений. Одним из первых эта этногенетическая загадка заинтересовала выдающегося норвежского ученого и путешественника Тура Хейердала. Чтобы проверить достоверность сообщений *Саги об Инглингах* о стране на востоке от Танаиса (Дона), в 2000 и 2001 гг. Т. Хейердал, организовал большую совместную российско-норвежскую археологическую экспедицию в район Танаиса, в г. Азов. Проанализировав добытые погребальные материалы двух аланских

поселений, он подтвердил как миграцию предков алан-асов с Востока через Среднюю Азию, так и тезис исландского историографа Снорри Стурлусона о том, что в районе Азова жили люди, которые называли себя *асами* [Хейердал, Лиллиемстрем, 2008: 354]. Также получили подтверждения положения, согласно которым древнескандинавские названия «Асгард» или «Осгород», употребленные Снорри в отношении крепости и капища Одина, по-русски звучали бы как Асгород – город асов. Раскопки подтвердили также, что Азов находился там, где Снорри поместил капище асов, что Азов был основан сарматами и находился в самом сердце царства алан [Хейердал, Лиллиемстрем, 2008: 361, 362, 369]. Итоги совместной российско-норвежской археологической научной экспедиции по Т. Хейердалу таковы: в I в. н.э., до прихода римлян, Азовская возвышенность была заселена народом, который греки называли общим именем «сарматы», хотя, согласно старым хроникам, сами они называли себя асами. Победоносное наступление римлян привело к тому, что могущественные цари и правители страны асов бежали или погибли от рук римлян. Тех, кто бежал, следует искать в других местах, например, в могильниках Скандинавии [Хейердал, Лиллиемстрем, 2008: 378, 389]. По Т. Хейердалу, викинги в лице асов, предков современных осетин, пришли на Север с юга России и имеют азово-кавказские корни. Таким образом, осетино-скандинавские исторические и этнокультурные параллели, впервые проведенные Ф. Нансеном, послужили для Т. Хейердала базой для дальнейшего развития научной концепции по этногенезу скандинавских народов. Германские боги-асы, считает Т. Хейердал, ушли с юга России на Север и стали там обожествленной дружиной исторических асов – реального народа, известного в древности и Средневековье. Научная гипотеза ученого и путешественника Т. Хейердала о том, что теснимые римлянами местные воины из племени асов, во главе с легендарным вождем Одином, переселились из южнорусских степей через Европу к берегам Норвежского побережья, имеет все больше и больше сторонников. Об этой, реально существующей общности, свидетельствуют и довольно

поразительные параллели между осетинской Нартиадой и скандинавскими сагами [Чибиров, 2015: 84–93]. *Асы* в германо-скандинавской мифологии («Эддах» – А.Ч.) – это никак не этноним, а основная группа богов, возглавляемых Одинем, которые наряду с *ванами*, соответствуют *ахурам* и *дэвам* иранской и *асурам* и *дэвам* индоарийской мифологии. В 1922 г. Аксель Ольрик, известный датский фольклорист опубликовал книгу о скандинавском эсхатологическом мифе, в которой полагает, что концепция Рагнарёка⁴⁷ возникла под влиянием некоторых мифов кавказского происхождения, а также персидской и христианской эсхатологии [Элиаде, 2002: 298].

⁴⁷ *Рагнарёк*, или *Рагнарок*, в германо-скандинавской мифологии - гибель богов и всего мира, следующая за последней битвой между богами-асами и хтоническими чудовищами.

ГЛАВА 2. ВОПРОСЫ ИРАНИСТИКИ В ТРУДАХ М.И. РОСТОВЦЕВА

2.1. Русская античность М.И. Ростовцева

Антиковедение знает немало имен крупных ученых (Э. Мейер, Т. Моммзен, Ч. Буэллс, М. Дьяконов, В. Латышев, Д. Каллистров, E. Minnz, В. Сариниди, Т. Скрипник, М. Щукин, В. Зуев и др.), которые занимались исследованием истории и культуры античной эпохи. Каждый из них оставил значительный след в изучении проблематики. Это были действительно имена. Первопроходцы в науке, увлеченные духом изысканий, им посчастливилось быть свидетелями удивительных археологических открытий, которые последовали вслед за раскопками в скифских курганах, предпринятых в конце XIX в., как профессиональными археологами, так и кладоискателями-любителями.

И все же особое место в этом ярком, разнообразном списке занимает великий русский ученый, крупнейший специалист по истории классической древности и по античному Причерноморью Михаил Иванович Ростовцев. Он принадлежал к плеяде русской интеллигенции конца XIX – первой половины XX вв., которая внесла огромный вклад, как в русскую историческую науку, так и в развитие русской духовности. Судьбой М.И. Ростовцеву было предназначено стать одним из самых известных ученых-антиковедов современности. Его научная деятельность была насыщенной, разнообразной и исключительно плодотворной. Известный археолог Б.А. Литвинский писал о нем: «За всем этим скрывается глыба интеллектуальной энергии и огромный талант с чертами гениальности» [Литвинский, 1999: 214]. Помимо исследования непосредственно эллинизма и античного прошлого Причерноморья М.И. Ростовцев внес большой вклад и в изучение социально-

экономической истории Римской империи. Его труды за границей были представлены довольно широко.

Михаил Иванович Ростовцев родился 29 октября 1870 г. в г. Житомире. Семья, в которой он появился на свет, считалась интеллигентной и, как было принято раньше говорить, буржуазно-дворянской. Отец его дослужился до попечителя учебного округа в Оренбурге, достиг чина действительного тайного советника. Юноша получил прекрасное по тому времени гимназическое, а затем высшее образование на историко-филологических факультетах сначала Киевского, затем Петроградского университетов. Огромное значение в творческой судьбе М.И. Ростовцева имели его научные командировки после окончания университета. Финальным аккордом для завершения профессионального образования послужила трехлетняя командировка (1895-1898 гг.) за границу (Италия, Греция, Франция, Австрия, Испания, Северная Африка и др.), которая дала многое будущему ученому в практическом плане. Во время зарубежных командировок он работал не только в музеях и архивах, но знакомился с археологическими раскопками и памятниками античной культуры. В 1898 г. Михаил Иванович начал работать в Петербургском университете и параллельно в ряде других учебных заведений, где преподавал латынь и римскую историю. В 1903 г. М.И. Ростовцев защитил докторскую диссертацию и стал профессором Петербургского университета. О высоких научных достижениях Ростовцева в предреволюционный период свидетельствует и факт его избрания в 1917 г. членом Российской Академии наук.

Бесспорно, М.И. Ростовцев был талантливым археологом. Его выступление на Первом Международном Афинском конгрессе археологов весной 1905 г. называлось «О Керченских росписях», и было посвящено описанию так называемого склепа Деметры в античном Пантикапее [Жебелев, 1905: 1-27]. Ученый был членом Учредительного совета Эрмитажа, где при поддержке известного ученого-антиковеда С.А. Жебелева

и других коллег были заложены основы будущего отдела археологии (1918 г.). В ряде работ, написанных в связи с археологическими открытиями в древнем городе Дура-Европос⁴⁸, М.И. Ростовцев наглядно продемонстрировал значение археологического материала для решения многих исторических проблем. Михаил Иванович прекрасно разбирался не только в археологии, но и в нумизматике, в совершенстве овладел немецким языком, изучал латинскую эпиграфику, установил тесные связи с европейскими коллегами. В Россию из той поездки М.И. Ростовцев вернулся уже полностью сформировавшимся специалистом.

Интересы Михаила Ивановича ограничивались не только наукой. Они охватывали обширные, самые различные аспекты еще и культурной жизни, что позволяло ему общаться и дружить с выдающимися поэтами, писателями и художниками той эпохи. Согласно биографам Александра Блока, поэт был частым гостем у Ростовцевых, и вполне допустимо, что рождение впоследствии у А. Блока поэтических строк о скифах было следствием его тесного общения с Михаилом Ивановичем. После Октябрьской революции Советское правительство предложило ему работать в Народном комиссариате просвещения. Однако, не приняв идей большевизма, М.И. Ростовцев покинул Россию в 1918 году и больше на родину не возвращался [Скифский роман, 1997: 45].

Несмотря на статус и имя в мире науки, эмиграция М.И. Ростовцеву давалась нелегко. Он пытался устроиться в Швеции, Чехии, Англии, но в конечном итоге вынужден был перебраться в США, где обосновался и впоследствии стал профессором Йельского университета. «Что для другого человека в его возрасте (ему было 48 лет – А.Ч.) обернулось бы трагедией, для Ростовцева, сумевшего пережить кризис, стало новым импульсом к творчеству», – писал о нем видный историк-антиковед и исследователь

⁴⁸ Дура-Эвропос (греч. *Δούρα Ἐυρώπος*) - античный город на Евфрате (вблизи современного города Сальхиях в Сирии), существовавший примерно с 300 года до н.э. до 256 года. Получил известность в связи с археологическими находками и хорошо сохранившимися древними фресками. *Дура* на арамейском означает «крепость».

научного наследия ученого Э.Д. Фролов [Фролов, 1990: 161]. Благодаря своим незаурядным способностям, он сумел не только не затеряться в новом окружении, но и занять лидирующие позиции в мировом антиковедении.

За время своей работы в России, Англии и США он был удостоен нескольких почетных докторских дипломов, был избран членом ряда национальных академий и различных ученых обществ в Европе и Америке. В 1935 г. М.И. Ростовцев был избран президентом Американской исторической ассоциации, крупнейшего профессионального объединения историков в США. Тем самым его признание в научном мире вышло за рамки известности среди круга узких специалистов. Влияние и авторитет, которого М.И. Ростовцев достиг в научной и общественной жизни Европы и Америки первой половины XX в., позволяют поставить его в один ряд с такими выдающимися деятелями русской эмиграции, как П.А. Сорокин, И.И. Сикорский и В.К. Зворыкин. Михаил Иванович Ростовцев становится звездой первой величины на небосклоне классической древности. Его труды не выходили из научного обихода в течение многих десятилетий и стали достоянием мирового антиковедения.

М.И. Ростовцев является ученым-новатором русской историографии XIX в. Его концепция этнокультурного синтеза из двух и более составляющих компонентов, образующих цивилизации, не нова. Немецкий историк XIX века Теодор Моммзен (1817-1903) в капитальном труде «Римская история» уже обосновывал эти идеи в пятом томе на материале Римской империи⁴⁹. Наиболее полно М.И. Ростовцев показал свою концепцию в академической монографии «Скифия и Боспор», которая будет представлена ниже.

М.И. Ростовцев прожил долгую и трудную жизнь, однако жизнь эта была насыщенной и яркой, несмотря на потрясения, уготованные ему судьбой. Был в ней некий божий промысел, ибо Михаилу Ивановичу удалось

⁴⁹ М.И. Ростовцев был также крупным специалистом по социально-экономической истории Древнего Рима. См. его «Социально-экономическую историю Римской империи», 1926.

сохранить во времени, пронести сквозь него свою природную интеллигентность, и, более того, стать образцом настоящего русского интеллигента, представителя российской науки. Давая совокупную характеристику М.И. Ростовцеву как неординарному ученому и авторитетной личности, один из его последователей, выдающийся итальянский антиковед, профессор Лондонского университета Арнальдо Момильяно писал: «Кто знал Ростовцева, узнал, что такое величие» [Momigliano, 1966: 98]. Уже в постперестроечное время все труды ученого по античности на иностранных языках, наконец, были переведены и опубликованы в России. М.И. Ростовцев оставил после себя богатое научное наследие по античной истории, в частности по истории и культуре скифов и сарматов. Его работы были фактически первым удачным опытом сочетания исторических свидетельств с данными археологии. «Обладая концептуальным складом ума, непрерывно обогащая изучение античности новыми идеями, Ростовцев разработал концепцию социально-экономической истории и цивилизации эллинизма, Римской империи, античного Причерноморья и скифо-сарматского мира» [Фролов, 1990: 2]. Более всего он внес вклад в исследование социально-экономической истории Римской империи [Фролов, 1990: 2]. Михаил Иванович скончался 20 октября 1952 г. в городе Нью-Хейвен, штат Коннектикут, США.

Научные изыскания М.И. Ростовцева за рубежом были представлены широко, в то время как в Советской России деятельность ученого, в том числе и научная, рассматривалась с негативной точки зрения. В 30-40-х годах в СССР к трудам ученого было весьма предвзятое отношение, его рассматривали как типичного представителя научного модернизаторства в его наиболее реакционной форме. Ученого-эмигранта зачастую критиковали за так называемый «недостаточный патриотизм», ссылаясь на то, что в своих исследованиях во взгляде на античность он слишком ориентируется на европейскую науку. В советской науке 20-30-х годов XX в. он неоднократно был подвергнут критике за свои «ошибки» и теоретические «заблуждения»,

отход от диалектического материализма, причем, как правило, заочно. Так, в 1952 г. состоялась конференция ИИМК АН СССР (Институт истории материальной культуры Академии наук СССР), посвященная проблемам скифо-сарматской археологии. В преамбуле отчетной статьи Н.Н. Погребовой о целях и задачах конференции было сказано: «Перед советскими археологами, изучающими культуру скифов и сарматов, встала неотложная задача пересмотреть существующие в области скифо-сарматской археологии положения, выявить чуждые марксизму концепции, вскрыть имевшие место ошибки и обсудить важнейшие вопросы скифологии, назревшие в трудах советских исследователей, но ещё далекие от своего окончательного разрешения».

Далее по тексту речь идёт о языковой принадлежности скифов. Кто они? Иранцы? Ответ на этот вопрос у Н.Н. Погребовой был следующим: «В среде историков и археологов до последнего времени по поводу иранства скифов преобладало представление, развитое в трудах М.И. Ростовцева, преувеличивающего значение иранских элементов в культуре скифов. М.И. Ростовцев представлял себе скифов, как иранских по языку и культуре завоевателей, поработивших местное население Северного Причерноморья и установивших на широком пространстве Юго-Восточной Европы единую скифскую культуру, в которой скрещивались иранский, греческий и местный элементы» [Погребова, 1954: 3]. В противоположность М.И. Ростовцеву был поставлен другой крупный археолог того времени – А.А. Спицын (1858-1931), наряду с В.А. Городцовым (1860-1945), один из основоположников советской археологии. «А.А. Спицын в своих работах, вышедших в первые годы после революции, решающее значение придавал местным элементам, местному генезису и внутреннему развитию скифской культуры и пытался связать отдельные группы памятников скифского времени с конкретными скифскими племенами» [Погребова, 1954: 3]. Критика Н.Н. Погребовой, носила ангажированный характер в рамках борьбы с «буржуазной»

археологией⁵⁰. Критические возражения Н.Н. Погребовой относительно увлечения М.И. Ростовцева древним иранством вообще, скифо-сарматской проблемой в частности, свидетельствует о теоретической гносеологической незрелости ранней советской археологии, признающей концепции мировой науки «чуждые марксизму» – враждебными. Даже заявление о том, что вопросы скифологии «еще далеки от своего окончательного разрешения», говорит о теоретической путанице, ибо процесс научного познания мира бесконечен. Решая одну проблему, учёный сталкивается с другой, вытекающей из первой и т.д. Безусловно, права В.Б. Ковалевская, заметившая, что «весь интерес научной работы заключается в том, что ты только приближаешься к истине, но никогда не можешь её достичь» [Ковалевская, 2005: 180].

Характерна и резолюция конференции 1952 г. Чтобы понять влияние идей М.И. Ростовцева на советскую археологию тех лет, приведем соответствующий фрагмент из статьи Н.Н. Погребовой: «Сторонники так называемого «нового учения» Н.Я. Марра о языке на словах отгораживались от концепции М.И. Ростовцева о кочевниках, господствовавших над населением Северного Причерноморья и принесших с собой один из трех элементов, якобы слагавших скифскую культуру – «иранский, собственно персидский» и создавший, по мнению М.И. Ростовцева, на огромных пространствах единую в основных формах культуру. На деле же сторонниками Н.Я. Марра было переоформлено и часто повторялось введенное М.И. Ростовцевым понятие о трёх скрестившихся здесь культурных элементах (местном, греческом и иранском) и полностью было усвоено понятие об «иранцах-завоевателях», якобы господствовавших над стадияльно ниже стоявшими «яфетическими элементами» [Погребова, 1954: 15].

⁵⁰ Подобная формулировка была очень популярна в советской науке. Согласно ей получалось, что и археология в своей природе имеет классовый характер. Удивительно, как в те времена не додумались до понятия «пролетарская» археология - А.Ч.

Итак, концепция М.И. Ростовцева об этнокультурном синтезе на юге России в скифо-сарматскую эпоху на этом официальном форуме археологов была отвергнута как «буржуазная». Однако не все его коллеги в Советском Союзе разделяли эти суждения, ссылаясь на мнение, что никакая наука не может быть наукой одной страны. Сторонник подобных взглядов на наследие М.И. Ростовцева, известный советский археолог М.И. Артамонов писал: «Блестящий эрудит и тонкий исследователь, одинаково ценивший и сведения, сообщаемые древними авторами, и данные археологии, умеющий критически разобраться и в тех и других, М.И. Ростовцев в синтезе во многом превзошел своего предшественника в этом деле, английского ученого E. Minns'a» [Артамонов, 1947: 68].

В послевоенный период, особенно в 50-60-е годы, отношение к наследию ученого изменилось в лучшую сторону. Советская историческая энциклопедия даже подчеркивает его огромный вклад в современную историческую науку [СИЭ, 1969: 219]. Однако действительное признание научное наследие ученого получило в постперестроечное время, когда сформировался подлинно объективный взгляд как на саму фигуру М.И. Ростовцева, так и на значимость его трудов для исторической науки России. Начиная с конца 80-х годов почти все его важнейшие работы, написанные им на иностранных языках, были переведены и изданы в России.

В 1986 г. в Воронеже вышла монография А.Д. Пряхина «История Советской археологии», в которой концепция М.И. Ростовцева об этнокультурном синтезе на юге России в скифо-сарматскую эпоху нашла иное понимание, избавившись от идеологической «обязаловки»: «По своей сути, высокой оказалась предпринятая одним из ведущих отечественных специалистов дореволюционной школы М.И. Ростовцева попытка целостного рассмотрения античной и скифо-сарматской проблематики. Речь идет о его работах, которые были написаны до революции, но увидели свет уже в советское время. М.И. Ростовцев стремился задействовать весь имевшийся к тому времени комплекс данных, включая предпринятую им

попытку систематизировать и провести анализ значительного археологического материала. М.И. Ростовцеву удалось соединить в единое целое изучение греко-римского и скифо-сарматского миров» [Пряхин, 1986: 92].

Вместе с тем А.Д. Пряхин отмечает некоторые спорные даже неприемлемые положения во взглядах и убеждениях М.И. Ростовцева. В основу его представлений о скифах лёг тезис о единстве их культуры, этноса и территории. Сосредоточив внимание на соотношении иранского и античного миров, он не уделил такого внимания местному компоненту, теперь именуемому субстрат. Неприемлемым также представляется положение М.И. Ростовцева о Скифии как государстве типа хазарского каганата VII-X вв. или Золотой Орды XIV в. Можно сказать, что в таком большом и сложном труде, как «Скифия и Боспор», ошибки и слабые места, спорные моменты неизбежны и объяснимы состоянием источников. Это особенно актуально для тех, кто занимается древностью. Естественно, что М.И. Ростовцев не мог не видеть разницу между Скифией и Золотой Ордой и обвинять его в подобной научной безграмотности как минимум некорректно.

Помимо прочего, в новейший период на страницах журнала «Вестник древней истории» были опубликованы неизданные сочинения М.И. Ростовцева, а в 2013 г. переиздается его известный труд «Скифия и Боспор», впервые увидевший свет в 1925 г. Более того, в честь ученого стали проводиться тематические конференции. Можно сказать, что именно тогда М.И. Ростовцев вернулся на родину навсегда.

Научную деятельность М.И. Ростовцева условно можно поделить на российский, доэмиграционный период, и труды, которые он опубликовал, уже находясь за пределами России. До эмиграции 1918 года Михаила Ивановича больше интересовала древняя история русского народа. Потому доминирующее место в его научном наследии заняли труды по эллинизму и иранизму на юге России. В этот период он сосредоточился на антиковедении,

то есть изучении истории и культуры народов, проживавших на юге России в древнейшую, дославянскую эпоху.

В статье «Судьба ученого: Ростовцев и его место в русской науке об античности», известный советский антиковед Э.Д. Фролов разделил труды ученого по антиковедению на две группы. В первую он отнес работы по архитектуре и изобразительному искусству античного побережья Северного Причерноморья, а во вторую группу – многочисленные статьи, посвященные античным городам (Ольвии, Херсонесу) и государствам Северного Причерноморья (Хараксу, Боспор) [Фролов, 1990: 162-163].

Работы, относящиеся к первой группе, довольно основательны. Среди них важнейшей, на наш взгляд, является небольшая по объему книга «Античная декоративная живопись на юге России», в которой М.И. Ростовцев показал себя выдающимся специалистом по античному искусству. В книге дается описание и всестороннее исследование античных памятников, сохранившихся на юге России. Вторая часть книги представляет из себя роскошно изданный атлас, в который включены 112 таблиц с рисунками.

Из работ второй группы доминирующее место занимают труды по античным городам Причерноморья. При этом главные интересы ученого касались культурных контактов скифо-сарматского мира и эллинизма, которые являются ничем иным, как предтечей истории славянства. Рассматривая древнюю историю России в контексте процессов, происходящих в южнорусских степях в праславянскую эпоху, Михаил Иванович уделял огромное внимание истории народов и государств, существовавших в этом ареале в древности, а также взаимоотношениям между этими народами. Он прекрасно осознавал, что невозможно изучение древней русской истории без исследования истории племен и народов, обитавших в южнорусских степях начиная с I тыс. до н.э. Более того, ученый считал, что славянские племена являются наследниками греческой и скифо-сарматской культуры. Безусловной заслугой М.И. Ростовцева является и то,

что он «впервые обобщил и подытожил результаты исследований русских археологов дореволюционного периода в области изучения истории и культуры скифов и сарматов» [Смирнов, 1964: 10]. Его труды были фактически первым удачным опытом соединения исторических свидетельств с данными археологии. Общий список научных статей и монографий М.И. Ростовцева вместе с переизданиями насчитывает 680 названий. И, как отмечает Б.А. Литвинский, «Каждая статья это не только шедевр учености, но и совершенно новая, более глубокая интерпретация, свежая идея или концепция, одним словом – открытие» [Литвинский, 1999: 214].

Стремление сохранить беспристрастность при изучении вопроса происхождения русского народа, желание добраться до истинной сути, привели М.И. Ростовцева к необходимости исследования истории народов, живших на юге современной России в дославянскую эпоху. Отвечая на вопрос, какая может быть связь между эллинами и иранцами, сидевшими на юге России в эпоху, когда о славянах и русских ничего не было известно, ученый пишет, что эта связь не этнографическая, и не политическая, а культурная, связь преемственности культур, того жизненного уклада, который позднее сделался Россией. Настаивая на таких принципах исследования древней русской истории, он осудил практиковавшееся до него отдельное друг от друга изучение эллинства и иранства, связал историю юга России с историей античного мира вообще, в результате чего достиг выдающихся научных успехов. Отдавая должное такому подходу к изучению русской старины и последующие великолепные результаты, автор лучшей аналитической статьи о творчестве М.И. Ростовцева, Э. Фролов писал: «Совершавшееся в глубочайшей древности в Причерноморье плодотворное взаимодействие античной и скифо-иранской культур, не прошло бесследно для восприемников этого древнего симбиоза славянских племен, и что уже таким путем Россия была вовлечена во всемирно-исторический культурный процесс» [Фролов, 1990: 157].

Признавая значимость работ М.И. Ростовцева по эллинизму и иранству для мирового антиковедения, тем не менее, необходимо отметить, что в свете всеобщего взгляда на проблематику некоторые его положения могут быть подвергнуты критическому осмыслению, и для этого существуют весьма веские и объективные причины. Конечно же, ему могла быть недоступна литература, издающаяся в СССР, в частности труды В.И. Абаева и многих других иранистов-осетиноведов. Малодоступность советской научной литературы весьма объяснима, однако в его трудах, касающихся иранства, нет ссылок как на знаменитые «Осетинские этюды», так и на другие работы В.Ф. Миллера. В результате, работая над исследованиями по иранистике, М.И. Ростовцевым была запущена в научный оборот не вся литература по древней и средневековой истории юга России, касающаяся скифов, сарматов, алан. Как правильно было подмечено В.И. Кузициным, «направление научного поиска М.И. Ростовцева в целом было верным и предвосхитило многие достижения современной науки» [Кузицин, 1989: 207].

2.2. Аналитический обзор античных источников.

Труды ученого по античности

Перед нами не стоит задача обзора и анализа многочисленных и многоаспектных трудов Михаила Ивановича. Не представляется также возможным совершать подобные экскурсы в тему об историко-культурном наследии ученого, и его значении для понимания огромной, основной проблемы, волновавшей М.И. Ростовцева – синтез и контаминация иранского и эллинского как результат, необходимый для дальнейшего движения по пути развития цивилизации нового уровня. В данном исследовании мы хотим лишь вычлениить и проанализировать работы ученого, имеющие отношение к иранскому миру, к скифам и сарматам, провести параллели с результатами уже известных изысканий в этой области, оценить многие идеи М.И. Ростовцева совершенно по новому, естественно, в сравнении с его

прежними оценками. Этим мы надеемся чуть облегчить задачу для будущего исследователя всего научного наследия ученого.

Как верно было отмечено академиком С.А. Жебелевым, скифская проблема весьма сложна, и ее правильное решение зависит от точного истолкования письменных источников Геродота, к Скифии и скифам относящиеся [Жебелев, 1938: 151]. Киммерийцы и скифы впервые появляются в поле зрения переднеазиатской исторической традиции в «Известиях древних писателей о Скифии и Кавказе. Восточные тексты» (1947), а также в трудах известного востоковеда, специалиста по древней истории Ирана М.И. Дьяконова. Некоторые исторические и этнографические сведения о скифах и киммерийцах содержатся в Библии (Второзаконие; Книга Пророка Иеремии; Книга пророка Софонии). Однако наиболее полный свод источников, как греческих, так и античных, относящихся к скифам, собран и переведен В.В. Латышевым в двухтомной работе под названием «Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе». Переводы эти считаются вполне удовлетворительными, что позволяет ученым-скифологам для своих исследований использовать в основном этот материал.

За всю многовековую историю античной цивилизации множество ее представителей – ученых, писателей, поэтов, политических деятелей и путешественников, писали или упоминали в своих заметках о племенах и народах, населявших Северное Причерноморье и степи Восточной Европы. Лишь незначительная часть этого объема информации дошла до наших дней. В последнее время письменные источники обогатились исследованиями, комментариями, переводами и т.д., многократно превышающими по объему оригинальные тексты. К пионерам в исследовании этих артефактов, касающихся античных источников по Северному Причерноморью и югу России, можно без преувеличения отнести и М.И. Ростовцева. Созданная им стройная концепция развития античных традиций на Северном Причерноморье остается незыблемой по настоящее время. Античных

писателей интересовало о скифах буквально все. В их трудах содержится немало интересных сведений о быте, религии, культуре скифов. Есть авторы, которые отдавали предпочтение политическим событиям, происходящим в Скифии. Другие касались религии, государственного строя. Некоторые же, такие как Геродот, старались дать объемные, исчерпывающие сведения о скифах, начиная с их этнической принадлежности, культуры, быта, политической истории, государственного строя и т.д. Более всего скифами интересовались их непосредственные соседи греки-ионийцы, в трудах которых много материала о припонтийских народах, племенах скифов, сарматов и др. Однако, как отмечает М.И. Ростовцев, у авторов-ионийцев была тенденция «включить скифов в число тех племен, которые сыграли известную роль в истории мировой культуры» [Ростовцев, 2013: 86]. По его мнению, интерес античных авторов к Северному Причерноморью то повышался, то понижался, в зависимости от роли, которую оно играло в исторических судьбах античного мира [Ростовцев, 2013: 86].

Греки стали проявлять интерес к скифскому миру тогда, когда усилилась политическая и экономическая роль ионических городов Малой Азии. Тогда же началось освоение ими черноморского побережья. Малоазийские греки до персидских войн стояли в культурно-политическом отношении во главе всего эллинского мира. Они быстрее своих современников в метрополии перешли от монархии через тиранию к демократии, они же положили начало науке, философии и поэзии. Узкие пределы Эгейского моря не могли их удовлетворять; бодрый дух предприимчивости и пытливости увлекал их на север и запад, а по «их стопам шли уже их европейские собратья. Если не принимать во внимание миф об Аргонавтах, то уже в Гомеровских поэмах и у Гесиода мы найдем следы знакомства эллинов с северными берегами и странами Черного моря; в упоминаемых в Илиаде «доителях кобылиц, млекоедах» нельзя не признать скифов» [Багaley, 1914: 47]. Профессор Д.И. Багaley писал: «Существует мнение, что до греков были хорошо знакомы с водами Понта и его берегами

карицы и финикияне, которые завязали здесь торговые сношения; но нужно сказать, что следы этих сношений ничтожны, и они лежат за пределами истории, в историческое же время мы застаем черноморскую торговлю в руках греков» [Багaley, 1914: 47]. Первыми колонизаторами Понта Эвксинского были города-государства Мегара в Европе и Милет в Малой Азии. В VII в. до н.э. Мегаре принадлежали города Халкедон и Византия. Однако, колонии Милета, которому в древности приписывали основание восьмидесяти колоний, превосходили мегарские как числом, так и значимостью. Эти колонии, как правило «образовались из факторий, торговых станций, которые первоначально были занимаемы лишь во время навигации, а затем, благодаря постепенному наплыву новых поселенцев, обратились в целые города. В большинстве случаев основание греческих колоний на чужой территории на понтийском побережье происходило мирным путем, без насильственного образа действий. Высокое превосходство греческой культуры и умение греков сделаться для варваров необходимыми способствовали этому. При высылке колоний метрополия – в данном случае Милет – давала лишь ограниченное количество граждан, которые составляли ядро предприятия, остальные участники набирались из других городов и состояли, главным образом, из бедняков и вообще лиц, недовольных социальным строем на родине» [Багaley, 1914: 48-49].

Наиболее активные контакты со скифами начали проходить во время колонизации греками-ионийцами прибрежных зон Черного моря. М.И. Ростовцев отмечает: «Так как хозяевами северного побережья Черного моря и части его восточного берега были скифы, и греческим поселенцам приходилось встать от скифского царства в отношении вассальной зависимости, такие же, в каких находились города Малой Азии сначала от лидийского, а затем от персидского царства, то грекам необходимо было знать, с кем они имеют дело, каково их прошлое и настоящее, какова культура и вообще весь облик их крупного и, как казалось, прочно организованного царства» [Ростовцев, 2013: 192]. Греки живо

интересовались своими новоявленными соседями. Ученый пишет: «Наиболее близка грекам, и специально грекам ионийским, малоазиатским, Скифия и греческие города Понта на заре греческой истории, в эпоху наибольшего политического расцвета Скифии и первых этапов развития греческих черноморских колоний» [Ростовцев, 2013: 1]. Хронологически это был период между VII-V вв. до н.э., «когда собрано было наибольшее количество положительных, реальных сведений о нашем юге. В это время сложилась раз и навсегда та картина распределения племен и народов, соседствовавших с греческими городами северного и восточного побережья Понта, которая затем только изменяется в деталях, продолжая влиять даже тогда, когда реальная действительность в корне изменилась» [Ростовцев, 2013: 2-3].

Обозревая литературу, касающуюся изобретения железа, М.И. Ростовцев приводит греческие предания, представляющие историографический интерес. Греки приписывают изобретение железа двум народам – *халибам*⁵¹ и *скифам*. Эсхил считал железо изобретением скифов, а Скифию, которую он помещал на Кавказе, называл матерью железа. Гесиод же изобретателем меди считал скифа Деласа. Согласно Валерию Флакку и другим античным авторам первыми металлургами древности считаются халибы. Валерий Флакк считает, что халибы были изобретателями не только железа, но и железных орудий. Между тем, греческие предания причисляли халибов к скифам [Ростовцев, 2013: 20-21], что не согласуется с историческими реалиями. Халибы были современниками скифов, но жили в южном Кавказе между южным берегом Черного моря и верхним течением Евфрата [СИЭ, 1974: 492]. Восточные халибы назывались халдами-халдеями, которые проживали в Халдии. В истории не зафиксированы ни их контакты со скифами, ни этническое родство.

Первое вполне определенное упоминание о скифах сохранил короткий отрывок поэмы, приписываемой Гесиоду. Вслед за этим скифы упоминаются

⁵¹ Халибы (греч. *Χάλυβες, Χάλυβοι*) - древний народ, живший в Малой Азии на побережье Чёрного моря между племенами тибаренов (обитавших в районе Синопа) на западе и моссинойков на востоке.

в знаменитой поэме Гомера «Илиаде», который называл их не иначе, как «дивные доители кобылиц, млекоеды» (Гомер, XIII.). Геродот, прозванный с легкой руки философа и оратора Марка Туллия Цицерона «Отцом Истории», рассказывая о местоположении Скифии говорит, что «В области, лежащей еще дальше к северу от земли скифов, как передают, нельзя ничего видеть и туда невозможно проникнуть из-за летающих перьев. И действительно, земля и воздух там полны перьев, а это-то и мешает зрению»⁵² [Геродот, 1972: 189]. Геродоту вторит и Псевдо-Гиппократ (De aere 26), который пишет, что «в Скифии стоит вечная зима, а лето продолжается лишь несколько дней, да и то не очень теплых» [Куклина, 1985: 162]. О климате Скифии писали Дионисий, называющий «несчастливыми обитателей скифских равнин», Евстафий, Вергилий, Лукан, Валерий Флакк, Фест Авиен и др. Особое место в этом списке занимает Овидий, поскольку его поэтические описания скифских холодов «сделали картину вечной скифской зимы как бы канонической». Отправившись в ссылку в Томы (ныне г. Констанца в Румынии), милетскую колонию на западном побережье Черного моря, Овидий писал в Рим, что «его заставили жить на самом конце земли, в крайних пределах ледяной Скифии, под ледяной осью Медведицы» [Куклина, 1985: 163].

В своей «Истории» Геродот приводит три сказания о происхождении скифов. Первая рассказывает о сыне Зевса и дочери речного божества Борисфена Таргитао⁵³, у которого было три сына: Липоксаис, Апоксаис и Колаксаис, в царствование которых «на Скифскую землю с неба упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Первым увидел эти вещи старший брат. Едва он подошел, чтобы поднять их, как золото запылало. Тогда он отступил, и приблизился второй брат, и опять золото было объято пламенем. Так жар пылающего золота отогнал обоих братьев, но, когда подошел третий, младший, брат, пламя погасло, и он отнес золото к себе в

⁵² Вероятнее всего Геродот имел ввиду метель и вьюгу. – А.Ч.

⁵³ В греческой мифологии Таргитао соответствует Геракл. – А.Ч.

дом. Поэтому старшие братья согласились отдать царство младшему. Так вот, от Липоксаиса, как говорят, произошло скифское племя, называемое *авхатами*, от среднего брата - племя *катиаров* и *траспиев*. а от младшего из братьев – царя – племя *парлатов*. Все племена вместе называются сколотами, т.е. царскими. Эллины же зовут их скифами» [Геродот, 1972: 188].

Еще одна версия, греческая, говорит о том, что скифы произошли от связи Геракла с полумифической женщиной-змеей: «Верхняя часть туловища от ягодиц у нее была женской, а нижняя – змеиной. Увидев ее, Геракл с удивлением спросил, не видала ли она где-нибудь его заблудившихся коней. В ответ женщина-змея сказала, что кони у нее, но она не отдаст их, пока Геракл не вступит с ней в любовную связь. Тогда Геракл ради такой награды соединился с этой женщиной. Однако она медлила отдавать коней, желая как можно дольше удержать у себя Геракла, а он с удовольствием бы удалился с конями. Наконец женщина отдала коней со словами: «Коней этих, пришедших ко мне, я сохранила для тебя; ты отдал теперь за них выкуп. Ведь у меня трое сыновей от тебя. Скажи же, что мне с ними делать, когда они подрастут? Оставить ли их здесь (ведь я одна владею этой страной) или же отослать к тебе?». Так она спрашивала. Геракл же ответил на это: «Когда увидишь, что сыновья возмужали, то лучше всего тебе поступить так: посмотри, кто из них сможет вот так натянуть мой лук и опоясаться этим поясом, как я тебе указываю, того оставь жить здесь. Того же, кто не выполнит моих указаний, отошли на чужбину. Если ты так поступишь, то и сама останешься довольна и исполнишь мое желание». С этими словами Геракл натянул один из своих луков (до тех пор ведь Геракл носил два лука). Затем, показав, как опоясываться, он передал лук и пояс (на конце застежки пояса висела золотая чаша) и уехал. Когда дети выросли, мать дала им имена. Одного назвала Агафирсом, другого Гелоном, а младшего Скифом. Затем, помня совет Геракла, она поступила, как велел Геракл. Двое сыновей – Агафирс и Гелон не мог ли справиться с задачей, и мать изгнала их из

страны. Младшему же, Скифу, удалось выполнить задачу, и он остался в стране. От этого Скифа, сына Геракла, произошли все скифские цари. И в память о той золотой чаше еще и до сего дня скифы носят чаши на поясе» [Геродот, 1972: 189]. В другой версии этого мифа, которую передает Диодор Сицилийский, в качестве супруга Ехидны выступает Юпитер, или скифский Папай [Голубев, 1997: 191]. Более того. Одним из самых известных народных преданий Камбоджи является сказание, которое возводит происхождение первой царской династии к женитьбе индийского принца на Наги⁵⁴ [Голубев, 1997: 186].

Третье сказание, которому Геродот по собственному признанию доверял больше всего, гласило: «Кочевые племена скифов обитали в Азии. Когда массагеты вытеснили их оттуда военной силой, скифы перешли Аракс и прибыли в киммерийскую землю (страна, ныне населенная скифами, как говорят, издревле принадлежала киммерийцам). С приближением скифов киммерийцы стали держать совет, что им делать пред лицом многочисленного вражеского войска. И вот на совете мнения разделились. Хотя обе стороны упорно стояли на своем, но победило предложение царей. Народ был за отступление, полагая ненужным сражаться с таким множеством врагов. Цари же, напротив, считали необходимым упорно защищать родную землю от захватчиков. Итак, народ не внял совету царей, а цари не желали подчиниться народу. Народ решил покинуть родину и отдать захватчикам свою землю без боя; цари же, напротив, предпочли скорее лечь костью в родной земле, чем спастись бегством вместе с народом. Ведь царям было понятно, какое великое счастье они извели в родной земле и какие беды ожидают изгнанников, лишенных родины. Приняв такое решение, киммерийцы разделились на две равные части и начали между собой борьбу. Всех павших в братоубийственной войне народ киммерийский похоронил у реки Тираса (могилу царей там можно видеть еще и поныне).

⁵⁴ Наги (санскр. नाग; *наг* — «змея») - змееподобные мифические существа в индуизме и буддизме. Изображаются в виде змей с человеческим торсом и человеческой головой, укрытой сверху веером змеинных голов. Обитают в пещерах и водоёмах, на земле, в воде или под землей.

После этого киммерийцы покинули свою землю, а пришедшие скифы завладели безлюдной страной» [Геродот, 1972: 190].

Согласно первым двум легендам, скифской и греческой, скифы были автохтонами в занимаемой ими стране. Обе легенды при этом связывают их происхождение с Приднепровьем, где в низовьях реки находилась упоминаемая Геродотом Гилея⁵⁵ и где в современной правобережной Украине жили скифы-пахари, среди которых только и могла сложиться легенда об упавших с неба земледельческих орудиях. Но это противоречит известию самого Геродота, по которому скифы переселились в Причерноморье из Азии и изгнали первоначальных его обитателей киммерийцев. Это известие подчеркнуто им из греческой поэмы «Аримаспия», автором которой был Аристей, эпический поэт VI в. до н.э. Аристей рассказывал о переселении народов, толчок которому дали аримаспы, жившие на севере. Они вытеснили живших южнее их исседонов, последние бросились на скифов, а скифы в свою очередь на киммерийцев, обитавших на северном берегу Черного моря. Геродот помещает исседонов по ту сторону Урала в области нижнего Тобола, по соседству с массагетами. Та роль в передвижении племен, которая у Аристеея принадлежит исседонам, у Геродота приписывается массагетам [История, 1939: 220-221]. Плиний Старший в своей «Естественной истории» пишет, что «имя «скифы» часто применяли без разбора к [различным племенам], как сарматов, так и германцев. Но это древнее название не привилось прочно ни к кому из них, кроме тех из этих племен, кто проводит свою жизнь почти в полной неизвестности для остальных смертных»⁵⁶ [Вопросы ... , 2007: 110-142].

⁵⁵ Гилея – согласно Геродоту лесной массив в Скифии (в низовьях Борисфена), почитаемый скифами в качестве священной рощи. В роще находилось святилище Матери Богов, отождествляемой с Гекатой. По одной из легенд, в Гилее обитало существо с туловищем женщины и хвостом змеи. От любовной связи этой женщины с Гераклом произошли скифы, гелоны и агафирсы.

⁵⁶ Происхождение этнонима «скифы» у большинства исследователей не вызывает сомнения. Ф. Юсти, М. Фасмер, О. Семереньи и В.И. Абаев, возводят слово **skuta* к индоевропейскому корню со значением «стрелять». В частности, В.И. Абаев сопоставляет слово *skuta* с германским **skut-* (стрелок из лука, стрелять) [Абаев В.И., Скифо-европейские изоглоссы: На стыке Востока и Запада. М.: ГРВЛ, 1965. С 25]. В схолии (комментарии) к речи Эсхина (оратора IV века до н. э.) «Об измене в посольстве» сказано «скифов, то есть стрелков» (греч. *Σκυθαῖς δὲ οἰοῦναι τοξοτάς*) [Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Том 1. СПб., 1890, С. 371]. Переход древнеиранского **δ* в скифское **l* как характерная черта

«Числа жителей Скифии Геродоту точно не удалось узнать: одни говорили, что собственно скифов (любопытное выражение, указывающее на политическое значение термина Скифии) было немного, другие, что, наоборот, очень много. Сам Геродот склонялся в пользу второго мнения» [Багалея, 1914: 82].

В критическом обзоре античной литературы М.И. Ростовцев отметил практически всех авторов, так или иначе упоминавших о скифах. Говоря о Пиндаре, он вспоминает его слова о наличии у скифов обедневших и неполноправных прослойках населения. В контексте со скифами упоминаются и другие античные авторы: Фукидид, Аристотель, Ксенофонт. О рабстве и других формах классовой зависимости в скифском мире писали Аристофан, Андокид и другие.

В VI-V вв. до н.э. в греческом мире появились логографы – основоположники греческой (ионийской) научной прозы. Как считают специалисты, по своему методу и целям, не говоря уже о преемственности и зависимости друг от друга, логографы представляли единое направление [Доватур, 1957: 11], что было осознано еще в древности. Вершиной развития ионийской научной прозы считается труд Геродота – единственное полностью (или почти полностью) уцелевшее произведение ионийской историографии. Для исследователей истории культуры, религии и быта скифов «История» Геродота, является уникальным и бесценным источником. Естественно, что из всех античных авторов М.И. Ростовцев (как, впрочем, и известный советский антиковед Д.П. Каллистов) особенно чтит Геродота, называл его непревзойденным писателем, а его «Историю» – бессмертным

скифского языка подтверждается и другими скифскими словами, например, скиф. *Παραλάται* — племенное название, означающее, по словам Геродота (IV, 6), правящую скифскую династию и разъясняемое им в других местах с помощью выражения *Σκύθαι βασιλῆται*, то есть «царские скифы»; < иран. **paradāta* — «поставленный во главе, по закону назначенный», авест. *paradāta*- (почётный титул владыки, букв. «поставленный впереди, во главе»). В лексиконе Гесихея Александрийского упоминается скифское слово *μελιτιον* - «какой-то напиток из мёда» [Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Том 1. СПб., 1890, С. 852], где также виден переход *δ в *1 в общеиранском корне **madu*-, **madu*- «мёд», «приготовленный из мёда сладкий напиток, хмельной напиток». [Эйдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Том 5. С. 114-120]. О. Н. Трубачёв связывал самоназвание скифов с корнем со значением «отрезать, отщеплять» (ср. осетинское иронское *sk'yd*, дигорское (*ə*)*sk'ud* 'оторванный') [Кулланда С.В. Скифы: язык и этнос. 2015].

творением [Ростовцев, 1993: 193]. Ученый подчеркивал, что именно Геродотом была создана картина древнего мира, которая остается единственно цельной и связной. Несмотря на пестроту рассказа, значительную часть информации о Скифии Геродот черпал у ольвийских греков, прекрасно осведомленных о той Скифии, которая была ближе всего к ним, и которая, естественно, их интересовала больше всего.

Вместе с тем М.И. Ростовцев подходит к наследию великого историка весьма критически. Он подчеркивает свойственное «Отцу истории» селективное отношение к собранному материалу, и в качестве иллюстрации к сказанному приводит пример тенденциозного умалчивания им сведений об одном из крупнейших царств древности – Боспорском царстве, а также тот факт, что при сборе сведений Геродот отдавал предпочтение той информации, которая бы наиболее удивила и впечатлила его соотечественников. Кстати, это свойство Геродота подчеркивали и другие исследователи [Лурье, 1947: 130].

«Очень трудно определить, – писал М.И. Ростовцев, – в какой мере Геродот черпает свои сведения из литературных источников, и в какой он лично слышал характеристику быта скифов из уст понтийских греков. Не может быть с достоверностью определено и то, был ли он лично в Ольвии или только беседовал с ольвийцами, где-нибудь в другом месте. Несомненным представляется только одно – лично жизни скифов не наблюдал и что в его рассказе причудливо смешаны сведения, имевшиеся о скифах у ольвийцев, и данные литературных преданий» [Ростовцев, 1993: 59]. В своем труде «Скифия и Боспор» он неоднократно обращается к критическому анализу сведений Геродота.

В череде авторов, писавших о Скифии, вторым после Геродота был Псевдо-Гиппократ⁵⁷, автор трактата «О воздухе, водах и местностях», написанном во второй половине V в., в котором он дает описание облика скифов: «Скифы отличаются мясистым нечленистым, сырым и

⁵⁷ Информации о самом Псевдо-Гиппократе в исторических источниках не сохранилось. – А.Ч.

немускулистым телом; живот у них в нижней части отличается более чем у кого-либо другого чрезвычайным избытком влаги. ... Вследствие тучности и отсутствия растительности скифы похожи друг на друга, мужчины на мужчин, женщины на женщин. ... Скифское племя – рыжее». Именно это описание физического облика скифов, равно как и свойственные им обычаи, присущие кочевникам, дали основание некоторым ученым считать скифов монголами, или же одним из тюрко-татарских племен, перекачивающих из внутренней Азии в северное Причерноморье [История, 1939: 219]. «Нейман старался обосновать монголоидность скифов путем анализа скифских слов, производимых им из урало-алтайских языков, но неудачно» [Багалея, 1914: 89]. Помимо прочего трактат представляет интерес как дополняющий сведения Геродота о скифских *энареях*⁵⁸, о сарматах и их локализации, о положении женщины-сарматки. Весьма ценна его информация о скифских перекочевках, о рабстве в Скифии, о наличии в ней имущественной дифференциации. Однако, как отмечает М.И. Ростовцев, весьма близкие к реальности материалы Геродота и Псевдо-Гиппократы отличаются разной трактовкой и разным ракурсом взгляда на скифов и окружающий их мир. Если Геродот давал пространный обзор географии, истории, достопримечательностей и обычаев скифов и соседних племен с целью «познакомить с ними своих читателей», то по Псевдо-Гиппократу «скифы важны лишь постольку, поскольку детальное знакомство с ними автора и тогдашней науки вообще давало возможность проследить на них лучше, чем на ком-либо другом, влияние климата и местности на внешний вид, быт и характер отдельных населяющих вселенную племен» [Ростовцев, 2013: 85]. Однако некоторые антиковеды были настроены критически к Псевдо-Гиппократу. В частности, Д.П. Каллистов выступал против преувеличения роли его трактата как источника по истории Скифии, на том основании, что его рассуждение о влиянии климата на организм является «схоластическим и

⁵⁸ Энареи (иранск. *a-narya* «не мужественный») профессиональная жреческая корпорация, женоподобные гадатели, связанные с культом богини Афродиты – Аргимпасы (Her., IV, 67-68).

надуманным» [Каллистов, 1945: 185-186]. И все же и Геродот, и Псевдо-Гиппократ старались дать максимально близкую к действительности картину, чего нельзя сказать о Гесиоде, или Эххиле, которые со свойственным поэтам стремлением к приукрашиванию, были, не вполне точны в описаниях. В критическом обзоре литературы древних о скифах М.И. Ростовцев отмечает древнегреческого историка Гелланика Митиленского (491-405 гг. до н.э.), который высоко ценил скифов и предлагал «включить скифов в число тех племен, которые сыграли известную роль в истории мировой культуры», а также Фукидида (ок. 460 – ок. 400 гг. до н.э.), который также считался со скифами, имел определенное и точное представление об их политической мощи и об уровне развития культуры [Ростовцев, 2013: 87].

Интерес к скифам в V-IV вв. до н.э. в античном мире был настолько высок, что уже к концу IV в. до н.э. усиливается тенденция к идеализации скифов и далеких северных варваров. Эта тенденция особенно сильно проявилась в трудах древнегреческого историка Эфора (405-330 гг. до н.э.). В своем главном труде «История», включающем в себя 30 томов, к сожалению, не дошедших до нас, он излагает историю всего греческого мира, в том числе и греческих колоний, и их соседей, в частности скифов. М.И. Ростовцев писал, что «Эфор создал из этнографического материала ионийских авторов ряд идеализирующих образов отдельных диких народов. Для этой цели он использовал преимущественно скифов, создав из них тип идеальных номадов, которым он противопоставил становившихся хорошо известными грекам того времени диких и грубых савроматов» [Ростовцев, 2013: 6]. Он называл скифов господствующим элементом, заполнившим весь северо-восток тогдашнего известного ему мира. Эфор был хорошо знаком со скифским бытом, во всей его дикости и неприглядности, но он считал эту картину односторонней. Его интересует другая картина, та, которая вытекает из интерпретации иллюзорного мира Гомера и Гесиода. Успех имели не реальные картины Эфора, а картины быта отвлеченных, идеализированных

скифов. Его идеализированные скифы оказались необычайно живучими [Ростовцев, 2013: 6]. Таким образом, для скифов Эфор рисует черты золотого века, социальной утопии, связанной с представлением о золотом веке, делает их непобедимыми, приписывает им изобретение гончарного круга и двузубого якоря, сопоставляет «идеальный образ справедливейших скифов варварам-людоедам-савроматам, находящимся в рабстве у женщин, когда у скифов – только равноправие полов. Попросту говоря, Эфор под влиянием этической доктрины стоиков нарисовал не реальную, а идеализированную картину скифов-варваров, не испорченных разлагающим воздействием цивилизации» [Ростовцев, 2013: 88-96]. Следует Эфору и Посидоний⁵⁹. В его представлениях скифы также предстают добродетельными номадами, живущими «согласно законам природы, вне пагубного влияния культуры» [Ростовцев, 2013: 8].

Много нового и ценного о скифах содержится у Страбона (64/63-23/24 гг. до н.э.). Он первым сообщил о локализации в горной части Иберии ираноязычных племен. В своем труде «Описание Иберии» античный географ сообщает, что ее горную часть занимают «воинственные племена, в образе жизни и по обычаям сходными со скифами и сарматами, с которыми они находятся в родстве» [Античные, 1990: 74]. В этих последних, по мнению Ю.С. Гаглойти, «нельзя не видеть позднейших двалов-осов грузинских источников (осет. *туал-туаллаг*). Именно древность пребывания сарматов на Северном Кавказе и их раннее проникновение в горы Центрального Кавказа и переход на южные склоны Главного Кавказского Хребта обусловили обозначение территории Северного Кавказа «Азиатской Сарматией». Эта же традиция нашла отражение и в Армянской географии» [Гаглойти, 2010: 494].

Однако, по мнению М.И. Ростовцева, некоторые данные Страбона с трудом поддаются точному хронологическому приурочению. Страбон

⁵⁹ Посидоний (*Ποσειδώνιος*, 139/135 год до н.э., Апамея - 51/50 год до н.э., Рим) - древнегреческий философ-стоик, историк, географ, астроном.

компилировал самые разновременные источники, известные ему прямо или из вторых, даже третьих рук. Заостряя внимание на негативных и позитивных аспектах в трудах Страбона, М.И. Ростовцев писал: «Я не стану подробно говорить здесь о Страбоне и его удивительном труде. Своего в этом труде Страбона, особенно, поскольку дело идет о северных понтийских местностях, немного. Страбону принадлежит честь, главным образом собирания и сопоставления. И надо сказать, что, если в контаминации своих источников он не проявил ни особого таланта, ни особого желания скрыть швы, то в выборе источников он делал все, что мог» [Ростовцев, 2013: 41].

После IV-III вв. до н.э., когда Великая Скифия уже распалась, интерес к скифам спал, но угас не совсем. Крымские скифы, их бытовые предпочтения, оседлый образ жизни, занятие земледелием нашли довольно подробное освещение в трактатах Флавия Арриана (II в. до н.э.). При этом его сочинение «Перипл Понта Эвксинского»⁶⁰ является ярким образцом географической литературы, которое было написано, конечно же, в интересах Рима. Ценность этого труда, помимо его литературного значения, заключается в том, что он «дает нам свежую и реальную картину как раз особенно интересующих нас местностей, т.е. кавказского побережья и северного берега Черного моря» [Ростовцев, 2013: 69]. Кроме скифов Арриан пишет и о сарматских племенах роксоланах, о противостоянии скифов с Александром Македонским и др. [Ростовцев, 2013: 100-101]. Весьма ценны его сведения о племенах, живущих по Дунаю. Истра, по этим сведениям, вытекает из земли кельтов. Затем идет часть савроматов – языги, далее геты, потом большинство савроматов, наконец, у устья Истры – скифы. Вторая известная работа Арриана «Тактика» посвящена военному искусству скифов. Современник Арриана Аппиан продолжает военную тематику в своей работе «Митридатовы войны» [Античные, 1990: 133]. Помимо Крымской Скифии

⁶⁰ Перипл Понта Эвксинского («Объезд Чёрного моря») — греческое географическое сочинение, или перипл. Его автор Флавий Арриан, легат императора Адриана, управлявший Каппадокией, совершил плавание по Чёрному морю в первой половине 130-х годов (возможно, в 134 году) и описал его в книге, оформленной как письмо императору.

малочисленная группа скифов жила на севере Балканского полуострова, в Добрудже, которая в древности была известна как Малая Скифия. Об их быте и культуре писал Овидий (43 г. до н. э. – 17/18 г. н. э.) [Античные, 1990: 94-97].

История скифов с древнейших времен вплоть до эпохи А. Македонского включает в себя следующие основные этапы: походы в Азию, захват побережья Черного моря, военное противостояние с персами (главным образом с Дарием и Киrom), связь скифов с амазонками, борьба Атея с Филиппом и др. По совокупности событий политическая история скифов была не менее богата, чем история соседних государств – Персии, Ассиро-Вавилонии, Египта. Однако отсутствие письменности у скифов (во всяком случае, подтвержденных ее образцов) привело к тому, что с историей Скифии, и даже не с историей, а с фрагментами из их истории, как древний мир, так и современная наука имеют возможность ознакомиться со слов только их соседей-современников – античных писателей. Естественно, что это был всего лишь внешний взгляд. Из античных авторов наиболее полно политическая история скифов была освещена Гнеем Помпеем Трогом, римским историком I в. н.э., основным трудом которого считается «Филлипова история» (*Historiae Philippicae*) – сочинение в сорока четырех томах, описывающая деяния Филиппа II, отца Александра Македонского, самого Александра, а также его диадохов⁶¹. К сожалению, труд этот в основе своей был утерян и дошел до нас фрагментарно, в основном в описаниях более поздних римских историков. Два тома из его работы были посвящены скифам. Содержание сохранившихся фрагментов книг Трога о скифах стало достоянием науки благодаря усилиям другого античного писателя Марка Юниана Юстина, римского историка III в., автора «Эпитомы сочинения Помпея Трога «История Филиппа»». Трог подробно описывает быт скифов, их историю, то, как они трижды грозили стать властелинами Азии, пишет об

⁶¹ Диадочи (др.-греч. *διάδοχος* - преемник) - полководцы Александра Македонского, после его смерти разделившие его империю в ходе серии войн, длившихся с 323 по 301 год до н.э.

их победе над царями Персии Дарием и Киrom, и полководцем Александра Македонского Зопирионом, подробно освещает борьбу Филиппа с царем Скифии Атеем. Трог пишет также о покорении Митридатом VI Евпатором⁶² скифов, которых до этого никто не побеждал. То, как он описывал историю Скифии, говорит о том, что Трог явно испытывал симпатии к скифам [Ростовцев, 2013: 116].

Политическая история скифов описана и грекоязычным писателем II в. Полиэном, автором сочинения «Военные хитрости» (греч. *Στρατηγῆματα*), посвященного императорам Марку Аврелию и Луцию Веру. М.И. Ростовцев заключил, что он пользовался теми же источниками, что и Трог, но внес в эти материалы много нового и от себя.

В эпоху Боспорского царства времен правления Митридата VI Евпатора помимо Страбона Скифией и Понтом заинтересовались и другие писатели. В большинстве своем они продолжали традицию идеализации Скифии, которой придерживались историки эллинистической эпохи. В их трудах можно было усмотреть немалую долю и романических, псевдоисторических сюжетов. Лишь по выдержкам из работ Марка Юниана Юстина⁶³ можно составить некоторое представление о том, что из себя представляла история Скифии в трактовке эллинистической историографии [Ростовцев, 2013: 9].

Из более поздних авторов, писавших о скифах, следует назвать сатирика Лукиана Самосатского (II в. н.э.), писавшего, в том числе и о социальной истории скифов. Его диалоги хотя и носят литературный характер, но содержат важнейшие этнографические подробности, внушающие определенное доверие к использованным сатириком более

⁶² Митридат VI Евпатор (др.-греч. *Μιθραδάτης Στ' Εὐπάτωρ*, лат. *Mithridates* или Митридат Понтийский - латинизированная форма, также имевший прозвища Дионис (др.-греч. *Διώνυσος*) и Великий; 132 до н. э., Синоп, Понтийское царство - 63 до н. э., Пантикапей, Боспорское царство) - царь Понта, правивший в 120 - 63 годы до н. э. Августин называет Митридата «царём Азии» (лат. *rex Asiae*).

⁶³ Марк Юниан Юстин (лат. *Marcus Junianus Justinus*) - римский историк III века, автор «Эпитомы сочинения Помпея Трога «История Филиппа»» - извлечения из не дошедшего до нас обширного исторического труда в 44 книгах более раннего римского историка I века Помпея Трога, под заглавием «*Historiae Philippicae*» («История Филиппа», имеется в виду македонский царь Филипп II).

ранним источникам, пусть и переработанным им в соответствии со своими целями. По М.И. Ростовцеву доминирующей «ноткой его трактатов, посвященных скифу Токсарису» («Токсарис или дружба», «Скиф или Проксен» и т.д.), «является противопоставление скифской свободы, очевидно, рабству эпохи эллинизма и римской империи, политическая идеализация скифов» [Ростовцев, 2013: 11-12]. Скифы для Лукиана – грубый кочевой народ, отличаются воинственностью, находятся в постоянной войне с сарматами, аланами, меотами. Он подробно расписал институт братания у скифов, сообщает сведения о религии скифов, о культе меча, приводит интересный рассказ о сидении на шкуре и о сборе этим способом дружины для частных военных предприятий. Лукиан описывает архаические черты скифского быта (вольные набеги, слабость центральной власти), считает государственное устройство демократическим, в котором присутствуют выборность вождей, а также военный образ жизни, в котором нет сильного социального расслоения. Он упоминает о сильной стратифицированности или расслоении скифского общества и сообщает о нем много важных подробностей. Диалоги Лукиана, касающиеся скифской тематики, хотя и носят чисто литературный характер, но в то же время изобилуют важными этнографическими подробностями, особенно же в диалогах с Анахарсисом и Токсарисом. Согласно М.И. Ростовцеву, при составлении своего рассказа со скифскими героями Лукиан использовал историко-этнографический материал из старой эллинистической литературы, «но весь этот материал переработал по своему в духе новеллы, не стремясь к исторической точности, а, только желая произвести общее впечатление соответствия своего рассказа тому, что публика вообще знала или могла знать о скифах и их соседях» [Ростовцев, 2013: 108]. М.И. Ростовцев говорит о некоторой искусственности фигурирующих в новелле скифов, называет полумифическими фигурами собеседников Диодора – Анахарсиса и Токсариса. В отношении Токсариса, возможно, он и прав, но Анахарсис, без сомнения, был исторической личностью, и ничего мифического в его образе не было.

Беседа Токсариса с Лукианом восходит к эллинистическому времени, так как отраженная в нем «картина Боспорского царства и его отношения к соседям ближе всего подходят к эпохе позднего эллинизма [Ростовцев, 2013: 108, прим 4]. Помимо скифов у Лукиана содержатся сведения о культуре и быте сармат и алан, которые, как полагает Ростовцев, не взяты с какого-то географического трактата. По его мнению, писатель, приближенный к правящей римской элите, не раз «слыхал и читал об аланах и сарматах, локализованных на Балканском полуострове, в Крыму и на Кавказе, которые со временем становились объектом пристального внимания и изучения со стороны Рима» [Ростовцев, 2013: 56-57].

Между тем некоторые географические и исторические детали, приводимые Лукианом, мало соответствуют эпохе эллинизма. В частности, он упоминает об аланах, которые появились на исторической арене лишь в I в. н.э. Кроме того, как подмечено Б.Н. Граковым, «описания некоторых скифских обычаев у Лукиана, по меньшей мере, современны Геродоту, а отчасти восходят к каким-то другим столь же древним источникам [Граков, 1971: 9]. Подчеркивая особую ценность труда Лукиана, М.И. Ростовцев обращает внимание на сложность и трудность его восприятия, сводящие к тому, что «реальные черты быта не основаны на реальном знании географии и этнографии, ни на стремлении дать исторически реальную картину. Эти реальные черты утопают в массе нереальных деталей новеллистического характера» [Ростовцев, 1989: 196].

Представляют интерес своей реалистичностью и сочинения Тацита и Плиния. Свои сведения о скифах они пополняли у римских военачальников, которые не раз скрещивали с ними свое оружие на полях сражений. Ученый был высокого мнения о сочинениях Тацита и Плиния, их описании бытовой истории скифов. Помимо этого, М.И. Ростовцев упоминает римского поэта Гая Валерия Флакка (45-90), его поэму *Аргонавтика*, или «*Argonauticon libri octo*», в которой описывается война Фракии со скифами за обладание золотым руном [Ростовцев, 2013: 57].

Анализируя все эти работы, М.И. Ростовцев подчеркивает, что «выделить подлинное от дериватов, определить первоисточники – задача в высокой степени трудная и сложная» [Ростовцев, 1989: 195]. К примеру, без сообщений римского историка Плиния Старшего и географа Помпония Мела (I в. н.э.), картина Скифии в VI-V вв. до н.э. была бы однобокой и неполной [Античные, 1990: 99-102, 104-111]. Они же сообщают первые сведения об амазонках, расположив их географически недалеко от Кавказа. Их в целом богатый материал представляет довольно подробные сведения об обычаях сарматов, к примеру, убийство языгами своих стариков (вариант – согдианами), описывает вооружение, способы ведения войн и т.д.

В некоторых местах своего труда «Скифия и Боспор» М.И. Ростовцев высказывает весьма критические суждения в адрес древнеримского историка I в. Аммиана Марцеллина, который в своем сочинении «Деяния» много и подробно описывает образ жизни, быт, характер, наружность, обычаи и обряды алан. Ученый упрекает Аммиана Марцеллина в том, что его сведения об аланах носят общий характер, что в них отсутствуют индивидуальные черты. М.И. Ростовцев утверждает, что Аммиан Марцеллин использовал литературные заимствования у того же Дионисия, Помпония Мелы, Плиния Старшего, Валерия Флакка и т.д. Интересующие нас сведения об аланах он также считает по большей части литературными трафаретами. В этой связи мы предполагаем, что М.И. Ростовцев слегка преувеличил степень литературных заимствований Аммиана Марцеллина.

«Деяниями» Аммиана Марцеллина завершается эпоха крупных римских историков, однако у последующих исследователей на этом интерес к народам, населяющим Северное Причерноморье, не утихает. Новые и ценные сведения об этих народах содержатся у историков раннеэллинистического времени и эпохи войн Боспорского царя Митридата VI Евпатора. Кое-что новое привнесли в эти сведения и наблюдения римских офицеров, защищавших Херсонес и Пантикапей от беспокойных соседей. И все же М.И. Ростовцев отмечает: «Но пространство

нынешней центральной и восточной России, ровно, как и этнография южнорусских степей, и для римлян была *terra Incognita* и географы римского времени – Помпоний Мела, Плиний, даже Марин и Прометей – повторяют для этих мест по большей части старые ионические сведения» [Ростовцев, 2013: 10].

Перечисленные выше сочинения античных авторов, разумеется, далеко не равноценны, как не равнозначны их сведения, выводы и заключения. Обилие их во многих случаях кажущееся: многие факты истории повторяются, переходят от одного автора к другому почти без изменений. Естественно, не представляется возможным исследовать эти литературные памятники без должного критического к ним отношения.

Подытоживая в целом обзор работ античных историков, посвященных скифам, М.И. Ростовцев обратил внимание на следующую закономерность: большинство сочинений и трактатов о скифах было написано в период наибольшего могущества скифской державы. Когда же, начиная с эпохи Александра Македонского, Скифия как грозный политический фактор в истории античного мира постепенно сошла с исторической арены, и стала представлять интерес только лишь в локальном масштабе, то есть для историографии эпохи Боспорского царства [Ростовцев, 2013: 121-122]. Наука, конечно же, не теряла интерес к скифам, сарматам и аланам и в более поздние периоды истории. Новая волна увлечения этими народами возникла вместе с открытием богатых захоронений в скифских курганах в южнорусских степях в XIX в. Заниматься скифами, сарматами и аланами стало престижно и значимо. Результаты археологических находок в скифских курганах открыли для исторической науки совершенно новые горизонты возможностей. Появилась целая плеяда ученых, чьи изыскания в области скифологии, сарматологии и алановедения стали определяющими развитие этих наук на годы вперед.

В кратком обзоре историографии вопроса ученый упоминает известного германиста К. Мюлленгофа, а также А. фон Гакстгаузена и

Т. Моммзена. М.И. Ростовцев высоко ценит те разделы монографии К. Мюлленгофа, в которых автор серьезно и основательно проработал часть географических источников с древнейших до позднейших времен. Ученый отмечает работу А. фон Гутшмидта (von Gutschmid), в частности его труд «Граница между древностью и Средневековьем», изданный в 1863 г., где автор разобрал часть источников, касающихся древнейшей истории скифов.

К скифам, как самому древнему народу, населяющему южнорусские степи, проявляли большой интерес и русские ученые. Первым среди них был академик Ф.З. Бауер, который, в 1726 г. издал книгу под названием: «О месторасположении Скифии, каково было в лета Геродотовы». Наиболее крупным исследователем историографии античных авторов принято считать русского историка В.В. Латышева, о котором упоминалось выше. В 1893-1906 гг. В.В. Латышев издал в Санкт-Петербурге двухтомный труд под названием «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе». Позже, в 1947-1949 гг. академическое издание «Вестник древней истории» опубликовало полностью эту работу. М.И. Ростовцев обращает внимание на некоторые ее недостатки (в частности отсутствие указателей), но отмечает, что несмотря ни на что, двухтомник В.В. Латышева становится настольной книгой для всех, кто, так или иначе, причастен к древней истории юга России. Упоминает ученый и работу Ю.А. Кулаковского «Аланы по сведениям классических и византийских писателей» (1899). М.И. Ростовцев подвергает справедливой критике русских ученых А.С. Лаппо-Данилевского и И.Е. Забелина, которые в своих работах механически свели материалы археологических раскопок со сведениями Геродота. Наиболее полно свое критическое отношение к такому ложному подходу ученый выразил в рецензии на книгу английского антиковеда Е. Миннза (Minns) «Скифы и греки» [Ростовцев, 1913: 173-194].

Как было отмечено выше, научное наследие М.И. Ростовцева условно можно поделить на два периода, соответствующие его жизни в России, а затем в эмиграции. В России М.И. Ростовцев больше интересовался древней

историей юга России, о чем свидетельствуют более ста научных работ, опубликованных им в этот период. Среди них – целая серия капитальных трудов, таких как «О римском колонате», «Об эллинистически-римском архитектурном пейзаже», «Об античной декоративной живописи на юге России», «Об истории Скифии и Боспорском царстве», «Эллинизм и иранство на юге России» и др.

Превалирующими трудами в российский период деятельности ученого были работы по эллинизму и иранизму на юге России. Он сосредоточил свои научно-исследовательские усилия на антиковедении, т.е. на изучении истории и культуры народов, проживавших на юге России в древнейшую, праславянскую эпоху.

«Обладая концептуальным складом ума, непрерывно обогащая изучение античности все новыми и новыми идеями, М.И. Ростовцев разрабатывал концепции социально-экономической истории и цивилизации эллинизма Римской империи, античного Причерноморья и скифо-сарматского мира» [Фролов, 1990: 162]. Интересующий нас вопрос, который вынесен в подзаголовок данной главы (вопросы иранистики), в основе своей освещен в двух десятках статей и двух монографиях Михаила Ивановича. Они посвящены иранству, эллинизму, Понту, Боспорскому царству, Северному Причерноморью, варварским племенам.

Большую научную ценность имеет небольшая по объему книга, которая так и называется: «Эллинизм и иранство на юге России», которая была издана в 1918 году в Петрограде. В ней предельно четко изложены взгляды ученого на историю и культуру скифов. Основная ценность этой книги состоит в том, что ни до нее, ни после, разработке тематики иранской компоненты в южнорусских степях и Северном Причерноморье не был посвящен ни один фундаментальный научный труд. Книга была написана автором в самом расцвете творческих сил. Несмотря на небольшой объем, значимость ее для науки велика. Э. Фролов писал: «Всю работу пронизывает ряд важных идей, делающих эту небольшую книжечку подлинным кладом»

исторической мудрости». И далее, акцентируя внимание на ее наиболее привлекательных сторонах, продолжал: «Это представление об оригинальном характере местной скифской культуры, которая не может считаться примитивной, варварской только от того, что греки все другие народы именовали варварами. Это, далее, убеждение в плодотворности контактов греков с местным скифо-сарматским населением, поскольку итогом этого взаимодействия явилось сложение на Боспоре такой социально-политической системы и такой культуры, которые и типологически, и по уровню достижений предвосхищали или даже превосходили свершения восточного эллинизма» [Фролов, 1990: 157]. В этой монографии, как и в других ранних работах первого, русского периода ученым воссоздается значимость иранских народов, в частности скифов, в истории южнорусских степей, а также история юга России, начиная с VIII-VII вв. до н.э., с момента появления здесь иранских и греческих элементов, и заканчивая III в., когда вторжением тюркских, славянских и германских племен был положен конец эпохи античности.

В книге дается общий и достаточно популярный обзорный очерк истории народов, населявших Северное Причерноморье в античную эпоху, рассказывается как о ранее заселивших эту территорию скифах, меотах и сарматах, так и о мигрировавших сюда позднее греках из Малой Азии. При этом автор книги описывает установившиеся меж ними контакты, экономические, политические и культурные взаимодействия. Эта книга завершает длинный путь исследований, шедших по разным направлениям, и представляет собой обобщение всех ранее накопленных наукою данных. Ее, без сомнения, можно рассматривать как итог всей научно-исследовательской работы ученого в области скифов в досоветский период. М.И. Ростовцев разобрал и проанализировал в этом труде все виды источников, относящиеся к скифам: литературные, эпиграфические, нумизматические, археологические и дал им оценку в свете последних достижений исторической науки об античном мире.

Для скифологии же в целом эта работа является важным рубежом в изучении истории Скифии. Она является обобщающей, и в некотором роде подводит итог исследованиям скифологов, которые развивались разными векторами, обобщая весь наработанный до этого в проблематике материал. Еще одну особенность рассматриваемой книги предельно четко выразил археолог М.И. Артамонов: «В лице Ростовцева собственно история, имевшая дело с письменными источниками, и археология, обращающаяся к вещественным останкам прошлого, пришла к единению, какого еще не знала наука о Северном Причерноморье» [Артамонов, 1947: 68-69]. В действительности в этой книге синтез письменных источников и археологии дал классический, показательный результат.

Большую ценность для науки представляет и другой фундаментальный труд М.И. Ростовцева «Скифия и Боспор», который был подготовлен к изданию уже в 1918 г., однако по различным обстоятельствам опубликованный лишь семь лет спустя (переиздан в 2013 г.). На специальном обзоре этой работы мы остановимся ниже. Значимость монографии заключается, прежде всего, в том, что в ней рассмотрены и проанализированы практически все виды источников, относящиеся к скифам и Северному Причерноморью (особенно Боспорскому царству). В книге автор раскрыл и показал взаимодействие могущественного Боспорского царства с близлежащей Ойкуменой, прежде всего со скифами. Как отмечено в предисловии подготовившего книгу к выходу академика С. Жебелева, издание это «по богатству, разнообразию, систематике и критической оценке привлеченного и рассмотренного в нем материала будет, думается, служить настольною книгой для всякого исследователя, интересующегося судьбами Скифии и Боспора» [Ростовцев, 2013: IV]. В завершенной первой части книги М.И. Ростовцев подводит итоги всей научно-исследовательской работе в области истории скифов вплоть до начала XX столетия. Книга получила лестную характеристику и других специалистов. Академик Фролов отмечал: «Его источниковедческие штудии по античному Причерноморью и среди

них, в особенности «Скифия и Боспор», являют собой сокровищницу драгоценных мыслей, проливающих свет не только на значение тех или иных конкретных исторических данных, но и на более общие аспекты античных традиций» [Фролов, 1990: 163].

История написания этой книги заслуживает отдельного внимания. Михаил Иванович планировал выпустить ее в двух томах. После широкого источниковедческого вступления первой части, часть вторая, по задумке ученого, должна была описать историю, религию и культуру Боспорского царства, скифов, сармат. Но, к сожалению, работа над ней так и не была завершена. При работе с архивами М.И. Ростовцева исследователями его научного наследия были обнаружены фрагменты, свидетельствовавшие о серьезных намерениях написания второй части. Так, были обнаружены глава II под названием «Доисторические и протоисторические памятники»; глава V – «Государство, религия и культура скифов и сармат»; VI – «Государство и культура Боспорского царства». Исходя из контекста V главы, между II и V главами предусматривались главы о политическом строе Скифии [Ростовцев, 1993: 192]. Особо интересующая нас глава V дошла до нас не полностью. Она содержит лишь введение (обзор литературных источников и обобщений, анализ археологических материалов) и текст, рассказывающий о государственности скифов. В ней отсутствует описание религии и культуры скифов и сарматов, недостаточно сказано и о их государственности. Судьба утерянного материала остается неизвестной до сих пор. Остается лишь благодарить редакцию журнала «Вестник древней истории» за публикацию в № 1 за 1989 г. сохранившихся материалов. Соответствующие сопроводительные статьи в номере при публикации материалов М.И. Ростовцева предоставили В.И. Кузицин и В.Ю. Зуев. В целом же публикация неизданных глав «Скифии и Боспора» имеет не только историографическое значение. «Сила научного анализа М.И. Ростовцева оказалась таковой, что ему удалось сформировать ряд принципиально новых положений о государственности и социальном строе скифов, которые в

дальнейшем вошли в научный обиход и по сей день остаются значимыми и оригинальными» [Кузицин, 1993: 207].

Следует отдать должное редакции журнала «Вестник древней истории», которая, начиная с середины 80-х годов XX столетия, уделяет большое внимание творчеству и научному наследию Михаила Ивановича Ростовцева. Это и его труды, рецензии на них, а также подробные биографические материалы о самом ученом. В целом же, как было сказано нами выше, и правильно было отмечено академиком М.И. Артамоновым, рассматриваемые монографии М.И. Ростовцева, «вместе с его же трудами по вопросам скифского искусства, представляют весьма важный рубеж в истории науки о скифах. Они завершают длинный путь исследований, шедших по разным направлениям, и представляют собой обобщение всех ранее накопленных наукой данных» [Артамонов, 1947: 68]. Раскрываемая М.И. Ростовцевым тема касалась не только эллино-скифских отношений. Ученый также исследует и контакты скифов с кельтскими племенами, которые в IV-III вв. до н.э. частично обосновались на Балканском полуострове (Еременко, Зуев, 1989).

В 1997 г. в Москве вышла книга «Скифский роман» под общей редакцией Г.М. Бонгард-Левина. Довольно объемный том представляет собой архивное наследие М.И. Ростовцева, сохранившееся в российских, американских и европейских фондах, рассказывает о его взаимоотношениях с такими учеными и писателями, как Н. Кондаков, С. Жебелев, Г. Вернадский, В. Набоков, И. Бунин. В книге описаны жизнь и творчество ученого в России и в эмиграции, его эпистолярное наследство, и неопубликованные лекции. подача этого труда весьма оригинальна, поскольку через материалы эпистолярного характера, через его письма перед нами предстает во всей полноте образ великого русского ученого и интеллигента М.И. Ростовцева. Он представляется в них как крайне эмоциональный человек, с присущими ему переживаниями, склонностями, метаниями, помыслами. Утонченно чувствительный характер этой широко

одаренной натуры проявил себя во всех сферах, с которыми он соприкасался: на педагогическом, общественном и культурном поприще. Не мог он не отразиться и на его научном творчестве, на взаимоотношениях с его таким же, как он сам неординарным окружением.

Приведенный выше обзор работ Михаила Ивановича дает нам возможность для некоторого заключения. Среди множества книг ученого, а также историографических работ, посвященных анализу трудов М.И. Ростовцева, практически отсутствуют публикации, в которых не подчеркивалась бы значимость скифо-сарматских племен в исторических событиях, происходивших в циркумпонтийской зоне с I тыс. до н.э. по III в. н.э. Вместе с тем до сих пор, ни в ранней, ни в современной исторической литературе нет еще работы, которая бы ставила своей задачей систематическое изучение и анализ роли и значимости иранского элемента, в частности скифо-сарматских племен, в трудах Михаила Ивановича Ростовцева. Именно этим фактом и вызван наш интерес к научному наследию ученого.

2.3. Археологические исследования М.И. Ростовцева по скифо-сарматской проблематике

Начало археологическим изысканиям по скифам было положено во второй половине XVIII в., и уже к концу XIX в. наука имела общее представление о предмете. М.И. Ростовцев провел титаническую работу над документацией дореволюционных скифских раскопок. Однако учитывая то, что большинство скифских погребений было разграблено уже в древности, и то, что в сравнении с письменными источниками, ранних скифских погребений VII-V вв. до н.э. обнаружено было еще так мало (тем более при жизни ученого), археологический материал, по сравнению с письменными источниками, пока еще не приобрел соответствующую значимость.

И, тем не менее, будучи блестящим ученым-антиковедом, М.И. Ростовцев зарекомендовал себя еще и как талантливый археолог. Укреплению его авторитета как археолога способствовали проведенные им раскопки и последующие публикации археологических материалов из античного города Дура-Европос (1927-1937 гг.), который располагался на реке Евфрат, в Сирии. Естественно, он отдавал себе отчет о значении и значимости этого направления истории для полноты своих исследований, и поэтому дал высокопрофессиональный анализ всем существовавшим до него и при нем археологическим объектам, касающимся как эллинского мира, так и скифо-сармат. В своих работах, посвященных археологии, ученый наглядно продемонстрировал значение археологического материала для решения многих исторических проблем.

Работы М.И. Ростовцева по археологии, посвященные скифо-сарматским племенам, стали эталонными, и до сих пор служат примером комплексного изучения проблемы с максимальным охватом всех источников. Давая подробное описание скифским и сарматским курганным погребениям, автор ставил задачу «проверить писателей археологическими материалами, подлинность которых несомненна».

Подобное сопоставление литературных и археологических данных представляется весьма трудной задачей, однако М.И. Ростовцев блестяще с ней справился. Как было отмечено ранее, главным произведением о скифах от ионийских логографов была «История» Геродота, сведения которого в подавляющем большинстве получили подкрепление археологическими материалами, несмотря на отсутствие достаточно точных описаний при исследовании каждого отдельного скифского кургана. Не зря М.И. Ростовцев называет «Историю» ионийского логографа «Бессмертным творением Геродота» [Ростовцев, 1989: 193]. Ему даже удалось кое-где подкорректировать «отца истории», хотя М.И. Ростовцев, без сомнения, отдавал ему должное.

Историю скифов и сармат ученый изучил досконально и основательно. Это относится, прежде всего, к памятникам античной культуры, имеющим отношение к скифо-сарматам. Помимо этого, М.И. Ростовцев тщательно описал и проанализировал все, что писали о Скифии и Сарматии как античные писатели, так и коллеги автора, его предшественники и современники. И, наконец, основополагающим источником для изучения скифской и сарматской культуры, базовой основой исследования стал для него значительный археологический инвентарь, извлеченный из скифских и сарматских курганных погребений. В этих постулатах и кроется секрет того, почему выдвинутые ученым положения выдержали испытание временем.

Работу над исследованием археологии скифов и сарматов М.И. Ростовцев проделал в своей известной монографии «Скифия и Боспор», а также в главе V «Государство, религия и культура скифов и сарматов» неизданного II тома труда. Чтобы иметь возможность судить об объеме проведенного им исследования, достаточно привести один факт: из 617 страниц его солидного фолианта подробное описание инвентаря погребений и анализ всех существующих археологических источников о скифах и сарматах занимает более чем три четверти от общего объема книги.

Предпоследняя, X глава посвящена курганным погребениям VI-III вв. до н.э. У ученого нет никаких сомнений в том, что эти погребения принадлежат скифам. «Целый ряд соображений, – пишет он, – среди которых решающую роль играют соображения хронологические, заставил нас, не колеблясь, признать носителями культуры курганных погребений VI-III вв. до н.э. скифов, господство которых в степях юга России в этот период закреплено нашим литературным преданием, правда в достаточной мере скудным, но не допускающим двух толкований. ... Характерное сочетание восточных (по преимуществу иранских) греческих и местных элементов во всех этих погребениях вполне подходит к той картине, которую дают наши литературные свидетельства о скифах и их государстве» [Ростовцев, 1989: 197].

М.И. Ростовцев описывает и анализирует археологический материал на всей подконтрольной скифам территории в период могущества их державы. Территория эта группируется ученым следующим образом, следуя с востока на запад: Кубанская группа; Таманская группа; Крымская группа; Степная днепровская группа; Киевская группа; Полтавская группа; Донская группа; Группа венгерская, румынская, болгарская. Не останавливаясь на подробной характеристике каждой из групп, отметим, что все имеющиеся погребения подвергнуты детальному описанию, и путем сопоставления инвентаря погребений по группам связанных с ними обычаев, обрядов, их сопровождающих, ученый пришел к выводам, которые актуальны и по сей день. Для всех этих групп погребений определяющим, твердо установленным признан восточный (иранский) характер их происхождения. При этом М.И. Ростовцев считает, что характер «этих погребений меняется в зависимости от двух факторов – географического и хронологического» [Ростовцев, 1989: 196], и для эпохи VII-IV вв. до н.э. выделяет две большие группы: одну – кубанскую, другую – днепровскую, уточняет отличительные черты каждой из этих двух групп. Для первой это «преобладание восточных и греческих элементов над местными, характерным признаком второй – наслоение сначала греческих, а затем восточных вещей на местную основу» [Ростовцев, 1989: 196], имеющую западное происхождение (сфера Гальштатской культуры). Анализ погребального материала позволил ученому сформулировать ряд задач:

1. Наиболее приближенно представить географические рамки скифского мира в период его наивысшего развития, хотя с точностью трудно указать географические границы Скифии. М.И. Ростовцев был первым среди ученых, который на базе анализа литературных и археологических материалов очертил территорию, в течение трех столетий находящуюся под контролем скифов. «Эта территория, – пишет он, – захватывает ... не только Причерноморье, но включает на востоке и Нижнее Приволжье, Прикубанье и Приуралье, в центре всю почти область Дона и Днепра, Буга и, может быть,

Днестра, на западе же заходит как в нынешнюю Пруссию (клад Феттерсфельд), так и значительно вверх по Дунаю (находки в Добрудже, Венгрии и Болгарии)» [Ростовцев, 2013: 302].

2. Вторая задача, поставленная и решенная ученым, предполагала выявить особенности культурного уклада в каждой группе, объясняемые, очевидно, «особенностями местного развития, большей или меньшей силой старых местных традиций, большой или меньшей близостью к отдельным большим культурным очагам восточного или греческого миров» [Ростовцев, 2013: 308].

3. Такой расклад инвентаря курганных погребений дает возможность для сопоставительного анализа одних и тех же обычаев и обрядов (явлений) в различных регионах скифского мира, проследить их эволюцию, взаимосвязь, общее и отличительное, установить, в каких округах скифское влияние было сильнее, где был расположен центр скифского мира, а где периферия.

Ученому удалось выявить характерную особенность скифской курганной культуры – смешанность составных ее элементов. Наряду с предметами греческого ввоза, со временем в могильниках встречаются произведения тех же греческих мастеров, но приспособленные к предпочтениям своих клиентов, предметы их обихода, удовлетворяющие их (т.е. скифов) художественным запросам. Помимо этого автор старается определить то, что принесли с собой с востока киммерийцы и скифы, противопоставить местной культуре и определить, что из этого восприняло местное население. Задача эта крайне сложная.

В больших и богато убранных курганных погребениях покоятся представители высших слоев скифского общества, останки отдельных скифских вождей. Судить же о жизни низших, подчиненных слоев очень сложно из-за скудости археологического материала, его однобокости. В этом плане М.И. Ростовцев правильно упрекает археологов, которые, имея перед собой целые некрополи, раскапывали лишь входящие в них курганы, в которых покоится прах элиты скифского общества. «Поэтому, – пишет он, –

чрезвычайно затруднительно сказать, является ли та местная культура, которая лежит в основе культурной жизни Приднепровья, но, насколько можно судить по данным, добытым до сих пор, не заходит за пределы течения Дона, культурой, носителем которой были скифы, скифский народ как таковой, или местное покоренное скифами население, вещи обихода которого восприняты были в значительной части скифами-пришельцами, поскольку дело идет не о верхах, а о народе» [Ростовцев, 1989: 197]. Анализ инвентаря курганных погребений позволил автору судить лишь о скифской культуре как аспекте культуры верхних господствующих слоев общества. При этом ученый подчеркивает, что именно эта культура верхов носит тот смешанный характер с преобладанием восточных элементов. М.И. Ростовцеву удалось установить не только смешанный характер скифской культуры, степень изменения ее в сравнении с захоронениями в других регионах скифского мира, но и на их основе проследить перемены в обрядах и быте, проследить эволюцию развития скифского мира на протяжении трех столетий [Ростовцев, 2013: 308].

Сопоставительный анализ курганных погребений позволил ему как бы предупредить коллег-ученых не делать скоропалительных выводов, а именно: зафиксированный в одном округе скифский обычай автоматически не приписывать скифам, проживавшим в других округах. Для подтверждения своей мысли он приводит пример из скифского обычая жертвоприношения людей. Так, в Кубанском округе «в жертву покойнику приносились и люди. Однако, – как пишет ученый, – массового жертвоприношения людей нигде установлено не было. Приносились ли в жертву и жены и наложницы покойника, также нельзя сказать с уверенностью» [Ростовцев, 2013: 332].

На основе детального описания инвентаря погребений ученый проследил эволюцию форм оружия, надгробных построек. То, что обычаи и обряды не остаются неизменными в смежных округах, автор иллюстрирует на сопоставлениях конструкций и инвентаря таманских курганных погребений с кубанскими.

«В конструкции погребения мы наблюдаем большое однообразие и резкое отличие от группы кубанских курганов. Основная форма – яма в материке – удержана, но то, что характерно для кубанских групп – обшивка деревом и покрытие шатровой крышей исчезло; исчезли и особые приспособления для лошадиных гетакомб. ... Изменился и обряд погребения; массовое заклание лошадей исчезло, но обычай погребать упряжных лошадей погребальных колесниц и верховую лошадь покойника сохранился. Обычай погребальной тризны сохранился» [Ростовцев, 2013: 358-359]. В зависимости от местных особенностей обряд в одном округе был в полной силе, в другом – исчезал. В Кубанском округе, писал он, имело место массовое захоронение лошадей, а вот на западе Скифии в Полтавском и Киевском округах погребение лошадей вовсе отсутствует. В этих округах (Киевском и Полтавском. – А.Ч.) скифы вели оседлый образ жизни, и лошади стали более редки и более ценны, по мнению ученого, что привело к изменению обряда [Ростовцев, 2013: 519-520].

Среди других материалов выделяются главы, посвященные археологии скифов, в которых автор предпринял попытку выявления особенностей каждой из выделенных групп скифских курганных погребений. Ниже мы рассмотрим их в такой же последовательности. Основа вещей кубанских курганов – восточная, специально иранская, и эти вещи задают тон всей культуре [Ростовцев, 2013: 337].

Особенностью Таманской группы курганов М.И. Ростовцев считает сильнейшую эллинизацию всего обихода, гораздо более сильную, чем в других группах скифских поселений. Иранизация эллинов в IV-III вв. была не особенно велика [Ростовцев, 2013: 371]. Анализируя же Крымскую группу скифских курганов, М.И. Ростовцев особое внимание уделяет знаменитому кургану Куль-Оба, с которой, как он пишет, «начинается эра расследования курганных погребений и вообще научных раскопок на юге России» [Ростовцев, 2013: 376].

По мнению М.И. Ростовцева, среди всех скифских курганов особое место занимают курганы степной приднепровской полосы, потому что именно здесь наиболее ярко представлен скифский мир в период его расцвета. Эти курганы теснейшим образом связаны с крымской группой. На примерах знаменитых курганов Солоха и Чертомлык, они представляют собой наиболее известные и наиболее богатые скифские погребения [Ростовцев, 2013: 404]. Причины особенного богатства этих курганов М.И. Ростовцев видит в близости их к столице Боспорского царства – Пантикапею, который был единственным культурным центром, связывавшим степную Скифию с Элладой [Ростовцев, 2013: 457].

Исходя из анализа погребального инвентаря, ученый делает важное заключение: «В историческом отношении группа днепровских курганов чрезвычайно важна и тем, что позволяет нам составить себе представление о постепенной эволюции скифского государства в связи с имеющимися литературными данными. Выясняется, что средоточием скифской мощи степи около Днепра сделались сравнительно поздно. До этого времени скифская государственность и культура развивались главным образом в степях прикубанских в тесном общении с Крымом, Кавказом и греческими городами у Кавказского побережья, Тамани и Крыма» [Ростовцев, 2013: 458]. Не разделяя мнения некоторых своих коллег (В. Хвойка, А. Спицын), М.И. Ростовцев обоснованно называет инвентарь южнорусских погребений скифским (восточно-иранским), считает погребальный инвентарь этих курганов соответствующим иранскому укладу жизни [Ростовцев, 2013: 467].

В Киевском округе скифская культура не могла занять того господствующего положения, которое она заняла на Кубани, в Крыму и в Приднепровских степях, где она подверглась сильнейшему влиянию греческой культуры, быта и религии, так как здесь неминуемо должно было создаться смешение двух культурных укладов [Ростовцев, 2013: 466]. В Киевской и Полтавской группах погребальный обряд и погребальные сооружения нового типа подверглись сильнейшему местному влиянию и

почти не встречаются. Анализ археологического материала из этих двух групп погребений дал основание М.И. Ростовцеву говорить об их тесном и близком родстве [Ростовцев, 2013: 544]. В Донской группе скифских курганных погребений обряд погребения сохранился скифский, но, как пишет М.И. Ростовцев, чуть смягченный. Ученый отдельно рассматривает и анализирует случайные находки скифской культуры на территории Венгрии, Румынии и Болгарии. Они, в сравнении с курганами юга России, выглядят, конечно же, скромнее, что объясняется тем, что эта территория была периферией скифского мира.

Сопоставительный анализ погребальных сооружений позволил М.И. Ростовцеву выявить их некоторые особенности на всей территории расселения скифов в IV-III вв. до н.э. Ученый пишет: «Характерной особенностью описанных областей является еще и то, что на Кубани во все периоды преобладают монументальные и роскошные погребальные сооружения с богатым инвентарем, та же особенность характерна и для степной Приднепровской группы, все погребения которой относятся к IV-III вв. до Р. Хр. На Тамани же преобладают погребения под одним курганом ряда лиц с богатым инвентарем в каждом погребении.

Иную картину дает Среднее Приднепровье – Киевщина и Полтавщина, причем к ним в IV-III вв. до Р. Хр. присоединяется и Среднее Придонье. Здесь наряду с монументальными и роскошными погребениями, где преобладают вещи восточного и греческого характера, количество которых сначала незначительно, особенно возрастает в IV-III вв. до Р. Хр., господствуют погребения менее монументальные, более скромные и с инвентарем в значительной своей части местного происхождения» [Ростовцев, 1989: 196-197].

Курганным погребениям степей юга России эллинистического и римского времени (III в. до н.э. – III в. н.э.) посвящена последняя XI глава книги «Скифия и Боспор». В ней выделены следующие три периода: Курганы Тамани и Прикубанья переходной эпохи, Кубанская группа

курганных погребений эллинистического и римского времени, и примыкающие к кубанской группе погребений погребения и клады степей юга России. С IV-III вв. до н.э. начинается новая серия курганных погребений с измененным обрядом погребения и с совершенно новыми элементами в погребальном инвентаре [Ростовцев, 2013: 545]. В этот период «в погребениях всего юга России, от Кубани вплоть до Венгрии и Болгарии, начинают преобладать восточные и греческие элементы, причем апогея своего развития достигают как греческий импорт, так и особенно вещи, изготовленные греческими, вероятно пантикапейскими, мастерами, специально для нужд и потребления местного населения» [Ростовцев, 1989: 196]. Здесь, как и в предыдущей главе, М.И. Ростовцев детально описывает эти погребальные комплексы, которые, начиная с переходного периода (конец III-II вв. до н.э.), встречаются вплоть до эпохи ранней римской империи, когда курганные некрополи вытесняются могильниками, так называемыми «полями погребальных урн». В сравнении со временем наибольшего могущества Скифии, со второй половины III века до н.э. географические рамки скифской государственности суживаются до пределов Прикубанья, Тамани и междуречья Дона и Днепра (так называемая Крымская Скифия или Тавроскифия). Как пишет ученый, это доказывается и погребениями переходного времени, и примыкающими к Кубанской группе погребениями и кладами степей юга России [Ростовцев, 2013: 545]. В другом месте той же работы ученый уточняет, что на Кубани курганы переходного периода или вовсе отсутствуют, или встречаются весьма редко.

Анализ инвентаря погребений позволил М.И. Ростовцеву установить следующее: «В конце III в. мы наблюдаем довольно резкое изменение культурного уклада с целым рядом новых особенностей, которые не могут быть объяснены исключительно эволюционным путем, а предполагают наличие какого-то нового культурного течения с новой струей восточных, по всей вероятности, иранских же элементов» [Ростовцев, 2013: 309]. В итоге резко меняется общий характер степных курганных погребений. Меняется и

конструкция погребального сооружения, и обряд, и состав, и характер инвентаря. «Новый тип» примешивается и к погребениям старого типа, что, по М.И. Ростовцеву, находит объяснение «в появлении новых последовательных волн иранских завоевателей, постепенно внедрявшихся и вклинивавшихся в скифскую державу, причем высший класс завоевателей естественно смешивался с высшим классом скифской державы, родственным им по происхождению» [Ростовцев, 1983: 198].

Причину этих перемен М.И. Ростовцев видит в изменениях исторических реалий, не совсем благоприятно сложившихся для скифов. «Только тогда, когда с Запада скифов потеснили сначала персы при Дарии, затем фракийцы и, наконец, Македония и кельты, когда на востоке им пришлось вступить в борьбу с тем же персидским царством, затем с окрепнувшим Боспором ... и, наконец, с постепенно надвигавшимися сарматами, скифам пришлось сжаться в степях к северу от Крыма, между Доном и Днепром, где отныне, начиная с IV в. до Р. Хр. мы видим сосредоточенную главную мощь скифов» [Ростовцев, 1983: 458].

Описывая погребальный инвентарь курганов Тамани, Крыма и Прикубанья, М.И. Ростовцев замечает сильнейшее греческое влияние, «вытесняющее какие бы то ни было местные элементы, в бассейне Дона, ближе к Танаиду, замечается то же явление, дальше на север к восточно-греческим вещам примешиваются мало еще обследованные местные вещи» [Ростовцев, 1989: 196]. Вслед за этим ученый характеризует комплекс погребений юга России, отмечая при этом отличие памятников степного Приднепровья (греко-восточный уклад) от Среднего Приднепровья (преобладание местного производства над восточно-греческими вещами [Ростовцев, 1989: 196]. В монографии подвергнута анализу и кубанская группа археологических памятников эллинистической и римской эпохи. Завершается глава детальным анализом погребений и кладов на юге России.

Изменения, которые произошли в погребальном инвентаре переходного и последующего развития в эллинистическое и римское время,

М.И. Ростовцев подводит под историческую основу, суть которой сводится к следующему. Со второй половины III в. до н.э. исторически засвидетельствовано волнообразное, поочередное движение на запад ряда сарматских племен. Языги, роксоланы, аорсы, сираки, затем аланы постепенно появились в степях юга России, оседали, вновь двигались далее, при этом поочередно покоряя друг друга. Прорываясь через границы той или иной области, они становились хозяевами положения, при этом смешивались с народами, населявшими ранее эти территории, воспринимая исконный уклад их жизни и продвигаясь дальше на запад под давлением новых подходящих с востока племен, и упорно вытесняли шаг за шагом старых хозяев – скифов, несомненно, смешиваясь с ними [Ростовцев, 1989: 612].

Эти волны сарматского нашествия отразились в погребальном инвентаре кургана Покровки и других курганных погребениях. Поэтому в эллинистическое и римское время кубанская группа курганных погребений представлена культурой сарматских племен. Воспроизведя их историческую реконструкцию, М.И. Ростовцев пишет: «Осевшая на Кубани волна, – вероятно аорсы и сираки, – вошедшая немедленно в тесное общение с Боспорским царством, подвергшаяся его влиянию и сильно повлиявшая в свою очередь на него, смешавшись с местными элементами старого оседлого населения и тяготевшая всегда более к югу, дала своеобразную культуру кубанских курганов, которую, несомненно, восприняли и разработали дальше последние сарматские пришельцы, аланы, понесшие свою культуру далее на запад, вплоть до крайнего запада Европы» [Ростовцев, 2013: 612-613]. И далее: «Общий облик культуры сарматских курганов, как это мы видели для скифских, везде один и тот же. В деталях, однако, он меняется соответственно месту и времени, местным культурным условиям и местному культурному развитию» [Ростовцев, 2013: 613].

Выше со ссылкой на М.И. Ростовцева мы отмечали, что на Кубани (но не на Таманском полуострове) курганы переходного времени отсутствовали или встречались редко. На основании анализа этого факта ученый

доказывает, что сарматская волна сплошным потоком прошла по южнорусским степям не раньше II в., когда новые сарматские племена осели на берегах Кубани [Ростовцев, 2013: 615]. Эта кубанская волна двинулась и дальше; следы ее мы видим на всем протяжении степей юга России к северо-западу от Кубани и далее на запад по Дунаю вглубь Западной Европы. Сарматские племена наложили свой отпечаток и на культуру Ольвии, однако, особенно сильное влияние «кубанский» сарматский уклад оказал на Боспорское царство. Влияние его на регион было настолько глубоко, что можно с уверенностью сказать, что таковым оно не являлось даже в период расцвета взаимоотношений Боспора со скифами. Само собой разумеется, сарматы привнесли с собой в регион и свой культурный уклад. Через Боспорское царство произошло также тесное общение и взаимодействие господствующих элит сарматов с греческим миром, в результате чего меняется весь уклад жизни Боспора, что внешне сказалось на всем: на costume, вооружении, на укладе быта. И, наконец, во II-III вв. н.э. в погребальном обряде греко-сарматское начало берет верх. Со временем сарматская составляющая населения растет, и Боспорское царство становится не греческим или греко-фракийским поселением, как было раньше, а греко-сарматским. Такому явному превосходству сармат во многом содействовал приход к власти во II в. до н.э. иранской династии в лице Митридата VI Евпатора, которая буквально слилась с родственной ей сарматской династией.

2.4. М.И. Ростовцев об этногенезе иранских народов

История любого народа начинается с изучения вопроса его этногенеза. Так, скифам в южнорусских степях и Северном Причерноморье предшествовали киммерийцы, вопрос появления которых в данном ареале до сих пор не ясен, а мнения ученых об их происхождении могут быть диаметрально противоположными. Причиной тому является, конечно же,

отсутствие достоверных источников, в первую очередь письменных. Опираясь на античные предания, М.И. Ростовцев склонен был видеть в киммерийцах не иранцев, близких родственников скифов, а скорее племена, родственные предкам фракийцев, которые также были мигрантами с востока, и говорили на фракийском языке, одной из ветвей индоевропейского языка. По мнению ученого, продвигаясь на запад, киммерийцы дошли вплоть до Балканского полуострова. Основываясь на преданиях, М.И. Ростовцев также предполагает родство киммерийцев с амазонками [Ростовцев, 1918: 31].

В науке считается неоспоримым факт вытеснения, или покорения киммерийцев на берегах Черного моря еще более могущественной волной переселенцев с востока, носителей иранской культуры – скифами [Ростовцев, 1918: 32]. Исходя из этого постулата, М.И. Ростовцев, конечно же, в своих изысканиях не может не упомянуть киммерийцев. При этом сообщаемые им сведения о киммерийцах, по сути, были первыми в отечественном антиковедении. Ученый пишет о местах их расселения, о походе в Малую Азию, о взаимоотношениях со скифами, об амазонках, о вытеснении (покорении) их в конце VIII – начале VII вв. скифами.

В специальном разделе своей книги «Эллинизм и иранство на юге России», посвященном киммерийцам и скифам, М.И. Ростовцев затрагивает вопросы взаимосвязи этих двух племен. Он считает киммерийцев близкими родственниками фракийцев, одной из ветвей яфетического племени [Ростовцев, 1918: 30]. Такого же мнения придерживались и некоторые скифологи [Артамонов, 1947: 47-48]. В другом месте той же работы, со ссылкой на греческую легенду, Михаил Иванович повторяет ту же версию и дополняет ее мнением, что фракийские элементы могли быть привнесены киммерийцами [Ростовцев, 1918: 59].

Между тем фракийское происхождение киммерийцев так и не установлено наукой. Их этногенез оспаривается и по настоящее время, хотя большинство ученых путают их со скифами, считают их родственными ираноязычным скифам, видят в их этногенезе иранские корни. Иранскую

этническую принадлежность киммерийцев первыми высказали иностранные ученые (Minns, 1913; Kreschme, 1923). В современной науке также преобладает мнение, что по своему языку киммерийцы относились к иранской ветви индоевропейцев [История, 1987: 36]. Да и сам Михаил Иванович, по всей вероятности, не был твердо уверен в их принадлежности к фракийскому миру, иначе бы не писал, что в Приазовье киммерийцы внесли «первые элементы иранской культуры» [Ростовцев, 1918: 122].

«Определить с точностью национальность скифов довольно трудно; с наибольшей вероятностью их можно причислить на основании дошедших до нас скифских слов к иранцам» [Багалеи, 1914: 82] – писал профессор Багалеи. Вопрос об этнической принадлежности скифов в зарубежной и советской науке не вызывал особых разногласий. Академическим научным сообществом признавалось их иранское происхождение, как и то, что они вторглись в Северное Причерноморье с востока, из Азии. Свое веское мнение об иранстве скифов и сармат высказал и М.И. Ростовцев, который характеризует сарматов как кочевое племя конных дружинников, чрезвычайно похожее на скифов, но отличающееся от них некоторыми новыми чертами. Ученый солидарен с Геродотом, который отмечал родство скифов и сарматов, подчеркивал, что сарматы (савроматы) говорят на языке скифов, издавна с ошибками (Геродот, IV: 117). Что касается скифов, то вопрос их этногенеза до сих пор в определенной степени подвержен различным спекуляциям. В частности, в постперестроечные времена нередко можно встретить не только безапелляционные заявления, но и целые монографии⁶⁴, в которых тюркоязычность или принадлежность скифов, сармат, алан исключительно к славянскому миру возведена в абсолют, полностью игнорируя при этом аксиому академической науки, доказавшей их ираноязычность.

⁶⁴ В частности, Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986; Ольховский О.Ф. Древние русы и Кавказ (Кавказ-русская земля) Ростов НД, 2014; Ю.Д. Петухов, Н.И. Васильева. Русы Великой Скифии. 2007.

Не существовало единого мнения о происхождении скифов и во времена М.И. Ростовцева. Одни считали скифов чистыми иранцами, другие – туранцами, третьи – смешанными племенами кочевников (иранцы, туранцы и другие этнические элементы). Некоторые же разделяли скифов, считая западных скифов иранцами, а восточных – монголоидами. В.Ф. Миллер довольно твердо обосновал вопрос об арийском, собственно, иранском происхождении западных скифов. Иранской гипотезы придерживаются Цейс, Мюлленгоф, Шпигель, Эд. Мейерс. Ф.Г. Мищенко в своей статье «К вопросу о царских скифах», пришел к выводу, что «среди скифов (у Геродота это термин политический) были различные по расе племена – арийские и урало-алтайские; к арийцам принадлежали каллипиды, алазоны, скифы-земледельцы и пахари; к урало-алтайцам – царские скифы и вообще скифы-кочевники; доказательства этого последнего положения взяты у Нибура, Неймана: грубость и жестокость, свидетельство Гиппократ о типе скифов (кожа желтая, нет бороды, как и у женщин, тучность)» [Багaley, 1914: 89]. На единстве скифов настаивает профессор А.Л. Погодин в своей статье «О сношениях Босфорского царства с варварскими народами» [Багaley, 1914: 89].

Сам М.И. Ростовцев придерживался мнения об иранском происхождении скифов, разделял мнение об их восточных корнях и одновременно признавал ту большую роль, которую они сыграли в исторических судьбах России, подчеркивал, что скифы внесли огромный вклад в сокровищницу мировой культуры [Ростовцев, 1918: 7]. Подтверждением вышесказанному может служить название его книги «Эллинство и иранство на юге России», которая является одним из основных трудов ученого и в которой ираноязычным скифам отводится доминирующее место. Своими многочисленными исследованиями, в которых он запустил в научный оборот письменные, археологические, эпиграфические, нумизматические и др. источники, ученый подтвердил пользовавшееся в его время всеобщим признанием восточное происхождение скифов. Однако у

самого М.И. Ростовцева не было устойчивого мнения о скифах. С одной стороны, родство скифов, сармат и алан не вызывало у него сомнений, с другой, он считал лингвистически недоказуемой принадлежность скифского языка к иранским. «Говорю лингвистически недоказуемым потому, что строить какое бы то не было заключение на основе единичных слов, сохранных нам греческими писателями, из которых большинство имена божеств и личные имена, с методологической точки зрения недопустимо» [Ростовцев, 1989: 200].

Между тем такое категорическое суждение ученого беспочвенно. К тому же в наследство от скифов нам достались не только сообщаемые греками названия божеств и личные имена, но и более 200 словарных основ, дающих материал для грамматического анализа. «Через несколько столетий, – пишет Д.И. Багaley, – в ольвийских надписях из ста варварских имен около половины объясняется из иранского языка; то же самое относится и к танаидским и, прибавим от себя, к нимфейским надписям. Несомненно, иранским является и имя скифского царя *Сайтафарна* (*Farna*-мир, *sa-*радоваться). Другие – не иранские; то же нужно сказать и о более древних временах и таких именах, как *Савлий* – необъяснимое из иранских наречий. Многие сарматские имена также объясняют из иранских наречий: роксалане – светлые аланы; языги – большие, высокие; царь языгов *Ванадаснос* (ир. *aspa*-конь, *van*-поражать)» [Багaley, 1914: 90].

И еще. Ко времени написания работы М.И. Ростовцева уже были известны труды В.Ф. Миллера (Миллер, 1962, и др.), в которых недвусмысленно была доказана принадлежность скифского языка к иранской группе языков. Еще более основательно, фундаментально эта аксиома была подтверждена В.И. Абаевым в специальном научном очерке, посвященном скифскому языку [Абаев, 1979: 147-245]. В ней он подверг всестороннему грамматическому анализу скифский язык, используя для этого сохранившиеся словарные основы. Заключение ученого, приведенное нами выше, остается незыблемым до сих пор: «Осетинский язык на Кавказе

«продолжает традиции скифского языка, как ягнобский язык традиции согдийского языка» [Абаев, 1949: 239]. В связи с этим интересно мнение американского исследователя Уильяма Монтгомери, который писал следующее: «Ни скифы, ни сарматы никогда не испытывали потребности в использовании письменности, и потому в нашем распоряжении нет ни одной связной скифо-сарматской фразы. Ни один из греческих авторов не взял на себя труд составить список скифо-сарматских слов, и это значит, что мы должны оставить всякую надежду восстановить скифо-сарматский язык во всей его полноте.

Тем не менее, нам посчастливилось иметь ряд важных намеков, которые помогут нам определить, по крайней мере, языковую группу, к которой относился скифо-сарматский язык. Многие античные авторы определенно указывают на то, что этот язык был очень похож на языки, на которых говорили мидяне, персы и парфяне, иными словами, что скифы и сарматы говорили на языке, который мы теперь называем иранским языком.

Данное утверждение представляется весьма убедительным на основании изучения скифо-сарматских имен собственных – имен людей, богов и названий мест, которые сохранили для нас греческие и римские авторы. Классические писатели были очень небрежны в транскрипции этих имен собственных, и в результате многие оказались настолько искажены, что стали непригодными, но во множестве других случаев эти имена имеют явное сходство с иранскими.

Помимо имен и названий у нас есть другое косвенное доказательство, подкрепляющее утверждение, что древние скифо-сарматские языки имели близкую родственную связь с персидским. Важным фактом в этом отношении является то, что осетины, являющиеся прямыми потомками аланов, до сих пор говорят на очень архаичном варианте иранского языка, сильно отличающемся, но, тем не менее, имеющем тесное родство с ранним персидским языком. ... При таком большом количестве доказательств мы можем считать определенно установленным, что скифы и сарматы говорили

на индоевропейских языках, в частности на языках, принадлежавших к индоарийской (индоиранской) группе. Более того, языки, на которых говорили в Северном Туркестане и окружающих его регионах, были ближе к иранским» [Макговерн, 2021: 50-51].

М.И. Ростовцев не сомневался и в этногенетическом родстве скифов и сарматов. Подчеркивая ираноязычие сарматов, он находил много общего у них со скифами: и те, и другие, согласно ему, являлись конными рыцарями, мало чем отличается и строй государственной жизни. Сравнивая сарматов со скифами, М.И. Ростовцев отмечает, что они «от подвергшихся сильному влиянию греческой культуры скифов, отличаются, прежде всего, большой грубостью и дикостью. Вместо лука и стрел у сарматов в вооружении – длинные мечи и огромные копья. В их вооружении много общего со скифами. Как и скифы, они конные рыцари, но главным оружием их являются уже не луки, а длинные мечи. ... Как и скифы, они защищены чешуйчатыми панцирями из костяных или железных чешуек. ... Внешний облик их такой же, как и у скифов: длинные волосы и бороды, восточная одежда, похожая на одежду парфян, штаны...» Ученый заостряет внимание и на различиях между сарматами и скифами: «Сарматам удается то, что не удалось скифам. Они проникли глубоко в Западную Европу, дойдя до Испании. С собою они понесли свои вкусы, свою культуру, свои любимые формы. Вещи сарматского типа, целые типичные погребения мы находим и в Австрии и даже в далекой Нормандии» [Ростовцев, 1989: 139].

Близкое родство сарматов со скифами сказывается не столько в бытовом отношении (бытовые черты у всех кочевых племен являются более или менее общими), сколько в языке, который, как отметил Геродот, похож на скифский. «Теперь уже никто не сомневается в этнической принадлежности сарматов к скифскому племени», – писал ученый [Ростовцев, 1989: 153]. Михаил Иванович полностью разделял мнение Геродота, который характеризует сарматов как кочевое племя конных дружинников, чрезвычайно похожее на скифов, но отличающееся от них

некоторыми новыми чертами». И далее: «Новейшие лингвистические исследования в области изучения осетинского языка (осетины – отдаленные потомки алан, конечно очень смешанные) подтвердили это сближение, выяснив с несомненностью, что сарматы были иранцы» [Ростовцев, 1989: 129]. Одним из первых М.И. Ростовцев характеризует сарматские племена (языги, роксоланы, сираки, аорсы, аланы), последовательность их пребывания на Запад и места их размещения [Ростовцев, 1989:128]. «Появление сарматов не прошло бесследно. Оно способствовало появлению в римских провинциях нового стиля – романского, повлияло на так называемый готический и внесло свою лепту в историю западноевропейского искусства» [Ростовцев, 1989: 139].

Не вполне ясным для М.И. Ростовцева остается также вопрос о взаимосвязи сарматов и алан. Как считает Михаил Иванович, сарматские племена шли на запад одни за другими. По всей вероятности, первыми были ясы, за ними шли роксоланы, затем сираки и аорсы, и, наконец, последними аланы. Согласно М.И. Ростовцеву, аланы были самостоятельным племенем, хотя в последующие годы ряд ученых-алановедов доказывал обратное. По Е.И. Крупнову, аланы во II в. были известны под именем роксолан [СИЭ, 1961: 330]. К.Ф. Смирнов же считает, что аланы выжили в недрах аорской конфедерации сарматских племен [Смирнов, 1950: 108]. Считает одним народом сармат и алан и известный польский ученый Т. Сулимирский [Сулимирский, 2010: 7]. По мнению же В.А. Кузнецова, после войны аорсов и сираков в 49 г. оба этнонима исчезают и заменяются именем – аланы [Кузнецов, 1992: 5].

Михаил Иванович был одним из первых, кто в своих трудах упомянул амазонок. Он приводит греческую легенду, согласно которой амазонок из южного берега Черного моря буря перебрасывает на берега Азовского моря⁶⁵. Высадившись здесь, они встретились со скифскими юношами,

⁶⁵ Согласно мифу, амазонки жили на Черноморском побережье современной Турции, на берегах реки Амазон, близ рек Фермодонт (Терме), и Ирис, ныне Ешилъырмак.

вступили с ними в брак и заняли область, которую позднее заселили савроматы – потомки амазонок и скифов. Сведения об амазонках, приводимые М.И. Ростовцевым, этой легендой не исчерпываются. Амазонки вошли в историю как воительницы. Еще одна легенда им приписывает слова: «Мы стреляем из лука и мечем дротики, и ездим верхом, женским же работам мы не обучены». Как отмечено ученым, «ряд сидевших здесь (Азовское побережье – А.Ч.) в позднейшее время племен сохранил в своем строе исключительную роль женщин, выступающих не только как воительницы, но и как предводительницы и воинственные царицы целых племен» [Ростовцев, 1918: 29]. М.И. Ростовцев, конечно же, имел в виду сарматские племена. Легенды об амазонках получили распространение и среди греческого населения Причерноморья.

Некоторые противоречия можно найти в суждениях М.И. Ростовцева о сарматах и савроматах. С одной стороны, он выражает сомнение в их идентичности, считает вопрос трудным и спорным, допускает, что савроматы не имеют ничего общего с позднейшими сарматами [Ростовцев, 1989: 200]. В качестве примера не идентичности этнонимов «савроматы» и «сарматы» М.И. Ростовцев отмечает, что «во всех наблюдениях над бытом, государственным и военным строем сарматских племен нигде нет и намека на особую роль женщины в жизни сарматов» [Ростовцев, 2013: 113]. В то же самое время ученый допускает и идентичность этих этнонимов. В том же исследовании далее он пишет, что «это имя (сарматы. – А.Ч.) тождественно с именем савромат и представляет только иную его транскрипцию» [Ростовцев, 2013: 111].

Здесь мы возьмем на себя смелость подкорректировать великого ученого. Со времени написания этих строк появилось большое количество работ, посвященных савроматам-сарматам. Более того, сарматология даже выделилась в специальное научное направление. Как показывают труды известных специалистов по савроматам и сарматам: «Савроматы – кочевые племена, жившие с VII по IV вв. до н.э. в поволжско-приуральских степях.

По своему происхождению, языку и культуре были очень близкие к скифам» [СИЭ, 1969: 454]. В III в. до н.э. с востока один за другим стали продвигаться на запад сарматские племена. «Эти племена, первоначально выделенные именем сарматов, постепенно сливаются в представлениях античных писателей со старыми савроматами; их постепенно начинают обозначать *promisne*, то именем савроматов, то именем сарматов, причем, однако можно заметить, что первое имя господствует там, где мы имеем дело со сведениями, взятыми из старой литературы, второе – там, где нам говорят о племенах-завоевателях, подвинувшихся, начиная с III в. до Р. Хр. из-за Дона на степи Южной России» [Ростовцев, 2013: 111]. Образно говоря савроматы – это ранние сарматы. В савроматской среде вызрели наиболее крупные союзы сарматских племен. Последних никак нельзя оторвать от собственно савроматов ни по образу жизни, ни по погребальному обряду, ни в целом по материальной культуре, савроматы – непосредственные предки многих сарматских племен [Смирнов, 1984: 9-10]. Таково мнение крупного сарматолога К.Ф. Смирнова.

Из всего вышеизложенного вытекает следующее. Сарматы являются теми же савроматами, но та их группа, которая с VII по IV вв. до н.э. была уже на западе. В III в. до н.э. оставшаяся на востоке их часть также двинулась на запад и, прибыв на юг России, стала смешиваться с родственными им племенами.

Некоторая хаотичность в этнонимах наблюдается и в литературных источниках. К примеру, установлено, что языги являются сарматским племенем, а «у Арриана языги зовутся савроматы, часть их» [Ростовцев, 2013: 69]. У Помпония Мела сарматы называются «женоуправляемыми» [Античные, 1990: 100], хотя другие литературные источники относят это к савроматам, до их смешения с сарматами (К.Ф. Смирнов, 1971). Страбон также непоследователен в терминологии. В некоторых местах он упоминает «женоуправляемыми» савроматов, в других же говорит то же самое о

сарматах эллинистических географов. Получается некая терминологическая путаница.

Причину многих неясностей и спорных моментов в сопоставлении савроматов и сарматов М.И. Ростовцев объясняет, в том числе и следующими доводами. «Первоначально они (сарматы. – А.Ч.) совершенно затенены скифами, но постепенно они выдвигаются все резче на первый план и только обрывочность нашего предания, а также и то, что в античном предании сарматы не нашли своего Геродота или Посидония, виною тому, что эллинистическое и римское предание о сарматах не может померяться своей обширностью и содержательностью с геродотовскими преданиями о скифах» [Ростовцев, 2013: 115].

Однако истории известны времена (к примеру, III в. до н.э. – III в. н.э.), когда скифы и сарматы были современниками на протяжении шести столетий, а уже с I по III вв. н.э. на историческую арену выходят родственные им аланы. Данное обстоятельство, а также родство (ираноязычность), существовавшее между этими тремя группами племен, приводило к путанице племенных названий (алан и сарматов часто выдавали за скифов). Этому вопросу касаются исследователи Г.М. Бонгард-Левин и Э.А. Грантовский в своей известной монографии «От Скифии до Индии» и дают данному обстоятельству следующее объяснение. С эпохи Великого переселения «вплоть до монгольских завоеваний сильно изменили этническую карту степных пространств Евразии: обитавшие здесь ираноязычные племена и народности смешались с тюркскими племенами и народами, такими как печенеги, половцы, узбеки, туркмены, казахи. В древности эти степные территории были в основном заняты ираноязычными племенами. Тогда к ним, в том числе к сарматам и аланам, прилагалось общее название «скифы», но собственно скифами ... называлась одна группа племен Юго-Восточной Европы» [Бонгард-Левин, Грантовский, 1983: 25].

Во взаимоотношениях скифов и сарматов было зафиксировано немало случаев противостояния. М.И. Ростовцев отмечает, что, несмотря на

этногенетическое родство, внутри иранского мира не всегда наблюдалось единство. Он приводит конкретные факты того, когда преобладала сиюминутная выгода, при которой скифы и сарматы выясняли отношения между собой. Так, во II в. до н.э., скифы в союзе с царем Боспора Фарнаком II, сыном Митридата VI Евпатора, усилили свой напор на Херсонес. Римское владение, город Херсонес был вынужден заключить союз с сарматской царицей Амагой, благодаря чему и спасся. Сарматы наседали на скифов с севера и востока [Ростовцев, 2013: 137-138]. Тот же Фарнак II в борьбе с Асандром, которому он в свое отсутствие поручил управлять Боспором, и который выступил против него, опирался на воинский контингент скифов и сармат. Боспорского царя Савромата I (I-II вв. н.э.) в его борьбе со скифами поддержали также сарматы [Пуздровский, 2001: 107]. Когда же из-под влияния римлян или боспорцев выходили скифо-сарматские объединения, против них были направлены сармато-аланские отряды [Пуздровский, 2001: 111]. В одной из войн, к примеру, часть скифов с греками воевала со скифами и сарматами. Римский император Нерон (I в. н.э.) одновременно воевал со скифами, сарматами и аланами. Так, легат римской провинции Мёзии, Тиберий Сильван Элиан по приказу Нерона оказал помощь Херсонесу в отражении нападения скифов и сарматов. Сильван Элиан готовил большой поход в район Черного моря и ставил задачей разбить грозное племя сарматских алан, стихийное движение которых в Придонских степях подталкивало прежде осевшие на территории от Дона до Дуная сарматские племена на дунайские провинции Римской империи [Пуздровский, 2001: 80-81]. Истории также известны факты, когда аланы воевали на стороне Боспорского царя Митридата против скифской державы. Подобная ситуация сохранялась в Боспоре вплоть до конца III в., «когда сфера политического влияния Рима все более суживается, и старая греко-иранская жизнь на юге России все более увядает. В III в. н.э. скифы окончательно потеряли свою самостоятельность и этническое своеобразие, растворились среди племен Великого переселения народов. Греко-иранский

период в истории юга России кончается, и начинается новый, где руководящую роль играют германские готы и тюркские племена...» [Пуздровский, 2001: 84].

2.5. Доиранский и догреческий юг России

Монография М.И. Ростовцева «Эллиństwo и иранство на юге России» начинается с небольшого предисловия, в котором автор акцентирует внимание читателя на той важнейшей роли, которую играет юг России в истории мировой культуры. Автор сетует на то, что «мы чрезвычайно мало знаем и очень мало интересуемся нашим прошлым, особенно тем прошлым, которое не кажется, на первый взгляд, связанным с нашими судьбами» [Ростовцев, 1918: V], и далее задается вопросом: «какая может быть связь между эллинами и иранцами, сидевшими на юге России в эпоху, когда о славянах и русских мы ровно ничего не знаем, с нашей историей и нашей культурой» [Ростовцев, 1918: V]. Этот вопрос, а именно – установление взаимосвязи и преемственности эпох, эллинистической и иранской со славянской и впоследствии русской, и является основной идеей написания его труда.

Но прежде чем перейти к истории появления ираноязычных племен и эллинов в южнорусских степях, М.И. Ростовцев с присущей ему основательностью исследует прошлое юга России, начиная с первых исторических сведений и характеристики археологических эпох до начала греческой колонизации. Обозревая доиранский и догреческий период этой обширной территории с его богатым историческим прошлым и археологическим наследием, ученый исследует цивилизации Малой Азии, Закавказья, Северного Кавказа, Ассиро-Вавилонии, Египта, Хеттской державы. Трудно не согласиться со всеми положениями и выводами автора, которые он делает в ходе исследования. И все же мы позволим себе прокомментировать некоторые тезисы М.И. Ростовцева, которые касаются

значимости юга России в позднебронзовую эпоху. К примеру, автор пишет: «Вся богатейшая в Западной Европе эпоха развитого бронзового века на юге России представлена только немногими случайными находками, не позволяющими судить о господствовавших в это время культурных связях» [Ростовцев, 1918: 25]. Полагаем, что М.И. Ростовцев не совсем прав, утверждая, что в отличие от Западной Европы, на юге России эпоха бронзы представлена лишь «немногими случайными находками» [Ростовцев, 1918: 25]. Долгое время в научных кругах наиболее развитой позднебронзовой культурой считалась Гальштадтская (Германия). Однако в 70-х годах XIX в. была открыта более богатая и более высокоразвитая Кобанская позднебронзовая культура, существовавшая с XIII-XII по IV вв. до н.э., которая приобрела широкую известность в мировой археологии благодаря уникальным изделиям, выполненным из бронзы⁶⁶. Более того, ученые определили, что происхождение как Кобанской культуры, как и Тлийской культуры, обнаруженной на южном склоне Центрального Кавказа, в Южной Осетии является местным. Ученые считают, что именно наследники кобанцев стали тем автохтонным субстратом, который лежит в основе некоторых современных народов Кавказа.

В действительности в этом регионе, охватывающем бассейны впадающих в Черное, Азовское и Каспийское моря рек Днестра, Буга, Днепра, Дона, Волги и Урала, в пространстве между Каспийским и Черным морями разворачивались яркие исторические события в древности. Подчеркивая геополитическую значимость региона, М.И. Ростовцев писал: «Область южнорусских степей поставлена была в ближайшую связь с рядом важнейших центров культурного развития древнего мира. Она была, прежде всего, естественным продолжением могучего иранского мира, определяющего собой культурную физиономию прикаспийской и

⁶⁶ В начале XX века, на основании лишь внешнего сходства кобанских иллюстраций с вещами гальштатской культуры Дунайского бассейна, Г. Вильке и М. Герпес, объяснили достижения бронзы Кавказа массовым переселением дунайских племён металлургов. Только в 1935 году А.А. Иессену в специальной работе, посвященной истории металлургии меди на Кавказе, удалось показать полную беспочвенность теорий «дунайских» заимствований [Смирнов А.П. Скифы М., Наука, 1966].

приаральской Азии и тесно связанного с культурным миром Месопотамии» [Ростовцев, 1918: 2]. Через Кавказ южнорусские степи поддерживали связи с культурой и древней цивилизацией Малой Азии и Закавказья. Они же имели непосредственные контакты с восточной частью Европейского континента, точнее, с севером Балканского полуострова и с югом Средней Европы. Последняя, в свою очередь, посредством Черного моря соединяет южнорусские степи и с греко-латинским миром, что, естественно, отразилось и на культурной карте юга России. Продолжая свою мысль, М.И. Ростовцев пишет: «Степи юга России объединили в себе все названные выше, определяющие мировое развитие, культурные струи, взаимодействие которых создало тот культурный облик степей юга России. ... Роскошные травы, тучные поля и нивы, леса и судоходные реки и другие богатства ... привязывали поселенцев к этой благословенной стране и заставляли их пытаться создавать здесь сильные государственные образования» [Ростовцев, 1918: 4-5]. Подводя итог вышесказанному, ученый подчеркивает следующее: «Древнейшим из нам известных прочным государством в степях юга России была, несомненно, скифская держава, просуществовавшая здесь непрерывно ряд столетий. Как ни разрешат вопрос о национальности скифов, считать ли их чистыми иранцами, или чистыми туранцами ... или, наконец, что наиболее вероятно, смешанным племенем кочевников, куда входили, прежде всего, иранские, затем туранские, а может быть и другие этнические элементы, несомненно, что этот народ в культурном отношении всецело связан с востоком, т.е. с той культурой, которая царила в области распространения алародийских и иранских племен и один из аспектов которой нам хорошо известен по вещественным памятникам, религии и государственности великого персидского царства» [Ростовцев, 1918: 6-7].

2.6. Скифская экспансия

История античности на юге России по существу состоит из двух составляющих – варварского (иранского, скифо-сарматского) и греческого. Выше мы уже говорили о причинах, которые привлекали мигрантов на юг России. С самого первого своего появления на Северном Причерноморье скифы громко заявили о себе военными действиями против киммерийцев, населявших южнорусские степи. Одним из первых о вытеснении скифами киммерийцев с занимаемой ими территории писал М.И. Ростовцев. С VII по V вв. скифы адаптировались на новых территориях, постепенно заселяя и обживая их. Тогда же мы можем говорить о возникновении первой государственности у скифов. Скифы упрочили свое положение на севере Черного моря, добились определенных успехов во внутренней и внешней политике. Вслед за скифами в бассейн Черного моря потянулись греки из Малой Азии. Вот как М.И. Ростовцев пишет о причинах образования городов-колоний, увязывая их со скифами: «Постепенное упрочение скифской державы, сделавшее возможным установление регулярных торговых отношений с соседями, поднявшаяся, благодаря этому упрочению, производительность самой подвластной скифам страны и подчиненных скифам, ими покоренных, племен должны были привлечь к побережью Черного моря особое внимание эллинов, особенно малоазиатских, уже давно знакомых с плаванием по Черному морю для сношений с его южным побережьем и с кавказскими гаванями и постепенно устанавливавших там свои торговые фактории» [Ростовцев, 1918: 36]. Колонии, превратившиеся в крупные торговые центры, сыграли цивилизующую роль на население Северного Причерноморья. В результате возникают торговые города-фактории как на южном, так и на северном побережье Черного моря, в так называемой циркумпонтийской зоне.

На примере археологического материала М.И. Ростовцев показывает, как в результате взаимовыгодных соседских взаимоотношений черноморских

эллинов и скифов жизнь и быт скифов кардинально меняются в лучшую сторону, как вследствие взаимовыгодной торговли все более усиливается экономическое положение жителей южнорусских степей, как обогащаются скифские цари, и т.д. Таким образом, М.И. Ростовцев наряду с А.А. Иессеном⁶⁷ был одним из первых ученых, который раскрыл причины появления на черноморском побережье колоний, основанных малоазиатскими греками.

Описание М.И. Ростовцевым истории, государства и образа жизни скифов остается хрестоматийным и по сегодняшний день. В своих работах Михаил Иванович рассказывает о расселении скифов, об укреплении их государственности, о политических, экономических и культурных связях с греческими городами-государствами, особенно укрепившихся после создания Боспорского царства. Упоминает М.И. Ростовцев и создание Великой Скифии в IV-III вв. до н.э., которая достигла апогея своего могущества при царе Атее (*Atheas*; ок. 429 г. до н.э. – 339 г. до н.э.). Согласно установившейся традиции, Атей был одним из наиболее выдающихся царей Скифии. Условный титул *царь* соответствовал тому статусу, которым его называли греки. Атей вел активную внешнеполитическую деятельность. В частности, вел переговоры с македонским царем Филиппом II об оказании ему помощи в борьбе с дунайскими племенами. Однако, Филипп, нарушив договоренности, вторгся в Скифию. По преданию Атей погиб в 339 г. в битве на Истре с Филиппом II Македонским. Было ему тогда 90 лет. Скифы отошли в степи, и вскоре изгнали македонцев со своей территории, но с гибелью Атея Скифское государство распалось.

Ученый характеризует особенности хозяйственной жизни населения в разных районах обширной Скифской державы, которая территориально охватывала Прибужье, Приднепровье, степные территории Крыма,

⁶⁷ А.А. Иессен (11 июля 1896, Санкт-Петербург - 31 марта 1964, Ленинград) - советский археолог, специалист по археологии и древней истории Кавказа бронзового века, по истории производства металла на территории СССР при первобытно общинном строе. Автор ряда работ по межплеменным и этнокультурным связям и первобытному искусству.

Керченский полуостров, Придонье и Прикубанье (Карта Скифии). По словам Геродота, европейские скифы называли себя сколотами. Согласно ему же в период своего наибольшего могущества в Скифии проживали шесть разных групп, четыре из которых занимались, в основном, земледелием: это алазоны, каллипиды, скифы-земледельцы⁶⁸, и скифы-пахари⁶⁹, а также два этноса, занимающихся кочевым скотоводством: скифы-кочевники⁷⁰ и царские скифы⁷¹ [Геродот, IV: 17-20; Виноградов, Марченко, 1991]. Каждая из этих групп имела своего царя. Территории, которые занимали эти группы, в свою очередь состояли из округов – номов. Доминирующую роль в Великой Скифии играли царские скифы. Район их расселения включал в себя степной Крым и степи между реками Днепр и Донец. Хотя каждая территория имела своего царя, само название этой группы («царские скифы») свидетельствует о

⁶⁸ Скифы-земледельцы (*Σκυθαι γεωργοί*) – один из шести этносов, входящих в состав причерноморских (европейских) скифов. Геродот сообщает о них следующее: «За Борисфеном же со стороны моря сначала простирается Гиляя, а на север от нее живут скифы-земледельцы. Их эллины, живущие на реке Гипанис, называют борисфенитами, а сами себя эти эллины зовут ольвиополитами. Эти скифы-земледельцы занимают область на три дня пути к востоку до реки Пантикапа, а к северу – на одиннадцать дней плавания вверх по Борисфену». Он также сообщает о наличии торговой гавани у борисфенитов (скифов-земледельцев). Скифы-земледельцы занимались выращиванием зерна, в том числе, на продажу. По свидетельству Плиния к востоку от устья Борисфена, т.е. на территории проживания скифов-земледельцев существовала Синдская Скифия. Это свидетельствует в пользу того, что скифы-земледельцы принадлежали к доскифскому индоарийскому населению, родственному синдам, меотам и таврам. Геродот IV 17; Плиний. Естественная история (Plin. NH IV, 84).

⁶⁹ Скифы-пахари (*Σκυθαι αροτριεες*) – этнос, входящий в состав европейских скифов. Геродот локализовал скифов-пахарей в междуречье между нижним течением Буга и Днепра. Скифские городища, обнаруженные близ городов Немиров, Винница, Могилев Подольский у Днестра, по мнению Спицына А.А., в VII-IV вв. до н.э. были заселены скифами-пахарями. (Геродот IV 17; Спицын А.А. Курганы скифов-пахарей // Известия археологической комиссии. 1916. № 65. С. 87; Ильинская В.А. О скифах-пахарях и будинах Геродота // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1957. Вып. 40. С. 28.).

⁷⁰ Скифы кочевые (*Σκυθαι νομαδες*) – этнос, входящий в состав европейских (причерноморских) скифов. Во времена Геродота кочевые скифы проживали в степях между Борисфеном и Танаисом: «Восточнее скифов-земледельцев, на другой стороне реки Пантикапа, обитают скифы-кочевники; они вовсе ничего не сеют и не пашут. Кочевники же эти занимают область к востоку на десять дней пути до реки Герра». Скифы-кочевники во времена Геродота находились в подчиненном положении по отношению к скифам царским. (Геродот IV 1-7, 19-20.).

⁷¹ Скифы царские (*Σκυθαι βασιλευον*) занимали господствующее положение в Европейской Скифии. Эти скифы считали прочих скифов себе подвластными. В местности Герры располагались священные могильники царских скифов. Современная историческая наука, опираясь на недавние археологические изыскания, утверждает, что царские скифы пришли в Северном Причерноморье сравнительно поздно – примерно во второй четверти V в. до н.э., всего за 20-30 лет до посещения Скифии Геродотом. Знаменитая война (512 г.) скифов с армией персидского царя Дария I проходила без участия царских скифов. Последнее политическое событие в Скифии, которое фиксирует в своем скифском логосе Геродот, это убийство в 450 г. царя Скила его братом Октомасадом. Уже через полвека после своего появления в причерноморских степях царские скифы, судя по всему, утратили свое господство над остальными скифами; в Побужье набирало силу царство Атея. (Геродот IV 20, 56, 71; Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. – Новосибирск, 1977, с. 114 и сл.; Виноградов Ю.А., Марченко К.К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // Советская археология. 1991. № 1).

том, что их царь был общескифским, ему подчинялись остальные цари. Свои выводы о значении Крымской Скифии, ее успешности во внутренней и внешней политике, М.И. Ростовцев иллюстрирует археологическим инвентарем из знаменитых курганов Келермес, Елизаветград, Куль-Оба, Золотой курган и др. [Абаев, 1990: 368-381].

Как отмечает М.И. Ростовцев, западная часть Скифии к моменту захвата ее скифами имела густо расселенное население с высокой земледельческой культурой. Слова М.И. Ростовцева о том, что скифы учились земледелию у европейских народов, следует понимать буквально, ибо до обоснования на Северном Причерноморье их быт был кочевническим. Новая среда обитания сказалась на их образе жизни, о чем М.И. Ростовцев пишет следующее: «На западе – картина иная. И здесь существовала своя старая и самобытная культура, но связанная не с востоком, а с западом, с северной частью Балканского полуострова и со средней Европой. Иранство встретило здесь более чуждый ему и более цепкий уклад жизни и только покрыло его наносом своей культуры» [Ростовцев, 1918: 76]. Пришельцы-скифы не конфликтовали с местным населением, а установили мирные отношения. Со временем кочевой быт скифов сменился оседлым, земледельческим, и тем самым произошла основательная трансформация всей скифской культуры. «Под влиянием местных условий скотоводы-кочевники превращаются здесь в помещиков-земледельцев», – пишет М.И. Ростовцев [Ростовцев, 1918: 76].

Правильность выводов ученого находит убедительное подтверждение и в скифо-осетинских языковых и этнографических параллелях. Обратимся вначале к языковым параллелям. Прочитав М.И. Ростовцева («Скифы учились земледелию у европейских народов»), В.И. Абаев далее констатирует: «Языковые данные полностью это подтверждают. Фактом является то, что в осетинском нет, пожалуй, ни одного земледельческого термина, кроме названия проса, который можно было бы с уверенностью возводить к общеиранскому и общеарийскому. Вместе с тем ряд терминов

имеют соответствия в языках европейских: «*xsyrf*» серп – в славянских и балтийских «*fsir*» колос – в германских, *fsonz* ярмо – в балтийском, германском и, может быть, латинском, «*stivz*» штифт (скрепляющий ярмо с дышлом) – в германском, «*fæxt\|fæstæ*» ступа (для толчения) – в славянском и балтийском, «*tillæg*» урожай – в германском. Сюда следует, быть может, отнести «*æluton*» пиво, поскольку приготовление пива неотделимо от культуры ячменя» [Абаев, 1965: 143]. Что касается этнографических параллелей, то своими изысканиями земледельческой культуры осетин Л.А. Чибиров выявил гораздо более существенные осетино-европейские параллели в области земледельческих обычаев и обрядов, нежели аналогичные схождения с соседними народами Кавказа [Чибиров, 2008: 508].

Исходя из изложенных выше языковых и этнографических аргументов, определенно можно предположить: из четырех основных ветвей скифского мира, этногенетические нити осетин восходят непосредственно к скифам-пахарям. В этой связи сомнения некоторых археологов относительно того, являются ли скифы-пахари этническими скифами, приписывание им славянского происхождения, не имеют основания [Артамонов, 1947: 79-80; Тереножкин, 2012: 14-15].

Весьма интересен и процесс адаптации западной группы скифов, так называемых скифов-пахарей к местному оседлому населению. Анализ археологического материала из этих мест, взятого в основном из погребений, позволил М.И. Ростовцеву заключить, что в могилах превалирует местный инвентарь, который усвоили и сами скифы-пришельцы. Под влиянием местного населения прежним осталась и форма погребения. При этом в захоронениях лежали обособленно иранские, греческие и ирано-греческие предметы. Сильное влияние местной среды сказалось и на форме хозяйствования. Ученый придерживается теории принадлежности скифов-пахарей к ираноязычным племенам, отвергая мнение об их славянских корнях. Как свидетельствует археологический инвентарь (железные орудия труда, керамика оригинальных форм), прежнее население было связано с

западным миром. Однако с VII-VI вв. до н.э. среди находок уже появились предметы восточного происхождения, что является археологическим подтверждением прихода на Северное Причерноморье с востока скифских племен. К очерченным Геродотом границам расселения земледельческого населения на западе М.И. Ростовцев наряду с Прибужьем и Приднепровьем почему-то причисляет и Прикубанье, которое расположено на востоке. Вполне возможно, что тем самым ученый хотел обозначить территорию на Северном Кавказе, где, так же как и в западных регионах, занимались земледелием. И наконец, северо-восток и восток Скифии занимали скифы-скотоводы и скифы-кочевники.

Рубеж IV-III вв. оказался неблагоприятным для Скифии. После распада державы скифского царя Атея Скифия переживает серьезный политический кризис, в ходе которого она одна за другой теряет свои провинции. От нее отделяется Боспор, который становится сильным соперником для Скифии, крепнет Херсонес, и укрепляются племена меотов, жившие на восточном и юго-восточном побережье Азовского моря, или, как его называли в древности, Меотийского озера. Наконец свою силу и мощь скифам продемонстрировала македонская империя во главе с царями Филиппом и Александром. Великая Скифия оказалась в критическом состоянии [Ростовцев, 1918: 42-43].

Однако с распадом Великой Скифии на политической карте мира появляется новое скифское государство. Крымская Скифия (или Тавроскифия – А.Ч.) была территориально значительно меньше Великой Скифии, но, в отличие от нее, являлась более передовым, развитым государством, в том числе и в социально-экономическом плане. На сей раз государство состояло из оседлого земледельческого населения, было хорошо организованным с четко очерченными границами, крепкой центральной властью и эллинизированной верхушкой. Оно было передовым и в смысле социально-экономического развития. В период второго скифского царства при царе Скилуре возникает и отстраивается новая столица – город Неаполь

Скифский, расширяется территория государства за счет захвата ряда сельских поселений и мелких городов. В Тавроскифии появляется письменность на греческой основе, интенсивными стали межгосударственные отношения с соседними государственными образованиями: Боспорским царством и Херсонесом. Это новое государство в первые три столетия своего существования (III-I вв. до н.э.) вело ожесточенную борьбу с греческими колониями Северного Причерноморья, исход которой был не в пользу скифов. Палак, сын царя Тавроскифии Скилура после смерти своего отца решил подчинить своей власти Херсонес Таврический, однако тому на помощь выдвинулись войска Боспорского царя Митридата VI Евпатора под командованием военачальника Диофанта. Диофант разбил войска Палака, Тавроскифия утратила самостоятельность и была поделена Митридатом на несколько территорий. Греческие колонии, в том числе и Херсонес, утратили самостоятельность, и попали вначале в зависимость от Боспорского царства (Понта), а с ее падением вошли в состав Римской империи.

Тавроскифия имела ряд особенностей, важнейшей из которых было наличие четко обозначенных границ. Государство могло защищать от внешнего воздействия, в частности от сарматов, которые то и дело совершали набеги на территорию Степной Скифии. Помимо прочего государство консолидировало проживавшие в нем этнические группы. Именно в период существования Тавроскифии этноним *скиф* стал обозначать новую народность, в составе которой скифы составили лишь часть. Другую часть представляли *тавры* – народ, населявший в древности южное побережье Крыма⁷².

⁷² Описывая Тавриду, Плиний Старший писал: «От реки же Каркинита начинается Таврия, когда-то окруженная со всех сторон морями, в том числе и там, где ныне степи. Дальше [этот перешеек], постепенно возвышаясь, переходит в обширные горы. На них живут 30 племен, из которых 23 в глубине горного массива, 6 - в городах [ближе к морю]... По гребню же гор живут скифотавры... С запада [область обитания этих 30 племен] замыкается Новым Херсонесом, с востока - [землями] скифов-сатавков. На побережье, начиная от устья Каркинита, города: Тафры - на самом перешейке полуострова; затем Гераклея-Херсонес, получившая от римлян [статус] свободного города; раньше она называлась Мегарикой. Она окружена пятимильной стеной и сохраняет по сравнению со всей здешней областью наиболее утонченные греческие нравы. За ней мыс Парфений, Плакия - город тавров, гавань Сюмбол; мыс Криуметопон [«Бараний лоб»],

Этногенез тавров прослеживается в истории нечетко. Как правило, различные исследователи считали их родственниками скифов, или же племенами фракийского происхождения. Страбон называет тавров «скифским народом» [Багaley, 1914: 102]. Есть версия, что тавры были прямыми потомками киммерийцев, которые под давлением скифов отошли в Крымские (Таврические) горы, «но таврическим горам дало свое имя нескифское племя тавров» [Багaley, 1914: 60]. Весьма интересно мнение О.Н. Трубачева, который на примерах различных эпиграфических текстов, встречающихся в Крыму, этимология которых не объясняется ни с древнегреческого, ни с тюркского языков (**salá*, **pravfin(a)*, *Sikita*, **salatā*, **gand-aur*, и т.д.), ищет следы языка тавров, его реликтовых форм, которые, согласно ему, аккуратно ложатся на индоарийскую основу. Это дает ему веское основание говорить о том, что тавры были индоевропейцами [Трубачев, 1999: 83-98]. Основным занятием тавров было скотоводство, но они также вели кочевой образ жизни в горах. Позже занялись и паашенным земледелием. Тавры были представлены в древнегреческой мифологии, и литературе. В частности, их ассоциируют с легендами о святилищах богини Девы⁷³, которые находились над морем среди скал. Согласно легендам, спасшихся при кораблекрушении тавры приносили в жертву Деве, что подтверждается археологическими находками. Тавры также становились героями древнегреческих трагедий. Так, с Девой тавров, которую греки олицетворяли с Артемидой, связан и миф об Ифигении⁷⁴. Помимо прочего среди греков ходили и легенды о мужестве, которое тавры демонстрировали в бою.

выступающий на 170 миль в самую середину Понта Евксинского, напротив азиатского мыса Карамби-кон. Собственно это и придает [взморью Понта] форму скифского лука. Далее много [принадлежащих] таврам гаваней и озер, город Феодосия в 125 милях от Кримутопона, а от Херсонеса в 165 милях. Затем города: Кюты, Зефюрий, Акры, Нимфей, Дия» - 54. [Вопросы истории естественного знания и техники. № 3. Москва, 2007. СС. 114-140].

⁷³ Богиня Дева - божество тавров, одно из главных божеств и покровительница Херсонеса Таврического. Отождествлялась древними греками с Артемидой.

⁷⁴ «Ифигения в Тавриде» - античная трагедия Еврипида 414 года до н.э., а также названия других, более поздних литературных и музыкальных произведений, написанных на основе сюжета трагедии Еврипида.

В период существования Крымской Скифии население ее полностью стало оседлым. М.И. Ростовцев подробно исследует историю Тавроскифии, которая ставила своей задачей возрождение мощи Великой Скифии. При этом он скептически замечает, что о возрождении Скифской державы в прежних границах не может идти речь, ибо были потеряны Прикубанье, Приазовье, Придонье, Приднепровье и Прибужье, т.е. значительная часть территории Великой Скифии. Тавроскифия, наряду с небольшим царством в Добрудже, на севере Балканского полуострова, известным еще под названием Малая Скифия, так и остались небольшими осколками бывшей Великой Скифии.

Сопоставляя оба скифских государства, М.И. Ростовцев выявляет много нового и особенного в Тавроскифии. В отличие от первого царства, у скифов появилась своя столица, город Неаполь Скифский, который располагался недалеко от нынешнего Симферополя. Наибольшего расцвета Тавроскифия достигла в первой половине II в. до н.э., под предводительством царя Скилура, которого современники характеризовали как весьма незаурядную личность. Однако, как было нами сказано выше, с воцарением сына Скилура Палака Крымская Скифия ушла в небытие.

Что касается государственного устройства, то Скифское царство, по мнению исследователя Д.А. Щеглова, – это «варварское государство эллинистического типа с крепкой центральной властью и эллинизирующей верхушкой» [Щеглов, 1978: 37]. Это было крупное и серьезное государственное образование с определенным стремлением к дальнейшей территориальной экспансивности, направленной, главным образом, на Запад, в пределы Фракии [Ростовцев, 1918: 40]. Именно неоправданная экспансия на запад, в данном случае поход на Херсонес Таврический и погубила в конечном итоге это царство. Будучи более организованной и устойчивой в плане государственного строительства, Крымская Скифия с переменными успехами просуществовала до III в. н.э.

Историческая концепция, созданная М.И. Ростовцевым, в целом принята скифологией. Однако некоторые ее положения вызвали противодействие его коллег. В частности, в работах антиковеда Д.П. Каллистова звучит много интересных мыслей и наблюдений о скифах, хорошо показан более сложный, чем казалось М.И. Ростовцеву, состав античной традиции. Наряду с реалистической и идеализирующей тенденциями в описании скифов, Д.П. Каллистов выделяет склонность к преувеличению жестокости и дикости скифов, а также более позднюю христианскую тенденцию. Согласно Д.П. Каллистову, не соответствует истине и утверждение М.И. Ростовцева об отсутствии единой ионийской традиции, оказавшей существенное влияние на позднейшую литературу о Северном Причерноморье [Каллистов, 1945].

2.7. Начало сарматской эпохи

В IV в. до н.э. со скифами случилась ровно та же история, что и с киммерийцами три столетия назад. А именно, начиная с IV в. до н.э. с востока на запад вглубь скифской державы двинулись новые иранские племена, которых греки называли общим именем сарматы. М.И. Ростовцев описывает последовательность продвижения на запад сарматских племен. Дальше всех (до Дуная) ушли языги, между Доном и Днепром обосновались роксоланы, по течению Кубани – сираки, а выше них – аорсы. Позднее, а точнее после Боспорской войны 45-49 гг. на исторической арене появились аланы, и уже потом, начиная с эпохи Римского владычества все сарматские племена стали называться обобщенным этнонимом *аланы*. Процесс вытеснения скифов происходил постепенно; постепенно же географический и политический термин «Скифия» сменяется «Сарматией». Следует полагать, что из-за близких этнических связей ассимиляционные процессы в скифо-сарматской среде протекали быстрее обычного.

Выше уже было отмечено некоторое противоречие о сарматах в суждениях М.И. Ростовцева. С одной стороны, он подчеркивает, что бытовавшее в сарматском обществе исключительное положение женщины (в их военной и политической жизни) является плодом влияния киммерийцев [Ростовцев, 1918: 34]. В то же самое время, ссылаясь на мнение греков, ученый считает главным отличительным признаком сарматов или савроматов, особое положение, которое занимала женщина в сарматском обществе [Ростовцев, 1918: 127-128]. Надо полагать, что мнение ученого о формировании роли женщины у сарматов под влиянием киммерийцев и фракийцев все же не совсем верно. Не соответствует действительности и мнение М.И. Ростовцева о том, что матриархальные черты сарматов перешли к ним от синдов, проживающих с ними в одном ареале. Как свидетельствуют источники, черты матриархата сарматы ни от кого не переняли: среди соседних и других народов они выделялись именно ярко выраженным матриархатом и высоким общественным положением женщины. Об этом писал и крупнейший ученый-сарматовед К.Ф. Смирнов [Смирнов, 1964: 201]. В том же ключе высказывался и известный скифолог Б.Н. Граков (Граков, 1947). Академик Жебелев, характеризуя киммерийцев и другие варварские племена, описывая сарматов, говорит о важном значении, какое в их быту имела женщина, не сомневаясь в том, что это явный показатель существования у них в свое время матриархата [Жебелев, 1938: 154]. Да и древние авторы, начиная с Геродота, обратили внимание на эту особенность общественного строя сарматов. «Народ савроматов управляется женщинами», – писал греческий мореплаватель и географ Скилак Кариандский (V-IV вв. до н.э.) [Античная, 1990: 44].

Таким образом, особенностью сарматского государственного строя была гинекократия, т.е. высокое положение женщины в обществе, или попросту говоря матриархат. Положение, по которому женщина наряду с домашними работами является, наравне с мужчинами, воином (умело метает дротики, стреляет из лука) и может руководить и племенем (Таргитао,

Амага). Что касается синдов, то у них почитание женщины не наблюдалось в начальный период их истории (I тыс. до н.э.), а появилось лишь в начале нашей эры, когда «синды подверглись сарматизации, приведшей к их ассимиляции с сарматами» [СИЭ, 1969: 882].

В трудах М.И. Ростовцева не полностью исследован вопрос о сармато-римских взаимоотношениях. Классифицируя сарматские племена, М.И. Ростовцев не упоминает племя *языгов*, которые имели весьма сложные взаимоотношения с Римской империей.

В V разделе книги «Эллиństwo ... » М.И. Ростовцев пишет, что савроматы (суть сарматы. – А.Ч.) жили в устье Дона «часть которых вероятно составляли яксоматы, и так называемые меоты, т.е. племена Приазовья, и племена, населявшие Кубанскую область: дандарии, фатеи, псессы и, наконец, синды» [Ростовцев, 1918: 122-123]. М.И. Ростовцев ошибочно допускает принадлежность синдов, меотов и сармат к одной этнической группе [Ростовцев, 1918: 122], утверждая, что и языки, на которых они говорят, не разнятся друг от друга [Ростовцев, 1918: 34-35].

Ученые все еще расходятся во мнении, было ли синды и меоты индоевропейцами, или все же нет. Советская историческая энциклопедия утверждает, что меоты и синды в этническом плане не имеют ничего общего с ираноязычными сарматами, что меоты являются собирательным именем адыгских племен, куда входили и синды [СИЭ, 1961: 122; 1969: 882]. В этническом смысле, меоты являются древними предками адыгейцев, черкесов и кабардинцев, язык же их относится к кавказской языковой семье [История, 1967: 450].

Раскрывая этимологию слова Кандаур, и описывая рукотворные каналы в низовьях реки Кубань, О.Н. Трубачев, со ссылкой на Плиния упоминает такое понятие как Синдская Скифия: «Гипарис (Ю. Буг. – О.Т.) течет через (земли) скифов-кочевников и гилеев по рукотворному руслу в Бугес, а по естественному в Корет. Область называется Синдская Скифия»

[Трубачев, 1999: 94]. Он же считает дандариев⁷⁵, собственно меотов и синдвов индоариями: «Историки время от времени поднимают вопрос – существовал ли союз меотских племен и под чьим началом, но обсуждение этого вопроса вскоре само собой гаснет из-за недостатка фактов, ... меотский союз с центром в Синдике, очевидно, существовал, а также, возможно, что в древнем Приазовье установимы зачатки индоарийской военно-административной системы с ее использованием найма и союзничества» [Трубачев, 1999: 97].

Неточны и предложенные М.И. Ростовцевым географические рамки расселения сарматских племен, от Тобола до Волги [Ростовцев, 2012: 95]. В действительности западные границы расселения сармат проходили не по Волге, а по Истру, то есть по Дунаю. Судя по контексту, не соответствует действительности и утверждение, что аланы, наравне с другими сарматскими племенами (роксоланы, аорсы, сираки, языги), сошли с исторической арены в IV в. [Ростовцев, 2012: 95]. В действительности же, они сошли с исторической арены лишь после разгрома Алании Тимур-ленгом в конце XIV века.

По мнению М.И. Ростовцева, наряду с языгами, роксоланами, аорсами, сираками, аланы являются одним из сарматских племен, которое на начальном этапе развития было автономным. Однако со временем в их состав влились как сираки, жившие в верховьях Кубани, так и более многочисленные аорсы, жившие в бассейне р. Терек на Центральном Кавказе. В другой своей работе М.И. Ростовцев поддерживает исследователей, считавших верным тождество аорсов и алан. Он писал: «Происхождение аорсов и аланов известно ... Аорсы западных источников являются *йен-тсай* китайских анналов и спустя некоторое время после 25 г. по Р. Хр. другое племя одержало вверх над ними и дало собственное

⁷⁵ Дандарии (дандары) - название группы племён меотов, живших в I тысячелетии до нашей эры на правом берегу Кубани и юго-восточном берегу Азовского моря. В.И. Абаев считает, что название племени восходит к иран. **dan-dar*- «владеющие рекой». О.Н. Трубачёв, в свете гипотезы «индоарийского субстрата», предложил этимологию от др.-инд. **danda-arya* «тростниковые арии».

наименование всей конфедерации кочевников, которую оно контролировало. Не случайно название аорсы исчезает из западных источников во второй половине I в. по Р. Хр., когда на его месте оказывается этноним аланы» [Ростовцев, 1993: 92]. Это мнение М.И. Ростовцева верно лишь отчасти, ибо кроме аорсов под понятие алан попало и другое сарматское племя сираков, о чем свидетельствует следующее: все после той же Боспорской войны 45-49 гг. между аорсами и сираками, суть Боспором и Римом, оба этнонима исчезают. Поэтому ближе всех к истине подошли Ю.С. Гаглойти [Гаглойти, 1964: 46] и В.А. Кузнецов [Кузнецов, 1992: 5], по мнению которых аорсы и сираки были этнической основой алан Северного Кавказа. Мнение, утверждающее, что аланы являются совокупностью этнических групп сарматских племен, разделяют кроме М.И. Ростовцева и другие ученые, такие как Р. Фрай, В.И. Абаев, С. Малахов.

Относительно алан М.И. Ростовцев допускает еще одну неточность. Во время Великого переселения народов (IV – нач. VII в.) сармато-аланы продвинулись не только до Испании, как пишет ученый [Ростовцев, 1918: 139], но, переплыв вместе с вандалами в 429 г. Гибралтар, оказались на севере Африки, где в 439 г. основали королевство Вандалов и Аланов со столицей в г. Карфаген, покорив в ходе десятилетней войны романизированное население римских поселений.

2.8. Государственный строй и социальная организация у скифов и сармат

В книге «Эллинизм и иранство на юге России» М.И. Ростовцев достаточно много внимания уделяет вопросам государственности скифов. Кроме того, из подготовленных для второго тома книги «Скифия и Боспор» материалов сохранилась неполная часть главы о скифах, которая соответственно озаглавлена «Государство, социальный и экономический

строй». Это и дает нам возможность более подробно представить взгляды ученого на эти узловые проблемы скифологии.

Естественно, что формы и методы управления Скифским государством, как и другие атрибуты власти, подвергались трансформации, как по обстоятельствам времени, так и места. В скифской державе, просуществовавшей с VI по IV вв. до н.э., были свои порядки. В Крымской Скифии можно наблюдать новшества, которых не было в Великой Скифии времен царя Атея. Иначе говоря, «Скифская империя социологически может быть описана как власть кочевой Орды над соседними племенами». Самые полные и достоверные сведения о Великой Скифии содержатся в «Истории» Геродота. Хронологически этот период включает в себя с VI по III вв. до н.э., то есть промежуток времени, когда Скифия выступала по отношению к внешнему миру единым политическим образованием. Достоверность сведений Геродота М.И. Ростовцев подтвердил и археологическим материалом.

В отличие от хронологических рамок, установить точно географические границы Великой Скифии не представляется возможным, ибо «подчинение и зависимость тех или других местностей могли не сопровождаться поселением на этой местности значительных масс скифов» [Ростовцев, 1989: 201]. Учеными констатируется лишь то, что побережье Черного моря от Днестра до Дона находилось в пределах владений скифов. Однако анализ археологического материала, в частности расположение курганных поселений, помог М.И. Ростовцеву и в установлении границ скифской державы: «Сфера распространения курганных погребений с вещами, где смешиваются элементы иранской восточной культуры с греческими и местными, при том постоянстве, которым, в общем, отмечается, несмотря на разнообразие во времени и мест скифский тип курганного погребения, может считаться и сферой государства скифов, как руководящего государственного элемента» [Ростовцев, 1989: 201]. Ведь известно, что курганы строили лишь для царей и знати. Конкретизируя

сказанное, ученый пишет: «Если это так, то в рамки древнейшего скифского государства придется включить не только значительную часть Прикубанья с зависимостью от него Тамани и племен по Азовскому морю, но и всю Киевщину и Полтавщину» [Ростовцев, 1989: 201]. Этой ремаркой М.И. Ростовцев вносит существенную поправку в «Историю» Геродота о границах Скифии. Восточными границами Скифии Геродот считал Дон, М.И. Ростовцев же предполагал, что граница сместилась к Прикубанью. Согласно Геродоту, на Киевщине и Полтавщине живут невры и будины, а по М.И. Ростовцеву, поскольку и этот район полон курганных поселений, эта земля принадлежит скифам. Таким образом, важнейшей заслугой М.И. Ростовцева можно считать обоснованные доказательства того, что скифы господствовали и на Северном Кавказе, что отрицал Геродот. Завершая суждения о границах Великой Скифии, М.И. Ростовцев констатирует следующее: постоянных и прочных границ скифская держава не имела, причем вполне вероятно постепенное расщепление этой державы и выделение из нее отдельных самостоятельных скифских же государств на Востоке и Западе. При этом Центром царства всегда были низовья Днепра, а главной цитаделью мощи – степи на восток и частью на запад от Днепра [Ростовцев, 1989: 201]. Естественно, что без археологических открытий невозможно было бы прийти к следующим заключениям. Впрочем, ответ на вопрос, прав ли Геродот или М.И. Ростовцев относительно месторасположения центра скифского царства, будет дан, если когда-либо удастся найти некрополь скифских царей, о котором писал Геродот.

Давая общую характеристику общественному строю Великой Скифии, М.И. Ростовцев отмечал, что «государственная организация скифов предполагает существование особого военного класса населения, т.е. особой военно-организационной аристократии, тесно связанной со всем административным строем государства» [Ростовцев, 1989: 203]. Нельзя не согласиться с М.И. Ростовцевым и не признать существование у скифов военной аристократии. Иначе и не могло быть в обществе, ориентированном

на войну и походы. Правильность этого положения ученого была подтверждена последующим поколением скифологов, тем более что такое заключение подкрепляется и археологическим материалом. Характерным примером изображения рядовых воинов и аристократов стало изображение со сценами из скифской жизни на серебряной с позолотой чаше из крупного скифского могильника IV в. до н.э., так называемой Гаймановой могилы⁷⁶. На ней изображены и выразительно представлены скифские аристократы, богатые и влиятельные, окруженные слугами. Различимы фигуры двух мужчин в воинском убранстве. В руке одного – кубок, на шее гривна – символ власти. У обоих к поясам прикреплены гориты с луками [Массон, 1997: 174-177; Хазанов, 1975: 109-111]. Еще одной иллюстрацией военизированного быта скифов является инвентарь из скифского погребения VII-VI вв. до н.э. Археологи обнаружили в них тела с неестественно изогнутыми или вывернутыми кистями рук, останки погребенных, у которых посмертно выпилены куски основания черепа (Ковалевская).

С VII по V вв. до н.э. Великая Скифия представляла из себя типичную «кочевую империю», и, по мнению М.И. Ростовцева, она была организована по типу возникших позже Хазарского каганата, или монголо-татарской Золотой Орды, когда грань между обществом, государством и войском становится номинальной. При этом весь народ по необходимости организовывается в войско, в котором все подчинены одному командованию, одной воинской дисциплине. Центр Скифии находился в некоем укрепленном лагере, так называемой царской ставке. «Около ставки, – пишет М.И. Ростовцев, группировалась сильная конная дружина, всегда готовая к набегам. В мирное время цари, князья и дружинники были владельцами больших стад и табунов, где черную работу исполняли подвластные им рабы или крепостные» [Ростовцев, 1918: 38].

⁷⁶ «Гайманова могила» - крупный скифский курган IV века до н.э., расположенный возле деревни Балки Васильевского района Запорожской области Украины. Захоронение вскрыто и исследовано в 1969-70 гг. экспедицией АН УССР.

М.И. Ростовцев считал, что нельзя относить скифское государство и к серии централизованных. «Весь строй скифской державы был, по всей вероятности, не централистическим, основанным на системе чиновничества, а военно-феодальным с сравнительно далеко идущей самостоятельностью отдельных частей. Ясно, что такая держава не могла быть очень прочной и очень долговечной, не могла соперничать ни с Персией, ни с культурным греческим миром» [Ростовцев, 1918: 40]. Что касается государственного строя сарматов, то, согласно М.И. Ростовцеву, он «мало чем отличается от скифского, за исключением большей расщепленности и разбитости. Мы слышим о царях отдельных частей племени, о «скиптроносцах» отдельных племен, о лучше вооруженной аристократии, закованных в панцири с ног до головы рыцарях-катафрактариях» [Ростовцев, 1918: 129-130].

Структура государственного устройства Скифии стала предметом обсуждений в научных кругах в начале XX века, когда по этому поводу выдвигались различные мнения, с трудом стыкующиеся друг с другом. Нет твердо выверенного отношения к форме государственности скифов и у М.И. Ростовцева. Одним из главных заблуждений ученого было утверждение, что во внутренней, социальной и экономической жизни варварского населения Северного Причерноморья руководящее значение с начала до конца античного периода оставалось за восточными феодальными формами управления.

В книге «Эллинизм и иранство на юге России» автор рассказывает и о феодальных порядках в скифском обществе, о рабах, крепостных. Таких же взглядов придерживался и коллега Михаила Ивановича, немецкий историк Макс Эберт (Ebert, 1929). В другом своем труде «Государственный строй Скифии» М.И. Ростовцев сравнивает Скифию с Золотой Ордой и квалифицирует ее как рабовладельческое государство. Это мнение М.И. Ростовцева разделяет известный ученый-скифолог А.П. Смирнов, который также признавал у скифов (кочевников. – А.Ч.) рабовладельческие порядки [Смирнов, 1935]. Что касается профессора С.А. Семенова-Зусера, то

он классифицировал скифский мир как общество с родовыми порядками [Семенов-Зусер, ГАИМК. Т. IX]. Очень сложно в подобном разбросе мнений определить истинное положение вещей. В этом отношении заставляет прислушаться к себе еще один специалист по античности, академик В.И. Равдоникас. Он подвергает критике слабую, на его взгляд, аргументацию С.А. Семенова-Зусера, а также положения о классовой (феодальной или рабовладельческой) природе скифского общества, которые отстаивали соответственно М.И. Ростовцев и А.П. Смирнов. В.И. Равдоникас признает, что развитие социально-экономических порядков у скифов шло в сторону рабовладельческого строя, причем для той части Скифии, которая прилегала к античным колониям и находилась в сфере особо сильного влияния со стороны античного мира. Он допускает наличие у них уже сложившегося классового общества рабовладельческого типа еще в скифское время (Равдоникас, 1932). На наш взгляд, ближе всего к истине подошел русский советский археолог и историк, основатель советской школы хазароведения М.И. Артамонов, по мнению которого «сложившиеся в Скифии два различных между собою типа хозяйства: скотоводческое (кочевое) и оседлое (земледельческое) открывали возможность для развития экономической независимости патриархальной семьи» [Артамонов, 1947: 69]. И далее он справедливо полагает, что «в условиях примитивной техники как кочевого скотоводческого, так и оседлого земледельческого хозяйства оставалась еще необходимой производственная кооперация этих семей, иными словами, сохранение старой производственной организации, какой в первобытном обществе была родовая община» [Артамонов, 1947: 69].

Несмотря на наличие некоторых пережитков матриархата у скифов был распространён патриархальный строй, в частности, в патрилинейный счёт родства и наследования. При этом, если судить по легендам о происхождении скифов, у них в наследовании господствовал минорат, т.е. переход отцовского хозяйства в руки младшего сына. В числе наследственного имущества были и жёны умершего отца. Так царевич Скилл

получил в наследство царскую власть и одну из жен отца – скифянку Опию, от которой у последнего был другой сын, Орик [История, 1939: 233]. В то же время матрилинейность (*matrvmca*) в относительно поздний период истории еще оставалась в силе у народов Малой Азии и Меотии [Голубев, 1997: 191]. Матрилинейность у скифов нашла отражение и в описанном М.И. Ростовцевым культе скифской Великой Богини, змееногой Апи, обычно изображаемой с телом змеи и человеческим лицом. В.В. Голубев видит в этом описании прямые параллели с индийскими Нагами [Голубев, 1997: 193].

Царь в Великой Скифии не был абсолютным правителем. Государство скифов «было скорее конфедерацией сильных кочевых орд. Как социально, так и по легальному статусу оно соответствовало государству, базировавшемуся на родовом законе. У скифов существовали мужские союзы, т.е. военные объединения молодежи. Наличие же подобных объединений свидетельствует о бытовании у скифов возрастных классов: мир юношеских военных обрядов и мир взрослых. Для подтверждения этой мысли на помощь приходят различные артефакты из скифских курганов. Имеются в виду рельефные изображения на серебряном с позолоченными обкладками горите⁷⁷ из кургана Солоха. На переднем плане горита сражающиеся между собой скифы – пешие с конными. При этом обращает на себя внимание следующее: пехотинцы молоды, безбороды, тогда как всадники – постарше, с бородами. И еще, лица юношей дышат благородством, их фигуры подчеркнута красивы. Что касается всадников, то лица и позы у них – злобны и утрированно безобразны. Изображение вызывает в памяти скифских псов войны, которые приходили в неистовство во время боя» [Булиноп, 1973: 4-5]. Из мужских союзов постепенно формировалась особая прослойка воинов-профессионалов.

Во многих случаях, при суждениях о скифской жизни, М.И. Ростовцев отталкивается от Геродота, как бы подтверждая его мысли. Геродот

⁷⁷ *Горитос* – скифский футляр для лука и стрел, называемый так греками. Помимо самого лука, вмещал еще до 75 стрел.

воздерживался назвать численность скифов («они очень многочисленны», «собственно скифов мало»), но констатировал деление каждого из трех частей на номы с обязательным святилищем Арея/Ареса в каждом из них. Наличие святилища по М.И. Ростовцеву предполагало чисто военную организацию делений на номы. Это подтверждается и некоторыми обычаями скифов (поощрение тому, кто приносил голову врага; чаша вина тем, кто умертвил врага, позор и бесчестье тем, кто не убил врага).

Наиболее распространенным видом оружия у скифов были лук и стрелы. Скифы были настолько искусными лучниками, что согласно преданию, именно один из них, Тевтарес (*Teutares*) обучил Геракла пользованию меотийским луком [Голубев, 1997: 191]. О форме и размерах лука можно судить на основании некоторых находок, а в особенности имеющихся изображений. В одной из нимфейских гробниц были найдены части лука в виде нетолстых, слегка изогнутых кусков дерева со следами клея на боках. Судя по этому, можно предположить, что скифский лук был составным и притом целиком деревянный. Костяных накладок, характерных для позднейших кочевнических луков, в скифских памятниках не встречается. На сосудах, найденных в кульобинском и воронежском курганах, имеются изображения небольшого лука, состоящего из двух асимметричных дуг, соединённых перекладиной и заканчивающихся крючками или завитками. О размерах луков можно судить на основании сохранившихся обкладок горитов (*goritos*), длина которых равняется 0,5 м. Из этого следует, что длина лука (тетивы), вкладывавшегося в горите на три четверти своей длины, не превышала 0,60 – 0,7 м. Это подтверждается находками древков стрел, имеющих не более 0,75 м длины. Это был лёгкий лук, удобный для стрельбы с лошади во всех направлениях [История, 1939: 229].

Лёгкие наконечники стрел изготавливались преимущественно из бронзы, однако, во время раскопок, встречаются костяные и железные наконечники. Формы стрел, чаще всего находимых в скифских могилах, являются одним из

наиболее пригодных признаков для датировки скифских комплексов. Стрелы носились вместе с луком в колчане, который привешивался к поясу с левой стороны. Изображения на кульобской вазе, в особенности, находки золотых обивок от горитов в Чертомлыкском и Ильинецком курганах позволяют составить достаточно отчетливое представление о скифском колчане. «Он представлял коробку с двумя отделениями; в заднее вкладывался лук, в переднем помещались стрелы. Отделение для стрел сверху закрывалось крышкой, предохранявшей от поранения стрелами, поставленными в нём остриями кверху. Под крышкой спереди находилось отверстие для доставания стрелы из колчана. Количество стрел, находившихся в одном колчане, доходило до 150 штук. Они хранились здесь связанными пачками» [История, 1939: 229-230]. Во многих рядовых могилах не найдено никакого другого оружия кроме лука и стрел, которые и были основным вооружением скифов, за исключением разве железного ножа с костяной ручкой, главное назначение которого было отнюдь не военное. Следующим по распространённости после лука и стрел оружием у скифов были копья и дротики. Копья имели сравнительно короткое древко (около 3 м.). Менее распространенным видом наступательного оружия были короткие мечи-*акинаки*, скорее даже кинжалы. Они носились у правого бедра в ножнах, нередко снабженных золотой обкладкой с различными изображениями. Рукоятка меча также покрывалась золотом [История, 1939: 229-230]. Оборонительное вооружение простых скифов состояло из деревянного, обтянутого кожей круглого или четырехугольного небольшого щита. Богатые скифы, кроме того, носили чешуйчатые панцири из нашитых рядами бронзовых или железных пластинок, или же цельные панцири греческой работы, а также греческие бронзовые шлемы и поножи (кнемиды).

Скифы были «конными воинами, однако их вооружение было еще мало приспособлено для боя с лошади. Налетев на неприятеля, они осыпали его стрелами и дротиками, но для рукопашной схватки на конях их оружие было мало пригодно. К тому же отсутствие стремян лишало их посадку на коне

необходимой для этого устойчивости. Удар копьем наносился силой руки, а не использованием движения коня. Мечи для конного боя были коротки и не годились для рубки» [История, 1939: 229-230].

2.8.1. Социальная организация скифского общества

В трудах М.И. Ростовцева освещаются и вопросы социальной организации скифского общества. Анализируя одну из находок скифских курганов, сосуд, на котором изображено братание скифов, и сравнивая его с таким же обрядом у номадов, описанным у Геродота [Геродот, IV: 70], М.И. Ростовцев пишет, что в этом обычае «соединены между собой идеальные вожди, стоявшие во главе целой дружины, из которой выделялись «самые достойные». По его мнению, такие же дружины, но большего масштаба, группировались вокруг «царя». Обычай соединял между собой отдельных вождей, стоявших непосредственно во главе целой дружины [Геродот, IV: 70]. «По завершении этого обряда, – писал Геродот, – они долго молятся, а затем пьют смесь как сами договаривающиеся, так и достойнейшие из присутствующих» [Геродот, IV: 70]. Точную кальку этого обычая осетины совершали в главном святилище Осетии – Рекоме еще в начале XX века. Весь вышеприведенный материал свидетельствует о наличии в скифском государстве военно-организованной верхушки – дружинников.

Еще более масштабная дружина группировалась вокруг царя. В ней служили те, кому приказывал он сам; среди них не было и не могло быть подкупленных врагами. Кроме дружинников у царя были еще приближенные и слуги. Вот как представлял себе структуру скифского общества М.И. Ростовцев. «Господствующим классом являются организованные в дружину скифы-завоеватели, группирующиеся около отдельных представителей знати в мелкие дружины, которые в свою очередь соединяются в группы по номам и руководятся в больших предприятиях главным царем, по указанию которого действуют монархи и правители трех

частей царства» [Ростовцев, 1989: 204]. И далее: «Роль господ сводится к собиранию дани, подавлению восстаний, борьбе с соседними племенами и организации отпора от нападения извне. Он напоминает, также только в общих чертах ... державы хазар и татарской Золотой Орды» [Ростовцев, 1989: 204]. И ученый подтверждает эти свои выводы уникальными археологическими артефактами из скифских курганов, а также роскошными царскими погребениями в Киевщине, Полтавщине и около Воронежа.

Переходя к характеристике социально-экономического уклада скифского общества М.И. Ростовцев подчеркивает, что не во всех частях государства он был одинаковым. Несомненно одно: большинство скифов вело оседлый образ жизни, а основа хозяйства была земледельческая. Об этом свидетельствует античный автор Арриан (92-175 гг.), который писал: «они прежде питались хлебом и занимались земледелием. Жили в домах и имели города ... ». Об этом же говорит и известная легенда о небесных дарах: «упали де с неба на скифскую землю золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша» [Геродот, IV: 12]. Однако не меньше источников (в том числе и Геродот) утверждают, что скифы вели кочевой образ жизни. Как писал Флавий Арриан, автор упоминаемого здесь же «Перипла Понта Эвксинского», скифы были земледельцами, однако после нанесенного им поражения фракийцами «изменили прежний образ жизни и поклялись жить кочевой жизнью. И вот с этого времени они из земледельцев сделались кочевниками». Трудно согласиться с Аррианом хотя бы потому, что более естественным был бы обратный процесс перехода от кочевничества к земледелию, а не наоборот. То, что значительная часть скифов вела преимущественно кочевой образ жизни, подтверждали и греки. Об этом говорится и у того же Геродота, который четко подразделял скифов на земледельцев и скотоводов.

Ольвия являлась знаковым центром для греческого мира. Именно отсюда отправлялась в метрополию большая часть кораблей, груженых зерном. Во времена Геродота Ольвия представляла собой большой цветущий

город, окруженный стеною с башнями, находившийся в постоянных сношениях со скифами и заключавший даже в себе дворец скифского царя Скилла [Багaley, 1914: 50]. Население Ольвии состояло из рабов, иностранцев и граждан. Контингент рабов, главным образом, составляли скифы и другие соседние варвары, приобретенные покупкой, или взятые в плен [Багaley, 1914: 54]. Картину из жизни ольвийских греков описывает ритор Дион Хризосторм⁷⁸, который посетил Ольвию в 100 г. Он воспроизводит диалог с военачальником Каллистратом, который только что вернулся из рейда по окрестностям Ольвии. На предложение о дискуссии по значимости и величии эллинских поэтов, Каллистрат отвечает Диону: «Изволь, ты видишь, что все эти люди желают слушать тебя и для этого собрались сюда к реке, хотя на душе у них не очень спокойно: ты знаешь, конечно, что вчера скифы сделали набег и некоторых зазевавшихся часовых убили, других, может быть, увели в плен: мы еще не имеем определенных сведений в следствии того, что бежавшие забрались слишком далеко, бросившись бежать не по направлению к городу. Действительно, – говорит Дион, – это так и было: ворота были на запоре и на стене воодружено было военное знамя»⁷⁹ [Багaley, 1914: 58].

Говоря о Приднепровской Скифии, которая, по предполагаемым сведениям являлась центром скифского общества, М.И. Ростовцев, со ссылкой на Геродота, склонен говорить здесь о преобладании кочевого образа жизни над оседлым. Он пишет, что сами они живут скотоводческим укладом, а хлеб производят только для продажи, а не для потребления себе. Это очень характерно для определения влияния, которое оказывала Ольвия с ее хлебным экспортом на местное население, и позволяет думать, что часть

⁷⁸ Дион Хрисостом (Хризостом) или «Златоуст» (греч. *Δίων Χρυσόστομος*; ок. 40, Пруса, Римская империя (ныне - Бурса, Турция) - ок. 120) - древнеримский (греческого происхождения) оратор, писатель, философ и историк.

⁷⁹ «Затем Дион Хризостом произнес свою речь, по поводу которой один из присутствующих сделал следующее замечание: «гость, пожалуйста, не сочти за невежество или варварство, что я помешал тебе среди речи...у нас твое прибытие к нам является, как бы чудом: обыкновенно сюда приезжают эллины только по имени, а на деле варвары хуже нас, купцы и торгаши, привозящие дрянное тряпье и скверное вино и вывозящие товары ничуть не лучше этих» [Багaley, 1914: 54].

населения Приднепровья была действительно скифами-кочевниками, воспринимавшими от местного населения и греков новые навыки земледельческого быта. Думается, что во всем скифском обществе со временем произошел переход к оседлости. Об этом свидетельствует и то, что образовавшуюся вслед за развалом Великой Скифии Тавроскифию населяло сплошь земледельческое население.

Античным авторам был мало знаком и социальный строй самого центра скифской державы. О нем мало что говорится у Геродота, а сведения таких древних авторов как Эфор Кимский (ок. 405-330 гг. до н.э.) М.И. Ростовцев не считает заслуживающими доверия, поскольку, по его мнению, из них реальных и положительных данных извлечь невозможно [Ростовцев, 1989: 206]. В частности, Эфор считал статус женщины у скифов равноценным с мужчиной, на деле же, как полагает М.И. Ростовцев, он ничем не отличался от положения женщины среди многих кочевых племен [Ростовцев, 1989: 206]. Наоборот, материалы о скифах позволяют говорить о социальном расслоении скифского общества, о существовании в нем аристократических верхов, о подневольном населении, в частности о пастухах скифской орды. Развивая мысли М.И. Ростовцева о социальной организации скифского общества, М.И. Артамонов писал: «Во внутренней социальной и экономической жизни варварского населения Северного Причерноморья руководящее значение с начала и до конца античного периода оставалось за восточными феодальными формами. Эта несложная идея связывает у Ростовцева явления материальной и духовной жизни Северного Причерноморья, придавая им единство и стройность и включая нашу страну в рамки всемирно-исторического процесса» [Артамонов, 1947: 69].

2.9. О степени иранизации эллинов Северного Причерноморья

«Обладая концептуальным складом ума, непрерывно обогащая изучение античности новыми идеями, Ростовцев разработал концепцию социально-экономической истории и цивилизации эллинизма, Римской империи, античного Причерноморья и скифо-сарматского мира», – писал академик Фролов [Фролов, 1990: 1]. Рассматривая древнюю историю России в контексте процессов, происходящих в южнорусских степях в праславянскую эпоху, М.И. Ростовцев уделял огромное внимание истории народов и государств, существовавших в этом ареале в древности, а также взаимоотношениям между этими народами. Он был первым из ученых, который исследовал причины появления на Черноморском побережье в VII в. до н.э. греческих колоний из Малой Азии. Эллины двинулись на север Черного моря, расширяя тем самым границы известного им мира. В результате этой экспансии произошла греческая колонизация северочерноморского побережья, начался процесс закладки здесь городов-колоний, многие из которых стали крупными торговыми и политическими центрами. С появлением греческих факторий в Северном Причерноморье, политическая, социально-экономическая и культурная жизнь иранских племен органически переплелась с греческим миром. М.И. Ростовцев отстаивал идею огромного влияния иранских народов на историю Боспорского царства и рассматривал это как результат многовековых тесных культурно-исторических отношений царства с Персией и влиятельным и сильным скифо-сарматским миром. Взаимодействие иранского мира (Понтийское царство) с Боспором восходит к V в. до н.э. и уже определенные контакты фиксируются в IV-III вв. до н.э. Истории известны связи не только сасанидского Ирана с Боспорским государством, но и с родственными им скифами. Скифы сыграли чрезвычайно большую роль в исторических судьбах многих народов России. Их археологические древности стали известны науке уже в XVIII в., но научная база скифской археологии была

создана только в XX в. усилиями, в том числе и М.И. Ростовцева и других ученых.

М.И. Ростовцев рисует широкую историческую панораму жизни и быта племен Северного Причерноморья в I тыс. до н.э., среди которых явно выделяются скифы. Скифы создали свое государство на территории нынешнего Северного Причерноморья с Керченским проливом и Прикубаньем. В начальный период своего пребывания на Северном Причерноморье достижения скифов, особенно в торговле с соседями были довольно впечатляющие. Они, как пишет М.И. Ростовцев, «должны были привлечь к побережью Черного моря особое внимание эллинов, особенно малоазийских, уже давно знакомых с плаванием по Черному морю для сношений с его южным побережьем и с кавказскими гаванями и постепенно устанавливавших там свои торговые фактории» [Ростовцев, 1918: 36]. Развитие торговых связей между скифами и греческими колониями ускорило процесс разложения первобытнообщинного строя у скифо-сарматов. При этом «верхи скифского общества тесно срастались с торговой аристократией греческих городов, усваивали греческую бытовую обстановку, греческие обычаи и представления».

В книге «Скифия и Боспор» М.И. Ростовцев говорит о большом интересе античных авторов к Северному Причерноморью в VII-V вв. до н.э., когда, как он отмечает, «собрано было наибольшее количество положительных реальных сведений о нашем юге». В это время сложилась раз и навсегда та картина распределения племен и народов, соседствовавших с греческими городами северного и восточного побережья Понта, которая затем только «изменяется в деталях, продолжая влиять даже тогда, когда реальная действительность в корне изменилась» [Ростовцев, 2013: 230].

Единственным народом, повлиявшим на ход колонизации и развития ранних факторий, оказались кочевые скифы, регулярно мигрировавшие через район Боспора Киммерийского. Нестабильная военно-политическая обстановка привела к созданию предпосылок для дальнейшей

трансформации поселений ахейцев, так называемых *анокий* в плане будущего их объединения. В итоге образуются предпосылки для создания Боспорского царства. Династия боспорских царей подчинила себе все боспорские полисы, некоторые соседние варварские племена, пределы государства стали очерчены Крымскими горами и Кавказом. Государство стало евразийским, ибо раскинулось на европейской и азиатской сторонах пролива.

Следующий этап развития региона связан с именем теперь уже царских скифов и борьбой полисов со скифской агрессией. В итоге этой борьбы колонии Северного Причерноморья переросли узкие рамки городов-государств, создав более масштабное государственное образование – Боспорское царство со смешанным греко-варварским населением. На этом этапе скифо-эллинические взаимодействия приняли устойчивый характер. В середине V в. до н.э. боспорским правителям с трудом удавалось отбиваться от «царских скифов». Совершенно иными стали взаимоотношения Боспора и Скифии на рубеже IV-III вв. до н.э., когда скифы создали свое государство – Великую Скифию, и уже в качестве государственного образования продолжали оставаться сильным политическим и военным фактором.

Среди городов Северного Причерноморья особое внимание Михаила Ивановича привлек город Пантикапей – столица Боспорского царства. Местоположение Пантикапеи Страбон описывает так: «Пантикапея не что иное, как холм, со всех сторон заселенный; он имеет в окружности 20 стадий (около трех верст). На восточной стороне его лежит гавань и пристань почти для тридцати кораблей; он имеет акрополь; основан милекийцами» [Багалея, 1914: 62]. Сегодня этот холм известен под именем Митридатовой горы. «Название ее скифское: оно тождественно с названием скифской реки, упоминаемой Геродотом (Пантикапа). Для защиты от скифских набегов полуостров был укреплен валами: дети рабов, говорит Геродот, вырыли ров от гор до Меотиды; он же сообщает о киммерийских стенах: первоначальными обитателями Босфора были киммерийцы, вытесненные

скифами» [Багaley, 1914: 60]. Именно Скифия и Боспорское царство находились в зоне основных научных интересов М.И. Ростовцева. Ученый отстаивал идею огромного влияния иранского элемента на всю историю Боспорского царства. При этом делал это настолько аргументированно и обоснованно, что эта концепция не отвергается и современными исследователями [Шевченко, 2003: 159].

Боспорское царство (V в. до н.э. – III в. н.э.) возникло в 480 г. до н.э. и просуществовало более восьми столетий, до III в. н.э. Расположившееся в Северном Причерноморье, на Боспоре Киммерийском (Керченский пролив), Оно соседствовало на юге с Сасанидским Ираном, а на севере и западе с ираноязычными скифами и сарматами. Пантикапея «находилась у пролива (Боспор Киммерийский), который соединял Понт (Черное море) с его матерью Меотидой, – так называл ее Геродот, – (ныне Азовское море) – и сосредоточило у себя торговлю хлебом и рыбой с Восточной Скифией. Важное значение для нее имела также близость Дона и Волги для сношения с севером и востоком» [Багaley, 1914: 50].

Евразийским государством оно стало с восхождением в 430 г. до н.э. на боспорский престол представителя иранской династии Спартокидов, царя Спартока. Академик В.В. Латышев считает, что Спартокиды, «захватив в свои руки власть в греческих общинах Босфора, уничтожили, конечно, их прежнюю вольность (у них было ранее народное собрание), но сохраняли признак этой свободы и не принимали поэтому царского титула, а называли себя архонтами греческих городов, покорив же варварские народы, приняли титул их царей; а впоследствии различие между титулами архонт и царь исчезло, преобладающее значение получил второй титул. Двойственность титулов династии Босфора зависела, по мнению г. Орешникова, от дуализма народов той местности – греков и варваров»⁸⁰ [Багaley, 1914: 60-61]. Позже в

⁸⁰ «Спартокиды только двух городов Босфора, то есть Пантикапеи и Феодосии были архонтами; царями же они себя величали только по отношению к варварским народам. Несомненно, что в самом делении титулов заключались и права власти: в титул «архонт» является понятие о правлении демократическом: конечно, оно и было в упомянутых городах и подтверждается еще автономными монетами. Несомненно, также и то, что

состав Боспорского царства вошло южное побережье Черного моря (Понта Эвксинского). Что касается европейских провинций, то здесь с Боспором соседствовали с востока и севера ираноязычные скифо-сарматские племена.

Особое внимание Боспору М.И. Ростовцев уделил не случайно. В действительности, Боспор был некоей географической координатой, в которой сошлись и затейливо переплелись две культуры, два антигена древнего мира: Эллада и северопричерноморские варвары [Ростовцев, 2013: 155], и среди них, в первую очередь, скифы и сарматы. Государство испытало сильное влияние иранизма, как с юга (Персии), так и со стороны ближайших соседей на севере и востоке страны – скифов и сарматов. Большинство работ ученого, посвященных античности, пронизывает идея огромного влияния иранского элемента на историю Боспорского царства. Среди них: «Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре»; «Научное значение истории Боспорского царства», «Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа»; «Караванные города»; «Иранский конный бог на юге России». На основе этих статей и других публикаций М.И. Ростовцевым написаны два фундаментальных исследования – «Иранство и эллинство на юге России» и «Скифия и Боспор».

Боспорское царство окружало множество разноэтнических племен: синды, меоты, зихи, ахейцы, герулы, скифы, сарматы. Из перечисленных племен наиболее существенную роль в судьбе царства, в самом его существовании сыграли сначала скифы, а с III в. до н.э. – сарматы. Роль скифского мира для истории Боспора была так велика, что, как писал Дж. Бордман, «научный интерес к боспорским колониям в немалой степени объяснялось близостью богатейших скифских курганов [Boardman, 1964: 263]. Бордман прав, хотя стоит отметить, что кроме знаменитых скифских

из упомянутых в надписях национальностей жители городов, то есть греки, имели первенствующее значение, потому что они не могли иметь во главе «базилевса» титула, носимого над азиатскими варварами (титул архонтов всегда стоит на первом месте). При династии Спартакидов Босфорское царство находилось в тесных и дружественных сношениях с Афинами, для которых имел огромное значение ввоз босфорского хлеба» - Багaley Д.И. Русская история с картами, планами и снимками памятников древности и искусства. Том I. (до Иоанна III). Типография Т-ва и И.Д. Сытина М., 1914. С.61.

курганов на территории Северного Причерноморья были еще и сарматские и синдские курганы.

Скифы поддерживали тесные контакты со всеми греческими городами-колониями. Но как отмечено выше, наиболее интенсивными эти контакты были с Боспорским царством. Особое предпочтение исследованию Боспора среди других греческих колоний на Северном Причерноморье М.И. Ростовцев уделяет из-за его явного своеобразия, отличия от других центров северного берега Понта. Суть этого своеобразия по М.И. Ростовцеву заключается в следующем. Во-первых, в районе Боспора было выведено несколько греческих колоний. На сравнительно небольшой территории Восточного Крыма, Таманского полуострова до образования единого Боспорского царства существовало семь самостоятельных факторий-апокий⁸¹ (Фессалоника, Пантикапей, Нимфия, Фанагория, Геромнас, Кепакх и Синдская Гавань) и более трех десятков небольших городков и селений. Такой интенсивности городов и населенных пунктов в других районах греческой колонизации не отмечалось. Во-вторых, колонии эти были объединены в единое крупное государство со столицей Пантикапей и с наследственной монархической формой правления. При этом население царства состояло как из эллинов, так и из варварских племен. И, наконец, в-третьих, как было отмечено выше, в результате греко-варварского смешения, в Боспорском царстве выработалась особая греко-варварская культура.

Там, где М.И. Ростовцев говорит о боспоро-иранских взаимоотношениях, он имеет в виду не только ираноязычных скифов и сармат, но и сасанидский Иран, который в VI в. до н.э., в период наибольшего своего могущества и стремления к мировому господству начал проявлять явную агрессию против греческого мира. Первым этапом в этом направлении было подчинение малоазиатских греческих городов, находившихся в постоянной связи со скифской державой. Ученый раскрывает планы персидских правителей по включению в состав монархии

⁸¹ Апокии - ахейские поселения в Малой Азии.

Черноморского побережья с греческими колониями. Вместе с тем они не могли не знать о силе и могуществе скифов. М.И. Ростовцев подробно излагает поход Дария на Скифию в 513 г. до н.э., закончившийся поражением персидской армии.

Взаимоотношения правящей династии Спартокидов со скифами были наитеснейшими, что стало важнейшим фактором культурно-исторического развития этого времени во всем регионе. Среди местного населения в Боспорском царстве львиную долю составляли скифы. В первой половине IV в. до н.э. скифы были коренным населением в Восточном Крыму, они захватили также земли меотов на Таманском полуострове, нижней Кубани и в восточном Приазовье [СИЭ, 1962: 640]. Обычным явлением в этот период становилось нахождение кого-либо из окружения скифского царя при дворе Боспорского правителя. М.И. Ростовцев первым из русских ученых подробно исследует историю Скифии в IV в. до н.э., когда она во главе с царем Атеем достигла своего наивысшего расцвета. Именно с IV в. до н.э. усиливается тенденция к идеализации скифов и далеких северных варваров. IV – начало III в. до н.э. оказались временем стабильности, временем возникновения Великой Скифии, с которой правители Боспорского царства наладили самые тесные связи, что стало важнейшим фактором культурно-исторического развития этого времени во всем регионе. Многие знатные скифы оседают на территории Боспора и вливаются в состав Боспорской знати. Наиболее известным автором, писавшим в это время о северных номадах, был упомянутый выше Эфор Кимский (прибл. 405-330 гг. до н.э.). М.И. Ростовцев считал, что Эфор, под влиянием этической доктрины стоиков, нарисовал идеализированную картину скифов-варваров, не испорченных разлагающим воздействием цивилизации [Ростовцев, 2013: 5-6; 88-96]. Дружественные отношения со скифами имели следствием значительное расширение границ Боспора, вхождение в него такого количества представителей других племен, что государство стало называться греко-варварским. Весьма интересен вопрос адаптации скифов, затем сарматов к местному населению. Как пишет

М.И. Ростовцев, скифы благосклонно относились к греческим колонистам, торговали с ними, ценили полученные от них предметы художественного ремесла. Кроме М.И. Ростовцева об этих благоприятных взаимоотношениях скифов с греческим населением писали и другие ученые [Бонгард-Левин, Грантовский, 1983: 22-25].

Имя первого боспорского правителя, возведенного в божественный сан, – Перисад, по этимологии является чисто персидским (букв. сын Пери). Непосредственно же родственные связи древних иранцев с царствующим домом в Боспоре восходят ко II в. до н.э., когда монарх Понтийского царства на южном берегу Черного моря, полуиранец по происхождению, Митридат VI Евпатор установил свою власть в Боспоре. Царство Митридата включало в себя южное побережье Черного моря от Синопа до окрестностей современного Батуми. При Митридате эллинизму «грозила реальная опасность быть окончательно поглощенными иранством, которое успело уже к тому времени значительно изменить чистый раньше греческий облик населения греческих городов Причерноморья». С другой стороны, иранство встретило, очевидно, Митридата как объединителя и вождя, несмотря на удары, нанесенные им первоначально скифам, и окружило его долго держащимся ореолом национального вождя» [Ростовцев, 1918: 110]. Митридат VI Евпатор становится монархом греко-восточного типа.

Тогда же в государственных институтах Боспора формируется и утверждается культ верховного правителя. Как пишет М.И. Ростовцев, с этого времени «Монархия принимает, по крайней мере, в титуле внешний вид великой персидской монархии ... боспорский царь является, несомненно, и великим царем» и «царем царей» [Ростовцев, 1914: 11]. Опека Рима мешала Митридату VI Евпатору ощутить себя полноценным, самодостаточным правителем, и Митридат начинает вести продолжительные войны против Рима⁸². Более того, он печатает свои монеты, на которых появился облик

⁸² Юстин писал: [Затем Митридат сказал], что если он вздумает считаться знатностью с римскими царями, то окажется славнее этого скопища бродяг; что среди предков со стороны отца он может назвать Кира и

«почетного и тяжеловооруженного иранского царя, облаченного в иранские одежды, вооруженного на иранский лад, с длинным иранским скипетром в руке» [Ростовцев, 1918: 170]. Однако исход войн против Рима оказался для Митридата неудачным. После гибели понтийского царя вследствие предательства его сына Фарнака в 63 г. до н.э., Боспорское царство в конечном итоге оказалось под властью Рима. С этого времени наступает новая эпоха, связанная с активным римским влиянием на греческий и варварский мир региона, эра римского влияния.

Длительное и тесное сосуществование иранских племен и эллинов (частично жизнь в одном государстве) наложило сильнейший отпечаток на историю и культуру Боспорского царства. К концу I тыс. до н.э. процесс иранизации греческих колоний на Северном Причерноморье достиг угрожающего для эллинов и эллинизма уровня. Отвечая на вопрос, почему же Рим отдавал предпочтение союзу греческих колоний во главе с Пантикапеем, М.И. Ростовцев писал: «Во всех городах, как и в Пантикапее, наблюдается одно основное явление. Греческий элемент все слабеет, и на поверхность выходит элемент местный. Это вытекает и из имен ... количество иранских и фракийских имен все растет, количество чисто греческих все падает ... Костюм, вооружение, самый тип все более и более иранизируется. Каждая из этнических групп (иранцы, скифы, сарматы) внесла свою лепту в процесс иранизации и обожествления царской власти» [Ростовцев, 1918: 170, 173-174].

В еще одной своей работе под названием «Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре» М.И. Ростовцев констатирует, что Боспор «усиленно иранизируется по мере того, как он приобретает сравнительную самостоятельность и независимость. Иранизируется опять и религия, и царская власть ... на мелкой монете для своих подданных он (т.е. монарх. – А.Ч.) является в ореоле божьей милостью

Дария, основателей Персидского государства, а со стороны матери он происходит от Александра Великого и Селевка Никатора, основателей Македонской державы - Юстин, Глава XXXVIII.

правлящего царя, получающего знаки власти своей от бога» [Ростовцев, 1913: 29]. По М.И. Ростовцеву иранизация Боспора при сыне Митридата Фарнаке II и последующих правителях еще более углубилась. При Спартокидах из объединения греческих колоний Боспор превратился в греко-варварское государство, включающее в свой состав ряд туземных племен нижней Кубани и Приазовья. Что касается других городов-колоний, то некоторые из них признавали власть скифских царей.

Правящая элита Боспорского царства сумела установить союзнические отношения и с сарматами. Процесс иранизации Боспора еще более усилился в период смены скифской эпохи на сарматскую (III-II вв. до н.э.). Начался он привлечением сарматских племен – сираков на свою сторону претендентом на царство Евмелом Боспорским в борьбе со своими братьями. Боспор продолжил политику, которую проводил со скифами в период расцвета державы и с сарматами, результатом чего было укрепление влияния царства в Прикубанье и низовьях Дона. Боспорское царство стало сильным, хорошо организованным государством.

В I-II вв. н.э. Боспорское царство неоднократно воевало сначала с сарматами в Приазовье, а затем со скифами в Крыму. Последняя кампания закончилась победой боспорцев. В эти же столетия под влиянием притока сарматских этнических элементов в городах Боспора происходит еще более усилившаяся «сарматизация» культуры Боспорского государства [СИЭ, 1962: 643-644]. Во-первых, Боспорское царство соседствовало с сарматами и Крымской Скифией, во-вторых, царством управляла иранская династия, основанная во II в. до н.э. Митридатом VI Евпатором. Его внучка Динамия вышла замуж вначале за убийцу своего отца Фарнака Асандра, после его убийства – за Скрибония, а затем за Аспурга, который вместе с ней, собственно, стал родоначальником новой сарматской династии,

воцарившейся на Боспоре⁸³ [Виноградов, 1994]. Все это предопределяло усиление процесса иранизации Боспорского царства.

Ранее уже говорилось о том, что сильной иранизации подверглись внешний облик населения и вооружение боспорской армии. Если до позднего эллинизма вооружение носило кельтско-эллинский характер, то теперь оно было характерным скифо-сарматским. Продолжая свои мысли об иранизации столицы Боспора Пантикапее, М.И. Ростовцев писал: «Основной особенностью, характеризующей уклад быта Пантикапея и других греческих городов Причерноморья эпохи ранней империи, является сильнейшая, дотоле невиданная, иранизация всего уклада государственной, религиозной и культурной жизни» [Ростовцев, 1918: 168]. Далее, углубляясь в тему, М.И. Ростовцев продолжает: «В области государственности наиболее интересным явлением надо считать развитие царской власти на Боспоре. Все следы автономии гражданства после Митридата исчезают ... царит неограниченная монархическая власть, для всех подданных равная. От старой двойственности власти не осталось и следа. Неограниченный абсолютизм по отношению к подданным сочетается с полной вассальной зависимостью от Рима» [Ростовцев, 1918: 168]. При всем этом иранский характер царской власти сохраняется. «Как только цари получают возможность облечься полным титулом своей власти, как они ее понимали, они принимают титул «царя царей», подчеркивающий их связь с иранским миром, со старой персидской династией, и с их родоначальником Митридатом». При этом преклонение перед иранством дошло до такой степени, что: «как только они получают некоторую свободу действия в эпоху ослабления центральной власти, начиная с Марка Аврелия, они сменяют свой облик римско-фракийского кавалерийского генерала, каковыми они являются на монетах I в. по Р. Хр., на облик почетного и тяжеловесного иранского царя, облеченного в иранскую одежду, вооруженного на иранский лад, с

⁸³ Большинство исследователей единодушно во мнении о том, что ярко выраженный негреческий характер имени *Ἀσπυργός* с прозрачной иранской этимологией (*aspa-urğa* = «сильный, как конь»)

длинным иранским скипетром, без бюста императора в руке. Поза изображенного в этом виде царя, сидящего на тяжелой грузной лошади, позволяет думать, что он изображается в акте молитвы, направленной к верховному небесному божеству – иранскому Аура-Мазде» [Ростовцев, 1918: 170]. Подтверждением сказанному может служить интересный артефакт, найденный в Фанагории в 2019 г. при исследовании позднеантичного склепа конца IV – первой половины V в. н.э. расположенного на Восточном некрополе. Археологами были обнаружены две погребальные камеры, одна из которых сохранилась практически нетронутой временем. В ней находилось семь захоронений в деревянных гробах, включающих в себя захоронение мужчины, явно воина-всадника, его спутницы и пятерых детей. Захоронение сопровождалось богатым погребальным инвентарем, в том числе золотыми украшениями. При проведении раскопок в полу камеры склепа был обнаружен тайник, в котором археологи нашли длинный меч кавалериста с золотым навершием на длинной деревянной рукояти. «Рядом с мечом лежали элементы снаряжения воина. Престижное оружие имеет восточное происхождение и принадлежит к группе иранских мечей ранней сасанидской традиции с характерным навершием. Подобные мечи с очень длинными рукоятями известны на изображениях сасанидских царей... Похожее оружие происходит из памятников Северного Причерноморья, Северного Кавказа, Приуралья. Меч из Фанагории является очередным свидетельством культурных связей Боспорского царства не только с Восточной Римской Империей, но и с Державой Сасанидов» [Ворошилов, Ворошилова, 2019: 174].

Подчеркивая относительно стабильное развитие греческих городов Причерноморья в течение трех столетий нового тысячелетия, М.И. Ростовцев отметил кардинальный прогресс, достигнутый городами во всех сферах жизнедеятельности. «Но это были уже не те города, которые когда-то основали здесь греки. Создалось новое население и новая культура. Две струи, греческая и скифо-сарматская слились, пока и ту, и другую не залили

волны германских, тюркских и славянских племен, которым принадлежало будущее» [Ростовцев, 1918: 186].

2.10. Быт и обрядовые традиции скифов и сарматов в трудах М.И. Ростовцева

В книге «Эллинизм и иранство на юге России» М.И. Ростовцев настолько живо и мастерски описывает бытовую сцену из жизни скифов, что невольно перед глазами читателя воссоздается реальная картина повседневного быта наших отдаленных предков. Итак: «Медленно передвигающийся кочевой табор; телеги-юрты, в которых живут, готовят пищу, нянчат детей женщины и куда для еды и на ночь приходят мужчины; стада баранов, овец, быков и коров, главным же образом лошадей; мужчины все время на конях, в степи, у стад и табунов или на охоте за зайцами или хищным, правда, немногочисленным зверьем; женщины постоянно в юрте и на телеге. Мясная пища, кумыс, как главный напиток, изредка сухая баня, нелюбовь к воде и мытью» [Ростовцев, 1918: 60]. В дальнейшем он не раз будет иллюстрировать различные сцены быта скифов, сармат и боспорян.

В ходе длительных, продолжавшихся столетия, контактов скифо-сармат с греческим миром Северного Причерноморья происходит сильная иранизация греческих полисов. Сказанное легко проиллюстрировать на примерах перемен в вооружении и внешнем облике боспорян, выявленных М.И. Ростовцевым. «Скифо-сарматский чешуйчатый или кольчатый панцирь, – пишет он, – иногда греческий, но чаще иранский конический шлем, круглый или овальный щит, как оборонительное оружие; скифский лук и стрелы, большое штурмовое копье, дротики, меч и кинжал, как оружие наступательное, т.е. типичное вооружение скифских и сарматских конных тяжеловооруженных лучников и копейщиков, каковыми пантикапейцы изображаются и в росписях их гробниц, и на надгробных стелах. Иранским

является и техника их конного боя, не раз изображаемого на росписях гробниц» [Ростовцев, 1918: 173].

Иранизация боспорцев наблюдается и во внешнем облике населения. О внешнем одеянии боспорцев ученый писал: «Какую одежду носили греки Боспора в эпоху Спартокидов мы не знаем. Но в эпоху империи она почти совершенно иранская, с некоторою только примесью греческих элементов. Иранскими надо считать штаны и сапоги, а также верхний камзол. Греческое влияние можно видеть в плаще и хитоне, которые сочетаются с вышеназванными частями костюма. В иранском внешнем облике сказывается не только иранское влияние, а несомненная иранизация населения по крови и по воззрениям» [Ростовцев, 1918: 173-174]. Костюм, вооружение, само население все более и более иранизируются. Во время исследования гробниц, датированных I-II вв. н.э., археологами были обнаружены изображения степных земледельцев и коневодов, «отстаивающих свое достояние со своими войсками, дружинами, отрядами, но это уже не чистые греки: они подверглись сарматскому влиянию; по государственному строю Босфор напоминает иранское царство, да и в других отношениях (религии, культуре) сказывается усилившееся влияние ираносарматской стихии» [Багалея, 1914: 64]. Такие же процессы протекали и в небольшом скифском государстве, расположенном на севере Балканского полуострова – Добрудже.

Значительную часть своих выводов по погребальным обрядам М.И. Ростовцев делал на основе анализа предметов, извлеченных археологами из древних курганов. Исследуя сюжеты на монетах с изображением боспорского царя, ученый приходит к заключению: «Фигура царя на лошади, получающего приобщение от бога или богини или алорирующего бога или богиню, становится обычной на монетах и других памятниках Боспора с того времени, как Боспор в III-II вв. до Р. Хр. сильно иранизировался и его правящая династия сделалась из греческой и греко-фракийской ирано-греческой или даже совсем иранской с таким же

небольшим греческим налетом, как и в современной Парфии» [Ростовцев, 2013: 109].

Исследуя инвентарь из могильников, ученый отмечает, как сильно сказывались изменения политической ситуации даже на самый консервативный погребальный обряд, который отличается своей особой устойчивостью. «Иранизация населения Боспорского царства была так велика, – пишет М.И. Ростовцев, – что уже в I в. по Р. Хр. мы встречаемся с погребениями местных жителей, стоящими под сильным влиянием иранского обряда», и в качестве решающего признака иранского обряда указывает «на погребения коня или конской сбруи вместе с покойником, на золотую погребальную маску в одном погребении III в. по Р. Хр. обычную в парфянских погребениях» [Ростовцев, 1918: 181]⁸⁴. Когда же иранское влияние ослабло, «погребение с полугреческим обрядом становится обычным» [Ростовцев, 1918: 181].

На основе анализа всего доступного археологического материала М.И. Ростовцев подтвердил верность основных компонентов обряда погребения у знатных скифов, сообщаемых Геродотом (объезд с забальзамированным телом по всем номам, изуродование лица в знак траура, что являлось симуляцией кровавых жертвоприношений, доставка трупа в местность Герры, где хоронились все скифские цари, принесение в жертву одной из жен, близкого слугу и лошадей, укладка в могилу драгоценных вещей, насыпание на могилу большого кургана, в годовщину – торжественная гекатомба из 50 слуг и лошадей, чучела которых расставлялись перед курганом) [Ростовцев, 1918: 60,63]. К чести М.И. Ростовцева, следует отметить, что он рассматривает и анализирует погребальный обряд скифов во временном развитии. При этом он исходил из известного положения, что погребальный инвентарь дает большую пищу для

⁸⁴ Стоит отметить, что в погребальной традиции осетин существует обряд принесения покойнику в жертву коня (*баехфаелдисын*), ярко описанный в работах К.Л. Хетагурова, В.И. Абаева, К.Ю. Рахно, Е.Б. Бесоловой и т.д.

размышления, помогает в выявлении обычаев, обрядов, характера одежды, пищи [Ростовцев, 1918: 71-73].

Анализируя предметы погребений разных столетий (с VI по IV вв. до н.э.). М.И. Ростовцев в книге «Скифия и Боспор» на основе богатого археологического материала исследовал вариации изменения обряда в зависимости от времени и места расположения. В частности, сопоставляя инвентарь погребения из приднепровского и из позднескифского кургана на Кубани, ученый обнаружил существенную разницу в инвентаре.

Похоронные обряды скифов представляют особый интерес для ученых-осетиноведов. Из-за их консервативности можно провести поразительные параллели с похожими обрядами, которые до недавних времен существовали у осетин (посвящение коня, изуродование лица, деформированный обряд отрезания пучка волос из косы, многочисленные и пышные поминки). Основа этих обрядов – вера в продолжение жизни в потустороннем мире, – удержалась в сознании части осетин до недавнего времени.

Специалистами-археологами установлено, что инвентарь погребений царей одинаков не во всех курганах. Сравнивая инвентарь царских могил из Северного Причерноморья (по Геродоту) с аналогичными погребениями царей на Кубани, М.И. Ростовцеву удалось установить отличие инвентаря погребений в разных регионах огромной империи. В частности, ему удалось установить, что кубанские погребения скифов сопровождаются более сложным ритуалом в сравнении с теми, которые описал Геродот. Судя по кубанским захоронениям, покойника привозили на катафалке; в жертву приносилось огромное количество лошадей. Погребались «цари кубанских скифов в полном вооружении, в богатой одежде, с большим количеством драгоценной утвари. Заметную роль играли медные котлы, о которых говорил и Геродот, «с кусками туш жертвенных животных, и большие греческие глиняные амфоры, вероятно, наполненные вином» [Ростовцев, 1918: 64].

М.И. Ростовцев исследует причины и обстоятельства большого материального расцвета Скифии, богатой культурной жизни, необычайно пышного расцвета изобразительного искусства, о чем свидетельствуют обнаруженные в курганах Солоха, Куль-Оба и др., поразительно интересные вещи из золота и серебра. Михаил Иванович не только подробно описывает инвентарь погребений, но пытается анализировать его происхождение, степень влияния на него аналогичных культур соседних народов и т.д.

Основываясь на инвентаре скифских курганов, М.И. Ростовцев не всегда и во всем соглашается с Геродотом. В частности, погребальным материалом не подтверждается наличие общих кладбищ у скифов, не подтверждается и то, что в могилу вместе с телом царя ставили лишь золотые вещи. В одном только можно оспорить мнение уважаемого ученого, когда он пишет: «Сведения Геродота о бальзамировании трупа царя не подтверждаются; никаких следов этого ни в кубанских, ни в других царских могилах не отмечено» [Ростовцев, 1918: 64]. Весьма жаль, что археология еще не подтвердила сведения Геродота, но из этого делать далеко идущие выводы ученому не следовало. Вот как описывает похороны царя у скифов Геродот: «Приготовив яму, тело поднимают на телегу, покрывают воском; затем разрезают желудок покойного; затем очищают его и наполняют толченым кипером, благовониями и семенами сельдерея и аниса. Потом желудок снова зашивают и везут на телеге к другому племени» (Геродот, IV: 71). Сложно не согласиться с Геродотом в этом его свидетельстве, ибо не представляется возможным в течение продолжительного времени (около сорока дней) развозить тело царя по регионам без предварительной обработки. По существу процесс мумификации тела соблюдался безукоризненно.

2.11. Религиозные верования скифов в работах М.И. Ростовцева

Взаимодействие эллинской и иранской культур М.И. Ростовцев демонстрирует на примере религиозных представлений. Высшее божество, которому поклонялись скифы – державная богиня Табити (Гестия), владычица земли и воды, животных, птиц и рыб, покровительница конной скифской знати, мистическое сочетание с которой, посредством приобщения, было одним из торжествующих актов. «Верховными жрицами этой великой богини были жены царей, служили ей и священныя энареи, половая импотенция которых ... толковалась как небесный знак, призывающий их служить великой богине» [Ростовцев, 1918: 73-74]. Культ почитания этой богини отводил на второстепенные роли, навеянные эллинизмом официальные культы императора и римских государственных богов, Посейдона и Геракла. Только храмы Великой богини Табити строятся на территории царства, только ее изображения появляются на медных монетах боспорских царей. Между тем Великая богиня в Иране воспринималась как Ахурамазда, в греческой среде как Афродита Ураня [Ростовцев, 1918: 173-174]. Речь идет, конечно же, о Тавроскифии.

Ученый подчеркивает сильное влияние иранского Ахурамазда на пантеон скифов. «Иранский Аура-Мазда, – пишет он, – в виде конного бога приобщающего к власти скифского царя, знаком был и греческим мастерам Пантикапея, работавшим на Скифии, хотя был менее популярен в этой среде, чем великая богиня. В роли бога победителя зла, дарующего власть царю, видим его на серебряном ритоне из кургана Карагодеуашх» [Ростовцев, 1918: 74]. В то же время иранский бог Митра, который являлся эпонимом правящей династии (а в основе имени Митридат лежит именно иранский Митра), находился вне официального пантеона боспорских богов. Он почитался только в отдельных районах царства на уровне местного культа.

Тенденция перерастания неограниченной власти монарха в процесс обожествления его личности присутствовала во все исторические времена.

Не было исключением и Боспорское царство, где, вслед за иранизацией, с IV в. до н.э. начинается сакрализация царской власти. Скифы обожествляли своего царя, о чем свидетельствуют богатейшие царские захоронения в курганах. Как отмечено О. Шевченко, специальных исследований, посвященных антропотеизму боспорских монархов, у М.И. Ростовцева не имеется, а рассуждения носят общий характер. «Однако внутренняя логика высказываний ученого, отточенная четкость его формулировок, наводит на мысль, что он имел стройную и ясную концепцию развития царского культа на Боспоре, или, в крайней мере, подошел к ее пониманию настолько близко, что она оставила в его работах заметный след» [Шевченко, 2003: 155-156].

По М.И. Ростовцеву, начало обожествления боспорских царей было связано с двумя традициями: эллинистической и древне-иранской. И хотя он отдавал предпочтение эллинистическим традициям, тем не менее, склонялся к мысли, что «эллинистическая практика обожествления монарха укоренилась и позднее впитала в себя некоторые религиозные традиции достаточно сильно иранизированного Боспора» [Шевченко, 2003: 156].

К III в. н.э. религиозные воззрения местного населения оказывают все большее влияние на организацию царской власти в Боспоре. В частности, скифы внесли свою лепту в сакрализацию власти в Пантикапее. Как писал М.И. Ростовцев, на смену эллинистически-фракийских традиций видения царской власти приходят скифские обычаи, а эллинизм этому уже не может сопротивляться [Ростовцев, 1913: 30]. Ученый пишет не только о факте существования нового культа, но и механизме его внедрения. Будучи инициаторами обожествления своей власти, боспорские правители предприняли шаги к ее канонизации. С этой целью был создан так называемый союз почитателей царского культа [Свенцицкая, 1985: 51]. Кроме того, для укрепления своей власти цари создали так называемые «коллегии». Они возникли при царе Савромате I (93-123 гг.) и состояли из представителей высших слоев боспорского общества мужского пола, способных нести военную службу. Коллегии представляли собой

своеобразные объединения знатных людей в государственные общества военно-религиозного характера [Ростовцев, 1928: 201]. В своих суждениях о культе боспорских властей М.И. Ростовцев больше акцентирует внимание на их социальной, а не религиозной значимости, хотя, как полагают другие специалисты, цари Боспора при создании коллегий вряд ли могли допустить возможность внедрить в них религиозный культ [Шевченко, 2003: 159]. Он же отмечал, что, несмотря на усилия боспорской элиты культ царей не стал доминирующим в мировоззрении основной массы населения царства. На эту роль претендовал лишь культ местной Великой богини Табити, которая являлась «официальной богиней всего царства» [Ростовцев, 1914: 14].

М.И. Ростовцев верно подчеркивает иранский характер религии скифов, но, при переходе к частностям, допускает неточности, ошибки, сознательные пропуски целых строк в цитируемых текстах. В частности, цитата из Геродота о божествах скифов выглядит следующим образом: «Они чтут только следующих богов: превыше всех Гистию, затем Зевса и Землю, считая Землю супругой Зевса ... По скифский Гистия называется Табити, Зевс, наиболее правильно, по моему мнению, Папай⁸⁵ (очевидно, имелись и другие имена), Земля-Апи» [Ростовцев, 1914: 14]. В итоге, опуская пропуски между предложениями, М.И. Ростовцев заключает, что в Скифии «создавалась ... довольно обычная на востоке, специально для Малой Азии, триада-троица из двух женских и одного мужского божества» [Ростовцев, 1918: 76]. А теперь представим вариант Геродота полностью, выделив курсивом пропущенные М.И. Ростовцевым места. «...Скифы почитают только следующих богов. Прежде всего – Гестию, затем Зевса и Гею) (Гея у них считается супругой Зевса); после них – *Аполлона и Афродиту Небесную, Геракла и Ареса*. Этих богов признают все скифы, а так называемые царские скифы приносят жертвы еще и Посейдону. На скифском языке Гестия называется Табити, Зевс (по-моему, совершенно правильно) Папай, Гея –

⁸⁵ У. Макговерн считает, что возможно, имя Папай это просто вариант скифского слова «отец» [Макговерн, 2021: 71].

Апи, Аполлон – Гойтосир, Афродита Небесная – Аргимпаса, Посейдон – Фагимасад» [Геродот, IV: 59]. Непонятна цель такой вольной интерпретации Геродота. Не стремление ли это подогнать цитату Геродота под облюбованный вариант, в данном случае под религиозную триаду?

Как видно, в оригинальном изложении «Истории» Геродота пантеон скифов выглядит совсем другим. В.И. Абаев посвятил анализу пантеона специальную статью «О культе семи богов у скифов». Так, исходя из полного текста Геродота, становится очевидным, что богов у скифов было все же семь, за исключением Посейдона, которого почитали не все скифы. Геродот четко подчеркивает, что скифы чтут все семь богов, и это находит подтверждение в быте ираноязычных племен. В частности, культ семи богов четко зафиксирован у одного из скифо-массагетских племен, а именно у алан, что подтверждают античные авторы, писавшие об аланах. Так, например, по сообщению Флавия Арриана, город Феодосия в Крыму «называется на аланском или таврском языке Ардава, что значит город семи богов (осет. *авд* – семь). «Наименование города «семибожным» говорит о том, что культ семи богов занимал центральное место в религии алан. Посвятив город семи богам, они поступили так же, как и греки, давшие своему прославленному городу имя наиболее чтимой богини Афины» [Абаев, 1990: 90].

Почитание семи богов не ограничивается одними аланами. В этнографическом быту осетин, по настоящее время сохранились святилища под названием «*авд дзуары*» (семь божеств) [Миллер, 1992: 259]. В нартовском эпосе встречается божество *Æвдиуаег* (в осет. *æвд-авд-семь*), а в горах Осетии есть святилища *Авд дзуары* (сс. Галиат, Нар, Ерман). Большой частью осетины молятся семи святым – *авд дзуары* [Чибиров, 2008: 266]. Таким образом, не триада, а «культ семи богов был прочной религиозной традицией скифо-сарматских племен и прослеживается от геродотовских скифов через алан до современных осетин» [Абаев, 1990: 95].

Рассказывая о религии скифов, ученый не обходит стороной и культ меча, который ассоциируется у них с Аресом. Он считал этот военный фетиш характерным для воинственных иранцев. В честь Ареса «было воздвигнуто сооружение из хвороста с четырехугольной площадкой наверху: на самой вершине насыпи был воткнут железный меч, служивший прообразом Арея. Этому богу приносились в жертву не только домашние животные и лошади в большом количестве, но даже и люди из числа плененных по одному от каждой сотни» [Багaley, 1914: 85]. В данном случае постамент из хвороста представлял из себя замену типичных для восточного мира сакральных башенных сооружений. Подобные сооружения делались в каждом из номов во всех трех регионах Скифии. Геродот повествует, что в день почитания Ареса приносились и человеческие жертвы (каждый сотый из числа пленных). Но и в описании культов порою М.И. Ростовцев противоречит самому себе. На стр. 153 «Эллинства ... » он называет Геракла и Посейдона мифическими предками фракийских царей, однако, далее Михаил Иванович связывает происхождение мифа о Геракле с местным греко-скифским мифом (легенды о происхождении скифских царей от Геракла. – А.Ч.). Думается, не нуждается в дополнительной аргументации тот факт, что оба бога являются персонажами греческой мифологии. В контексте религиозных верований скифов нельзя не упомянуть о следующих фактах. Так, у скифов не существовало отдельного класса жрецов для исполнения религиозных обрядов. Как правило, справлением религиозных обрядов занимались старшие в роде [Багaley, 1914: 85-86], что также наводит на соответствующие параллели в религиозном обряде осетин.

При отсутствии жрецов у скифов существовали предсказатели, которые занимались гаданием по прутикам лозы. «Когда заболел царь, они обязаны были указать на того, или другого скифа, виновника болезни царя, вследствие нарушения клятвы царским очагом. Они указывали на виновника; его приводили к царю для допроса: обвиняемый, конечно, оправдывался в возводимом на него преступлении. Призывали других предсказателей: Если

новые предсказатели подтверждали обвинение, то обвиняемому рубили голову, если же оправдывали, то смерти подвергались первые предсказатели особым способом: их, связанных клали на кучу хвороста, на телегу, запряженную быкам, затем хворост зажигали, и они погибали в пламени» [Багалеи, 1914: 85-86].

Вызывают некоторые возражения и взгляды М.И. Ростовцева на религиозные воззрения сармат. Со ссылкой на «достоверного и раннего свидетеля» он называет их огнепоклонниками [Ростовцев, 1918: 130], с чем трудно согласиться. В действительности в религиозных воззрениях сарматов особое место занимали культ солнца и огня, а барану они поклонялись как символу небесной благодати, благосостояния. На сармат оказал влияние и греко-иранский религиозный синкретизм. Так же как и скифы, сарматы почитали аналогов греческих богов. В частности, они поклонялись греко-сарматской богине Афродите-Агримпасе, святилища которой состояли из вала и жертвенника. В более позднее время сарматы переняли от скифов и культ меча. [Стражный, 2001].

2.12. Различные аспекты иранской культуры.

Искусство «звериного стиля»

В культурном отношении скифы все же были азиатским народом. Вместе с индоиранцами они оставались носителями иранской культуры, которая у скифов на юге России уже приняла смешанный характер. «Иранская культура, – пишет Михаил Иванович, – в более поздней стадии ее развития, представлена нам и памятниками отдельных сарматских племен, постепенно вытеснивших и заменивших в степях юга России скифов, причем, однако, это вытеснение не было ни окончательным, ни полным» [Ростовцев, 1918: 7]. В Боспорском царстве, просуществовавшем без малого тысячу лет, выработалась особая греко-варварская культура. Все вопросы, связанные с изучением этого культурного феномена, являются приоритетным

для понимания судеб античной культуры на северном берегу Черного моря. Здесь столкнулись и переплелись две далекие друг от друга цивилизации, в результате чего произошло столкновение двух этнокультурных начал: восточной (иранской), привнесенной сюда кочевыми племенами скифов и сарматов и эллинского, носителем которого были греческие колонии, завершившееся уникальным культурным синкретизмом. М.И. Ростовцев задался целью поиска истоков этого синкретизма, того, в какие формы он вылился, что осталось от этого слияния для будущих поколений. В результате исследований им создана стройная концепция развития античных традиций на Северном Причерноморье. Ответы, данные М.И. Ростовцевым на все эти сложные вопросы, современная наука подтверждает. Более того, «некоторые умозаключения Ростовцева настолько опередили свое время, что их ценность мы осознаем только сейчас, вступая в XXI век» [Шевченко, 2003: 155-163]. Как правильно подчеркивает академик Артамонов, сочетание этих двух начал (греческого и эллинского) в трудах М.И. Ростовцева «дало замечательную скифскую культуру, воспринимаемую прежде всего со стороны скифского искусства, или «звериного стиля»» [Артамонов, 1947: 68].

Ученым установлено, что в археологических памятниках юга России с III в. до н.э. прослеживается «влияние какого-то нового искусства, сложившегося на границе между сакским Туркменистаном, Персией и Индией, и чуждого более ранним скифским образам. При этом сарматские племена – носители этого нового искусства, нахлынули на юг России в ходе так называемого «Великого переселения народов во второй половине II в. до Р. Хр.», которое кардинально повлияло на жизнь Востока, вытеснив на запад группу кочевых племен – роксоланов, аорсов и сираков. И, как далее пишет М.И. Ростовцев, одна волна сарматских кочевников за другой «докатилась и до юга степей России и разлилась здесь до южного Кавказа и Днепра» [Ростовцев, 1993: 45-46, 92]. Одна часть их из Кубани продвинулась на запад,

на Таманский полуостров, оседает там под именем *аспургиан*⁸⁶, вытеснив синдов, и начинает играть видную роль в Боспорском царстве римского времени [Ростовцев, 1918: 138].

Новый этап тесных контактов Боспора и скифов происходит во второй половине III в. – первой половине II в. до н.э., который, по словам М.И. Ростовцева, стал временем культурного возрождения Боспорского царства. В Тавроскифии у скифов появляется письменность на греческой основе. Долговременное пребывание сарматов на Кубани, на Дону и далее на запад не могло не оставить следа в могильниках, расположенных в этих местностях. Погребения со II в. до н.э. резко отличаются от погребения скифов IV-III вв. до н.э. [Ростовцев, 1918: 130, 133]. Погребения эти не имеют формы погребальных ям со встроенными в них деревянными и каменными сооружениями. Верность суждений М.И. Ростовцева о смене культур на рубеже III в. до н.э. получила подтверждение в трудах других его коллег-антиковедов, таких, как В.И. Сарианиди⁸⁷, А.С. Скрипкин⁸⁸, М.Б. Щукин⁸⁹ и др.

М.И. Ростовцев отмечает: «Появление сарматов не прошло бесследно. Оно способствовало появлению в римских провинциях нового стиля – романского, повлияло на так называемый готический и внесло свою лепту в историю западноевропейского искусства» [Ростовцев, 1918: 139]. Привлекая и анализируя весь доступный археологический материал, ученый иллюстрирует иранизацию боспорского быта и на элементах живописи. «Если в наиболее ранних, – пишет он, – мы имеем обще-эллинистический стиль, свойственный всему эллинистическому востоку, то в более поздних мы находим такие черты, которые получают свое объяснение только при сличении с немногими памятниками декоративной скульптуры иранского парфянского царства и с более многочисленными скульптурами сасанидской

⁸⁶ Аспургиане (или аспургианы) - одно из меотских племен, живших в I тысячелетии до н. э. на восточном и юго-восточном побережье Азовского моря, упоминаются античными авторами.

⁸⁷ Сарианиди В.И. Бактрия сквозь мглу веков, М, 1984.

⁸⁸ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и её исторический аспект. 1990.

⁸⁹ Щукин М.Б. На рубеже эр. 1994.

Персии, расцвет которой начинается с III в. по Р. Хр.» [Ростовцев, 1918: 178]. Ученый выявил иранское влияние и в изображениях в гробницах Пантикапея, и в тектонике, и в ювелирном деле [Ростовцев, 1918: 179-181].

Среди ученых-антиковедов не существует единого мнения и относительно понятия «скифская культура». М.И. Ростовцев характеризовал скифскую культуру как восточную, «иранскую» в своей основе и несколько измененную эллинскими привнесениями. В этом коротком ответе уважаемого ученого заложен глубокий смысл. Действительно, в так называемой «скифской культуре», распространившейся далеко за пределы ареала проживания скифов, имеется множество близких или даже тождественных с восточными, «иранскими» по терминологии Михаила Ивановича элементов, а равным образом много черт греческого происхождения, особенно в Северном Причерноморье, где эллинское влияние на местное население через колонии было особенно велико и где сами греки принимали активное участие в создании варварской культуры. Тем не менее, при всех этих влияниях М.И. Ростовцев не раз подчеркивает, что скифская культура в ее основных восточных элементах была иранская в этническом смысле этого определения. Вот потому ее зарождение он искал в колыбели иранства, вместе с которым она и распространилась на юг, запад и восток. Это положение ученого вызвало споры среди скифологов, некоторые из которых, возражая М.И. Ростовцеву, утверждают, что «скифская культура – явление не этнического порядка, и связь ее с иранством может быть признана лишь в той мере, в какой иранскому элементу принадлежало господствующее положение в Передней Азии в период развития и широкого распространения скифской культуры» [Артамонов, 1947: 77], что в ее формировании крупную роль сыграли и культура народов Северного Кавказа, Урарту и др.

На наш взгляд, суждения М.И. Артамонова могут выглядеть спорными. Допустимо, когда между двумя цивилизациями, территориально расположенными рядом, имели место контакты и взаимовлияния в период их

процветания. В случае же со Скифией и Урарту положение иное. Урарту и Скифия не соприкасались территориально и о каких-либо культурно-исторических контактах между ними ученым мало что известно. Истории известно лишь то, что цари Урарту привлекали скифо-киммерийские наемные отряды для борьбы со своими врагами [СИЭ, 1973: 862]. Во-вторых, период расцвета Урарту приходится на IX-VI вв. до н.э., в то время как скифская культура достигла наибольшего расцвета в последующие столетия.

Безусловно, трудно гарантировать этническую чистоту скифской культуры. Естественно, что в нее могли войти и элементы культуры соседних народов, хотя в данном контексте академик Артамонов ограничивается лишь общими рассуждениями, или с народами, с которыми они исторически поддерживали контакты. Однако в этом случае приходится ссылаться на следующую аксиому, которая утверждает, что господствующее во всех отношениях племя (народ, народность) всегда растворяет в своей среде, ассимилирует входящие в нее этносы, и распространяет на них свой язык, свою культуру. Известно, что наибольшее влияние на Боспорское царство оказали скифо-сарматы. Не случайно же Боспорское царство называли скифо-боспорским, а не по имени какого-либо другого варварского племени. Примеров, подтверждающих вышеизложенное, в мировой истории достаточно.

М.И. Ростовцев зарекомендовал себя и прекрасным специалистом по изобразительному искусству Причерноморья. Эти вопросы он осветил в своей известной работе «Античная декоративная живопись на юге России». В частности, впервые термин «звериный стиль» по отношению к искусству кочевников был введен в научный оборот именно Михаилом Ивановичем [Фаркаш, 1992: 164]. Как отмечал Э. Фаркаш, «его исследования по искусству звериного стиля столь плодотворны, что мы отнюдь не исчерпали возможностей предложенного им пути» [Фаркаш, 1992: 164]. Подробный анализ скифского искусства звериного стиля в полном объеме содержится в его трудах, посвященных скифо-сарматской истории.

В монографии «Скифия и Боспор» на весьма трудный вопрос, в какой мере сросся с предметами восточного происхождения звериный стиль их убранства, ученый дает развернутый ответ: «...эти ряды лежащих или прыгающих. Реже стоящих зверей в позах, приспособленных для орнамента, с поджатыми ногами и прижатыми рогами, эти стилизованные чисто орнаментированные головы животных и птиц, столь типичные для конского уздечного набора и для наверший, это заполнение фигур животных животными же, начинающаяся стилизация и орнаментация отдельных частей тела животных, как, например, птичьих голов на великолепных навершиях Ульского аула⁹⁰ 1909 г. и притом стилизация в духе звериного же орнамента с преобладающей трактовкой конечностей в виде головы грифона, отнюдь же не в духе растительного орнамента, эта реалистическая, полная жизни, но вместе с тем схематическая трактовка животных – словом все то, что дает нигде не встречающуюся оригинальность скифскому звериному стилю» [Ростовцев, 2013: 337]. Поскольку нигде в другом месте, в том числе и в греческом искусстве, не встречаются предметы выше охарактеризованных форм, это дало основание ученому говорить об оригинальности скифского звериного стиля, в котором орнаментация неотделима от предмета [Ростовцев, 2013: 337]. И далее автор более четко определяет свое понимание предмета суждений: «Скифским звериным стилем я называю не тот орнаментальный стиль, который пользуется зверями для украшения предметов, до известной степени стилизуя фигуры зверей ... они резко разнятся от скифского звериного стиля». По его мнению, скифскому звериному стилю свойственно «заставлять фигуру зверя служить чисто орнаментальным целям, не стесняясь тем, что для этого ему приходится насиловать природу зверя и придавать ему странные и неестественные позы»

⁹⁰ Ульский аул (ныне Уляп Шовгеновского района Адыгейского АО), аул, близ которого в 1898, 1908-1910 гг. Н.И. Веселовским была раскопана группа из 10 курганов. Наиболее древние из них относятся к VI в. до н.э. Погребения были ограблены в древности. Сохранились лишь захоронения убитых при погребении лошадей и отдельные вещи. В самом большом кургане (высота 15 м) обнаружено более 400 скелетов коней, убитых при захоронении умершего вождя. Из находок наиболее интересны изделия в скифском зверином стиле.

[Ростовцев, 2013: 338]. И чтобы донести свою мысль, ученый сопоставляет скифский стиль с греческим: «Для греческого звериного стиля животное есть, прежде всего, животное, изображаемое художником любовно, как таковое, а не как орнамент. Он любит создавать из двух или трех зверей группы, полные жизни и экспрессии. Всего этого скифский звериный стиль почти не знает» [Ростовцев, 2013: 338].

Впоследствии сарматы усовершенствуют искусство звериного стиля. М.И. Ростовцев характеризовал сарматский звериный стиль как местный, «только частью испытавший влияние звериного ионического стиля. Принципы его остаются те же, но чувствуется в нем новая свежесть и сила, старые схемы, превратившиеся уже в шаблон, оживают, и всему этому красочность и многоцветность придает особый отпечаток, грубый и утонченный одновременно» [Ростовцев, 1918: 137].

До сих пор не существует общего мнения и о происхождении искусства звериного стиля. М.И. Ростовцев и Э.С. Фаркаш склонны считать его местного, скифского происхождения, но не отрицают влияние на его формирование и произведений прикладного искусства евразийских племен, предшествовавших появлению скифов в Придонуе. Нет четкого представления об этом искусстве и у самого М.И. Ростовцева. Он высказывал мнение, что искусство звериного стиля не могло возникнуть на почве древней Скифии, что поскольку в Скифию оно пришло в готовом виде, скифским его можно назвать только условно. Ученый допускает, что скифы могли воспринять его от киммерийцев, что этот стиль также мог достаться скифам от урартцев, то есть мог быть наследием алародийского (урартского) искусства [Ростовцев, 1918: 45]. В другой своей работе М.И. Ростовцев характеризовал искусство звериного стиля уже как сплав местных и привнесенных инокультурных элементов [Фаркаш, 1992: 167]. Последнее мнение нам кажется более обоснованным и логичным.

Отстаивая свою точку зрения касаясь скифского звериного стиля, М.И. Ростовцев не согласен с археологом Б.В. Фармаковским, который в

начале XX в. произвел большие раскопки в Ольвии, и который считал скифский звериный стиль дериватом ионийского, то есть «ионийским стилем» [Ростовцев, 2013: 338-339]. Он не согласен также с историком и археологом, финном по национальности А.М. Тальгреном, считавшим западносибирские вещи, украшенные в зверином стиле, также дериватом скифского, специально южнорусского [Ростовцев, 2013: 339]. Вместе с тем ученый соглашается с мнением некоторой части специалистов, что скифскому звериному стилю гораздо ближе западносибирские вещи эпохи бронзового и раннежелезного века, нежели восточно-греческие, с одной оговоркой: «Сибирские вещи дают нам ряд оригинальных черт, которые на ранних памятниках звериного стиля в Скифии не встречаются и появляются там только в эпоху возрождения скифского звериного стиля, падающую ... на время позднего эллинизма» [Ростовцев, 2013: 339].

Ученого интересовало и место происхождения звериного стиля. Вопрос этот оказался слишком сложным, ибо следы звериного стиля не в его скифском варианте обнаружены и на юге России, и на востоке Греции. Они уходят и в Сибирь, и архаическую Эламу. Имеют место скифские и ионические мотивы из жизни зверей синкретического характера, о которых явно свидетельствуют находки из Феттерсфельда (современная западная Польша); вещи иранского обихода украшены ионическими мотивами звериного стиля. Свидетельство постепенного проникновения звериного стиля в степи юга России дают и находки из Келермеса и Литого кургана, где вещи скифского звериного стиля сочетаются с предметами того же стиля, но уже не в его скифском, а в восточном и восточно-греческом облике.

В итоге, в погребениях юга России позднейшего периода вещи подлинно скифского звериного стиля составили незначительное количество, а все остальное – это «результат смешения, вызванного тем, что удовлетворение потребностей скифской знати попало почти исключительно в руки греческих, по большей части ионических мастеров. В их руки попали подлинные мотивы звериного стиля, которые также постепенно ими

перерабатывались и изменялись, но, тем не менее, держались цепко и прочно» [Ростовцев, 2013: 341-342]. В результате автор приходит к заключению, суть которого сводится к следующему: основа звериного стиля оригинальная скифская, привнесена с востока, но в новой этнической и культурной среде на юге России она дала пышный расцвет синкретическому греко-восточному творчеству [Ростовцев, 2013: 342].

* * *

Со времени написания трудов М.И. Ростовцева, посвященных древней истории юга России, прошло достаточно времени. Тем не менее, основные постулаты выдающегося ученого-антиковеда утвердились в мировой науке. Нет оснований подвергать их ревизии, ибо никаких серьезных доводов для этого не предполагается. Великий русский ученый Михаил Иванович Ростовцев по-прежнему остается недостижимой величиной в исторической науке. Французскому богослову, философу-неоплатонику XI в. Бернару Шартрскому приписывают следующее изречение: «Мы подобны карликам, усевшимся на плечах великанов; мы видим больше и дальше чем они не потому, что обладаем лучшим зрением, и не потому, что выше их, но потому, что они нас подняли и увеличили наш рост собственным величием». В случае с М.И. Ростовцевым ситуация сложилась иная; мы стоим на его плечах, но не способны видеть так далеко, как видел он. «Многие поднятые им проблемы еще только предстоит исследовать, а те, что изучались, еще далеки от полной ясности, мы многому можем научиться у этого ученого», – писал американский исследователь Э. Фаркаш [Фаркаш, 1992: 171]. Кто знает, быть может, вклад гениального русского ученого в разрешение проблемы сосуществования разных цивилизаций, поможет нам расплести клубок национальных противоречий, в котором ныне оказался, запутанным Крымский полуостров» [Шевченко, 2003: 162].

ГЛАВА 3. Г.В. ВЕРНАДСКИЙ И ЕГО ВКЛАД В ИССЛЕДОВАНИЕ СЛАВЯНО-ИРАНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

3.1. Г.В. Вернадский: штрихи к портрету

Исследователей, занимающихся проблематикой иранских народов древности, в мировой исторической науке насчитывается более чем достаточно. В то же время большой круг учёных, таких, как В.В. Мавродин, Б.А. Рыбаков, С.А. Жебелёв, О.Б. Трубачев и др., освещает тему номадов, как правило, в контексте других исследовательских проектов. В подобных изысканиях эта, безусловно, интересная тема просматривается в своеобразном, иногда не совсем обычном ракурсе. Порой в таких исследованиях внимание учёного акцентируется на вопросах, которые в специальных работах, посвящённых проблеме иранских народов, или отмечаются вскользь, или раскрыты не полностью. К примеру, американский исследователь и теолог Эдвин Ямаучи рассматривал в своих работах историю древнего мира, в том числе и скифов, прежде всего, как поиск аргументов для подтверждения правдивости библейских сказаний. Ярким примером вышесказанному утверждению также могут служить основательные труды великого русского, украинского и американского учёного-историка Георгия Владимировича Вернадского, который, как и друг и старший коллега М.И. Ростовцев, рассматривает историю скифов, сарматов и алан сквозь призму русской истории.

Георгий Владимирович Вернадский был одним из выдающихся исследователей русской истории, учёным-ориенталистом, автором многочисленных монографий и статей по русской древности. Отличительной особенностью трудов Г.В. Вернадского являлось то, что в них очень важное место было отведено историческим взаимоотношениям славянских и ираноязычных народов. Подобных параллелей, основанных на тщательном,

скрупулёзном исследовании античных первоисточников, до него не проводил никто. Именно в таком сравнительном анализе архивных материалов, поиске параллелей лингвистического, гидро и топонимической направленности, ономастики, а также в сравнительных проявлениях культурного характера между славянами и ираноязычными народами учёный искал истоки зарождения славянства. Эпоха перемен, ознаменовавшая начало двадцатого века, в которой пришлось жить и работать учёному, оказалась, в общем-то, снисходительной к нему. Она позволила ему выжить в той цивилизационной давке, в которой была Россия того времени, однако Георгий Владимирович впоследствии все же вынужден был разделить судьбу другого крупнейшего русского историка М.И. Ростовцева, после Октябрьской революции 1917 г. эмигрировавшего за рубеж. Не приняв Советской власти, Г.В. Вернадский в 1920 г. покидает Россию.

Судьба людей, уехавших из Родины в связи с событиями Октября 1917 г., сложилась по-разному. Мир, к которому они принадлежали, в котором жили и творили, рухнул в одночасье, похоронив под собой весь привычный уклад жизни. Немногие смогли адаптироваться в новой, пугающей и незнакомой для себя реальности. По словам автора предисловия к книге Г.В. Вернадского «Древняя Русь» Б. Николаева, Георгий Владимирович относится к тому поколению русских эмигрантов, которые, «несмотря на невзгоды смутных лет, потерю родных, близких и, наконец, Родины, смогли не только выжить, не утратив человеческого достоинства, но и сохранить свой талант, энергию и работоспособность. Находясь вдали от России, они продолжали работать во славу Отечества. Их имена невозможно ни оболгать, ни замолчать» [Вернадский, 2000: 5]. Список людей, которые по различным жизненным, необязательно схожим, обстоятельствам вынуждены были представлять русскую науку и культуру в эмиграции, внушителен. Это В.К. Зворыкин, один из пионеров телевидения, И.И. Сикорский, «отец» современного вертолетостроения, художник В. Кандинский, поэт К. Бальмонт, композитор С. Рахманинов, писатель И.А. Бунин и многие

другие. В этом ряду достойное место занимает Георгий Владимирович Вернадский, основатель кафедры русистики Йельского университета, ставший, по признанию одного из критиков, столпом новейшей историографии США.

Жизнеописание Г.В. Вернадского довольно широко представлено в различных справочниках, монографиях и отдельных статьях, и всё же в кратком обзоре мы позволим себе коснуться основных вех его биографии. Георгий Владимирович, или как его называли в США, Джордж Вернадский, родился 20 августа 1887 г. в семье известного русского и украинского учёного-естествоиспытателя, мыслителя и общественного деятеля Владимира Ивановича Вернадского. Примером всей своей жизни отец, конечно же, оказал существенное влияние на Вернадского-младшего, в том числе и в выборе дальнейшей судьбы, связанной исключительно с наукой. Забегая вперёд, необходимо отметить, что, несмотря на эмиграцию сына, академик В.И. Вернадский был обласкан Советской властью настолько, что позже, кроме всего прочего, в качестве признания его заслуг имя В.И. Вернадского было присвоено одному из главных проспектов г. Москвы. До самой своей кончины в 1945 г. В.И. Вернадский оставался основным рецензентом работ своего сына. Сын же его пронёс особую любовь и уважение к отцу и матери Наталье Егоровне Старицкой, дочери известного специалиста по государственному праву. Очень трудно представить себе сегодня то обращение в письмах к родителям, которое использовал Георгий Владимирович: «Драгоценные мои», или «Обнимаю, целую тебя, драгоценный папочка. Твой любящий сын Георгий» и т.д.⁹¹ Причем, по свидетельствам очевидцев, отношения эти Г.В. Вернадский сохранил и в зрелом возрасте.

Атмосфера, царившая в семье, позволила ему получить в детстве прекрасное базовое домашнее образование и воспитание. Сочетание этих

⁹¹ Семейный архив Г.В. Вернадского (234 ящика) хранится в Нью Йорке, в Колумбийском университете. Columbia University. The Buttler Library. The Bakhtmeteff Archive (далее BAR). The Vernadsky Papers.

двух начал способствовали тому, чтобы Г.В. Вернадский поступил в Московскую классическую гимназию, где и проявилось его увлечение историей. Молодой гимназист особенно ценил уроки Я.Л. Барского, ученика В.О. Ключевского, чем не замедлил поделиться с отцом. Позже в своих воспоминаниях он писал: «Отец был человек необыкновенного размаха, пытливым мысли и широких научных исканий. Когда он заметил, что у меня намечается склонность к истории, он сразу же обратил на это внимание»⁹². Окончив в 1905 г. гимназию с отличием, Г.В. Вернадский поступает на историко-филологический факультет МГУ. Его наставником в те годы был великий русский учёный В.О. Ключевский. В ноябре 1908 г. Г.В. Вернадский женился на Нине Владимировне Ильинской, выпускнице Высших женских курсов по историко-филологическому факультету, которая «стала верной спутницей всей его жизни и усердной помощницей в труде»⁹³. Уже весной 1910 г. Г.В. Вернадский успешно сдал экзамены и написал так называемое «кандидатское сочинение» на тему «Общественная программа дворянских наказов в Екатерининскую комиссию 1767 г.». Затем он покидает Москву и перебирается в Петербург, где начинает работать в должности приват-доцента Петербургского университета. В 1912 г. Г.В. Вернадский становится «ординарным» академиком⁹⁴.

Бурная революционная эпоха не могла не повлиять на политические убеждения учёного. В это время он уже преподаёт в Перми, исполняя в местном университете обязанности профессора русской истории. Вовлечённый в эти исторические процессы, Георгий Владимирович вступает в партию кадетов⁹⁵ и становится приверженцем либеральных, демократических идей. Первая его большая научная работа под названием «Русское масонство при Екатерине II» вышла в свет в 1917 г. и 22 октября

⁹² Вернадский Г.В. Из Воспоминаний. Годы учения. С.Ф. Платонов// НЖ, 1970, кн.100, с199.

⁹³ НЖ, 1967, кн. 88, с. 263.

⁹⁴ Ординарный академик - штатный академик, занимавший кафедру, в противоположность экстраординарному, не имевшему кафедры

⁹⁵ Конституционно-демократическая партия («Партия Народной Свободы», «к-д. партия», «конституционные демократы», «партия кадетов», позже «кадеты») - крупная центристская политическая партия в России в начале XX века.

того же года была защищена им как магистерская диссертация. Второе издание книги было осуществлено в Санкт-Петербурге уже в 1999 г. По удивительному стечению обстоятельств, работа Г.В. Вернадского оказалась последней исторической диссертацией, защищенной в России до Октябрьской революции.

Революция 1917 г. застала Г.В. Вернадского в Перми, где молодой учёный читал лекции в университете и одновременно занимался научной работой. Однако, уже в мае 1918 г. друзья предупредили учёного, что ВЧК⁹⁶ собирается его арестовать. Опасаясь преследования за свои политические взгляды, Георгий Владимирович не задерживается надолго на Урале и окольными путями добирается до Киева, где к тому времени уже обосновалась его семья. К тому времени В.И. Вернадский возглавил Украинскую Академию наук в Украинской державе гетмана Павла Скоропадского. По совету отца, Георгий Владимирович становится профессором Симферопольского филиала Киевского университета и переезжает в Симферополь, где начинает свою деятельность в качестве профессора Таврического университета, коим стал именоваться филиал. Спустя некоторое время Георгий Владимирович занимает должность начальника отдела печати при Гражданском управлении Крыма в правительстве барона П.Н. Врангеля⁹⁷. Незадолго до этого Таврический университет избрал новым ректором отца Георгия Владимировича В.И. Вернадского. И если должность ректора Таврического университета была не столь большим преступлением в глазах большевиков, то статус члена правительства мятежного барона Врангеля явно грозил Г.В. Вернадскому расстрелом. После поражения белогвардейского генерала Г.В. Вернадскому ничего не оставалось, как покинуть родину. В 1920 г.

⁹⁶ Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР (ВЧК при СНК РСФСР) - специальный орган безопасности Советского государства. Комиссия была создана 7 (20) декабря 1917 года

⁹⁷ Барон Пётр Николаевич Врангель (15 августа (27 августа) 1878 - 25 апреля 1928) - один из главных руководителей Белого движения в годы Гражданской войны. Главнокомандующий Русской армии в Крыму и Польше (1920). Получил прозвище «чёрный барон» за свою традиционную (с сентября 1918 года) повседневную форму одежды - чёрную казачью черкеску с газырями.

вместе с остатками разбитой Русской армии он погрузился с женой на старый пароход «Рион» и перебрался в Константинополь. Его отец В.И. Вернадский остается в России, совершив, тем самым, по выражению сына, «подвиг смирения».

В 1921 г. Вернадских разыскал в Константинополе американский историк Фрэнк А. Голдер, который попытался вывезти их в США, однако попытка не увенчалась успехом: в тот раз они добрались всего лишь до Греции. Следующим после Константинополя городом их эмиграции становятся Афины, где Вернадские задерживаются на год. Г.В. Вернадский устроился на работу в библиотеку Греческой археологической ассоциации. Он получает доступ к архивам, и занимается выявлением и переводом византийских источников. В 1921 г. Георгий Владимирович с женой прибывает в Прагу, и остается здесь на целых шесть лет, продолжая заниматься историей и преподавательством в качестве профессора на Русском юридическом факультете Карлова университета. Научная деятельность учёного в Праге оказалась связанной с выдающимся специалистом по русскому средневековому искусству и истории Византии Н.П. Кондаковым, который, по словам Г.В. Вернадского, ввёл его в «скифо-сарматский мир» и пробудил интерес к истории алан.

Но жизнь в эмиграции все же была достаточно сложной, тем более что занятия исторической наукой не приносили учёному особых финансовых доходов. В августе 1921 г. Г.В. Вернадский писал в своем дневнике: «Бог даст, милые мои, драгоценные смогут когда-нибудь прочесть эту тетрадь и хоть немного представить нашу жизнь»⁹⁸. В 1927 г. в связи с ухудшением материального положения Г.В. Вернадский, по рекомендации своих друзей Ф.А. Голдера и М.И. Ростовцева, с большими трудностями, сопровождавшими переезд, перебирается в США в качестве профессора по истории России Йельского университета. Они поселились в Нью-Хейвене, штат Коннектикут, где в первое время ему с женой приходилось ютиться в

⁹⁸ Дневники. Запись 20 августа 1921 г. // BAR, Vernadsky Papers, Box 103.

квартире М.И. Ростовцева, и сосредотачивается исключительно на науке, с удовольствием отдалившись от шумных политических процессов, сопровождавших его все предыдущее время. Дискомфорт, который поначалу испытывал Г.В. Вернадский, оказавшись в непривычной среде, в том числе и из-за невладения английским языком, по причине которого он не мог читать лекции студентам, очень скоро сменился желанием работать и, наконец-таки, реализовать весь свой творческий потенциал. Уже там, в Соединенных Штатах, в 1929 г., к концу первого года работы в университете, Г.В. Вернадский пишет учебник по русской истории на английском языке под названием «*History of Russia*» для студентов американских университетов. Особую значимость этой работе придавало предисловие, которое написал к ней М.И. Ростовцев: «Большинство видных русских учёных не обращает внимания на выдающийся факт в истории России, – с географической и культурной точки зрения Россия, тесно связанная с Центральной Европой, в ещё большей степени связана со значительной частью Азии, и её своеобразным культурным развитием. Мы не должны забывать, что на протяжении веков своей ранней истории Россия оставалась составной частью обширных и могущественных азиатско-иранских и монгольских империй, и что Россия возникла как одно из европейских государств после долгого и тесного сожительства с монгольскими племенами и после долгой и трудной борьбы с ними, и что Россия до сих пор территориально занимает значительную часть Азии. Без сомнения, Россия преуспела в частичном поглощении и частичной европеизации многих азиатских племен. Однако возникает вопрос: как велик вклад этих племен в особенности развития самой России?»⁹⁹. Задаваясь этим вопросом М.И. Ростовцев обозначал масштаб и значимость затрагиваемой автором темы.

Впоследствии эта книга не только дорабатывалась, но и выдержала множество переизданий на иностранных языках. Последний раз учебник,

⁹⁹ Vernadsky G. Op. cit. Preface by M.I. Rostovtzeff. P. X-XI.

вышел в 1969 г., который хронологически охватывает период, начиная с Древней Руси до конца 60-х годов XX в. В том же 1969 г. эта книга впервые вышла на русском языке, а затем в 2001 г. была переиздана вновь.

На протяжении первых трех десятилетий эмиграции научная деятельность Георгия Владимировича была весьма успешной и продуктивной. Уже к концу 50-х годов Г.В. Вернадский был признан американским историческим сообществом выдающимся учёным, его авторитет в вопросах, связанных с древней и средневековой историей России, не подлежал сомнению и был непререкаем. Будучи крупным специалистом по истории России, он систематически читал лекции в Гарвардском, Колумбийском, Чикагском университетах. В 1958 г. Колумбийский университет присудил ему звание почётного доктора гуманитарных наук.

Евразийство как идея, как основа, в которой надо искать начало славянства, давно привлекало Г.В. Вернадского. Он, как всякий русский интеллигент, был обеспокоен судьбой России, той ролью в мировой системе цивилизационных ценностей, которую ей отвело Провидение. Ещё в пражский период эмиграции Г.В. Вернадский сблизился с лидерами евразийства, такими как П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой и Л.П. Карсавин, и стал видным представителем этого общественно-научного направления. Евразийство как одно из направлений русской исторической мысли в те годы акцентировало внимание своих последователей на разностороннем своеобразии России, вытекающем из её географического расположения сразу на двух континентах – Европейском и Азиатском. «Россия–Евразия признавалась ими как особый географический, этнический и культурно-исторический мир. Отсюда логически вытекало утверждение «самостоятельной ценности русской национальной стихии» [Культура и время, 2012: 61].

Воодушевлённый идеями евразийства, Г.В. Вернадский упрочил её философские разработки конкретными историческими исследованиями.

Согласно его концепции, Россия является великой евразийской державой, которая представляет собой самостоятельную цивилизацию. «Под названием Евразии здесь имеется в виду не совокупность Европы и Азии, а именно Срединный материк как особый географический и исторический мир. Этот мир должен быть отделяем как от Европы, так и от Азии» [Вернадский, 2012: 7]. Евразийство, прежде всего, было направлено против однобокой ориентации России на Запад, явно недооценивавший её самобытность и роль. Основной посыл, который евразийцы декларировали миру, звучал следующим образом: Россия не принадлежит ни к Востоку, ни к Западу.

Одну из первых своих статей «Соединение церквей» Г.В. Вернадский опубликовал в 1923 г. в евразийском сборнике «Россия и латинство». Он приступил к разработке исторической концепции евразийства и как историк. В этом направлении наиболее крупной и серьёзной работой Георгия Владимировича является книга «Начертание русской истории», вышедшая на русском языке в Праге в 1927 г. Она была рекомендована в качестве учебного пособия для студентов вузов, обучающихся по историческим специальностям. В этом сжатом очерке истории России, написанном с позиции евразийства, автор обращает преимущественное внимание на роль географической среды, в которой расположена Россия, на всю историю формирования империи и политику России в Восточном вопросе. Книга была рассчитана на широкую аудиторию интересантов и позже, уже в 2000 г., была переиздана в Москве. Идеи «особого русского пути» отразились и в исследованиях другого известного русского историка Л.Н. Гумилёва, однако и они не способствовали тогда становлению евразийства как основополагающей идеи русского мира. Уже в 90-е годы XX в. в связи с изменением геополитической ситуации в мире, идеи евразийства в России получили новый импульс.

Тридцатые годы двадцатого столетия считаются всплеском творческой активности учёного. Из трудов, созданных Г.В. Вернадским в это время, следует отметить вышедшую в 1933 г. в Лондоне книгу на английском языке,

которая называлась «Ленин. Красный диктатор», написанную по просьбе своего друга директора Гуверовского института Фрэнка Альфреда Голдера, американского историка, бизнесмена, куратора и собирателя знаменитой Гуверовской коллекции, человека, сыгравшего важную роль в его судьбе. Следующие его монографии тех лет «Русская революция. 1917–32» и «Политическая и дипломатическая история России» также были изданы на английском языке. На русском языке учёный издаёт книги «Опыт истории Евразии с VI в. до настоящего времени» (1934) и «Звенья русской культуры» (1938). В последних двух монографиях Г.В. Вернадский развивает идею взаимодействия природных и социальных факторов в русской истории.

Венцом же научной деятельности Г.В. Вернадского стала его многотомная история России. И здесь интересна предыстория написания этого труда, на которой хотелось бы остановиться чуть подробнее. В 30-е годы XX в. Г.В. Вернадский вместе со своим другом, секретарем посла России в США Б.А. Бахметева, профессором Гарвардского университета и главным редактором «Нового журнала» М.М. Карповичем решили осуществить грандиозный научный проект – написание истории России в десяти томах. Г.В. Вернадский был знаком с М.М. Карповичем ещё со времён учёбы в Московском университете, который тот закончил несколько позднее Г.В. Вернадского, в 1914 г., затем, по предложению Б.А. Бахметева, эмигрировал в США и впоследствии оказал очень большое влияние на судьбу Георгия Владимировича.

По замыслу авторов, они задались целью «систематически представить общий ход русской истории» с широким «использованием вновь собранного материала, так же, как и результатов специальных научных исследований» [Чиби́ров, 2015: 97]. Из задуманных десяти книг первые шесть, освещавшие ранние периоды истории России, должен был написать Г.В. Вернадский, а последующие четыре тома – М.М. Карпович. Однако, из-за скоростной кончины последнего в 1959 г., свет увидели лишь первые пять томов задуманного проекта, написанные Г.В. Вернадским. Первый том под

названием «Древняя Русь» увидел свет в 1943 г. Этот объёмный труд охватывал историю народов, населявших Евразию, с древнейших времён до образования Киевской Руси. Автор опирался, прежде всего, на знание первоисточников, а также литературы, изданной не только на европейских, но и на восточных языках. Выход этой книги стал важным, переломным моментом во всей научной деятельности Георгия Владимировича. С момента издания первого тома и до конца жизни он с невероятным рвением и упорством трудился над изданием последующих томов. Второй том – «Киевская Русь» – увидел свет в 1948 г., третий – «Монголы и Русь» – в 1953 г., четвертый – «Россия на пороге нового времени» – в 1958 г. и пятый, заключительный том – «Московское царство» – был опубликован в 1968 г.

Выход в свет многотомника вызвал широкий научный и общественный резонанс, как в США, так и в СССР. Примечательно, что первый том «Истории» вышел в 1943 г., то есть в то время, когда СССР и США были союзниками в войне против гитлеровской Германии. Интерес американской общественности к СССР как к союзнику в те годы способствовал успеху книги. И всё же вполне естественно, что в Советском Союзе не могли не отреагировать на основные постулаты автора, и реакции эти были предсказуемо критической. Так, автор рецензии на книгу «Древняя Русь», вышедшей в журнале «Вопросы истории» за 1946 г., профессор С. Толстов, после общего обзора монографии и критики основных положений, заключает: «Книга Г. Вернадского глубоко чужда самому духу советской исторической науки, для которой характерно соединение строгой, придирчивой критики источника с последовательным стремлением раскрыть внутреннюю, закономерную связь явлений, осветить исторический процесс не как безразличное, механическое нагромождение событий, развивающихся на качественно-неизменяемой социальной основе, а как действительное, прогрессивное развитие самого общества, переживающего смену глубоких качественных трансформаций, базирующихся на развитии материальной

основы общества – его производительных сил и обусловленных ими социальных отношений» [Толстов, 1946: 123].

В то же время ученик Г.В. Вернадского Н. Андреев называет автора «крупнейшим знатоком вопроса», который «дал грандиознейшую и увлекательнейшую по схеме, по подробностям и общей манере изложения картину истории евразийского мира, столь судьбоносно включающего в себя русское месторазвитие» [Андреев, 1954: 34]. Об исключительных заслугах Г.В. Вернадского в создании этого уникального проекта довольно ёмко сказал профессор Б. Николаев: «Грандиозность идеи заключалась в том, что Г.В. Вернадский впервые в зарубежной литературе, в одиночку, решился проанализировать и синтезировать результаты исследований советских историков того времени. В самом Союзе ССР в этот период аналогов подобному проекту не существовало, а «История СССР с древнейших времен...», над которым работал весь цвет советской исторической науки, появился гораздо позже и в незавершенном виде» [Николаев, 2000а: 12].

Пятитомник Г.В. Вернадского является квинтэссенцией его исторической концепции, идеи взаимодействия природы и общества как главного содержания всемирно-исторического процесса. Мы не будем затрагивать все пять томов издания, хотя к интересующему нас вопросу, помимо первой книги, Г.В. Вернадский возвращается и в двух последующих томах («Киевская Русь» и «Монголы и Русь»). В контексте озвученной темы нас особенно заинтересовали первые два тома его труда: «Древняя Русь» и «Киевская Русь».

Судьба наградила Г.В. Вернадского долгой и плодотворной жизнью. Работы Георгия Владимировича оказали непосредственное влияние на многих учёных, в том числе и на философию Л.Н. Гумилёва. Великий русский учёный скончался 12 июня 1973 г. в возрасте 86 лет в г. Нью-Хейвен, штат Коннектикут, США.

3.2. Киммерийцы и скифы. Происхождение и раса

В работах Г.В. Вернадского довольно широко представлены сведения об ираноязычных скифо-сармато-аланах, их взаимоотношениях с другими, преимущественно славянскими, народами. Первым среди тех народов, которые смогли организовать в некие политические союзы на юге России, были киммерийцы (1000–700 гг. до н.э.). За ними Г.В. Вернадский называет скифов (700–200 гг. до н.э.), сарматов (200 г. до н.э. – 200 г. н.э.). Затем последовали готы (200–370 гг.), которых сменили гунны (370–454 гг.) [Вернадский, 2000: 69]. В этом перечне по непонятным причинам отсутствуют аланы, которые в творческом наследии учёного занимают особое положение. Хронологически время их присутствия на политической арене приходится на рубеж от I в. до н.э. – I в. н.э. вплоть до разгрома Кавказской Алании татаро-монголами в XIII–XIV вв.

Во всех пяти книгах «Истории России» вереницей проходят описания десятков племён, принадлежавших разным языковым семействам и группам языков: индоевропейской, тюркской (алтайской), угро-финской и др. Однако, исходя из заглавия представляемого труда, нас, прежде всего, интересуют этногенетические и непосредственные предки осетин – скифы, сарматы и аланы, их особое место в научном наследии учёного.

Работы Вернадского изобилуют материалами, посвящёнными ираноязычным скифам, сарматам, аланам, их взаимоотношениям с другими, в том числе соседними, народами. Вместе с тем вне внимания автора книги не остались и другие иранские племена, а также народы, с которыми соприкасались отдалённые предки осетин.

3.2.1. Киммерийцы

В исторических источниках, и прежде всего в ассирийской клинописи, с киммерийцами связывается ряд набегов на Малую и Переднюю Азию. В

660 г. лидийский царь Гигес с помощью Ассирии отразил их нашествие, но затем при вторичном нападении киммерийцев в 650 г. был разбит и пал в сражении с ними [История ... ,1939: 170]. Первое вторжение киммерийцев в Азию относят еще ко временам Гомера, когда они в составе войск мифических скифских царей Плинуса и Сколопита¹⁰⁰ разрушили Фригийское царство, последний царь которого Мидас, сын Гордия, чтобы не попасть к ним в плен, отравился бычьей кровью [История ... ,1939: 217].

Греческие колонисты, активно начавшие осваивать побережье Северного Причерноморья, уже не застали киммерийцев, вытесненных из своих мест скифами [Багалеи, 1914: 82]. Геродот сообщает о них в своей IV книге, подробно рассказывая о Северном Причерноморье и сопредельных с ним областях. Описание это представляет интерес и потому, что, помимо имевшихся в его распоряжении письменных источников (в основном несохранившийся труд автора VI в. до н.э. Гекатея Милетского «Землеописание»), Геродот, при написании главы «Истории» под названием «Мельпомена», опирался на сведения, собранные им лично во время своего пребывания в главной на то время греческой колонии в северном Причерноморье – Ольвии. По его словам, «страна, ныне населенная скифами, как говорят, издревле принадлежала киммерийцам» [Геродот, 1972: 190]. Геродот также приводит ряд топонимических данных, которые напрямую связаны с киммерийцами: Боспор Киммерийский (Керченский пролив), Киммерийская область (вполне возможно речь идет о северо-восточной части Керченского полуострова) и такие топонимические обозначения, как селение Киммерик, Киммерийские укрепления, Киммерийские переправы и т.д. «Создаётся впечатление, что местопребывание киммерийцев в Северном Причерноморье было сосредоточено в пределах Керченского и Таманского

¹⁰⁰ Плин и Сколопит - скифские князья (цари), которые в ответ на натиск войск Нина более 40 в. назад вывели новые войска Великой Скифии в Южное Причерноморье (начиная с округи будущей Синопы, берегов реки Термодонта). Помпей и Трог и Юстин в I - III вв. н.э. рассказывали об этом так: «Азия платила им (скифам) дань в течение 1500 лет (до 2054 г. до н.э.); конец уплате дани положил ассирийский царь Нин... В это время двое скифских юношей из царского рода, Плин и Сколопит, изгнанные из отечества происками вельмож, увлекли за собой множество молодежи, поселились на каппадокийском берегу у реки Термодонта и заняли соседнюю (равнину)...». (ВДИ. 1949. N 1. С.251).

полуострова. Но как далеко оно шло на запад или на восток, сказать трудно. Если верить в данном случае Геродоту, то около устьев Днестра ему показывали могилы будто бы киммерийских царей. Однако весь рассказ, сопровождающий это указание, носит ярко выраженный характер новеллы и заслуживает доверия лишь в той мере, в какой свидетельствует о появлении киммерийцев на Днестре под натиском скифов» [История ... ,1939: 216]. И видимо не без веского на то основания один из исследователей окрестил киммерийцев «отцами скифов», так как слишком много топонимов и гидронимов на территории их проживания объясняются с языка североиранских племён [Бзаев, 1995: 37].

В то же время античная традиция представляла киммерийцев мифическим народом, который жил на Крайнем Западе у мировой реки – Океан, куда никогда не проникают лучи солнца-Гелиоса. Согласно мифологическим представлениям эллинов, народ этот жил у входа в подземное царство, и связан с царством мертвых, с входом в Аид. Гомер, описывая в своей «Одиссее» эпизод со спуском в Аид Одиссея для встречи с прорицателем Тиресием, представлял это место следующим образом:

*«Судно дошло до пределов глубокой реки Океана;
Там находится город народа мужей киммерийских,
Вечно покрытый туманом и тучами: яркое солнце
Там никогда не блеснет ни лучами своими, ни светом,
Путь ли когда от земли совершает по звездному небу,
С неба ль на землю обратно когда возвращается снова:
Тьма простирается там над жалкими смертными вечно»*

[Гомер, 1948: 150].

Страбон называет киммерийцев также *трерами*.¹⁰¹ Согласно ему, они обитали на «тёмном Боспоре» и не неоднократно вторгались на правую, то

¹⁰¹ Страбон, путает киммерийцев с другим народом, *трерами*, с которыми согласно ему, они совершали свои грабительские набеги. Треры были одним из многочисленных фракийских племен. Случилось так, что

есть азиатскую часть Понта Эвксинского, и воевали с Каппадокией, Пафлагонией¹⁰² и Фригией; они переправлялись через реку Галис¹⁰³ и доходили до ионийских городов. Со слов Каллисфена Страбон сообщает о том, что главный город Лидии Сарды был взят дважды – один раз *киммерийцами*, а другой – *трерами*. Во главе киммерийцев стоял Лигдамис¹⁰⁴, погибший в Киликии¹⁰⁵, а трерами предводительствовал Кобас, вытесненный вождем скифов Мадием. Взятие Сард¹⁰⁶ киммерийцами, по свидетельству Геродота, относится ко времени лидийского царя Ардиса II (678-629 гг. до н.э.), т.е. тому времени, когда скифами предводительствовал Мадий, из чего следует, что киммерийцы Геродота во главе с вождем Кобасом, возможно, соответствовали трерам Страбона. Очевидно, что подвиги Лигдамиса и его киммерийцев надо относить к более раннему времени, когда киммерийцы вели войну с отцом Ардиса Гигесом. «Таким образом, киммерийцы, господствовавшие в Малой Азии во время появления скифов в Передней Азии, могут быть определены как *треры*, которых Страбон называет то киммерийцами, то фракийским народом. Принимая во внимание, что Фракией называлась страна вдоль западного берега Черного моря, где треров знает ещё Фукидид, нетрудно заключить, что набеги киммерийцев происходили не только через Кавказ, но и с запада, через

редкая трехсловная форма их названия (*Τριήρες*) сохранилась в цитате из ионийского поэта VII в. до н.э. Каллина, приведенной византийским лексикографом. [В. Паркер. О чем умалчивает Геродот. Заметки о передаче сведений о киммерийцах у греческих авторов помимо Геродота. «Вестник древней истории». 1998 г. № 4. С. 93-102].

¹⁰² Пафлагония (др.-греч. *Παφλαγονία*, лат. *Paphlagonia*) - исторический район на севере Малой Азии, которая в этом месте сильнее всего выступает в Чёрное море.

¹⁰³ Кызылырмак- тур. *Kızılırmak*, букв. «красная река»; античное название - Галис, др.-греч. *Ἄλυσ* - самая длинная река Малой Азии, на севере Турции.

¹⁰⁴ Страбон называет предводителя киммерийцев Лигдамисом. Из синхронных ассирийских документов нам известно, что вождь киммерийцев носил имя Дугдамме. – [В. Паркер. О чем умалчивает Геродот. Заметки о передаче сведений о киммерийцах у греческих авторов помимо Геродота. «Вестник древней истории». 1998 г. № 4. С. 93-102].

¹⁰⁵ Согласно Страбону, Лигдамис был убит в Киликии. Опять-таки из ассирийского текста мы узнаем, что Дугдамм потерпел какую-то неудачу в Юго-Восточной Анатолии, где и умер. Станным образом о Дугдамме здесь говорится как о правителе саков (т.е. скифов) и гутиев (букв.: население горных районов к северо-востоку от Месопотамии, но в этот период слово, возможно, обозначало просто «варвары»). - [В. Паркер. О чем умалчивает Геродот. Заметки о передаче сведений о киммерийцах у греческих авторов помимо Геродота. «Вестник древней истории». 1998 г. № 4. С. 93-102].

¹⁰⁶ Разграбление киммерийцами Сард послужило сюжетом для поэмы Каллина (VII в. до н.э.) [В. Паркер. О чем умалчивает Геродот. Заметки о передаче сведений о киммерийцах у греческих авторов помимо Геродота. «Вестник древней истории». 1998 г. № 4. С. 93-102].

Геллеспонт, как о том совершенно определенно говорит и Страбон. Можно думать, что собственное имя киммерийцев в качестве нарицательного охватывало всё варварское население Причерноморья также, как позже всё это многочисленное население стало называться терминами «скифы» и «сарматы» [История ... , 1939: 217]. Однако, более поздние исследования все же склонны различать киммерийцев и треров¹⁰⁷.

Интерес к этногенезу и истории этого во многом загадочного народа не угасает до сих пор и по-прежнему вызывает среди учёных многочисленные споры и разногласия. Наряду с другими учёными своего времени, Г.В. Вернадский также считал вопрос этногенеза киммерийцев весьма спорным. С тех пор прошло немало времени, и, хотя впоследствии историческая наука пополнилась рядом основательных работ, в том числе и специальными монографиями (И.М. Дьяконов, А.И. Тереножкин, А.И. Иванчик и др.), в вопросе генезиса и дальнейшей истории этого индоевропейского народа остается ещё много белых пятен. К примеру, А. Башмаков считает киммерийцев схожими с народом северокавказского ареала – черкесами [Baschmakoff, 1937: 140]. Некоторыми учёными было высказано мнение и о семитских корнях киммерийцев. Г.В. Вернадский в этом вопросе придерживался точки зрения М.И. Ростовцева, относящего киммерийцев к народам индоевропейской семьи и приписывающего им фракийское происхождение. Свое мнение Г.В. Вернадский подкрепляет конкретным историческим примером, согласно которому некоторые боснийские цари носили фракийские имена [Вернадский, 1996: 61, 87]. Большинство учёных, таких, как Христо Данов (Древна Тракия: София, 1968), Т.Д. Златковская (Возникновение государства у фракийцев (VII—V вв. до н.э., М. 1971)) и т.д., считает фракийцев родственными скифам и по языку, и по культуре. Г.В. Вернадский, подразумевая лингвистическую принадлежность фракийцев к индоевропейской семье, идёт ещё дальше,

¹⁰⁷ См. В. Паркер. О чем умалчивает Геродот. Заметки о передаче сведений о киммерийцах у греческих авторов помимо Геродота. «Вестник древней истории». 1998 г. № 4. С. 93-102

заявляя, что киммерийцы могут сами рассматриваться как арийцы [Вернадский, 1996: 70].

Тем не менее, многие ученые связывают киммерийцев со скифами не через фракийцев, а напрямую, подчеркивая их непосредственное родство. Так, наиболее глубокое и основательное исследование истории киммерийцев было сделано известным советским учёным И.М. Дьяконовым. Хроники сохранили нам всего три киммерийских имени в ассирийской транскрипции. Это *Te-uš-ra*, *Dug-dam-me*, *Šandakšatru*, а также собственное название самого народа. Одни учёные разглядели в этих именах лувийские черты, другие композитно-иранолувийские, а третьи – иранские. В своём исследовании И.М. Дьяконов с некоторой осторожностью отдаёт предпочтение последней – иранской версии. Свое мнение он при этом подкрепляет ссылкой на поздневавилонский текст, в котором киммерийцы используются для обозначения скифов и саков [Дьяконов, 1994: 159]. К такому же выводу пришёл и другой учёный, академик РАН А.И. Иванчик. В его фундаментальной монографии под названием «Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н.э.» дан подробный и глубокий анализ вопросов, касающихся как этногенеза, так и истории этого загадочного народа. А.И. Иванчику удалось обнаружить в надписях Ахеменидов¹⁰⁸ древнеперсидское название «*Saka*», соответствующее аккадскому *Gimirraia*. Анализ надписей на этих древних памятниках свидетельствует о культурной близости киммерийцев и саков-скифов, «представлявших, очевидно, один и тот же ... культурный и военный тип». Это обстоятельство позволило учёному сделать вывод: «Культурная близость двух народов может косвенно свидетельствовать в пользу того, что киммерийцы были иранцами, как и скифы» [Иванчик, 1996: 160]. К этому

¹⁰⁸ Ахемениды (греч. *Ἀχαιμενίδαι*) - династия царей Древней Персии (705(?)–330 до н. э.). В вавилонских источниках (манифест Кира, хроника о падении Вавилона) освещены события царствования Кира II. Древнейшими первоисточниками считаются надписи Кира около Пасаргад. Самой объёмной и ценной является надпись царя Дария - Бехистунская надпись. На стенах дворцов в Персеполе, в Сузах, около озера Ван, около Суэца в Египте, в Накше-Рустаме на скальной гробнице Дария I имеются и другие надписи. Обычно надписи Ахеменидов составлялись на трёх языках: древнеперсидском, эламском и вавилонском.

выводу учёный приходит и на основании анализа названия «киммерийцы» на кавказских языках, считая иранскую принадлежность киммерийцев наиболее вероятной [Иванчик, 1996: 163]. Касаясь термина «киммерийцы», В.И. Абаев обратил внимание на грузинский термин *gmiri* (герой, великан) и осет. *tgwymiri* – грубая сила, великан, силач. «Семантическая связь этих слов с этнонимом не очевидна и нуждается в особом рассмотрении. Однако все же, по-видимому, само грузинское слово и восходящие к нему осетинские слова происходят от этнонима киммерийцы, даже если от реальных киммерийцев здесь не сохранилось ничего кроме названия», – отмечает учёный [Абаев, 1958: 157]. В пользу иранизма киммерийцев существуют и другие научные доказательства [История, 1987; Кузнецов, 1967: 66].

Политическую историю киммерийцев Г.В. Вернадский рассказывает лишь штрихами, не особо вдаваясь в подробности. Согласно ему, киммерийцы – это племена переходного периода от бронзового века к железному (1000–700 гг. до н.э.). Они контролировали северокавказские и южнороссийские степи, являлись предшественниками скифов на Северном Причерноморье. Учёный сообщает известные ему сведения, касающиеся истории этого народа. Вслед за Гомером и М.И. Ростовцевым, Г.В. Вернадский описывает, как киммерийцы покинули родные места под воздействием вторгшихся с востока скифов, а также пишет об их пребывании в Малой Азии.

В период своего наиболее сильного могущества киммерийцы контролировали всё северное побережье Черного моря от Днестра до Керченского пролива. Как было отмечено Г.В. Вернадским, «в середине VIII в. до н.э. основные территории, находившиеся под их владычеством, были в Крымском, Азовском и Кубанском регионах. Отсюда киммерийцы проникли в Закавказье и к середине столетия атаковали царство Ван (Урарту). Позднее они заключили союз с народами Урарту против Ассирии» [Вернадский, 2000: 70]. Далее учёный говорит о союзе ассирийского царя Ассаргадона со скифами против киммерийцев и описывает столкновение

киммерийцев со скифами, вторгшимися с востока в их земли. В этом вторжении скифов поддержали ассирийцы, киммерийцы же не смогли достичь единства, более того, разделившись на две части, они ещё более ослабили себя. В итоге одна часть их осела в Крыму и на Северном Кавказе и растворилась среди местных племён синдов, другая же отошла на запад, где в районе Днестра была разбита скифами [Вернадский, 2000: 71]. Окончательно же сопротивление киммерийцев было сломлено в начале VII в. до н.э., что дало возможность скифам создать своё политическое объединение и установить господство на огромной территории от Волги до Дуная.

Связь с киммерийцами прослеживается также в названиях множества топонимов и гидронимов на Северном Кавказе. Некоторые из них находятся, в том числе, и в Северной Осетии, в частности гора Джимара (Джимарай-хох, или Гимарай-хох, осет. Джимарайы хох) [Абаев, 1965: 125], а также топоним Гуymiрийы фаетаен (просторы Гуymiри) [Цагаева, 1971: 181]. В осетинской Нартиаде нарты сражаются с *гумирами* – чудовищными семиглавыми великанами, грубыми и сильными идолами, которые обитают в пещерах и неприступных крепостях.

3.2.2. Скифы

По вопросу о первоначальной родине скифов в науке сформировались два основных направления. Сторонники первого направления (В.И. Абаев, И.М. и В.А. Дьяконовы, В.А. Лившиц, Э.А. Грантовский, Г.М. Бонгард-Левин, А. Мейе, В. Бранденштейн и др.) считают, что предки индоевропейских народов в VI-III тысячелетии до н.э. жили на юго-востоке Европы. Во II-I тысячелетии до н.э. они разделились на арийские племена, которые двинулись в восточном направлении, и иранские номады, мигрировавшие на юго-восток. В I тыс. до н.э. скифы, представляющие

иранскую ветвь индоариев, вернулась на Запад¹⁰⁹. Наиболее уверенно восточно-европейскую локализацию прародины ариев отстаивал В.И. Абаев [Абаев, 1972: 30-36]. Однако немалым было и количество учёных [А.П. Смирнов, 1966: 41-47; С.В. Киселев, 1948: 136; А.И. Тереножкин, 1961: 186, 198, 200, 201; Н.Л. Членова, 1962: 167], которые придерживались восточного происхождения скифов. Сторонником этой теории был и Г.В. Вернадский. Он считал первоначальной родиной скифов Сибирь и Северный Туркестан, хронологически возводя этот период к эпохам меди и бронзы, а если быть точнее, то ко времени расцвета минусинской археологической культуры, которую учёный подробно представляет. Г.В. Вернадский не только констатирует приход скифов из Азии (I тыс. до н.э.), но и вскрывает причины того, что заставило их сдвинуться с места. Он считает, что скифы из Туркестана и Казахстана двинулись на запад по договоренности с ассирийским царём Ассаргадоном, с целью помочь ему в борьбе с киммерийцами, вторгшимися в Закавказье и угрожавшими территории Ассирии. Вторым аргументом для ученого в пользу этой версии послужил Геродот, который писал, что массагеты вытеснили скифов военной силой [Геродот, IV: II]. Наконец, Г.В. Вернадский допускает, что скифская миграция на запад может рассматриваться и как эпизод в рамках общего движения кочевников на запад [Вернадский, 1996: 71].

Причин для миграций кочевников было множество. Это могли быть и климатические изменения вроде засухи, и политические и военные факторы, и поиски более уязвимых государств, как возможных объектов для набегов. Вполне возможно, что этому могли способствовать также и определённые структурные изменения внутри племени, вроде установления политической диктатуры и др. В данном случае срабатывал принцип «домино». Одни племена вынуждали мигрировать другие, те в свою очередь оказывали воздействие на третьи и так далее.

¹⁰⁹ Геродот, рассказывая в Мельпомене «третье сказание» о происхождении скифов, которому он «сам больше всего доверяет», невольно подтверждает эту версию [Геродот, 1993: 190].

Согласно учёному, непосредственно на Запад скифы пришли из Казахстана, о чём свидетельствуют археологические исследования города Хорезма. При этом Г.В. Вернадскому удалось установить преемственность культурного развития скифского мира на обширной территории [Вернадский, 1996: 63]. Помимо определения дальней прародины скифов вопросы у учёных вызывали их этногенез и расовая принадлежность. Немецкий востоковед К.Ф. Нейман считал скифов монголами, а группа русских учёных, таких как В.В. Григорьев, И.Е. Забелин, Е.П. Савельев, Д.И. Иловайский, доказывали их родство со славянами [Minnz, 1913: 35]. В целом же, по вопросу происхождения скифов, превалирует мнение, согласно которому они являются иранцами и по языку, и по культуре. Первыми об этом высказались Шпигель, Эд. Мейерс, К. Мюленхоф, В. Томашек, В.Ф. Миллер, М.И. Ростовцев. Сегодня разделяющих мнение означенных выше учёных – множество. Это и А.П. Смирнов, К.Ф. Смирнов, А.И. Тереножкин, Н.Л. Членова, Д.С. Раевский и др. Г.В. Вернадский в этом вопросе склонен был признать иранское происхождение скифов. Учёный допускал возможность считать правящую верхушку скифов иранцами, а вот следующие за ними слои населения – выходцами из монголов [Вернадский, 1996: 71]. Он солидарен с Геродотом и другими античными авторами, которые считали, что имена скифских царей имеют иранское происхождение. «Следует принять также во внимание, писал он, что персы называли скифов «саками». Более точно, саки представляли собою ветвь скифов, которая осталась в Туркестане ... А туркестанские саки были без сомнения иранцами» [Вернадский, 1996: 72].

Э.А. Грантовский рассматривал три рода скифов, произошедших от трех сыновей легендарного прародителя скифов Таргитао, сына Зевса и безымянной дочери речного божества Борисфена, как три сословно-кастовые группы. Это *паралаты* суть воины и цари, *авхаты* – жрецы, и *катиары* и *трасии*, то есть земледельцы и скотоводы. Ж. Дюмезиль и Э. Бенвенист установили, что символика перечисленных в легенде священных предметов

отражает традиционное для индоиранских народов трехчастное социальное членение, причем плуг с ярмом являются символом общинников (земледельцев и скотоводов), секира – военной аристократии, а чаша – жречества. По мнению Э.А. Грантовского имя *паралаты* произошло от иран. **paradāta* – «поставленный во главе, по закону назначенный» или авест. *paradāta* – почетный титул владыки, букв. «поставленный впереди, во главе» [Грантовский, 1960]. Согласно Геродоту, скифы Великой Скифии делились на царских скифов, обитавших в степях между Днепром и Доном, скифов-кочевников, которые заняли правобережье нижнего Днепра и степной Крым, и скифов-земледельцев, занявших территории между реками Ингул и Днепр. В районе Южного Буга близ города Ольвия, наряду с каллипидами, или эллино-скифами, и алазонами находились уже скифы-пахари. «К востоку от скифов-земледельцев располагаются земли скифов-кочевников, а ещё далее, за р. Герр, находятся владения царских скифов. Севернее их обитает нескифское племя меланхленов, а если перейти р. Танаис, то есть, по понятиям древних, в Азию, то мы окажемся в землях савроматов, будинов, тиссагетов и иирков», – отмечал Ю.Г. Виноградов [История Европы, 1988: 215]. Каждая из этих групп имела своего царя. Территории, которые занимали эти группы, в свою очередь, состояли из округов-номов. Доминирующую роль в Великой Скифии играли царские скифы. Хотя каждая территория имела своего собственного царя, само название этой группы (царские скифы) свидетельствует о том, что их царь был общескифским, и ему подчинялись два других царя [Чибиров, 2016: 74].

Из трёх основных групп скифов наиболее острые споры среди учёных вызывало происхождение скифов-пахарей. Г.В. Вернадский довольно подробно описывает их этническую принадлежность и быт, а также ареал их бытования (среднее течение Днепра: район Киева, Харькова и Полтавы). Известный русский и советский археолог А.А. Спицын сомневался в этнической принадлежности скифов-пахарей к собственно скифам и утверждал, что скифы сами не пахали землю, а только контролировали

соседних крестьян и собирали с них в качестве налога зерно [Спицын, 1918: 67]. Г.В. Вернадский не разделял точку зрения А.А. Спицына, однако и его собственная версия не слишком расходилась с точкой зрения оппонента. К примеру, Георгий Владимирович считал, что скифы-пахари были племенем всадников, которые контролировали соседнее земледельческое население. Эти всадники могли быть завоевателями, пришедшими со стороны, но их также можно рассматривать как группу местных сквайров, принявших скифский стиль и привычки жизни. Учёному кажется вероятным, что «либо скифы-землепашцы, либо контролируемые ими крестьяне или же оба слоя принадлежали к протославянской этнической группе» [Вернадский, 2000а: 83]. Согласно ему же, «в то время как большинство скифов были скотоводами и кочевниками, местные племена под их контролем занимались в основном земледелием» [Вернадский, 2000а: 73].

Эти рассуждения уважаемого учёного недостаточно аргументированы, хотя и имеют право на существование. Да и сам Георгий Владимирович в другой своей работе подчёркивал их гипотетический характер. Крылатое выражение М.И. Ростовцева, писавшего, что «скифы учились земледелию у Европы» имеет глубокий смысл и довольно обосновано с научной точки зрения. Вряд ли страна, которая полностью обеспечивала себя хлебом и при этом снабжала им всю Грецию, могла ограничиться трудом оставшихся на её западных окраинах подчинённых племён. Это во-первых. Во-вторых, и это главное, имеются все основания утверждать, что земледелием на новой территории интенсивно стали заниматься и сами этнические скифы. Избрав своей житницей западные районы Великой Скифии по соседству с европейскими земледельческими племенами: германскими, славянскими, балтийскими, скифы охотно учились у них земледелию, до этого им чуждому занятию. Убедительным доказательством этому служат исследования В.И. Абаева. Отмечая, что вся скотоводческая терминология в осетинском языке восходит к древнейшему иранскому пласту, учёный противопоставляет ей земледельческую, которая сплошь заимствована из европейских

(балтийского, славянского, германского, новогреческого) языков. Привожу краткий перечень этой терминологии в качестве примера: *дзывыр* (соха), *ахсырф* (серп), *афсир* (колос), *афсондз* (ярмо), *табынг* (стержень), *хуым* (пашня), *адаг* (борона), *тыллаг* (урожай), *хор* (ячмень) *сысджы* (овёс), *цаваг* (коса), *хуымæллаг* (хмель) [Абаев, 1995: 415, 416]. Возникает вопрос: как эти термины могли попасть в осетинскую среду? Через чьё посредство это могло случиться? Исключается, чтобы это произошло посредством протославян и европейских земледельческих племён. «Все эти термины могли проникнуть в осетинский язык через скифское посредство в результате длительного их соседства с народами Европы и того культурного влияния, которые они оказали на быт и культуру скифов» [Чиби́ров, 2008: 508 и сл.]. Этнографу Л.А. Чиби́рову удалось подтвердить языковые заимствования В.И. Абаева целым рядом параллелей из области обычаев и обрядов. Согласно ему же, «последние (т.е. осетины. – А.Ч.) имели более тесные параллели с европейским миром, нежели с соответствующими традициями соседних кавказских народов» [Чиби́ров, 1976: 221 и сл.]. Вполне допустимо, что после захвата скифами западных территорий местное население не могло быть поголовно изгнано с насиженных земель. Скорее всего, оно осталось на месте, смешалось с пришельцами и передало им навыки земледельческого труда. Вряд ли за скифами закрепилось название «скифы-пахари», если бы сами скифы не занимались земледельческим трудом.

Что касается такого маркера, как антропологические черты, то с мнением американца Ньюмана о принадлежности скифов к монголоидной расе [Вернадский, 1996: 71] трудно согласиться. Недостаточно устойчива и позиция М.И. Ростовцева об антропологии скифов. Интерпретируя находку в кургане Солоха (с имитацией борьбы киммерийца и скифа), в чертах лица киммерийца учёный распознал арийца, в то время как черты лица скифа показались ему более схожи с алтайским типом [Вернадский, 1996: 71]. Л. Нидерле в своих «Славянских древностях» пишет следующее: «Изображения древних скифов, обнаруженные в понтийских находках, ...

дают немонгольские фигуры и лица. Таким образом, собственно скифы не были и монголами, но они, разумеется, не были и славянами, хотя такое мнение было когда-то весьма распространено в русской историографии и не исчезло и до сих пор» [Нидерле, 2013: 191]. Позиция таких русских учёных, как В.В. Григорьев, И.Е. Забелин и Д.И. Иловайский, считающих скифов предками славян, была озвучена выше.

В этом ряду абсолютно противоположных суждений особняком стоит мнение Г.В. Вернадского. Он старается убедить читателя, что по образу жизни скифы ближе всего стояли к тюркам-монголам. В антропологическом плане он разглядел в первых смешение расовых групп, по крайней мере, небольшое вкрапление турок и монголов [Вернадский, 2000: 24]. «Да, скифы мы, да, азиаты мы с раскосыми и жадными очами», – поэтический образ, созданный поэтом Александром Блоком в начале XX в., в эпоху всеобщего увлечения скифами, на фоне вновь и вновь открывающихся курганов, вполне соответствовал настроениям, бытовавшим в научном сообществе. Сюда же органично вписывалось описание скифов, приведенное Псевдо-Гиппократом, приведенное нами выше, однако эти настроения никак не соответствовали действительности, свидетельством чему стали антропологические исследования.

Подобным осторожным и двусмысленным, не всегда четко сформулированным позициям многих, в том числе и видных учёных, противоречат труды археологов и антропологов, на протяжении длительного времени занимавшихся изучением истории скифов. Археологические и антропологические материалы показали, что никаких раскосых глаз, так поэтически описанных А. Блоком, впрочем, как и других монголоидных черт, у скифов не было. В частности, в фундаментальной монографии известного археолога-скифолога В.И. Гуляева «Скифы: расцвет и падение великого царства» основательно доказана принадлежность скифов к европеоидной расе: «Скифы были людьми среднего роста и крепкого телосложения... По языку они принадлежали к североиранской группе

языков. Из ныне существующих народов ближе всех к ним по языку стоят осетины – потомки сарматов, ближайших родственников скифов» [Гуляев, 2005: 126]. До В.И. Гуляева эту точку зрения отстаивали К. Мюленхоф, В. Томашек и частично М.И. Ростовцев [Вернадский, 2000: 71]. Ещё больше аргументов в пользу европеоидных черт скифов привел известный археолог академик В.В. Седов. Доказывая близость антов (предков славян) к ираноязычным племенам юга России, В.В. Седов оперирует антропологическими материалами, согласно которым анты «принадлежали к мезо-долихокранному типу, который характеризуется средними размерами черепа, низким лбом и сравнительно узким лицом и не слишком широким носом». Учёный заключает: «К этому же антропологическому типу (т.е. европеоидам) относится и скифское население Северного Причерноморья» [Седов, 1978: 144]. У. Макговерн в своей работе «Древние империи Центральной Азии» отмечал следующее: «... немногочисленные скелетные останки, найденные при раскопках скифских и сарматских захоронений, в сочетании с чрезвычайно реалистичными изображениями представителей скифских и сарматских племен, обнаруженными на персидских наскальных надписях, и в особенности на золотых греческих вазах, найденных при раскопках на юге России, дают достаточно четкое представление о том, что большинство обеих групп составляли люди одной из разновидностей белой расы».

Особенно важно отметить выступающие прямые и орлиные носы, глубоко посаженные глаза и длинные бороды и усы, которые носили скифы и сарматы, изображенные на греческих вазах. Эти черты являются ярким доказательством того, что монголоидный элемент, который мы позже находим по всей Центральной Азии, если и существовал в ранний период, то был крайне незначителен» [Макговерн, 2021: 49-50]. Разумеется, игнорировать длительный период влияния татаро-монгольской среды на скифов не следует, но и утверждать, что по образу жизни скифы стояли ближе к татаро-монголам, нет веских оснований.

Порой в вопросах антропологической характеристики скифов Г.В. Вернадский противоречит самому себе. Выше уже было отмечено мнение учёного о преобладании у скифов монгольского типа лица. Однако в другой своей работе, говоря о расовых чертах саков, тех же скифов, он считает их иранским племенем, точно таким же, как и восточных скифов – предков некоторых сарматских племен. Саки и скифы являются иранцами, по сути одним народом. Это идентичные понятия, так как персы называли скифов саками. Согласно Г.В. Вернадскому, саки – это ветвь скифов, которая осталась в Туркестане после миграции части саков (т.е. скифов) в черноморские степи [Вернадский, 1996: 72]. Помимо прочего, есть ещё одно существенное примечание в контексте сказанного выше. Никто из учёных не писал ничего о монголоидных чертах в облике саков и массагетов. Между тем, саки со скифами, а также с сарматами относятся к одной языковой группе; для них характерна общность материальной и духовной культуры. Саки, скифы и массагеты жили в Средней Азии и Сибири. Об их родстве первым писал Геродот, по рассказу которого европейских и азиатских скифов персы называли саками. Сами европейские скифы называли себя сколотами, скифами же их величали эллины. Мнение Геродота впоследствии подтвердили В.Ф. Миллер [Миллер, 1886: с. 231–283], а затем Н.Я. Марр [Марр, 1933: 36]. Возникает вполне резонный вопрос: если саки и массагеты являлись европеоидами, то каким образом их ближайшие кровные родственники скифы могли быть монголоидами? Не могли же скифы (саки) быть наполовину монголоидами и наполовину европеоидами. В качестве примера можно привести артефакт, который хранится в стенах Института искусствознания имени Хамзы Министерства культуры Узбекистана. Реалистично изображенная, раскрашенная глиняная голова скифа (сака), побежденного врага юэчжей/кушанов, датируемая I в. до н.э. – I в. н.э., была найдена во время раскопок в Халчаяне (1959-1963 гг.) на территории Северной Бактрии. Никаких монголоидных черт она не содержит.

Исходя из вышеизложенного, следует однозначный вывод: никакого отношения к монголам, в том числе ни генетически, ни антропологически, скифы не имели. Многочисленные параллели в образе жизни и явлениях духовного мира наблюдаются только лишь в единстве скифов с сармато-алано-осетинским миром, о чём свидетельствуют серьёзные исследования крупных специалистов (см. В.И. Абаев (1949), Ю.С. Гаглойти (2010) Б.А. Калоев (2003), Л.А. Чибиров (2008) и др.).

3.2.3. Саки

Считается, что саки (др.-перс. *Sakā*, др.-греч. *Σάκαι*, лат. *Sacae*) – это самоназвание азиатских скифов, причем персы в ахеменидских надписях называли саками, как азиатских, так и европейских скифов. Родство саков, скифов и массагетов в академической науке не вызывает особых вопросов, однако круг родственных скифам народов был гораздо шире. Начнем все же с саков. Саки – это ираноязычные скотоводческие племена, которые в I тыс. до н.э. по первые века н.э. жили в Средней Азии и Восточном Туркестане. Название саков восходит к скифскому слову *saka* — ‘олень’ (ср. осет. *sag* ‘олень’). Саки, наряду с массагетами, считаются как древними авторами, так и современными исследователями восточными ветвями скифских народов, потомками носителей древностей срубной и алакульского варианта андроновской культур. Антропологические данные подтверждают мнение о преемственности культуры ираноязычных саков и савроматов с андроновской, полученное ретроспективным методом.

Саки обычно упоминаются как жители равнины, как северные соседи индусов, бактрийцев и согдийцев, обитавших за р. Яксарат¹¹⁰, из чего следует, что саки населяли горные области и равнинные степи Киргизии, и прилегающих к ним частей Южного Казахстана. Скифские племена в Индии именовались «шака», как вариант индийского этнонима сака. Античные

¹¹⁰ Современное название реки Сырдарья. – А.Ч.

авторы неоднократно упоминают саков в контексте с походами персидских царей Кира I, Дария I и Ксеркса, Херил¹¹¹ называет их пастухами овец, а от Геродота мы узнаем, что «саки – скифское племя, имели на голове остроконечные шапки из плотного войлока, стоявшие прямо; одеты были в штаны, имели туземные луки, короткие мечи и секиры-сагари» и что конница саков отличалась храбростью. Ктесий¹¹² же сообщает, что сакские «женщины отважны и помогают мужьям своим в военных опасностях», что во время войны с мидянами над саками «царствовала Зарина, женщина воинственная», сама принимавшая участие в битвах и раненая в одной из этих битв. В другом месте он рассказывает, как после пленения сакского царя Аморга жена его Спаретра собрала большое войско, почти наполовину состоявшие из женщин, и освободила Аморга из плена. В войске Аморга было 20 000 всадников. И, наконец Полиэн¹¹³, рассказывая о походе Дария I против саков, называет имена трёх сакских царей – Саксефар, Фамир и Омарг [История, 1939: 191]. На бехистунской надписи Дария I помещено изображение девяти убитых Дарием бунтовщиков, над одним из которых, изображенным в высокой остроконечной шапке, написано: «Это Сакука, сак».

Саки знали железо, но все еще широко пользовались бронзовыми орудиями. В небогатых погребениях, найденных в курганах VII-V вв. до н.э. на р. Талас, в местности Айритан, были найдены бронзовые ножи и обломки каких-то железных предметов, Кроме этого в ходе раскопок в 1969-1977 гг., в погребальной камере кургана Иссык вместе с множеством других предметов, было обнаружено свыше четырёх тысяч изделий из золота, а также богатое облачение сакского воина в золотой одежде, известного под условным названием «Золотой человек».

¹¹¹ Херил (др.-греч. *Χοιρίλος*; умер ок. 400 г. до н.э.) - древнегреческий эпический поэт-трагик, основоположник направления исторических эпических произведений.

¹¹² Ктесий Книдский (греч. *Κτησίας ο Κνίδιος*) - древнегреческий историк второй половины V - начала IV вв. до н.э.

¹¹³ Полиэн (греч. *Πολύαινος*, лат. *Polyaenus*) - грекоязычный писатель II века македонского происхождения, автор сочинения «Военные хитрости» (греч. *Στρατηγήματα*).

Очень скудны сведения о социальном строе саков. Можно лишь полагать, что это было одно или несколько племенных объединений, которые возглавлялись вождями, и что женщины играли активную роль в политической жизни племён. Они принимали участие в войнах, иногда стояли во главе племени или племенного объединения (Зарина, Спаретра), из чего следует, что патриархальный строй у саков утвердился не окончательно.

Военная история саков представлена в источниках некоторыми событиями. Так, Ктесий сообщает, что еще до образования Персидской империи саки вели многолетнюю войну с мидянами. Позднее на саков напали персы, под предводительством Кира, и, разбив их, пленили сакского царя Аморга. Жена Аморга Сапаретра, собрав большое войско, нанесла поражение Киру, и вызволила из плена Аморга, который впоследствии принял участие со своим войском в походах Кира против лидийского царя Креза (546 г. до н.э.). По-видимому, несколько раз персы нападали на саков и при Дарии I. При нем же персам удалось подчинить себе какую-то часть сакских племен. При перечислении персидских сатрапий Геродот указывает, что саки входили в состав XV сатрапии и были обложены ежегодной данью. Кроме того, они поставляют в персидское войско значительное количество пеших и конных воинов. В 513 г. до н.э. в составе персидского войска они приняли участие в походе Дария против скифов. В 490 г. до н.э. саки нанесли поражение грекам на своём участке в знаменитом Марафонском сражении, закончившемся неудачей для персов. В походах Ксеркса против греков царские отряды играли заметную роль. В 480 г. до н.э. сакская пехота отличалась воинской доблестью в Фермопильском сражении¹¹⁴, а годом позже в битве при Платеях¹¹⁵ храбростью отличались и сакская конница [История, 1939: 192].

¹¹⁴ Фермопильское сражение - сражение в сентябре 480 года до н.э. в ходе греко-персидской войны 480 -479 гг. до н.э. в ущелье Фермопилы. Спартанцы, фиванцы и фессалийцы под предводительством спартанского царя Леонида в результате предательства потерпели в этом сражении поражение от войск персидского царя Ксеркса.

¹¹⁵ Битва при Платеях - одно из крупнейших сухопутных сражений греко-персидских войн, состоявшееся в 479 году до н.э. на склонах горы Китерон рядом с небольшим городком Платеи в Беотии, в которой

Вопреки утверждению Г.В. Вернадского, саки никогда не селились не только к юго-востоку от Азовского моря, но в окрестностях Кубанской долины [Вернадский, 2000: 107]. Они всегда жили за Каспием и вообще не пересекали Волгу [СИЭ, 1969: 497]. Саки были настолько близки со скифами, что, по определению Геродота, Диодора Сицилийского, Гая Плиния Секунда и других античных авторов, скифы были теми же саками, которые всего лишь сменили название. Это подтверждает и Г.В. Вернадский, который заявляет, что «персы называли скифов «саками». Если же быть точнее, то «саки представляли собою ветвь скифов, которая осталась в Туркестане даже после миграции других орд в черноморские степи. А туркестанские саки были, без сомнения, иранцами» [Вернадский, 1996: 72].

Как полагал Г.В. Вернадский, ираноязычные саки в IV–III вв. до н.э. обитали в закаспийских степях вокруг Аральского моря, которые и были одним из центров сакских племён. Продолжая суждения о саках, Г.В. Вернадский писал об их миграции на Запад, которая была обусловлена установлением господства Александра Македонского в Средней Азии, а именно – в Бактрии, завоеванной войском македонцев между 329–327 гг. до н.э. в ходе так называемой «горной войны». Кстати, Бактрия пала не без участия в этой войне мощной группы массагетских племён, известных под китайским именем *юэчжи*. Греческим авторам они были знакомы под именем *тохаров*. Правитель юэчжей был известен как Кушан. Хроники говорят, что юэчжи одолели бактрийцев прежде всего боевыми качествами и численностью. Весь цвет аристократии Бактрии пал на поле боя, хотя из надписей на кушанских монетах все же появляется информация, что, даже после разгрома Бактрии, некоторые бактрийские и греческие военачальники продолжали править небольшими областями в отдаленных и неприступных долинах Гиндукуша.

персидская армия потерпела сокрушительное поражение. Под руководством спартанца Павсания союзным греческим войском было уничтожено практически всё войско противника.

Завоевание Бактрии отразилось и на юэчжи. У кушанцев, которые стали называть ее Тохаристан, появилась письменность на греческой основе, и со временем они начали выпускать «греческие» монеты. Греческая система письма, в отличие от языка, просуществовала в Бактрии не один век [Сайкс, 2021: 75].

Г.В. Вернадский считал юэчжи родственными аланам. Вместе с тем именно это наступление юэчжи на бактрийцев способствовало миграции саков на Запад, о котором мы говорили выше. «Можно думать, – заключает учёный, – что это именно та волна сарматской миграции, на гребне которой и появились аланы в Причерноморье и на Северном Кавказе» [Vernadsky, 1943: 85]. Согласно документам, действуя под натиском других кочевников, саки вторгались в пределы Парфянского царства, на нынешнюю территорию Ирана и Афганистана, которая после их вторжения стала называться Сакастан (сегодня эта область называется Систан – А.Ч.), а затем вторглись на территорию современной Индии [СИЭ, 1971: 467]. Ещё раньше на территории современного Азербайджана образовалась область Сакасена. Считается, что Сакасена (иранск. **Saka-šayana* – «обитаемая территория саков») являлась официальным мидийским названием ядра бывшей территории Скифского царства Ишкуза, располагавшегося в начале VII в. до н.э. к северу от государства Манна, в долине Аракса, а, возможно, и далее к северу.

В одной из своих работ Г.В. Вернадский, вслед за М.И. Ростовцевым, идентифицирует саков с сарматами. Между тем, продвижение аланских племен на запад не подтверждается историческими фактами ранее, чем IV–III вв. до н.э. Как верно было отмечено археологом С.П. Толстовым, «в эту эпоху аланы в своей основной массе ещё не пришли в движение. Район Хорезма был одним из древних аланских центров. Археологические исследования выявили сарматский характер древностей этого района, датированных соответствующим временем» [Толстов, 1941: 153–163].

3.2.4. Массагеты

«Эти массагеты, как говорят, многочисленное и храброе племя. Живут они на востоке по направлению к восходу солнца за рекой Араксом напротив исседонов» – так начинает свой рассказ о массагетах или «великих саках» Геродот [Геродот, 1993: 75]. После подробного описания их образа жизни, ареала расселения, «отец истории» рассказывает о массагетах в контексте неудачного похода против них персидского царя Кира II Великого¹¹⁶, и о поражении, которое нанесла ему массагетская царица Томирис¹¹⁷ [Геродот, 1993: 76-77]. Под влиянием персов массагеты поклонялись богу солнца [Макговерн, 2021: 69].

Г.В. Вернадский считает этногенез массагетов вопросом проблемным. На основании того, что оружие их имело различное происхождение (лук – скифский, копье – сарматское, топор – киммерийский), Г.В. Вернадский допускал участие различных народов в их этногенезе. Согласно одной из предложенных им версий, массагеты принадлежали к восточной ветви фракийцев, смешанных с некоторыми иранскими элементами. В пользу этого Георгий Владимирович приводил в пример название одного из массагетских

¹¹⁶ Кир II Великий - персидский царь из династии Ахеменидов, правивший в 559 -530 годах до н.э.

¹¹⁷ Геродот сообщает, что Кир, перейдя реку Аракс и углубившись на территорию массагетов на один дневной переход, по совету лидийца Креза, устроил массагетам ловушку. Персы оставили лагерь с запасом вина, который обороняла небоеспособная часть, а основные войска отошли назад к реке. Одолев противника, массагеты возлегли и стали пировать, после чего заснули, насытившись пищей и вином. Персы же, придя, перебили многих из них, а ещё больше захватили в плен, среди прочих и сына царицы Томирис, командовавшего массагетами, имя которого было Спаргапис. Узнав об этом, Томирис направила Киру послание: «Алчущий крови Кир, ... отдай мне моего сына и уходи из этой страны безнаказанно ... Если же ты не сделаешь этого, то клянусь тебе солнцем, владыкой массагетов, я напою тебя кровью, хотя ты и ненасытен». Согласно Геродоту, пленённый Спаргапис уговаривает Кира снять с себя оковы, а когда же был освобожден и как только смог владеть руками, лишает себя жизни. Томирис же, когда Кир её не послушался, собрав всё своё войско, вступила с Киром в бой. Большая часть персидского войска была уничтожена тут же на месте, а сам Кир погиб. По некоторым свидетельствам, обезглавленный труп Кира был распят (Геродот об этом не сообщает), а его голову Томирис сунула в винный мех, наполненный человеческой кровью, и добавила следующее: «Ты меня, живую и одержавшую над тобой победу в битве, погубил, захватив хитростью моего сына. Я же тебя, как угрожала, напою кровью» (по другой версии «Ты жаждал крови, царь персов, так пей её теперь досыта!»). Тело Кира отвезли в г. Пасаргады, первую столицу династии Ахеменидов, где похоронили в гробнице. Геродот называет эту битву самой жестокой из тех, которые были у варваров.

племен, которое звучало как *геты*¹¹⁸ [Вернадский, 1996: 87]. Кроме прочего, он, вслед за М.И. Ростовцевым, склонен был считать их меотским племенем.

Однако массагеты ни к фракийцам, ни, тем более, к меотам никакого отношения не имеют. Установлено, что они так же, как и саки не пересекали Волгу, остались жить в Туркестане вместе с саками и скифами, имея при этом с ними общие этнические корни и одно происхождение. «Массагеты носят одежду, подобную скифской, и ведут похожий образ жизни» [Геродот, 1993: 79]. Созвучие племенных названий иранского и фракийского племён, которое в качестве примера приводит Г.В. Вернадский (массагеты – геты), скорее всего случайное. Сомнительно их близкое родство и с фракийцами. Их близкородственными племенами считаются *иллирийцы, геты, одрисы, даки* [СИЭ, 1966: 170; СИЭ, 1974: 255].

3.2.5. Юэчжи

Именно под таким китайским именем была известна в далёком прошлом мощная конфедерация массагетских племён [СИЭ, 1966: 430]. Мнения учёных по поводу юэчжи и их этногенеза расходятся. Большинство из них (С.П. Толстов, А.С. Скрипник, Ю.С. Гаглойти) отождествляют юэчжи с массагетами. В войне с Александром Македонским Бактрия пала не без помощи юэчжи. В свою очередь, наступление юэчжи на бактрийцев способствовало движению на Запад сарматских племён [Vernadsky, 1943: 83]. Г.В. Вернадский считал юэчжи народом, принадлежащим к сармато-аланам. Рассматривая сообщение Гнея Помпея Трога из его «Истории» в изложении Юстина¹¹⁹ о том, что «ассиане, став царями тохар, погубили сакараваков» [Юстин, XI: 11], учёный писал: «Народом юэчжи управлял аланский род ...

¹¹⁸ Иордан в труде «О происхождении и деяниях гетов» называл Томирис гетской царицей, говоря, что Кир, царь персов, во времена царицы гетов Томирис, пошёл на неё гибельной войной (Иордан. О происхождении гетов).

¹¹⁹ Марк Юниан Юстин (лат. *Marcus Junianus Justinus*) - римский историк III века, автор «Эпитомы сочинения Помпея Трога „История Филиппа“» - извлечения из не дошедшего до нас обширного исторического труда в 44 книгах более раннего римского историка I века Помпея Трога, под заглавием «*Historiae Philippicae*» («История Филиппа», имеется в виду македонский царь Филипп II).

мы можем предположить, что позднее некоторые группы юэчжи присоединились к ним в их движении на запад» [Вернадский, 1996: 103]. В.И. Абаев также разглядел в юэчжи скифо-сакские племена [Абаев, 1965: 138].

3.2.6. Тохары-кушаны

Тохары были крупным иранским племенем, жившим во II в. до н.э. в Средней Азии, в Бактрии, которая по их имени стала называться Тохаристаном. Вопрос их этногенеза также окутан тайной, которую пытались разгадать не одно поколение учёных, большинство из которых склонны отождествить прототохаров с юэчжи, так как принадлежность их языка к иранской группе не вызывает сомнений. Со ссылкой на бактрийские эпиграфические источники, А. Алемань в своей работе «Аланы в древних и средневековых письменных источниках» пишет: «Во II в. до н.э. Греко-Бактрийское царство ... было разрушено вторгшимися с севера завоевателями-номадами, среди которых преобладающий элемент составляли юэчжи, или *Тоχάριοι* – тохары, занявшие северную часть современного Афганистана, известную с тех пор под названием Тохаристан» [Алемань, 2003: 448]. Сомнения вызывает лишь то, что у учёных нет доказательства чёткой племенной корреляции тохаров с массагетами [СИЭ, 1973: 361]. В этой связи заслуживает внимания мнение Г.В. Вернадского, который считал наиболее вероятной связку *юэчжи-тохары* с сарматскими племенами – аланами, говорящими на иранских языках [Вернадский, 1992: 82]. А.Н. Бернштам и А. Намиток видели в тохарах предков осетин-дигорцев [Бернштам, 1947: 134–148; Намиток, 1939].

Этническое самоназвание тохар А.Н. Бернштам и Ю.С. Гаглойты выводят из аланского (осетинского) слова *тох* – борьба в значении – воин, борец [Бернштам, 1947: 134–148; Гаглойты, 2010]. Учёные не сомневаются в индоевропейском происхождении тохар и относят их язык к иранской

группе. Ими же было высказано мнение о контактах между тохарским и аланским языками [Вернадский, 1996: 103; Гаглойти, 2010: 99], хотя локализация тохар была в Средней Азии, в то время как аланы географически находились намного западнее. Однако ранее, до массовой миграции на запад, аланы контактировали с родственными им тохарами, которые пребывали в Средней Азии со II в. до н.э. до конца I тыс. н.э.

На рубеже двух эр тохары объединились под властью династии Кушанов, создав Кушанское царство¹²⁰. С тех пор они стали известны как кушаны, то есть понятия кушаны и тохары абсолютно идентичны. Есть основание отождествлять с тохарами многочисленное племя *йю-ки*, которых ещё называли восточными тохарами. Язык последних действительно был индоевропейским, близким к тохарскому, славянскому, иранскому [Вернадский, 1996: 87–88]. Научкой установлены длительные контакты тохаров с сако-массагетскими племенами. «Более того, – пишет В.И. Абаев, – вхождение их в массагетский союз племён и через это участие тохарских элементов в формировании средневековых алан несомненно». На контакты между тохарами и аланами указывал и Г.В. Вернадский [Вернадский, 1996: 215]. Этим и объясняется, по утверждению В.И. Абаева, наличие в осетинском языке точных соответствий тохарскому [Абаев, 1965: 136–137].

3.2.7. Эфталиты

Помимо перечисленных народов, в IV–VI вв. на обширной территории, включающей в себя Согдиану и Бактрию, Афганистан и Гандхару (Северная Индия), существовало так называемое государство Эфталитов – ираноязычное племенное объединение раннего Средневековья, которое

¹²⁰ Кушанское царство - древнее государство на территории современной Средней Азии, Афганистана, Пакистана, Северной Индии; период расцвета приходится приблизительно на 105 - 250 годы н.э. По одной из теорий, Кушанское царство было основано кочевым индоиранским народом тохаров (кит. юэчжи), пришедшим с территории, на которой сейчас находится Синьцзян-Уйгурский автономный район. Население общалось на бактрийском языке. В Кушанском царстве развивался т. н. греко-буддизм. Кушанская цивилизация оставила заметный след в истории мировой культуры.

представляло собой вторую волну иранских гуннов (т.е. народов, называвшихся гуннами, но бывших в действительности иранского происхождения).

Китайские летописи гласят, что часть «великих юэчжи, известные как *гоа* или *гоа-тун*, изначально жили к северу от Великой Китайской стены и находились в подчинении у народа жуань-жуань (жужани), который позднее стал известен в Европе как авары. Постепенно гоа стали могущественным племенем и по имени своей правящей семьи стали называть себя *йе-фа*, откуда и взялось название «эфталиты», которое дали им греки. Персы называли их *Наythal*, тогда как для Византии они были белыми гуннами» [Сайкс, 2021: 102], Китайские летописцы называют эфталитов бесстрашными воинами, обычаи которых напоминают обычаи *Tu-kiue*, или тюрков. Перси Сайкс пишет, что у них бытовало многожние: женщины эфталитов носили головные уборы, которые демонстрировали точное число мужей, которое имела женщина [Сайкс, 2021: 103].

Согласно источникам, Кушанское царство «в IV в. оказалось под властью захвативших его эфталитов и других гуннских племён» [Алемань, 2003: 448]. Эфталиты произошли от одного из ответвлений юэчжи, а если быть точнее, то от группы восточных массагетов [СИЭ, 1976: 687]. А. Алемань указывает, что надписи на монетах эфталитов, как и предшествовавших им кушанов, были выполнены на иранском языке [Алемань, 2003: 448]. Прокопий Кесарийский, называвший эфталитов «белыми гуннами», утверждая, что у них одних из всех гуннов была белая кожа [Сайкс, 2021: 102], выводит гуннов от ираноязычных массагетов, сообщая, что среди командиров в византийской коннице был Эган, «из народа массагетов, ныне называемых уннами». В то же время Прокопий отделяет эфталитов от других гуннов, с которыми они не имеют общих границ, а потому не смешиваются с ними [Прокопий Кесарийский, 1993]. Таким образом, из вышеозвученного можно сделать вывод, что юэчжи, тохары, кушаны и эфталиты являются одним и тем же племенем,

представляющим индоевропейскую семью языков и известным в разное время под разными именами.

3.2.8. Меланхлены

Ещё один народ, который жил в Азиатской Сарматии, назывался *меланхлены*. Согласно Геродоту, они жили к северу от царских скифов, по верхнему течению реки Дон [Античные ... , 100]. Самоназвание меланхленов неизвестно. Считалось, что они практиковали каннибализм. Племя это Геродот не называет в числе скифских, хотя, по его свидетельствам, их обычаи схожи со скифскими. По Геродоту, они назывались так потому, что носили чёрные одежды (греч. *Μελαυχλαῖνοι* — «чёрноодетые») – короткие чёрные плащи. Весьма любопытным и характерным для той эпохи является описание вышеупомянутым Дионом Хризостомом зарисовок из жизни Ольвии. Однажды он прогуливался перед городом. Некоторые жители по обыкновению выходили к нему из города; подошел к нему и полководец Каллистрат, возвращавшийся верхом в город из военной разведки. «Он был опоясан, – рассказывает Хризостом, – большим всадническим мечом; одежду его составляли шаровары и прочее скифское убранство; на плечах был небольшой тонкий скифский плащ, какой обыкновенно носят Борисфениты. И другая одежда у них по большей части черного цвета по примеру одного скифского племени, которое, как мне кажется, от этого получило название меланхленов (черноризцев). Каллистрату было лет восемнадцать, он был очень красив и высок, и в наружности имел много ионического. Про него говорили, что он храбр на войне, и многих савроматов или убил, или взял в плен» [Багaley, 1914: 52]. В ольвийском декрете в честь Протогена¹²¹, который отновится к III в. до н.э., упомянут народ *савдараты* – иранское слово, по смыслу совпадающее с греческим *меланхлены*. Это даёт основание

¹²¹ Протоген (др.-греч. *Πρωτογένης*; лат. *Protogenes*; ок. 373/375 - 297/299 гг. до н.э.) - древнегреческий художник, мастер живописи и скульптор.

предполагать, что Геродот озвучивает переведённый на греческий язык оригинальный этноним [Очерки истории, 2004: 105]. Согласно К.Ф. Смирнову, «Сарматами (савроматами) считал савдаратов, по-видимому, и Ф.К. Брун. Имя их в декрет в честь Протогена попало, по его мнению, по ошибке резчика, что, впрочем, В.В. Латышев признавал невероятным. Весьма определенно о сарматской принадлежности фисаматов и савдаратов высказался Ф. Брун, ссылаясь на лингвистические штудии К. Мюлленхофа. Сарматами считал эти племена и Ф. Слюсаренко. Этимологическое значение слова *савдараты* ясно: оно означает «черные одежды» или «одетые в черное»: *saw-dar-a-tac*=*saw* – черный, *dar* – носить (одежду), В.И. Абаев называет *аошџарато'* – сарматским племенем. Известно, что «принадлежностью одежды сарматов были короткие, вероятно темные, плащи». [Смирнов, 1984: 59-60]. Между тем, *меланхлены*, а если быть точнее, то *савдараты* в переводе с осетинского языка буквально означает: «чёрные одежды», «одетые в чёрную одежду» [Абаев, 1949: 37], и это совпадение в разряд случайных отнести довольно трудно. Скилак Кариандский помещает меланхленов в соседстве с племенами Северной Колхиды. Плиний (VI: 150) и Клавдий Птолемей (V: 80) локализуют их приблизительно в этом же районе, упоминая их вместе с племенем кораксов «с колхидским городом Диоскуриадой». Однако у Г.В. Вернадского нет чёткого представления относительно этногенеза меланхленов. Он относит их к племенам, принадлежащим к протофинской (*меры* и *черемыш* – *черемисы*) группе, что представляется весьма сомнительным [Вернадский, 1996: 83].

Перечисляя племена, которые соседствовали со скифами, Г.В. Вернадский в своих трудах не ограничивается одним лишь представлением ираноязычных племён. Учёный постарался охватить весь разнообразный спектр племён и народов, обитающих в ареале. Он максимально подробно пишет о *каллипидах* (Геродот их называет греко-скифами), *алазонах*, о воинственных *таврах*, живших в горах Тавриды, о ближайших соседях скифов – *меотах*, *синдах*, *неврах*, *андрофагах*, *будинах*,

массагетах, аримаспах и др. В контексте с меланхленами интересна этимология названия андрофагов.

3.2.9. Андрофаги

Андрофаги (*др.-греч. Ανδροφάγοι*) – древний народ Восточной Европы, которые, согласно Геродоту, жили между *неврами* и *меланхленами*. В переводе с греческого языка их название означает *людоеды*. Несмотря на то, что им приписывалась крайняя отсталость развития, кочевничество и даже каннибализм, Геродот сообщает о «царях» андрофагов, к которым обращались скифы за помощью в борьбе с персами [Геродот, IV: 106]. Чешский учёный Вильгельм Томашек предлагал в начале XX века расшифровку названия «андрофаги» в своих лекциях в Венском университете, предполагая, что это греческий перевод иранского наименования мордвинов – мардха-вар (от корней *mard* – «человек», *xvar* – «пожирать») [Гимбутас, 2004]. Если продолжить эту мысль, связав её с созвучными осетинскими словами, то получается совершенно иной, более точный перевод этого названия: *mard* – «мёртвый» и *xvar* – «есть, пожирать». В целом же, география племён, населяющих регион, обширна и интересна, тем более в таком подробном изложении Г.В. Вернадского.

3.3. О государственном устройстве и войнах скифов

В первом томе «Истории России» Г.В. Вернадский исследует историю Скифии с момента прихода скифов в Черноморские степи вплоть до III–II вв. до н.э., то есть до периода, когда в этом ареале их сменили родственные им сарматы. Объясняя свой неподдельный интерес к скифам, учёный подчеркивает, что «именно на скифах увязывается первоначальная история славян. Именно скифам удалось объединить под свою власть не только степь, но и часть лесной зоны. На границах леса и степи вдоль границы лесистой

области, по рекам для торгового обмена с давних времён должны были возникать культурные поселения» [Вернадский, 2012: 45]. Одно из этих поселений сарматской эпохи впоследствии было обнаружено на месте позднейшего Киева.

Г.В. Вернадский подтверждает версию Геродота о делении скифов на три основные группы (Вернадский называет их ордою. – А.Ч.): скифов-кочевников, скифов-пахарей и царских скифов. При этом, по его мнению, скифы-кочевники обосновались на обширной территории между рекой Ингулец (Украина) до Перекопского перешейка. «Они не сеяли и не пахали», – писал о них учёный [Вернадский, 2000а: 74]. Скифы-пахари, согласно ему же, расположились к западу от скифов-кочевников между реками Ингулец и Ингул. Здесь же жили и *скифы-георгои* (земледельцы), или как называли их греки из Ольвии – *борисфениты*¹²². Часть их смешалась с греческими поселенцами и была известна как «полугреки» (*Mixhellenes*). Наконец, третье, основное ядро скифского общества составляли царские скифы. Геродот говорит, что это были лучшие и сильнейшие и что они рассматривали других как своих рабов. Царские скифы жили «на другой стороне» (т.е. на восток) от реки Герхос. Район их расселения включал в себя Северную Таврию от Никополя до Азова и на юг до Тавриды. Они слыли наиболее лучшими, доблестными среди скифов и уже в статусе сильнейших распространяли свою власть над другими племенами [Вернадский, 2000а: 74]. В этом районе сосредоточено наибольшее количество царских курганов, которые славились своим богатым убранством.

Так что же из себя в целом представляло скифское государство? О созданном скифами государственном образовании Г.В. Вернадский говорит следующее: «Их царство было одним из серии кочевых империй, которые

¹²² По словам Геродота (IV: 18), греки из Ольвии называли своих соседей, скифов-земледельцев, живших в долине реки Борисфена именно так. Этим скифам, занимающимся выращиванием зерна, принадлежала область «на три дня пути к востоку (от Борисфена) до реки Пантикап, а к северу – на одиннадцать дней плавания вверх по Борисфену». Греки в метрополии стали называть город Ольвию Борисфеном из-за близости Ольвии к устью одноименной реки, а его жителей – борисфенитами. (Геродот IV, 18; М. Скрижинская. Ольвиополиты и боспоряне в Афинах // Вестник древней истории. 2002. № 2. С. 133-143; Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Пер. М.Л. Гаспарова, М., 1986.)

сменяли друг друга в евразийских степях» [Вернадский, 2000а: 72]. По мнению Г.В. Вернадского, царство это не было централизованным государством; скорее всего это была конфедерация сильных кочевых родов, а социологически выглядело как власть кочевой орды над соседними земледельческими племенами [Вернадский, 2000а: 73]. Как социально, так и по легальному статусу оно соответствовало государству, базировавшемуся на родовом законе [Вернадский, 2000а: 72]. Основной военной силой государственного образования скифов Г.В. Вернадский справедливо считал кавалерию.

Сведения относительно полномочий скифского царя у Г.В. Вернадского разнятся. Он приводит довольно противоречивые сведения. С одной стороны, он верно подчеркивает, что царь не был абсолютным монархом и авторитет его признавался предводителями более мелких формирований. Далее же учёный утверждает, что скифское государство находилось под предводительством не одного, а двух царей или даже большего количества [Вернадский, 2000а: 89]. При этом своё утверждение он ничем не подкрепляет.

О государственном устройстве скифов можно судить и по свидетельствам Геродота, который пишет, что Скифией управляли три правителя: Скопасис, Иданфирс и Токсакис [Геродот, IV: 120]. В свою очередь, каждая из трёх составных территорий Скифии времён Геродота дробилась ещё на несколько частей, которые также возглавляли племенные или родовые князья и предводители. Между тем, судя по античным источникам, в том числе и самого Геродота, утверждавшего, что царские скифы являются сильнейшими среди скифов, а также работам известных скифологов, их не зря именовали таковыми. По статусу царь этой группы скифов все же стоял выше царей остальных территорий. Система, при которой Скифией управляли три царя, сохранялась вплоть до IV в. до н.э., пока на политической арене не появился царь Атей, который объединил Скифию и правил единолично.

Г.В. Вернадский исследует взаимоотношения Великой Скифии с граничащими с ней государствами, описывает подробности военных действий против Персии, столкновения скифов с Александром Македонским в южном Туркестане, сопротивление, оказанное последнему саками. Много внимания учёным уделено Греко-Бактрийскому царству, которого Г.В. Вернадский по своей исторической значимости в вопросе единения и сплочения греков и иранцев сравнивает с Боспорским царством [Вернадский, 1996: 88–92].

Из внешнеполитических событий, связанных со скифами, наибольший след в истории оставила их война с персами. Г.В. Вернадский сообщает подробности знаменитого похода персидского царя Дария, который в 512 г. до н.э. во главе 600-тысячного войска пошёл войной на Скифию. Учёный подробно останавливается на известной тактике «выжженной земли», использовавшейся скифами, суть которой сводилась к следующему: «Скифы решили встретиться с персами не в обычной битве, а разделить свои силы на три части и отступить вглубь, уводя свой скот, сжигая траву и уничтожая колодцы». При этом «после первого столкновения скифские всадники бежали с тем, чтобы завлечь армию врага на свою территорию, где было легко его окружить и уничтожить» [Вернадский, 2000а: 89]. Тактика оказалась действенной, вследствие чего войска Дария были разбиты. По мнению учёного, эту же тактику русские впоследствии удачно использовали как в войне с Наполеоном, так и с Гитлером. Перед лицом опасного врага скифы не гнушались обратиться за поддержкой к своим соседям. Г.В. Вернадский пишет, что скифов в этой борьбе с персами поддержали *будины, галлоны и савроматы* и отказали им в помощи *меланхлены, андрофаги, невры и агитиры*. Более того, последние пропустили через свою территорию врага.

Характеризуя скифов, Г.В. Вернадский уделяет внимание и их военной организации, которая впоследствии оказала существенное влияние на военную организацию европейцев. Так, скифы научили европейцев

пользоваться седлом, научили их сражаться самым опасным оружием скифских всадников – луком и стрелой. Через тех же скифов европейцы освоили броню, железный меч и кинжал, а скифская тактика, которая заключалась в атаке врага в различных местах малыми кавалерийскими отрядами, оказалась весьма эффективной в применении [Кардини, 1987: 30, 85, 155, 158]. Скифская триада (предметы вооружения, конская сбруя и звериный стиль), прижившаяся на вновь обретенных территориях, органично вписалась и прочно утвердилась в новой реальности [Гуляев, 2005: 378, 381].

Покоренные персами скифы служили в персидской армии во время греко-персидских войн. Персы различали несколько групп *Saka*, то есть скифов¹²³:

1. *Saka tyaiy paradraya* (скифы, живущие вдали от моря, или из-за Сырдарьи). Большинство учёных располагает эту группу на западе, к северу от Черного моря, во Фракии.

2. *Saka parasugda* (саки из-за Согдианы), которые проживали в бассейне Аральского моря в низовьях Сырдарьи и Амударьи.

3. *Saka haumavarga*. Это название обычно объяснялось как описание тех скифов, которые ели или выдавливали галлюциногенное растение «*хаома*» (хаома), хотя последние исследования устанавливают его происхождение от имени вождя, которого звали **hu-marga* (тот, кто владеет хорошими долинами). Эти скифы селились в Центральной Азии южнее озера Балхаш в долине реки Мургаб, или недалеко от Памирских гор, а также между реками Сырдарья и Амударья, которые впадают в Аральское море.

4. *Saka tigrachauda* (скифы с заостренными шлемами). Большинство учёных располагают этих скифов на востоке, к западу от *Saka haumavarga* в районе между Каспийским и Аральским морями. Ключевым указателем на это является упоминание в Бехистунском кратком посвящении Дарию реки *Araxsa*, которая отождествляется с рекой Аракс (*Oxix*), впадающей в Аральское море. Разгромлённый вождь Скунха (*Skunkha*) со своим

¹²³ Этот список представлен в надписях Дария I в Накше-Рустам (Иран).

заострённым шлемом на Бехистунских рельефах изображается как последний из разгромленных мятежников. Геродот (VII: 64) пишет, что скифы составляли важную часть великой армии Ксеркса, которая захватила Грецию в 480 г.: «*Sakai*, которые были скифами, носили на головах высокие наконечники (шлемы), прямые и негнущиеся, заострённые к концу. Они носили штаны и несли свои собственные луки, кинжалы и топоры, которые назывались «*sagaris*». Это были Амиргянские скифы (*Amyrgian*) [cf. *haumavarga*], но звались *Sakai* – персы называли всех скифов *Sakai*» [Чиби́ров, 2014: 26].

В ещё одном параграфе книги «Древняя Русь» под названием «Взгляд на политическую историю Скифии» Г.В. Вернадский исследует политическое устройство Скифского государства, его оригинальность (государство под предводительством двух царей), внешнюю политику, рассказывает в подробностях об исторической победе скифов над Дарием, о завоеваниях Александра Македонского, о Греко-Бактрийском государстве и т.д. [Вернадский, 2000а: 73, 89–92].

Георгий Владимирович безусловно прав, не разделяя мнение М.И. Ростовцева об итогах скифо-персидской войны 512 г. до н.э. Так, если Геродот преувеличивал неудачу Дария, то М.И. Ростовцев, по мнению Г.В. Вернадского, ударился в другую крайность. Он считал, что Дарий осуществил свой поход на Скифию не с целью её завоевания, а хотел просто совершить впечатляющий рейд, показать силу персидской армии и с этой целью нанести один или два упреждающих удара по скифской армии [Вернадский, 2000а: 90]. Более чем сомнительным представляется мнение, что Дарий монарх намеревался удовлетвориться лишь разведывательным рейдом, но его потери были слишком велики, поскольку они показали силу скифов [Вернадский, 2000а: 90].

Не вполне понятна аргументация М.И. Ростовцева для подобного заключения. Не представляется логичным задействовать 600-тысячную армию и направить её за сотни километров от своих границ для одной лишь демонстрации военной мощи. Исторические реалии свидетельствуют о

серьёзном намерении персидского монарха Дария, стремившегося подтвердить свой образ могущественного правителя. Его цель была вполне реальная. Он стремился расширить границы своей империи. На деле же война, как справедливо отмечает Г.В. Вернадский, показала колоссальную силу военной организации именно скифов, но никак не персов.

Между тем, внешнеполитическая напряжённость вокруг Скифии возрастала. В 339 г. до н.э. царь Атей был убит в сражении с македонским царем Филиппом II¹²⁴. Затем, вслед за Дарием, попытку усмирить Скифию предпринял Зопирион, наместник Александра Великого во Фракии, префект Понта. Он вторгся в западные земли скифов, осадил Ольвию, однако так же, как и Дарий, был разгромлен ими и погиб вместе со своим тридцатитысячным войском в 331 г. до н.э. в так называемой Гетской пустыне¹²⁵ [Виноградов, 1989: 151, прим. 57]. С западных же границ скифов проверяли на прочность кельты, которые с завидным постоянством совершали набеги на их территорию. Все эти попытки в конечном итоге постепенно ослабляли скифскую державу, которая уже к концу III в. до н.э. начала сдаваться под натиском с востока, когда к границам Скифии стали приближаться родственные им сарматы.

Во многих своих трудах Г.В. Вернадский посчитал нужным дать краткую характеристику соседям скифов как на севере (борисфены, невры, савроматы, будины, андрофаги, меланхлены), так и на востоке (саки, массагеты, исседоны, тохары, йю-ки). Учёный исследует их взаимоотношения со Скифией, интересуется их этнической историей.

¹²⁴ По сообщению Помпея Трога, Атей обещал Филиппу, македонскому царю, усыновить его и сделать наследником Скифского царства, однако поссорившись с ним, заявил, что «ему не нужен наследник при жизни сына» (Марк Юниан Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога "*Historiarum Philippicarum*". (IX: 2, 4) // Вестник древней истории. 1954. № 2.)

¹²⁵ Позднеантичные римские историки Юстин (Just. II. 3. 4; XII. 1. 4, 2. 16 - 17) и Орозий утверждали, что победителями Зопириона были именно скифы (а не жители Ольвии). Более того, эта победа поставлена в один ряд с победами скифов над Киром Великим и Дарием Гистаспом (Just. XXXVII: 3, 2).

3.4. Взаимоотношения скифов с греческими колонистами

Города-государства греческих колонистов начали возникать на Черноморском побережье в VII в. до н.э., то есть во времена так называемой Великой греческой колонизации, которая была самым важным явлением в истории античной Греции. Согласно исследованиям Г.В. Вернадского, греческие колонизаторы появились на побережье Северного Причерноморья уже после того, как на этой территории обосновались скифы. Учёный говорит об очень важной посреднической роли этих самых колоний в развитии международной торговли, об их связующей роли между землями, расположенными вокруг средиземноморского бассейна, и Евразией в целом.

Среди греческих городов, которые с поразительной быстротой возникали на северном побережье Черного моря, наиболее значимыми Г.В. Вернадский считал Ольвию, Херсонес, Милет и Пантикапей. Многие из этих городов превратились не только в важные торговые, но и культурные центры, стали служить мостом между греческим миром и Скифией [Вернадский, 2000а: 76–81]. История Скифии очень тесно переплетена и с Боспорским царством – античным государством, основанным около 480 г. до н.э. на Боспоре Киммерийском в результате объединения основных семи греческих поселений, так называемых факторий-апокий со столицей в городе Пантикапей. В период наибольшего расцвета Скифского царства, а это VI–IV вв. до н.э., Боспор находился под его влиянием. В некоторых случаях уплачивая дань скифам, Боспор тем самым сдерживал их натиск [Вернадский, 2000а: 78].

Политическая и культурная зависимость Боспора от Скифии была настолько чувствительной, что в определённый период истории, при Митридате VI Евпаторе, полуиранце по происхождению, на боспорских монетах появились изображения иранского царя в тяжёлом одеянии [Вернадский, 2000а: 113]. Митридат VI выстраивает государство восточного типа, в котором формируется и утверждается культ верховного правителя

[Чибиров, 2016: 126]. Согласно М.И. Ростовцеву, при Митридате эллинизму «грозила реальная опасность быть окончательно поглощённым иранством, которое уже успело к тому времени значительно изменить чистый ранее греческий облик населения греческих городов Причерноморья. С другой стороны, иранство встретило, очевидно, Митридата как объединителя и вождя, несмотря на удары, нанесённые им первоначально скифам, и окружило его долго держащимся ореолом национального вождя» [Ростовцев, 1918: 110]. Митридат VI становится монархом греко-восточного типа. После установления монархической власти династии Спартокидов Боспорское царство становится достаточно сильным государством в регионе, географически расположенном на европейской и азиатской сторонах Керченского пролива. В дальнейшем оно уже смогло защитить себя не только от вторжения скифов, но и других явных угроз, периодически возникающих у его границ. Тогда же Боспорское царство пытается освободиться от опеки Рима.

В целом в работах Г.В. Вернадского основные знаковые события в скифо-боспорских отношениях освещены им верно, хотя учёный и допускает иногда некоторые неточности. В частности, по его мнению, Боспорское царство на Керченском проливе просуществовало с VI в. до н.э. по VI в. н.э., что не соответствует действительности. Образовалось оно не в VI, а в V в. (в 480 г. до н.э.). Великая Скифия же просуществовала до рубежа III–II вв. до н.э., после чего была захвачена сарматами. Уже во II в. до н.э. на части территории Великой Скифии образовалась Крымская Скифия, или так называемая Тавроскифия, со столицей в городе Неаполь Скифский, которая просуществовала не до VI в. н.э., а до второй половины III в. н.э. и впоследствии была уничтожена готами. В Малой Скифии, так называемой Добрудже, присутствие скифов отмечается вплоть до гуннского нашествия в IV веке н.э. [СИЭ, 1962: 642–646].

3.5. Сарматские племена на юге России

С IV–II вв. до н.э. в Северное Причерноморье начали проникать сарматы, которые к концу II в. до н.э. стали его окончательными хозяевами, постепенно вытеснив с политической карты скифов. Впервые упоминание о сарматах встречается у Полибия около 160 г. до н.э. – в это время они занимали территорию между Доном и Днепром [Фрай, 1972: 217]. Название Сарматия еще в большей степени, чем Скифия, носило не этнографический, а географический характер. Место скифов по значению своему заняли теперь сарматы. Они по преимуществу своему были кочевниками, и изображались «в качестве всадников на керченских фресках; язык их был близок к скифскому, но кроме них обитало множество других народов; к сарматам относят языгов и роксалан, живших между Днепром и Доном» [Багалец, 1914: 103].

Некоторые современные исследователи [Смирнов, 1975: 5; Ельницкий, 1977: 106; Виноградов, 1972: 20] считают, что истоки общего племенного наименования савроматов и сарматов следует искать в «Авесте», в которой упоминается народ сайрима. И. Маркварт также свёл наименование савроматов с авестийским именем народа сайрима (*cairima, sarima*. «Авеста», Яшт XIII: 143; XXI: 52) и предложил как вариант имени савромат. «Авеста» воспекает «мужей праведных сайрима» и «жён праведных сайрима», но не указывает их локализацию. В «Авесте» также есть упоминание реки Ранги (Яшт XXIII и XXIV), которую И. Маркварт сопоставляет с Волгой (авест. *Ranha*, Аракс Геродота, греч. *Rha* из скифского *Raha*) [J. Marquart. Eransahr ... , p. 155.; J. Marquart. Wehrot und Arang, p.136].

Савроматы были одним из немногих этнических кочевых племён, которых античные авторы Страбон, Гай Плиний Секунд, Дионисий Периегет и др. размещали на территории степного Подонья. Впервые они упоминаются Геродотом в рассказе о походе Дария I против скифов в 512 г. до н.э. (IV: 21, 117). В этом столкновении персов и скифов савроматы

выступают союзниками последних. В составе отряда под предводительством Скопасиса савроматы вели патрулирование северного побережья Меотиды [Геродот, IV: 120].

Геродот, упомянув в своей «Истории» савроматов в качестве автохтонного нескифского народа, воспринявшего язык скифов, внес существенную путаницу в проблему идентичности савроматов и сармат. Р. Фрай считает, что сарматы по происхождению не тождественны савроматам, «но можно полагать, что в состав савроматов вошло как местное, так и какое-то скифское племя, которое дало свое имя позднейшим сарматам. Отождествление этнонимов «савромат» и «сармат» кажется вполне правомерным; осетинская этимология этого названия («чернорукий»), предложенная В.И. Абаевым, остается спорной» [Фрай, 1972: 217]. М.И. Ростовцев, также был уверен в том, что *сарматы* и *савроматы* никак не связаны друг с другом. [Ростовцев, 1918: 33, 34]. Однако, согласно К.Ф. Смирнову, сарматы родственны савроматам, их материальная культура неотделима друг от друга [Смирнов, 1984: 9-37], а этноним сармат является стёртой формой названия савромат. Н.Н. Лысенко пишет, что уже со времени составления карты мира Марка Випсания Агриппы¹²⁶ (I в. до н.э.) эти два этнонима, по-видимому, использовались как синонимы [Лысенко, 2007: 3–4, 5]. Некоторые же учёные савроматами считают наиболее ранних переселенцев с востока на запад, предшественников языгов, роксолан, аорсов, сираков (Смирнов, 1964).

Причины миграций различных племён с востока на запад были совершенно разными. Это и климатические, и политические, и военные обстоятельства или, скажем, выдвигание в обществе военного лидера типа Чингисхана и т.д. Выше мы уже говорили об этом. Так, согласно Геродоту, тех же скифов подтолкнули к миграции на запад массагеты (как вариант –

¹²⁶ Марк Випсаний Агриппа (лат. *Marcus Vipsanius Agrippa*; 63 до н.э. - 12 до н.э.) - римский государственный деятель и полководец, друг, сподвижник и зять императора Октавиана Августа. Также известен как географ, который составил по греческим источникам и на основании работ римских землемеров общую карту Римского государства, которая была по приказу Августа высечена в мраморе.

исседоны). «Скифы, – писал Г.В. Вернадский, – представляют, конечно, не первую волну евразийских кочевников, достигших черноморских степей с востока, но они первые, о ком мы имеем определённую информацию» [Вернадский, 1996: 61]. Спустя столетия, за ними последовали и сарматы. Сопоставляя скифов с сарматами, Г.В. Вернадский подчеркивал: «В сарматской политической организации было меньше единства, чем у скифов. В лучшем случае мы можем представить себе федерацию сарматских племён, но и эта федерация была достаточно номинальной» [Вернадский, 1992: 216].

Традиция организации власти у номадов включала в себя представление о некоем «царском» племени, которое занимала главенствующее положение над остальными племенами. Такая традиция присутствовала у скифов (царские скифы), особое положение занимали кушаны в конфедерации племен, завоевавших Греко-Бактрию. Такое же явление можно было наблюдать и в истории становления государств монголов и тюрков. Вполне возможно, что и в сарматской среде был народ, который рассматривался как «царский», хотя информация о нем в истории не сохранилась.

Исследование Г.В. Вернадского содержит подробную характеристику сарматов, точнее тех сарматских племён, которые тесно соприкасались с восточнославянскими племенами или жили совместно на юге России, так как именно с сарматским вторжением на юг современной России увязывается и начало истории протославянских племён. В качестве иллюстрации тесного взаимодействия протославян и сарматов Г.В. Вернадский приводит следующий пример: некоего правителя (вожака) алан звали славянским именем Валамир (слав. Велемир) [Вернадский, 2000а: 148]. В этом контексте интересно мнение исследователя А.Г. Калмыкова, который в 1925 г. опубликовал в журнале «Американское востоковедческое сообщество» статью под названием «Иранцы и славяне в Южной России». Изучая становление славянского государства, он ищет параллели в построении системы государственного управления у славян с иранскими народами, в

частности со скифами и сарматами. Цитата эта емкая, однако, на мой взгляд, она заслуживает того, чтобы быть приведённой полностью. Итак. «Мы знаем, что славяне в VIII в. н.э. были примитивным народом (или народами) с патриархальным строем на демократической основе. Весьма сомнительно наличие у них наследственных князей. Обычно народное собрание и избранные главы управляли народом. Скифы и сарматы, напротив, имели правящие (царственные) династии [Rostovtzeff, 1922: 72, 120] и могущественную феодальную аристократию, представители которой являлись крупными землевладельцами, занимавшиеся торговлей рабами и зерном. Большинство простых людей (простолюдинов) были крепостными и рабами. Как вопрос классового различия, так и экономики стоял очень остро. В IX в. произошли внезапные изменения, когда князь Олег захватил Киев и привез туда малолетнего князя Игоря. За время жизни князя Игоря, Россия или, по крайней мере, южная её часть, стала сильной монархией, с людьми благородного происхождения, носившими норманнские, иранские и другие имена (славянских имён было очень мало), с появлением важного класса купцов, чьи имена были связаны с дипломатическими соглашениями, с рабством в его полном расцвете и с растущим крепостным правом. Очевидно, что норманны (нормандцы), составлявшие вооруженное меньшинство среди славянского населения, считали скифское политическое устройство чрезвычайно удобным для укрепления своей власти и охотно приняли (установили, внедрили) его. Оно было применено в полной мере на территории Южной России. По мере продвижения на север, подальше от иранского влияния, и попадая исключительно в славянские или смешанные с финнами регионы (области), мы обнаруживаем, что новое устройство становится все слабее и слабее. В Москве никогда не было рабов в обычном понимании, а крепостное право развивалось очень медленно, встречая на своем пути серьёзные трудности. Новгород сохранял свою полную политическую свободу (независимость) вплоть до свержения власти великим московским князем в XV веке. Нормандцы создали российское (русское)

государство путём иранизации политической и экономической жизни. Это объясняет стремительный рост Киева и его быстрый упадок. XIX в. принес отмену крепостного права, XX век свидетельствовал об уничтожении остатков нормандских и иранских традиций, внезапное исчезновение которых полностью разрушило российское государство» [Kalmykow, 1925: 68–71]. Стоит отметить, что подобные иранские антропонимы приводятся и в работах советского и российского историка А.Г. Кузьмина (1972, 2003, 2004).

Так уж получилось, что в VII в. до н.э. скифы вытеснили киммерийцев с территорий, которые они занимали. Спустя столетия теперь уже сарматы сыграли аналогичную роль по отношению к скифам. История знает немало примеров тому, когда подобные процессы приводили к полному вытеснению автохтонного населения. В то же самое время новая миграционная волна начинает срачиваться с предшествующим населением, происходит смешение пришлого компонента с коренным, на что указывает и Г.В. Вернадский: «Не надо думать, писал учёный, что каждое такое вторжение завершалось общим истреблением местных племён, которые осели в стране задолго до прихода завоевателей. Часть из них в любом случае получала разрешение остаться в стране после признания власти захватчиков» [Вернадский, 2000а: 21].

С такими рубежными событиями, как вытеснение киммерийцев скифами, а затем и последних сарматами, увязывается и ранняя история протославянских племён. Г.В. Вернадский допускает, что после вторжения скифов и захвата ими киммерийских земель «некоторые из протославянских племён могли остаться на границе степной территории, в то время как принадлежавшие им другие группы, возможно, были вытеснены в лесную зону» [Вернадский, 2000а: 21]. Что касается последующей смены племён – вторжение в Скифию и захват скифских земель сарматами, то в новое сарматское время «некоторые из групп прародителей русских племён уже были в черноморских степях под сарматским контролем» [Вернадский, 2000а: 21]. Со ссылкой на других авторов, Г.В. Вернадский допускает, что в

сарматский период уже должны были быть западные, средние и восточные славяне. Учёный уверен, что в этом районе, т.е. на юге России в этот доисторический период, не позже I тыс. до н.э., сформировалось «жизненное пространство» русских людей, что «группа прародителей славянских племён осела в этом районе и произошло это в среде господствующих иранских кочевых племён, сперва скифов, а затем сарматов» [Вернадский, 2000а: 23, 25–27].

С вторжением сарматов в Северное Причерноморье значительно увеличилась численность народов иранского происхождения, живущих в черноморских степях. Конечно же, это произошло не за счет скифов, ибо, будучи побеждены сарматами, они, вероятно, не были уничтожены и изгнаны, не все покинули свою территорию. К тому же сарматы и скифы были в близком родстве. Согласно свидетельству Геродота, сарматы говорили на ломаном скифском языке, потому многие обычаи и традиции последних перешли к сарматам.

В целом вопросы этнической истории сарматов Г.В. Вернадским исследованы довольно основательно. Вызывают возражения лишь отдельные неточности. В одной из своих работ учёный пишет, что сарматы сменили скифов во II в. до н.э. С этим его тезисом не увязывается другое его высказывание, гласившее: «В начале III в. до н.э. сарматы приблизились к восточным берегам р. Дон и к концу века (не II, а III. – А.Ч.) уже пересекли Дон в западном направлении» [Вернадский, 1996: 92]. Именно III в. до н.э., а не II считается временем начала сарматского владычества на севере Причерноморья.

Г.В. Вернадский пишет, что миграция сарматов на запад шла волнообразно, последовательно. Первыми в черноморских степях появились языги, за ними следовали роксоланы, затем сираки и аорсы. Последними в ареале появились аланы, которых он ассоциирует с роксоланами [Vernadsky, 1959: 87]. Это мнение учёного представляется нам несколько противоречивым. Указанное Г.В. Вернадским географическое размещение

сарматских племён с запада на восток соответствует действительности. Однако, если роксоланы и аланы, согласно Г.В. Вернадскому, были идентичным племенем, то непонятно, почему они двинулись на запад одновременно и врозь? И второе. В своей книге «Древняя Русь» Г.В. Вернадский временем переселения сарматов-аорсов считает рубеж II–I вв. до н.э. [Чиби́ров, 2018: 139], а в других работах, придерживаясь схемы Е. Тойблера – М. Ростовцева, отодвигает его назад (Вернадский, 1992; Вернадский, 1996). На этот недостаток концепции Г.В. Вернадского указал и Ю.С. Гаглойти [Гаглойти, 2010: 129].

В первом томе своей «Истории России» под названием «Древняя Русь», а также в других своих работах Г.В. Вернадский сообщает некоторые подробности о вышеперечисленных сарматских племенах.

3.5.1. Языги

Языги – сарматские племена, создавшие крупный военно-политический союз кочевых племён с центром в Северном Приазовье, выходцы из Поволжья и Приуралья и расселившиеся на Западе, начиная со II в. до н.э. [СИЭ, 1976: 847]. Языги были первым сарматским народом, расселившимся на территории Европы. Геродот не называет их скифами, хотя считает их обычаи схожими со скифскими. Они на два столетия обосновались на берегах Чёрного моря между реками Днестр и Нижний Дунай. Через Добруджу (нынешнее черноморское побережье Болгарии и Румынии), которая в древности была известна как Малая Скифия, они вошли в соприкосновение с римлянами. Следствием этого события стала война языгов и роксоланов с Римом.

Источники сообщают, что вооружение сарматов отличалось от скифского. И если основную ударную силу скифов составляла легкая кавалерия, прежде всего конные лучники, то «сарматские воины носили тяжелые доспехи, и основным их оружием был не лук, а длинный меч. Есть

основания полагать, что сарматам мы обязаны изобретением стремени; более ранних свидетельств его существования не обнаружено» [Фрай, 1972: 219].

Согласно свидетельствам античных авторов в 175 г., в ходе Маркоманских войн¹²⁷ (166-180) император Марк Аврелий¹²⁸ нанес поражение сарматам-языгам на Венгерской равнине в Паннонии¹²⁹. Во второй половине I в. н.э. языги продвинулись дальше, в Паннонию, после ряда поражений, нанесенных им римлянами. В 167-169 гг. языги перешли Дунай на лимесе Нижней Паннонии и начали опустошать провинцию. Зимой 173-174 гг. на льду Дуная произошла битва между языгами и римскими войсками. Разбитые языги отступили через Дунай. Описание этой битвы передает Дион Кассий [Колосовская, 1973: 224]. Марк Аврелий подписал мирный договор с языгами в 175 г., после чего на правах победителя потребовал, чтобы Риму были переданы восемь тысяч тяжеловооруженных воинов-языгов. 5500 всадников из этой группы были прикреплены в качестве вспомогательного отряда к префекту VI легиона (*Legio VI Victrix*) Луцию Арторию Кастусу и последовали за ним в Британию на Адрианов Вал, границу Римской империи с Шотландией для защиты ее северных рубежей от постоянных набегов горцев Шотландии [Литтлтон. Малкор, 2007: 35]. Таким образом, во II в. н.э., сарматы-языги были первыми ираноязычными племенами, которые компактно обосновались на территории Римской империи, а именно в Британии.

После победы над языгами, маркоманами и квадами, в намерения Марка Аврелия входило создание на территории Паннонии двух новых провинций – Маркомании и Сарматии [Колосовская, 1973: 224]. Расселение сарматов в междуречье Дуная и Тиссы продолжалось вплоть до IV в. Их

¹²⁷ Маркоманские войны (166 - 180 годы) - война германских и сарматских племён с Римом, вызванная передвижениями этих племён на восточных границах Римской империи.

¹²⁸ Марк Аврелий Антонин (лат. *Marcus Aurelius Antoninus*; 26 апреля 121, Рим - 17 марта 180, Виндобона) - римский император (161-180) из династии Антонинов, философ, представитель позднего стоицизма, последователь Эпиктета. Последний из пяти хороших императоров.

¹²⁹ Паннония (лат. *Pannonia*) - римская провинция; регион в центральной Европе на территории современных Венгрии, восточной Австрии, юго-западной Словакии, северной Словении, северной Хорватии, северо-восточной Сербии, северной Боснии и Герцеговины.

длительные войны с империей проходили в основном в пределах Нижней Паннонии и на ее лимесе, получившей позднее название *ripa Sarmatica* [Колосовская, 1973: 234].

Маркоманские войны дались империи очень тяжело. В свидетельствах древних они определялись как такие, которых еще не бывало на памяти людей (SHA, *vita Marci*, 17, 1). Эти войны считаются рубежом в истории Рима, после чего начинается ее постепенный закат [Колосовская, 1973: 216]. Именно после Маркоманских войн римляне начали массово селить в пределах империи варварские народы [Колосовская, 1973: 227]¹³⁰.

История сохранила и имена сарматских правителей, которые противостояли Марку Аврелию. Царь Банадасп, сторонник войны с Римом, был взят под стражу, а переговоры с Марком Аврелием возглавил царь Зантик. После этой победы Марк Аврелий принял титул «Сарматский», и даже чеканил соответствующие монеты [Чибилов, 2016: 82]. Справедливо критикуя М.И. Ростовцева, ошибочно считавшего языгов меотским племенем, Г.В. Вернадский, кажется, и сам не вполне был уверен в их принадлежности к сарматскому миру, допуская иранство лишь правящей верхушки.

3.5.2. Роксоланы

Восточными соседями языгов, о которых сохранились более подробные сведения, были родственные им роксоланы. Роксоланы, название которых объяснялось как «светлые (или блестящие) аланы», появились в

¹³⁰ По условиям мирного договора с языгами, им было запрещено селиться и пасти скот в пограничной полосе за Дунаем на расстоянии 76 стадиев. Судам языгов запрещалось плавание по Дунаю. Для языгов не были установлены дни торговли, в которые они могли бы приходить на римский берег. Квады могли собирать собрания своего племени раз в месяц в присутствии римского центуриона. Языгам такие собрания были запрещены, но они добились разрешения у Марка Аврелия общаться со своими соплеменниками роксоланами через Дакию, каждый раз испрашивая на это разрешения у наместника провинции. Помимо прочего языги вернули Риму 100000 пленных, не считая тех, которые погибли в плену, были проданы в рабство, или бежали. (Dio Cass., 71, 19, 1-2). Позднее дни торговли для языгов были восстановлены, так как это давало Риму возможность экономического проникновения в варварские племена. – [Колосовская, 1973: 229]

европейских степях уже после языгов [Фрай, 1972: 218]. В.И. Абаев выдвинул предположение, что этноним «роксоланы» исходит от иранского *roxs-alan*, что в переводе означает «светлые аланы», где *roxs* – это древнеиранское *rauxšna* – «светлый», а *alan* от *aryana* – «арийский, ариец» [Абаев, 1949: 156; Абаев, 1973: 435–437]. Эту этимологию поддерживали некоторые специалисты, в том числе М. Фасмер, В.Н. Топоров [Топоров, 1990: 186], и др. Д.И. Багaley отмечал: «... имя Роксолан выводится из иранских наречий и обозначает белых алан» [Багaley, 1914: 103].

Г.В. Вернадский нисколько не сомневался в иранском происхождении племенного названия роксоланов, заявляя: «Первая часть имени роксоланы можно вывести из иранского *rukša*, что означает «светлый». Таким образом, роксоланы – это явно светлые аланы» [Вернадский, 1992: 85–86]. Такую же интерпретацию этого названия предложил и академик РАН О.Н. Трубачев. По его мнению, этноним напоминает древнеиндийское *rukṣa* – «сияющий, блестящий» с близким значением [Трубачёв, 1977: 27]. Роксоланы (от осет. *рохс*, *рухс* – светлый) являются ираноязычным сарматским племенем, сформировавшимся в Средней Азии. Во II в. до н.э. они появляются в Северном Причерноморье. Со ссылками на Ибн Руста (X в.) и В.Ф. Минорского, В.А. Кузнецов считает роксолан одним из четырех аланских племён, которому принадлежали почёт и власть племени [Кузнецов, 1992: 30, 38]. Из античных авторов впервые о роксоланах, а также о типичном облачении роксоланского воина писал Страбон: «легкая пехота у роксалан облачается в шлемы из сырой бычачей кожи и в панцыри; для наступления они пользуются копьем, мечом и луком» [Багaley, 1914: 103]. Местом их расселения являлся бассейн р. Дон. Именно здесь их впервые упоминает географ VII в. из Ровенны. Церковный историк Захарий Ритор, епископ Митилинский (ок. 475 – ок. 560 гг. н.э.) в своей «Церковной истории» отождествляет с ними же и племя *ерос*, которое также часто интерпретируется и как первое упоминание русов (росов) [Вернадский, 2000а: 268–269]. Учёных, которые занимаются историей славян, из всех

сарматских племён больше всех интересовали роксоланы. Причиной тому является созвучие первого слога названия племени Рокс-Рохс с этническим термином Русь, хотя вопрос этот до сих пор вызывает споры и дискуссии среди специалистов.

3.5.3. Аорсы

К востоку от роксоланов на Нижнем Дону расположились аорсы, имя которых, согласно мнению учёного, было производным от иранского слова *ors* в значении «белый». Как пишет далее Георгий Владимирович, к юго-востоку от них вокруг долины Кубани обосновались сираки. Г.В. Вернадский непоследователен в вопросах этнической принадлежности некоторых сарматских племён: «Среди меотийских племён здесь могут быть упомянуты синды и савроматы» [Вернадский, 1996: 75]. Он повторяет эту же ошибку, когда пишет, что местные племена являются яфетическими и иранскими. Между тем, это не соответствует действительности. Сарматы признаны наукой как ираноязычный народ, не имеющий в этническом плане никакого отношения к синдам и меотам. Меоты (или мэоты, как пишет Г.В. Вернадский) и синды жили в Азово-Кубанском ареале, а сарматы – на Нижнем Дону и Нижнем Донце, и, кроме территориального соседства, эти народы ничего не объединяло. Меоты являются местными автохтонами Кавказа, близкими соседями царских скифов на юго-востоке. От них же и пошло название Меотийского (Азовского) моря. Лингвистически меоты относились к кавказской языковой семье, сарматы же были весьма близки по языку и обычаям к скифам. Как писал М.И. Ростовцев, внешний облик сарматов такой же, как и скифов – длинные волосы и бороды, восточная одежда, похожая на одежду парфян, штаны [Ростовцев, 1918: 129]. Язык скифов, сарматов, саков, массагетов относится к индоевропейской языковой семье.

Вызывает вопросы и понятие «меотский матриархат», введенное Г.В. Вернадским, заимствованное, по его мнению, сарматами от меотов. Учёный обозначает меотов как носителей матриархата на Кавказе, т.е. приписывает меотским женщинам решающую роль в родовой жизни. Согласно ему же, сарматы заимствовали матриархат от меотов. На самом деле это далеко не так. Матриархату, или гинекократии сарматов, посвятили специальные статьи известные учёные-скифологи и сарматоведы (Граков, 1947; Хазанов, 1970; Смирнов, 1971). Традиция матриархата у савроматов, появилась задолго до того, как она была выявлена синдов и меотов. Что же касается, к примеру, синдов, то у них почитание женщины не наблюдалось в начальные периоды их истории (I тыс. до н.э.), а появилось лишь в первых веках нашей эры, когда «синды подверглись сарматизации, приведшей к их ассимиляции с сарматами» [СИЭ, 1969: 882].

3.6. Аланы (асы)

«Среди различных народов, обитавших в ранние времена в Северном Туркестане, возможно, самым интересным и значимым были аланы, благодаря той роли, которую им позже суждено было сыграть в истории» – пишет американский антрополог У.М. Макговерн в своей работе «Древние империи Центральной Азии» [Макговерн, 2021: 45]. Аланы действительно сыграли выдающуюся роль в истории древнего мира и средних веков, а также имели непосредственное отношение к становлению русской государственности. Они сменили по своему значению в южнорусских степях сарматов, заселили «сарматские пустыни» и дали свое имя, в том числе и соседним народам. Аммиан Марцеллин характеризует алан как кочевников, номадов, но более культурных, напоминающих скорее скифов-сарматов, нежели гуннов. «Но их господство продолжалось недолго: скоро их стали теснить народы германского корня, а затем гунны: одна часть их была увлечена вандалами-свевами в северную Африку, другая поселилась в

Византийской Империи, третья сохранилась до наших дней под названием осетин, на Кавказе, а также долго держалась и в Крыму (в Судаке, древней Сугдее, бывшей их колонии)» [Багалей, 1914: 103]. «... ветвь аланов, проделала путь на северные склоны Кавказских гор, и эта ветвь под названием «осетины» до сих пор говорит на своем древнем языке, и сохраняет свою идентичность, пройдя сквозь века и являясь единственной из множества сарматских групп, пережившей все разрушительные воздействия времени» [Макговерн, 2021: 45]. Поэтическое описание алан У. Макговерна продолжает сухая, но емкая фраза видного американского ираниста Ричарда Фрая: «Потомки средневековых алан, скифского иранского народа, и по сей день живут на Северном Кавказе – это осетины» [Фрай, 1972: 27].

В средние века аланы сформировали раннефеодальное государство на Северном Кавказе. Помимо этого, в ряде регионов мира существовали государственные образования алан. Так, Аланией когда-то называли территорию нынешней Бессарабии, Восточной Валахии и Молдавии [Сулимирский, 2010: 178]. Истории известны такие понятия, как Гоаровская Алания, которая находилась на территории нынешней Франции, а также Королевство вандалов и аланов, располагавшееся на севере Африки, и т.д. Гидро- и топонимические термины аланского происхождения также разбросаны по всей территории Европы.

Первые упоминания об аланах встречаются в трудах античных авторов с середины I века н. э. Этноним аланы встречается в 25 году н.э. в китайских источниках как название сарматского племени, сменившего аорсов (Яньцай). Русский востоковед, путешественник, писатель Н.Я. Бичурин (отец Иакинф. – А.Ч.) в своей работе «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» пишет: «Владение Яньцай переименовалось Аланьяю; состоит в зависимости от Кангюя ... Обыкновения и одеяние народа сходны с кангюйскими» [Бичурин, 1950: 229]. Ещё одно интересное свидетельство китайских источников указывает на следующее: «Правление в городе Аланьми. Эта страна прежде принадлежала кангюйскому удельному

владельцу. Больших городов считается сорок, малых около тысячи. Мужественные и крепкие берутся в *чжэгэ*, что в переводе на язык Среднего государства значит: строевой ратник» [Бичурин, 1950: 311]. Название «аланы» для этого народа использовалось в римских и византийских хрониках вплоть до XVI века, когда в византийских хрониках встречаются последние упоминания об Аланской епархии. Арабы также называли аланов именем *Al-lan*, которое было образовано от византийского аланы. Ибн Руста (IX-X вв.) сообщал, что аланы делятся на четыре племени. Известно также, что самое западное из них называлось асы. Ал-Бируни, Гийом де Рубрук, Плато Карпини, К. де Бридиа, Иосафат Барбаро и другие свидетельствовали, что «аланы и асы» – один и тот же народ. Отрывок из «Иудейской войны» Иосифа Флавия (7: 244) в переводе на древнерусский язык (XII–XIII вв.) выглядит следующим образом: «Язык же ясьский ведом есть, яко отъ печенежскаго рода родися, живуца подле Тани и Меотскаго моря»; прилагательное ясьский является производным от этнонима Ясы, представляющего собою форму этнонима **as*-» [Алемань, 2003: 34–35].

В классических источниках (Марцелин [Античные, 1990: 242]; Птолемей [Античные, 1990: 148, 235]; Страбон [Античные, 1990: 216-217]; Лукиан Самосатский [Античные, 1990: 142]), аланы часто определяются как скифы, сарматы или массагеты, однако, начиная с прошлого столетия, их стали рассматривать, по крайней мере, по происхождению, в качестве сарматской группы и предшественников современных осетин на Центральном Кавказе, и, следовательно, говоривших на одном из северо-восточных иранских языков [Алемань, 2003: 28]. Появление алан в Восточной Европе, а именно в низовьях Дуная, Северном Причерноморье, Предкавказье, исследователи считают следствием их усиления внутри северокаспийского объединения сарматских племён под властью аорсов (Античные, 1990; Смирнов, 1950; Смирнов, 1954; Абрамова, 1959).

Исследователями были высказаны различные мнения по поводу происхождения этнонима аланы. Так, Г.Ф. Миллер считал, что «имя аланов

родилось у греков, и оно происходит от греческого глагола, значащего странствовать или кочевать» [Миллер. ЦГАДА, ф. 199, № 47. д. 3]. В своей работе «О народах, издревле в России обитавших», изданной в 1773 г., он же высказал мнение о родстве осетин с раннесредневековым аланским племенем ассы. Говоря о том, что «Алане были Готский народ», Г.Ф. Миллер далее продолжает: «Карпини и Рубрук в тринадцатом веке упоминают об аланах, коих они при путешествии своем находили. Первый равняет их с черкесами и даёт им прозвание Ассы, которое, кажется, в сродстве с нынешними Оссетами» [Чибиров, 2016: 18–24]. К.В. Мюлленгоф имя алан производил от названия горного хребта на Алтае [Mullenhoff, 1892].

В настоящее время в науке признана версия, обоснованная В.И. Абаевым, согласно которой термин алан является производным от общего наименования древних ариев и иранцев *arya*. Этой версии придерживаются Э.А. Грантовский (1970), Д.С. Раевский (1977), Т.В. Гамкрелидзе (1984), И.М. Оранский (1960) и др. Согласно Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванову, первоначальное значение этого слова «хозяин», «гость», «товарищ» развивается в отдельных исторических традициях в «товарищ по племени», далее в самоназвание племени (*arya*) и страны [Гамкрелидзе, Иванов, 1984: 755].

Наиболее развёрнутые ответы на поставленные вопросы даны в монографии каталонского учёного А. Алеманя под названием «Аланы в древних и средневековых письменных источниках». Отсекая различные теории происхождения этнонима алан, А. Алемань связывает его исключительно с производным от слова **aryana-*, и считает, что «первоначально это предположение было встречено скептически, поскольку осет.- и. *ir*, д.- *irae*, прилагательное *iron* – название восточных осетин, рассматривалось как производное от др.-иран. формы **a(i)rya-* «арийский». Подобный взгляд возник под значительным влиянием н.-перс. *Iran* < ср.-перс. *Eran-sahr* < др.-иран. **aryanam xsaOram* «царство ариев». Однако в настоящее время эта теория может рассматриваться как полностью принятая

и, не углубляясь в проблемы этногенеза, кажется очевидным, что аланы возникли как гетерогенная племенная конфедерация благодаря объединению ряда североиранских групп под кличем общего «арийского» происхождения («*Ariertum*»). Осетины сохраняют этот древний этноним вплоть до сегодняшнего дня, но только в фольклоре, в форме *allon* < др.-иран. **aryana*. Мингрелы называют тюркоязычных карачаевцев *alani*, вероятно, потому, что сегодня этот народ занимает старую аланскую территорию. В то же время мингрельское *alani k'oc'i* означает «герой» (ср. ингуш, *aloe* «князь») и *alanuroba*, «турнир». С другой стороны, осетинский антропоним *Alan* был реимпортирован из англ. *Alan* и франц. *Alain* < лат. *Alanus*, восходящего ко времени Великого переселения народов» [Алемань, 2003: 30–33]. А. Алемань также скрупулёзен, касаясь этнонима *ас*. Он пишет: «На Центральном Кавказе по настоящее время живёт единственный народ, который, по всем имеющимся у нас данным, происходит от средневековых алан – это осетины. По переписи населения 1979 года, примерно 480 тысяч человек говорит на языке, относящемся к северо-восточной подгруппе иранских языков и представляющем последние следы древнего скифо-сарматского. Существует два основных диалекта: дигорский, или западноосетинский (осет.-д. *Digoron aevzag*), и иронский, или восточноосетинский (осет.-и. *Iron aevzag*). Большинство говорит на иронском диалекте, однако дигорский является более архаичным и поэтому именно он в основном используется при реконструкции языка аланов; оба диалекта находятся в окружении кавказских (грузинский – на юге, кабардино-черкесский – на севере и западе, ингушский и чеченский – на востоке) и тюркских (ногайский, карачаевский и балкарский на севере и западе) языков [Алемань, 2003: 32–34].

Такова вкратце историография вопроса. Г.В. Вернадский считал алан самостоятельным сарматским племенем, которое позже всех появилось на юге России, но контролировало при этом более значительные территории, включающие в себя степи у Азовского моря от Дона и Донца до Нижней Волги и до подножья Предкавказья. Согласно его заключению, к концу I в.

аорсы и сираки признали над собой главенство алан. Им же установлено, что аланы в древности проживали в Восточном Туркестане, в области, раньше известной под названием Ань-цай. В политической жизни Туркестана они играли важную роль. Интересна этимология названия алан, предложенная Г.В. Вернадским, который считал, что название алан происходит от древнеиранского слова *елен*, означающего олень [Vernadsky, 1944].

Латинские хроники I–IV вв. весьма охотно писали об аланах. Авиен, Гегесипп, Лукан, Марциал, Плиний Старший, Помпей Трог, Светоний, Тацит, Валерий Флакк и другие авторы так или иначе упоминали алан в разных контекстах. Однако, наиболее подробные сведения об аланах оставил древнеримский историк Аммиан Марцеллин (ок 330 г. – 400 г.), по происхождению сирийский грек, который для алан (Аммиан употребляет форму *Halani*. – А.Ч.) по сути, был нечто сродни тому, кем был для скифов Геродот. Более подробного описания алан, их образа жизни из древних не оставил никто. Он родился в Антиохии и в 354 году уже являлся одним из протекторов-доместиков (лат. *protector domesticus*), которые составляли элиту позднеимперской армии и были приближены к императору. Это позволило Аммиану получить отличную военную подготовку, прекрасно разбираться в военном деле, а также быть в курсе всех важнейших государственных дел. Судьба свела его с магистром конницы Урсицином (*Ursicinus*. – А.Ч.), через которого Аммиан Марцеллин получил возможность соприкоснуться с важнейшими событиями в истории Римской империи того периода. Аммиана Марцеллина называют последним крупным римским историком, или же последним античным историком. Он известен, прежде всего, как историк, написавший труд под названием «Деяния», «История» или же «Римская история». Нахождение Аммиана в рядах протекторов-доместиков, приближенных к императору, а также его участие в военных кампаниях против Персии, в том числе и персидском походе императора Юлиана Отступника, характеризует его как человека смелого и прямого. Вряд ли он испытывал необходимость в излишней романтизации варваров в

преувеличении и искажении реальных фактов. Самые подробные сведения о быте и культуре алан во всей античной литературе содержатся в «Деяниях» Аммиана Марцеллина. Ни один из античных авторов, чьими трудами пользовался Марцеллин, не предоставляет такие детали и подробности об аланах, к каковым прибегал последний. Первоначально труд Аммиана Марцеллина состоял из тридцати одной книги и охватывал период с 96 по 378 год: от прихода к власти императора Нервы (96–98 гг. до н.э.) до смерти императора Валента в 378 году. Однако до нас дошли только последние восемнадцать книг «Деяний» (XIV–XXXI), в которых описываются события 353–378 гг., период от подавления восстания Магненция¹³¹ до битвы при Адрианополе и гибели императора Валента. Так, в книге XXXI, охватывающей период с 375 по 378 гг., есть главы, посвящённые аланам. Они называются «О местожительстве и нравах гуннов, аланов и других племён азиатской Скифии», и «Гунны присоединяют к себе оружием или по договору аланов-танаитов; они нападают на готов и изгоняют их из их земель».

О первоначальном расселении алан Аммиан Марцеллин пишет: «В другой стороне близ поселения амазонок живут аланы, обращенные к востоку и рассеянные между многолюдными и обширными племенами; их владения простираются, как я узнал, до самой реки Ганга» [Античные, 1990: 163]. Комментируя эти слова Аммиана Марцеллина, Г.В. Вернадский пишет: «Аммиан имел в виду Индо-Скифское царство *ю-чи*; в этой связи нужно вспомнить, что, согласно Трогусу (Гней Помпей Трог – А.Ч.), правящая династия *ю-чи* была аланская. Исходя из тесных связей между аланами и *ю-чи*, можно предположить, что отдельные отряды *ю-чи* проникли в Южную Россию вместе с аланами» [Вернадский, 1992: 217].

В миграции на запад аланы в составе сарматских племен были последними и расположились восточнее аорсов, а с I по IV в. заняли степи

¹³¹ Флавий Магн Магненций (лат. *Flavius Magnus Magnentius*. умер в 353 году, Лугдун) - римский император в 350 - 353 годах, франк родом из Галлии.

юга России. Они контролировали территории от Азовского моря до Нижней Волги и подножья Кавказских гор, затем постепенно заняли и земли в верховьях рек Дона и Донца [Вернадский, 1992: 217]. Г.В. Вернадский пишет, что некоторые из аланских родов остались в Восточном Прикаспии, однако связь между западными аланами и аланами, оставшимися на Востоке, сохранилась. Эти связи поддерживались ими вплоть до IV в. н.э. В целом же следует отметить, что «в течение многих веков они (аланы – А.Ч.) контролировали Центральную Азию, Кавказ и Черноморские степи. С этой базы они расходились в разных направлениях, проникая последовательными волнами в Иран, Индию и на запад Европы. Крепко обосновавшиеся в евразийских степях, аланы и народы, которые были им подчинены, служили соединительной линией между лесным поясом на севере Евразии и землями, находящимися на севере и на западе степной зоны, между народами степей и Средиземноморья» [НА СОИГСИ, ф. 41, о.1, д. 23 а].

Истории появления алан на Северном Причерноморье Г.В. Вернадский посвятил специальную статью, написанную им в 1944 г., которая так и называлась – «О происхождении алан»¹³², где учёный довольно подробно повествует об этногенезе алан, о родственных им племенах. Детальное исследование источников, посвящённых аланам, позволило ему стать одним из первых учёных, которые смогли распознать в процессах формирования алан как некоей этнокультурной единицы, их ранние и поздние этапы. Согласно научной точке зрения учёного, ранние аланы – это не потомки какого-либо одного сарматского племени (аорсов, сираков и др.), а результат синтеза близкородственных «скифских этносов (или их частей) района Оксачксарта-Приаралья». Учёный не сомневался в этногенетической связи скифо-сармато-алан, считал последних предками осетинского народа [Вернадский, 1996: с. 45].

Со ссылками на того же Марцеллина Г.В. Вернадский пишет о хозяйственном укладе алан, который характеризуется им как типичное

¹³² Vernadsky G. Sur l'Origine des Alains. Byzantion. T. XVI. I. Boston, 1944

кочевничество. Говоря об их внешнем виде (высоки ростом, красивы, подвижны, с умеренно белокурыми волосами), учёный ещё раз иллюстрирует восточное происхождение алан, проводя параллели с оставшимися на востоке родственными аланам асунами [Вернадский, 1992: 217].

Миграцию алан из Азии в Причерноморье и на Северный Кавказ учёный связывает с перемещением сарматов. В одной из своих ранних работ Г.В. Вернадский считает временем пребывания алан в Восточной Европе II–I вв. до н.э. А уже в статье под названием «О происхождении алан», о которой говорилось выше, солидаризируясь с М.И. Ростовцевым, учёный считает, что из сарматских племён первыми прибыли с востока языги, затем роксоланы, за роксоланами последовали сначала сираки, затем аорсы, а самыми последними – аланы [Vernadsky, 1944: 87].

В научном сообществе и по настоящее время не прекращаются споры вокруг вопроса – были ли аланы самостоятельным племенем или всё же являлись неким собирательным социумом. Известно, что Аммиан Марцеллин считал термин алан общим наименованием многих племен. Он писал: «Они мало-помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности, подобно персам» [Античные ... , 1990:162]. В унисон с мнением Марцеллина звучит и заключение Г.В. Вернадского: «С распространением господства аланов над обширными территориями их имя стало употребляться не только по отношению к собственно аланам, но и к ряду покоренных ими племён, имевших разное происхождение» [Vernadsky, 1943: 84-90].

В первых двух томах истории России («Древняя Русь» и «Киевская Русь») иранские и славянские этнонимы племён представлены в самых разных словосочетаниях и конфигурациях: аланы-асы, асы-рухс, рухс-асы, асы-русы, асы-анты, аланы-анты, ассо-славы, асо-славяне, асы-славяне (анты), русские (рухс-ас), ассо-иранцы и т.д. Такой насыщенный этнический и терминологический разброс способен впечатлить несведущего читателя.

Этимология этнонима «алан» была рассмотрена выше, и в этом контексте представляется интересным этимология термина «ас».

Асы, те же аланы, оставили заметный след не только на юге России, но и на просторах Северо-Западной Европы. Г.В. Вернадским приводятся любопытные данные в поддержку этого утверждения. Согласно ему, название *ас* широко распространено в степях Северной Тавриды. Многие деревни в Евпаторийском и Перекопском районах в своём названии или части его имеют частицу *-ас* (Ас, Кучук-ас, Терекли-ас и др.) На севере полуострова к тому же протекает и река Ас [Вернадский, 2000а: 164]. Помимо прочего, земля к востоку от р. Дон называлась *Асландом*, а главным городом этой земли называли *Асгард*. В районе предполагаемого города также была гора под названием *Ас-Даг* («Гора Асов»). Этноним *ас* получил широкое распространение и в Скандинавии. Название *Асгард* встречается на Балтийском побережье. Согласно сведениям, приведённым в последней книге известного норвежского учёного и путешественника Т. Хейердала «В поисках Одина. По следам нашего прошлого», вышедшей в Осло в 2001 г. и написанной на основе результатов археологических раскопок в районе Азова, в Скандинавии распространены женские и мужские имена в форме *Ас-Аса*, о чём, собственно, писал и Г.В. Вернадский (Хейердал, 2001). Всё это свидетельствует о том, что скандинавские саги, полные легенд об асах, не случайно возвели их в ранг богов, которым покровительствовал сам Один¹³³. Каким же образом такое количество южных топонимов оказалось в Скандинавии? Ответ Г.В. Вернадского на этот вопрос прост, логически верен и убедителен: «Перенос названия с юга на Скандинавию могло быть следствием утвердившейся традиции. Когда скандинавы возвращались домой в прибалтийские земли, они имели обыкновение давать прежним местам новые имена» [Вернадский, 2000а: 284].

¹³³ Один, или Вотан (прагерм. **Wōdanaz* или **Wōđinaz*; др.-сканд. *Óðinn*) - верховный бог в германо-скандинавской мифологии, отец и предводитель асов, сын Бёра и Бестлы, внук Бури. Мудрец и шаман, знаток рун и саг, царь-жрец, колдун-воин, бог войны и победы, покровитель военной аристократии, хозяин Вальгаллы и повелитель валькирий.

Согласно китайским источникам, на монгольской службе в Китае в эпоху правления династии Юань, находилось 10000 асов. Там же, в 1286 г. была официально учреждена гвардия асов, в которую вошли все воинские части, состоящие из асов. Все они были военными деятелями. В тех же источниках сохранились имена наиболее выдающихся представителей асов. Семья аса Атачи, отец которого Кангуз возглавлял одно из государственных образований асов, была если и менее влиятельна в ареале, чем Ардабурии в Византийской империи, тем не менее, оставила такой же сопоставимый по значимости след в истории. Атачи за всю свою жизнь принял участие в более чем двадцати крупных сражениях в Китае и Центральной Азии. Его сын Байдар стоял у истоков создания императорской гвардии, состоящей из асов. Байдару наследовали сыновья Орос и Фудин. В «Юань-ши» описаны биографии асов – Георгия, его сына Дэмидира (Дмитрия), Нигэла (Никола), Элия (Илья), которые были представителями знатных христианских семей, а также Шари, Шилабадура, Бадура, Юваши, Фуде, Арслана и других воинов, которые отличились на монгольской службе [Кадырбаев, 1990: 84–88].

А. Алемань пишет: «Английский этноним *Ossetian* происходит от рус. Осетия, осетин и осетинский, восходящих к груз. *Oset'i* и *Osi*, в более древних формах *Ovset'i* и *ovsi*, которые документированы в хронике «Картлис Цховреба» (§ 9.1). Однако последнее представляется в свою очередь не чем иным, как вариантом этнонима **as-*, в изобилии документированного в араб. и н.-перс. *As/As* (§§ 6.1 и 11.7), в монг. мн.ч. *Asud*, прилагательное *Asutai* (§ 12.1), в кит. *Asu* (эпоха Юань, § 15.9), а также в среднелатинских формах *As*, *Aas*, *Assi*, *Azzi* (§ 4.30). Сходным образом в древнерусских летописях отражён во мн.ч. этноним ясы, ед.ч. *ясинь*, прилагательное *яс(ь)ский*, с палатализацией первого гласного (§ 13.1), подобно венг. *Jasz*, мн. ч. *Jaszok* ... И сегодня осет.-и. *asiag*, *Asy*; осет.-д. *aesson*, *As(s)i* «балкарцы, Балкария» восходит к данному этнониму, поскольку тюркоязычные балкарцы занимали прежние аланские территории с XIII–XIV вв.» [Алемань, 2003: 32–34].

3.6.1. Ясы

Учёный четко разобрался в племенной номенклатуре иранских народов, что позволило ему считать название ясов производным от русской формы – асы, или аланы, что подтверждается и другими учёными (Ламанский, 1902: 11; Алемань, 2003: 33). В данном случае речь идёт об иранских кочевых племенах в Центральной и Средней Азии – асах и асианах (Страбона и Трога), которых Г.В. Вернадский отождествлял с усунями или осунями, упоминающимися в китайских источниках. Учёный отождествляет усуней (ещё одна форма написания – осуни) и алан, считая этнонимы *ас* и *алан* синонимичными понятиями. Предков алан и осетин в усунях видел и шведский ориенталист Ярл Шарпантье. Г.В. Вернадский обратил внимание на антропологические черты усуней – голубые глаза и белокурые волосы – черты, указывающие «на их арийское происхождение; вполне вероятно, что они были одним из сарматских племён, возможно, другой ветвью тех же аланов» [Вернадский, 1992: 83–84].

Весьма интересны сведения Г.В. Вернадского о сармато-аланском племени асун, которое проживало в Джунгарии, географической и исторической области Центральной Азии в Северном Синьцзяне на северо-западе Китая. Как полагает В.А. Кузнецов, около середины I тыс. до н.э. асуны переселились из Восточной Европы в Среднюю Азию [Кузнецов, 1992: 31]. В союзе с некоторыми среднеазиатскими племенами они участвовали в разрушении Греко-Бактрийского царства. Г.В. Вернадский писал: «Мы должны теперь обратить наше внимание в той же связи на народ осун (Уусун) в Джунгарии, который был завоёван йю-ки (восточными тохарами – А.Ч.) около 160 г. до н.э. Согласно китайским хроникам осуни имели голубые глаза и светлые волосы ... Важно, что, согласно Страбону, существовала иная форма имени асии: «асии или асианы» (*Asioih Asianoi*). Форма «асианы» кажется особенно близкой к имени осун. Ярл Шарпантье, принимая отождествление *асиев* с *осун*, отмечает, что «имя ас имеет

параллельную форму ос, которая была сохранена в имени осетин ... Поэтому ос или осун в Джунгарии должны были быть ветвью ас или антов Казахстана» [Вернадский, 1992: 103]. Эти сведения не могли не заинтересовать нас. Дело в том, что племена под схожим названием *асуды*¹³⁴, с явно выраженными европеоидными чертами лица, этнографы зафиксировали во внутренней Монголии. При этом принято считать, что *асуды* – это потомки той части алан, которые мигрировали на восток в ходе татаро-монгольских завоеваний на Северном Кавказе.

Будучи приверженцем марровской яфетической теории¹³⁵, Г.В. Вернадский называл осетин результатом смешения яфетических и иранских племён, считал что исторически они произошли от алан и продолжали именоваться аланами в византийских источниках; в русской летописи они были больше известны как ясы [Вернадский, 2000а: 375–376]. По существу же, Г.В. Вернадский первым высказал мнение об осетинах как этнической общности, в этногенезе которого приняли участие местные (яфетические), автохтонные племена, или так называемый субстрат, и пришлые аланские (суперстат) племена. Это точка зрения о двуприродности происхождения осетин впоследствии на более высоком уровне была обоснована В.И. Абаевым в своём докладе на сессии по этногенезу осетин, состоявшейся в 1966 г. во Владикавказе.

3.7. Анты

Ещё одним аланским племенем, с которым увязывается непосредственная судьба славян, были анты. В IV в. по словам Прокопия, в окрестностях Понта обитали бесчисленные народы – племена антов. «Славяне и анты в древности имели одно и то же имя *споров*. Иордан,

¹³⁴ Асуды были военной группой алан. Монгольский клан Асуд – мн. число от *Ас*, арабского названия алан.

¹³⁵ Яфетическая теория Н.Я. Марра – учение о языке, известное также как яфетическая теория, теория стадильности. Яфетидология или марризм – теория происхождения, истории и «классовой сущности» языка, пользовавшаяся государственной поддержкой в СССР в 1930-1950 гг.

живший в IV в, говорит, что венеды (праславяне, немецкое название славян) разделялись на славян и антов; первые жили от Дуная до Днестра и к северу от Вислы, анты же от Днестра до Днепра ... венеды, т.е. славяне, делились на две группы: славян, обитавших на западе, и антов, в которых можно видеть восточных славян, т.е., ветвь славянства, из которой образовались русские славяне. Прокопий говорит, что у обоих народов один язык и они имеют одинаковую наружность» [Багалея, 1914: 106]. Г.В. Вернадский уделяет большое внимание этногенезу и истории антов. В современной исторической науке принято считать их восточнославянским племенем, которые близко контактировали с аланами. По этому поводу Георгий Владимирович писал следующее: «Аланы, особенно та их ветвь, что известна как роксоланы (рухсасы), играли важную роль в консолидации и объединении антов и других южнорусских племён; допускаю возможным, что правящий класс антов мог быть аланского происхождения» [Вернадский, 2000а: 174]. И далее: «Поскольку (по нашему мнению) анты были славянами, организованные иранцами (аланами), правящий род антов должен был быть иранского происхождения» [Вернадский, 2000а: 174]. А. Глорик, Л. Шмидт и Фр. Альтхайм также считали антов не славянами, а аланами-осетинами, жившими между Доном и Кавказом [Буданова, 1990: 133, прим. 189]. Между тем, согласно мнению большинства специалистов, анты являются восточнославянскими племенами IV–VII вв., которые сформировались как общность в сармато-готскую эпоху.

По поводу происхождения этнонима анты в исторической науке существуют три основных версии. Согласно иранской версии, которой придерживались О.Н. Трубочёв (1977), О.Н. Бубенок (1997), С.Н. Чернявский (2016), В.Я. Петрухин (2008), Д.С. Раевский (1977), Ф.П. Филин (1964), В.В. Седов (1978) и др., термин анты имеет иранское происхождение. Ф.П. Филин указывает на то, что слово анты созвучно с древнеиранскими словами *antas* («конец, край»), *antyas* («что находится на краю») и осетинским *attiiya* (задний, сзади). Исходя из этого, значение слова анты учёный

интерпретирует как «*живущий на Украине, пограничный житель*» [Филин, 1964: 268]. Вторая версия условно называлась «славянской». Польский лингвист профессор Вроцлавского университета, автор сочинений о польской и славянской ономастике, антропонимии и этимологии, С. Роспанд, на основании свидетельства Иордана связывал название анты с венедами и выводил из индоевропейского **ven-* «мокрый, влажный» [Роспанд, 1972: 49]. Известный украинский ученый М.С. Грушевский считал антов исключительно украинцами [Чернявский, 2016: 3], в то время как академик Рыбаков полагал, что анты являются предками русских, украинцев и белорусов (Рыбаков, 2014). Сторонниками третьей, тюркской версии были такие учёные, как А.И. Попов, В.В. Мавродин и Э.В. Севортян, которые возводили этноним ант к тюркскому слову *ant*, что означает клятва, и в монгольском языке имело форму *anda-* ‘побратим’, ‘побратимство’ [Попов, 1972: 35-37; Севортян, 1974: 151].

В ряде специальных статей об антах Г.В. Вернадский формулирует свой собственный, достаточно аргументированный взгляд. Учёный рассматривает вопрос происхождения антов, сопоставляя этот народ с соседними и родственными племенами, используя для этого достаточно широкий сравнительный фон. Столь пристальное внимание учёного анты заслужили потому, что, согласно Г.В. Вернадскому, именно с них начинается собственно русская история. Эта версия принята и в академической науке. «Советская историческая энциклопедия» по этому поводу гласит: «Место антов заняло новое и более обширное объединение – Русь, ядро которого совпало с наиболее развитыми землями антов» [СИЭ, 1962: 639].

Итак, согласно Георгию Владимировичу, после завоевания Северного Кавказа в подчинение к аланам перешли некоторые местные народы, среди которых оказались «отдельные славянские племена; как минимум одно из них, анты приняло имя своих новых правителей. Антами именовали одно из аланских племён, жившее во II в. н.э.» [Вернадский, 1992: 218]. Г.В. Вернадский отождествляет этнонимы *анты* и *асы*, считая последних

предками осетинского народа. При этом, опять-таки согласно ему, этнонимом *анты* в большинстве своем пользовались латинские авторы, в то время как греческие источники использовали термин *асы*. Учёный доказал легкий переход по фонетическим правилам греческого языка от *анты* к *асы* [Вернадский, 1992: 83]. Анты и асы жили во II в. до н.э. в Южном Казахстане. По мнению Г.В. Вернадского, антов, как и других южнославянских племён, первоначально контролировала та ветвь алан, которая известна в истории под именем роксоланы (рухасы, светлые асы).

Как было отмечено выше, этнонимы *анты* и *асы* для Г.В. Вернадского равнозначны. При этом *ас*, по его версии, это – и алан, и осетин [Вернадский, 2000а: 171]. Он допускал, что анты могли называться *ас*, поскольку они управлялись аланскими родами. Именно они организовали славянские племена антов, и мы можем предположить, что существовали антские (асо-славы) и русские (рухс-ас) соединения даже в западноаланской орде [Вернадский, 2000а: 152]. Кроме того, Г.В. Вернадский считал иранскими или полуиранскими имена антских вождей, такие как Ардагаста, Пейрагаста, Келагаста [Вернадский, 2000а: 174].

Однако в суждениях Г.В. Вернадского прослеживается некая противоречивость. Так, в одном случае анты для него являются племенем иранского происхождения, в то время как в другом считает их «сильнейшим среди славян племенем» [Вернадский, 2000а: 23]. Помимо прочего, он считал их прародителями осетин [Вернадский, 2000а: 102]. «Среди других племён, – пишет он, – контролируемых аланами, были некоторые славянские племена, и, по крайней мере, одно из них, анты, приняло имя своих новых правителей: поскольку имя анты ... было именем одного из аланских племён Туркестана» [Вернадский, 2000а: 111]. Эта мысль повторяется и в других контекстах [Вернадский, 2000а: 125]. В конечном итоге, Г.В. Вернадский считает антов славянским племенем, но в то же время не отрывает их от алан-асов. С.Н. Чернявский задается вопросом, кто такие славяне и как они возникли и почему один из славянских племенных союзов получил явно неславянское

имя – анты. Он считает слово анты аланским, но никак не славянским именем. Согласно ему, большинство историков сходятся во мнении, что «анты VI века – это славяне», приводя в доказательство археологические находки т.н. пражско-пеньковской археологической культуры, но тут же отмечает, что «археология не в состоянии решить проблему славянского этногенеза. Так, в черняховской и пшеворской археологических структурах находят праславянские черты, но сами культуры – очевидно неславянские» [Чернявский, 2016: 4]. С.Н. Чернявский также не согласен с Б.А. Рыбаковым, который, по его мнению, причислил антов к предкам восточных славян, и, зная, что археологические памятники Киева датируются серединой или концом VIII в., сознательно «удревнил» историю города на два с половиной века для того, чтобы связать славян с присутствием на Днестре мощным славянским союзом антов. Б.А. Рыбаков считает антов предками русских, украинцев и белорусов и сводит их к скифам-пахарям. «Между тем, – заключает С.Н. Чернявский, – славяно-анты, судя по всему, вообще не были предками ни великороссов, ни малороссов» [Чернявский, 2016: 15].

Более определенно и четко выражает свое мнение об антах ученый-самоучка, исследователь древней истории иранских народов, эмигрант Дзегка (Филипп) Александрович Зураев. Уникальность его сведений заключается в том, что, не имея специального образования, он имел доступ к различным европейским и американским архивам. Опираясь на ряд исторических свидетельств, он пытается доказать принадлежность антов к иранскому кругу народов, в связи с чем пишет: «Анты, будучи первоначально одной из аланских племенных групп, в послеаланский период выдвинулись как организаторы Антского политического союза североиранских племен». И далее: «Предполагают, что анты были в числе нескольких десятков аланских племён, которые вышли из Азии на рубеже новой эры в Европу. Очень возможно, что часть их попала на Северный Кавказ, как некоторые другие аланские племена: асси, борады, масукаты, авдуси и часть роксоланов. Анты не были исключением, так как на Северный

Кавказ и до аланов пришли сарматские племена аорсов и сираков» [Зураев, 2014: 217]. Дз. Зураев первоначально локализует антов только «в Днепрожье Северного Черноморья. Они занимали степи, смежные с сарматским племенем сагариев (цагари), которые примыкали к правому берегу Днепра, и сайями с юго-запада, также сарматским племенем группы племён сайиев, саударатов и фиссаматов, первой заселившей Скифию с северо-востока» [Зураев, 2014: 217]. Исследователь довольно подробно рассказывает про Антский союз, который, по его мнению, «состоял из отдельных аланских племён во главе с антами от Днепра до Днестра» [Зураев, 2014: 217]. Но отсутствие базовой подготовки порой выражалось в скоропалительных выводах. Так, доказательная база Дз. Зураева порой бывает недостаточно убедительна, а некоторые свои выводы он иногда подаёт как не требующие доказательств. Например, можно привести такую категоричную фразу, как: «Северо-иранцы, начиная со скифов ... сарматов, аланов, антов и ясов, с VIII в. до н.э. по XIV в. н.э. жили кочевым и оседлым хозяйством» [Зураев, 2014: 226].

Но вернемся к Георгию Владимировичу. Согласно учёному, анты (другая форма имени – *ас* или *алан*) пришли в регион Азова во время общей миграции алан в I–II вв. н.э. При этом, как отмечено выше, аланы вобрали в себя завоеванные народы, покрыв их собственным этнонимом. В числе тех, кто мог получить имя своих победителей, могла быть и группа славян, побеждённая аланами (асами) [Вернадский, 2000а: 111, 125]. И далее: «Один из родов иранских антов, или асов, был известен как светлые асы (*рухс-ас*). Позднее славянские племена, подчинённые роду *рухс*, могли принять это имя» [Вернадский, 2000а: 126]. Здесь учёный ведёт речь о роксоланах, которые первоначально контролировали антов и другие славянские племена. О том, что производным от иранского слова *рухс* Г.В. Вернадский считает и название племени *рокас* (*рогаса*), говорилось уже выше. Для тесного переплетения терминов асы и анты имелись вполне реальные основания. Эти народы проживали совместно в Азовском регионе и Тавриде при численном

перевесе последних. Ещё более длительное время, вплоть до XII в., иранские и славянские племена проживали по соседству в бассейне р. Дон. Последствия таких взаимоотношений сказались на топонимике региона [Вернадский, 2000а: 164].

В целом же, по Г.В. Вернадскому, предыстория алано-славяно-антских контактов такова. Аланы вместе со славянскими племенами антов проникли вглубь Центральной Европы в начальный период Великого переселения народов в III–IV вв. Заявляя об этом, автор подчёркивает не только иранское происхождение их старого имени – анты, но и тот факт, что их (антов) возглавляли аланские вожди [Вернадский, 1996: 26]. Г.В. Вернадский убежден, что: «Часть аланов, или асов, смешалась со славянами (антами). Поэтому, когда мы встречаемся со свидетельствами относительно асов или антов, не всегда ясно, подразумеваются ли иранцы, славяне или же смешанно-славянские племена». Далее он продолжает: «В целом иранский элемент был более выражен среди восточных, нежели среди западных антов. После миграции аланской орды из Дакии в Испанию и Африку иранский колорит постепенно убывал у бессарабских антов до того, что они, в конце концов, стали практически чистыми славянскими племенами» [Вернадский, 2000а: 162–163].

Попробуем разобраться в этом вопросе, опираясь на последние исследования учёных в этой области, и для этого начнём с асов и алан. Итак, ираноязычное племя асы проживало в Средней Азии и первоначально входило в массагетский союз племён. В «Армянской географии» и других древних источниках асы упоминаются рядом с *аш-дигорами*, что свидетельствует об их этнической близости. Средневековые авторы считали их одной этнической общностью, что позволяло им отождествлять асов и алан [Гийом де Рубрук, 1957: 106, 111; Плано Карпини, 1957: 57; Ф. Брун, 1880: 137; И. Барбаро, 1836: 7], но были и такие учёные, которые различали их, хотя не отрицали родства между ними [Сборник материалов, 1941, т. I: 114; т. II: 91]. На основе анализа источников и собственных материалов

В.А. Кузнецов считает алан и асов «двумя близкородственными этническими подразделениями, почти одновременно расселившимися на Северном Кавказе и составлявшими значительную часть Алании [Кузнецов, 1992: 29–31]. Учёный полагает, что асы проживали в Западной Алании (Верховья Кубани), а собственно аланы в так называемой Восточной Алании (на территории современной Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и равнинной Чечни). Из трудов В.А. Кузнецова следует, что западная группировка ираноязычных племён (асы) поддерживала довольно тесные контакты со славянскими племенами, о чём свидетельствует слитное двойное название.

Хотя общая концепция автора о тесных взаимоотношениях двух соседних дружественных иранского и славянского племён стройна и её научная обоснованность не вызывает вопросов, тем не менее, остается определенная неясность в суждениях Г.В. Вернадского об асах, аланах, антах. Ему не удалось до конца устранить существовавшее в исторической литературе неопределенное представление об асах и аланах – один это этнос или всё же раздельный. Он осознавал сложность чёткой дифференциации ASSO-славян (антов) и ASSO-иранцев (алан, осетин) [Вернадский, 2000а: 267]. В трактовке отдельных вопросов у Г.В. Вернадского порой наблюдается большой разброс мнений. Асы у него оказываются то антами, то славянами, то аланами. Как мы писали выше со ссылкой на учёного, в одних сочетаниях у него ас это тот же алан, в других – самостоятельное племя, в третьих – асы и анты являются тождественными понятиями [Вернадский, 2000а: 171, 208, 228]. «Три группы асов, – писал Г.В. Вернадский, – были следующие: западные анты в районе нижнего Дуная, восточные анты в районе нижнего Донца и асы (осетины) на Северном Кавказе» [Вернадский, 2000а: 267].

В одной из своих работ Г.В. Вернадский противопоставляет друг другу асов и асов-славян, то есть антов [Вернадский, 2000а: 227], в другой асы у него оказываются славянами. В таком случае как же быть с этнической принадлежностью ираноязычных асов-осетин на Северном Кавказе? Говоря о

последствиях нашествия арабов на Северный Кавказ, учёный пишет: «Двадцать тысяч славян (то есть асов, или русов) было взято в плен и отправлено в Сирию, где они были расселены вдоль границы с Византией, чтобы охранять неприкосновенность Халифата» [Вернадский, 2000а: 269]. Исходя из этого контекста, все асы у него оказываются славянами. Далее идет такая же терминологическая путаница. В одном месте учёный говорит об асах-русах, как одном племени, в другом асы и русы проходят как самостоятельные племена [Вернадский, 2000а: 334–335]. Сомнения учёного выражены и в следующей фразе: «Ввиду тесных связей между ас и антами мы можем предположить, что в определённых случаях имя ас использовалось также для обозначения антов. Проблема, разумеется, довольно сложна. С нашей точки зрения, анты могли всегда называться ас, поскольку они были славянами, управляемыми аланскими родами. С другой стороны, ас не всегда должны отождествляться с антами, поскольку во многих случаях они были чистыми иранцами без какой-либо примеси славянской крови. Таковы были северокавказские асы, или осетины. В регионе дельты Кубани, равно как и в Крыму, мы можем предположить существование как иранской, так и славянской ветвей ас (т.е. антов). Поэтому имена некоторых крымских мест, производные от названия *ас*, могут рассматриваться как свидетельство антской экспансии. В данной связи имена города Кичкас (Кучук ас) на нижнем Днепре и города Ясы в Молдавии одинаково могут быть упомянуты» [Вернадский, 2000а: 171]. Итак, хотя для Г.В. Вернадского понятия *асы* и *аланы* тождественны, он всё же в одних работах называет их асами, а в других – аланами.

То, что Георгий Владимирович сам осознавал это этническое смешение антов, асов и алан, пик которого приходится на IV–V вв., подтверждает следующая выдержка из его статьи «Древняя Россия»: «Если встречаются свидетельства, касающиеся асов и антов, не всегда бывает ясно, имеются в виду иранские, славянские или смешанные ирано-славянские племена» [Вернадский, 1992: 224]. Часть алан или асов у автора смешалась со

славянами (антами) [Вернадский, 1992: 163]. Здесь он подразумевает асов и антов Азовского региона и Тавриды, которые продолжали представлять из себя симбиоз иранцев и славян [Вернадский, 1992: 224]. В одном сочетании этноним рухс-асы – это русские, а в других – рухс-асы – это уже светлые асы, аланы. Непонятно также, чем отличаются асо-славы от рухс-асов (русских) [Вернадский, 1992: 152]. В некоторых сочетаниях рухс-асы – это не только славяне.

Сошлемся на ещё одно предложение учёного, которое заслуживает внимания: «Некоторые из этих асов (в Азовском регионе) были славяне, некоторые испытали влияние иранцев, в то время как другие группы асов были чистыми иранцами без всякой примеси славянской крови. Таковы были асы, они же осетины Северного Кавказа» [Вернадский, 2000а: 228]. Производным от русской формы асов учёные считают и распространённое племенное название ясы [Ламанский, 1902: 11]. Г.В. Вернадский прав, когда пишет об асо-иранцах, называя их аланами, осетинами. Однако очень сложно проследить логику в той части его рассуждений, когда пишет, что под асо-славянами подразумеваются алано-осетины в таком симбиозе со славянами, когда правящая верхушка – аланская, а подчиненные слои – славяне. И далее: «Как нам известно, именно аланские роды организовали славянские племена антов, и мы можем предположить, что существовали антские (асо-славы) и русские (рухс-ас) соединения даже в западной аланской орде. Западная экспансия аланов была, таким образом, в определённом смысле первым русским вторжением в Европу» [Вернадский, 2000а: 152].

У Г.В. Вернадского и его предшественников наблюдался особый интерес к роксоланам в силу того, что, согласно бытовавшему среди большого круга исследователей мнению, первая часть двусложного слова рухс вызывала явные ассоциации с понятием Рос (иначе Русь). Роксоланы также были известны и под именем рокасы или рогасы. Ещё ранее Г.Ф. Миллер в работе «О народах, издревле в России обитавших», о которой упоминалось выше, давал роксоланам следующую характеристику: «Народ,

который жил не только в России, но от которого вообще выводят и происхождение Российского имени ... Плиний упоминает об них купно с Аланами, под именем скифских народов ... Обитали они в тех же самых странах, коими владели Алане, от которых разнствовали (различались) они в имени по одному только предположенному слову – Роксс или Росс» [Миллер, 1773: 20]. Однако все попытки оторвать роксолан от родной иранской составляющей, назвать их славянами, расшифровать *рухс-ас* в смысле «русский» беспочвенны, ибо слишком очевидно их осетинское значение, которое в буквальном смысле обозначает белые, светлые аланы. Вполне возможно, что именно из-за своей антропологической особенности (белокурые волосы) они и получили такое этническое название.

Все эти многочисленные двусложные этнонимы являются результатом тесных контактов иранских и славянских племён, которые продолжались на протяжении столетий. Именно эти исторические контакты послужили базой для исследований племенного разнообразия всей ранней и средневековой истории юга России. Здесь же стоит отметить, что аланы были влиятельны и на севере, о чем свидетельствует перешедшая в финно-угорский язык военная и торговая терминология: обозначение металлов (медь, золото, серебро, олово), оружия (меч, топор, нож, стрела), технические орудия (молоток) и др. [Вернадский, 1992: 247].

3.8. Политическая история алан. Аланы в I–IV вв.

Большое внимание в своих трудах Г.В. Вернадский уделил политической истории алан, которые в русских источниках были известны как *ясы*, *асы*, а грузинские летописи упоминали о них как об *овсах* или *осах*. Это и понятно, ибо исследователю истории русского народа нельзя обойти стороной весьма тесные алано-славянские культурно-исторические взаимоотношения. Хотя аланы и были народом, пришедшим в ареал из

глубин Азии, важнейшие события истории этого племени были связаны с их новой родиной – Кавказом и южнорусскими степями.

Во втором томе «Истории России», посвящённой Киевской Руси, Г.В. Вернадский тщательно исследует славяно и русско-кавказские отношения, подробно рассказывает об истории Кавказа, научном значении этой историко-этнографической области для России, о народах Кавказа, которые исторически поддерживали наиболее тесные контакты со славянским (русским) миром. «Исторически с незапамятных времен, пишет Г.В. Вернадский, Кавказ лежал на перекрестке дорог завоевателей и купцов, дорог, сходящихся едва ли не из всех возможных направлений». Говоря о значении Кавказа, учёный отметил, что регион «культурно, как можно было ожидать, был местом встречи Востока и Запада, христианства и ислама, византизма и ориентализма, иранской и тюркской цивилизаций и образа жизни. В силу сложной исторической почвы ... было бы неверным исследовать отношения между Русью и народами Кавказа в тех же рамках, что и русско-византийские или русско-турецкие отношения ... К взаимоотношениям между Русью и Кавказом следует подходить как к особой проблеме» [Вернадский, 2000а: 375].

Согласно Г.В. Вернадскому, два из коренных племён Северного Кавказа представляются особенно важными для изучающих русскую историю из-за своих ранних и близких связей с Русью. Это аланы (Г.В. Вернадский именует их осетинами. – А.Ч.), и касоги (адыгейцы) [Вернадский, 2000а: 375, 376]. Учёный пишет о том, что множество аланских общин были смешаны с местными племенами Северокавказского региона, и приводит в качестве примера касогов (черкесов), говорит о соседстве асов и касогов [Вернадский, 2001: 163]. Так, касоги жили в устье р. Кубани, а к востоку от них – большая часть асов или алан (осетин) [Вернадский, 2000а: 207]. Однако даже среди этих двух народов учёный отдаёт явное предпочтение аланам. «Из всех народов, – писал он, – которые вторгались в южную Русь в сармато-готский и гуннский периоды, аланы пустили

наиболее глубокие корни на Руси и вошли в наиболее тесную связь с местным населением – в особенности со славянами, нежели какое-либо иное кочевое племя» [Вернадский, 2000а: 152]. Одной из причин таких теснейших связей является тот факт, что аланы и славяне (*асы* и *русы*) длительное время жили по соседству в районе Нижнего Дона. В силу решаемых проблем и поставленной перед ним задачи по изучению древней истории славян из всех кавказских народов учёного более всего интересовали аланы и та их ветвь, которая была известна в истории под названием *роксоланы*, или *светлые аланы*.

Аланы сыграли важную роль в истории древнего мира. «В начале средних веков, – писал Г.В. Вернадский, – они служили соединительным звеном ... между народами степей и Средиземноморья, между востоком и западом ... важность аланского искусства в истории цивилизации была широко признана ещё до наших дней» [НА СОИГСИ. Ф.41, оп.1, д. 23а, л.3–4]. В этом контексте показательными являются и слова другого исследователя, известного славянского историка XIX в. П.И. Шафарика, который говорил, что «деяния алан весьма важны для истории древних славян» [Шафарик, 1847: 294].

Основной территорией расселения алан были степи Северного Кавказа к северу от Дарьяла (от перс. *Дар-и-алан*, ворота алан), где и ныне живут осетины. В I в. н.э. они занимали обширную степь между Азовским и Каспийским морями [Всемирная ... , 1956: 716, 68]. В 65-64 годах до н.э. Гней Помпей сражался с аланами на территории Закавказья, куда он отправился в надежде окончательно разбить Митридата Евпатора. Иосиф Флавий сообщает, что аланы пытались проникнуть в Закавказье еще в 35 г. до н.э. Он же пишет, что аланы совершали рейды по всему Кавказу, доходя на юге до границ Парфии [Фрай, 1972: 218-219, 255]. Не подтверждается историческими фактами и более раннее (IV–III вв. до н.э.) продвижение аланских племён на запад. Как правильно отмечено археологом С.П. Толстовым, «в эту эпоху аланы в своей основной массе ещё не пришли в

движение. Район Хорезма был одним из древних аланских центров. Недавние археологические исследования выявили сарматский характер древностей этого района, датированных соответствующим временем» [Толстов, 1941: 153–163]. В первые века н.э. их жизненной территорией были: Южное Поволжье, Приуралье, Северный Прикаспий и Предкавказье. С самого начала своего появления на исторической арене заявили о себе как сильные и воинственные племена, совершали успешные походы в Мидию, Закавказье, Малую Азию [СИЭ, 1961: 329].

Каковы же были взаимоотношения алан с другими наиболее близкими к ним сарматскими племенами – аорсами и сираками? Тацит¹³⁶ в своем труде «Германия» свидетельствует, что сарматские племена сираки и их более мощные и многочисленные соплеменники аорсы существовали до середины I в. н.э. как самостоятельные объединения. Однако Боспорская война 45–49 гг. между Боспорским царством и Римской империей внесла свои коррективы во взаимоотношения этих племён. Целью римлян в этой войне было утверждение в Боспоре царем проримски настроенного Котиса вместо боспорского царя Митридата VIII. Аорсы и сираки в этой войне стали союзниками противоборствующих сторон, при чем сираки выступили за Митридата IV, сына Аспурга, а аорсы – на стороне Римской империи, войска которой возглавлял Авл Дидий Галл, ставший в 44 г. наместником провинции Мёзия. Здесь же стоит отметить активное слияние сарматских племен сираков с боспорцами и Боспорским царством. Взаимодействие это было настолько сильным, что, по признанию Т. Сулимирского, «сираки стали самым эллинизированным сарматским народом и одновременно с тем активно способствовали сарматизации Боспорского царства» [Сулимирский, 2010: 108]. В ходе войны сираки под командованием царя Зорсина были разгромлены аорсами царя Эвнона. Царь Зорсин был вынужден

¹³⁶ Публий (или Гай) Корнелий Тацит (лат. *Publius Cornelius Tacitus*, или *Gaius Cornelius Tacitus*; середина 50-х - ок. 120 года) - древнеримский историк, один из самых известных писателей античности, автор трёх небольших сочинений («Агрикола», «Германия», «Диалог об ораторах») и двух больших исторических трудов («История» и «Анналы»).

капитулировать, а Митридат VIII сдался Эвну, и был сослан в Рим, где и прожил остаток дней, вплоть до своей казни за участие в некоем заговоре. Еще одним следствием этой войны стала ликвидация царства сираков. Подчинившиеся победителям «сираки вошли в многочисленный Аорский союз и с этих пор оказались скрытыми для глаз историков античного мира» [Кузнецов, 1992: 13]. Таким образом, единение аорсов и сираков, их слияние в единую этническую группу произошло после той самой войны и победы в ней более могущественных аорсов. В.А. Кузнецов доказывает, что аорсы и сираки являются составными элементами алан, при этом сираки представляются его дигорским началом, а аорсы – иронским [Кузнецов, 2014: 156]. Он же писал, что определенная группа сарматов называлась аланами и, возвысившись над другими сарматскими племенами, они объединили их под своим именем [Кузнецов, 1992: 19] и что после войны 49 г. «произошла активная миграция аорсов в Центральное и Северо-Восточное Предкавказье» [Кузнецов, 2014: 54]. По утверждению Т. Сулимирского, группа сираков, «осевшая в степях северо-восточных предгорий Кавказа, изначально была народом савроматской культуры, перенявшим многие черты прохоровской, вероятно, от пришельцев, которых они приняли к себе» [Сулимирский, 2010: 84]. К подобным выводам первым пришёл М.И. Ростовцев, по мнению которого аорсы и сираки «были постепенно завоёваны аланами и образовали вместе с ними объединение, ставшее с тех пор известным по имени доминирующего племени алан» [Rostovtzeff, 1922: 116].

Мнение известного советского сарматолога К.Ф. Смирнова немного расходится с точкой зрения и М.И. Ростовцева и В.А. Кузнецова. Согласно ему, аланы «вызрели в недрах аорской федерации сарматских племён» [Смирнов, 1950: 108]. При всём этом учёный считал, что с войной 49 г. связано возвышение алан. После этой войны термин аланы теряет своё социальное значение и становится популярным этником. Очевидно, благодаря подвижному кочевому образу жизни алан этот этникон необычайно быстро распространился на огромные территории, где ранее

находились сарматские и близкие им массагетские племена. Начиная с этого времени алан как этнос уже фиксируют хронисты Запада и Востока, такие, как Лукиан Самосатский, Аммиан Марцеллин, Птолемей и др.

Причины увеличения численности аорсов на Юге России могли быть совершенно разными. Факт пребывания огромной массы аорсов на Центральном Предкавказье убедительно доказан археологическими раскопками в плоскостных селах Брут и Зилга (Северная Осетия) под руководством археологов Ф. Дзуцева и В. Малашева. Интенсивные археологические раскопки на Владикавказской равнине (Ардоз) в своё время поразили воображение В.А. Кузнецова [Кузнецов, 2014: 74 и сл.]. В одном только городище Брут насчитываются десятки тысяч захоронений, а таких земляных городищ в Предкавказье имеется до 130 тысяч. Этот своеобразный феномен может лишь подтвердить факт мощной аланской миграции на Северный Кавказ, что было обусловлено изменениями в местных этнических процессах. За короткий период (с II по IV в.) здесь возникли огромные городища, и связанные с ними катакомбные захоронения растянулись на целые километры [Дзуцев, Малашев, 2015].

Озвученное выше мнение об аланах не расходится с устоявшейся в исторической науке аксиомой, согласно которой аланы – одно из наиболее могущественных сарматских племён, народ мужественный и воинственный. Г.В. Вернадский, признавая этногенетическую связь скифо-сармато-алан, считал последних предками осетинского народа [Вернадский, 2000а: 45]. В действительности ничего здесь спорного нет. Аланы как одно из сарматских племён имели своё собственное этническое лицо. Впоследствии, во время миграции на Запад, будучи уже мощным племенным объединением, способным контролировать большую территорию, они вполне могли под этим этнонимом объединять не только родственные племена, но и подвластные им народы, не находящиеся с ними в этническом родстве.

3.9. Участие группы алан в походе на Запад

Длительное время истории аланских походов в Западную Европу не уделялось должного внимания. «В большинстве работ, посвящённых эпохе переселения народов, – писал в 1922 г. М.И. Ростовцев, – роль сарматов, и в особенности аланов, в завоевании Европы почти игнорировалась. Однако мы не должны забывать, что аланы долгое время проживали в Галлии ... что они вторглись в Италию, вместе с вандалами перешли в Испанию и захватили Северную Африку ...» [Бахрах, 1993: 18]. Но даже после этого высказывания М.И. Ростовцева, понадобилось ещё полстолетия для того, чтобы появился учёный, который смог обозначить важную роль алан, сыгранную ими в истории Европы. И это был соратник и друг М.И. Ростовцева, Г.В. Вернадский. В своих трудах, посвящённых истории России, учёный не мог обойти вниманием мощное влияние алан на всю историю средневековой Западной Европы. Впоследствии тот самый призыв крупных русских учёных обратить внимание на алан в контексте исторической значимости для прошлого Европы, был услышан многими. Интерес к аланам начали проявлять и европейские, и американские учёные, такие, как Бернард Бахрах, Тадеуш Сулимирский, Мариуш Мельчарек, Агусти Алемань, Говард Рид, Скотт К. Литтлтон, Линда Малкор, Тор Хейердал, Эстер Иштвановиц, Валерия Кулчар, Р.Р. Гамада и другие.

Однако вернёмся к трудам Г.В. Вернадского, в частности первому тому его «Истории России» под названием «Древняя Русь», в которой много места отводится нашествию гуннов, разгону ими алан-танаитов, Великому переселению народов и последующей миграции алан на Запад. Учёным довольно подробно исследованы события IV–V вв., то есть наиболее активная фаза масштабного события, оставшегося в истории как Великое переселение народов, рассматриваются причины, по которым народы, в том числе и аланы, оказались вовлечены в процесс, начало которому положили гунны. Согласно Г.В. Вернадскому, первыми испытали последствия

гуннского натиска аланы, проживавшие в Прикубанье. Из них одна часть, вовлечённая в Великое переселение народов, вместе с гуннами – германскими племенами – ушла на запад.

Гунны, потомки хунну, пересекли Волгу в 370 г. (а не в 360, как пишет Г.В. Вернадский). «Аланы первыми приняли на себя основной удар гуннов, – пишет Георгий Владимирович. – Они не смогли противостоять им. Часть их полностью подчинилась и вошла в состав гуннской армии. Другая часть ушла на Северный Кавказ, чтобы покорить тех своих соплеменников, которые проникли туда намного раньше. В итоге значительная часть аланов отошла на север в район Верхнего Донца, который ещё до гуннского нашествия контролировался аланами и ассо-славянами» [Вернадский, 1992: 219]. Таковым, по описанию Г.В. Вернадского, было начало вовлечения алан в процесс, получивший позднее название «Великое переселение народов». Небезынтересны сведения Г.В. Вернадского и о вождях варваров. В середине IV в. из среды гуннских воинов выделился хан Роила, который заложил основы будущего племенного союза. Из всех его многочисленных сыновей его преемником стал Аттила. Вот как характеризует его Г.В. Вернадский: «Подобно Чингисхану, он был не только военным гением, но также очень одарённым государственным деятелем. Безжалостный на войне, Аттила не был жесток по природе. Его лицо было смуглым, с маленькими, глубоко посаженными глазами, широким носом и жидкой бородой. Его спокойное достоинство и жёсткий взгляд впечатляли всех, кто сталкивался с ним, и одно племя за другим признавало его в качестве своего властителя» [Вернадский, 2000а: 156].

Далее описывается разгром гуннами остготов, бегство на запад вестготов, и война между аланами и остготами. На рубеже IV–V вв. гунны, аланы и готы, установив дружественные отношения с последними императорами Римской империи Феодосием и Стихилоном, помогли им отразить атаки германских племён, тем самым оттянув распад империи, ибо варвары оказались лучшими воинами, нежели деморализованное местное

население. При императоре Грациане аланы вместе с гуннами продолжали служить в рядах войск империи, защищая её от вторжения других варваров. К счастью для империи, в казне всё ещё хватило золота, к тому же часть варваров получала вместо денег земли. В Риме существовала наделённая землёй особая аланская гвардия, пользовавшаяся к тому же более благосклонным отношением со стороны императора. Некоторые из них стали занимать высокое положение в армии и в руководстве империи. В частности, Грациан питал исключительную склонность к аланам. «Он пренебрегал военным делом и предпочитал старому римскому войску небольшие отряды аланов, которых привлекал на свою службу за очень большие деньги, и настолько увлекался общением с варварами и чуть ли не дружбой с ними, что иногда даже выступал (в народе) в варварском одеянии, чем вызывал к себе ненависть среди солдат», – писал римский историк Секст Аврелий Виктор [Аврелий Виктор, «Извлечения ... », гл. 47].

Наиболее долговечным оказался союз алан с германским племенем вандалов. Как пишет Г.В. Вернадский, в 406 г. аланы и вандалы двинулись из Паннонии в Галлию. При этом «дальнейшие войны Западной аланской орды оказали большее влияние на историю Европы и Африки, чем на Россию» [Вернадский, 1996: 221].

Много внимания Г.В. Вернадский уделяет политическим событиям, происходившим в последнее столетие существования Римской империи, их напряженному характеру, обращениям римлян за поддержкой к империи гуннов на Дунае. Так, после смерти императора Гонория для поддержки кандидатуры нового императора Иоанна в 423 г. хан гуннов Роила обещал римскому полководцу Флавию Аэцию военную помощь силами гуннов и алан. И хотя помощь оказалась запоздалой, и к власти пришёл племянник Гонория Валентин, присланные из Константинополя войска под предводительством аланина Ардабура урегулировали конфликт и тем самым спасли жизнь Аэцию. Последний и потом не раз обращался за помощью к аланам в борьбе с различными германскими племенами, которые в качестве

вознаграждения за поддержку Аэция получали земельные наделы в районах Нарбонны и в Арморике, провинции на севере Франции. В своих трудах Г.В. Вернадский акцентирует внимание на истории деятельности и процессе возвышения в Византийской империи Ардабура, аланина по происхождению, который сделал стремительную карьеру от простого воина до командующего византийской армией [Вернадский, 2000а: 167].

На западе аланы, гунны и готы, располагая лучшим войском, были в состоянии играть в сложные политические игры с Византией, Персией, тюрками, подыгрывая при этом то одним, то другим. При этом, как подчеркивает Г.В. Вернадский, аланы играли роль гуннского авангарда. Влияние алан на западе Европы, прежде всего в качестве союзников гуннов, было внушительным. Аланы, которые обосновались в Бессарабии и Молдавии, оставили свой след в гидро- и топонимии региона. Река Прут была названа Аланской рекой. На берегу Дуная возник город Яссы (Иаси). В русских хрониках известен как «Рынок Ассов» [Вернадский, 2000а: 151; 1992: 221].

Основные силы алан, прибывшие на территорию Галлии, разделились на две части. Одна часть во главе с самым выдающимся вождем галльских алан Гоаром осталась на северо-востоке Франции в районе Орлеана. Гоар заключил соглашение с местными римскими властями и установил дружественные отношения с представителями Римской империи. Г.В. Вернадский пишет, что после обоснования в Галлии легкой жизни Гоару было не видать. Целью его после заключения соответствующего соглашения с римлянами было возрождение власти Рима в Галлии. Следствием успешной деятельности Гоара на службе Риму стало то, что аланы колонизировали земли на юге и севере современной Франции. Из множества примеров услуг, оказанных аланам империей, можно выделить всего лишь два. В 440 г. за помощь императору Рима в борьбе против бургундов и вестготов, отбросив последних от Нарбонны в Южной Галлии в 435–436 гг., вождь алан Самбид, вместе со своими дружинниками, получил земли для поселения близ

Нарбонны, столицы региона Лангедок. За подобные услуги другой противник вторгшихся в большом количестве вестготов (414 г.) царь алан Гоар получил для своих дружинников земли между реками Луарой и Сеной, в Арморике [Вернадский, 2000а: 157]. Подобная практика закрепления земель за новыми владельцами не вызывает сомнения. Не об этом ли свидетельствует присутствие на территории Франции названия реки Дон, притока реки Виден [Vernadsky, 1944: 13]. Аланы, обосновавшиеся в этом районе, дали протекавшей здесь же реке название реки, в бассейне которого раньше жили.

В монографиях Г.В. Вернадского изложено много интересного материала, рассказывающего об аланах в Испании и Африке, о временных союзнических отношениях разных племён. После прибытия на территорию Галлии одна часть, верная союзническим отношениям с вандалами, в 409 г. вместе с ними прибыла на Пиренейский полуостров. По результатам соглашения с вандалами и свевами, в Испании аланы заселили часть провинций Лузитания и Картагена (Идаций утверждает, что разделение территории Испании прошло по жребию – А.Ч.). Как свидетельство аланской колонизации Испании, Г.В. Вернадский указывает на название г. Антии [Вернадский, 2000: 153]. «За ними последовали на юг Испании, близ Тартеса (совр. Кадис), многочисленные вестготы, которые в 418 г. нанесли сокрушительное поражение аланам; в состоявшейся битве их царь Аддак был убит, а аланская орда получила настолько сильный удар, что её остатки теперь смешались с вандалами» [Вернадский, 2000: 154]. Испанский епископ и хронист Гидаций¹³⁷ (или Идаций) живший в V в. написал сочинение описывающий некоторые события, происходившие в период: с 379 по 468 г. Так, несмотря на небольшой объем, его работа стала главным источником по изучению истории вторжения варваров, алан, вандалов и свевов в Испанию в 409 г. Именно из его труда становится ясным, что, заняв Испанию, аланы,

¹³⁷ Гидаций (лат. *Idatius, Idacius*; ок.394 -469) - испанский епископ и хронист середины V века. Автор хроники («*Chronicon*»), которая охватывает период от 379 до 469 г., и в которой где особое внимание уделено истории Испании.

согласно жребью, обосновались в ее центральной части, провинциях Лузитании и Карфагенской провинции (Картахена), Галлецию заняли вандалы и свевы, расположившись на западе у океана, а вандалы-силинги – Бетику. Согласно ему же, «Испанцы, живущие в городах и кастеллах, под ударами варваров в провинциях, где они господствовали, обратились в рабов» [Античные ... , 2006: 102]. Такое положение дел сохранялось вплоть до вторжения вестготов в Испанию в 418 г., в борьбе с которыми аланы потеряли не только своего вождя Аддака, но и подверглись небывалой резне. «Аланы, которые властвовали над вандалами и свевами, – пишет Гидаций, – до такой степени были порублены готами, что после гибели своего царя Аддака те немногие, что уцелели, ввиду того, что имя их царства было уничтожено, отдались под покровительство вандальского царя Гундериха, который обосновался в Галлеции» [Античные ... , 2006: 103].

Под натиском вестготов вандалы и аланы в 427 г. переплыли Гибралтар¹³⁸ и основали в 439 г. на севере Африки Алано-Вандальское королевство со столицей в Карфагене Первым королём вновь образованного королевства стал вандальский вождь Гейзерих. Отныне король вандалов Гейзерих и последующие правители именовали себя *rex Wandalorum et Alanorum*, или *королями Вандалов и Аланов*. Согласно Прокопию, к VI в. аланы слились с вандалами и в последующих документах отдельно не упоминались. Королевство просуществовало более ста лет, и играло важную роль в средиземноморском регионе, пока в 534 г. не рухнуло под натиском войск Велизария, полководца византийского императора Юстиниана. Ссылаясь на труды зарубежных коллег, В.А. Кузнецов сообщает, что число переправившихся варваров составило 80 тыс. человек. При этом он пишет, что «одна часть алан осталась на полуострове, соединилась с вестготами и дала своё имя области «Гото-Алания» или Каталония» [Кузнецов, 1992: 33].

¹³⁸ Вандалы стали первым народом среди германцев, которые покорили море, чем и отличались от прочих. Средиземное море в древнегерманских языках называлось «морем вандалов» (*Wendelse, Wentilseo*). [N. Francovich Onesti, *Vandali: Lingua e Storia*. Roma: Carocci editore, 2002: монография профессора германской филологии университета г. Сиена]

В своем исследовании ранней истории алан Г.В. Вернадский акцентировал внимание на одном важном обстоятельстве. Выше уже отмечалось, что с началом Великого переселения и завоеванием Дакии и Паннонии аланы были в авангарде гуннского союза. В последующем продвижении на территорию Галлии аланы были уже одни, хотя и поддерживали связь с остальными племенами. В той сложной политической обстановке, в которой оказался Флавий Аэций после смерти императора Гонория в 423 г., ему всё же удалось установить дружественные отношения с вождями алан и гуннов и привлечь их в союз против бургундов, вестготов и других германских племён. Как мы отметили выше, за подобные услуги аланы получали земельные наделы на территории Франции. Все суждения учёного заслуживают огромного внимания за исключением даты переплытия через Гибралтар. Источники говорят о 429, а не 427 годе, как это указано у Г.В. Вернадского [Кузнецов, 2016: 62].

Поддерживаемые Аэцием гуннская и аланская армии представляли грозную силу. В качестве доказательства участия в их рядах славянских отрядов Г.В. Вернадский приводит пример, согласно которому византийское посольство по пути в ставку Атилы угостили мёдом, в то время как слугам был предложен другой напиток, изготовленный из ячменя – *хамос*, что, по мнению учёного, соответствует славянскому квасу. Нам представляется, что этот пример нуждается в дополнительной аргументации. Оба слова именно в тех же значениях по настоящее время встречаются в аланском (осетинском) языке: мёд по-осетински *мыд*, а пчеловодство (бортничество) было древнейшим и широко распространенным видом хозяйственной деятельности у алан [Абаев, 1949: 61]. Это общеиндоевропейское слово восходит к иранской основе – *madu (medh)* в значении мёда и приготовленного из него напитка [Абаев, 1958: 134, 135]. А вот соответствующий русскому квасу напиток из ячменя (кукурузы) *хамос* осетинам известен под названием *къуымæл*.

Не обошлась без участия алан и знаменитая «Битва народов», которая состоялась после 15 июня 451 г. на Каталаунских полях в Галлии. Тогда в ней столкнулись войска Западной Римской империи под началом Флавия Аэция в союзе с армией Тулузского королевства вестготов¹³⁹ – с одной стороны, и коалицией племён гуннов и германцев под началом Атиллы – с другой. Бок о бок с гуннами Атиллы сражались восточные аланы, а в рядах римских войск, возглавляемых Аэцием, «ненадежные аланы Арморики», как их почему-то называет Г.В. Вернадский [Вернадский, 1992: 224]. Между тем, по данным других источников, в самом начале битвы Аэций поставил аланских воинов на очень важном стратегическом направлении. Целью этой битвы было стремление приостановить нашествие гуннов на Римскую империю. Тогда римляне взяли верх, но уже через год после этого Атила вновь пошёл войной на Рим.

После смерти Атиллы (453 г.) власть перешла к трём его сыновьям, которые не унаследовали административных и лидерских качеств отца. Г.В. Вернадский подробно описывает неудачные попытки сыновей Атиллы Эллака, Денгизика и Эрнака сохранить единство гуннов. Завоёванные гуннами племена и народы сформировали коалицию немецких племён, сплотившую ругов, гепидов и герулов, и восстали против гуннов. Остготы не поддержали остальные племена. Эллак погиб в схватке с восставшими, Денгизик и Эрнак же решили перенести свою ставку в Дакию и Бессарабию.

Аланы, жившие там ранее, пересекли Дунай и двинулись на Добруджу. Это войско возглавлял царь Кандак. Помимо алан, пробилась на правый берег Дуная и часть гуннов, где их вожди, как союзники Римской империи получили земли для проживания. Секретарем Кандака был остгот Париа, родной дед знаменитого историка Иордана. Споры об этническом

¹³⁹ Вестготское королевство (Тулузское королевство вестготов) - раннефеодальное государственное образование, одно из так называемых варварских королевств, сложившихся на территории Западной Римской империи в условиях её распада в V веке. Возникло в 418 году на территории римской провинции Аквитания по договору короля вестготов Валии с римским императором Гонорием. Первым королём вестготского государства иногда называют Теодориха I. Просуществовало до 718 года, когда было почти полностью завоёвано арабами.

происхождении Иордана не прекращаются до сих пор. По мнению части специалистов, отец и дед его были аланами, а по матери он был гот¹⁴⁰. Также существует предположение, что Иордан был епископом Кретонским¹⁴¹. По сохранившемуся преданию, Иордан служил родне матери именно поэтому его и называют готским историком.

Между тем конфронтация гуннов с Византийской империей переросла в так называемую Дунайскую войну 468–469 гг. «В 468 г. Денгизик и Ернак послали своих представителей в Константинополь с тем, чтобы потребовать открытия дунайских рынков для их торговцев. Когда требование было отклонено, Денгизик пересёк Дунай и вторгся во Фракию. Однако гунны потерпели поражение от войск Анагаста, а сам Денгизик был убит в битве. Анагаст послал голову хана в Константинополь, где её пронесли по главным улицам и потом закрепили на шесте в деревянном цирке. Война не была окончена, поскольку гунны вторглись из Дакии. Лишь с огромным усилием Аспар и Анагаст сумели нанести поражение основному отряду орды покойного Денгизика. Её остатки вновь пересекли Дунай и отступили на восток, следуя за Ернаком, молодым ханом, который не поддерживал своего брата в его атаке на византийские владения. Важно, что из двух византийских полководцев-победителей один (Аспар) был аланом, а другой (Анагаст) антом. В свите каждого из них должны были быть сотни аланов и антов. В определенном смысле Дунайская война 468–469 гг. была войной аланов и антов против их бывших господ – гуннов» [Вернадский, 2000а: 247]. Последствием поражения гуннов стало их отступление на восток, а Дакия и Бессарабия были открыты для славянской колонизации [Вернадский, 2000а: 247].

¹⁴⁰ Иорданес. \ \ ЭСБЕ.

¹⁴¹ *Ibid.*

3.10. Аланы на Кавказе после V в.

И все же не все аланские племена двинулись на Запад в результате вторжения гуннов на Северный Кавказ. Одна, наиболее значительная их часть отступила на Север, ближе к области Верхнего Донца, которая контролировалась аланами и ас-славянами ещё до 370 г. Другая же часть алан двинулась на Северный Кавказ, усилив тем самым «братьев по крови, которые проникли туда задолго до этого» [Вернадский, 2000а: 146].

Представляет интерес территория, которую аланы занимали на Северном Кавказе после ухода гуннов. Согласно Г.В. Вернадскому, в основном это была местность Малороса между средним течением реки Кубань и Кавказским горным хребтом, и далее вдоль него на восток до Дарьяльского ущелья. Здесь была сосредоточена основная масса алан (осетин), поделённая на кланы и племена. Эта часть алан быстро организовалась после случившегося потрясения, и уже к V–VI вв. они создали на этой территории свое государство под названием Алания. Поселения алан были разбросаны в низовьях Кубани, в нижнем течении р. Дон. «Контролируя большую часть горных проходов в западной и центральной частях Кавказской гряды, аланы владели стратегическими позициями на путях из Северного Кавказа в Закавказье» [Вернадский, 2000а: 208]. «В VI в. один из аланских племенных вождей присвоил себе высшую власть над всем народом. Его звали Саросий. ... Менандр называет его «предводителем (*hegumenos*) аланов», что, несомненно, является переводом с иранского словосочетания *Sar+Os*, т.е. «глава асов» [Вернадский, 2000а: 207].

Контроль аланами за большинством горных проходов в Западной и Центральной частях Кавказского хребта, т.е. стратегически важных путей, заставлял сильных соседей считаться с Аланией и её предводителями. При Саросии особо возрос авторитет аланского царя на международной арене. Г.В. Вернадский пишет о дружественных отношениях Саросия с Византией и

позитивных последствиях его политики, а также о взаимоотношениях с другими соседними странами. Вектор внешнеполитических ориентиров Саросия в закавказском направлении был нацелен на две могущественные империи того времени: Персидскую и Византийскую. Было время, когда Саросий поддерживал персов в войне против Лазики в 541 г., но все же, в основном, он держался византийской ориентации, что приносило ему стойкие политические дивиденды [Вернадский, 2000а: 208]. О том, что земли аланов простирались вдоль Кавказского горного хребта, а также включали в себя проход в Закавказье, свидетельствует и древнее название Военно-Грузинской дороги *Dar-in-Alan*, что значит «Врата аланов».

С VII по X в. на Северном Кавказе усиливает свои позиции Хазарский каганат, вследствие чего он становится основной политической и военной доминантой в регионе. Его восточные границы достигали Каспийского побережья, а южные доходили до Дарьяльского ущелья. Этот период истории алан слабо освещен в исследовательской литературе, потому сообщаемые Г.В. Вернадским сведения представляются нам весьма ценными. Географически каганат охватил почти весь край. По материалам Г.В. Вернадского, после падения Великой Булгарии (кратковременного объединения болгарских племён (632 – ок. 671 гг.)), основная территория которой располагалась в причерноморских и азовских степях, в ходе столкновения с хазарами в 660-х гг. ираноязычные асы были сосредоточены в трех районах: западная группа локализовалась в области Нижнего Дуная, восточная группа сосредоточилась в районе Нижнего Дона, и асы (осетины) обосновались на Северном Кавказе. Последние две группы асов-антов (восточные и северокавказские) вошли в состав Хазарского каганата. При этом в состав восточной группы асов входили и славянские племена (асы-славяне). Со временем их стало так много, что в IX–X вв., то есть в раннем Средневековье, в некоторых источниках река Дон получила название «Русская», или «Славянская» река [Вернадский, 2000а: 268].

Две первые группы алан вскоре потеряли свою самостоятельность. Что касается северокавказских асов (алан), то они признали господство хазар, но сохранили свою автономию. Эти аланы оказались в вассальной зависимости от каганата [Вернадский, 2000а: 267–268] и представляли большую помощь для хазар в военном отношении. Подтверждая вышесказанное, Г.В. Вернадский приводит слова византийского императора Константина VII Багрянородного, свидетельствующие о ключевой роли алан в каганате. «Отметим, что узы могут вести войну против хазар, так как они живут поблизости. Также и правитель Алании, поскольку девять *climata* (областей) Хазарии находятся рядом с Аланией и Алан может, если захочет, разорить их, нанеся тем самым много вреда и разрушений хазарам, потому что из этих девяти областей Хазария черпает свое благосостояние и процветание» [Вернадский, 2000а: 293]. Предположение Г.В. Вернадского о том, что «правитель Алании» мог быть русским каганом, малоубедительно. Ведь император говорит не только о «правителе Алании», но и об Алании в целом и собственно аланах, которых сам учёный не отождествляет с руссами.

В первое столетие нахождения в составе Хазарского каганата аланские и славянские племена жили в области Нижнего Дона «в довольстве и мире под защитой хазар». В хазарской армии был даже ассо-славянский контингент. Их призывали на помощь при необходимости охраны горных проходов Кавказа от нападений арабов. Однако со временем охранники проходов не могли сдерживать натиск арабов. В 737–738 гг. они прорвали оборону алан, прошли по всему Северному Кавказу, полонили все на своем пути и увели с собой обратно 20 тыс. пленников (алан и славян), которых впоследствии расселили в Сирии [Вернадский, 2000а: 269].

Хазарский каганат был очень заинтересован в связях с аланами. И хотя аланы были данниками кагана, и помимо прочего были обязаны участвовать в военных операциях каганата, отношение к ним было благожелательным. В качестве привилегии они пользовались автономными правами. Наличие в вооруженных силах и в администрации Каганата представителей алан

Г.В. Вернадский подкрепляет несколькими примерами. Согласно учёному, одни асы продвинулись по административной линии, другие же показали себя в военном деле. Как пишет учёный, некоторые из асов «становились командирами высшего ранга (тарханами). Среди самых известных асов того периода история сохранила две фамилии. Одному из асских тарханов была отдана под командование крепость неподалеку от хазарской столицы Итиль. Другой ас по имени Юри был влиятельным чиновником в Сугдее (Сурож) в Крыму в конце VIII в.» [Вернадский, 2000а: 268]. Алано-славянский отряд возглавлял предводитель, известный как Ас-тархан (вождь, командир отряда аланов). По предположению Г.В. Вернадского, Ас-тархан впоследствии дал своё имя городу Астрахань [Вернадский, 2000а: 228].

Ранее уже говорилось о том, какую огромную роль играли ясы в консолидации и объединении антов и других южнославянских племён. Однако к X в. южнорусские племена, уже имея предводителями скандинавов, разорвали взаимоотношения с аланами, в результате чего с этого времени русские и аланы (осетины) стали независимы друг от друга. Г.В. Вернадский постоянно подчеркивает ту важную роль, которую играли аланы на юге России. К тому же он их считал наиболее развитым народом в данной политической сфере [Вернадский, 2000а: 228]. В одной из своих последних книг под названием «Древности Алагирского ущелья» В.А. Кузнецов, в свете новых материалов, рассматривает вопрос о времени массового заселения ущелий Центрального Кавказа. Если по настоящее время в исторической литературе причиной заселения считались последствия татаро-монгольского разгрома Алании, то в данной своей работе известный алановед выдвинул и обосновал новую версию, согласно которой первое массовое заселение аланами Алагирского ущелья произошло в VII–IX вв., в период вхождения Алании в состав Хазарского каганата. Сложившиеся обстоятельства требовали усилить Касарский проход охранными отрядами против угрозы арабов проникнуть через него на север. Поэтому в район будущей Военно-Осетинской дороги (Касарское ущелье) хазарами был переброшен

значительный контингент аланских воинов, который остался здесь на постоянной основе. Эта версия первого массового переселения алан в горы Центрального Кавказа достаточно обоснована автором и имеет право на существование, хотя археологические данные говорят о более раннем заселении аланами предгорной зоны современной Осетии. Как пример можно привести результаты раскопок крупных поселений в Архоне, Дагоме (VII–VIII вв.) и Даргавсе (начало VI в.). Обеспокоенность хазар на фоне усиления военной мощи арабов подтверждает и Г.В. Вернадский, который писал: «Южная граница государства (хазар – А.Ч.) проходила приблизительно по Главному Кавказскому хребту. Дарьяльское ущелье в середине Кавказского хребта охранялось асами (аланами), которые были подданными хазар» [Вернадский, 2000а: 227–228].

Аланские племена сыграли заметную роль и в событиях на юге России в VIII веке, когда варяги проникли в верховья р. Донца, низовье Дона и Северный Кавказ. Как пишет Г.В. Вернадский, в этом славянским племенам, возглавляемым варягами, значительную помощь оказали аланы, в первую очередь те, которые проживали в Нижнем Дону и находились под началом *мадьяр* или *угров*. С условием помочь им освободиться от мадьяр аланы перешли на сторону варягов. Другая группа асов и рухс-асов (русских), подчиненных хазарскому кагану, но недовольных тем, что хазары смогли защитить их от арабского произвола, также поддержала продвижение и оседание скандинавов (а точнее, шведов) на юге России. Это позволило варягам (шведам) установить контроль над районами Нижнего Дона и Приазовья. При этом шведы настолько крепко обосновались в этом регионе, что с XIII в. указанная выше область стала известна как «Великая Швеция». Тем не менее, пишет далее Г.В. Вернадский, «отряд шведов, контролировавший местные племена асов и рухс-асов (русь), видимо, не был многочисленным, и постепенно шведы не только смешались со своими вассалами, но и приняли их название и сами стали известны сначала как асы, а затем как русь» [Вернадский, 2000а: 282].

3.11. Аланы в эпоху Киевской Руси

Отметив, что аланы первоначально занимали значительную часть южнорусских степей, а также приазовские и северокавказские степи, Г.В. Вернадский заключает, что в эпоху Киевской Руси их территория была намного урезана, и аланы представляли из себя всего несколько мелких групп. В эту эпоху наиболее крупными территориями расселения алан были – современная Осетия (Северная и частично Южная) и район Нижнего Дона. Кроме них отдельные мелкие группы алан были разбросаны вдоль побережья Азовского моря от устья Дуная до Тмутаракани, а также на части территории Крыма [Вернадский, 2000б: 376]. Ослабление Хазарского каганата и его последующее падение произошло в середине X в. В 965 г. после взятия главной крепости хазар Саркел (впоследствии Белая Вежа) русский князь Святослав атаковал хазар; результатом этого действия стало подчинение Святославу ясов (осетин), проживавших в бассейне Нижнего Дона [Вернадский, 2000б: 52]. Тогда же Алания обрела независимость.

В монографии, посвящённой Киевской Руси, Г.В. Вернадский описывает всю картину межплеменных отношений после вступления скандинавов в регионы Верхнего Донца и Нижнего Дона. Этот регион, заселённый асами и антами в сармато-гуннский период, эллинам был известен под собирательным названием «Великая Скифия». Сказанное выше подтверждается учёным фольклорным материалом и топонимикой. В действительности, в известной скандинавской «Саге об Инглингах», из-под мифологического покрова всплывают штрихи раннесредневековой истории края. Согласно саге, «земля в Азии к востоку от Танаквиса (Танаиса, т.е. реки Дон) называлась Асландом или Асхеймом, а главный город этой земли назывался Асгард (Ас-Град, т.е. город асов) [Вернадский, 2000а: 283]. Интерпретируя этот фрагмент, Г.В. Вернадский продолжает: «Ас-Града можно достичь, если пересечь Дон в восточном направлении; он, должно быть, располагался на восточном или юго-восточном берегу Азовского моря,

возможно, в устье Кубани, где есть гора, которая до сих пор называется Ас Даг («Гора Асов»). Если так, то Ас-Град был в той местности (или рядом с ней), что и Малороса и Тмутаракань» [Вернадский, 2000а: 283]. И далее мысль автора развивается в ещё более интересном направлении: «Мы можем добавить к этому, что название Ас-Град, которое происходит от Азовского моря, появилось позднее в Балтийском регионе. Этот второй Ас-Град или Асгард на берегах Западной Двины известен сейчас как Асхераден. Наименование этого второго Ас-Града нетрудно объяснить. В то время как конечным пунктом древнего варяжского пути от Балтийского до Азовского моря было устье Дона, его началом явилось устье Западной Двины» [Вернадский, 2000а: 283]. В данном случае перед нами классический пример использования Г.В. Вернадским фольклорного текста как исторического документа. Как полагает Г.В. Вернадский, варяги, отправлявшиеся на восток, не оставались там навсегда. Разбогатев, они возвращались обратно в прибалтийские земли и имели обыкновение давать прежним местам новые названия, которые напоминали им о сказочной стране их подвигов и приключений [Вернадский, 2000а: 283]. Не случайно, что сегодня в Скандинавии имеется немало имён, начинающихся с этнонима ас: женское имя Аса, которое в IX–X вв. носили норвежские княгини, мужские имена: Асмунд, Аскольд и др. И, завершая параграф, Г.В. Вернадский заключает: «Несмотря на то, что азовские скандинавы освоились с именем асов, со временем они приняли название русов, потому государство, которое они основали в Азовском регионе, впоследствии стало известно как Русский каганат» [Вернадский, 2000а: 287–289]. С усилением княжеской власти в Киеве окружение князя (дружина) стала основным катализатором для формирования новой аристократии – бояр. Аланы, наряду с касогами, мадьярами, были в составе этой дружины. Аланы и черкесы составляли важный элемент и в дружине Мстислава Тмутараканского.

Учёный не обошёл стороной и столь важный факт, как принятие Аланией христианства. Об этом историческом моменте в судьбе Алании

Г.В. Вернадским написано всего одно предложение, но и оно даётся с некоторыми упущениями. В частности, он пишет: «В Киевский период стало распространяться христианство среди осетин и касогов посредством миссионеров-грузин, армян, византийцев, а затем – через Тмутаракань» [Вернадский, 2000б: 377]. Аланы-осетины действительно приняли христианство именно в Киевский период, однако приводимый учёным перечень посредников нуждается в уточнении.

Исторических свидетельств, говорящих о раннем периоде христианства в Алании (да и в V-IX вв.) не так уж много. В этом контексте стоит упомянуть работу Ю.А. Кулаковского «Христианство у алан», которая была опубликована в 1898 г. в журнале «Византийский временник». Весьма интересные сведения приводит известный украинский исследователь О.Б. Бубенок в своей работе «Аланы-Асы в Золотой Орде (XII-XV вв.)». Так, в VI-VII вв., после усиления присутствия Византии в Крыму в состав Византийской империи вошли Херсон и Боспор, что способствовало распространению христианства на полуострове. Центром христианства в регионе становится Херсон. Согласно И.А. Завадской, во «второй половине VI в. христианизация Херсона достигает высочайшей степени» [Завадська, 2000: 15]. Процессы христианизации не могли не затронуть алан и готов, проживающих в окрестностях загадочной страны крымских готов Дори¹⁴², что отразилось в традициях и на погребальном обряде местного негреческого населения. Помимо склепов начали появляться захоронения в традиционном

¹⁴² Сверх того, что касается городов Боспора и Херсона, которые являются приморскими городами на том же берегу (Чёрного моря) за Меотидским болотом, за таврами и тавроскифами, и находятся на краю пределов римской державы, то застав их стены в совершенном разрушении, он (император Юстиниан I) сделал их удивительно красивыми и крепкими. Он воздвиг там и два укрепления, так называемые Алушта и в Горзубитах... Здесь же, на этом побережье, есть страна по имени Дори, где с древних времен живут готы, которые не последовали за Теодорихом, направлявшимся в Италию. Они добровольно остались здесь и в мое еще время были в союзе с римлянами, отправлялись вместе с ними в поход, когда римляне шли на своих врагов... когда императору было это угодно. Они достигают численностью населения до трех тысяч бойцов, в военном деле они превосходны. Сама область Дори лежит на возвышенности, но она не камениста и не суха, напротив, земля очень хороша и приносит самые лучшие плоды. В этой стране император не построил нигде ни города, ни крепости, так как эти люди не терпят быть заключенными в каких бы то ни было стенах, но больше всего любили они жить в полях. Так как казалось, что их местность легкодоступна для нападения врагов, то император укрепил все места, где можно врагам вступить, длинными стенами и таким образом отстранил от готов беспокойство о вторжении в их страну врагов – Прокопий Кессарийский. «О постройках».

византийском стиле, то есть в «плитовых могилах», в захоронениях начали находить кресты, и другие атрибуты христианства, а на горнокрымских могилах начали устанавливаться христианские надгробия [Бубенок, 2004: 192]. На стенах катакомбы в одном из склепов, найденном в 1890 г. на горе Митридат близ Керчи сохранились фрески с греческими надписями, которые датируются 491 г. Одна из надписей гласила: «Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй раба своего Савагу и Фиаспарту». Ю.А. Кулаковский признал эти имена антропонимами восточноиранского (осетинского) происхождения, что, по мнению ученого, свидетельствует «о сарматской национальности христиан, похороненных в когда-то в нашей катакомбе» [Кулаковский, 1891: 1-25]. Он также приходит к выводу, что и «после прекращения обращения Босфорского царства в половине IV в. по Р. Хр., там продолжало жить местное, но уже христианское население: культурная жизнь там продолжалась до конца V в: анализ имен, погребенных катакомб двух христианских покойников – свидетельствует об их иранском – сарматском корне» [Багалея, 1914: 61-62]. По наблюдению же А.И. Айбабина, «с начала VIII в. в Юго-Западном Крыму под влиянием христианства уже не погребали в традиционных для алан подбойных могилах» [Бубенок, 2004: 192]. Далее ученый делает вывод, согласно которому «Изменение погребального обряда может свидетельствовать об изменении идеологии – в хазарский период произошел переход аланов Юго-Западного Крыма от языческих верований к христианской религии [Бубенок, 2004: 192].

Еще одно интересное археологическое открытие, косвенно подтверждающее вышесказанное, случилось в сентябре 2021 г. на раскопе в Опушкинском могильнике¹⁴³. Учёные Крымского федерального университета

¹⁴³ Опушки – некрополь римского времени в Предгорном Крыму, на территории которого хоронили представители различных культур в I в. до н.э. – IV в. н.э. На некрополе открыты позднескифские склепы с многократными захоронениями, погребения сарматской культуры, традиционные склепы для аланских племен, а также трупосожжение германской традиции. Уникальность могильника Опушки специалисты видят в том, что он стал местом захоронений сразу пяти древних культур: позднескифской, среднесарматской, позднесарматской, германской и аланской.

обнаружили редкую по своей сохранности коллекцию украшений III века н.э. – одна пара золотых серёг, три серебряных браслета, два нагрудных украшения, а также древние мечи. По словам специалистов, ювелирные предметы, найденные в захоронении предков средневековых алан, могли принадлежать только высокопоставленным особам. Украшения были обнаружены не только рядом с останками женщин, но и детей, что позволило ученым сделать вывод о передаче высокого социального положения у алан по наследству. Украшения относятся к поздне римскому полихромному стилю. Его отличительная особенность – инкрустация крупными сердоликами и рельефный орнамент. Этот стиль был распространён от Дуная до Кавказа и датируется второй половиной III – первой половиной IV века нашей эры, Найденные мечи, составляющие вооружение аланских воинов, относятся к IV веку н.э.

Все эти факты являются свидетельством того, что крымские аланы приняли христианство задолго до того, как оно стало господствующей религией в собственно Алании. И именно Хазария, а если быть точнее, то противостояние с ней Алании, способствовало тому, чтобы Алания под непосредственным воздействием византийских миссионеров приняла христианство.

В VIII в. Хазария, в подчинении которой была Алания, начала клониться к упадку, что позволило её главному сопернику на юге – Византийской империи проводить более активную политику в отношении северных территорий. Византии нужна была относительно более сильная и влиятельная Алания в качестве противовеса Хазарии. И начала она именно с насаждения в Алании христианства.

Следствием такой политики явилась христианизация алан, которую обычно приурочивают к началу X в. Конечно ни о каком внезапном и единовременном «крещении» тогда не могло быть и речи, и процесс внедрения христианских представлений в религиозное сознание алан надо представлять себе как длительный и постепенный. Народное предание

относит его начало ко времени Юстиниана I, связывая с его именем, например, дигорское святилище «*Jusi-dzuar*». В пользу такой ранней датировки можно было бы привести и вариант текста Прокопия Кесарийского, согласно которому аланы называются не «друзья христиан и ромеев», а прямо «христианами и друзьями ромеев». Однако, эта народная датировка популярным на всем Кавказе именем Юстиниана скорее всего, является лишь излюбленной легендарной датировкой, подобно эпохе грузинской Тамары; не исключена возможность и переноса этой условной датировки на царствование Юстиниана II (начало VIII в.). Как раз к началу VIII в. (713 г.) относит начало христианства в Алании и позднее (XVII в.) церковное предание (патриарх Досифей), называющее даже имя епископа аланского Федора, но не подкрепленное никакими историческими аргументами [История, 1939: 437].

Привлекательность христианства для алан, как, впрочем, и для нехристиан заключалась в том, что христианство было неким «пропуском» в «цивилизованный мир». Оно давало право варварским народам чувствовать себя причастными к Византии, её культуре и величию. В то же время христианизация варваров давала Византийской империи некую власть над ними, прежде всего духовную, которая позволяла с помощью «братьев во Христе» обрести союзников на границах империи. Вновь обращённые христиане становились паствой византийского патриарха. Империя опекала их всеми доступными способами. Процесс распространения христианства в Алании Византия проводила посредством своих миссионеров, которых в начале X в. непосредственно контролировал Константинопольский патриарх Николай Мистик. Деятельную помощь византийской миссии оказал царь Абазгии (Абхазии) Григорий. В результате дело завершилось созданием Аланской христианской кафедры, а вслед за этим в 920–925 гг. – принятием христианства Западной Аланией [Кузнецов, 1992: 306–328]. В благодарственном письме в адрес абхазского царя Григория Николай Мистик писал: «Мы узнали от некоторых лиц, которым известна твоя храбрость, что

ты, следуя учению Божьему, приложил много труда, чтобы просветить правителя Алании и всех тех, которые вместе с ним оказались достойными святого крещения». Из этого сообщения видно, что Алания приняла христианство в самом начале X века и что непосредственное участие в этом деле принял правитель Абазгии [Сведения, 1952: 214, 217]. Речь конечно же не идет о всем аланском народе, и это обстоятельство получает неожиданное уточнение со стороны Ибн-Русы, который в 922 г. отмечает, что у алан князя христиане, а подданные – язычники [История, 1939: 438].

Тогда же, в период наиболее сильного влияния Византии на Аланию, аланы выступили против хазар. Хазарский царь Аарон II¹⁴⁴ привлек против них тюрок-огузов, разгромил аланское войско, а самого царя алан захватил в плен. Но далее Аарон II, поступил как умный, дальновидный политик. Он не хотел делать из алан врагов и использовал свою победу для возвращения алан к союзу с Хазарией. Аарон II оказал большой почет плененному аланскому царю и закрепил союз с аланами браком своего сына Иосифа на дочери аланского царя. Вероятно, результатом поворота в отношениях алан к Византии, последовавшего за этой военной и дипломатической победой хазар, было изгнание из Алании епископа и священников, присланных из Византии, о чем сообщает аль-Масуди. По его словам, князья аланские, исповедовавшие христианство, после 932 г. отреклись от этой веры [История, 1939: 424-425].

Вопреки клерикальной традиции о процветании христианства у алан и других предгорных и горных племен Кавказа, ни для какого-либо периода исторические памятники такого «процветания» не обнаруживают. Так в XIII в. аланы называются христианами лишь по имени, священники у них местные без рукоположения (*Аланское послание Федора 1240 г.*); рядом с суеверным почитанием креста и соблюдением воскресения отмечаются лишь самые смутные понятия о догме и обрядах (доминиканец Юлиан) [История,

¹⁴⁴ Аарон II (время правления: 900-е - 930-е гг.) - правитель Хазарского каганата. Не являлся каганом, а принадлежал к династии царей-заместителей (Буланиды). Одиннадцатый по счёту представитель. Правнук Аарона I.

1939: 424-425]. Патриарх Николай в письме, по-видимому к первому аланскому епископу Петру, советует учитывать это двойственное состояние, допуская строгость в отношении «простых людей», но соблюдая крайнюю осторожность в отношении людей знатных и властных, «чтобы не отвратить от христианства весь новоприобретенный для церкви народ». Осторожность, как оказалось впоследствии, была отнюдь не излишняя, так как через несколько лет (932 г.) аль-Масуди отмечает отказ аланских князей от христианства, о чем говорилось выше. Свидетельство Масуди вряд ли можно относить ко всей Алании: вероятно лишь какая-то часть князей, стоящая в оппозиции к византийско-абхазской ориентации, под давлением хазар и, по-видимому, временно отказалась от недавно усвоенного феодальной верхушкой христианства. О том, что Алания и после этого осталась христианской, можно заключить из того, что к концу того же X в. в так называемом *Notitiae episcopatum*¹⁴⁵ она повышается в ранг митрополии, занимая по достоинству шестьдесят первое место, непосредственно вслед за Русью, в то время как древняя в своем христианстве Авазгия остается лишь епархией. Ясно, что и в этом сказывается не удельный вес полухристианской аланской церкви, а те политические расчеты, которые связывали византийские императоры со своими «духовными чадами», аланскими правителями [История, 1939: 438-439]. Таким образом, ни армяне, ни Тмутаракань к процессу принятия христианства аланами не имеют отношения. Что касается грузинских миссионеров, то через их посредство проходило насаждение православного христианства среди восточных алан (осетин).

Позднее, к XIII в., Алания принимает структуру вполне развитого, даже разлагающегося феодального общества «удельного» типа, как это с исключительной ясностью свидетельствует «Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев», совершенном перед 1235 г. По его словам, в «Алании, где

¹⁴⁵ Списки епархий Константинопольского престола – А.Ч.

жители представляют смесь христиан и язычников, имеется столько местечек столько и князей [скорее, дворян], из которых никто не считает себя подчиненным другому. Здесь постоянная война князя с князем, местечка с местечком: во время пахоты, все люди одного местечка, вооруженные, вместе отправляются на поле, вместе косят, и то на смежном пространстве, а в малом числе не могут никак выйти безопасно за чем бы то ни было в течение всей недели, исключая воскресенье, от утра до вечера». Итак, накануне монголо-татарского завоевания, разложение патриархальных форм общежития, традиционного гостеприимства и т.д. зашло уже так далеко, что шестеро венгерских монахов «пробыли в этой стране шесть месяцев в величайшей нужде, так что не имели ни хлеба, ни питания, кроме воды. Один из миссионеров, священник, делал ложки и другие вещи, за что получал иногда немного пшена». Трагические, в своей лаконичности строки о том, как христианские миссионеры «постановили двух из своих продать, но не нашли покупателей, потому что они не умели ни пахать, ни молотить» являются свидетельством политического и общественного коллапса в Алании накануне татаро-монгольского нашествия [История, 1939: 444].

3.12. Аланы в период татаро-монгольских войн

Выше уже говорилось о том, что некоторые коллеги-русисты, в частности Б.А. Николаев, М.Н. Тихомиров и др., обвиняли Г.В. Вернадского в излишнем увлечении историей кочевых племён юга России в ущерб изучению истории непосредственно славян. Однако и иранисты порой были склонны предъявлять свои претензии великому учёному. В частности, Г.В. Вернадский не совсем полно раскрывает роль алан в освещении политических событий, имевших место на Северном Кавказе в X–XIII вв. Учёный пишет, что славяне поддерживали связь с народами Кавказа, особенно с ясами (осетинами) и касогами (черкесами) через Тмутаракань. Оба эти народа признавали над собой сюзеренитет Святослава и позже

Мстислава Тмутараканского в X–XI вв. Интересна интерпретация Г.В. Вернадского русского социального термина «изгой» (название нерусских дружинников), который он объясняет из осетинского *изкаи*, что значит «чужой», «наемник», «наемный работник» [Вернадский, 2000б: 177]. С иранского объясняет Г.В. Вернадский и происхождение другого социального термина *смерд*: с иран. *mard* (человек) [Вернадский, 2000б: 151]. И ещё. В последней одиннадцатой главе «Русь и внешний мир в Киевский период», описывая русско-кавказские отношения, он сообщает и некоторые сведения об осетинах. Знакомясь с разделом «История России с XI по XIII столетие», складывается впечатление, что с татаро-монголами воевали одни лишь русские. Г.В. Вернадский пишет: «Сначала они (татаро-монголы – А.Ч.) направились в Северную Персию и Закавказье, затем повернули на север и в 1223 г. появились в южнорусских степях. Это они в 1223 г. разгромили русских и куманов на реке Калке» [Вернадский, 2001: 64]. Получается, что многочисленные и сильные северокавказские народы были сторонними наблюдателями этих событий. В действительности же в битве на Калке, наряду с войсками князя Мстислава Романовича, в борьбе с татаро-монголами активно участвовали и аланы. Как же это происходило?

«Они, имели мужество львиное, терпение собачье, предусмотрительность журавля, хитрость лисицы, дальноркость ворона, хищность волка, боевой жар петуха, попечительность о близких – курицы, чуткость кошки и буйность и нападениях вепря» – именно такую характеристику дает монголам неизвестный персидский хронист [Багалеи, 1914: 371]. Победоносно продвигаясь через Ширван на Северный Кавказ, и минуя Дербент, войска под командованием Джэбэ и Субэдэя, оказались лицом к лицу с аланами (осетинами). По Г.В. Вернадскому, завоеватели «нанесли поражение осетинам на Северном Кавказе и вошли на землю половцев» [Вернадский, 2000б: 259]. Как пишет далее учёный, половецкий хан Котян Сутоевич обратился за помощью к русским со словами: «Сегодня татары (монголы) захватили нашу землю, завтра они возьмут вашу»

[Вернадский, 2000б: 259]. В принципе, – пишет учёный, – они согласились объединить свои силы, но ещё до соединения ратников каждая из сторон была разбита порознь.

Это положение уважаемого профессора требует корректировки. Аланы Северного Кавказа внимательно следили за продвижением монголов, столкновение с которыми было неизбежным. Ситуация для алан и их союзников половцев (кипчаков) складывалась выгодная; они могли рассчитывать на полную победу над врагом после первой схватки, которая окончилась ничейным результатом. На самом же деле половцы были в союзе не с русскими, а с аланами. Однако монгольским полководцам Джэбэ и Субэдэю удалось расторгнуть их союз, хотя в нём нуждались как половцы, так и аланы. Вот как разворачивались далее события, по описанию их современника, историка Рашид ад-Дина: «Когда они (монголы) пришли в область алан, а жители тамошние были многочисленны, то они (аланы), сообщая с кипчаками сразились с войсками монголов, никто не остался победителем» [Рашид ад-Дин, 1952: 229]. Тогда монголы-татары послали к кипчакам вестников, взывая к тюрко-монгольскому братству: «Мы с вами одного рода и из одного племени, эти же аланы вам не родня, даже по религии они являются христианами, а вы другой веры» [Алемань, 2003: 337]. Далее продолжает уже другой источник: «Мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на друга и дадим вам столько золота и платьев, сколько ваша душа пожелает, (только) представьте их (алан) нам. Кипчаков соблазнили условия предательства. В действительности получили от монголов много (всякого) добра и ушли обратно. Сразу после этого татары напали на аланов и перебили их, совершая все, что было в их части убийств и грабежей» [Тизенгаузен, 1884: 25]. Таким образом, предательство хана Котяна обернулось не только разгромом аланских войск в восточной части Алании, но и безжалостным истреблением самих кипчаков.

Г.В. Вернадский пишет, что второй поход татаро-монгол, провозглашённый внуком Чингисхана Батыем спустя 12 лет на курултае в

1235 г., был направлен против русских. Здесь уважаемый профессор не совсем прав. Аланы были в тот период наиболее многочисленным народом на Северном Кавказе, к тому же они сильно пострадали от предыдущего нашествия татаро-монгол. Потому, если быть точнее, то поход предпринимался не только против русских, но также против алан и болгар. Аланы и русские оказали им наиболее серьёзное сопротивление при первом походе, и вполне естественно, они были в числе первоочередных целей. А вот поход против болгар был предпринят потому, что на обратном пути в Среднюю Азию войскам Чингисхана мощный удар нанесли волжские болгары. Г.В. Вернадским проигнорирована роль алан и тогда, когда он подводит итоги монгольским завоеваниям в XIII веке.

Находясь ещё в Средней Азии, скифо-сарматы поддерживали контакты с тюрко-монголами, о чём свидетельствуют единичные факты, приводимые учёным. Так, имя бабушки Чингисхана Алан-Гоа¹⁴⁶ переводится им как прекрасная аланка. Согласно ему же, тяжёлая монгольская панцирная конница была заимствована у алан (Вернадский, 2004). В своих научных изысканиях Г.В. Вернадский приводит представляющие интерес подробности о военных действиях. В частности, в 1239 г. хан Мунке завоевал значительную часть алан и половцев. В результате, более 40 тыс. половцев (кунов) под предводительством уже известного нам хана Котяна и около 10 тысяч алан (ясов) из региона Донца (Западная Алания) были вынуждены мигрировать в Паннонию, на территорию нынешней Венгрии, где их приютил король Бела IV. Исследователь Я. Ферент даже называет имя ясского вождя – Качар Огала. Территория расселения алан (ясов) получила

¹⁴⁶ «Сокровенное сказание монголов» называет Алан-гоа легендарной прародительницей монголов. По легенде, она была дочерью Хорилартай-Мергана, предводителя хори-туматов, и Баргуджин-Гоа, дочери владыки баргутов. Сыновья Алан-гоа Бельгунотай, Бугунотай, Бугу-Хатаги и Бухуту-Салчжи стали основателями родов Бельгунот, Бугунот, Хатагин и Салджиут; младший сын, Бодончар-простак, стал родоначальником Борджигинов. Последние три сына родились путем непорочного зачатия ("Но каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда светило внутри (погасло), (Солнце закатилось, а луна еще не взошла) входит, бывало, ко мне светло-русый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево. А уходит так: в час; когда солнце с луной сходится (Луна закатилась, а солнце еще не взошло), процарапываясь, уходит, словно желтый пес) [ССМ, §21]. Из рода Борджигинов происходил Чингисхан [ССМ, §42].

название Ясшаг, а их административным центром стал город Ясберень. В 1957 г. венгерским учёным Ю. Неметом был обнаружен так называемый ясский глоссарий (словник), датированный 1422 г., в котором он обнаружил десятки слов, имеющих осетинское происхождение. Их близость к дигорскому диалекту осетинского языка можно считать установленным фактом. К XVII в. ясы утратили свой язык и полностью перешли на венгерский. Археологические предметы из Ясшага, собранные и изученные В.А. Кузнецовым, выявили их схожесть с кавказской аланской культурой [Кузнецов, 2016: 375-395]. Учёному-этнографу Б.А. Калоеву удалось провести осетино-ясские этнографические параллели, которые также выявили их близость во всех отраслях материальной и духовной культуры, уходящих корнями в аланскую эпоху (Калоев, 1996).

Представляют интерес и рассуждения Г.В. Вернадского, касающиеся мадьяр, а также посвящённые алано-венгерским историческим взаимоотношениям. Известно, что в VIII в. финно-угорские племена из Северного Поволжья переместились на черноморское побережье Северного Кавказа. Здесь они в течение двух столетий проживали в близком соседстве с аланами-асаами, а также, как указывает Г.В. Вернадский, с асо-славянами. Затем историческая судьба забросила венгров в Паннонию, где уже присутствовали аские и протославянские племена. По всей вероятности, мадьяры не смогли их одолеть. Вполне возможно, что они заключили мирное соглашение с местным населением. Об этом свидетельствуют как славянские, так и иранские слова, сохранившиеся в мадьярском языке. В подтверждение сказанного учёный приводит слова, перешедшие с ясского (осетинского) в венгерский язык, которые мы приводим ниже [Вернадский, 2000а: 254–255]:

| Венг. | Осет. |
|---------------------------------|------------------------------------|
| <i>Aladar</i> («сотник») | <i>ældar</i> («князь», правитель») |
| <i>Legeny</i> («юноша», «воин») | <i>læg</i> («мужчина») |
| <i>kard</i> («меч») | <i>kard</i> («меч») |

| | |
|---|----------------------------|
| <i>vert</i> («щит») | <i>vart</i> («щит») |
| <i>vendeg</i> («чужестранец», «пришелец») | <i>faendag</i> («дорога») |
| <i>hid</i> («мост») | <i>khid</i> («мост») |
| <i>gazdag</i> («богатый») | <i>haezdug</i> («богатый») |
| <i>fizet</i> («платить») | <i>fid</i> («платить») |
| <i>Uveg</i> («стекло») | <i>avg</i> («стекло») |

Этот список известных заимствований учёный дополняет ещё осетинским термином *хсин* (госпожа), аланским *хсина* и венгерским *ассон* (женщина) [Вернадский, 2000б: 255]. Важно подчеркнуть, что часть заимствований из аланского в венгерский язык Г.В. Вернадский относит к старому фонду, то есть временам, когда венгры ещё жили в Поволжье. С другой стороны, наличие славянских слов в венгерском языке (закон, долг, ярмо, раб) также является результатом соседства антов (ассо-славян) с венграми на юге России [Вернадский, 2000б: 255].

Однако вернемся к рассматриваемой теме. Спустя тридцать девять лет после описанных событий теперь уже Менгу-Тимур развязал новую военную кампанию против алан, которые были покорены в 1239 г. монголами при хане Мунке. Причиной нового похода были попытки алан освободиться от подчинения Золотой Орде, воспользовавшись временным ослаблением центральной власти в период междоусобиц (хан Берке против Ильханов). Проезжавшие в те годы по территории Алании европейские путешественники отмечали упорное сопротивление, которое оказывали аланы монголам, обороняясь в своих укрепленных позициях в горах. Гийом де Рубрук, неоднократно встречавшийся с аланами в Предкавказье, отмечал, что они всё ещё борются против татар, и последние вынуждены были держать на земле алан свои гарнизоны. «Аланы в этих горах всё ещё не покорены, писал Рубрук в 1255 г. Так что из каждого десятка людей Сатраха (сын и преемник Батыя – А.Ч.) двоим надлежало караулить ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине» [Путешествия ... , 1957: 186]. Фактически те аланы, которые жили в

высокогорных долинах, никогда полностью не были завоёваны монголами, отмечает Г.В. Вернадский. Постоянными нападениями горцев-алан татаро-монголы были озабочены до такой степени, что Менгу-Тимур приказал ряду русских князей с их боярами и свитой присоединиться к его походу против алан. Согласно Никоновской летописи¹⁴⁷, в кампании приняли участие князья Глеб, сын Бориса Константин, Федор Ярославский и Андрей Городецкий (сын Александра Невского). Поход был удачным. Русские взяли главную твердыню аланов – укрепленный город Деяков (1278), захватили богатую добычу, большая часть которой, вероятно, перешла к хану. Менгу-Тимур похвалил своих русских вассалов и наградил их многими дарами (Вернадский, 2004).

В период Киевской Руси русско-польские отношения характеризовались напряжённостью. Поэтому по стратегическим и дипломатическим соображениям русские стремились поддерживать отношения с той частью ясов, которые расселились в районе Нижнего Дона, т.е. в границах Куманского (Половецкого) ханства. В подтверждение этих слов Г.В. Вернадский пишет: «Когда русские вошли в этот регион в 1111 г., они были доброжелательно приняты местным населением, среди которых, вероятно, были и ясы» [Вернадский, 2000б: 379].

В 1116 г., когда сын Владимира Мономаха прислал своего сына Ярополка на Дон, тот привёз из похода в Киев много своих сторонников из ясов. Привёз и яскую княгиню, на которой он женился. Заложенные Ярополком русско-осетинские династические браки получили продолжение в последующем. На ясках-осетинках были женаты Черниговский князь Мстислав Святославич, Суздальские князья Андрей Боголюбский и его брат Всеволод III Большое Гнездо (1154–1212) [Вернадский, 2000б: 379]. Всеволод III получил такое прозвище не зря. В браке с Марией Шварновной (Ясыней) у него родилось двенадцать сыновей и дочерей, которые оставили

¹⁴⁷ Никоновская летопись - крупнейший памятник русского летописания XVI века. Названа по имени патриарха Никона, которому принадлежал один из её списков.

заметный след в русской истории своей духовно-просветительской деятельностью, борьбой с врагами Отечества. Особо прославились внуки Всеволода III Василий Ростовский, замученный татарами-монголами, и знаменитый Александр Невский. Они, вместе с одиннадцатью другими представителями рода Всеволода, причислены к лику святых Русской Православной Церковью. Сама же Ясыня Мария была яркой фигурой в политической и культурной истории средневековой Руси, являлась попечительницей православного Дмитриевского Собора во Владимире, активно занималась попечительством [Великая ... , 2019]. Конечно же, стоит отметить, что не все исследователи были согласны с яским происхождением Марии Шварновны. Так, в статьях, предваряющих Комиссионный список Новгородской первой летописи, говорится: «Мария Всевожа Шварновна, дщи князя Чешьского»¹⁴⁸. Помимо прочего, Г.В. Вернадский пишет о посреднической роли осетин в установлении русско-грузинских и русско-армянских взаимоотношений. Однако, говоря о браке Тамары и Сослана-Давида, он ошибочно считает, что Сослан по материнской линии происходил из грузинской царской семьи [Вернадский, 2000б: 381]. Эта версия, предположительно высказанная в XVIII в. грузинским царевичем, историком и географом Вахушти Багратиони, оказалась искусственной фальсификацией, что было выявлено впоследствии. По абсолютно надуманной гипотезе, Сослан-Давид якобы являлся потомком Дмитрия Багратиони, сына грузинского царя Георгия. После гибели отца бабушка Дмитрия, осетинка по происхождению, забрала внука в Осетию, где его усыновил осетинский царь. Впоследствии он выдал за него свою дочь, у них появился сын, который и стал отцом Сослана-Давида. Фальсификация эта была блестяще опровергнута известным учёным Г.Д. Тогошвили, который доказал, что версия Вахушти не имеет никакого отношения к действительности. Она не

¹⁴⁸ ПСРЛ, т. 3, стр. 368 // Цитируется по Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Кем была «Мария Всеволожая»? Отечество и происхождение трех русских княгинь XII в. // А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. Выбор имени у русских князей в X-XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропониимики. - М.: Индрик, 2006. (Труды по филологии и истории.) Экскурс 5. С. 368—381

подтверждается ни старыми грузинскими, ни армянскими, ни какими-либо другими источниками и представляет собой исключительно плод личного воображения Вахушти [Тогошвили, 2012: 12–84].

3.13. Г.В. Вернадский и его критики об увлеченности «иранизмами»

Учёный уделял много внимания освещению истории кочевых народов степной полосы Евразии. Влияние было настолько большим, что Г.В. Вернадский даже вызвал упрёки со стороны историков-русистов. Б. Николаев писал, что «внимание автора сосредоточено в основном на истории степных народов – скифов, сарматов, готов, гуннов, авар, хазар. Автор настолько подробно прослеживает появление, перемещение и исчезновение этих народов, что создается впечатление, будто он пишет историю юга России, неоправданно мало внимания уделяя истории севера» [Николаев, 2000а: 14]. Аналогичный укор делает учёному и академик М.Н. Тихомиров, автор одной из рецензий на его работу: «...не готы, авары или аланы создали русскую государственность, а славяне. Поэтому славяне и должны были находиться в поле внимания историка России ... Между тем истории славян отведено в книге проф. Вернадского поразительно мало места» [Тихомиров, 1946: 124].

В действительности в первом томе пятитомника «Древняя Русь» Г.В. Вернадским значительное место отведено историческим взаимоотношениям славянских и степных (в первую очередь, ираноязычных) народов. И всё же претензии уважаемых учёных к автору в том, что в трудах Г.В. Вернадского северу России уделено меньше внимания, нам кажутся неуместными. Учёный действительно описал объективное положение вещей, ибо русская государственность возникла не на севере современной России, а на территории её южных границ, т.е. на Северном Причерноморье, где древним славянам предшествовали ираноязычные племена. К проблеме взаимоотношений ираноязычных и славянских племен Г.В. Вернадский

обращался практически во всех своих исследованиях, которые касались истории России. По его твердому убеждению, «Иранский период обладал фундаментальной значимостью для последующего развития русской цивилизации ... именно иранцы заложили основание политической организации восточных славян. Искусство Древней Руси было также пропитано иранскими мотивами» [Вернадский, 1996: 115]. Учёный прекрасно осознавал роль скифских племён в становлении русского государства. «Так как развитие собственного русского государственного образования, – писал он, – начинается с крайнего западного угла Евразии (район Дунай – Киев – Черное и Азовское моря), то, в первую очередь, для русской истории имеет значение история кочевых народов в Западной Евразии, то есть в Северном Черноморье. В этом смысле историческая подпочва русского государства создана была скифами» [Вернадский, 1996: 43–44]. При этом учёный подчеркивал, что скифы были первыми обитателями южнорусских степей, о ком сохранились сведения в анналах истории.

Г.В. Вернадский, как учёный весьма широкого диапазона, прекрасно понимал, что «невозможно установить историю славян в древнейший период их развития, рассматривать их быт в изоляции от народов, им предшествовавших на данной территории. Изучающий русскую историю должен внимательно отслеживать развитие тенденции в евразийском кочевом мире, поскольку без знания этого развития многие события в истории России никогда не могут быть в достаточной степени поняты и оценены» [Вернадский, 1996: 85]. Учёный вполне резонно задавался вопросом: а кто же занимал эту территорию до заселения его восточными славянами. И поскольку ими были скифы, то вполне естественно, что он начал изучать древнюю историю России с истории взаимоотношений скифов с протославянскими племенами.

Вместе с тем, Г.В. Вернадский критиковал тех своих коллег, которые принижали роль кочевых племён в историческом процессе, считая их

народами с низким культурным уровнем. И в качестве обоснования своего мнения он привел такой пример: «В начале XX века большая часть монгольских племён находилась на более низком уровне политического и хозяйственного развития, чем это было в XIII веке» [Вернадский, 1996: 42]. Опровергая предвзятое мнение о кочевниках, Г.В. Вернадский доказывал, что в историческом прошлом кочевые народы постоянно контактировали с оседлыми племенами, поддерживая торговые связи, сравнивал и сопоставлял степь и пустыню с морем, утверждал, что они имели такое же соединительное значение для отрезанных друг от друга частей «твёрдой культуры» (земледельческо-приморской). И далее: «Степная империя, которая достигала сколько-нибудь широких размеров, держала связь с различными часто отдалёнными друг от друга оседлыми народами ... Перед началом нашей эры такую роль соединительного элемента между Черноморьем, Кавказом и Хорезмом играли скифы» [Вернадский, 1996 :43].

Примечательно, что во всех пяти книгах своей «Истории России», в связи с освещением тех или других исторических явлений, учёный весьма часто ссылается на скифов, сарматов, алан. Однако наиболее полно история этих племён представлена в первом томе издания под названием «Древняя Русь». Вслед за первой главой под заголовком «Предыстория», посвящённой древнейшему, доисторическому периоду, последовали три главы монографии: «Киммерийская и скифская эры», «Сармато-готская эпоха» и «Гунно-антский период», в которых учёный постоянно обращался к истории и культуре скифов, сарматов и алан. Подтверждает сказанное и наименование отдельных параграфов: «Киммерийцы и скифы в Южной Руси», «Северные соседи скифов», «Восточные соседи скифов», «Взгляд на политическую историю скифов», «Центральная Евразия в эпоху сарматов», «Сарматы в Южной России», «Западные и восточные соседи сарматов», «Великое переселение и западная эмансипация алан», «Наследие иранской эпохи в русской истории» и др. Г.В. Вернадский четко обозначает, что «именно на скифах увязывается первоначальная история славян. Именно

скифам удалось объединить под свою власть не только степь, но и часть лесной зоны ... На границах леса и степи вдоль границы лесистой области, по рекам для торгового обмена с давних времен должны были возникать культурные поселения. Одно из этих поселений обнаружено на месте позднейшего Киева» [Чиби́ров, Вопросы ... , 2015: 97–104].

В заочной полемике со своими оппонентами, которым не нравилась подробная история кочевников, Г.В. Вернадский отмечает, что «некоторые группы прародителей русских племён уже были на территории черноморских степей под сарматским владычеством» [Вернадский, 1992: 22], что «в то время уже должны были быть западные, средние и восточные славяне», что «группа прародителей славянских племён осела в этом районе, по крайней мере, не позже 500 лет до н.э.» [Вернадский, 1996: 61]. Акцентируя внимание на сарматской эпохе, учёный пишет: «Именно в этот доисторический период сформировалось мировое «жизненное пространство» русских людей. Некоторые знания этого базисного фонда необходимы для понимания основных тенденций ранней русской экономической и политической истории» [Вернадский, 2000а: 27].

Развивая далее тему, Г.В. Вернадский пишет: «Исторические корни русского народа уходят в прошлое. В то время как древние анналы содержат значительную информацию о русских племенах в девятом и десятом столетиях нашей эры, очевидно, что соответствовавшие группы их предков сплотились значительно раньше, по крайней мере, в сармато-готский период, а процесс их консолидации должен был начаться ещё значительно раньше, в скифский период» [Вернадский, 2000а: 20]. Мотивы столь пристального внимания иранским племенам со стороны Г.В. Вернадского, подчеркивающего их роль в становлении русской государственности, вполне обоснованы. Маститый учёный прекрасно осознавал невозможность полного и объективного исследования первоначальных шагов русской государственности без изучения истории племён, которые предшествовали

славянам на данной территории и с которыми они позже поддерживали взаимоотношения.

Г.В. Вернадский подчёркивает, что именно древние иранцы, которые занимали южнорусские степи, и служили связующим звеном между греческой и персидской цивилизациями, заложили основу политической организации восточных славян. Таким образом, представляется затруднительным установить подлинную историю славян на ранних этапах формирования праславянских обществ, не зная историю племен, им предшествовавших, а позже с ними соседствовавших.

3.14. Культурное наследие иранских народов

В I томе своей «Истории России» Г.В. Вернадский пишет: «Иранский период обладал фундаментальной значимостью для последующего развития русской цивилизации ... именно иранцы заложили основание политической организации восточных славян. Искусство Древней Руси также пропитано иранскими мотивами» [Вернадский, 2000а: 115–116]. Изложенный в предыдущих главах материал с хронологическим охватом с I тыс. до н.э. до XV в. н.э. являет собой свидетельство тесных взаимоотношений и переплетений многочисленных племён и народов разной этнической, языковой и конфессиональной принадлежности, населяющих юг России и Северный Кавказ. Однако картина будет не полной без подробного описания и характеристики культурного наследия народов, обитавших в южнорусских степях того периода, которое представил нам Георгий Владимирович и которое является весьма важным аргументом в пользу сказанного. В этой связи ещё раз следует отдать должное мэтру, его научной интуиции, труды которого содержат уникальный фольклорно-лингвистический, этнографический материал, топо-гидронимический и другие свидетельства. На тесное взаимодействие скифского языка с любым другим европейским языком и языковой группой одним из первых обратил внимание В.И. Абаев

[Абаев, 1965: 135]. Эти параллели послужили дополнительным и важным аргументом для подтверждения выводов и положений, которые отстаивает в своих трудах Г.В. Вернадский. Многие европейские учёные отметили то положительное воздействие, которое оказали ираноязычные племена на военные традиции Западной Европы. В этой связи достойны внимания слова французского учёного Я. Лебединского, который отметил «глубокий след скифо-аланских народов, лёгший на военные традиции (и вообще на культуру) их преемников в зоне Юго-Восточной Европы. Без учёта этого следа многое в истории Украины и Юга России непонятно» [Лебединский, 1997: 195]. Эти параллели, восходящие к киммеро-скифской эпохе, наиболее ярко проявились в сарматский период истории и достигли наивысшего расцвета в алано-славянскую эпоху.

3.14.1. Параллели в области хозяйства и материальной культуры

Как было отмечено выше, в VII в. до н.э. из степей Северного Туркестана и Южной Сибири в южнорусские степи и Северное Причерноморье вторглись скифы. На своей новой родине они застали развитую культуру обработки бронзы. В частности, на Кавказе (Кобанская культура, Урарту) большое развитие получило бронзовое дело, которое Г.В. Вернадский ярко характеризовал на разных конкретных примерах. Ко времени появления скифов в Северном Причерноморье местное население использовало в основном бронзовые изделия. Скифы же «принесли с собой свою особую культуру, которая включала как бронзу, так и железо» [Вернадский, 2000а: 64]. Об их культуре и быте поведали раскопанные археологами знаменитые царские курганы, раскинутые на обширной территории от р. Дунай до Урала. При этом, в противовес многочисленным бедным могилам, принадлежащим простым воинам, «могилы скифских королей и знати особенно богаты золотом и ювелирными изделиями. Холмы над ними высоки» [Вернадский, 2000а: 64]. Учёный хронологически

расставляет обнаруженные и изученные ко времени написания книги скифские курганы. К ранней группе (VI в. до н.э.) скифских захоронений Г.В. Вернадский относит известный курган Литой (между рр. Буг и Днепр) и Келермес на Северном Кавказе, Куль-Оба (близ Керчи), Чертомлык, Александрополь, Солоха (в районе днепровских порогов) – V–IV вв. до н.э.

Исходя из расположения курганов, Г.В. Вернадский определил три главных центра скифского мира. Это Северный Кавказ, Крым и регион Нижнего Днепра. Многочисленные курганы скифского периода были обнаружены и на украинской лесостепной пограничной зоне, в районе Волги и Камы – предметы ананьинской бронзовой культуры, также относящиеся к скифскому периоду (VI–III вв. до н.э.).

Г.В. Вернадский, как и М.И. Ростовцев, подробно описывает и анализирует содержание богатейших скифских курганов, связывает их с верой в загробную жизнь, выявляет высокую степень их религиозных верований и особое отношение к культу предков. «Могила скифских предводителей обычно содержат большое количество золотых и серебряных украшений, а бронзовое оружие, найденное в этих же могилах, также украшено золотыми пластинами. Иногда находят железные мечи. Жёны, рабы и кони скифских вождей, как правило, хоронились с ними. Так называемый звериный стиль – ведущая черта скифского искусства ... Утончённость скифского стиля – очевидный результат контактов скифов с греками в черноморских степях» [Вернадский, 2000а: 65–66].

Описывая Скифию, Геродот отмечает важнейшие реки, протекающие в ней. «Страна скифов представляет собой богатую травой и хорошо орошаемую равнину. По этой-то равнине протекает почти столько же рек, сколько каналов в Египте. Я назову только самые известные реки и судоходные от моря в глубь страны – это Истр с пятью устьями, Тирас, Гипанис, Борисфен (Днепр), Пантикап, Гипакирис, Герр и Танаис (Дон)»

[Геродот, IV: 47]. Именно с рекой Герр¹⁴⁹ Геродот связывал главные сокровища скифских царей, место, которое было известно как «царские курганы Герроса». Геродот пишет: «Седьмая река Герр вытекает из Борисфена в том месте, до которого течение Борисфена известно ... Течёт эта река к морю, образуя границу между землями кочевых и царских скифов, и потом впадает в Гипакирис» [кн. IV: 56, 71]. Г.В. Вернадский считал, что Геррос-Герхой был своеобразным закрытым сакральным местом, куда не было доступа иностранцам. Именно поэтому о нём сохранилось так мало сведений в античной литературе [Вернадский, 1996: 65].

Курганы, которые строили скифы для своих царей, отображают жизнь скифского общества на протяжении шести столетий своей истории. Воздержавшись от подробного описания могильников, Г.В. Вернадский в то же время даёт возможность составить общее представление о богатстве курганов. Из его дальнейшего рассказа о скифах становится понятным, почему скифское искусство названо искусством звериного стиля: «Металлические чаши, колчаны для луков, пояса, рукоятки мечей, конская упряжь и другие различные предметы орнаментированы фигурами животных, таких как пантера, тигр, олень, лошадь, бык, и часто сценами жизни животных. Хищник обычно показан раздирающим когтями травоядное животное» [Вернадский, 1996: 65]. Учёный сравнивает предметы, изготовленные скифами, на юге России с аналогичными предметами, раскопанными на севере Туркестана. Первоклассные греческие художники нанимались скифскими царями, и таким путём степное искусство

¹⁴⁹ Отсутствие на современных картах рек, хотя бы отдаленно похожих на Герр и Гипакирис свидетельствует о значительных изменениях гидрографии Северного Причерноморья, которые произошли за прошедшие 2500 лет под воздействием тектонических процессов и силы вращения Земли (силы Кориолиса). На примере реки Герр скифы имели возможность наблюдать такое редкое гидрологическое явление, как бифуркация реки, а именно разделение реки (в данном случае Борисфена - Днепра) на два потока, которые впоследствии не сливаются. В связи с тем, что размыв основного и бокового русла обычно происходит с разной скоростью, явление бифуркации реки не может длиться бесконечно: рано или поздно вся вода устремляется в более глубокое русло. Такая судьба постигла и реку Герр: река Борисфен углубила свое русло, Герр обмелел и перестал существовать. Геродот, IV: 47; Лазаревич К.С. Бифуркация рек // География. 2002. № 45.

оплодотворялось греческой техникой [Вернадский, 1996: 66]. По типам захоронений (грунтовые, кремация, погребальные урны) учёный выявляет и этнический состав населения Скифии.

О хозяйственной деятельности скифов и их быте Г.В. Вернадский сообщает сведения, которые до сих пор никем не были опровергнуты. Так, скифы разводили крупный и мелкий рабочий скот. По выражению учёного, «фундаментом их образа жизни» было разведение лошадей. Пастбища для каждого из больших родов, в свою очередь, разбивались на более мелкие наделы по количеству частей внутри рода. Как только пастбища истощались, они передвигались на новое место.

Скифы жили и передвигались в кибитках, которые, как правило, служили и транспортным средством и, жилищем. Скифская кибитка обычно была на четырех или шести колёсах и приводилась в движение двумя или тремя парами быков. Основу рациона пищи скифов составляли варёное мясо и кобылье молоко. Кожур, кафтан и брюки – основные элементы мужской одежды, а простое платье (сарафан) и высокий головной убор были характерным нарядом скифянок. И, наконец, – продолжает Г.В. Вернадский, – «большое внимание уделялось кожаному и украшенному орнаментированными металлическими пластинками поясу» [Вернадский, 1996: 73]. Как вид военной организации скифы предпочитали кавалерию, а оружием служили стрелы с каменными и костяными наконечниками [Вернадский, 1996: 72].

Характеризуя хозяйственную деятельность алан, Г.В. Вернадский не обходит стороной и их занятие пчеловодством, считая его одним из древнейших занятий осетин, унаследованных от скифо-сармато-алан. Аланы занимались пчеловодством настолько интенсивно, что могли вывозить мёд и воск на продажу к соседним народам. Некоторые формы славянских ульев проникли в Закавказье через алан. Из мёда (*осет – мыд*) герои осетинских нартовских сказаний делали ронг, хлебный напиток, пирожки. С тремя медовыми пирожками (*мыдамаестытсе*) нартовская Сатана обычно молилась

богам. Название мёда у алан и венгерских ясов идентично – мыд (*мез*), схоже со славянским «мёд», что свидетельствует об общих индоевропейских истоках появления пчеловодства [Осетинская ... , 2013: 366]¹⁵⁰.

Характеризуя хозяйство и быт алан, Г.В. Вернадский в основном ссылается на Аммиана Марцеллина. Согласно ему, быт алан остается кочевническим. «Придя на изобильное травой место, они располагают в виде круга (подобно чешским таборитам – А.Ч.) свои кибитки и ... истребив весь корм для скота, они снова везут свои так сказать города, расположенные на повозке» [Античные ... , 1990: 163]. Согласно Аммиану Марцеллину, «почти все аланы высоки ростом и красивы, с умеренно белокурыми волосами: они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей, очень подвижны, вследствие легкости вооружения, и во всем похожи на гуннов, только с более мягким и более культурным образом жизни» [Античные ... , 1990: 163]. Развивая мнение Аммиана, Г.В. Вернадский определяет принципиальное различие между гуннами и аланами, считая последних более цивилизованными, нежели их союзники [Вернадский, 1992: 230].

3.14.2. Схожие явления в духовной культуре иранских народов и славян

Скифы свято соблюдали традиции своих предков, хотя близость и контакты с греческим миром имели следствием постепенное ослабление обычаев старины. Однако в силе оставался консерватизм, нежелание внедрения каких-либо нововведений. Противостояние старого образа жизни с неизбежными новшествами, появившимися в жизни скифов после их более тесного контакта с греками, описывает Геродот. В качестве иллюстрации Г.В. Вернадский приводит трагическую судьбу Анахарсиса, сына скифского (сакского) царя, одного из семи мудрецов, особо почитаемых греками,

¹⁵⁰ Рассказывая о своей поездке по землям за Дунаем, Приск Панийский пишет: Вместо пшеницы теперь нам давали просо, а вместо вина - мёд; именно так и называли его в этих местах. А провожавшие нас получали также просо и напиток из ячменя, называемый по-варварски «*камос*» [Г.С. Дестунись. Сказанія Приска Панийскаго. Учёныя записки второго отд. Императорской Академии Наук кн. VII, вып. I СПб 1861 отр. 8 стр. 46].

убитого родным братом, царем Скифии по имени Савлий из-за того, что, побывав длительное время в Греции, тот намеревался внедрить кое-что из греческих обычаев¹⁵¹.

Такая же трагическая судьба постигла и Скилла. Он был сыном царя от гречанки, которая научила его греческому языку и письму. Сделавшись после смерти отца царем, Скилл явно стал показывать расположение к эллинскому образу жизни. Нередко, явившись со свитой в Ольвию, он оставлял спутников в предместье, а сам отправлялся в город, надевал греческую одежду, и «вел жизнь настоящего эллина; наконец, он стал даже принимать участие в культе вакхических мистерий. Когда об этом сделалось известно скифам, они взбунтовались против него и поставили царем его брата. Скилл бежал, но был выдан брату, который велел его казнить» [Багалея, 1914: 88].

Вслед за М.И. Ростовцевым, Г.В. Вернадский был одним из первых среди учёных, который подробно описывает инвентарь, обнаруженный в богатейших скифских курганах. Анализируя этот материал, учёный связал их с верой в загробную жизнь, выявил то важное значение, которое занимал культ предков в религиозных верованиях скифов, унаследованный от предыдущих поколений.

Причины духовно-религиозного влияния иранства на скифский пантеон Г.В. Вернадский объясняет следующим образом: «Греческие города побережья Малой Азии служили связующим звеном между Малой Азией, Средиземноморским бассейном и черноморскими степями. Греческие

¹⁵¹ «Анахарсис повидал много стран и выказал там свою великую мудрость. На обратном пути в скифские пределы ему пришлось, плывя через Геллеспонт, пристать к Кизику. Кизикенцы в это время как раз торжественно справляли праздник Матери Богов. Анахарсис дал богине такой обет: если он возвратится домой здоровым и невредимым, то принесет ей жертву по обряду, какой он видел у кизикенцев, и учредит в её честь всеобщее празднество. Вернувшись в Скифию, Анахарсис тайно отправился в так называемую Гилею (эта местность лежит у Ахиллесова ристалища и вся покрыта густым лесом разной породы деревьев; низовья Днепра или Дона). Так вот, Анахарсис отправился туда и совершил полностью обряд празднества, как ему пришлось видеть в Кизике. При этом Анахарсис навесил на себя маленькие изображения богини и бил в тимпаны (медные тарелки). Какой-то скиф подглядел за совершением этих обрядов и донёс царю Савлию. Царь сам прибыл на место и, как только увидел, что Анахарсис справляет этот праздник, убил его стрелой из лука. И поныне ещё скифы на вопрос об Анахарсисе отвечают, что не знают его, и это потому, что он побывал в Элладе и перенял чужеземные обычаи». Геродот, IV: 76-78.

торговцы служили посредниками в торговых связях между персидским царством и скифами» [Вернадский, 1996: 77]. На деле, это всего лишь одна причина взаимосвязей, но была и другая, более весомая. До переселения на запад в VIII–VII вв. до н.э. скифы составляли часть единого иранского мира в Средней Азии и на Иранском плоскогорье. Общие религиозные культы у них сохранились в памяти. Поэтому прав Г.В. Вернадский, когда характеризует религиозные верования скифов как смесь иранских и алародианских¹⁵² культов. Конкретной иллюстрацией сказанного служит соответствие Высшего мужского Бога скифов и иранского Ахурамазды. Объектом почитания скифов было женское божество – Великая Богиня или Мать богов [Вернадский, 1996: 74]. Культ меча у скифов своими истоками также восходит в древнеиранский мир. В то же самое время следует еще раз отметить и влияние греческого пантеона божеств на скифский сонм богов, о чем говорилось ранее.

Что же касается славянской религии, то, как писал Г.В. Вернадский, её корни уходят вглубь прошлого и тесно связаны с индоевропейским основанием. В качестве иллюстрации к сказанному учёный приводит первоначальное обозначение божества в разных культурах: в древнеевропейских языках – *deivos*, в «Авесте» – *daiva* (демон), санскрите – *devon*, литов – *devas* [Вернадский, 2000б: 52]. По его мнению, некоторые из божеств раннего русского пантеона были более близки и родственны иранским богам и духам. Поясняя это родство, Г.В. Вернадский пишет о широком распространении в Южной России в скифо-сарматский период культа Великой Богини: «Весь сарматский период продолжалась вера в Великую Богиню скифов. Почитание Великой Богини скифской эпохи продолжалось и в сармато-аланскую эпоху, хотя главенствующую роль среди алан и других сарматских племён занимал культ Бога-Всадника, который

¹⁵² Алародии (греч. *Алародίοι*) - древний народ, населявший Армянское нагорье, обитавший в долине реки Аракса. Упоминаются Геродотом как данники державы Ахеменидов в составе XVIII округа (вместе с саспирами). Впоследствии были ассимилированы армянами. Некоторые исследователи отождествляют алародиев с урартийцами, после падения Ванского царства оставшимися жить преимущественно в районе озера Ван.

отождествлялся с Ахурамаздой или Митрой» [Вернадский, 1992: 217]. Большое распространение среди славян получило и почитание великой святыни – Матери Земли, культ которой учёный также считал заимствованным от скифо-сарматских племён. Иранские корни имеет и культ мифологической птицы (птицы, охраняющей Древо Виснобиш, или Древо Всех Семян, птицы-собаки) Сенмурв (Сэнмурв) [Вернадский, 2000а: 131].

Как правильно отмечено Г.В. Вернадским, «археологические открытия раскрыли разнообразие и богатство искусства алан и других народов, связанных с ними. «Звериный стиль» и «Полихромный стиль» являются двумя характерными аспектами этого искусства ... важность аланского искусства в истории цивилизации была широко признана ещё до наших дней» [НА СОИГСИ, ф. д. л.4]. На основе анализа мотивов русского искусства шитья (олень, пантера, птицы) Г.В. Вернадский проводит интересные параллели с определенными объектами скифского и сарматского искусства. В целом же, как считает учёный, восточнославянское искусство и ремесло были под очевидным иранским влиянием [Вернадский, 2000а: 130]. Мнение его разделяет и другой крупный исследователь В.А. Городцов, утверждавший, что в древнерусских вышивках отчётливо прослеживаются скифские элементы [Городцов, 1926].

Представление о Великой Богине скифов наложило четкий отпечаток на русское народное искусство, стало, например, заметным мотивом в ранних вышивках. Ведущим мотивом древнерусской вышивки Г.В. Вернадский считает образ Великой Матери иранских времен. «Мать Земля» в русском фольклоре – ещё один интересный пример упорного сохранения в памяти (в другой форме) того же иранского мифа [Вернадский, 2000а: с. 120]. В целом же, как считает Георгий Владимирович, восточнославянское искусство и ремесло находились под очевидным иранским влиянием. Основа русского народного искусства, по мнению учёного, была заложена в течение иранского периода. «Искусство Древней Руси было также пропитано иранскими мотивами», – писал Г.В. Вернадский [Вернадский, 2000а: 119].

Учёный считает, что «в русском народном (крестьянском) искусстве и ремёслах иранские традиции сохранились почти до наших дней» [Вернадский, 1992: 211]. При этом иранские заимствования не ограничиваются одним лишь вышивальным мастерством. К периоду влияния ираноязычных народов на славян учёный относит глиняные игрушки (изображения женщины, коня, птицы, быка, оленя, козы, медведя) как образцы русского крестьянского искусства. По его мнению, иранские мотивы могли проникнуть в народное искусство в более поздний период через некоторые опосредующие стандарты – западные и восточные [Вернадский, 2000а: 228]. В частности, «кроме непосредственных контактов со славянами и финнами, иранцы, занимавшие степи Южной Руси, служили также связующим звеном между греческой и персидской цивилизациями, с одной стороны, и народами Центральной и Северной Руси – с другой [Вернадский, 2000а: 211]. О единых корнях происхождения народов и культур свидетельствуют и представления в индоарийской мифологии о Небе и Земле, которые рассматриваются как «универсальные родители», от которых происходят все остальные боги [Вернадский, 2000б: 62]. Взаимоотношения славян с ясами и касогами Северного Кавказа в эпоху Киевской Руси были отражены и в духовной сфере. Г.В. Вернадский писал: «Как княжеская дружина и двор представляли собой благоприятную среду для развития эпической поэзии, так товарищество по оружию и династические связи между русскими и народами этих двух племен (осетин и касогов – А.Ч.) имели результатом знакомство русских с осетинским и касогским фольклором. Нельзя отрицать влияние осетинской эпической поэзии на русские былины» [Вернадский, 2000б: 380]. На большое сходство русского Святогора с героем осетинских нартовских сказаний Мукарой указывал Ж. Дюмезиль [Dumézil, 1930: 404]. О русско-осетинских параллелях в области фольклора имеется целый ряд других работ (Миллер, 1892; Абаев, 1990; Тадевосян, 2012; Чибиров, 2016 и др.).

Эпос – важнейший фольклорный жанр. Эпической поэзии алан учёный посвятил специальную работу под названием «Очерки эпической истории осетин». Статья была написана для печатного издания Института Осетинологии в Париже (Франция) журнала «Осс-Аланы» (Осс-Аланы, 1953, №1), основанного осетинскими эмигрантами, по просьбе главного редактора журнала Дзамбулата Дзанти. Судя по содержанию, статья должна была именоваться «Очерки эпической поэзии скифов, сарматов и алан», однако, автор заменил эти этнонимы на «осетин», подчеркивая тем неразрывную этноязыковую связь между скифами-сарматами-аланами-осетинами.

В начале своей статьи Г.В. Вернадский подчеркивает важную роль алан в истории древнего мира. Вслед за этим он объясняет причину внимания к этой теме следующим образом: «В то время, когда важность аланского искусства в истории цивилизации была широко признана ещё до наших дней, эпическая аланская поэзия, напротив, нам ещё пока не известна. Между тем как великий эпос часто является духовным спутником большого искусства и эти две ветви (искусство и эпос – А.Ч.) расцветают одновременно» [НА СОИГСИ. Ф.41, л.4]. Главное в рассматриваемой работе – это убежденность автора в том, что «аланский эпос оказал воздействие на поэтический фольклор некоторых своих соседей, включая алтайские (тюркские – А.Ч.) народы, иранцев и славян» [НА СОИГСИ. Ф.41, л.4]. Для обоснования сказанного, автор анализирует персидский эпос эпохи Ахеменидов, тексты сасанидского периода (к примеру, «Шахнаме» Фирдоуси), пишет о влиянии, оказанном на персов сакскими племенами, тем самым замыкая этнический круг: саки родственны аланам. В том же сравнительном ключе Г.В. Вернадский анализирует эпосы тюркских и монгольских народов, с которыми на просторах Евразии исторически соседствовали аланы и родственные им племена. Путем сравнительного изучения древних текстов сказаний, преданий и хроник Г.В. Вернадскому удалось провести параллели эпической поэзии алан с поэзией «современников и очевидцев жизни алан и их общества, таких как греки и римляне, а также китайцы, и некоторые

отражения сако-сарматских легенд в фольклоре, китайской и индо-буддийской литературе» [НА СОИГСИ. Ф.41, л.7].

Тесные параллели в эпической поэзии алан и античного мира Г.В. Вернадский обосновывает важной связью между греческим миром (позднее эллинистическим), с одной стороны, и степным миром алан – с другой. И хотя эти связи определялись больше торговыми интересами, они не могли не сказаться на развитии искусств, взаимовлиянии эпического творчества [НА СОИГСИ. Ф.41, л.11]. Значительная часть статьи посвящена анализу легенд и преданий скифов и их аналогиям в осетинской традиции (гадание на палочках, почётная чаша и т.д.). В статье воссозданы образы знаменитых женщин-воительниц (Амага, Таргитао), двух скифов Дандамиса и Амизона, описанных Лукианом Самосатским, которые прославили свои имена навеки необыкновенно крепкой дружбой, раскрывается смысл обычая садиться на шкуру заколотого быка и др. Описывая скифские фольклорные древности, автор не задавался целью обязательно находить им эквиваленты в быту алан. Этого он не делает потому, что, во-первых, исходит из аксиомы: язык и обычаи алан идентичны скифам и, во-вторых, что «... скифские истории базируются на местных сказаниях ... подобные темы могли таким же образом быть популярны среди сарматов» [НА СОИГСИ. Ф.41, л.19]. В качестве примера преемственности и непрерывности связей в течение тысячелетий со ссылкой на античных авторов (Аристотель, Климент), автор приводит текст послания скифского царя Атея к византийцам: «Не вредите моим доходам, чтобы мои кобылицы не пили вашей воды» [НА СОИГСИ. Ф.41, л.20]. Учёный обнаружил параллель к этой формуле международного права как в славянской литературе эпохи Киевской Руси («Песнь о князе Игоре»), так и в истории времён хана Ногая, убитого в 1300¹⁵³ г.

¹⁵³ Ногай (1235/1240 - 1300) - золотоордынский беклярбек, правитель самого западного улуса Золотой Орды (на территории от левого берега Дуная до Днестра, ставка на Дунае). С 1270-х гг. и до своей смерти не подчинялся ханам Сарая и фактически контролировал их. Был женат на Ефросинье внебрачной дочери византийского императора Михаила VIII Палеолога. Принял ислам после хана Берке. От имени Ногая берут своё название ногайцы.

Возвращаясь к обстоятельствам появления данного изречения, Г.В. Вернадский объясняет его вероятное появление в эпическом мышлении степных народов, в частности иранских кочевников, следующим образом: «Во время войны в степи добраться до воды – реки или озера – обозначало захват важного пункта в кампании. Стратегически это означало проникновение в середину вражеской страны, к источникам её подкреплений. В более прямом смысле это должно пониматься так, что после трудного перехода через засушливую местность, жажда людей, а также лошадей, могла, наконец, быть утолена» [НА СОИГСИ. Ф.41, л.20].

Заключительная часть статьи посвящена доказательству единства и преемственной связи скифо-сармато-аланского мира на базе археологического и эпического материала. Основой же для сравнений послужили ритоны и монеты из раскопок, датируемых второй половиной I тыс. до н.э. – первой половиной I тыс. н.э., бактрийские и хорезмийские серебряные чаши эпохи Сасанидов, и известные культы Ахурамазды и Митры, образ священного оленя, который в культе Сабасия-Сабазиса выступает в роли бога охоты и покровителем охоты. В нартовском эпосе осетин покровитель животного мира Афсати подарил семь оленей нарту Ацамазу для свадебной повозки во время его свадьбы с Агундой. Учёный проводит параллель между обнаруженной в Новочеркасске диадемой с изображением сарматской царевны и Агундой – «прекрасной принцессой с косами и крыльями из золота» [НА СОИГСИ. Ф.41, л.22–23].

Работа эта, безусловно, великолепна. Её автор был одним из первых, кто прибёг к проведению сравнительно-исторических параллелей в доказательство единых истоков народов иранского племени. Однако, на наш взгляд, название статьи не вполне отражает её содержание. В работу также вкралась и неточность, скорее всего корректорская оплошность: Тюркский каганат существовал не до нашей эры, а с VI по VIII в. н.э. [НА СОИГСИ. Ф.41, л.6]. К сожалению, общее приятное впечатление от рассматриваемой статьи в определенной степени портят далекие от науки, некомпетентные

редакторские примечания, которыми «обогастил» работу Г.В. Вернадского Дз. Дзанти (Д.Д.). Как пример можно привести следующие «нововведения» редактора. Так, он считает слово «Авеста» происходящим от осетинского – «Зонд Афыста» (?!). Исходя из этнического родства саков и осетин, в этнониме «сак» Дз. Дзанти почему-то увидел осетинское слово «фæдис», «сагъæс», что по-осетински означает тревога. Название страны на Дальнем Востоке – *Osson* – для него – «Обитель страны осов», «Один из осов». Продолжая свои этимологические «упражнения», Дз. Дзанти считает происходящими от осетинского этнонимы: «скиф» (осет. «скъæф»), «сармат» (осет. «сæр» и «мæт»), авар (осет. «сывæр» – ставить), Таргитао (осет. «тæргай» – каприз), Амага (осет. «мыг» – сперма), токкар (осет. «тох» и «ар» – интриган), Ахурамазда (осет. «Ахуыры мызд») и т.д. [НА СОИГСИ. Ф.41, л.24–30]. Все эти домыслы стоят весьма далеко от лингвистической науки. Единственное, что приближенно правильно передал Дз. Дзанти, – это значение осетинских слов «зæрин» и «сызгъæрин», что значит золото, золотой.

Исходя из текста, настоящая публикация планировалась как первая «из перечня основных тем аланского эпоса». Она должна была послужить неким эскизом к изучению основных проблем аланской поэзии. К сожалению, продолжение сотрудничества Г.В. Вернадского с редакцией журнала не состоялось по неизвестным причинам. Соседство сармато-алан со славянами имело следствием не только взаимопроникновение культур. Г.В. Вернадским было установлено, что через сарматское посредство славяне познакомились с бытовавшими на Ближнем Востоке измерениями длины и веса.

3.14.3. Следы в топонимике и гидронимике

Длительное соседство и взаимовлияния между «иранцами» и славянами не могли не отразиться на их взаимоотношениях, и, вполне естественно, что оставили в истории обеих этноязыковых общностей

существенный след. О тесном соседстве и связях сармато-алан со славянским миром, особенно с восточной ветвью, свидетельствуют иранские топонимы и гидронимы, общие элементы в языке, в искусстве, которые довольно значительны. Они настолько существенны, что в третьей главе монографии «Древняя Русь» им отводится отдельный параграф под названием «Наследие иранской эпохи в русской истории». «Иранский период, – пишет Г.В. Вернадский, – обладал фундаментальной значимостью для последующего развития русской цивилизации. Неуничтожимые следы иранского влияния всё ещё существуют на карте России, поскольку во множестве случаев географические названия, в особенности в Южной Руси, происходят из иранского языка ... именно иранцы заложили основание политической организации восточных славян» [Вернадский, 2000а: 115–116]. Все эти параллели и взаимовлияния являются результатом длительного соседства на юге России скифо-сармато-алан со славянским миром. Культурное развитие иранского периода очень ярко отражается в различных аспектах жизни ранних славян, русского народа. Начнем с топонима «Русь». В официальных научных кругах принято считать, что Русь, Русская земля восходит к названию славянского племени родиев, россов или руссов [СИЭ, 1969: 334].

Между тем, племя это малоизвестно в литературе: его даже нет в исторической энциклопедии. Непонятно, каким образом такое незначительное племя могло насадить своё название таким известным восточнославянским племенам, как поляне, древляне, северяне, волыняне, уличи, тиверцы и др. Они в разы превосходили родиев, россов как по общественному весу, так и влиянию, и численности.

Относительно этимологии этнонима «Русь» в литературе существует множество мнений. Как писали ещё в дореволюционном прошлом известные учёные-историки В.О. Ключевский и М.Н. Тихомиров, на вопрос о происхождении этнонима «Русь» ни одного вразумительного ответа ещё не найдено [Ключевский, 1956: 167; Тихомиров, 1947: 62]. К сожалению, неопределённая ситуация сохраняется по настоящее время, хотя вокруг этой

проблемы и накопилась немалая литература. В основном учёные состязаются в поиске ответа на единственный, но очень важный вопрос: откуда пришёл этот термин на территорию, которую мы называем Русью – с юга (южное направление) или с севера – со Скандинавии (норманнское направление).

Сторонники южного направления считали, что наименование «Русь» пошло от одного из племён, жившего в начальные века нашей эры на юге России, в названии которого встречается корень «рос». Первым происхождение этнонима рос от племенного названия роксолан, несмотря на то, что они не имели отношения к славянам, высказал великий русский учёный М.В. Ломоносов. Он утверждал это в заочном споре с Г.Ф. Миллером, который отстаивал норманнскую версию происхождения этнонима *рос*. «Господин Миллер вышеописанные о роксалах свидетельства древних авторов (Страбона, Тацита и др.) пропустил вовсе, чего ему учинить отнюдь было не должно, ибо хотя он происхождение россиян от роксалан и отвергает, однако, ежели он прямым путем идет, то должно ему все противной стороны доводы на среду поставить и потом опровергнуть» [Ломоносов, 1952: 199].

Ссылаясь на Птолемея и античных авторов, которые делили роксолан на россов и алан, М.В. Ломоносов выдвинул собственное предположение. Он писал, что в первые века н.э. на юге России проживали многочисленные племена аланов и единоплеменные роксоланы, разность между которыми «в том состоит, что алане общее имя целого народа, а роксалане речение, сложенное от места их обитания, что все они были просто славянским народом» [Ломоносов, 1952: 199]. Он ошибочно выводил термин роксолан из древнегреческого языка, затем объяснял его трансформацию в этнонимы россияне и русские. «С роксалами, – писал Ломоносов, – соединяются у Плиния аланы в один народ сарматский», и там же продолжает: «Роксалане у Птолемея переносным сложением называются аланорсы (кн. 6, гл. 14). Имена аорс и роксане или россане у Страбона точное единство россов и аланов утверждают» [Ломоносов, 1952: 199]. М.В. Ломоносов был одним из первых

среди учёных, который безоговорочно утверждал, что русский народ – древнейший этнос и его имя и происхождение никак нельзя вести от варяг: «Понете народ Российский с народом Роксаланским есть одного имени, одного места и одного языка, то неоспоримо есть, что Российский народ имеет своё происхождение и имя от Роксалан древних» [Ломоносов, 1952: 199].

Вслед за М.В. Ломоносовым, версию о южном происхождении термина Русь отстаивали русские учёные как прошлого – С.М. Соловьев, В.Г. Василевский Д.А. Хвольсон, С.А. Геденов, – так и новой эпохи: М.Н. Тихомиров, А.Н. Насонов, Т.Н. Третьяков, Б.Д. Греков, Б.А. Рыбаков и другие. Они не только доказывают рождение наименования «Русь» на юге, но и утверждают, что оно произошло задолго до прихода норманнов в Россию. Происхождением названия Русского государства занимался историк Д.И. Иловайский. Он также отстаивал южное происхождение этнонима *Рос*, *Русь* и, вслед за М.В. Ломоносовым, доказывал, что он образовался от названия сарматского племени роксолан, обитавших в Восточной Европе, Приазовье и Приднестровье. Вместе с тем, он также ошибочно считал роксолан славянским племенем. Явно перегибая в этом своём мнении, Д.И. Иловайский считал славянскими и названия многочисленных рек Восточной Европы [Иловайский, 1876].

На роксолан в своем весьма значимом исследовании под названием «Происхождение русского народа» указывал и известный советский учёный В.В. Мавродин. Подробно рассматривая весь объём доступной информации, касающейся терминов *рос-рус-русь*, В.В. Мавродин исследует в критическом ключе все возможные варианты происхождения этого термина. Ещё в «Повести временных лет»¹⁵⁴ появляется первая попытка рассказать о том, «откуда есть пошла Русская земля», в которой летописец Нестор

¹⁵⁴ «Повесть временных лет» (др.-рус. *Повѣсть врѣманныхъ лѣтъ*, также называемая «Первоначальная летопись» или «Несторова летопись») - наиболее ранний из дошедших до настоящего времени древнерусских летописных сводов начала XII века. Известен по нескольким редакциям и спискам с незначительными отклонениями в текстах, внесёнными переписчиками. Был составлен в Киеве.

интересуется не только историей Древнерусского государства, но и происхождением термина Русь. Уже в этом тексте учёный находит явные нестыковки, указывающие на то, что термин Русь использовался Византией задолго до того, как по летописному преданию в 862 г. славяне и финно-угры призвали пресловутых братьев-варягов Рюрика, Синеуса и Трувора, принадлежность которых к «Руси» якобы обусловила распространение этого наименования на всех восточных славян [Мавродин, 1978: 151].

Согласно учёному, «никакой Руси Скандинавия XI в. не знала даже по преданиям. Нестор заставил трёх братьев явиться по приглашению словен, кривичей и пр. со всею Русью – «пояша по себе всю Русь». В.В. Мавродин заключает, что, противопоставляя Русь Византии, стремившейся к господству над Русью, Нестор развил варяжское происхождение Русского государства. «Искать корни генеалогии правящей династии «за морем» и вообще за рубежом составляло средневековую традицию» [Мавродин, 1978: 152]. Вывод, который следует из дальнейших рассуждений В.В. Мавродина, заключается в том, что норманны, будучи сами носителями культуры, отнюдь не более высокой, нежели русская, не могли стать создателями государственности. Учёный упоминает о «дальней» и «ближней» Руси, известной, по сообщениям Константина Багрянородного, о термине рус в названии днепровских порогов, о сообщениях Иоанна Диякона и Лиутпранда, которые называют «русов», напавших на Константинополь, *normanorum gentes*, то есть «северными людьми», упоминает Густынскую летопись¹⁵⁵, которая сообщает, что «имя Русь – от реки, глаголема Рось» и т.д.

Развивая аргументами теорию норманнского происхождения термина Русь, В.В. Мавродин обращает внимание на то, что «Бертинские анналы именуют главу государства «народа ... Рос» каганом. «Следовательно, истоки царства кагана «народа ... Рос» следует искать не в Скандинавии, а где-то в

¹⁵⁵ Густынская летопись - украинская (южнорусская) летопись начала XVII века, составленная в Густынском монастыре (в с. Густыня, Черниговская область).

Среднем Приднепровье и в землях, лежащих к востоку от него» [Мавродин, 1978: 156]. Вот тут-то и всплывает упоминание «о племенах, обитавших где-то в лесостепи, от Среднего Днепра до Северского Донца и Дона или немного южнее, в первые века н.э. Имеются ввиду сарматское племя роксаланы, аорсы, росомоны, росы (*hros*) ... Не приходится сомневаться в том, что роксаланы были сарматами, а, следовательно, ираноязычными племенами» [Мавродин, 1978: 166].

«Учитывая изложенное, мы можем констатировать, что где-то на интересующей нас территории Руси (лесостепи Приднепровья и Подонья) в первые века н.э. обитали племена или, быть может, уже формирующиеся народности, в названии которых встречается в той или иной огласовке корень *-рос*. Что он означал, мы не знаем, хотя, быть может, его следует связывать с понятием «светлый». Трудно сказать, то ли эти племенные названия дали наименование рекам Роси, Росаве, всему Поросью, то ли наоборот, что более вероятно. Несомненно одно – корень *-рос* в топонимике Среднего Приднепровья очень древнего происхождения и уводит нас ко временам, задолго предшествовавшим летописи и Киевской Руси», – заключает В.В. Мавродин [Мавродин, 1978: 168].

К иранскому кругу относил этноним *русы* и археолог Валентин Седов, аргументировано выводя его от основания * *rauka* - / * *ruk* - «мир, белый, блестеть», осетинского *ruks* / *rox* 'светлый', персидского *ruḫš* 'свет' и считая, что он возник в позднеримское время, когда в условиях славяно-сарматского симбиоза формировались анты [Седов, 2002: 624, 273-274]. Сарматскую этимологию этнонима *русь* поддержал украинский языковед Алексей Стрижак, труд которого содержит ряд интересных лингвистических наблюдений относительно этнонимии сармато-аланских племен. Исследователь выделил группу этнонимов: *роксоланы* – 'светлые аланы', *аорсы* – 'белые', *аланорсы* – 'белые аланы', компонент или основа которых имеет значение 'светлый', 'белый'. Тот же компонент сохраняла и скифская передача «роксоланы» – «ревканалы», херсонесское «ревксиналы», а также

этнонимы рокас, ракаланы. Именно в группе этих господствующих «светлых» народов Стрижак склонен усматривать возможных предков русов, ведь славяне могли длительное время объединяться под властью алан в роксоланском военно-политическом союзе [Стрижак, 1991: 14, 25-29, 60-63, 65-70, 95-99, 125-128, 150-159, 194-200].

Разумеется, не мог обойти стороной вопрос о происхождении этнонима «Русь» и Г.В. Вернадский. Он подвергает справедливой критике норманнскую теорию происхождения термина «Русь», согласно которой этот этноним является производным от финского термина *ruotsi* (слово со шведским корнем, означающее гребцы. Именно так финны и шведы называли норманнов. – А.Ч.) и доказывает: «Название «Русь» распространилось не с севера на юг, как утверждают норманисты (никакого племени русов не было известно в Скандинавии и не упоминается в скандинавских сагах), а наоборот» [Вернадский, 2000а: 285]. Вслед за М.В. Ломоносовым, он считал, что название рус изначально было связано с одним из сармато-аланских племён – роксоланами, т.е. светлыми аланами, и рухс-асами [Вернадский, 2000а: 286].

И все же относительно этнонима *рос*, Русь Г.В. Вернадский не имеет достаточно ясной позиции. Он считает этноним *рос* южного происхождения, производным от термина *ас* [Вернадский, 2000а: 285], которых считал ирано-славянским племенем [Вернадский, 2000а: 268]. Дальнейшее развитие мысли учёного предполагает трансформацию этнонима *ас* в этноним *роксолан*, от которого, собственно, и произошло наименование «Рось». Ранее, в своем труде «Начертание русской истории» Г.В. Вернадский писал: «В нашей исторической науке до сих пор ещё идут споры о происхождении имени «Русь». По многим данным, имя это пришло к нам вместе с варягами; Русью могло называться или отдельное племя варягов, или вообще вооруженные их дружины (в науке высказываются и другие предположения, например, о том, что Русью называлась земля полян ещё до прихода варягов, или что имя Русь дали нам греки). Как бы то ни было, Русью долго назывались именно

варяжские дружины Киевского государства. В договоре русских с греками 911 года говорится: «Мы от рода русского: Карлы, Инегельд, Фарлаф ...»; следуют другие герои, имеющие почти столь же явно выраженный скандинавский, а не славянский характер.

Очень скоро, однако, варяги ославянились; варяжская дружина (вряд ли особенно многочисленная) быстро растворялась в славянской массе, и только в княжеском доме ещё теплилось сознание своего кровного родства со скандинавскими владетельными домами. Как бы ни судить о происхождении имени «Русь», ясно, что уже в IX–X вв. имя это стало прилагаться к Киевскому княжеству (впоследствии – ко всей народности восточных славян) [Вернадский, 1927]».

В данном случае мы имеем свидетельство трансформации мнения учёного от норманнской теории происхождения этнонима *рос*, к условно говоря, иранской. С одной стороны, имеется некая логика в отождествлении славян с асами; совпадают и исторический период их бытия, и место расселения. С другой стороны, непонятно, как первоначально асы могли быть ирано-славянским племенем – одновременно иранцами и славянами. Раскрывая далее свои суждения, Г.В. Вернадский полагал, что со временем имя «Русь» было заимствовано норманнами, которые якобы появились на юге России в VIII в., и термин «Русь» с тех пор стал обозначением норманнов [Vernadsky, 1959: 76]. Помимо прочего Г.В. Вернадский объясняет термин и с иранского (осетинского), трактуя его как светлые аланы. Как он полагает, эти названия «употреблялись для обозначения одного из ведущих сармато-аланских племён: «белый», «светлый» в значении благородный».

У учёного имеется ещё одно предположение о возможном происхождении этнонима *рос*. Многие из первых славянских князей носили аланские имена, а ведущий клан у алан назывался «*рухс*» (по-осетински – свет, блистать) – от него произошли и имена *рос* или *рус* (позже Россия, русские) [Вернадский, 2001: 26].

Г.В. Вернадский также находит тождество с роксоланами в этнониме «*ревксинал*» – народом, который упоминается в херсонесской надписи (почётном декрете) на мраморном постаменте в честь полководца понтийского царя Митридата VI Евпатора Диофанта. Надпись датируется концом II в. до н.э. С этнонимом «роксоланы» Г.В. Вернадский связывает и «асов», и в этом имеется определенная логика, так как исторический период их сосуществования и расселения совпадают. «Некоторые из асских кланов, среди них и те, что жили в Приазовье, были известны, по крайней мере, с IV века как *рухс-асы* («светлые асы») или роксоланы, или рокасы (рогасы)» [Вернадский, 2000а: 268].

Г.В. Вернадский солидарен с учёными, сторонниками южного происхождения топонима *Русь*, приняв со временем аргументацию «южан», что позволило ему изменить начальную точку зрения. Одновременно он считал, что имена *рос* или *Русь* возникли в северных районах России позже, вследствие торговых связей иранцев и славян. «Росы (*Русь*), *рось*, чьё имя по прошествии было присвоено пришельцам из Скандинавии, первоначально были ирано-славянским племенем» [Вернадский, 2000а: 268]. В IX–X вв. этноним *Русь* употребляется по отношению к скандинавам. При этом важно подчеркнуть, что: «*Русь* распространилась не с севера на юг, как утверждали сторонники норманнской теории, а с юга на север» [Вернадский, 2000а: 285].

Не сомневаясь в иранском происхождении этнонимов *рос* и *Русь*, Г.В. Вернадский подтверждает своё мнение наименованием сарматских племён *Roxalani* (роксоланы – светлые аланы) и *аорсы* (белые). Ссылаясь на Ибн Руста, Г.В. Вернадский пишет, что *рухс-асы*, или клан *рухов*, считался наиболее значительным среди северокавказских аланских кланов. По его мнению, *росы* (*рус*, *Рось*) первоначально были ирано-славянским этнонимом, а со временем так стали называть пришельцев из Скандинавии. Версию того, что эти слова являются заимствованиями, вошедшими в русский язык в иранский период, учёный подкрепляет следующими выводами: «Оскол, приток Дона, был известен в древности как *Рос*. Один из притоков Днепра

называется Рос даже теперь». Этим пассажем параллели не ограничиваются. Как полагает учёный, реки с названиями «Рос» и «Русь» могут быть объединены в специальную группу [Вернадский, 2000а: 117].

Оспаривая мнение некоторых лингвистов, которые выводят слово *рос* из арийского слова *ronsa*, означающего «жидкость», «вода», Г.В. Вернадский склонен видеть его истоки в иранском языке. «Как мы видели, сарматские племена аорсы и роксоланы распространились уже во втором веке до н.э. по территории Волги, Дона, Донца и Днепра. Имена этих племён могут быть выведены из иранских слов *ors* или *uors* «белый» и *rukhs* «светлый». Возможно, некоторые реки в районе распространения этих племён должны были стать известны под племенными именами поселенцев» [Вернадский, 2000а: 117]. Однако автор допускает и возможность двойной этимологии. Иранское племенное имя могло быть рационализировано местными славянами с помощью их собственного языка (*рос* от *роса*) [Вернадский, 2000а: 117]. В качестве иллюстрации двойного происхождения в фольклоре различных народов, в том числе и русского, учёный приводит пример распространения топонима *рос* на север. «Ни роксоланы, ни аорсы не могли достигнуть столь далёких краёв, как Неман и Висла, но могли существовать некоторые торговые отношения между народом *рос* Верхнего Донца и бассейном Нижнего Днепра, с одной стороны, и бассейном Вислы – с другой, что и могло привести к распространению имени *рос* на север» [Вернадский, 2000а: 117].

Не отрицая этимологию этнонима роксолан как производного от слова «светлые аланы», Г.В. Вернадский в то же время допускает возможным, что термин *рухс-алан* может быть интерпретирован как Русь и аланы, т.е. роксоланы. На наш взгляд, это маловероятно и больше похоже на искусственную версию. Роксоланы, по Г.В. Вернадскому, представляют комбинацию двух кланов или племён. Основанием для подобного суждения для учёного послужили, во-первых, отдельное упоминание в источниках

имени «рус» рядом с аланами и, во-вторых, отличие вооружения роксолан от собственно аланского [Вернадский, 1959: 64–65].

Об особой исторической роли племени роксолан писал археолог С.П. Толстов. «Если отправляться от исторических свидетельств, говорящих о роксоланах, и двигаться дальше, то нить исторической преемственности между Русью и роксоланами не прерывалась ни на один век» [Толстов, 1947: №VI–VII]. О роли роксолан в формировании восточного славянства писал и В.В. Мавродин [Мавродин, 1978: 167–168].

Вовсе не отрицая позицию уважаемых учёных о роли роксолан в формировании восточного славянства, вместе с тем полагаю, что представляется маловероятным видеть в роксоланах и славян (русов) и иранцев (алан), считать роксолан комбинацией двух племён разного этнического происхождения. Так в истории не бывает. В этнониме роксоланы слишком прозрачно выявляется иранская (осетинская) основа в значении «светлые аланы». К тому же роксоланы являются выходцами «из среды сарматов Поволжья и Приуралья во II в. до н.э.» [СИЭ, 1969: 122–123], которые сблизились с восточными славянами уже тогда, когда обосновались в Приазовье. В-третьих, название это употреблялось для обозначения одного из ведущих сармато-аланских племён, как «белый», «светлый» в значении благородный. Под этим именем они были известны на востоке и с ним же пришли на юг России. О смысловом значении этнонима говорят и данные антропологии: Аммиан Марцеллин подчёркивал, что все аланы «с умеренно белокурыми волосами» [Античные ... , 1990: 163]. Если брать термин белый за основу происхождения рос, то на таком же основании предками славян можно считать родственное роксоланам племя – аорсы, т.е. белые, белые асы, белые аланы. В этом Г.В. Вернадский где-то противоречит и себе, ибо этимологически название племени роксолан он объясняет из иранского (осетинского) языка – «светлые аланы».

Таким образом, согласно Г.В. Вернадскому, имена «Рос» и «Русь» возникли в северных регионах России «в более поздний период готов и даже

варягов» (там же), ну а затем сместились на юг как результат торговых связей восточных иранцев и славян. Мнение Г.В. Вернадского о южном происхождении этнонима *рос* разделяется Д.И. Иловайским и другими исследователями. Остается сожалеть, что другие выводы и обоснования учёного о происхождении термина *рос* (Русь) обходятся стороной современными исследователями этого вопроса.

С определёнными оговорками взгляды Г.В. Вернадского разделяет автор специального исследования, посвящённого происхождению этнического термина «Русь» К.К. Бзаев. Он считает обоснованным критику Г.В. Вернадским норманнской теории происхождения термина «Русь» и придерживается её южнорусской этимологии [Бзаев, 1995: 95–96].

Развивая версию Г.В. Вернадского, который видит роксолан в топонимах *роксас*, *рокос* К.К. Бзаев доказывает их единое происхождение. Он подробно освещает историю вопроса, взгляды сторонников и противников возникновения наименования *рос* на юге России. Прежде чем перейти к разъяснению понятия *рос*, *рус* автор на многочисленных сопоставлениях иллюстрирует, что, во-первых, этноним *ас* является ключом к разгадке этнического термина «Русь», и, во-вторых, обоснованно доказывает, что *ас* – это самоназвание скифов, сарматов и алан. Эти научные построения К.К. Бзаев подтверждает цитатой из работы И. Барбаро: «Название Алания произошло от племён, именуемых аланами, которые на собственном языке называются «*ас*» [Барбаро, 1936: 137]. Широкое распространение этого термина на Кавказе, в Юго-Восточной Европе, Передней Азии и на Востоке связано с миграционными процессами скифов, следом, оставленным ими на новых территориях в топонимике, гидронимике, ономастике [Бзаев, 1995: 15, 38]. Аль Масуди называет Черное море Русским: «В верховьях хазарской реки (Волги) есть устье, соединяющееся с рукавом моря Найтас (Черного), которое есть Русское море. Никто кроме них (Руссов) не плавают по нему и они живут на одном из его берегов. Они образуют великий народ, не покоряющийся ни царю, ни закону» [Багалеи, 1914: 174].

Подводя итог, К.К. Бзаев считает, что этнический термин *рос*, *Русь* получил свое название от имени племени роксоланов (первая часть *рокс* – светлый и вторая – аланы), т.е. от светлых алан, чего не отрицал и Г.В. Вернадский. Аланы, как мы уже отмечали, называли себя на своем языке *ас*. Он также верно считает неотделимым от этого этнонима название *ясы* в русских летописях. По его предположению, если в племенном названии роксолан вторую часть алан заменить их самоназванием *ас*, то получается первоначальная форма *роксас*. Иордан знал славян под именем *рокас*. Этноним *рокас*, согласно автору, закономерно трансформировался в *рос*, *рус*, откуда впоследствии и было образовано название Россия [Бзаев, 1995: 97]. В конечном итоге, завоеватели славяне приняли имя побеждённых ими роксоланов. Подобное наблюдалось и с другими народами [Бзаев, 1995: 97]. В качестве примера можно упомянуть тюрков-булгар, которые в результате слияния булгар и славянских племён на территории современной Болгарии растворились в славянах, передав им своё племенное название. Г.В. Вернадский доказывает, что этноним *ас* восходит к роксоланам, от которого произошло наименование *Рось*. Для подтверждения этого тезиса К.К. Бзаев обращает свой взор на скифский мир. Исходя из идентичности трёх самоназваний скифов: *аскания* (племя, проживающее на берегу моря; оттуда Понт Аксейнос – Чёрное море), *ашкуза* (ассирийские) и *ашкенази* (древнееврейские), автор приходит к выводу, что содержащийся в этих словах корень *ас/аш* вполне возможно является ключом к разгадке этнического термина «Русь» [Бзаев, 1995: 96].

В сравнении с другими предположениями о происхождении топонима «Русь», обоснования К.К. Бзаева выглядят более предпочтительно, хотя иногда бывают сформулированы недостаточно четко. К тому же другие учёные вовсе обходят стороной главенствующий фактор: иранские и славянские племена в течение веков жили в соседстве и в тесных взаимоотношениях, что не могло повлиять на ономастику и аналогичные явления.

Весьма впечатлительны иранские гидронимы на юге России. По Г.В. Вернадскому, это названия рек Дон, Днепр, Днестр, Дунай, Донец. Два притока Днестра являются производными от иранского (осетинского) слова *дон* – вода, река (староиранское *dan*). Кстати название р. Дон (приток р. Виллели) встречается на северо-западе Франции, что является свидетельством пребывания алан на данной территории [Вернадский, 1992: 233]. Со ссылкой на выдающегося советского филолога А.И. Соболевского, Г.В. Вернадский считает иранским и происхождение гидронима Цна – так называются притоки рек Волга, Мета, Висла. По мнению учёного, скифские корни имеет и название притока Донца – Тор. Он считает его производным от иранского корня *tur* «ехать». От этого же корня происходит русское слово «протурить» (в смысле – прогнать, отгонять). По В.И. Абаеву, в осетинском языке значение слова *tur* переводится как «быстрый, стремительный» [Абаев, 1979: 319]. Согласно ему же, название реки Днестр Геродот определял как *Tyras*, букв. «быстрая», «быстрица» [Абаев, 1979: 319]. Название притока реки Припять – *Стыр* в осетинском языке буквально означает «большой», «великий», что и допускается учёным в его рассуждениях.

Имя алан Г.В. Вернадский видит и в названии реки Халан (так называл алан Аммиан Марцеллин – А.Ч.) – притока реки Оскол, которая и сама является притоком реки Донец. В названии некоторых рек на юге России присутствует приставка «син»- ещё одно иранское слово для понятия река. Именно так называли скифы р. Танаис (Донец-Дон) [Античные ... , 1990: 108]. По мнению Г.В. Вернадского, зависимость русского слова от определённых иранских корней интересна не только с точки зрения лингвистики, но и возможности проследить пути культурного прогресса.

В основе своей все эти топонимы и гидронимы не вызывают сомнения. Однако некоторые из приведённых выше иллюстраций требуют дополнительного подтверждения. К таковым относится гидроним Цна или «Сна». (*Цна* – осет.: минеральный осадок). А.И. Соболевский предполагает, что имя Цна (Сна) является производным от термина «Син». В.И. Абаев

считает его неясным словом, а параллель, возможно, случайной [Абаев, 1959: 322]. Василий Иванович также не подтверждает и отождествление английского слова Улдон с осетинским *Улаен-дон* [Абаев, 1989: 15].

Из иранских топонимов наибольшее распространение на юге России получило племенное название алан – *ас*. Название древнего крымского города Сугдея (Судак) восходит к иранскому слову *судге*, осет. – *сыгьдаг*, – «чистый, священный». Город основан алано-асами во II–III вв., период, когда они достигли южного побережья Таврического полуострова [Вернадский, 2000а: 164]. Учёный допускает заимствование русского слова слон из тохарского (иранского) языка – клон [Вернадский, 2000а: 118]. С иранского объясняется и название греческого города Феодосии – Абдарда, неверно переведённое в значении – семь сторон [Вернадский, 2000а: 164]. Г.В. Вернадский допускает неточность в названии и исправляет её с Абдарда на Ардавда. В специальной статье В.И. Абаев переводит название города Ардавда как «семибожный» и поясняет: «Вопреки высказывавшимся сомнениям, нет никаких оснований усматривать какую-либо неточность в свидетельстве анонима как в передаче аланского названия Феодосии, так и в толковании этого названия как (город) семи богов» [Абаев, 1990: 90]. В подтверждение своей убежденности в том, что в г. Ардабда могли проживать много алан, Г.В. Вернадский называет ещё несколько осетинских имён жителей Пантикапея, оставшихся в древних надписях, такие как Фидас, Лиман, Фарнак [Вернадский, 2000а: 164].

Отголоском древних осетинско-русских отношений является восприятие старого осетинского божества Хорз в значении «добрый» русскими в качестве самостоятельного божества по имени Хорс и Рос (иначе Русь). Как полагает Г.В. Вернадский, от него образовалось прилагательное «хороший» [Вернадский, 1996: 267–268]. Сармато-роксоланское происхождение как Хорса, так и Симаргла не вызывает сомнения.

Помимо названия славянского племени анты, скифо-сарматское происхождение имеют и такие славянские племена, как хорваты, хорутаны,

северы, сербы и т.д. [Зализняк, 1969: 28–45]. Иранское происхождение имеют и такие слова в русском языке, как хата (осет. *xædzar*), шаровали (осет. *салбар*), собака, топор [Вернадский, 2000а: 118–120, 128]. Мнение о том, что холм Бриксава в бассейне Дона и Донца означает лоб барана и имеет иранские корни, первым высказал Плутарх и подтвердил данными языка В.Ф. Миллер [Вернадский, 2000а: 127]. Русский титул царь, который многие исследователи считают производным от титула цезарь, Г.В. Вернадский также связывает с иранским словом «*сар*» (голова, вождь); вождь кавказских антов был известен как «*сар*». Вообще же вопрос об этногенезе антов требует дополнительного изучения. Не только термин *сар*, но, по Г.В. Вернадскому, и само происхождение названия племени анты учёный считает осетинским. Г.В. Вернадский увидел иранские корни и в названии категории русских крестьян «смерды» (люди низшего класса), проводил параллель с иранским *mard* (человек). Любопытно отметить, что первые смерды были славянскими «людьми» (*marden*), платившими дань аланам [Вернадский, 2000б: 159].

О компактном расселении осетин в верховьях реки Кубань свидетельствуют сохранившиеся топонимы. Г.В. Вернадский увидел в первой части древнего названия Кубани-Артикитес славянское анты или ас. Он видел иранский корень в названии холма в дельте Кубани Ассо-даг (Ас-даг) [Вернадский, 2000а: 165].

3.14.4. Антропонимы

В греческих надписях, обнаруженных на месте древнего города Танаис, обычно относимых к III веку н.э., часто упоминаются иранские по своему происхождению осетинские слова: – *фыд* (отец), *сырд* (зверь), *мад* (мать), *лиман-лымæн* (друг, дорогой), *сырх* (красный), *рæсуг* (незамутнённый, чистый) [Вернадский, 2000: 164]. Исторической литературе известны и города, основанные аланами, такие, как вышеупомянутая Сугдея, поселение Яссы в Молдавии и т.д. Имя ас отражено во многих местных наименованиях

на юге России. Это Кугус-Ас на нижнем Днепре, а также *Аас* – название острова Березин в широком устье Днепра [Вернадский, 2000: 177]. Встречаются также поселения с окончанием *ас* (Ас, Беюк-Ас, Терекли-Ас и др.) [Вернадский, 2000: 164-165]. С осетинского языка объясняется и название готского города *Дорас (Дор-Ас)* (дор-скала) – в значении «скала асов» [Вернадский, 1992: 225].

Представляет интерес и происхождение самого распространенного имени среди западных алан – Гоар (*Gochar*). Этимологией этого имени заинтересовался и Г.В. Вернадский, указав на множество вариаций и двойной природе его происхождения [Vernadsky, 1963: 424–425]. Это имя ассоциируется у исследователей, прежде всего, с выдающимся правителем алан в Арморике в перв. пол. V в., который был известен в источниках под двумя именами: Гоар и Эохор. Имя Гоара, его деятельность на территории Северо-Западной Франции, его военные акции не раз упоминаются в трудах Г.В. Вернадского¹⁵⁶. С этим именем Г.В. Вернадский связывал также жизнеописание отшельника св. Гоара, или Гоара Аквитанского¹⁵⁷. Он вошёл в историю не только как благочестивый монах, но и человек, отличающийся своей прозорливостью. В отличие от других равных ему коллег по церкви, Гоар с завидным постоянством питался вместе с многочисленными пилигримами (гостями) в любое время дня, тогда как, по канонам церкви, он не должен был притрагиваться к пище раньше полудня. Оправдывая себя перед церковным судом, он заявил, что святость бога основывается не на материальных вещах, а на праведном мире и радости. С другой стороны, он считал, что обязан оказывать гостеприимство, и было бы крайне негостеприимным не принимать участия в трапезе вместе с навещавшими паломниками. В отличие от церковных судей, Г.В. Вернадский был знаком с обычаями алан и в своей статье подчеркнул, что, согласно традициям горцев, в частности алан-осетин, не разделить трапезу со своими гостями считалось

¹⁵⁶ Более подробно о Гоаре будет изложено в последующих главах диссертационного труда. – А.Ч.

¹⁵⁷ Гоар Аквитанский (ок. 585, Аквитания, Франция - 6 июля 649, Обервезель, Германия) - отшельник, священник, католический святой.

проявлением крайнего негостеприимства [Vernadski, 1959: 12]. Обычай в своей первоначальной форме сохранился у потомков алан – осетин.

Иранское начало Г.В. Вернадский увидел и в имени царя аланов в Орлеане Сангибане, как осет. *cangi-ban* – «мощнорукий» [Vernagsky, 1963: 408–409]. В конце IV в. император Грациан поселил часть готов и алан в Южной Паннонии. Иордан пишет, что вождя готов звали Аладей, а алан – Сафрак [Иордан, 1960: 92–94]. Мнение Иордана об иранском происхождении имени Сафрак подтверждает и Г.В. Вернадский.

Развивая суждения об иранском наследии упомянутым анонимным географом из Равенны, Г.В. Вернадский вновь возвращается к имени известного сарматского племени – роксоланы (рухс-ас), увязывая его с рухс-ас (светлые аланы), названию средневекового города Малороса (VII в.). Учёный подводит под это следующую аргументацию: *мал* означает по-осетински «болото», «трясина». Итак, «Малороса» будет означать «Болото росов» (рухс). В равенском учебнике Малороса упоминается среди боспорских городов как близких к Киммерии. Последний находится на Таманском полуострове Керченского пролива и кажется вполне возможным, что г. Малороса находилась в дельте Кубани возле Фанагории, возможно, на месте нынешнего Темрюка. Дельта Кубани болотиста на всем протяжении; таким образом, первая часть названия «мал» совпадает с местными условиями [Вернадский, 1992: 225].

В раннем Средневековье аланские племена контактировали не только со славянскими, но и финно-угорскими племенами. Об этом свидетельствует проникновение в финский язык из иранского обозначения металлов (меди, серебра, золота, олова), оружия и утвари: нож, топор, меч, стрела, молоток, лемех [Вернадский, 2000а: 247].

Полагаю, что в дополнительной аргументации нуждается пояснение: считать ли все этнонимы и топонимы, содержащие корень *ас* или *ант* иранского или славянского происхождения. В частности, нет достаточного

основания видеть этноним *ант* или *ас* в первой части имени реки Кубань-Антикитес¹⁵⁸, о котором говорит Г.В. Вернадский [Вернадский, 2000: 165].

В целом же суждения Г.В. Вернадского о зависимости русского словаря от определённых иранских корней заслуживает внимания не только с точки зрения лингвистики, но и возможности проследить пути культурного прогресса, что ему, несомненно, удалось. У учёного, так много сделавшего в выявлении родственных слов в скифско-сармато-аланском и славянском языках, появились достойные продолжатели. За последнее время увидели свет работы, которые расширили сведения о тесных контактах славян и иранцев в области языковых сношений. Имеются в виду вышеупомянутый В.В. Седов, а также А.А. Зализняк [Зализняк, 1969]. Разве не о родстве двух языков свидетельствуют общеевропейские схожие слова, удивительно сохранившиеся и в русском, и в осетинском языках: море, мать, дверь, береза, курица, мед, яйцо, мозг, мышь, имя, сердце; числа два, три, четыре, пять, шесть, десять, сто? [Бзаев, 1995: 79]. А.Г. Калмыков в своей статье «Иранцы и славяне в Южной России», о которой мы упоминали выше, пишет: «Среди идолов, возведённых князем Владимиром, до его обращения в христианство, мы находим Симарга. Симарг – это Симург из иранской мифологии, *Shaena Marega* из «Авесты», Феникс, божественная (вещая) птица, или точнее – крылатый гриф, как она подробно описана в *Bundehesh*. Любопытно, что в русских летописях иранская форма Симург отсутствует, однако встречается сарматское Симарг; маргъ птица по-осетински, который является последним остатком сарматского языка» [Kalmykow, 1925: 68–71]. Подчеркивая далее культурные параллели между славянскими и иранскими народами, А. Калмыков продолжает: «Ценнейшие свидетельства находим в русских легендах (былинах), скульптурах, расположенных с внешней стороны Владимирских и Суздальских церквей (XI в.), а также в скифских легендах и скульптурных орнаментах из золота и серебра из скифских

¹⁵⁸ Одно из древнейших названий реки Кубань - Антикитес, что в переводе с древнегреческого обозначает «Осетровая река» или «Осетр-река».

курганов. Верховным (главным) божеством является богиня-полуженщина, нижняя часть которой змеиная (Апи – А.Ч.). Геродот упоминает о ней, как о матери всего скифского рода (возможно, народа, но никак не расы). Мужем её был Геракл. В русской легенде упоминается божественная змея с двенадцатью туловищами. Несомненно, Геродот знал это, но опасался упоминать из-за связи с греческим национальным героем Гераклом. Русская легенда и скифские памятники предоставляют идентичное представление. Русское искусство продолжало изображать двенадцатиглавое змеиное божество на золотых и серебряных амулетах не далее чем в XVIII или, возможно, в XIX в. [Кондаков, Толстой, Вып. 5: 161-162]. В осетинском фольклоре XIX века встречается образ женщины, способной частично или полностью перевоплощаться в змею, и в Южной России всё ещё существуют представления, в которых ведьмы имеют хвосты, что является последним пережитком образа змеи. Фантастические скифские верховные (главные) божества, женщина-змея, гриф Симаргл¹⁵⁹, конь с крыльями, скрытыми под кожей и расправляемыми во время полёта, женщина-кошка (возможно, женщина-пантера) – все они представлены в скульптурах Владимирской церкви, описанные в русском фольклоре» [Кондаков, Толстой, Вып. 5: 161-162].

Все эти параллели и взаимовлияния являются результатом длительного соседства на юге России скифо-сармато-алан со славянским миром и их общих индоевропейских корней. Культурное наследие иранского периода демонстрирует себя в различных аспектах жизни ранних славян, русского народа.

¹⁵⁹ Симаргл (Семаргл) - древнерусское языческое божество с неясными функциями, входившее в пантеон князя Владимира. По мнению большинства учёных - полубожественный персонаж, возможно - вестник между небесным и земным мирами (как и его предполагаемый иранский прообраз Симург). Согласно Б.А. Рыбакову - покровитель семян и корней, охранитель растительности, отождествлённый им с богом Переплутом. Мнение Б.А. Рыбакова последовательно опровергается исследователем М.А. Васильевым, согласно которому, бог Семаргл представлял собой птицеподобное воплощение Сазны-Симурга, проникшее к славянам через алано-сарматское посредничество [Васильев М.А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси. Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. М., 1999].

Научное наследие Г.В. Вернадского весьма значительно. Несмотря на вынужденную эмиграцию, он до последних дней своей жизни оставался русским патриотом и эту привязанность к своему Отечеству доказал на практике своими фундаментальными трудами. Георгий Владимирович поставил перед собой грандиозную цель, которую, к его чести, он смог претворить в жизнь. В одиночку, в абсолютно чуждой среде он проанализировал и синтезировал результаты исследований как своих коллег-предшественников, так и современников, высветив тем самым весь ход развития русской истории в пяти солидных фолиантах, начиная с древнейших времен до периода «Московского царства» – именно так называется завершающий, пятый том его исследования. Эти и остальные труды учёного стали настольными книгами для всех интересантов, включающих в себя и узкопрофильных специалистов, и широкий диапазон любителей русской истории.

Знакомясь с трудами Г.В. Вернадского, невольно начинаешь испытывать к нему огромное уважение. Изучая его работы, ты убеждаешься в его признательности и любви к русскому народу, в непредвзятом, объективном изложении истории многочисленных племён евразийских степей, с которыми славянские народы жили по соседству, а с некоторыми из них имели теснейшие культурно-исторические взаимоотношения. Лейтмотивом во всех его трудах, написанных на базе разнообразных источников, проходит важная увязка русской истории с историей соседних народов. И вовсе не из излишней симпатии к ним, но из твердой уверенности и принципиального взгляда автора, согласно которым без знания истории народов евразийских степей невозможно оценить и понять многие события ранней истории России. Одновременно с этим учёный подчеркивал, что древняя и средневековая история славянских племён особенно тесно связана с иранскими племенами, начиная со скифов и сармат, и взаимоотношения эти достигли своей кульминации уже при аланах.

Древняя история славян была тесно переплетена с иранским миром. Значение и последствия такого единения прекрасно осознавал Г.В. Вернадский, который, обращаясь к будущему историку-слависту, писал: «Изучающий русскую историю должен внимательно отслеживать развитие тенденций в евразийском кочевом мире, поскольку без знания этого развития многие события в истории России никогда не могут быть в достаточной степени понятны и оценены» [Вернадский, 1996: 85].

* * *

В действительности, невозможно писать историю древних славян без скифов – предшественников славянства на юге России, там, где зародилась русская государственность. Невозможно также писать историю крупного славянского племени – антов, обходя стороной аланские племена, с которыми они были связаны тесным образом. Г.В. Вернадский был не только выдающимся исследователем русской истории. В общем контексте его работ Г.В. Вернадского вполне уверенно можно назвать и известным специалистом по древней истории осетинского народа. О том, насколько сильно он разбирался в истории иранских племён, можно судить по первым двум томам его «Истории России», посвящённым Древней и Киевской Руси. В неразрывном переплетении судеб кочевых народов степи в них повествуется история славянства, скифов, сармат и алан. Иранский мир интересовал учёного настолько глубоко, что он даже приступил к разработке, казалось бы, такой частной темы, как «Очерк эпической поэзии осетин».

Г.В. Вернадский был убеждённым сторонником этногенетической связи – скифы–сарматы–аланы–осетины. Учёный был настолько убеждён в том, что аланы являются непосредственными предками осетинского народа, что в своих трудах порой вместо этнонима аланы он писал осетины. Именно поэтому в историографии истории осетинского народа Георгий Владимирович должен занять подобающее ему высокое место.

ГЛАВА 4. АЛАНО-ОСЕТИНСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

4.1. История алан Бернарда Бахраха

«История алан на Западе в эпоху Великого переселения народов и раннего средневековья, как и история других народов в те беспокойные времена, помогает нам лучше понять завершение античного, и становление нового, средневекового мира. В отличие от многочисленных германских племен, значительно преобладавших в общем потоке миграций, ... аланы представляли собой индоираноязычные племена кочевников. Аланы были единственным негерманским народом, основавшим значительные поселения на территории Западной Европы ... Аланы давно заслуживают серьезного изучения, как уникальное явление в истории Западной Европы» – именно так писал в предисловии к своей книге «Аланы на Западе» американский исследователь Бернард Бахрах [Бахрах, 1993: 19]. Действительно, мало кто из исследователей до Б. Бахраха задумывался о роли этих кочевников юга России в истории и становлении европейского общества.

И все же впервые задался этим вопросом выдающийся русский ученый-эмигрант М.И. Ростовцев. «В большинстве работ, посвященных эпохе переселения народов, – писал он в 1922 г., – роль сарматов и, в особенности алан, в завоевании Европы почти игнорировалась. Однако мы не должны забывать, что аланы долгое время проживали в Галлии ... Что они вторглись в Италию, вместе с вандалами перешли в Испанию и захватили Северную Африку» [Rostovcev, 1922: 237]. Спустя сорок лет (1963) после этого высказывания, другой выдающийся историк-русист Г.В. Вернадский констатирует: в течение предыдущих четырех десятилетий не появилось ни одного исследования по истории алан в Западной Европе (Essays, 1964: XIII, XIV).

После фундаментальных трудов М.И. Ростовцева и Г.В. Вернадского, посвященных истории России в общем, и истории народов, государств и племен юга России в частности, как неотъемлемой части истории становления российского государства, складывалось впечатление, что интерес к данной проблематике существенно угас не только в России, откуда, собственно и двинулись орды алан вместе с гуннами на Запад, но и в самом западном мире. Образовался своеобразный вакуум, некий пробел в истории, который только подчеркивал мнение, что аланы забыты, а то и вовсе игнорируются исследователями истории раннего средневековья.

Однако, в 1973 году в США, в издательстве Миннесотского университета выходит труд американского исследователя Бернарда Бахраха. «Аланы на Западе», который разом заполнил пробел, существовавший в изучении проблематики. Позже книга была переведена на русский язык И.Б. Санакоевым, что дало возможность русскоязычным читателям ознакомиться с ней.

Предыстория издания такова. В 1967 и 1969 гг. американский ученый Бернард Бахрах публикует две статьи. Первая называлась «Аланы в Галлии» (*The alans in Gaul*), вторая же работа, «Происхождение Армориканского рыцарства» (*The origin of Armorican chivalry*) была посвящена варварским племенам на юге Галлии. В 1972 г. на базе университета Миннесоты Бахрах издает книгу «Военная организация Меровингов» (*Merovingian Military Organization*), в которой также много ссылок на алан. Наконец в 1973 в г. Миннеаполисе выходит обобщающий труд, названный автором «История алан на Западе». Данная книга была позитивно воспринята алановедами, среди которых были В.Б. Ковалевская, В.А. Кузнецов, Ю.С. Гаглойти, Ф.Х. Гутнов и др. Более того. Буквально сразу после издания, работа была «растаскана» на цитаты. Помимо того, что Б. Бахрах переработал значительный пласт европейских архивов, касающихся алан, он запустил в научный оборот весь этот круг ценнейших документов. Мало кто до Б. Бахраха так плотно и тщательно переработал и систематизировал такой

массив уникальных источников. В итоге книга создает самое полное представление об участии, роли аланских племен в Великом переселении народов, о значительном следе, оставленном ими в Западной Европе. Материал, запущенный Б. Бахрахом в научный оборот, дал ему возможность адекватно оценить роль, которую сыграли аланы в истории Западной Европы, особенно Франции, Италии и Испании.

Большой массив подробной информации, предоставляемый Б. Бахрахом, внимание к мелочам и деталям в работе, в которой каждое замечание существенно, делает эту книгу насыщенной, и довольно реалистичной. Племена, народы, характеры и нравы той эпохи предстают перед читателем в полный рост, без лишних прикрас. Тем сложнее выделить в этом труде основные постулаты, расставить нужные акценты. В книге Б. Бахраха важно все. И, тем не менее, попытаемся представить краткий, насколько это возможно, обзор труда, снабдив его соответствующими комментариями.

При написании книги Б. Бахрах применяет видоизмененный номинативный метод исследования, который используется при исследовании истории бесписьменных народов. То есть автор сосредоточил свое внимание на источниках, где использовался латинский термин *Alain* и обходил стороной другие группы родственных племен. Позже этим же методом воспользовался известный каталонский ученый Аугусти Аллемань при написании своего фундаментального труда «Аланы в средневековых письменных источниках». В итоге в основном фокусе работы Б. Бахраха оказался весь массив информации, касающийся только аланских племен в четко очерченных хронологических рамках. Автор начинает писать историю алан не с момента их появления в Римской империи, что казалось, было бы логично предположить, а с момента, когда они впервые стали известны на Западе, и стали упоминаться в письменных источниках. К примеру, Б. Бахрах включает в работу главу, в которой для лучшего уяснения аланского продвижения на Запад, представляет читателю алан глазами античных

писателей с момента появления их на историческом горизонте до начала Великого переселения народов. Так, Б. Бахрах, цитируя Сенеку в пьесе, датированной приблизительно четвертым десятилетием I в. н.э., указывает на первое упоминание алан в дошедших до нас источниках. Затем были «Гражданские войны» Лукана, «Иудейская война» Иосифа Флавия, «Жизнь Домициана» Светония и т.д. Во всех этих источниках описывались взаимоотношения алан с Римом. Спокойный тон повествования говорит о том, что, уже в начале I в. н.э. взаимоотношения эти не были чем-то новым и неизвестным для римлян событием. Флавий Арриан, первый западный полководец, который столкнулся с аланами в битве, даже написал руководство для борьбы с ними. Часть его рукописи под названием «Диспозиция против алан» сохранилась, и наряду с другой работой «Тактика» представляет о них весьма ценные сведения. В частности, Б. Бахрах по источникам описывает аланскую тактику «притворного отступления» [Бахрах, 1993: 27]. Птолемей отмечает местонахождение Аланских гор, которые вероятно получили свое название от алан, а Дионисий, перечисляя народы, населяющие территории между Дунаем и Черным морем, дает подробное описание только алан, называя их могущественными и отмечая их выдающиеся кавалерийские способности [Бахрах, 1993: 30]. На основе тех же источников Бахрах детально описывает быт и образ жизни алан. Не соглашаясь с Аммианом Марцеллином в определении алан как конгломерата племен, он сравнивает привычки и обычаи алан с традициями германцев. В частности, отмечает разницу в отношении к старшим. Так, германцы чтили старших, в то время как аланы презирали людей, доживших до старости, так как те не погибали почетной для алан смертью – в бою [Бахрах, 1993: 30]. Об отношении к жизни и смерти, смыслу жизни говорила и религия алан. Согласно Аммиану Марцеллину, они поклонялись обнаженному мечу, вонзенному в землю.

Придерживаясь хронологической последовательности, Б. Бахрах рассказывает о вторжении гуннов на Северный Кавказ в начале 370-х годов,

их столкновении с аланами, которые первыми оказались на пути готов на Запад, о последующем разгроме Алании, следствием чего стал уход алан на Запад. Часть из них ушла в союзе с гуннами, другая часть решила испытать судьбу самостоятельно. Путь на запад союзу гуннов и алан преграждали *остготы* – племена, которые жили между аланами и Римской империей. Остготы не выдержали натиска гуннов и алан. На помощь им выступили западные готы, но и они были разбиты. Вслед за этим, вначале остготы и вестготы, а затем гунны и аланы, вплотную подошли к границам Рима. Естественно, что кочевники не упускали возможности совершать набеги на сопредельные земли. Постоянные столкновения варвар с Римом привели к первому крупному военному поражению империи, которое согласно хроникам, случилось 9 августа 378 г. в римской провинции Фракия. В этот день объединенные силы готов, гуннов и алан под предводительством Фритигерна, нанесли сокрушительное поражение императору Валенте в битве у Адрианополя.

Б. Бахрах подробно описывает пребывание нескольких крупных группировок алан в Западной Европе. Часть из них, находясь под предводительством вестготских королей Алариха, и сменившего его Атальфа, впоследствии разграбила Рим, а затем захватила в Галлии обширные территории, включающие города Нарбонна, Тулуза и Бордо. Однако у города Вазас победное шествие алан и вестготов было приостановлено. И виной тому был случай, который многое говорит о менталитете алан. Под Вазасом в окружение попал один из добрых приятелей аланского предводителя (имя его не указывается, однако есть предположение, что им мог быть царь армориканских алан Гоар) граф Павлиний Пелла вместе с семейством. Павлиний с риском для жизни выбрался из города, чтобы встретиться с вождем алан и попросил его разрешить вывезти свою семью. В результате переговоров аланы отделились от вестготов, осада Вазаса была снята, а аланы, встав на сторону Рима, получили земли для поселения. Сделка Павлиния с аланами была утверждена

императором Константином, который желал таким образом ослабить объединенную группировку алан и вестготов. Данный факт был описан самим Павлинием Пеллом в автобиографическом опусе «*Eucharisticon Deo sub ephemeridis meae textu*» (Благодарность Богу, направляющему мою жизнь) [Алемань, 2003: 110, 111]. Помимо приверженности данному слову, вышеописанный случай говорит также о склонности алан к оседлому образу жизни. На землях, полученных от Павлиния, появились города и населенные пункты, которые вновь обретенные поселенцы называли по своему усмотрению. К примеру, Алансон, который был расположен недалеко от Нарбонны, или такие названия поселений как Ален, Алан, Аленья, и т.д. были характерными для той местности.

Б. Бахрах пишет, что, уже в конце V в. в источниках не было больше упоминания об аланах в Галлии как определенной этнической группе, вследствие чего автор книги задается вопросом: ушли ли они из Галлии, были ли уничтожены или же ассимилировались другими народами? Поскольку первые две причины не имели явных на то оснований, ученый склоняется к третьей причине – аланы подверглись ассимиляции. Доказательством тому Бахрах считает широчайшее распространение на территории Франции аланской топонимики. В течение жизни трех поколений аланы оставили гораздо больше названий на топонимической карте Франции, нежели численно превосходившие их вестготы. Б. Бахрах довольно обстоятельно анализирует аланскую топонимику в Европе. Есть определенные законы языка, согласно которым, по словам Бахраха аланские имена нередко теряли начальные гласные при переходе во французский, испанский или итальянский языки. К примеру, название небольшого североитальянского городка Ландриано является производным от *Аланд Риано*, Ланус-а-Лот от *Аланус-а-лот* и т.д. [Bachrach, 1973: 135, 136]. В деле изучения аланской топонимики и гидронимики на территории Франции неocenимы заслуги известного советского археолога В.Б. Ковалевской. Однако более подробный обзор топонимических терминов на территории

Европы явно аланского характера предоставлен в работе французского ученого Ярослава Лебединского «Аланы и сарматы в Галлии IV-V вв.», о которой мы расскажем ниже. Помимо характерной аланской топонимики в том же ареале довольно часто встречаются разные вариации собственного имени *Alanus*. В частности, имена Ален и его вариации Аллен, Алан и Аллан, происходящие от латинского *Alanus*, до сих пор распространены во Франции как собственные и фамильные имена. В Аквитании и области к северу от Луары также часто употребляется аланское имя Гоар [Бахрах, 1993: 91].

Оседлые аланы стали более открыты для римских историков, и просто образованных людей, которые получили возможность отследить и изучить быт, религию и культуру алан. К примеру, ритор из Марсея Клавдий Мария Виктор описал их религиозные верования. Рассказывая в своей поэме «Алеция» про «примитивные» формы религии, он отмечает, что «обычай принесения жертв памяти духов умерших предков, который он представляет как один из элементов верования алан, является более примитивным, чем политеизм греков и римлян. Вполне возможно, заключает Б. Бахрах, что, хотя аланы и являлись союзниками готов на протяжении 30 лет, они так и не переняли их арийское христианство» [Бахрах, 1993: 49]. Критику религии алан со стороны в данном случае можно рассматривать как отношение последователей ортодоксального христианства к язычникам, коими аланы являлись для римлян.

Аланы сохраняли верность слову, которое они дали Павлинию. Угрозу Риму они более не представляли, что дало Аэцию возможность предоставить аланам новые земли для заселения. В 440 г. аланский вождь Самбида согласился поселиться на пустующих землях в Валентине по реке Рона. Эта группа племен выдвинулась туда из Южной Галлии, где они жили между Тулузой и Средиземным морем. В результате на топонимической карте появились новые поселения с явно аланской топонимикой. Однако не все группы аланы проявляли лояльность по отношению Риму. Неудачное выступление аланского вождя Беогора против Рима в 464 г., совершавшего

набеги на Южную Галлию и Северную Италию, его последующий разгром вестготом Рицимером тому свидетельство. И все же этот факт никак не изменил общей тенденции взаимоотношений алан с Римской империей.

Почти в то же самое время, другая часть алан была призвана Римской империей охранять границы Северной Италии. Согласно хроникам, «часть его (Беогора – А.Ч.) разбитого войска осталась в Северной Италии среди проживавших там алан, другая часть вернулась в Галлию» [Бахрах, 1993: 51]. Как отмечает Б. Бахрах, военные колонии алан размещались в стратегически важных местах севера Италии и защищали многие главные, пути, ведущие к альпийским проходам с севера на юг и дорогам через полуостров с востока на запад. Аланы получили земли на правах военных поселенцев, при условии, что будут обеспечивать армию солдатами. Как отмечено в книге, аланы были очень активны в Италии, и, показав себя отличными войнами, добились особого расположения и привилегированного положения в обществе при императорах Грациане, Феодосии и последующих правителях, что приводило к недовольству в римских войсках. Грациан был обвинен в принижении роли римской пехоты, и ненужной модернизации кавалерии по образцу аланской. За свою чрезмерную лояльность к аланам Грациан был убит, однако это не помешало Феодосию продолжить его политику в отношении алан. Следует отметить и тот факт, что военное формирование самого высокого ранга в Италии того времени называлось *Comites Alani*, Аланский полк. О статусе алан в армии Рима говорит и тот факт, что согласно Вегецию, «высшим критерием оценки наезднических способностей императора стало сравнение его с аланами и гуннами» [Бахрах, 1993: 54].

Б. Бахрах в своем труде постоянно акцентирует внимание читателя на боеспособности аланских подразделений. Когда в 401 г. император Стихилон возглавил компанию против вестготов, «то в предстоящей битве главную роль отвел аланским войскам. Аланский предводитель, имя которого было Саул, возможно, и руководил всей битвой. И в последующих войнах, которые вел Стихилон, аланы все так же преданно защищали интересы Рима.

За службу империи аланы получали от нее территории для заселения. Как подчеркивает автор монографии, призывая алан на службу империи Рим получал двойную выгоду: он защищал себя от врагов, и кроме этого «служба алан в римской армии оказывала важное влияние на развитие римской кавалерии» [Бахрах, 1993: 53], что способствовало улучшению ее боевых качеств. Следует отметить очень важный на наш взгляд момент. Аланы, служившие в войсках Стихилона, были не просто наемниками. Они стремились стать подданными империи, стать частью латинского мира, что качественно отличало взаимоотношения алан с Римом в сравнении с другими группами варваров.

Империя селила алан в местностях, где до них проживали или даже еще жили близко родственные им сарматы. Это были стратегические узлы на севере Италии в непосредственной близости от более ранних поселений сармат, которые вполне могли быть основаны в начале IV в. в период правления императора Константина Великого. «Близкое сходство аланской и сарматской культур, включая также и их язык и известная нам уже предрасположенность алан к ассимиляции сделали возможным, и даже необходимым существование подобного рода смешанных поселений» [Бахрах, 1993: 55]. То, что римские власти это делали с определенным умыслом свидетельствует тот факт, что «предполагаемые с вестготами сражения Стихилон в основном провоцировал на территории компактного расселения сармато-алан. Сарматские военные колонии были расположены по всей Северной Италии и защищали большинство главных дорог идущих на полуостров» – заключает автор [Бахрах, 1993: 45]. Автором также приводится и топонимическая карта региона, богатая такими названиями как Аилен, Аланья, Аланья Ломеллина, Алан-д-Риано, Алленьо, и т.д., что приводит автора к выводу, что при описании поселений вместо термина «сарматские», стоило бы использовать алано-сарматские колонии на севере Италии.

Взаимодействие алан и Римской империи не ограничивалось лишь Галлией и Северной Италией. На значительной источниковедческой базе Б. Бахрахом исследуется пребывание алан в столице Восточно-Римской империи Константинополе, акцентируется внимание на их верном служении римским императорам, указывается особая роль алан в римской военной иерархии. Автор книги приводит длинный перечень битв и сражений, в которых аланы первоначально под руководством вождя Флавия Ардабура, затем его сына Аспара показали себя не только как храбрые войны, но и как военные стратеги. Следствием же завоеванного авторитета было их стремительное восхождение по карьерной лестнице, начало которой было положено в конце IV в. Руфином, наместником императора Феодосия I, призвавшим вождя алан Ардабура для борьбы с германской партией своего противника Гайнаса. Венцом карьеры Флавия Ардабура, крупного военачальника Восточной Римской империи, стало его производство в 427 г. в консулы. Сын же его Аспар, будучи командующим конницей, в 433 г. возглавил огромную армию, посланную в Северную Африку для усмирения вандалов, в походы против которых он привлекал и алан, живших в непосредственной близости от границ империи. И хотя в открытом сражении вандалы во главе с Гейзерихом и разбили армию Аспара, последующие три года он провел в Северной Африке, добиваясь так нужного империи договора с вандалами. Договор был заключен, и Валентиниан, император Западной Римской империи произвел Аспара в консулы 434 г. за особую роль в достижении соглашения. Долгое время, пока Аспар был жив, негласная договоренность о ненападении между обеими Римскими империями и алано-вандалами Северной Африки неукоснительно соблюдалась, часто в ущерб интересам империй. Автор предполагает, что данное соглашение вполне могло иметь этническую основу [Бахрах, 1993: 64].

Аспар пользовался непререкаемым авторитетом в Восточной Римской империи. После смерти императора Феодосия II Сенат Константинополя предложил ему занять императорский трон, от которого он отказался,

«Объяснив это своим нежеланием установить прецедент, который мог бы оказать неблагоприятное влияние на судьбу империи» [Бахрах, 1993: 61]. Б. Бахрах посчитал его поступок не вполне оправданным, так как в истории Рима уже имел место подобный прецедент. За два столетия до описываемых событий Максимин I Фракиец, который по отцу являлся готом, а по матери – аланом, сменил императора Грациана. Тем не менее, Аспар продолжал оказывать влияние на политику, и при его прямом содействии, императором становится Флавий Маркиан. В 453 г. император Маркиан назначил сына Аспара Ардавура командующим всеми войсками на Востоке: он получает титул магистра армии Востока. При его же поддержке Ардавур впоследствии становится консулом и патрицием (или патрикием). К концу правления Маркиана Аспары-Ардавурии трижды удостоивались консульства, оба носили титул патриция. В 457 году император Маркиан скончался, и опять-таки при содействии Аспара во главе империи становится куратор его многочисленных поместий Лев, который вошёл в историю как император Лев I. Это время считается пиком влияния Аспара на положение дел в империи и венцом его неограниченной власти. Вместе с тем, чтобы придать легитимность правлению ставленника Аспара, было решено, что венчать на царство нового императора будет константинопольский патриарх. 7 февраля 457 г. впервые в истории христианского государства патриарх Антоний венчал на царство византийского императора. Однако Аспар здесь допустил просчет, оказавшийся фатальным как для него, так и для всего его семейства. Лев I проявил необычайную волю к власти и постепенно хитростью и коварством добился отстранения Аспара от командования армией. Затем он и его сын были обвинены в предательстве интересов Константинополя. Г.В. Вернадский по этому поводу пишет следующее: «В 471 г. Аспара и двух его сыновей под подходящим предлогом пригласили во дворец Льва и там Аспар и его старший сын Ардавур были вероломно убиты» [Вернадский, 1992: 227]. Именно после этого Лев I и получил прозвище Макелла, что значит «Мясник». Таким образом, после более чем полувекового

практического руководства делами империи, алано-готская свита была расформирована, и правлению аланской династии наступил закат [Вернадский, 1992: 227]. Б. Бахрах, заключает: «данное аланское семейство на протяжении почти полвека продолжало удерживать господствующие позиции в Константинополе. Им удалось добиться этого в силу своей отваги, многочисленных побед над врагами и верного служения империи [Бахрах, 1993: 66]. Однако кроме личных способностей и политических условий, причиной их мощного возвышения Бахрах считает то, что «В своей власти Аспар и его сыновья опирались на значительную военную поддержку аланов, проживавших вокруг Черного моря. Так множество алан проживало в восточной части Крымского полуострова» [Бахрах, 1993: 66]. О количестве проживавших в регионе алан говорит и тот факт, что греческий географ раннего средневековья отмечает, что аланы Крыма переименовали греческий полис Феодосия и дали ему аланское название Ардабда¹⁶⁰ [Бахрах, 1993: 66]. Как правильно отмечает Б. Бахрах, «Падение Аспара и его семейства в Константинополе знаменовало собой конец одного из примечательнейших эпизодов истории алан» [Бахрах, 1993: 67].

Еще одним аланским племенем, обосновавшимся в Европе, после стремительного и разгромного нашествия гуннов в 370 г. были аланы, которые в Паннонии (территория современной Венгрии) объединились с германским племенем вандалов. Впоследствии условия жизни в Паннонии вынудили союзников двинуться дальше на запад, так как возвращение на восток для них было неприемлемым. Попытки этого союза обосноваться вначале в Италии, затем в Германии, не увенчались успехом. Римский военачальник Стилихон, сам наполовину вандал, пытался привлечь эту группу на службу Риму, предложил земли для поселения в Норикуме и Раэции, однако не смог должным образом организовать их пребывание на новых территориях. Алано-вандалы начали грабить те земли, для защиты которых были призваны Стилихоном, и итогом этих набегов стало их

¹⁶⁰ Ардабда – (осет. *Ард-арди*) «Семибожная» - совр. Феодосия.

последующее изгнание. После долгих скитаний, стычек с франками и римлянами, часть этой группы, возглавляемая Гоаром, все же заключила договор с Римом, согласно которому они были расселены в стратегически важных провинциях, и обязались оказывать военные услуги империи. Геронтий, военачальник императора Константина, имел личную охрану в Галлии, состоящую из алан, а из варвар, перешедших на сторону Рима, Константин создал особенный полк, так называемых «гордых» – *гонориан*, под командованием того же Геронтия. В то время, как основная часть союза вандалов и алан, возглавляемая Респендиалом, продолжала успешно грабить города Галлии, *гонориан* были призваны отражать атаки варвар, и защищать граждан империи. Однако, как свидетельствуют хроники, делали они это вяло, что согласно тем же источникам делалось умышленно, опять-таки по сговору на этнической почве, благо основу *гонориан* составляли все те же аланы. Более того, при содействии *гонориан*, этой группе впоследствии была предоставлена возможность беспрепятственно покинуть Галлию, и через Пиренеи вторгнуться в Испанию. Здесь, после двух лет грабежей и нападений на местное испано-римское население, им все же удалось заключить соглашение с местной властью, согласно которому аланы, возглавляемые Респендиалом, поселились в Лузитании и Картахене, а вандалы короля Гунтериха – среди свевов в Галисии. По соглашению гости были обязаны «защищать» своих хозяев. Аланы и вандалы, поселившиеся в Испании, рассчитывали на особые отношения с Римом, предлагали воевать на стороне Рима в качестве союзников, однако Константин, командующий римскими войсками, предпочел с помощью вестготов разбить алан и вандалов, и подчинить их себе.

Дальнейшая история описана Б. Бахрахом довольно подробно. Остается лишь подчеркнуть, что в результате трехлетней войны вестготы все же сломали сопротивление вандалов и алан, вынудив их покинуть Пиренеи. Союз во главе с вандальским королем Гунтарихом перебрался через Гибралтар в Северную Африку, где основал *Алано-Вандальское королевство*.

Дискутируя с некоторыми авторами, писавшими об этом королевстве и принижавшими в нем роль аланов, Б. Бахрах, ссылаясь на исторические факты, опровергает подобные выводы и в качестве свидетельства равнозначности обоих народов в государстве приводит сохранившееся название образования, которое звучит как «Алано-Вандальское королевство». Еще одним подтверждением сказанного может служить тот факт, что от более раннего разгрома королевство спасло заключенное между византийским консулом, магистром армии аланином Аспаром и Гейзерихом, королем алан и вандалов, соглашение [Бахрах, 1993: 62], о котором было сказано выше.

Но вернемся к аланам, возглавляемым царем Гоаром, тем, что остались в Галлии, ибо на фоне остальных групп алан, рассеянных по Европе, их судьба сложилась наиболее благоприятным образом. Более четырех десятилетий аланы, возглавляемые Гоаром, оставались союзниками Рима, получив в благодарность от Аэция земли на северо-востоке Галлии в районе Орлеана. С помощью той же топонимики Бахрах пытается определить приблизительные места расселения алан Гоара в Арморике (историческая область на территории северо-запада современной Франции), которым Аэций, помимо земель, дал имущество, занесенное в государственные оценочные регистры и ни при каких обстоятельствах не облагаемое налогом. В некотором смысле аланы под предводительством Гоара исполняли в Галлии функции сборщиков налогов для римской казны. «Они взяли лишь часть древнеримских имений, но организовали новое. Галло-римляне отказавшиеся делить свои владения с аланами были изгнаны этими кочевниками» [Bachrach, 1973: 62-64]. Даже несмотря на то, что власть Рима на данных территориях в те времена была лишь номинальной, Гоар продолжал исполнять свои союзнические обязательства.

В 451 г. Сангибан, сменивший постаревшего Гоара, получает приказ от Рима защищать Галлию от гуннов Атиллы. Гунны осадили Орлеан, где находилась резиденция Сангибана. Подоспевшие римляне и вестготы, с

помощью аланского гарнизона отбросили гуннов от Орлеана, и преследовали их вплоть до Шалона, где 20 июня 451 г., в сражении на Каталаунских полях, Флавий Аэций вынудил Атиллу покинуть Галлию. Согласно Бахраху войско Сангибана занимало центр, римляне располагались на правом фланге, а готы на левом. Тогда, в Каталаунской битве, Западная Европа была спасена от угрозы гуннского нашествия, и в этом, как подчеркивает Бахрах, значительную роль сыграли аланы, руководимые Сангибаном [Бахрах, 1993: 82, 83].

История аланских племен, вынужденных после вытеснения их гуннами из Северного Причерноморья двинуться на Запад, рассказана Б. Бахрахом подробно и интересно. Книга изобилует не только простым пересказом фактологического, архивного материала. Автор стремится к некоему анализу представляемых источников, их критической интерпретации. В процессе повествования Бахрах заостряет внимание на авторах, в трудах которых сознательно принижается роль алан в тех или иных событиях. Особенной критике, при этом справедливой, подвергнуто тенденциозное изложение исторических событий готским историком Иорданом. Заостряя внимание на преувеличивании Иорданом роли вестготов в Каталаунской битве, Б. Бахрах пишет: «По-видимому, проготские настроения Иордана воодушевили его сделать вестготов героями за счет враждебных им аланов», и называет текст Иордана «предвзятым отчетом» [Бахрах, 1993: 91-93]. Некую неприязненность Иордана к аланам американский ученый заметил в описании им хода Каталаунской битвы. По мнению Иордана, Флавий Аэций поместил алан в центре союзного войска только лишь из-за того, что римляне и вестготы не доверяли им, боялись предательства с их стороны. В действительности же аланы Сангибана были поставлены Аэцием на самый опасный участок битвы из совершенно противоположных соображений. Критикуя Иордана, Б. Бахрах пишет: «Он раздул до невероятных размеров схватку алан с гуннами, приписав, однако всю заслугу победы вестготам и их королю Торизмунду. Между тем, основной удар гуннов был направлен

против алан и ... именно они разбили Атиллу без какой-либо помощи вестготов, так как ни один из воинов не пал в бою» [Бахрах, 1993: 83, 84].

Анализируя причины и обстоятельства, вовлекшие алан в водоворот Великого переселения народов, Б. Бахрах верно пишет, что алан в Западную Европу прежде всего привел их кочевой образ жизни, а уже оказавшись на Западе, они сменили образ жизни на оседлый, земледельческий [Бахрах, 1993: 87]. Наверное, стоит поправить именитого ученого, что помимо кочевого образа жизни, была и другая, не менее важная причина, побудившая их массово мигрировать на Запад: мощный натиск гуннов. И все же кочевой образ жизни был помехой их объединению. Поэтому в период Великого переселения аланы вступали в коалицию то с одним, то с другим племенем или же группами поступали на военную службу Риму, что ярко проявилось на примерах групп алан во главе с Гоаром, Аспаром и др. Аланы, особенно после Каталаунской битвы 451 г., стремились стать частью империи и, защищая ее, пользоваться всеми благами, доступными гражданину Рима. В этом отношении аланам Галлии повезло больше чем аланам Италии, о чем нами уже было сказано выше. В новых социально-экономических условиях, аланин, уже крестьянин, не был в состоянии посвятить все свое время и усилия на обучение военному искусству и не имел возможности приобрести лошадей и оружие. Некоторая свобода от экономической деятельности, обеспечивавшаяся системой римского госпиталитета, давала им возможность постоянно быть в боевой готовности, способствовала их интеграции в структуру римского общества на наиболее высших ее уровнях. И как бы подводя итог происшедшим коренным переменам в быту этой части алан, Бахрах заключает: «Таким образом, аланы из бывших кочевников превратились в класс воинов-землевладельцев. Среди рушившегося римского государства аланы, в особенности те, которые были в Галлии, обладали большей возможностью стать составной частью новой средневековой аристократии» [Бахрах, 1993: 89].

Сопоставляя судьбу алан Галлии с судьбой алан Константинополя и группы, которая ушла на африканский континент, Бахрах подчеркивал, что более всего не повезло аланам, которые ушли в Африку и находились в постоянном противостоянии с Римской империей. Что касается алан Константинополя, то их история полна парадоксов и перепадов судьбы. Здесь «аланы были очень могущественны, и в определенное время их лидеры если и не правили, то фактически управляли Восточной империей» [Бахрах, 1993: 88].

Следующую, наиболее объемную и немаловажную главу своей книги Бахрах осознано посвятил ассимиляции алан. Этим автор определенно подчеркнул присущую аланам такую характерную особенность, как склонность к ассимиляции. Б. Бахрах правильно объясняет факторы, способствовавшие быстрой ассимиляции алан на Западе: «Начало процесса ассимиляции связано с их первым поселением на территории Римской империи, когда они отказались от своего кочевого образа жизни и перешли к оседлому землевладению, которое было господствующей формой хозяйства в Риме. Вторым этапом их ассимиляции явилось принятие христианства, в особенности в его ортодоксальной форме» [Бахрах, 1993: 91]. Как пишет далее Б. Бахрах и по антропологическим данным (цвет волос, лицо, рост), они не выделялись среди европейцев: были такими же высокими и светловолосыми, какими характеризует алан Аммиан Марцеллин.

Однако склонность к ассимиляции среди других народов проявили не только аланы. На протяжении всей своей истории аланы сами активно ассимилировали народы, с которыми, так или иначе, сталкивались. Автор книги считает очень важным аспектом аланского общества способ, с помощью которого другие народы ассимилировались с ними. Новообращенными аланами объявлялись не только целые племена, но и отдельные люди, взятые в плен, которые становились членами семей своих захватчиков. В пользу этих фактов стоит привести несколько аргументов. К примеру, широкий разброс аланской топонимики по всей географической

карте Европы, сохранившийся до сих пор, явно говорит о значительном влиянии алан на ареал. Кроме этого, народы, подверженные влиянию алан начали практиковать аланский обычай деформации черепа, с помощью туго обмотанной вокруг головы ткани, или сыромятной кожи [Бахрах, 1993: 84].

Еще наиболее сложной и трудоемкой была галло-романская традиционная процедура деформации черепа, практиковавшаяся до конца XIX века (в Нормандии этот обычай исчез к середине XIX в., в Пуату и Лангедоке сохранялся дольше). Во Франции доминировали две модели черепа – длинный и круглый. «Длинный» тип имел четыре разновидности: тулузская, сан-годенская, пуатвинская и нормандская. Ремоделирование черепа достигали с помощью перетягивания головки новорожденного лентами из холста, шнурами, кожаными ремнями, носовыми и шейными платками. Такую повязку ребенок носил долгие годы, а женщины иногда и всю жизнь. Практика вытягивания черепа, особенно на юге, была основана на представлении об интеллектуальном, моральном и эстетическом превосходстве долихоцефалов. Позднее стали считать, что массажирование головки новорожденного с целью придания ей удлиненной формы предохранит его от менингита. В Бретани выражение «*faire la tête*» (сделать головку) означало придание ей округлости, что достигалось специальным массажем повитухи. Особенно важной была эта процедура для девочек: считалось, что на круглой голове красиво смотрится прическа. В Гаскони круглоголовость достигалась специальными способами укладывания ребенка в колыбели, которая имела плоское изголовье. В нем имелась полость, в которую помещалась головка. Люлька имела кожаные петли, в которых закреплялся платок, фиксирующий положение головы. Деформация черепа (особенно по «длинному» типу) влекла за собой изменение формы ушей: они становились сплюснутыми и прижатыми к голове. Изменение формы черепа влияло также и на кости носа: уплощение лба под стягивающей лентой приводило к выступлению и искривлению костей носа. Нос «формировали» и нажиманием пальцев на еще хрупкие хрящи новорожденного, а кроме того,

прищипывали и кончик, чтобы нос был остроконечным [Любарт, 1999: 225-226].

О склонности алан к латинизации, к стремлению стать полноценной частью империи уже говорилось выше. Некий римлянин, современник тех событий, даже выразил это поэтической строкой, сказав: «Вы аланы, которые переняли обычаи Рима». Бахрах комментирует это следующим образом: «Это свидетельствует не только о том, что аланы стремились стать частью латинского мира, но также являлись еще примером необычайной предрасположенности к ассимиляции, отмеченной еще античными писателями, как характерная черта алан, когда они еще жили в южнорусских степях и вели кочевой образ жизни» [Бахрах, 1993: 54].

Процесс взаимодействия, конечно же, носил обоюдный характер. В лице алан народы Западной Европы столкнулись с военной культурой кочевников, что оказало положительное воздействие на развитие воинского искусства западноевропейских народов, в частности на тактику конного боя. Вместе с германскими племенами, аланы активно участвовали в распространении по Европе полихромного стиля и «гуннской моды», сформировавшихся в Паннонии¹⁶¹, которая служила неким «перевалочным пунктом» для больших масс алан, двинувшихся на Запад. Как пишет Б. Бахрах, аланы были единственным негерманским народом, имевшим в эпоху «Великого переселения» значительные поселения в Западной Европе. Все это прочно связывает историю алан с европейской и мировой историей [Кузнецов, 1992: 82].

Согласно Б. Бахраху, аланы, осевшие в Арморике¹⁶² являлись самой ассимилированной частью алан в Галлии. Сложившаяся ситуация автоматически подталкивала их к ассимиляции, хотя, как отмечает автор, сами аланы пытались не потерять свою этническую целостность, сохранить

¹⁶¹ Паннония (лат. *Pannonia*) - римская провинция; регион в центральной Европе на территории современных Венгрии, восточной Австрии, юго-западной Словакии, северной Словении, северной Хорватии, северо-восточной Сербии, северной Боснии и Герцеговины.

¹⁶² Арморика (лат. *Armorica, Aremorica*) - историческая область на северо-западе нынешней Франции.

хоть какую-то связь со своим героическим прошлым в тот критический период, когда это прошлое грозило совсем затеряться. Многие семьи по-прежнему сохранили склонность называть своих сыновей Аланами, Гоарами. В качестве подтверждения сказанного в книге приводится пример Святого Гоара. Он родился в Аквитании в первой половине VI в., когда его родители уже носили римские имена, отказались от арианства и являлись христианами. Однако они помнили еще свое происхождение, которому угрожало забвение. По этой причине родители дали своему сыну аланское имя Гоар, по всей вероятности, в честь известного военачальника первой половины V в. Молодой Гоар со временем стал известным священником и миссионером [Бахрах, 1993: 92].

Хотя процесс ассимиляции к концу V в. в основном уже завершился, в Арморике в VI веке еще жили аланы, говорившие на родном языке. Б. Бахрах приводит космогонические легенды народов, живших в Галлии, в том числе этноцентрическую легенду о происхождении народов Галлии. В числе прочих, он ссылается на легенду, рассказанную неким аланским священником. Согласно ей, когда сын Ноя Яфет заселил Европу после потопа, у него родился сын, названный Аланус, который и стал первым жителем Европы. По Б. Бахраху подобная легенда говорит о существовании сильных проаланских настроений в Европе, способных влиять на культурный фон. Вот что он пишет о степени культурного влияния алан, в частности, в Арморике. «В Арморике, – пишет автор, – где население говорило на аланском языке в VI в., их влияние сохранилось на протяжении всего раннего средневековья. Это подтверждается фактами широкой популярности аланской кавалерийской тактики, созданием культа, посвященного св. Алану, названием городов в его честь, составлением генеалогий, в которых аланам отводится первостепенная роль, сохранением аланской топонимики и распространением некоторых собственных имен» [Бахрах, 1993: 121].

В пользу вышесказанного, следует заметить, что компактно проживающие поселения хуже подвергаются ассимиляции, дольше

сохраняют язык и культуру своих предков. Бахрах приводит еще один пример. Описывая напряженные взаимоотношения в Бретани между аланами и переселившимися туда из Британии кельтами, он описывает случай, который более похож на местную легенду. Согласно ей, предводитель кельтов Мериадок вырезал языки у пленных аланских женщин и детей (мужчин и вовсе казнили) «чтобы чужой варварский говор не осквернял чистоту языка завоевателей» [Bachrach, 1973: 112].

Судя по хроникам, время наиболее активного процесса ассимиляции алан совпало по времени с правлением династии Меровингов в Галлии, короля Хильдерика и, особенно сына его, Хлодвига. В заочной полемике со средневековыми авторами, такими, как Стефан Ланндафский, Гарфильд Монмутский, Регино Прюмский о роли алан в становлении средневекового армориканского и бретонского рыцарства, и распространении рыцарства в Западной Европе, Бахрах, апеллируя ссылками на различные источники, подчеркивает их несомненный приоритет в данном вопросе. По его же утверждению успешное освоение в Западной Франции тактики притворного отступления – следствие большого влияния алан в Арморике [Бахрах, 1993: 107, 108].

Судьба алан в Южной Галлии сложилась менее удачно, так как небольшая их группа, проживавшая между Тулузой и Средиземным морем, оказалась под властью вестготов, вернувшихся из Испании. Вестготы были арианами, а аланы успели принять христианство в его ортодоксальной форме. Скудность источников не позволяет подробно отследить их судьбу. И все же основным аргументом присутствия алан на данной территории, по-прежнему, является топонимика, а также наличие имен явно аланского происхождения. «Везде, – пишет Бахрах, – где источники упоминают людей, носивших имя Гоар, они отмечают их аланское происхождение. Более того было установлено, что в период раннего средневековья все люди, носившие аланские имена, происходили из районов аланских поселений ... тот, кто

носил имя Гоар в период раннего средневековья или сам был аланом, или же в какой-то степени был подвержен их влиянию» [Бахрах, 1993: 111].

Вестготы превосходили алан по численности, аланы находились в определенной политической и военной зависимости от них, и все же аланам в отличие от вестготов удалость остаться в европейской истории не только как одно из племен варваров-кочевников, пришедших с Востока. И здесь, помимо аланской топонимики на карте современной Европы, обращают на себя внимание европейские средневековые хроники V–VII вв., рассказывающие о целой плеяде известных деятелей аланского происхождения.

В частности, в хрониках упоминается некий Георик, знатный и образованный человек, который, по поручению вестготского царя Алариха, составил свод законов для римских поданных Вестготского королевства. Чуть позже Георика жил св. Гоар, который посвятив себя духовной карьере (стал отшельником) перебрался к аланам Арморики, построил небольшую келью у слияния рек Лохбаха и Рейна, в которой вел отшельнический образ жизни. Гоар взял себе за правило делиться со всеми гостями приютом и пищей, что привлекало в его келью большое количество пилигримов. При этом, по свидетельству современников, угощая гостей, он не отказывал в чревоугодии и самому себе, за что впоследствии, обвиненный в обжорстве, предстал перед епископским судом. Согласно обычаям, отшельники не имели права принимать пищу раньше полудня, а в некоторых случаях – и до захода солнца. Отстаивая свою позицию перед судом, Гоар, во-первых, заявил, что святость бога основывается не такими материальными вещами как еда, а праведностью и радостью в Святом Духе. Второй аргумент, который привел Гоар в свою пользу, гласил, что делал он это согласно обычаю своего народа, который считал негостеприимным не сесть за стол с гостем, т.е. по правилам гостеприимства [Бахрах, 1993: 110]. И хотя суд признал его виновным в предъявленном обвинении, тем не менее, Гоар впоследствии стал святым католической церкви. Он прожил в

отшельничестве на Рейне, и две деревни на обоих берегах реки Санкт-Гоар, и Санкт-Гоарсхаузен были названы в память о нем. Интересно следующее обстоятельство: немцы отмечают праздник святого Гоара неделю – начиная с 3 воскресенья ноября, то есть в те сроки, когда осетины-потомки алан отмечают Джиоргуба – праздник святого Георгия [Гутнов, 2011: 91]. Лебединский пишет, что фамилия Гоар и по сей день существует в Бретани. Ее объясняют бретонским *gwar* (кривой, сгорбленный) или же глаголом *goar* «он знает» [Лебединский, 2016: 163].

Средневековая история Европы знавала еще одного святого Гоара (ок. 586/7 г. – июль 649 г.), впоследствии графа Альби, который также был религиозным деятелем в Аквитании и Восточной Галлии в первой половине VII в. Члены семьи этого Гоара с VII по начало XIII в. управляли епархией, аббатством и женскими монастырями графства, а сам Гоар (или Гоерик – как еще одна форма написания этого имени – А.Ч.) в 630 г., приняв имя Аббо, сменил епископа Арнольфа в Мецце. Из алан, вошедших в состав французского духовенства, в хрониках упоминается и епископ Аланус, который служил в городе Ле Ман, в Арморике, в начале VI в. В VII в. в Базе чтили в качестве святого некоего Алана из Бретани. Еще более высокого почтения в христианском мире достиг святой Алан, странствующий епископ, проповедовавший в Арморике. Согласно Бахраху, в честь этого святого также было названо много городов [Бахрах, 1993: 102]. К началу 700-х гг. среди потомков племени Гоара в Бретани развивается культ еще одного святого Алануса. Создатель церковно-монастырского комплекса из шести церквей в г. Лавар (Аквитания) епископ св. Алан, живший во второй половине VII в. снискал популярность среди современников [Бахрах, 1993: 118]. Культ мощей этого святого лег в основу культа св. Алануса, который существовал в течение всего средневековья. Письменные упоминания о св. Алане появляются в конце VIII в. в окрестностях Нанта, а в Бретани они были известны еще в середине XV столетия.

Помимо исторических хроник и топонимических терминов, фактами присутствия алан на территории Европы стали и аланские собственные имена, получившие широкое распространение в средних веках. Именно аланские имена являются еще одним неоспоримым доказательством ираноязычности алан. В подтверждение этому Бахрах приводит следующие примеры. Исследуя этимологию имени *Гоар*, и варианты его написания, которые встречаются с V–VII вв., автор отмечает, что латинское имя *Гоар*, иногда *Гоарус*, встречается в греческих хрониках как *Гвар*. «Эти варианты имени, – отмечает Б. Бахрах, – кажутся просто классическим толкованием подлинного аланского имени, приблизительно тождественного современному осетинскому *Lëukhar*. В германских же источниках *Lëukhar* появляется уже как вариант имени многовариантного написания [Бахрах, 1973: 111]. Подчеркивая двойственную природу имени *Lëukhar*, автор указывает на жизнеописание некоего аланского правителя Орлеана, первой половины V в. «В разных документах его называют и *Гоар*, и *Эохар*, но вполне ясно, что это две версии одного и того же имени. Тексты проясняют, что у интересующего нас властителя было только одно имя, которое в свою очередь имело два перевода. Поскольку *Lëukhar* играл важную роль в раннесредневековой Галлии, где объединенные германцы и римляне создавали новую средневековую культуру, то это ставило его перед необходимостью переделать свое имя на классический манер (*Гоар*) или на германский (*Эохарик*)» [Бахрах, 1993: 112]. Среди вариантов написания имени *Эохар* присутствуют такие, как *Эохарик* и *Эогар*. Еще одна версия, *Эутарик*, встречается в средневековых «Подвигах Теодорика», согласно которым, *Эутарик* (Eutharic), зять остготского короля Теодорика был аланского происхождения. [Бахрах, 1993: 112]. Бахраху вторит и Я. Лебединский, указывая, что «если предполагать возможность ассимиляции этих двух имен, то следует допустить, что одно из них было деформировано» [Лебединский, 2016: 190]. В исторической литературе было высказано предположение, что *Гоар* и *Эохор* были царями разных групп алан

[Скитский, 1947: 39; Лебединский, 2016: 189], что успешно опровергается Бахрахом, который доказывает идентичность имен *Гоар* и *Эохор*, а также многочисленных вариаций этого имени. Говард Рид, автор нашумевшего труда «Артур, король драконов», считает, что прототипом легендарного короля Артура мог быть не менее легендарный король *Гоар-Эотар*, и проводит параллели между именами Артур и Эотар [Рид, 2005: 245]. Тот же Павлиний Пелл, упомянутую выше автобиографию назвал «*Eucharisticon*» (Эвхаристикон), то есть «Благодарность ...» [Кузнецов, 1992: 68].

Форма слова *Эохор* (*Эухар*) имеет надежную осетинскую этимологию, в которой *eu* означает просо, а *хор* – есть. То есть Просоед, Едящий просо [Скитский, 1947: 39]. Подобное имя не было чем-то необычным для кочевников. Лебединский указывает, что «просо – это единственная злаковая культура, название которой восходит в разных иранских языках к протоиранскому и, возможно даже к протоиндоевропейскому языку. Оно играло немалую роль в питании кочевников» [Лебединский, 2016: 190]. Говоря о пище сармат, Плиний Старший упоминает просяную муку и похлебку из проса [Плиний, XVIII: 24.1].

Ю. Кулаковский переводит имя *Эохор* как «свирепый» [Кулаковский, 1899: 38], очевидно ссылаясь на римлян, которые характеризовали *Гоара-Эохара* не иначе, как «свирепейший царь алан». Что важно: впервые в хрониках вождь алан предстает как «царь». «Царь – идолопоклонник», возглавлявший «воинственнейшее племя». Констанций Лионский, пресвитер из Лугдуна (совр. Лион – А.Ч.), в агиографии «Житие св. Германа» (*Constantius of Lyon- de Vita sancta Germani*) дает Эохору, или как он его называет Гохару, нелюбезную характеристику, называя его «жесточайшим королем аланов», «служителем идолов», «свирепейшим королем» [Констанций Лионский, 2019: 53, 54]. Армориканский епископ Герман Осерский (ок. 378-448) помимо того, что принимал активное участие в создании монастырей в Британии, участвовал в войне против саксов и пиктов и др., был известен тем, что встал на пути престарелого царя алан

Гоара, когда тот собирался подавить восстание в Арморике. В 446 г. аланские войска во главе с Гоаром отправились по приказу *magister militum*¹⁶³ Флавия Аэция в поход для подавления восстания армориканцев¹⁶⁴. Монах Осерского монастыря, Эйрик Осерский, пересказывая в поэтической форме сюжет «Жития св. Германа», рассказывает: Аэций, «устав от злодеяний того спесивого народа (армориканцев), предоставил суровым аланам его разорить; их царем был Эохар, жестокосерднее любого зверя» [Гутнов, 2011: 216]. Внезапно путь им перегородил святой Герман, епископ Осерский и взял коня Гоара за узды. Гоар был разгневан, но затем пришел в восхищение от твердости почтенного старца; сошел с коня и вступил с ним в мирную беседу, которая завершилась отменой похода. Король, никогда за 40 лет правления не потерпевший ни одного поражения, неожиданно для всех уступил престарелому епископу Герману¹⁶⁵ [Бахрах, 1993: 75-81]. Имя Гоара было известно Европе того времени, однако изложение Констанцием истории с аланским царем Гоаром интересно прежде всего тем, что впервые имя Гоара (*Gohar*) было изменено. По версии Констанция его звали Эотар (*Eothar*) [Рид, 2005: 242]. Эту же форму имени использовал и Г.В. Вернадский [Vernadsky, 1963: 424-425]. Кстати, основу Хор имеет имя еще одного знатного аланского воина Средневековья – Хорсаманта. Прокопий Кесарийский, секретарь и советник Велизария, византийского полководца времен императора Юстиниана, называл Хорсаманта одним из «славнейших телохранителей Велизария, массагета родом» [Гутнов, 2011: 215]. Иранские корни Г.В. Вернадский видит и в имени другого аланского военного предводителя Сафрака [Vernadsky, 1944: 13].

¹⁶³ *Magister militum* (магистр армии, магистр оружия, военный магистр лат.) - высшая военная должность в эпоху Поздней Римской империи, введенная в результате военных реформ Константина Великого.

¹⁶⁴ Этот эпизод был описан нами выше. – А.Ч.

¹⁶⁵ После долгих переговоров Гоар, прислушавшись к призывам Германа прекратить кровопролитие, согласился временно приостановить военные действия, дав епископу возможность ходатайствовать перед Аэцием и Галлой Плацидией о прощении местного населения. Святой немедленно отправился в Равенну, но так ничего и не добившись от римских властей, скорострительно здесь скончался. Не получив никаких известий от Германа, Гоар возобновил военные действия против армориканцев и вскоре подавил мятеж.

Еще одним иранизмом Бахрах считает элемент *Asp*, встречающийся в аланских именах *Аснар*, *Аспидий*. Согласно Бахраху *Аспидиус* вполне мог быть латинской формой иранского *Astiabas*, или же возможно имени *Astiebos*. Элемент *Asp* происходит от иранского слова, обозначающего лошадь [Бахрах, 1993: 113].

В целом книга Бахраха «Аланы на Западе» является значительным явлением в алановедении. Однако, некоторые положения, на наш взгляд, нуждаются в дополнительных пояснениях в контексте новых исследований в области как алановедения, так и осетиноведения. В частности, утверждение, касающееся святого Гоара, что «обстоятельством, указывающим на его аланское происхождение, хотя бы косвенно, является его прожорливость» [Бахрах, 1993: 110]. Вряд ли будет верным характеризовать всех без исключения алан как прожорливых на основании всего лишь одного примера. Тем более ни в одном из многочисленных источников об аланах не присутствует и намек на их чрезмерное увлечение грехом чревоугодия. Наоборот, в этнографической литературе не раз подчеркивается воздержанность в пище потомков алан – осетин за столом, высмеивание людей, увлекающихся чревоугодием. Свидетельством правоты Гоара можно считать свято соблюдаемый до сих пор обычай гостеприимства у осетин, названный В. Миллером «выдающимся качеством осетин». Основным правилом гостеприимства у осетин по настоящее время считается обязанность хозяина составить компанию гостю за обеденным столом. При отсутствии одного, или лица мужского пола, как правило приглашается сосед, или кто-либо из близких семье людей. Считалось позором, если гость принимал пищу в одиночестве. В праздничные дни осетины иногда сменяли три и более застолья, но всегда оставались трезвыми. Этикет также предполагал оставаться слегка голодным. К примеру, русский военный врач И. Пантюхов, служивший на Кавказе, писал, что «осетин довольствуется таким малым количеством пищи, при котором европеец едва ли может сколько-нибудь продолжительное время существовать» [Пантюхов, 1893:

145]. При этом следует учитывать и тот факт, что традиционный осетинский застольный этикет предписывал жесткие нормы поведения всем участникам церемонии: как старшим, так и младшим [Чибиров, 2008: 610].

Действительно, аланы быстро ассимилировались в Западной Европе, и уже к VII в. слились с местным романским населением, и как следствие, растворились как общность в их среде. Тем не менее, они оказали известное культурное влияние на историю развития западноевропейского общества. Согласно М.И. Ростовцеву, в Западную Европу сармато-аланы «с собой принесли свои вкусы, свою культуру, свои любимые формы. Вещи сарматского типа из характерных сармато-аланам погребений мы находим как в Австрии, так и далекой Нормандии. Там они известны как предметы «Меровингского стиля» [Ростовцев, 1918: 139]. К примеру, все предметы, найденные в погребении Хильдерика, подобны аналогичным предметам в могильниках Северного Кавказа.

Значителен след, оставлен аланами и в орнаменте, художественном оформлении. Так называемый «Аквитанский стиль» орнаментации, присутствующий в качестве украшений на поясных пряжках периода конца VI и начала VII вв. содержит некоторые центрально-азиатские элементы аланского происхождения [Бахрах, 1993: 114]. Вполне обоснованным является и тот «факт, что мастера, работавшие в районах со значительным аланским влиянием, включали в свои работы центрально-азиатские мотивы ... Очевидным является также смешанный характер аквитанского стиля, т.к. аланская культура сама по себе была очень восприимчива к чужим влияниям» [Бахрах, 1993: 117].

В книге приводится немало иллюстраций к процессу взаимовлияния культур: алано-кельтские, алано-франкские. Автор вторгается и в языковую сферу, в частности проводит параллели между происхождением кельтского корня слова воин – *кад* от широко распространенного в иранских языках аланского *кад* – знатность, а также между кельтским и аланским эпосами. Б. Бахрах одним из первых обратил внимание на взаимосвязь между

знаменитым героем средневековой Европы, королем Артуром и нартовским богатырем Батрадзом. Опираясь на два обстоятельства, такие, как факт наибольшего распространения имени Артур в Арморике в V в., где в это время уже проживало аланское население, и известность Артура, которую он приобрел через поклонение своему мечу, позволили Б. Бахраху ставить вопрос: «не оказали ли аланы и их потомки влияние на артуриану?» [Бахрах, 1993: 123]. Постановка вопроса оказалась провидческой. В последнее время благодаря новым исследованиям (Ж. Грисвар, 2003; К. Литтлтон и Л. Малкор, 2007; Г. Рид, 2006; А. Туаллагов, 2012; Л. Чибиров, 2016) можно уже не сомневаться в существовании поразительных параллелей между Артуром, Ланселотом и другими рыцарями Артурианы и героем осетинской Нартиады Батрадзом. Центральным предметом, связующим оба эпоса, Артура и Батрадза, являлся меч. Ссылаясь на легенду, связанную с Атиллою, а также аргументы политического, военного и религиозного характера, Б. Бахрах приходит к заключению, что «культура меча могла быть привнесена в Арморику только аланами, т.к. они были единственными кочевниками, поселившимися в данном районе» [Бахрах, 1993: 125].

В качестве примера также можно привести характерный для скифов ритуал поклонения мечу, описанный Геродотом. Согласно ему «в каждой скифской области, по округам воздвигнуты такие святилища Аресу: горы хвороста (150 вязанок) нагромождены одна на другую на пространстве длиной и шириной почти в три стадии, в высоту же меньше. Наверху устроена четырехугольная площадка, три стороны ее отвесны, а с четвертой есть доступ ... На каждом таком холме водружен древний железный меч. Это и есть кумир Ареса. Этому-то мечу ежегодно приносят в жертву коней и рогатый скот, и даже еще больше чем прочим богам» [Геродот, 1972: 62]. Культ Ареса прослеживается в Нартиаде, в цикле о нарте Батрадзе, который также приказывает нартам сложить ему громадный стог хвороста, на вершину которого он взбирается, и который после этого поджигается. О священных рощах осетин писал и Ф. Нансен в своей книге «Через Кавказ в

Поволжье» [Nansen, 1923: 34]. Не это ли свидетельства отголосков древних культов предков?

Продолжая рассуждения об аланском влиянии на западную культуру, Б. Бахрах констатирует, что такие факторы, как: переход к оседлости, поселения на новых землях на правах госпиталета, склонность к ассимиляции, благоприятствовали сближению алан с соседями. Более того, они дали «возможность интегрироваться в структуру римского общества на самых высоких его уровнях» [Бахрах, 1993: 130]. Последствиями этой интеграции можно считать изменение топографической карты Европы, отражение присутствия алан как в эпической, и военной культуре, так и религиозной сфере. Перечисленные выше деятели и святые католической церкви, а также представители военной и государственной элиты Европы были ярким примером того, «что люди аланского происхождения стали выдающимися деятелями в Западной Европе в период раннего средневековья [Бахрах, 1993: 130].

Нельзя обойти и такой немаловажный вопрос средневековья как культивирование лошади. Культ коня и высокий интерес к нему привился народам Западной Европы именно через скифо-сармато-алан. Пример императора Грациана, убитого за стремление реформировать римскую армию, и уменьшить роль пехоты за счет акцентирования роли кавалерии по образцу аланской, тому подтверждение. Согласно Сексту Аврелию, Грациан «предпочитал старому римскому войску небольшие отряды аланов, которых привлекал на свою службу за очень большие деньги, и настолько увлекался общением с варварами и чуть ли не дружбой с ними, что иногда даже выступал (в народе) в варварском одеянии» [Извлечения ... , 1997: 160].

Огромной популярностью в Западной Европе пользовались охотничьи собаки, называемые аланскими. Вот что пишет о них Б. Бахрах. «Для преследования добычи они держали больших, крепких и быстрых собак. Самым прославленным из этих средневековых псов был ныне исчезнувший Алан (лат. *Аланус*). Как писал один средневековый автор этот пес

«происходил из Кавказа, где сопровождал суровых, белокурых и воинственных алан» [Бахрах, 1993: 140]. Подчеркивая популярность собак, Б. Бахрах рассказывает о двух геральдических знаках на гербе города Алано в Испании с изображением аланского пса [Бахрах, 1993: 140].

Помимо культа лошади и собаки, повсеместного использования знамени в виде развевающейся головы дракона, а также влияния на эпическое творчество (Артуриана) аланы, как уже было отмечено выше, оказали большое воздействие и на развитие военного искусства Запада (тактика ложного отступления, облик воина и др.) и средневековой европейской аристократии. Кроме этого на закате Римской империи аланы сыграли немалую роль в ее дальнейшей судьбе, ибо признано, что аланы здесь не только отличились в римских войсках, но и внесли свой вклад в этногенез современного итальянского народа [Вайнштейн, 1938: 158]. «Некоторый след, – заключает Бахрах, – был оставлен аланами также в художественном ремесле, религии и литературе» [Бахрах, 1993: 140].

Таким образом, заключает Б. Бахрах, склонность к ассимиляции сыграла двойную роль в судьбе алан как общности, как народа. С одной стороны она очень часто помогала им выжить и существовать, а с другой сыграла решающую роль в процессе их полного исчезновения [Бахрах, 1993: 125]. Изложенное выше касается, прежде всего, алан Галлии. Аланы же Восточно-Римской (Византийской) империи и Северной Африки бесследно исчезли в песках истории.

В книге нет прямого указания на осетин, как потомков алан, но косвенных доказательств единства скифо-сармато-алано-осетинского мира ученый приводит немало. К примеру, помимо традиции поклонения обнаженному мечу, вонзенному в землю, Б. Бахрах пишет о сильном интересе алан к загадыванию будущего посредством ивовых прутьев. Оба обычая восходят в своих корнях к скифам, а через них сохранились в быту осетин до последнего времени. Автор пишет, что после вторжения гуннов на Северный Кавказ и разгрома алан, «из оставшихся в числе аланов часть

двинулась на Запад, остальные подчинились гуннам» [Бахрах, 1993: 44]. Между тем, помимо ушедших на Запад, сохранилась еще одна часть алан, которая, спасаясь от гуннов, переместилась в горы Центрального Кавказа. Благодаря русским летописям, грузинским и армянским хроникам, история этой группы изучена более подробно. К примеру, именно с этой группой мигрантов исследователи-осетиноведы и связывают первое массовое переселение осетин на южные склоны Центрального Кавказа. По мнению Г. Кокиева «переселение на южный склон Центрального Кавказа совершалось три раза: после нашествия гуннов, после татаро-монгольских нашествий, и после нашествия феодальной Кабарды» [Кокиев, 1926]. Вслед за ним В.И. Абаев, не акцентируя на временном периоде переселения осетин на южные склоны Кавказа, считал, что переселение произошло давно, «иначе трудно было бы объяснить те глубокие различия в фонетике, которые отделяют это наречие (т.е. джавское – А.Ч.) от североосетинского диалекта, в том числе и туалъского» [Абаев, 1949: 494]. В этом же духе высказался автор очерков по истории осетинского народа Б.В. Скитский: «Заселение шло несколькими волнами под давлением врагов: гуннов в IV в. и монголо-татар в XIII в. [Скитский, 1947: 139]. «История Северо-Осетинской АССР» также отмечает, что переселение на юг последовало в результате гуннского нашествия. Что касается З.Н. Ванеева, автора специальной работы «Народное предание о происхождении осетин», то и он допускает возможность переселения части алан-осетин на юг в связи с нашествием гуннов, хотя воздерживается считать это доказанным [Ванеев, 1989: 361].

В ходе изложения материала Б. Бахрах порой противоречит себе. С одной стороны, в главе, посвященной ассимиляции алан, он пишет, что «к концу V в. источники не содержат упоминаний об аланах Галлии, как об определенной этнической группе» [Бахрах, 1993: 90]. Между тем, в той же главе, чуть дальше он приводит сообщение, свидетельствующее о том, что жители Арморика в VI в. говорили на кельтском, романском, германском и аланском языках [Бахрах, 1993: 96]. То же самое говорится об аланах

Бретани, которые еще в VII в. говорили на своем языке [Bachrach, 1973: 61]. Полагаем, что гораздо более достоверны два последних сведения: при всей своей склонности к ассимиляции, не представляется вероятным, чтобы через два-три поколения аланы совсем забыли свои этнические корни и родной язык.

Автор пишет, что алан на юге Галлии поселили рядом, или же попеременно с сарматами (их даже называли алано-сарматами), однако не уточняет, какое конкретно из сарматских племен пребывало на севере Италии до прихода алан. Ведь сарматы – собирательный термин ираноязычных народов, расселившихся от Тобола до Дуная [СИЭ, 1969: 559]. Сарматами были языги, ясы, аорсы, сираки, роксоланы, аланорсы и др.

Факторы, перечисленные Б. Бахрахом, способствующие, по его мнению, ассимиляции алан, верны, но, наверное, все же недостаточны. Не в меньшей степени содействовал быстрейшей ассимиляции алан и тот факт, что аланы стали заключать межплеменные браки. Менялся язык, а вместе с ним менялась и культура. Еще один фактор ассимиляции – религиозный. Христианство способствовало отходу от традиционных культурных ценностей алан Арморикки. Они начали забывать язык, так как религия обязывала использовать латынь.

Нельзя сказать, что в книге был освещен весь объем существующих об аланах сведений и литературы: аланы оставили слишком большой след в мировой истории. Тем не менее, многое из вопросов, недостаточно глубоко освещенных Бахрахом, впоследствии были раскрыты в работах его коллег, таких как К. Литтлтон, Л. Малкор, Г. Рид, особенно А. Алемань и др. Невозможно недооценивать и критический разбор источников и литературы, сделанный Бахрахом начиная с античных авторов (Ариан, Тацит, Иордан) и завершая средневековыми (Григорий Турский и др.), что является безусловным преимуществом этого труда.

Обретение Европы аланами – нашими далекими предками, их поход через всю Европу в Африку, военно-политическая активность в тех далеких

краях, а также культурное наследие – одна из самых ярких и впечатляющих страниц отечественной истории. И эта история была рассказана Бернардом Бахрахом интересно, полно и всеобъемлюще.

4.2. Сарматская сага Тадеуша Сулимирского

Среди зарубежных исследователей наиболее ценную обобщающую работу по истории сармат написал польский археолог Тадеуш Сулимирский (1898-1983). Книга, под названием «Сарматы. Древний народ юга России», была издана на английском языке в Вашингтоне в 1970 г. Параллельно с этим она вышла в томе 13 известной серии научно-популярных изданий «Древние люди и территории» (Лондон 1970). Профессиональный перевод книги на русский язык был осуществлен в 2011 г. Ранние работы Т. Сулимирского, такие, как «Les archers á cheval, cavalerie lègere des anciens // Revue international d'histoire militaire. 1952, № 12; 447-461» и Sarmatians in the Polish Past // The Polish review. 1964, Vol. IX, № 1; 13-66» долгое время оставались недоступны для российского читателя.

В последнее время тема сарматского наследия в Европе становится актуальной. Помимо Т. Сулимирского этого вопроса касался и другой известный польский археолог, профессор Торуньского университета Мариуш Мельчарек. Краткую, но емкую рецензию на его работу *The Sarmatians, 600 BC-AD 450*, написанную в соавторстве с польским медиевистом Р. Бжезинским, и изданную в известной английской серии *Men-at-Arms, Oxford, 2002*, опубликовал российский историк А.К. Нефедкин¹⁶⁶. Помимо этого, в последнее время появились работы таких исследователей, как Reinhard Schmoeckel «Sarmaten: Unbekannte Vater Europas» – 2013 г.; Eszter Istvanovits, Valeria Kulcsar «Sarmatians – History and Archaeology of a Forgotten People» – 2017 г., и т.д.

¹⁶⁶ Еще несколько работ М. Мельчарека на заданную тему касались катафрактот и клибанариев (1993), армии Боспорского царства (1999) и организации войска у роксоланов (1999).

Прежде чем коснуться самого исследования Т. Сулимирского, стоит отметить причины столь явного интереса польских исследователей к сарматам и Сарматии. В XVI-XIX вв. в Речи Посполитой, предтече современной Польши, начала доминировать идеология так называемого «сарматизма», которая возводила польских шляхтичей к древним сарматам. Тем самым проводилась некая полоса отчуждения между шляхтой, которая позиционировала себя как сословие воюющих господ и простолюдинами, в основном славянами и литовцами. Античные авторы (Птолемей «География») определяли Сарматия в Восточной Европе, к востоку от Германии, а точнее между реками Висла и Волга. Таким образом «вся Восточная Европа была их вотчиной и носила название Сарматия» [Сулимирский, 2010: 185]. Древние называли Балтийское море *Oceanus Sarmaticus* – Сарматским океаном¹⁶⁷, а Карпаты – Сарматскими горами. Более того, сармат и алан было принято считать родоначальниками европейского рыцарства [Кардини, 1987: 55]. В XV в. европейцы активно занимались поиском своих исторических корней, и в этом контексте польские шляхтичи упорно доказывали свое происхождение от сарматов. В целом же интерес польских исследователей, писателей, историков к сарматам и Сарматии насчитывает не один век. Принято считать, что впервые о «сарматизме» заговорил польский историк, автор «Истории Польши» в 12 томах, Ян Длугош (1415 – 1480), который писал: «Северный океан в северной части иногда именуется Сарматским морем, потому что на его берегах находятся подвластные сарматам, или полякам, области и города...» [Щавелева, 2004: 213]. И далее: «Древними же писателями и историками [страна] называется Европейской Сарматией, и как русские, так и поляки именуются сарматами» [Щавелева, 2004: 219].

И все же наиболее полноценное исследование по сарматам предпринял доцент Львовского университета Тадеуш Сулимирский, который также был

¹⁶⁷ Согласно «Географии» Птолемея (кн. 3, гл. 5, 1) - *Σαρματικόν, Σαρματικὸς ὠκεανός* - *Sarmaticum mare*, хотя поэты, например, в «Письма с Понта» (IV: 10, 38) Овидия, употребляли это название и для Чёрного моря.

увлечен идеей *сарматизма*, что проявилось в следующем. Так, покинув в 1939 г. Польшу в связи с началом Второй мировой войны, Т. Сулимирский, в 1941 г. становится генеральным секретарем Министерства образования польского правительства в изгнании, которое располагалось в Великобритании. В этой должности Т. Сулимирский написал ряд пропагандистских статей, в которых призывал аннексировать в пользу Польши ряд территорий Германии, лежащих к востоку от реки Одер. Основанием же, по мнению Т. Сулимирского служило то, что в средние века эти земли принадлежали Польше, и были частью ее государственности. И, тем не менее, на ценность и актуальность фундаментальной работы Тадеуша Сулимирского «Сарматы. Древний народ юга России» «сарматизм» его автора несколько не влияет. Более того, дополняет его легким оттенком некоего средневекового польского романтизма.

В чем же заключается особенность книги Сулимирского? Это было первое для своего времени, хотя и небольшое по объему (189 страниц, 10,2 авторских листа), но весьма ценное и обстоятельное научное исследование, посвященное сарматам, написанное европейским исследователем. При этом автор, используя термин «сарматы» подчеркивает, что подразумевает под этим названием также и алан [Сулимирский, 2010: 7]. Основными источниками, которыми руководствовался Т. Сулимирский при написании этого труда, были археологические артефакты, хранившиеся в музеях Советского Союза, Румынии, Венгрии, Австрии, Германии, Франции и, конечно же, Польши, а также довольно богатые материалы, которые содержатся в античных и византийских письменных источниках и сведениях средневековых авторов о сарматах. Крайне плодотворными оказались также беседы Т. Сулимирского «с выдающимися авторитетами в области сармато-аланской археологии названных стран» [Сулимирский, 2010: 9]. В своей работе Т. Сулимирский поставил перед собой непростую задачу, которая, согласно его замыслу, должна была реконструировать сложную, полную драматизма историю сарматских племен начиная с первого в истории

упоминания о них до конца сармато-аланской эпохи, их роль в становлении и формировании современных славянских народов, а также беспрецедентное влияние на культуру и искусство как Восточной, так и Западной Европы. В связи с этим Т. Сулимирский отмечает, что «сарматы были «варварским» народом, но они внесли немалый вклад в развитие роскошного сармато-боспорского искусства и наследовавшей ему «готской» традиции, которая позднее легла в основу многих течений в искусстве средневековой Западной Европы, – меровингского, англосакского, романского. Но и тут их роль обычно обходят молчанием» [Сулимирский, 2010: 185].

Внушительный пласт исторической литературы, посвященный ранней и средневековой истории Восточной Европы, упоминает о роли и значении сарматских племен лишь вскользь, не особо анализируя процессы, в которые они были вовлечены. В заключительной главе своей книги автор сетует на то, что «есть нечто печальное в судьбе сарматов, чью пеструю историю мы вкратце проследили. В разные исторические эпохи эти народы побывали почти во всех странах Западной Европы, а на Востоке дошли до самого Китая. Потомки тех, кто прибыл в Англию в 175 году н.э., вероятно, до сих пор живут в этой стране. Сарматскую историю трудно отделить от истории многих других народов и стран, поскольку в течение многих веков вся Восточная Европа была их вотчиной и носила название Сарматия. Теперь они почти забыты. В современном мире мало что напоминает об их существовании – осетины, названия нескольких славянских народов, слова сарматского происхождения в славянских языках, топонимы в Восточной Европе, элементы польской геральдики (отмененной в 1920 году), смутные традиции сарматского происхождения, все еще сохранившееся у части польского дворянства, и множество археологических памятников. Вот и все. Роль, которую они сыграли в формировании различных славянских народов, низведена почти до нуля более поздней экспансией кочевников с Востока – авар, болгар и мадьяр, не дошедших до Западной Европы» [Сулимирский, 2010: 185].

Монография Т. Сулимирского предлагает читателю ряд интересных предположений, которые придают книге некую уникальность. Говоря о цели написания работы, автор отмечает, что данная книга является первой попыткой «системного описания сарматов, на поздних этапах своей истории более известных под именем аланы» [Сулимирский, 2010: 7]. Помимо прочего в книге рассматриваются все сарматские племена в совокупности, вся история сарматского мира с охватом огромной территории от берегов Китая до Атлантического побережья. Т. Сулимирским была предпринята первая, и наиболее удачная на сегодняшний день попытка рассмотреть историю сармат в подобном временном и географическом разрезе. «История сарматов-аланов, – пишет автор, – охватывающая более тысячелетия, развивалась на обширных пространствах протяженностью более 3 тысяч миль – от Алтая и Сибири на Востоке до Карпатских гор на западе, а если рассматривать также историю отколовшихся от них групп, то территорию их обитания протянется на запад до Франции, Испании и Британских островов и на восток до Восточно-Китайского моря» [Сулимирский, 2010: 7].

Автор не только не сомневается в восточном происхождении сармат, но подробно исследует тот период их истории, который связан с востоком, а также обстоятельства, побуждавшие сармат мигрировать на запад «подталкивая друг друга в спину и, в свою очередь, испытывая давление наседавших сзади, пока не дошли до стен Рима и не раскололись на множество еще более смешанных вихрей и встречных потоков» [Сулимирский, 2010: 7-8].

Хочется отметить общую структуру книги. Ее научная канва, доступность изложения и структурная целостность позволяют легко осилить труд, как специалисту, так и рядовому читателю. Поставив во главу угла принцип хронологической последовательности, автор делит историю сармат на начало сарматской эры, за которой следуют ранний, средний и поздний периоды. Работа завершается главой, посвященной аланам. По мнению Т. Сулимирского, такое «деление на периоды основано на изменении

условий и эволюционных тенденциях в ядре древней сарматской цивилизации – степях низовьев Волги, вызванных историческими событиями в степных областях Азии, расположенных далее к востоку» [Сулимирский, 2010: 8].

Монография начинается с общей характеристики сарматов, их обычаев, описания общественного строя, религиозных представлений и т.д. В ранний период своей истории сарматы жили в южном Урале и в степях к востоку от р. Урал. Однако Геродот, Гиппократ, Страбон и другие древние авторы фиксируют сарматов уже в районе Азовского моря и р. Дон. Сходства археологических находок степных районов от Казахстана до Алтайских гор и Центральной Азии с предметами сарматской культуры позволили автору заключить, что «эти области были населены народами, тесно связанными с сарматами» [Сулимирский, 2010: 11]. Этногенез сармат у Т. Сулимирского не вызывает вопросов. Согласно ему, сарматы наряду с саками являются скифской ветвью ираноязычной группы индоевропейских народов, «ближайшими родственниками мидийцев, парфян и персов. Их язык родственен древнему языку Авесты (по крайней мере, язык описанных Геродотом савроматов) и считался диалектом скифского языка, причем более архаичным, чем сам язык» [Сулимирский, 2010: 12].

Автор заостряет внимание на разобщенности сарматских племен: они «никогда не были единым народом и состояли из нескольких племен, в той или иной степени отличавшихся друг от друга и чьи названия мы находим у историков древности». Одним из факторов разобщенности сарматских племен Т. Сулимирский считает то, что каждая из этих групп говорила на своем собственном диалекте. В этом же контексте ученый упоминает осетинский язык: «Но язык осетин, проживавших на Кавказе, произошел от древнего сармато-аланского диалекта и его можно считать современным сарматским языком» [Сулимирский, 2010: 13].

Ранее отмечалось, что до сих пор остается спорным соотношение друг к другу этнонимов «сармат» и «алан». Ряд ученых считает алан народом,

отличным от сармат (Г.Ф. Миллер: алане-готский народ – А.Ч.), хотя и родственным по происхождению. Е.И. Крупнов считал, что аланы во II в. были известны под именем роксалан [СИЭ, 1961: 330], К.Ф. Смирнов же полагал, что аланы как народ вызрели в недрах аорсской конфедерации [Смирнов, 1950: 108]. По мнению Т. Сулимирского, первые сарматские народности известны по древним источникам под именем «*сарматаи*». Имя это распространилось на всю группу родственных племен и народностей, самыми могущественными из которых были, вероятно, аланы, чье имя впоследствии вытеснило более древний термин «сарматы» [Сулимирский, 2010: 13]. В подобном контексте вполне логично, что в монографии, рассказывающей о сарматах-аланах, есть завершающая глава, озаглавленная как «Аланы». Что же касается перечня основных сарматских племен, то автор вслед за советскими сарматологами причисляет к ним массагетов, роксолан, алан и аорсов. Однако, в отличие от советских ученых, Т. Сулимирский относит к сарматским племенам еще и антов. Сармато-аланами считал антов и другой исследователь, эмигрировавший из постреволюционной России, и долгие годы проживший в США – Дз. Зураев.

Т. Сулимирский считает, что сарматы были номадами, экономика которых была основана на скотоводстве. При этом особое развитие у них получило коневодство: лошадь для сармат предназначалась не только для верховой езды, но давала мясо, молоко, кожу. Т. Сулимирский фиксирует в быту сармат практику сезонных миграций. Согласно ему, зиму они проводили в районе Азовского моря, лето же в степных равнинах, в районе между Волгой и Уралом, а также в Казахстане. Со ссылкой на Страбона Т. Сулимирским отмечается также отвращение к земледелию, и описывается жизнь «в обитых войлоком повозках, в которые запрягали волов» [Сулимирский, 2010: 108-112 и др.]. Ссылаясь на Аммиана Марцеллина и других древних авторов Сулимирский находит много общего в быте сармато-алан с образом жизни и бытом скифских племен [Сулимирский, 2010: 51, 88, 96, 106-107 и др.].

Ученый отмечает определенное различие в устройстве оружия у сармат, саков, скифов, заостряет внимание на том, какое большое внимание придавали сарматы обучению юношей верховой езде, и джигитовке. Как отмечено в книге, на начальной стадии своей истории сарматский воин сражался луком, будь он в пешем строю или верхом на лошади. Их вооружение кроме короткого лука составляли железный меч-акинак, который был длиннее скифского, достигая иногда 130 см. в длину, реже – легкие копья и боевые топоры. Однако со временем, приблизительно во II в. до н.э., боевая концепция меняется, и на передний план вместо вооруженного лучника выходит кавалерия, облаченная в тяжелую броню, вооруженная тяжелым копьем *контосом*¹⁶⁸ – так называемые *катафрактарыи*. Родиной катафрактариев называли Скифию (II–I вв. до н.э.), тогда как согласно письменным источникам сами они были известны у парфян, сарматов, армян и иберов. Вслед за ассирийцами вполне успешно стали использовать бронированную кавалерию персы, массагеты и хорезмийцы. Главным оружием сарматов стали тяжелые длинные копья с железными наконечниками и длинные мечи с деревянными ручками. Страбон писал, что их мечи были «огромных размеров, так что держать их приходилось обеими руками» [Сулимирский, 2010: 18]. Согласно некоторым мнениям сарматские катафрактарыи прикрепляли к стремянам и конской броне копья. То есть боевые кони наносили удары копьем, прорывали ряды обороняющихся, а всадники наносили рубящие удары. Престиж сарматского воина в Античную эпоху поднялся на небывалую высоту. «Благодаря сарматам подобная тактика получила распространение в Восточной и Центральной Европе, и даже римляне были вынуждены оснастить некоторые части подобным образом» [Сулимирский, 2010: 19]. О сарматах, зачинателях средневековой рыцарской традиции впоследствии писал и известный итальянский ученый Ф. Кардини в своей работе «Истоки средневекового рыцарства»:

¹⁶⁸ Контос (др.-греч. *κοντός*, лат. *contus*) - неметательное копье парфянского всадника (*катафрактария*). Длина 4 - 4,5 м. По утверждениям древних авторов, эти копья могли пронзить насквозь сразу двух человек. В бою контосом сарматы действовали, вероятно, двумя руками.

«Тяжеловооруженный конный воин одержал победу на Иранском нагорье и в долинах Балкан. Его влияние ощущается даже в римской армии, противостоящей ему», пишет Ф. Кардини, и далее, со ссылкой на Буркхардта, продолжает: «Образ этих персидских воинов, закованных в латы, с перьями в шлемах, вооруженных копьем и мечом, восседающих на великолепно украшенных конях, во всем напоминает образ их собратьев, наших средневековых рыцарей» [Кардини, 1987: 61]. И здесь, ввиду явных параллелей невозможно пройти мимо цитаты Тацита, на которого ссылается Т. Сулимирский: «Согласно Тациту, по одиночке сарматы не проявляли особенной храбрости, и их пешие воины сражались плохо, но противостоять их отрядам вооруженной кавалерии было очень трудно. Однако он подчеркивает, что на льду и мокрой земле их длинные копья и мечи оказывались практически бесполезны, поскольку лошади скользили и падали под тяжестью брони. Страбон замечает, что их броня была хоть и непробиваемой, но такой громоздкой, что «те, кто падал в сражении, уже не мог больше подняться» [Сулимирский, 2010: 20]. При всей нелицеприятности цитаты сарматские катафрактары, так же, как впоследствии и рыцари средневековья, были беспомощны и неповоротливы вне своей закованной в латы лошади.

Описывая общественный строй сарматов, Т. Сулимирский находит в нем очень много общего со скифским миром. Вместе с тем в погребальном инвентаре сарматов ученый обнаружил достаточное количество артефактов не похожих на скифские. Ученый объясняет это постоянной миграцией, влиянием племен, с которыми сарматы входили в контакт, а то и перемешивались, а также иными обстоятельствами. Вслед за другими сарматологами, Т. Сулимирский подтверждает ведущее положение женщины в сарматском обществе, наличие ярких пережитков матриархата в их быту. Ученый отмечает широкую распространенность культа солнца-огня, веру сармат в очищающую силу последнего, хотя в целом религиозный мир сарматов представлен лишь схематично. Отмечается, что в первых веках

нашей эры «среди сарматов, преимущественно аланов, получил распространение зороастризм» [Сулимирский, 2010: 23].

В ходе изложения материала Т. Сулимирский проводит некоторые скифо-сарматские параллели. Среди известных обычаев сармато-алан, со ссылкой на А. Марцеллина, он упоминает гадание на ивовых прутьях, поклонение железному мечу, традицию искусственной деформации черепа, веру в загробную жизнь и связанные с ней погребальные обычаи. При этом, подчеркивает автор, подобно скифам, сармат в загробный мир «должны были сопровождать их жены, а в более поздний период у некоторых племен вождям должны были прислуживать рабы, которых приносили в жертву на их могилах» [Сулимирский, 2010: 26].

Отмечая относительно слабую изученность раннего периода истории сармат, ученый констатирует, что сарматологов интересовали сарматы лишь начиная с III в. до н.э., и то, только в связи с вторжением в Скифию. Согласно периодизации Т. Сулимирского, ранний период сарматской истории охватывает время VI-V вв. до н.э. и известен на западе и в степях от Волги до Урала как «савроматский период» и как период «ранних кочевников».

В своем исследовании Т. Сулимирский устанавливает две ветви сарматов на востоке: те группы, которые занимали степи в районе нижней Волги и сарматы, занимавшие территории между нижней Волгой и южным Уралом. Далее он отмечает, что к востоку от савромат (как называл ранних сармат и Геродот), на бескрайних просторах Казахстана и северной части Центральной Азии жили несколько схожие народы и племена, известные под названием «восточные скифы». Данное обстоятельство позволило автору рассматривать протяженность сарматской культуры на обширной территории от Алтая до Волги [Сулимирский, 2010: 27]. Принадлежность проживавших на этом большом пространстве народов к единой сарматской культуре в монографии доказывается на основе анализа богатых археологических погребений, извлеченного из могильников инвентаря, оружия, гончарных

изделий, утвари, предметов быта, что позволило автору утверждать, что на территории проживания савроматов произошло слияние срубной культуры и андроновской в единую савроматскую культуру. Именно из этого конгломерата скифо-сарматских племен, сформировались и первые переселенцы на запад, вышеупомянутые «ранние кочевники».

В ранний сарматский период уже известны были скифы, родственные им племена саков, и, конечно же, сакские племена массагеты, проживавшие в Центральной Азии. В книге впервые упоминаются протосарматские племена – исседоны, которых автор отождествляет с предками асов-ясов-аорсов. Эта версия не получила поддержки коллег Т. Сулимирского. Они считали, что более близко к исседонам стоят кочевые племена индоевропейского происхождения, которых называли *асиане*, *асии*, и которое в китайских источниках упоминалось как *усуни* (ву-сун), или аримаспы, которые говорили на тохарском языке [Сулимирский, 2010: 52]. Среди племен VI-V вв. до н.э. Т. Сулимирский упоминает и неираноязычных *агриппеев*¹⁶⁹, которые добывали и перерабатывали золото для пазырыкских вождей (для них оно было основным источником богатства), чтобы пользоваться их покровительством [Сулимирский, 2010: 57-62].

Тогда же (IV-III вв. до н.э.) в Центральной Азии происходят глобальные политические процессы (ослабление могущества Ахеменидов, завоевание Александром Македонским Бактрии и Согдианы), которые отразились и на сарматах. Одному из сарматских племен – *массагетам* – удалось создать крупный политический союз, который оказал заметное культурное влияние на соседние народы. IV столетие до н.э. способствовало преобразованию савроматской культуры в некую новую культуру, получившей название «прохоровской» (по названию комплекса курганов в Прохоровке близ Оренбурга). Анализ инвентаря, извлеченного из этого захоронения, дал возможность ученому говорить о прочных связях между

¹⁶⁹ Агриппеи (др.-греч. *Αργιππαιοί*, каз. *Аргиппейлер*) - народ, проживавший в районе Уральских гор. Считается, что А. оказали огромное влияние на формирование башкирского этноса.

Центральной Азией и восточной ветвью сарматской культуры. Кроме того, по мере становления и укрепления власти носителей прохоровской культуры местные сарматские племена отступали на юг и на запад, где вступили в контакты с экономически и политически мощным Боспорским царством. При этом сармато-боспорские торговые и иные отношения и контакты в других направлениях были такими тесными, что способствовали сарматизации боспорского общества.

Рубеж IV вв. до н.э. оказался переломным в судьбе, как сармат, так и скифов. Речь идет о вторжении сармат в Скифию. Эту группу сарматов Т. Сулимирский называет «царскими скифами», аргументируя сказанное следующим: «Титул «царские» был, очевидно, присвоен тем сарматам, что захватили власть в племенах древней Скифии, ранее принадлежавшую «царским скифам» раннего скифского периода (VI–V вв. до н.э.) [Сулимирский, 2010: 84]. Скорее всего, и это положение требует дополнительного изучения, хотя и может быть допустимым, поскольку различие между савроматами и скифами было совсем несущественным.

Во второй половине III – начале II вв. до н.э. Великая Скифия прекратила свое существование. «Под давлением родственных сарматских племен, – пишет Т. Сулимирский, – обитавших к востоку от Дона, а именно роксоланов, скифо-сарматские правители оставили территорию к востоку от Днепра. Некоторые из их подданных отступили на запад, но их главным убежищем стал Крым. Там возникла страна, известная теперь как Тавроскифия, или Крымское царство скифов. Население нового царства состояло из скифов, сарматов и тавров, с примесью греческих элементов ... Теперь роксоланы стали главной силой в Северном Причерноморье» [Сулимирский, 2010: 96].

В отличие от предыдущего периода истории сармат с охватом в два столетия (отмеченные как относительно спокойные), вторая половина II в. до н.э. по середину I в. н.э., так называемый среднесарматский период характеризуется постоянными миграциями племен и межплеменными

войнами. Начало им положили продвинувшиеся на запад гуннские племена. Последние сначала нанесли поражение ираноязычным племенам за Каспием, известным в китайских источниках под названием *юэ-чжи* и *ву-сун* (усуни), а вслед за ними сакам и массагетам. Как пишет Т. Сулимирский «Победа гуннов и особенно поражение массагетов положили начало массовому исходу ираноязычных кочевников из степей Казахстана и Центральной Азии. Этот процесс занял более пяти веков и продолжался вплоть до IV века н.э.» [Сулимирский, 2010: 99].

В среднесарматский период на историческую арену выходит многочисленное племя аорсов. Аорсы появились в низовьях Волги на южном Урале, которая была заселена ираноязычными племенами, представителями той самой прохоровской культуры. Характеризуя аорсов, Т. Сулимирский считает происхождение их самоназвания от иранского слова «белый». Помимо этого, он отыскал в языках древних народов другое значение слова «аорс» – западный, и переводит его как «западные аланы». В этом вопросе мы позволим себе не согласиться с уважаемым автором. В научных кругах неоспоримо доказано происхождение этнонима аорсы, которое переводится как белые аланы, точно так же, как роксоланы (рокс-рухс-светлый) обозначают светлых алан. Существование близкого родства аорсов с аланами, наряду с Т. Сулимирским подтверждают В.А. Кузнецов, Ю.С. Гаглойти и др. Углубляясь в вопросы генезиса сарматских племен, автор называет аорсов прямыми потомками представителей андроновской культуры¹⁷⁰, а сарматов, языгов и, вероятно, роксоланов – берущими начало уже от срубной культуры¹⁷¹ [Сулимирский, 2010: 101]. Не расходятся суждения Т. Сулимирского с другими сарматологами (К.Ф. Смирнов, В.А. Кузнецов) и относительно численности и могущества аорских племен,

¹⁷⁰ Андроновская культура (культурно-историческая общность) - общее название группы близких археологических культур бронзового века, охватывавших в XVII–IX веках до н. э. Казахстан, Западную Сибирь, западную часть Средней Азии, Южный Урал.

¹⁷¹ Срубная культурно-историческая общность - этнокультурное объединение эпохи поздней бронзы (XVIII–XII века до н.э. по другим оценкам – XVI–XII века до н.э., распространённое в степной и лесостепной полосах Восточной Европы между Днепром и Уралом, с отдельными памятниками в Западной Сибири и на Северном Кавказе.

наличия у них 200 тысячного конного войска, 100 тысяч лучников и активной внешнеполитической деятельности начиная с конца I в. до н.э. вплоть до первой половины I в. н.э. [Сулимирский, 2010: 99-102].

Значимый след оставило в истории древнего мира и другое сармато-аланское племя *сираков*, сформировавшееся в IV в. до н.э. Они вышли на историческую арену в ранний сарматский период. Под давлением носителей прохоровской культуры сираки покинули низовья Дона и, уйдя на запад, обосновались на границе с Боспором. При этом историческая судьба их тесно связала территориально с аорсами, которым они значительно уступали по мощи и численности. Сираки жили по соседству с Боспорским царством и часто оказывались вовлеченными в их политические интриги. В истории сохранились сведения о противостоянии аорсов и сираков в Боспорской войне 49 г., о которой упоминалось выше.

Наряду с аорсами и сираками в монографии достаточно подробно представлены два других крупных сарматских племена – языги и роксоланы. К востоку от Азовского моря располагались языги, а за ними простирались земли роксолан. Последние, испытав давление аорсов, переселились в степи Северного Причерноморья, непосредственно ближе к границам Скифии. Автор рассказывает о сложных политических взаимоотношениях между римскими властями, фракийским племенем даков и этими двумя сарматскими племенами, которые доставляли и римлянам и дакам немало хлопот.

Крушение Великой Скифии автор связывает с племенем роксолан. Между тем, хотя Великая Скифия и сошла с исторической арены, Крымская Скифия, просуществовала еще много веков. Под ударами роксолан скифы покинули свою столицу в низовьях Дона, так называемое Каменное городище, и перенесли царский престол в Крым, где царь Скирул, на месте прежней скифской крепости, недалеко от современного Симферополя, основал свою новую столицу – Неаполь Скифский. Город стал коммерческим, культурным и политическим центром Скифии [Сулимирский,

2010: 115], а крымские скифы усилились до такой степени, что в определенный период истории Боспорское царство платило им дань золотом.

Вначале продвижение сарматских племен на запад проходило в два крупных этапа: в IV в. до н.э. и с III по I вв. до н.э. В массовом передвижении сарматских племен на запад решающую роль сыграл в первую очередь натиск гуннских племен. Ученый называет первые два столетия новой эры относительно спокойными для юга России, которые были названы им эпохой процветания Боспорского царства.

В позднесарматский период (середина I в. – IV вв.н.э.) на историческую арену выходят аланы. Все исследователи едины во мнении, что после Боспорской войны 49 г. н.э., постепенно с исторической сцены сходят этнонимы аорсы и сираки. Народы эти поглощаются еще одной конфедерацией сарматских племен – аланами. Со ссылкой на китайскую хронику династии Поздней Хань (26-211) Т. Сулимирский пишет, что аорсы (*антсай* китайских источников) взяли себе новое имя *ал-лан-ай* (аланы), что, по его предположению, свидетельствовало о том, что они потеряли главенствующее положение среди восточных сарматов, уступив его аланам [Сулимирский, 2010: 126]. Под натиском продвигавшихся на запад алан, аорсы уступили им свои земли в низовьях Волги, и постепенно растворились в новой реальности. Птолемей упоминает об «аланорсах», вполне возможно речь идет о смешанном союзе алан и аорсов. Аланы же в ходе экспансии расширили свои владения к западу от Волги, и распространили свое имя на ослабевших сираков и другие племена. В тех местах, где ранее обитали сираки и аорсы, отныне размещаются одни аланы [Кузнецов, 1992: 19].

Много внимания в работе Т. Сулимирского уделено политическим потрясениям, последовавшим в начале III в., когда остготы двинулись с севера на юг. Остготы заняли всю степную полосу юга России, покорили Ольвию, Боспор, вследствие чего их культура «приобрела множество сарматских черт» [Сулимирский, 2010: 147]. Под давлением остготов сармато-аланские племена отошли на юг и на запад, проникли в Восточную

Валахию и Бессарабию, Молдавию, Центральную Польшу, Восточную Германию, Словакию. В каждой из перечисленных стран Восточной Европы, сарматы и аланы оставили значительный след в культуре и общественной жизни народов, населяющих эти территории. Т. Сулимирский впервые выявляет последствия пребывания сармато-алан на территории Польши. Согласно заключениям Т. Сулимирского, хорваты первоначально были сарматским народом [Сулимирский, 2010: 147]. Подтверждением нахождения алан в районе Бессарабии, Восточной Валахии и Молдавии, а также того, что аланы полностью подчинили себе местное гетское население, служит тот факт, что авторы того времени называют эти земли Аланией, а название главной реки региона, реки Прут, в те времена звучала как «Аланская река» (*Alanus fluvius*). Т. Сулимирский заключает: «Множество топонимов с корнем «яс», включая крупный молдавский город Яссы, заставляет предположить, что это была ветвь восточных аланов – аорсы, ясы или птолемеевские асайи» [Сулимирский, 2010: 178]. Он также отождествляет их с антами, которые в источниках IV-VI вв. к тому времени в результате ассимиляции стали известны как славянский, а не сарматский народ. Еще одну «Аланию» Т. Сулимирский «расположил» в Крыму. «Небольшие аланские сообщества на побережье Черного моря, в районе Херсона, отмечаются в XIII веке. Другие небольшие группы аланов, искавшие убежища в Крыму и частично слившиеся с готами, упоминаются даже в конце XVII века, когда они все еще сохраняли обычай деформации черепа. Скорее всего, они жили преимущественно на южном берегу. Известно, что к 1240 году аланы в массе своей приняли христианство, и что епископа Аланского звали Федор. В XIV веке район между Феодосией и Алуштой носил название Алания, и архиепископ Херсонский, так же как и архиепископ Готский, считал его частью своих епархий» [Сулимирский, 2010: 179].

Вводя в научный оборот новые исторические источники, такие, как Лангобардская хроника¹⁷² VII в. (*Origo gentis Langobardorum*), ученый доказывает, что аланскими антами на территории нынешних Силезии и Малой Польши, было образовано государство под названием Королевство аланских антов. И хотя это государство просуществовало всего лишь до нашествия гуннов из Венгрии в V в., «тем не менее, древние сарматские традиции сохранялись в Польше еще в течение долгого времени. Вера в сарматское происхождение поляков была широко распространена среди польского дворянства» [Сулимирский, 2010: 150].

Последние главы книги рассказывают о памятниках сарматской культуры в Молдавии и Бесарабии, роксоланах на Дунае, судьбе сарматского племени языгов из Нижнего Поволжья, где они жили в среднесарматский период до расселения их на Венгерской равнине и в Восточной Словакии. Ученый подробно исследует длительную оторванность языгов от своих соплеменников и последствия этого обособления. «Языги, которых римляне именовали «сарматами» оставались на Венгерской равнине в течение 450 лет и, поскольку они были изолированы от своих родичей, живших в Северном Причерноморье, их история имеет мало общего с другими сарматами, остававшимися на востоке. Главным связующим звеном между двумя группами были роксоланы и аланы, которые, отойдя на восток после ряда крупных конфликтов на Украине, перешли через Карпаты и присоединились к языгам» [Сулимирский, 2010: 157]. В позднесарматский период особое внимание привлекли к себе роксоланы, которые продвинулись вглубь Европы до бассейна Дуная, однако, под давлением остготов, они были вынуждены покинуть территорию Румынии и обосновались в Мёзии и Венгрии. О судьбе сарматских племен на территории Венгрии, Т. Сулимирский рассказывает подробно, начиная с поражения языгов в

¹⁷² «Происхождение народа лангобардов» (лат. *Origo gentis Langobardorum*) - небольшое анонимное сочинение, являющееся одним из основных источников по ранней истории лангобардов. Основной собственно лангобардский источник по истории этого народа до завоевания им Апеннинского полуострова и первым годам существования Лангобардского королевства.

очередной войне с Римом и как следствие отправки части плененной конницы на Британские острова для защиты Адрианова вала, и заканчивая вооруженным столкновением вестготов и языгов. «Таким образом, в работе, написанной через двадцать лет после появления языгов на Венгерской равнине, автор фиксирует ситуацию, сложившуюся к тому моменту в тех областях, хотя и оставляет старое название Скифия (*Scythae*) для причерноморских земель, в которых сарматы сменили скифов за несколько веков до этого» [Сулимирский, 2010: 155]. Описание этих событий завершается в 430 г., что совпадает со временем нашествия гуннов и концом позднесарматского периода.

С I по IV вв. существенную роль в исторических событиях той эпохи сыграло выделившееся из сарматской конфедерации племя алан. Однако на этом история сарматов не завершается. Именно с аланами связана последующая история всех сарматских племен, завершившаяся разгромом Тимуром Алании в XIV в. Первыми из сарматских народов с гуннами столкнулись именно аланы, которые перед вторжением завоевателей в основном еще населяли Азию. «Во II и III вв. н.э. гунны уже захватили древнюю родину сарматов в Азии и теперь стали хозяевами на последних оставшихся сарматских землях. Часть живших там восточных аланов отступила на запад, другие искали прибежища на Кавказе, но большинство было захвачено гуннами, которые впоследствии увлекли их за собой в Центральную Европу» [Сулимирский, 2010: 166]. Последствия гуннских нашествий оказались катастрофическими для сарматских племен. «В сущности это был конец существования сарматов как отдельного народа. У разделенных на мелкие группы и разбросанных по разным регионам сарматов не было возможности сохранить свою национальную самобытность, и им суждено было раствориться либо среди последующих завоевателей, либо среди покоренных народов тех стран, куда они отступили» [Сулимирский, 2010: 168].

Опираясь на археологические артефакты, Т. Сулимирский устанавливает «аланское происхождение около десятка богато обставленных «княжеских» захоронений и могил, где похоронены женщины в золотых коронах с полудрагоценными камнями или цветным стеклом. Они разбросаны на огромных пространствах от Казахстана (Боровое) до Венгрии (Чорна) и Польши (Якушовице, Ендрыховице)» [Сулимирский, 2010: 178]. Заключительную часть книги Т. Сулимирский посвящает той части алан, которая под давлением гуннов ушла на Кавказ. Не видим необходимости в подробном изложении известных фактов истории кавказских алан, приведем лишь заключительную ремарку автора. Т. Сулимирский пишет: «Их современные потомки-осетины, небольшой народ, живущий в предгорьях Кавказа – единственные люди, до сих пор говорящие на языке, когда-то многочисленных и могущественных сарматов, хотя и сильно измененном» [Сулимирский, 2010: 180].

В целом монография Т. Сулимирского «Сарматы ... » была встречена научным сообществом с одобрением, ибо впервые посредством ее западноевропейский читатель получил достоверные сведения об этом многочисленном и во многом загадочном племени, вышедшем из евразийских степей. Основные постулаты книги не противоречат устоявшимся в науке положениям. Отозвавшийся на книгу Т. Сулимирского Б. Бахрах в своей рецензии указывал лишь на слишком краткое изложение истории пребывания алан в Западной Европе [Бахрах, 1973: 168], и на неверности отождествления массагетов и алан, о котором мы говорили выше.

Определенное неудобство доставляет научно-популярный характер издания и отсутствие в издании научного аппарата и указания использованной литературы, что не позволяет проверить достоверность некоторых положений. Далее. Т. Сулимирский считал, что вторгшиеся на территорию Скифии сарматы (племена савроматской культуры) смешались с местными скифами. По мнению Т. Сулимирского, количество сарматов в Скифии к началу IV в. до н.э. оказалось настолько велико, что позволило

автору называть жителей Скифии *скифо-сарматами* [Сулимирский, 2010: 87, 88]. Появление нового сарматского элемента в Скифии Т. Сулимирский связывает с проникновением носителей прохоровской культуры, которыми были собственно сарматские племена, пришедшие с востока. Хотя автор ссылается на данные археологии, тем не менее, большинству ученых кажется преувеличенной численность вторгшихся к началу IV в. в Скифию сарматских племен. В частности, Т. Сулимирскому возражает крупнейший советский сарматолог К.Ф. Смирнов. Он пишет: «Основным населением степного Приднепровья в IV – нач. III в. до н.э. были скифы. Присутствие в их среде или непосредственно по соседству отдельных родоплеменных групп савромато-сарматского населения еще не дает право называть кочевников Северного Причерноморья этого времени скифо-сарматами, как это делает Т. Сулимирский» [Смирнов, 1984: 123]. Между тем, по мнению М.И. Ростовцева, политическое господство сарматов на территории Скифии произошло во второй половине III в. до н.э., и связано с новыми пришельцами с востока [Ростовцев, 1925: 11]. С этого времени скифы и сарматы превращаются в две основные враждебные силы Северного Причерноморья [Кузнецов, 1992: 65].

Камнем преткновения для ученых, занимавшихся ранней историей юга России (Б. Рыбаков, 1939; А. Мишулин, 1941; М. Брайчевский, 1961; Г. Вернадский, 1996; Т. Сулимирский, 2010) остается история происхождения антов. Впервые этноним «*ант*» был зафиксирован в одной из керченских надписей III в. н.э. [СИЭ, 1961: 639]. Между тем, ранняя история антов теснейшим образом переплетена с сарматскими племенами, которые в рассматриваемый период были наиболее известными на юге России. Об этом подробно пишет Г.В. Вернадский, который считал, что, как этноним «*ант*», так и верхушка антского племени, являлись носителями исключительно сарматского происхождения. В историю происхождения антов еще глубже попытался вникнуть Т. Сулимирский. Наряду с языгами, роксоланами, сираками и аорсами, он считал антов сарматским племенем, и ставил знак

равенства между этнонимами «анты» и «ясы». Он также считал антов – позднейшим аланским племенем. Соглашаясь с Иорданом, определявшим антов как славянский народ, Т. Сулимирский отмечает, что «это не противоречит идентификации антов как аланов (асов): сарматы, очевидно, образовывали на данной территории правящий класс, который постепенно славянизировался. Этот процесс, вероятно, завершился не ранее VI в., хотя многие сарматские традиции сохранились» [Сулимирский, 2010: 178]. Эту же мысль Т. Сулимирский повторяет во время отождествления сарматских ясов «с антами, чье присутствие в регионе подтверждается письменными источниками IV в.; они оставались здесь вплоть до VI века, хотя к тому времени в результате ассимиляции стали известны как славяне, а не сарматский народ» [Сулимирский, 2010: 148].

Вряд ли автор без должного основания мог отождествлять западных алан (аорсов) с антами [Сулимирский, 2010: 140, 149]. О сильном сарматском влиянии на Восточную Европу свидетельствуют и другие источники. Полагаем, что не без основания большинство римских авторов называли Сарматией земли на которых проживали славяне [Всемирная ... , 1956: 704]. Так, в известном труде Клавдия Птолемея «Руководство по географии», составленном в 160-180 гг., границы ираноязычных племен были сдвинуты «к Висле и растянули Сарматию так, что она включала всю Центральную и Восточную Европу» [Бахрах, 1993: 156]. Птолемей размещает венедов (тех же антов) среди племен Европейской Сарматии. Как пишет П.Н. Третьяков, в Певтингеровых скрижалях (таблицах)¹⁷³ венеды и сарматы проходят как единое племя [СИЭ, 1969: 970]. Утверждая, что после татаро-монгольского нашествия был положен конец существованию алан, Т. Сулимирский вместе с тем совершенно неправ, когда пишет, что вместо алан «мы теперь встречаем названия современных народов Северного Кавказа, которые, очевидно, произошли от аланов» [Сулимирский, 2010: 181].

¹⁷³ Певтингеровы скрижали – *Tabula Peutingeriana* - пергаментная копия с древней римской карты, сделанная в XIII в., на которой изображены римские дороги и основные города Империи

В состав Аланского государства до его разгрома монголами в 1239 г., входили и местные кавказские народы, со своей самобытной культурой, с которыми у алан поддерживались тесные культурно-исторические взаимоотношения. О духовном сближении многоязычного Кавказа с господствующим племенем – аланами свидетельствует распространение аланского Нартовского эпоса на соседние коренные народы и возникновение национальных версий эпоса. Т. Сулимирский неправ, считая, что названия современных народов Северного Кавказа произошли от алан, которые, после татаро-монгольского нашествия, постепенно исчезли из упоминания в письменных источниках. Вполне естественны культурно-исторические взаимовлияния проживавших по соседству, и тем более в одном политическом объединении. Влияние алан на местные автохтонные племена, безусловно, имело место, однако, кавказские народы сохранили и свои традиционные самоназвания, не растеряли свое этническое лицо, хотя часть алан ассимилировалась в их среде. Неверно также утверждение ученого, будто аланские племена пришли на Кавказ в IV веке н.э. [Сулимирский, 2010: 180]. После известной Боспоро-римской войны 49 г., о которой говорилось выше, происходит активная миграция аорсов в Центральное и Северо-Восточное Предкавказье. В последние годы в плоскостной части Северной Осетии (Владикавказская равнина) археологами раскопаны крупные аланские поселения в сс. Брут и Зильги, датированные II–IV вв. н.э. [Дзуцев, Малашев, 2015: 10]. Для всех захоронений свойственен «катакомбный обряд погребения, совершенно несвойственный кавказскому субстратному населению и характерный для сармато-алан [Кузнецов, 2014: 55]. Археологами установлено, что раннеаланские катакомбные могильники первых четырех веков нашей эры имеют место на территории Северной Осетии [Кузнецов, 2014: 50-61]. Кроме того, о присутствии алан до IV в. в предгорьях Центрального Предкавказья свидетельствуют совершенные аланами походы в Закавказье в 35г., 72 г., 135 г. н.э.

Т. Сулимирский утверждает, что аланы «покорили местные племена неиранского происхождения и жили с ними бок о бок в одних и тех же деревнях, хотя и хоронили своих мертвых на отдельных кладбищах. Это тесное взаимодействие затронуло обе культуры, но, в конце концов, аланы растворились среди местного населения, которое, по-видимому превосходило их количеством» [Сулимирский, 2010: 180]. Это мнение входит в явное противоречие с предыдущим предположением, где со ссылкой на Аммиана Марцелина говорилось, что «Множество их побед привело к тому, что они постепенно поглотили все народы, которые им встречались, и их имя распространилась на них на всех» [Сулимирский, 2010: 127].

В резолюции Всесоюзной сессии 1966 года, посвященной этногенезу осетинского народа говорилось: «Участники сессии пришли к выводу об участии в этногенезе осетин двух основных компонентов – скифо-сармато-аланского и кавказского. Вместе с тем, было призвано целесообразным усилить в дальнейшем работу по выяснению места каждого из этих элементов в различных аспектах этнической культуры осетин» [Происхождение ... , 1967: 326]. Однако, за прошедшее с той сессии время, так называемый «кавказский компонент» никем так и не был выявлен. Вполне возможно, что это были наследники Кобанской культуры, самые поздние археологические артефакты которой датированы III в. до н.э., и которые спустя 500 или более лет после того, как сошли с исторической арены, были завоеваны аланами. И в продолжение вышесказанного, стоит отметить, что как показали археологические раскопки в предгорных районах Центрального Предкавказья, все выявленные погребения были сплошь катакомбного типа. Нигде в указанном регионе не обнаружено не только кладбища с другим, не катакомбным типом захоронений, но и отдельных захоронений другого типа, что свидетельствует об однородности населения в поселениях.

Конечно же, между разноязычными племенами всегда происходили ассимиляционные процессы. К примеру, *асы, ясы* – этническая группа осетин в Венгрии, спустя два столетия после расселения в Ясшаге в значительной степени были ассимилированы венграми. Уже к XVII в. они полностью утратили свой язык, начав при этом говорить на венгерском. В случае с кавказскими аланами эти процессы проходили следующим образом. Так, в западной и восточной регионах Предкавказья они завершились ассимиляцией алан среди местного населения. Что касается центральной части Предкавказья (приблизительно соответствует нынешней горной части Северной Осетии), то здесь процесс взаимодействия алан с местными племенами привел к ассимиляции последних в аланской среде, насаждения аланами своего языка и во многом своей культуры. Иранский элемент оказался сильнее по причине того, что перевалы Центрального Кавказа издавна служили местом прохода скифо-сарматских племен, часть которых оседала в ущельях. Сарматы и аланы массово расселились по всему Кавказу от Прикубанья до Дагестана. При этом, как правильно отмечает Е.И. Крупнов, при смешении с местными племенами, сарматы-аланы ассимилировались в меото-синдской среде на западе Кавказа и среди предков вайнахов на востоке Кавказа [Крупнов, 1960: 293]. В центральной части Кавказа, процесс языкового скрещения дал иной результат. Е.И. Крупнов отмечает, что «... в средней части Кавказа, очевидно, в результате более массового и последовательного проникновения скифо-сармато-аланских ираноязычников в местную Кавказскую этноязыковую среду, этот контакт завершился ассимиляцией местной среды и победой пришлых ираноязычных элементов» [Крупнов, 1960: 293]. По факту, здесь местное население давно уже было иранизировано и готово к слиянию с аланами. Об этом же пишет Т. Сулимирский: «... область изначальной аланской культуры существенно сжалась вследствие постепенного культурного слияния аланов с местным населением. Сначала исчезли восточная и западная оконечности, и наконец, осталась лишь область, ограниченная северными предгорьями Центрального

региона. Но страна все еще была известна как Алания, и аланы часто упоминались в хрониках» [Сулимирский, 2010: 181].

В целом же конечно, монография Т. Сулимирского «Сарматы. Древний народ юга России» оставляет весьма положительное впечатление. Работа эта носила больше познавательный характер, была рассчитана на широкий круг интересантов, но никак не преследовала целью детальное изучение и скрупулезное исследование тысячелетней истории многочисленных конфедераций сарматских племен на огромных евразийских просторах на пространстве от вод Атлантики до Японского моря. Такую цель автор перед собой и не ставил. Эта книга является научно-аргументированным исследованием, безусловно, ценным, с богатым иллюстративным материалом, который базируется на данных археологии и письменных источников, и в которой ученый вполне доступным и приемлемым языком рассказал об исторических судьбах ираноязычных племен на юге России.

4.3. Ф. Кардини: Азиатские истоки европейского рыцарства

В книге итальянского историка-медиевиста, профессора Флорентийского университета Ф. Кардини «Истоки средневекового рыцарства», вышедшей в 1980 г., раскрывается глубинная предыстория рыцарства как социального и историко-культурного явления, а также рассматриваются его технические и военные аспекты. Автор полностью пересмотрел сложившиеся в европейской исторической традиции привычные представления о рыцарстве, и вполне естественно, что реакция научного сообщества на книгу Ф. Кардини была неоднозначной. Некоторые его коллеги не восприняли идею книги, упрекали автора в отсутствии необходимой ученому осторожности, чрезмерном стремлении к обобщениям, и увлечении Востоком. Другая же часть историков призывала к осторожному, вдумчивому отношению к главной идее книги, суть которой сводилась к следующему: «рыцарство в пору своего расцвета очень далеко

отстоит от своих истоков, но, тем не менее, подпитывается ими и эти истоки, постепенно набирающие силу и трансформирующиеся во времени, и есть живые артерии истории» [Кардини, 1987, 16]. Ф. Кардини заставил задуматься над тем, что кажущиеся на первый взгляд хорошо знакомыми исторические явления, могут нести более глубокий сакральный подтекст, переплетаться при этом словно корни древнего могучего дерева. Основная же заслуга автора видится нам в том, что в его чрезвычайно интересной работе запущен в научный оборот огромный исторический материал, ранее под таким углом не рассматривавшийся. Автор взглянул на проблему по-новому, представил ее в неожиданном, но в конечном итоге исторически оправданном для интересантов ракурсе.

Хронологический охват темы довольно широк. Это I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Из трех частей книги интересующий нас вопрос рассмотрен в первых пяти главах I части монографии под названием: «Шаманы, воины, и миссионеры». И хотя поиски истоков средневекового рыцарства Ф. Кардини уводит в скифский мир, непосредственным прологом для его замечательного исследования послужило описание битвы при Адрианополе, что находится в римской провинции Фракия, случившейся 9 августа 378 г. В этой битве варваров против Рима, как и прежде, столкнулись два мира: античный, представленный римлянами под предводительством императора Валента, и варварский, объединяющий вестготов, остготов и алан во главе с вождем вестготов Фритигерном. «Весной 377 г. кровавая битва, которая, однако, не стала решающей, произошла между вестготами и римскими войсками у Маркианополя ... Император Валент сам повёл свои войска против соединений сил «варваров» под Адрианополем. Конница аланов и остготов разрушила строй римской армии и в наступившем беспорядке вестготы изрубили большую часть римской пехоты. Сам император погиб в битве (9 августа 378 г.)» писал об этом событии Г.В. Вернадский [Вернадский, 2000а: 220], а Б. Бахрах, отмечает, что «исход сражения предрешила внезапная атака алано-готской конницы на фланг римской армии» [Бахрах, 1993: 45].

Значимость события определяется тем, что в отличие от прежних подобных битв, впервые античный мир проиграл варварам. В столкновении двух цивилизаций Ф. Кардини распознал «глубинные, сокровенные истоки, питавшие не только идею, но материально-технические и военные основы рыцарства, возникшего много веков спустя» [Кардини, 1987: 34]. Следствием усвоения военного урока Адрианополя для Рима было то, что в римскую армию решительно вторгаются кочевые «конные» народы, извергнутые из азиатских степей. Поражения вынуждали римское воинство менять свой облик, «обращаться в варварство», отказываться от монолитных квадратных легионов [Кардини, 1987: 34]. Конница варваров докажет свое неоспоримое превосходство над регулярными войсками Рима, основу которой составляли пехотинцы [Кардини, 1987: 17, 18]. «Адрианополь стал той каплей, которая переполнила кубок, наполненный до краев несчастьями. И в этом смысле он – мера целой эпохи» [Кардини, 1987: 34]. Как полагает Ф. Кардини, именно с битвы под Адрианополем в 378 г. начинается переоценка европейской военной истории: «Военная история поздней Римской империи со всей драматичностью свидетельствует, что с этого момента способ ведения боевых действий и экипировку римлян в сравнении с таковыми у степных народов необходимо было изменять и что эти вынужденные изменения имели принципиальное значение для будущего» [Кардини, 1987: 33]. «Вегетий ... полагал, что Адрианополь стал началом исчезновения тяжеловооружённой римской пехоты» [Кардини, 1987: 30]. В 382 г. император Феодосий¹⁷⁴ заключил мир с варварами. Более того, согласно Ф. Кардини, усвоив военный урок Адрианополя, император качественно перестроил армию, усилив конницу и отряды лучников. Готы, аланы, скифы, гунны начали активно привлекаться для службы в рядах римских войск.

Вывод, к которому приходит итальянский ученый, автором предисловия к русскому изданию «Рыцарство и его предыстория»

¹⁷⁴ Феодосий I Великий (Флавий Феодосий, лат. *Flavius Theodosius, Theodosius Magnus*, греч. *Θεοδόσιος Α΄, Θεοδοσιος ο Μέγας*, 347—395 гг.) - последний император единой Римской империи.

В.И. Уколовой, сформулирован следующим образом: «Своими непосредственными корнями идеология рыцарства, с одной стороны, уходит в глубины самосознания варварских народов с их культом вождя, личной верности и военной доблести, а с другой – в развитую христианством концепцию служения, толковавшегося сначала как чисто религиозное, но в средние века приобретшего намного более широкое значение и распространившегося и на область светских отношений, вплоть до служения даме сердца» [Кардини, 1987: 22]. К такому заключению автор приходит через массу неопровержимых исторических свидетельств.

Отвечая на основной вопрос своего исследования, сформулированный автором в заглавии книги, Ф. Кардини пишет: «Возникновением средневекового рыцарства Запад обязан не только парфянам, но прежде всего иранским народам, находившимся к северу от Кавказа – скифо-сарматам. Благодаря их всепроникающему влиянию, распространявшемуся по всем уровням, которое они оказали на восточных германцев, в особенности на готов, средневековая военная структура запечатлела в себе только им одним свойственный оригинальный облик. Нет сомнений, что это особенно проявилось на техническом уровне. Однако нам предоставляется, что это утверждение применимо и к сфере духовного влияния» [Кардини, 1987: 42].

Занимая в IV–III вв. до н.э. степи Северного Причерноморья, скифы оказывали культурное влияние и на своих соседей. В частности фракийцы, или *гето-даки*¹⁷⁵ заимствовали от них не только военные приемы (научились стрелять, не сходя с коня – А.Ч.), и оружие из железа, но и религиозные представления. Там, в южнорусских степях, скифы овладели в совершенстве верховой ездой и обработкой металла и эти искусства в определенный момент «оказались двигателем прогресса беспокойном понтийском и закавказском мире» [Кардини, 1987: 43]. Все исторические выводы ученого

¹⁷⁵ Гето-даки - единое название двух фракийских племен - геты и даки. Термин «гето-даки» используется историками для того, чтобы подчеркнуть этническое и лингвистическое единство двух племен. В то же время, термин «гето-даки» обращает внимание на территорию обитания племен. Геты жили на низменности к юго-востоку от Карпат, а даки на территории Трансильвании.

относительно иранских племен, преимущественно о парфянах, скифах, сарматах, аланах, выдержаны им в академическом стиле. Для Ф. Кардини несомненно иранство скифов, сармат и алан. О непосредственной же этногенетической увязке алан и осетин ученый говорит в пассаже об общности похоронных обрядов иранских народов «Мифорелигиозные представления, относящиеся к смерти и напоминающие скифские, сохранившиеся у других иранских народов, например, сарматов, и сегодня еще бытуют в кавказском фольклоре, особенно среди осетин – прямых потомков аланов» [Кардини, 1987: 69].

На страницах книги представлены сведения о миграционной карте скифов, о быте, культуре, рассказывается об их контактах с соседними народами. Влияние скифов на народы и страны от Дальнего Востока до Дуная, а через Дунайский бассейн, Мёзию (Добруджу – А.Ч.) и Трансильванию – с кельтами, иллирийцами, македонцами, было настолько велико, что «на столь обширном пространстве кони, упряжь, оружие, украшения были скифскими» [Кардини, 1987: 44]. На основе анализа многочисленных нарративных и археологических источников Ф. Кардини делает безупречный вывод: «искусством верховой езды мы обязаны скифам ... мастерство скифов, скотоводов и конных воинов, – это неопровержимый факт» [Кардини, 1987: 44, 45].

В рассматриваемой монографии сарматы образно названы ученым – «братом и недругом скифов». Автор прослеживает миграцию сарматов с востока на запад, рассказывает о появлении в степях Северного Кавказа сарматских племен языгов, роксоланов, аорсов, особенно алан, пишет о том влиянии, которое оказали сарматы и персы на военную историю Рима, уделяя при этом особое внимание катафрактариям: «Появление сарматских лошадей и массовое их использование в военных целях римлянами не могло не ознаменовать собой наступление подлинного поворотного момента» [Кардини, 1987: 53].

На Запад из глубин азиатского Востока двинулись не только полчища искусных и бесстрашных всадников, которые повергали в трепет и ужас жителей Европы. Вместе с ними в Европу был занесен образ воителя верхом на коне, защитника людей и победителя драконов, как некий прекрасный социальный и культурный идеал, оказавшийся исключительно важным как для становления рыцарства и средневекового христианства, так и средневекового менталитета.

В ходе повествования автор книги последовательно излагает и этапы варваризации римской армии. Так, во II–III вв. н.э. вслед за иранскими племенами, из северных районов Германии на юг в Дакию и Фракию двинулись германские племена готов. Здесь готы вплотную столкнулись со скифо-сарматскими племенами и «вобрали в себя иранскую скифо-сарматскую культуру, не чуждую им еще со времен общего праарийского единства. «Они сумели ассимилировать многое из содержательной стороны их культуры, усвоили ее технические приемы, прежде всего ведение боя верхом на коне; германцы оказались прямыми наследниками военно-кавалерийской техники и искусства иранских племен» [Кардини, 1987: 18]. Есть одно, очень интересное наблюдение, которое заключается в разнице в способах ведения войны, которые использовали кочевники, в частности скифы и европейцы. В то время как европейцы были либо кавалеристами, либо лучниками, скифы одновременно могли скакать на лошади, и при этом производить выстрелы из лука. Луком и стрелами в Европе, как правило, пользовались крестьяне, которые сражались пешими. Рыцари же средневековья своей амуницией больше напоминали «те сарматские племена, которые, несмотря на хорошее знакомство с луком, склонялись преимущественно к использованию копья и меча» [Макговерн, 2021: 61].

Но это было не все. В продолжение темы ученый отмечает: «К северу от Кавказа иранские народы вошли в соприкосновении с восточными германцами и через них установили прямые и чрезвычайно глубокие отношения с римским Западом. С точки зрения обновления Запада и

появления в будущем средневекового рыцарства, равно как и технического развития, ирано-германские культурные влияния представляли одно из значительнейших событий истории» [Кардини, 1987: 55]. Этот ирано-германский комплекс и стал своеобразным фундаментом для развития конного воинства Европы, а в дальнейшем и средневекового рыцарства [Кардини, 1987: 18].

После битвы при Адрианополе римское общество осознало всю глубину кризиса военной машины Рима, и признало необходимость создания мобильной тяжелой кавалерии. Феодосий, назначенный после смерти Валенты императором Грацианом своим соправителем и императором Восточной Римской империи, усилил варваризацию римской армии, в которой начали служить «конные народы»: готы аланы, скифы, гунны [Кардини, 1987: 30], а готы получили разрешение селиться на территории империи. Итак, со II в. в римской армии появляется кавалерия катафрактариев. Ее удельный вес вырос в III–IV вв.; катафрактариев набирали из варваров в том числе из алан, сарматов [Кардини, 1987: 155, 156]. Новая армия в основном состояла из восточно-германских наемников, (т.н. «степных германцев». – А.Ч.), в первую очередь из готов, благодаря их чрезвычайной способности к культурному синтезу. Благодаря этой способности, они сначала через сарматов установили контакт «с великой иранской цивилизацией, затем, ближе познакомившись с гуннами, включили в свою культуру элементы азиатской цивилизации» [Кардини, 1987: 61].

Из всех германских племен, оказавших влияние на античный мир, автор отдает должное многочисленным готам, причем не всем, а именно западным. Но готы, как было отмечено выше, научились искусству ведения боя верхом на коне, к тому же с тяжелым вооружением, «благодаря контактам со-скифо-сарматами и персами» [Кардини, 1987: 251]. Именно сармато-аланам, пришедшим с востока и достигшим в своих походах Италии и Испании, в значительной мере принадлежит заслуга в выработке долговременной мифологической и практической основы европейского

средневековья. Помимо этого, сарматы и аланы представили античному миру новую «культуру» войны, включающую в себя иное поведение на поле боя, другое тактическое и стратегическое мышление, а также совершенно иное, чем прежде, понимание боевой единицы. В новом понимании это был *катафрактарий* – бесстрашный тяжеловооруженный воин верхом на коне. Аммиан Марцеллин говорит о «радостном чувстве», которое охватывает аланов всякий раз, когда они слышат о приближающейся войне. Исторические хроники отмечают почитание аланами предков, храбрость и неустрашимость их в бою. Аммиан Марцеллин писал: «Умершие предки – по верованиям алан – бродили среди своих потомков. «Счастливым покойником» у алан считался тот, кто погибал в бою, служа богу войны; такой покойник был достоин почитания» [Бахрах, 1993: 128]. Новый образ воина предполагал и другое отношение к коню. Это было отношение сродни некоему культу. «Варвары привыкли жить вместе с конем, величать его по имени, беседовать с ним. Они не удивились бы, ответь он вдруг человеческим голосом. Столь глубоко отразилась в их жизни традиция считать коня мудрым, обладающим даром речи и прорицания» [Кардини, 1987: 85]. Подтверждение этому можно найти и в осетинской Нартиаде, где конь, наряду с другими представителями животного мира, является активным действующим персонажем, более того, наделяется определенными человеческими свойствами. Так, конь Уастырджи, легендарный «ширококрылый» Авсург считался родоначальником всех коней. Любимый конь нарта Урузмага Арфан мог в мгновение ока перенести своего хозяина к небожителям (осетины до сих пор называют Млечный путь *Арфаны фаед* – след Арфана – А.Ч.). Он часто выручал своего хозяина, помогая ему советами, в том числе и перед началом битвы. То же самое делал и другой конь нарта Урузмага, которого звали Аласа. Стоит отметить, что одних только имен-кличек коней в Нартиаде насчитывается около пятнадцати [Багаев, 2015]. Здесь уместно будет вспомнить параллели между

восьминогим конем Одина Слейпниром и восьминогим конем нартов [Нартовские ... , 2004: 161; Нартовские ... , 2010: 406].

Великолепная работа известного историка Ф. Кардини не нуждается в дополнительных комментариях, однако, мы постараемся внести некоторые небольшие уточнения в его труд. Так, в параграфе «Варвары и Рим» Ф. Кардини заостряет внимание на факте появления значительной массы германцев при императорском дворе, широкое распространение германских обычаев, германского менталитета и говорит о военачальниках из числа варваров, вошедших в ближайшее окружение римских императоров. Лиц, достигших самых высоких постов и степеней в римской армии, он иллюстрирует на примере «солдатского императора» Максимиана I Фракийца, когда в римском обществе распространились германские обычаи и стал приемлем германский менталитет. Автор пишет о высокой степени варваризации всей империи и связывает этот процесс в основном с германскими племенами [Кардини, 1987: 159]. Все это соответствует действительности, хотя следовало бы отдать должное и сармато-аланским племенам, которые приняли активное участие в Великом переселении народов, оставили яркий след и оказали значительное влияние на античный мир. Позволю себе привести несколько примеров.

Занимавший трон императора Максимиан I Фракиец действительно, по отцу, которого звали Микка, был готом. Мать же Максимиана, по имени Абаба (Габаба), была из племени аланов¹⁷⁶ [Властелины Рима, 1992: 67]. Хроники писали, что «аланы, приходившие к берегу реки (Дуная – А.Ч.), признавали его своим другом» [Властелины Рима, 1992: 67]. Аланы также оказались в ближайшем окружении императора Грациана (160–180 гг.). Последний до такой степени чтит и поддерживал алан, что принял их военную тактику для руководства в армии, а сам гарцевал на аланском коне и в аланской одежде. Еще одним примером может служить то, что IV в. в

¹⁷⁶ Автор биографии Юлий Капитолин ссылается на греческого историка III в. Геродиана. По Геродиану (6.8.1), Максимиан происходил от людей с наполовину варварской кровью.

течение полувека в Византийской империи имела огромное влияние аланская династия в лице римского полководца и консула Флавия Ардабура и его более прославленного сына Аспара [Бахрах, 1993: 58-69]. Имеют в работе место и небольшие неточности. Так, описывая нанесенное гуннам поражение в битве на Каталаунских полях 20 июня 451 г., Ф. Кардини пишет, что римский военачальник Аэций воспользовался услугами лишь вестготов и бургундов [Кардини, 1987: 174] Между тем, помимо указанных племен, на стороне Рима сражались франки, аланы и др. племена [СИЭ, 1965: 98]. Кроме того, аланы не только участвовали в кровопролитной битве, но Аэций поставил их на самой ответственной позиции.

4.4. Аланские хроники Агусти Алеманя

Представлять фундаментальный труд известного каталонского ученого А. Алеманя «Аланы в древних и средневековых письменных источниках», вышедший в свет в 2003 г. в издательстве «Менеджер», может показаться занятием неблагодарным, так как эта работа изучена специалистами в полном объеме. Так, предисловие к книге составил известный немецкий ученый-лингвист Рюдигер Шмитт, а рецензии на нее писали такие известные ученые, как Ю.С. Гаглойты (ЮОНИИ) [Nartamongæ, 2007: 271], и Хабиб Борджиан (США) [Iran and the Caucasus, 2007: 319-323]. И, тем не менее, эта замечательная работа еще долгое время будет привлекать внимание исследователей.

Не поддается сомнению профессионализм профессора Агусти Алеманя – талантливое каталонское ученого, малоизвестного до того в научных кругах России. Его книга с восторгом была воспринята как профессиональными историками, так и многочисленными поклонниками исторической литературы. Легкость и доступность изложения сделали этот труд популярным практически среди всех слоев интересантов. С восторгом встретили ее и в научных кругах Осетии. В середине 80-х годов прошлого

столетия автор книги заинтересовался аланами, которые помимо прочего оставили заметный след и на территории современной Испании. А. Алемань провел многолетнюю кропотливую работу по сбору и обобщению разноязычных источников по истории алан. Написанное им на каталонском языке научное исследование стало предметом защиты докторской диссертации в автономном Университете г. Барселоны (Испания) в 1997 г.

Спустя три года диссертационный труд А. Алеманя под названием «Источники по аланам. Критическая компиляция» вышел из печати на английском языке одновременно в Голландии, Германии и США. Следует выразить признательность всем тем, кто приложил руку к изданию книги на русском языке, и прежде всего Бэлле Кавдиновне Басати (Есиевой), подавшей идею о его издании на русском языке, а также директору издательства «Менеджер» (Москва) Аузби Гутиеву, который реализовал проект. Книга снабжена предисловием авторитетного ираниста, немецкого ученого Р. Шмидта, для которого аланский язык без сомнения является древнеосетинским, а современные осетины – это аланы, оттесненные под натиском кочевников в горные районы и ныне проживающие по обе стороны центральной части Кавказского хребта [Алемань, 2003: 18].

Выход настоящего издания из печати оказался знаменательным явлением в научном осетиноведении, и был встречен с восторгом, что было продемонстрировано во время презентации книги во Владикавказе, отзывах и рецензиях в печати (Ю.С. Гаглойти, Ф.Х. Гутнова, Л.А. Чибирова). В послесловии к русскому изданию, написанного известным алановедом В.Б. Ковалевской, была дана высокая оценка исследованию профессора А. Алеманя по воссозданию исторической панорамы развития аланского общества. Книгой А. Алеманя научное алановедение пополнилось весьма ценным источником, который существенно расширил ее вероятные горизонты. Основные акценты в ней расставлены по следующим важным позициям:

1. Исследования и источники по древней и средневековой истории алан публиковались в разные годы. Среди имен, причастных к этому процессу можно назвать таких известных ученых, как Ю. Кулаковский, Б. Бахрах, Т. Сулимирский, З.Н. Ванеев, Ю.С. Гаглойти, В.А. Кузнецов и др. Однако публикации эти в значительной части были разбросаны по редким труднодоступным изданиям. При этом географические рамки исследуемых этими учеными материалов ограничивались в основном античными, византийскими, грузинскими, армянскими источниками. Уникальность же рассматриваемой книги заключается в том, что впервые в ней представлена вся разнообразная и яркая палитра древних и средневековых источников по истории алан на различных языках народов Евразии. Интересанта может впечатлить один лишь перечень оригинальных источников, использованных автором. Это латинские, греческие, византийские, арабские, армянские, грузинские, каталонские, иранские, монгольские, русские, китайские, сирийские, еврейские. В общей сложности в книге содержится около 600 отрывков из 200 работ различных авторов на разных языках и из разных рукописных источников.

2. Фундаментальный труд А. Алеманя открывает новые возможности для развития алановедческих исследований. Автором собрано множество письменных свидетельств об аланах, дошедших до нас из минувших веков. Знакомясь с работой, невольно возникает ощущение путешествия по лабиринтам истории под умелым наставничеством высоко эрудированного ученого, большого специалиста по истории, культуре и языку алан, превосходно владеющего первоисточниками.

3. Содержание книги выходит за пределы простой констатации фактов и представляет собою весьма серьезную источниковедческую работу, в которой произведен критический анализ письменных источников, отражающих современное состояние исследований по обширному кругу проблем алановедения и существенно повышающий информативную отдачу источников. В результате такого удачного синтеза (источники+исследование)

впервые воссоздана широкая историческая панорама развития аланского общества на протяжении полутора тысячи лет.

4. Книга призвана стать ценным пособием для дальнейшего развертывания исследований и дискуссий по алановедению. С ее выходом, ученые-алановеды получили немалое количество недоступных прежде источников. Более того. Наряду с известными именами, которые всегда были на слуху у профессиональных ученых-исследователей, таких, как Сенека, Флавий Арриан, Лукиан, Страбон, Аммиан Марцеллин, Тацит и т.д., благодаря А. Алеманю читатель познакомится с целым пластом источников и авторов, которые до того были мало доступны исследователю, что также является свидетельством ценности этого издания.

Каждая из первых 15 глав книги начинается с краткого введения, в котором характеризуются публикуемые источники, даются их выходные данные. При этом А. Алемань публикует не только перевод из источника, в котором содержится сведения об аланах и других сарматских племенах. Автор книги дает каждому источнику критическую оценку, поправляет автора, если в этом имеется необходимость. В частности, он не согласен с Лукианом, путающим албанов с аланами, Иосифом Флавием, ошибочно считавшим Дарьяльский проход Каспийским, Г.В. Вернадским, увидевшим в первой части этнонима «роксоланы» термин *Русь*, Фредегаром¹⁷⁷, который считал Тразамунда¹⁷⁸, но никак не его деда Гейзериха царем вандалов и алан, перешедших в Африку в 429 г. Он также подвергает сомнению некоторые утверждения Б. Бахраха, о чем будет сказано ниже. В книгу вошли источники и мифологического характера, например, легенда о происхождении франков и др., которым автор дает соответствующую оценку. Исключительно

¹⁷⁷ Фредегар (Фредегар Схоластик; лат. *Fredegarius Scholasticus*, ? - около 660) - полулегендарный франкский летописец середины VII века. Единственное известное его сочинение - т. н. «Хроника Фредегара» - историческая хроника, описывающая события от сотворения мира и до времен, современных автору.

¹⁷⁸ Тразамунд (Трасамунд, Фрасамунд; ванд. *Thrasamund*) - король вандалов, правил в 496 - 523 годах. Сын Гензона, внук Гейзериха, брат Гунтамунда.

большую научную нагрузку несут весьма подробные комментарии, которые составляют чуть ли не половину объема солидного тома.

Еще одним показателем основательности труда является тот факт, что каждая из глав завершается «Ономастикомом», то есть своеобразным словарем имен. В нем рассматриваются встречающиеся в тексте главы сармато-аланские имена царей или известных личностей. В некоторых главах, особенно в латинских и греческих, анализируются и эпиграфические источники. Завершающая книгу 16 глава содержит хронологическую таблицу важнейших событий в истории алан, их историческую эволюцию с момента появления на арене истории со II в. до н.э. вплоть до XIV в. В этой же главе представлены сокращенные названия свода источников, журналов и справочных изданий цитируемых трудов, а также богатая библиография.

Для несведущего человека эта информация является излишней, я же привожу все эти подробности с единственной целью – обозначить масштаб этого труда, для того, чтобы человек, интересующийся проблемой, смог осознать насколько серьезно и глубоко автор взялся за исследование разрабатываемой проблемы. Если к вышесказанному добавить цитату В.Б. Ковалевской, в которой она говорит, «что собранные в антологии разноязычные авторы представляют историческую и литературную традиции столь далеко отстающих друг от друга стран как Римская империя и Китай, Иран и Монголия, Закавказье и Испания» [Алемань, 2003: 596], то без преувеличения можно говорить о важности и уникальности его труда.

От глаз внимательного исследователя не ускользнула и неравноценность публикуемого материала. Скажем, сопоставляя латинские источники I–IV вв. с источниками VI–IX вв., автор справедливо обратил внимание на многократные повторы и перепевы событий, случившихся до IV в. н.э. в работах авторов последующих столетий. Все тексты, за исключением нескольких авторов и источников, являются заимствованиями из более ранних авторов (ср.: гл. 4.19. с. 198–199 и гл. 4.23. с. 201), а порою буквально повторяют предыдущие сведения (гл. 2. с. 104 и гл. 4. с. 203). «Чем

дальше источники от эпохи переселения народов, – резюмирует А. Алемань, – тем более редкими и менее ценными делаются эти сообщения по интересующейся нас теме», то есть об аланах.

Во вводной главе автор книги разъясняет свое видение предмета обсуждения, то есть вопросов, связанных с аланами. Вслед за автором предисловия, крупным иранистом Р. Шмидтом, для которого книга А. Алеманя является не чем иным, как «введением в чарующий мир алановедения», А. Алемань видит в аланах предшественников современных осетин на Центральном Кавказе. У автора книги нет сомнения в том, что в классических источниках аланы – это те же скифы, сарматы или массагеты. Аланы для него – народ сарматской группы, «говоривший на одном из северо-восточных среднеиранских языков» [Алемань, 2003: 28]. К такому выводу ученый приходит на основании анализа привлеченных в книге разнообразных источников от Дальнего Востока до Атлантического побережья.

Вполне естественно, что различные исследователи пытались установить и этимологию названия аланы. Опровергая версии Аммиан Марцеллина (Аланская гора), Птолемея (гора), В. Томашека (чужеродный), А. Алемань считает, что в основе этнонима алан «лежит древнеиранское прилагательное *arya* (арийский), и со ссылкой на В.И. Абаева свидетельствует, что «осетины сохраняют этот древний этноним вплоть до сегодняшнего дня, но только в фольклоре в форме *allon* (др.иран. *aryana*)» [Алемань, 2003: 30-31]. В данном контексте А. Алемань отмечает, что единственный народ на Кавказе, происходящий от средневековых алан – это осетины, говорящие на двух диалектах: западноосетинский – дигорский и восточноосетинский – иронский. Ссылаясь на разные источники, А. Алемань считает топонимы *As*, *Aas*, *Assi*, *Jasz* имеющими непосредственное отношение к аланам.

Не было единства в рядах ученых и относительно этнонима *роксоланы*. Одни, к примеру, М. Фасмер, считали его производным из кавказских

языков, другие же, такие, как Г.В. Вернадский видели в первой части слова *рокс* этноним *русь* (рус+аланы). Однако, исходя из значения *рокс* в авестийском и осетинском, А. Алемань расшифровывает этноним роксоланы как светлые, блистательные аланы. В топониме *аорсы* (неудачно сопоставляемые некоторыми авторами с тохарским *арси* и китайским *яньцай*) А. Алемань видит производный этноним от термина *аланорсы*, т.е. белые аланы.

Что касается названия староосетинских племен, то наиболее древнее из них – *дигор* – согласно А. Алеманю восходит к древним кавказским народам, которые были поглощены аланскими группами при расселении на их территории [Алемань, 2003: 38]. Топоним *twaltæ* фиксируется в документах с VII в н.э., и по настоящее время этимология этого слова является спорной для исследователей. Согласно мнению автора какая-то ветвь аланов занимала территорию по соседству с кавказским народом «Двал» и заимствовала его название, что является еще одной гипотезой происхождения этого термина. Наиболее аргументированным является суждение по этому поводу Ю.С. Гаглойти, который доказал, что этноним *twaltæ* может быть только осетинского происхождения. При этом следует иметь ввиду, что территория верховья реки Большой Лиахвы примыкающая с юга к исторической Двалети, носит название Урстуалта (т.е. белые двалы).

Большую научную нагрузку несут материалы второй главы, под названием «Латинские источники», которые делятся на источники I–IV вв. и IV–V вв. и главы третьей, включающей в себя греческие источники. В них представлена целая плеяда античных писателей, писавших о Кавказе. Рассматриваемые источники информируют читателя о том, что первым из римских авторов упоминает алан Сенека (I в. до н.э. – I в. н.э.), а первые известные сведения о них дает Иосиф Флавий. В главах содержатся сведения об аланах, которые мало известны существующей исторической литературе. А. Алемань, вслед за Б. Бахрахом подтверждает предвзятое отношение

историка Иордана к аланам, который приписывал их заслуги в битве на Каталаунских полях (20 июня 451 г.) вестготам [Алемань, 2000: 187-193].

Высокую оценку дает А. Алемань сведениям об аланах, содержащимся в труде выдающегося римского историка Тацита и его труду «Германия», в котором дано подробное описание боспоро-римской войны 49 г. Весьма богаты источники, рассказывающие о вторжении алан в Западную Европу в IV–V вв. Еще одной особенностью данной работы является тот факт, что все важнейшие этапы истории алан в ней высвечены по уровню компетентности источников и авторов. Таким образом, А. Алемань подчеркивает компетентность разных авторов в освещении различных периодов истории. Кроме этого, помимо профессиональных историков в книге представлены авторы, которые исследуют небольшой исторический период, притом очень подробно и объективно. В книге приведены весьма интересные подробности о династии Аспаров-Ардабуриев, описанные в трактате Кандида Исавра¹⁷⁹, а также в главном труде Иосифа Флавия «О войне иудейской». Много любопытного можно узнать и о первом появлении алан на исторической арене в I в. н.э. (35 г.), об их этническом родстве со скифами. К примеру, Лукиан заостряет внимание на обычаях и традициях алан, о почитании ими дружбы, он же сообщает, что язык и одежда скифов и алан схожи.

Наиболее полной, на наш взгляд является вторая часть главы четвертой под названием «Средневековые латинские литературные источники в XIII–XIV вв.». Благодаря францисканским монахам, направившимся в Центральную Азию, много интересных сообщений о жизни алан оставили монахи-францисканцы Бенедикт Поляк, Ц де Бридиа, Плано Карпини, Гильом де Рубрук, Иоанн III, Шимон Кезаи (Шимон из Кезы), Марко Поло и др. Судя по публикуемым источникам и их анализу автором воссоздана история о массовом уходе алан на восток, о невольничьих рынках в итальянских колониях, об аланах, проживающих в Юаньской империи («есть

¹⁷⁹ Кандид Исавр - византийский историк V в., нотариус по профессии. Написал исторический труд о событиях от царствования Льва I Макелы (457-474)

там добрые христиане, называемые аланы, тридцать тысяч которых получает жалование от Великого царя», т.е. монгольского императора) [Алемань, 2003: 228], об уничтожении аланов (христиан) жителями города Чжэньчао, и последующее отмщение полководцем Баяном (1274 г.), описанное в сообщении Марко Поло [Алемань, 2003: 231], и т.д.

Не менее содержательна и интересна глава пятая, посвященная анализу византийских источников об аланах с VI по IX вв. и с X по XV столетия. Среди источников преобладают исторические сочинения Прокопия, Агафия, Менандра Феофана, Феофилакта, Анны Комниной, Иоанна Зонары, Никиты Хониак и др. Достойны особого внимания послание епископа Феодора Аланского, труды Константина Багрянородного, патриарха Николая Мистика и др. На протяжении многих столетий алано-византийские отношения были тесно переплетены и политически, и культурно. В источниках, опубликованных в этой главе, достаточно много материала об алано-византийских династических связях, о сотрудничестве, привлечении алан в борьбе против крестоносцев Западной Европы, о принятии христианства аланами в начале X в. и др.

Сведения об аланах в арабских источниках стали появляться с IX в. при правлении династии Омейядов в Дамаском халифате, когда в орбиту политических интересов арабов вошло Закавказье. Начиная с этого времени до XIV в. арабские источники содержат, как пишет А. Алемань, «изобильные сведения об аланах». Среди привлеченных 25 источников главы, наибольшую ценность представляют сведения величайшего ученого исламского средневековья Аль-Бируни, не менее известного ученого-путешественника Аль-Масуди, приводится известный текст еще одного автора Ибн-аль-Асира. Согласно ему, после первого столкновения татаро-монгол с аланами в союзе с кипчаками в 1222 г., Ибн аль-Асир приводит следующее обращение татаро-монгол к кипчакам: «Мы с вами одного рода, эти же аланы вам не родня, даже по религии они являются христианами, а вы другой веры» [Алемань, 2003: 337].

В главе седьмой под названием «Армянские источники» автор приводит всего 12 источников разной значимости. Наиболее ценную информацию об аланах содержат сведения армянской географии VII в. о народах, проживающих в регионе, а также хроники под авторством Мовсеса Хоренаци об алано-армянских исторических отношениях, о супружестве армянского царя Арташеса и аланской царицы Сатаник (II в. н.э.).

В главе «Каталонские источники» автор публикует интересный источник начала XIV в., в котором подробно изложен кровавый инцидент – убийство командующим контингентом аланских наемников на службе Византии Джиргоном вице-адмирала короля Сицилии Фредерика III Рожера де Флора, прибывшего в Константинополь на помощь императору Андронику II Палеологу во главе Каталонской Великой Компании. Как полагает А. Алемань, мотивом для расправы послужила кровная месть: убийство годом раньше сына Джиргона во время ссоры с каталонцами (альмогаварами) [Алемань, 2003: 394]. Этот же случай описывает византийский историк, философ и богослов Никифор Григора (ок. 1295 – ок. 1360 гг.) в своей «Истории Ромеев»: «Когда он сделал это, царь вспылал от гнева, который впрочем, давно уже таил на Рожера в душе, а воины, в значительном числе окружавшие Михаила, обнажив мечи, тут же возле царской ставки изрубили Рожера, а вместе с ним и некоторых из его спутников» [Григора, 2013: 145]. В данной книге Никифор Григора иногда называет алан массагетами.

Что касается главы «Грузинские источники», то новых, незнакомых для русскоязычного специалиста сведений об аланах в ней нет. Взаимоотношения между Грузией и Аланией-Осетией насчитывают не одно тысячелетие. Важнейшие события об аланах-осетинах и их взаимоотношениях с грузинами содержатся, прежде всего, в известном историческом памятнике «Картлис Цховреба», который в свою очередь состоит из семи отдельных трудов. Сведения этого источника также весьма ценны, хотя и требуют критического подхода. В главе о грузинских

источниках, хотелось бы выделить подраздел Ономастикон, который невероятно богат по сравнению с другими главами. В нем автором даны разъяснения 27 аланским антропонимам (Анбазук, Борена, Давид, Уобос, Саурмаг, Пареджан и др.).

Первый параграф главы, ссылающейся на иранские источники, содержит пехлевийские и парфянские эпиграфические памятники. Находясь в зените своего могущества, Парфянское и Сасанидское царства распространяли свое влияние на Иберию и Армению, их экспедиционные отряды достигали и Дербента. В сохранившихся с той эпохи эпиграфических памятниках упоминаются как собственно аланы, так и «Ворота алан» (Дарьяльские ворота). Более содержательна вторая часть главы, состоящая из произведений классической персидской литературы (Фирдоуси, Низами, Хакани, Кей-Кавуса ибн Искандара), в которой также содержится немало интересных пассажей об аланах, и географический трактат 982 года неизвестного персоязычного автора. Полное название этого сочинения звучит как *«Худуд ал-‘Алам мин ал-Маширик ила-л-Магриб»*, или «Границы мира с востока на запад», посвящает аланам отдельную главу под названием «Рассуждения о стране Аллан и его городах». В частности, в ней отмечается, что аланы являются христианами, но среди них имеются и идолопоклонники, что у них тысячи крупных селений, что часть народа живет в горах, часть на равнине. Вероятнее всего речь здесь идет об Алании до татаро-монгольского нашествия [Алемань, 2003: 467].

Глава о монгольских источниках небольшая. Документы повествуют подробности о компании татаро-монгол в 1236-1242 гг., о покорении алан войсками Батыея, о захвате аланского города Магас царевичем Мункэ, об аланах (асудах) и их предводителе Аругтайе. Автор также ссылается на монгольские литературные источники вроде «Тайной истории монголов», и монгольские хроники [Алемань, 2003: 481].

В главе «Русские источники» русско-осетинские отношения представлены в «Повести временных лет», Ипатьевской, Лаврентьевской

летописях за период с X–XIII вв. (походы Святослава, Ярославля, Ярополка на алан и др.). Русскоязычному исследователю эти источники знакомы, но в данном случае автор снабдил их соответствующими комментариями.

В подборке главы «Сирийские источники» наше внимание особо привлекла «Хроника 1234 года», в которой сказано: «Среди 15 языков, которые имеют буквы и письменность, 6 произошли от Иофета – греки, иберы, франки, армяне, миды и аланы» [Алемань, 2003: 509]. Другой автор Захарий Ритор (V–VI вв.), описывая кавказские земли, сообщает о пяти аланских городах.

Первое упоминание об аланах (юэчжи) встречается в китайских источниках во II в. до н. э. Помимо этнонима юэчжи аланы на востоке были известны еще под именем усунь. Аланскими считались государства Лю и Янь. Что касается государства Яньцай, то оно получило название Алань, а его столица переименовано в Аланьяо. А. Алемань несомненно прав, подчеркивая, что сообщения китайских источников нуждаются в дополнительном изучении в силу того, что некоторые из них слишком гипотетичны, хотя довольно длительное пребывание алан в Юго-Восточной Азии не должно вызывать сомнения [Алемань, 2003: 510].

Различные разделы и главы этого труда очень схоже характеризуют алан («народ очень воинственный», «отважный народ», «искуснейшие в военном деле», «самый воинственный среди народов Кавказа»), о том, что и далеко за пределами своей страны они не забывали о чести и достоинстве, свято соблюдали их. Так, турки, количеством до двухсот человек, организовали засаду на выкупленного из плена византийского императора Исаака Комнина. Узнав об этом, сопровождавший императора аланский наемник Арават призвал своего товарища по имени Хаскарис «вместе с ним сойти с лошадей и стрелами встретить врагов. «Ибо будет постыдно, – сказал он, – если благородные и отважнейшие мужи подвергнутся опасности в присутствии аланов, позор падет тогда на весь аланский народ» [Алемань, 2003: 307]. Источники дают богатую информацию и о границах Алании, о

гостеприимстве и религиозных представлениях, об обычаях, в частности, о кровной мести. Приведу лишь одну иллюстрацию к сказанному. В конце XII в. Фессалоника, второй город в византийской империи, был захвачен крестоносцами, которые не щадили никого из врагов, наполнили улицы и притворы храмов мертвыми телами. Среди погибших было немало алан – местных жителей и наемников. Спустя некоторое время, император Исаак II Ангел (1185-1195 гг.) разбил захватчиков, отогнал их от города и затруднил им посадку на корабли. Как пишет Никита Хониат¹⁸⁰ «многие из них, не найдя своих кораблей, были настигнуты в смятении блуждающими у предместий Фессалоники и погибли различным образом, более всего от рук аланских наемников» [Алемань, 2003: 311]. Аланы были верны дружбе (Не из-за денег мы послушались его, но ради нашей дружбы с Василевсом) [Алемань, 2003: 271].

Труд профессора Алеманя производит прекрасное впечатление. Его можно цитировать бесконечно. Вместе с тем, тщательное знакомство с представленными в книге источниками позволяет высказать некоторые не совсем стандартные мысли по поводу его исследования. Профессор Агусти Алемань сделал нечто большее, чем просто научную работу. Трудно представить себе весь массив описанных документов и источников, объем обработанной и систематизированной автором информации. Конечно же, не все источники и документы по аланам представлены в этом труде. Но автор и не ставил своей задачей детально описать каждый исторический артефакт. Представляется, что задача его была в совершенно ином. Профессор Алемань выстроил легкую, стройную систему, которая позволяет исследователям легко ориентироваться в ней, а при необходимости – дополнять и расширять ее, и с этой задачей автор справился блестяще. Он максимально облегчил работу будущим исследователям, которым всего лишь остается вставлять недостающие пазлы в аланскую мозаику, которую так скрупулёзно собрал

¹⁸⁰ Никита Хониат (др.-греч. *Νικήτας Χωνιάτης*) или Никита Акоминат (др.-греч. *Νικήτας Ακομινάτος*) (1155, Хоны - 1213, Никея) - византийский историк, писатель, ритор.

Агусти Алемань. Пожалуй, стоит начать заполнять эту интересную мозаику.

Итак:

1. Бросается в глаза недостаточное использование в книге русскоязычных источников и литературы по аланам. Из огромной литературы, накопившейся за последние два столетия, библиография на русском языке включает всего лишь 24 названия. При этом из работ ведущих алановедов в библиографию включены лишь по одному труду. Так, известный алановед З.Н. Ванеев в библиографии представлен только монографией «Средневековая Алания», а другие его работы по аланам («Исторические известия об аланах-асах», «Об этногенезе осетинского народа» и др.) обойдены стороной. Помимо вошедшей в библиографию монографии «Аланы и вопросы этногенеза осетин», Ю.С. Гаглойти является автором десятков статей в научных сборниках. Он же – автор двух солидных публикаций источников об аланах: «Алано-Георгика», «Сведения грузинских источников об осетинах» (Журнал «Дарьял», 1992-1995) и «Сборник сведений древних и средневековых источников об аланах-ясах», также печатавшийся в том же журнале «Дарьял» в 1999-2000 гг. В то же время стоит отметить, что основные труды В.И. Абаева прекрасно представлены в различных комментариях к статьям и указаны библиографии.

2. Можно объяснить неполное использование русскоязычной литературы об аланах тем, что автор не в достаточной степени владеет языком. Этот вопрос вполне может быть компенсирован дополнительными исследованиями в будущем. Еще один вопрос, нуждающийся на наш взгляд в дополнении, это более полное описание исторических источников и трудов древних и средневековых авторов, из которых не полностью извлечены материалы об аланах. В своей рецензии на рассматриваемую книгу Ю.С. Гаглойти подробно и аргументировано иллюстрирует сказанное следующим образом: «весьма существенные основополагающие для раскрытия темы пассажи не вошли в книгу из работ знаменитых античных авторов Страбона (первые достоверные упоминания алан к югу от

Кавказского хребта, содержание термина «кавказцы»), Плиния Старшего (идентичность племени талы-туалы-двалы, глубокая древность пребывания сарматов на Центральном Кавказе), Диона Кассия (идентичность этнонимов алан и языги), Аммиана Марцеллина (о восточных аланах)» [Гаглойти, 2010: 750-756]. Публикуя отрывки из известного грузинского источника «Картлис Цховреба», в книге не упоминается весьма важная «Столетняя летопись» или «Жамтаагмцерели» – источник XIV в. и другие летописи, касающиеся пребывания алан-осетин в Грузии, особенно в XIII в. Не представлена в книге как следует известная «Армянская география», которая содержит интереснейшие сведения о расселении аланских племен на Центральном Кавказе. Рассматриваемое исследование можно также было бы дополнить изданными во Франции еще в середине XIX в. работами В. де Сен-Мартена *Études de géographie ancienne et d'ethnographie asiatique* (2 volumes), Paris, Arthus-Bertrand 1850–1852: и *Description historique et géographique de l'Asie mineure* (2 volumes), Paris, Arthus-Bertrand 1852.

3. Обращает на себя внимание следующий пассаж из подраздела «Истории монгольских вторжений»: «Багатар произвел набеги на Картли, пока не потерпел поражение от мтавара Бека, и вынужден был отступить в крепость Дзама, которую захватили незадолго до этого. Бека осадил крепость и после длительной борьбы Багатар сдался и был казнен» [Алемань, 2003: 420]. В «Картлис Цховреба», на которую ссылается автор, говорится лишь о том, что после схватки Багатар укрылся «непосрамленным» в Дзамской крепости, в которой и скончался через некоторое время. Помимо этого, в подразделе «Грузинские источники» не упоминаются следующие документы:

а. Эпитафии Шарагаса (Алано-Георгика с.30); II-III вв., и ономастика из эпиграфики на кольце Алана Бакура (Балахванцев, Николаишвили, Перевалов и др.).

б. Тексты: X в. Обращение Картли (Мокцевай Картлисай); XIII в. Жизнь великой царицы царей Тамары; XIII в. Жизнь великой царицы царей Тамары; XII-XIII вв. Чахрухадзе «Тамариани»;

с. В Истории Вахтанга, встречается следующее интересное географическое уточнение автора: «Тут цари овсетские собрали своих воинов, призвали силы из Хазарии и встретили (грузин) у реки, что проходит сквозь Дариалан и разливается по овсетской равнине. Эту реку также именуют Арагви, ибо с одной горы берут начало Арагви Картлийская и Арагви Овсетская» [Джуаншер, 1986: 64]. В комментариях указывается, что «Овсетская равнина» – это, очевидно, среднее междуречье Уруха и Сунджи, которое в сравнении с высокогорьем верховий Ардона и Терека, на которое, надо полагать, ориентировался Джуаншер, действительно, производит впечатление равнины». Еще один комментарий определяет реку Арагви Овсетскую: «Под названием «Арагви Овсетская» здесь, очевидно, имеется в виду верховье р. Терека. Терек и Арагви, действительно, берут начало с одного хребта. Другое название Терека по грузинским источникам Ломеки» [Джуаншер, 1986: 64];

d. В Летописи Картли, описывается эпизод с бегством Феодосия через «Двалетию»: «Но царь абхазов Феодосий выступил супротив него и стал в Кверцхоби. Проведав об этом, Буга выставил против (Феодосия) спасалара своего Зирака и Баграта, – сына Ашота куропалата. Схватились и обратили абхазов вспять, погибло множество людей. Царь Феодосии бежал по Двалетской дороге» [Летопись, 1982: 49]. В комментариях к данному пассажиру указывается, что «Двалетская дорога – известный по древнегрузинским источникам магистральный путь, связывавший Закавказье с Северным Кавказом, в частности с Овсети (Аланией)».

e. В «Житие Царя царей Давида», помимо эпизода покорения и примирения кипчаков и осетин [Алемань, 2003: 418], можно было бы привести и нижеследующий абзац, который также весьма информативен, хотя бы потому, что, как и в первом абзаце четко проводит грань между Осетией и «Половецкой землей»:

«Ужели и льва обвинят в таковых, ибо не по-обезьяньи взирает, и не по-куничьи дрожит? ... Ужели и урод обвинит зеркало, ибо лицо его ясно

показывает? Негодные и недостойные не его, но самих себя да обвиняют. Если же нет, что за человек был он, столь правдиво взвешивающий дела и познающий обстоятельства, под сенью которого собраны народы, племена и языки, цари и государи Осетии и Половецкой земли, Армении и Франции, Ширвана и Персии, по видению Навуходоносора...» [Жития ... , 1998]. В целом, материалы по алано-грузинским отношениям в публикациях Ю.С. Гаглойти пятикратно превосходят объем публикуемой главы о грузинских источниках.

f. На наш взгляд в описании генеалогического древа осетинского царевича Сослана-Давида, помимо версии, подчеркивающей его принадлежность к династии Багратионов, стоило бы указать на то, что в трудах Ю.С. Гаглойти и в специальном исследовании Г. Тогошвили «Сослан-Давид», эта историческая фальшивка была полностью разоблачена.

4. Латинские источники довольно подробны, они знают алан с момента их появления на исторической арене вплоть до крушения Алании в конце XIV в. Однако в главе 4. «Средневековые латинские источники» представлены лишь источники с VI по IX вв. и с XIII-XIV вв., отсутствуют материалы, датированные X-XII вв. В этой связи возникает вопрос: неужели период расцвета Алании никак не отразился в латинских источниках? Возможно, требуются более тщательные поиски, и именно этот факт может служить еще одним стимулом для будущих исследователей качественно дополнить труд маэстро Алеманя.

В перечень документов XIV в. можно было бы добавить сообщение Ивана Шильтбергера «О том, как ясы празднуют свадьбу»: «У грузинцев (*gargetter*) и ясов (*Iassen*) есть обычай, что, пред выдачею замуж девицы родители жениха условливаются с матерью невесты о том, что последняя должна быть чистая дева, чтобы в противном случае брак считался несостоявшимся. Итак, в назначенный для свадьбы день невесту приводят с песнями к постели и кладут ее на оную. Затем приближается жених с молодыми людьми, держа в руках обнаженный меч, и ударяет им по постели,

пред которую садится потом с товарищами и с ними пирует, поет и пляшет. По окончании пира они раздевают жениха до рубахи и удаляются, оставляя новобрачных наедине в комнате, к дверям которой является брат или кто-нибудь из ближайших родственников жениха, чтобы сторожить с обнаженным мечом. Если окажется, что невеста уже не была девою, то жених извещает об этом свою мать, которая приближается к постели с несколькими подругами для осмотра простыни. Если на них они не встречают искомым ими знаков, то печалются. Когда же утром являются родственники невесты для праздника, мать жениха уже держит в руке сосуд, полный вина, но с отверстием на дне, замкнутым ее пальцем. Она подносит сосуд матери невесты и снимает палец, когда последняя хочет пить, так – что вино выливается. «Такова точно была твоя дочь!» – говорит она. Для родителей невесты это большой срам и они должны взять обратно свою дочь, так как условливались выдать чистую деву, а дочь их не оказалась такою. Тогда священники и другие почетные лица заступаются и убеждают родителей жениха спросить своего сына – хочет ли он, чтобы она осталась его женой. Если он соглашается, то уже священники и другие лица приводят ее к нему снова. В противном случае их разводят, и он возвращает жене приданное, подобно тому, как и она должна возвратит платья и другие подаренные ей вещи, после чего обе стороны могут вступить в новый брак. Этот обычай также существует в Армении. Грузинцы (*gorgiten*) называются у язычников Гурджи (*Kurtsi*); Ясы же – Ас (*Affs*)» [Брун, 1867: 109, 110].

Еще один текст от путешественника Иоанна де Галонифонтибуса под названием «Сведения о народах Кавказа», датированный 1404 г., в следующем пассаже вновь упоминает алан: «В этой стране много христиан, а именно: греки, разные армяне, зики, готы, таты, воляки, русские, черкесы, леки, йассы, аланы¹⁸¹, авары, казикумухи и почти все они говорят на

¹⁸¹ В рукописи: *assi et alani* (в том же самом значении), так как ясы (осетины) являются остатками аланов, принадлежавших к иранской языковой семье. Генетическое родство между северокавказскими аланами и осетинами было отмечено В. Ф. Миллером (Осетинские этюды, I–III. М., 1881–1887). Ср.: К. Цегледи. Цит. раб., стр. 30–39; Н. Волкова. Цит. раб., стр. 101–121, в части, где упоминаются венгерские ясы.

татарском языке [Галонифонтибус, 1980: 9]. Далее, описывая Грузию, Галонифонтибус отмечает: «Протяженность этой страны равна двадцатидневному путешествию, и она заселена неплотно. Здесь живут различные народы, такие, как грузины, армяне, сарацины и евреи, которые имеют дело с торговлей. На границах, в горах, живут двали, аланы, осетины¹⁸² и другие. Доминиканцы и францисканцы многих в этой стране обратили в христианство, и они имеют в этом регионе несколько колоний» [Галонифонтибус, 1980: 9].

5. Польский хронист и дипломат Ян Длугош (1415-1488 гг.) в своем 12 томном сочинении, известном, как «*Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae*» (Хроники славного королевства Польши), называемом еще и «Хрониками Длугоша», вслед за «Повестью временных лет» (Новгородская летопись) XII в. упоминает место под названием Ясский торг на реке Прут, впоследствии город Яссы: «Также *Dzesza*, исток которой близ города *Drochun*, впадение в Прут – близ Ясского Торга, или Филистимского форума» [Щавелева, 2004: 215]. Еще одно название поселения – Филистимский форум связано с именованьем венгерских ясов в венгерской латиноязычной письменности «филистимлянами» (*Philisteni*).

Помимо прочего, Ян Длугош, о котором упоминалось выше, продолжает европейскую культурную традицию, изложенную в «Истории Бриттов» (*Historia Brittonum*) хрониста Ненния, написанной в Уэльсе в 829-830 гг., которая возводила мифического Алана из рода Яфета в прародители многих европейских народов: «Первый же человек из рода Иафета, который прибыл в Европу с тремя своими сыновьями, звался Аланом. Имена их [сыновей Алана] следующие: Исикион, Арменон, Негнон¹⁸³. Третий сын Алана, именно Негнон, имел четырех сыновей, имена которых таковы: Вандал, от которого прозвались вандалы, именуемые ныне поляками, и который по своему имени решил назвать Вандалом реку, что ныне на

¹⁸² В рукописи: *Assi*.

¹⁸³ В Истории Бриттов третьего сына Алана звали не Негнон (*Negno*), а Негвой (*Negua*).

народном языке зовется Вислой ... Второй сын Негнона – Тарг, третий – Саксон, четвертый – Богор. И так до Исикиона, первородного [сына] Алана произошли франки, римляне и прочие латины и алеманны. От второго сына Алана произошли готы и лангобарды. А от Негнона, третьего сына, – разные народы по всей Европе, а именно вся Русь, до самого востока, Польша, крупнейшая из всех земель, Поморье, Кашубия, Швеция, Сарния, которая теперь зовется Саксонией, и Норвегия» [Щавелева, 2004: 213, 214].

6. В «Новой хронике или истории Флоренции» флорентийского хрониста Джованни Виллани (1276-1348) дважды говорится о влахах, куманах, а также ещё об одном народе причерноморских степей – аланах. Вначале, при перечислении стран, которые покорили татары, он упоминает «Аланию, Куманию и Валахию, всего до Дуная». Затем, описывая битву у Крессенбрюна в 1260 году, Виллани утверждает, что венгерский король в войне против владетеля Чехии рассчитывал на помощь соседних народов. «Куманы, валахи и аланы, в основном язычники» [Узелац, 2015: 237-248].

7. Патриаршая или Никоновская летопись XVI в. упоминает ясов, нанятых ханом Мамаем для битвы против Дмитрия Донского в следующих строчках:

«И глаголаше ему, утешающе его советницы его: «видиши ли, великий княже, паче же великий царю, Орда твоя оскудела и сила твоя изнемогла; но имаши богатства и имения без числа много, да наимствовав Фрязы, Черкасы, Ясы и другия к сим да воинства соберещи много и отомстиши кровь князей своих, и алпаутов своих, и друзей своих и любовников своих» [Полное собрание ... , 1897: 46].

8. Упоминают Аланию и Центурии Мишеля де Нострадамуса (1503–1566 гг.). Так, в 54 катрене V центурии можно прочитать следующие строки великого предсказателя:

V 54

Du pont Eunixe & la grand Tartarie,

Vn Roy sera qui viendra voir la Gaule,

*Transpercera Alane & I'Armenie,
Et dans Bisance lairra sanglante Gaule.*

Английский перевод текста, приведенный там же, гласит:

*From beyond the Black Sea and great Tartary
There will be a King who will come to see Gaul
He will pierce through Alania and Armenia
And within Byzantium will he leave his bloody rod.
[Nostradamus ... , 2018: 132].*

Переведенный на русский язык текст может выглядеть следующим образом:

*От Черного моря до Великой Татарии
Найдется царь, который придет посмотреть на Галлию
Он пронзит Аланию и Армению
И в Византии оставит свой кровавый скипетр.*

В комментариях под текстом сказано, что Нострадамус почти наверняка имел ввиду монгольских захватчиков под предводительством Чингизхана, на повторное появление которого он указывает в этих строках. В этот раз нашествие из Центральной Азии или «Великой Татарии» достигнет Франции, пронзив на своем пути Украину (некогда населенную аланами) и Армению, и явится причиной массовых убийств в Византии и Константинополе.

9. Еще один источник, который бы, бесспорно, украсил труд А. Алеманя – это историческое сочинение персидского историка Шереф-ад-дина Йезди под названием Зафар-наме, или Книга побед. Этот труд, описывающий биографию Тамерлана, был написан на фарси по заказу его

внука в первой половине XV в. (1425 г.). Рассказывая историю Тимура, историю его противостояния с Тохтамышем, автор никак не мог обойти алан, которые активно присутствовали на политической карте того времени. Приведенные ниже абзацы из этого труда, в которых описывается, в том числе и несомненно заслуживают внимания исследователей. Итак:

«Имена тех из рода Чингиз-хана которые царствовали в Дешт-и-Кипчаке. Всех царей из рода Чингиз-хана, правивших в Дешт-и-Кипчаке до сего времени, 32. 1) Джучи, которому по приказу отца принадлежали области Хорезм, Дешт-и-Хазар, Булгар, аланы и те пределы; между ним, Чагадаем и Угедаем постоянно была вражда. Он умер шестью месяцами раньше Чингиз-хана. 2) Бату, сын Джучи, которого Угедай-каан, с сыном своим Гуюком, с Менгу, сыном Тули, с Булганом, Бури и Байдаром, сыновьями Чагадая и с большим войском отправил в область, находившуюся под властью его отца. Всею этой областью до (земли) асов, русских, черкесов, до Крыма, Азака и Булгара они овладели через некоторое время, после многих битв. К городу М.к.с. (Магас. – А.Ч.), куда вследствие множества леса (даже) ветру трудно было пробраться, царевици, срубив со всех сторон деревья, проложили дорогу такой ширины, что на ней могли двигаться 4 встречные телеги. Они осадили город и после взятия (его) отдали приказание об общем избиении и сказали, чтобы у убитых отрезали правое ухо и представляли его. Было насчитано 270 000 (ушей). Когда настала весна, и они управились с делами улуса кипчаков и аланов, то они с огромным войском двинулись на покорение (земли) келаров и башгирдов, жители которой были христиане, и страна которых прилегает к (владениям) франков. [Сборник ... , 1941: 145];

«Рассказ о выступлении Тимура на войну против Токтамыш-хана и об одержании победы при помощи божией. Так как злая судьба, которую непреложное перо начертало на челе несчастий и бедствий, привела Токтамыш-хана к тому, что он, забыв все милости и попечения Тимура, отважился на неблагодарность, то он собрал со всего улуса Джучи, доставшегося ему лишь благодаря помощи и содействию Тимура, огромное

войско. Стих: «Из русских, черкесов, болгар, кипчаков, аланов, (жителей) Крыма с Кафой и Азаком, башкирдов и м.к.с. собралось войско изрядно большое». С такою неподдающею счету армией, превосходившей число древесных листьев и дождевых капель, в конце 790 г. (30XII, 1388), соответствующего году крокодила, в начале зимы двинулся он против Тимура». [Сборник ... , 1941: 156];

Рассказ о движении пышного поезда (Тимура) к горе Эльбурз. Когда мысли Тимура успокоились от дел с областью русских и черкесов, то он со всеми, подобными небосводу, войсками повернул к горе Эльбурз ... В намерении покорить неверных знамя, мир завоевывающее, направилось на Буриберди и Буракана, который был правителем народа асов. На этом пути находились леса. Вырубив деревья и проложив дорогу, (Тимур) оставил эмира Хаджи-Сейф-ад-дина при обозе, а сам с целью джихада взошел на гору Эльбурз. В горных укреплениях и защищенных ущельях у него было много стычек с врагами веры и во всех делах победоносное войско (его), согласно обещанию «поистине наши войска будут победителями», одержало победу, многих из тех неверных, предав мечу джихада, отправили в огонь геенны, разорили их крепости, и милостью судьбы для победоносного войска стала несметная добыча из имущества неверных. Возвратясь победоносно оттуда после похвальных трудов и с бесчисленной добычей, (Тимур) остановился в высочайшей орде. Эмир Хаджи-Сейф-ад-дин, остававшийся при обозе, устроил пир и задал царское угощение [Сборник ... , 1941: 181];

«Рассказ о возвращении Тимура из Дешт-и-Кипчака и северных стран. Когда все области Дешт-и-Хазара, правое и левое крыло улуса Джучиева и прочие северные страны были покорены, когда подобные небосводу войска, сделав набег на области и места того края (земли) Укека, Маджара, русских, черкесов, башкирдов, Микес, Бальчимкина, Крыма, Азака, Кубани и аланов со всем к ним принадлежащим и относящимся, – выказали свою силу и полную власть, а из врагов те, которые остались в живых, оказались бродящими, растерянными и бездомными, Тимур-завоеватель в начале весны

798 г. (16.X.1395 – 4.X.1396), соответствующего году мыши, благополучно выступил из зимовья Бугазкум и направился в сторону Дербенда и Азербайджана» [Сборник ... , 1941: 185].

10. В главе «Монгольские источники», рассказывая о вторжении в 1222 г. монголо-татар на Кавказ, А. Алемань пишет, что, разгромив грузинские войска Георгия IV Лаша, полководцы Джэбэ и Субэдей «прошли через Дербент и нанесли поражение коалиции алан, лесгов, черкесов и кипчаков» [Алемань, 2003: 480]. Однако если говорить о коалиции, то она состояла, прежде всего, из двух племен: алан и кипчаков. Лесги были к тому времени разгромлены, а о черкесах как участниках коалиции источники не знают вовсе. Вот что пишет очевидец тех самых событий, арабский ученый Ибн аль-Асир в известной работе «Совершенная хроника», вошедшей в настоящий сборник «В 619 г.х./1222, после нападения на лесгов, татары двинулись на территорию алан. Узнав об этом, те обратились к кипчакам за помощью, и вместе с ними встретили захватчиков в сражении» [Алемань, 2003: 337]. Далее следует цитата из известного письма монголов кипчакам, ставшая поводом к предательству половцами хана Котьяна алан.

11. Весьма любопытны следующие литературные источники, которые были бы интересны исследователям. Так, у Низами в поэме «Хосров и Ширин» упомянуты войлочные ковры из дальней Алании:

*«Вкруг шахского шатра, что в средоточье стана,
Разостланы кошмы из дальнего Алана»* [Низами, 1983: 118].

В еще одной поэме Низами под названием Искандернаме, отмеченной у А. Алеманя, аланы являются активными участниками действия, проходящего фоном жизнеописания Александра Македонского. Следующие литературные пассажи я привожу в дополнение к изложенной у автора информации [Алемань, 2003: 471–473]:

*«Повелитель! В Абхазии толпища русов.
Помоги, государь! Набежали враги,*

*Полонили весь край! Помоги! Помоги!
Из аланов и арков полчным отрядом
Вся страна сметена, словно яростным градом.
И враги всю Дербентскую заняли высь,
И до моря по рекам они добрались. [Низами, 1986: 358];*

*Пред веленьями звезд неизбежными встал,
Он семи племенам быть в указанном месте
Приказал и убрал их, подобно невесте.
И хазранов, буртасов, аланов притек,
Словно бурное море, безмерный поток.
От владений Ису до кыпчакских владений
Степь оделась в кольчуги, в сверканья их звений. [Низами, 1986: 369];*

*Так сверкали, как магов сверкают огни.
Хазранийцы – направо, буртасов же слева
Ясно слышались возгласы, полные гнева.
Были с крыльев исуйцы; предвестьем беды
Замыкали все войско аланов ряды.
Посреди встали русы. Сурова их дума:
Им, как видно, не любо владычество Рума! [Низами, 1986: 376];*

*И алан прискакал. Он звался Ферендже.
Чтил он жбан, чтил он кровь на булатном ноже,
И, держа на плече свою палицу, разом
Он смущал всех бойцов, похищал он их разум.
Вскинул палицу рус, многомощен, угрюм,
Вскинул палицу воин, являющийся Рум.
Словно дверь отомкнула железные створы,
И меж створ бились воины, яростны, скоры.*

И когда неусталый постиг Ферендже,
 Что стоит его враг на предсмертной меже,
 Он смертельной своею взмахнул булавою,
 И румиец на землю упал головою.
 И алан, окровавив румийца чело,
 Ввысь чело свое поднял. Изведавший зло
 Многих лютых боев, битвы знающий дело,
 Грозный витязь Армении, быстро и смело
 Поражавший врагов, – тот, что был во главе
 Всех армянских бойцов, достославный Шарве,
 Меч свой быстрый взнеся, что с двумя остриями,
 Меч, прославленный многими злыми боями,
 На алана погнал своего скакуна.
 Из меча брызжет молния. Злобна она.
 Понял рус: этот меч бьет и быстро и точно, –
 И свой щит укрепил у предплечия прочно.
 Но ударил Шарве, и вспорхнула, спеша
 Из разломанной клетки, алана душа. [Низами, 1986: 385, 386];

Снова свод бирюзовый меж каменных скал
 Вырыл яхонтов россыпь я свет разыскал.
 И алан в поле выехал; биться умея,
 Не коня оседлал он для боя, а змея.
 Даже семьдесят сильных, воскликнув «увы»,
 Приподнять не сумели б его булавы.
 Он бойцов призывал. Не прибегнув к усилью,
 Он всех недругов делал развеянной пылью.
 Хаверанцев, иранцев, румийцев на бой
 Вызывая, он стал их смертельной судьбой.
 Но вчерашний боец, с ликом, скрытым от взгляда,

*Вновь на русов помчался из крайнего ряда.
 Натянул тетиву он из кожи сырой,
 И кольцо злого лука он тронул стрелой.
 Не напрасно стрелу он достал из колчана:
 Этой первой стрелой уложил он алана.
 Распростерся алан, как индийский снаряд,
 Со стрелою внутри... [Низами, 1986: 392];*

*Встали многие сотни, щитами блистая.
 Искендер был в середине. Как сумрачен он!
 Конь хуттальский под ним, будто яростный слон.
 А буртасы на той стороне, и аланы,
 Словно львы, бушевали, взволнованны, рьяны.
 С барабаном свой гул грозный колокол слил. [Низами, 1986: 400];*

*Приказал государь принимавшим добычу
 Сдать немедля добычу считавшим добычу,
 Чтоб о множестве кладов, о ценных мехах,
 О буртасах, аланах, о всех племенах
 Доложили ему, чтоб хотя бы примерным
 Был подсчет всем сокровищам, столь беспримерным. [Низами, 1986:
 419].*

Примечательно, что в ряде мест поэмы Низами, в одной строчке упомянуты буртасы и аланы. Г.Е. Афанасьев в ряде своих работ доказывал, что буртасы восточных источников это аланы салтово-маяцкой культуры на Дону (**фурд-асы* «речные аланы»), которых в свое время хазары выселили из Кисловодской котловины [Афанасьев, 1984; Афанасьев, 1985; Афанасьев, 1987].

12. В архивах СОИГСИ ВНЦ РАН хранится некий документ, выдержки из которого, послужили бы прекрасным дополнением к работе уважаемого ученого. Он называется *Cronaca veneta del maestro Martino da Canale dall' Origine della citta sino all' anno MCCLXXV*, или же «Венецианская хроника Мартина де Канале с основания до 1275 года», текст которой был напечатан в «Archivio Storico Italiano» Т. VIII., Firenze. 1845. Отрывки из глав CCC и CIV (стр. 651 и 655) приводят следующие любопытные сведения: «Великий голод настал в Италии в лето от воплощения господа нашего Иисуса Христа 1268-ое. Сильно вздорожали в Венеции жизненные продукты ... (далее на протяжении нескольких страниц Канале описывает с негодованием поведение жителей Падуи, Тревизы и Феррари, отказавшихся помочь голодающей Венеции и доставить ей хлеб) ... но государь Лоренцо Тьеполо, дож Венеции, отправил свой корабль морем за 1500 миль от Венеции и повелел закупить хлеб в изобилии и раздать его по всему своему государству ... что вам расскажу я? Татары, Аланы, Зихи, Руссы, Турки Армяне и Греки дали в ту пору хлеб венецианцам» [Венецианская, ф. 4, д. 2]. Не смотря на кажущуюся простоту сообщения, оно довольно информативно, так как подчеркивает, что аланы в то время были в состоянии оказать помощь венецианцам.

Позволим себе ограничиться этими дополнениями. В заключении лишь отметим, что книга профессора Агусти Алеманя призвана стать основополагающим пособием для дальнейшей классификации алановедческих штудий. Невероятно богатый материал собранный, проанализированный и систематизированный автором, существенно расширяют горизонты этих исследований, и свидетельствуют о том, что возможности для восполнения имеющихся пробелов в истории всего индоевропейского мира не исчерпаны. «Некоторые другие народы, – отмечает А. Алемань, – достигли большей известности или совершили более масштабные подвиги, однако интерес к аланам объясняется тем, что за исключением нескольких отдельных эпизодов, они едва ли изменились за

всю свою историю, а их культура, восходящая непосредственно к скифо-сарматам, может иллюстрировать различные аспекты жизни индо-иранского кочевого народа недавнего прошлого и, благодаря своей архаичности, помочь в понимании более ранней стадии индоевропейского мира в целом» [Алемань, 2003: 22].

Фундаментальное исследование А. Алеманя, наряду с «Научной грамматикой осетинского языка» А. Шёгрена, «Осетинских этюдов» В. Миллера, трудами В.И. Абаева, Ж. Дюмезиля и алановедческими исследованиями В.А. Кузнецова, займет подобающее место в ряду самых выдающихся исследований по осетиноведению, а имена их авторов навечно будут вписаны в летопись истории осетинского народа.

4.5. Аланы: украинский взгляд. О.Б. Бубенок

Украинские ученые всегда выделялись своей фундаментальной школой иранистики, что вполне естественно и логично. Целая россыпь уникальных скифских курганов, сарматских и аланских захоронений, расположенных на территории современной Украины, особенно в Северном Причерноморье просто обязывала украинских ученых, связывающих прошлое своего народа со скифо-аланским наследием, более пристально, чем кто-либо изучать вопрос. Ю.А. Кулаковский, М.С. Грушевский, А.Е. Крымский, Б.Н. Мозолевский и многие другие ученые внесли существенный вклад в становление и развитие иранистики в Украине.

Среди современных ученых, имеющих непосредственное отношение к иранистике как научному направлению, стоит отметить О.Б. Гуцуляка, К.Ю. Рахно, А.В. Вертиенко, К.В. Тищенко, Р.Р. Гамада, А.А. Шокало и др. И все же в Украине есть автор, работы которого в контексте озвученной темы хочется отметить особо. Заведующий отделом Евразийской степи Института востоковедения им А.Е. Крымского НАН Украины, доктор исторических наук Олег Борисович Бубенок давно и последовательно

исследует вопросы, связанные с пребыванием древних иранцев на арене истории. Библиография ученого весьма впечатляющая. Она насчитывает пять полноценных монографий, более чем 250 статей по теме, и представлена такими работами, как «Ясы южнорусских степей» (М., 1995), «Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.)» (Киев, Логос, 1997), «Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.)» (Киев, Истина, 2004), «Від Аттіли до Чингіз-хана (алани і тюркомовні номади Євразії)» (Біла Церква: Видавець Пшонківський О. В., 2012), «Аланы-ясы в Саркеле – Белой Веже» (МАИЭТ. – Симферополь, 2001. – Вып. VIII) и др. Помимо алан в сферу интересов ученого входят хазары, тюрки и адыги. Не обходит автор и проблему этногенеза осетин. В таких своих статьях, как «Чому осетини не називають себе асами» (Східний світ, № 1: 1995,) и «Осетины на Южном Кавказе: Аборигены или пришельцы» (Кавказ&Глобализация, Т.1 (4): 2007), автор высказывает спорные на наш взгляд суждения о прошлом и политическом настоящем Осетии. Но речь сегодня не об этом.

Нет необходимости обозревать весь спектр работ О.Б. Бубенка, остановимся лишь на кратком обзоре двух его знаковых монографий. Первая работа, которая вышла за авторством ученого в 1997 г. в Киеве, в издательстве «Логос», является его кандидатской диссертацией. Монография О.Б. Бубенка под общим названием «Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.)», осталась малозамеченной в научных кругах, хотя поднимаемые в ней вопросы заслуживают тщательного внимания. В контексте освещения проблемы ясов южнорусских степей автор книги по-новому раскрывает ряд спорных вопросов этнической истории народов, населяющих обширный ареал, включающий в себя пространство между Восточной Европой и Средней Азией.

В своей монографии О. Бубенок предлагает несколько иной взгляд на некоторые вопросы, связанные с историей и бытом ираноязычных племен юга России и Северного Кавказа, которые в исторической литературе из-за недостаточной изученности вопроса представлялись в не совсем верном

свете. Речь идет о народе, который в древнерусских летописях был известен под именем ясов, в восточных хрониках это были асы, а европейцы называли их аланами. Взавшись за изучение этой задачи, О. Бубенок написал первое комплексное исследование, посвященное ираноязычным народам, локализованным на юге Восточной Европы, в которой рассматриваются, в том числе и вопросы их этнической идентификации, а также изложена история алан, проживающих в южнорусских степях. Хронологические рамки рассматриваемого вопроса затрагивают начало VI в., когда после гуннского нашествия произошло резкое изменение этнического состава этих территорий, вплоть до монгольского нашествия в начале XIII столетия. Исторические документы, охватывающие этот 700-летний промежуток, казалось, забыли об аланах, которые жили в степях Северного Причерноморья и в бассейнах рек Волга и Дон. При изучении документов той эпохи складывалось впечатление, что эта часть алан была на грани исчезновения, если не исчезла полностью. В этой связи главной заслугой О. Бубенка, автор предисловия, известный американский историк-востоковед О.И. Прицак справедливо видит в научно-обоснованном опровержении сложившегося необоснованного представления, в доказательстве обратного: «с VI по XIII в. иранский элемент в степях Восточной Европы был представлен значительно шире, чем предполагалось ранее» [Бубенок, 1997: 5].

В чем же видится научное значение этой работы? На наш взгляд автор, впервые в исторической литературе, с привлечением большого массива источников, письменных, этнографических и археологических, дал вполне логическое объяснение внезапному «исчезновению» ираноязычного населения из ареала в обозначенный временной промежуток. Итак. Вопреки устоявшемуся в исторической науке ложному представлению об исчезновении ираноязычного населения в степях Северного Причерноморья и бассейна рек Волги и Дона, О. Бубенок доказал, что ираноязычные племена никуда не исчезли из половецкой степи. Поменялось лишь их этническое

название. То есть этническое имя ясов в летописях начала XIII в. окончательно вытесняется этнонимом бродники, которые, по сути являются теми же аланами-асами. Ученый опроверг сложившееся представление о бродниках как остатках древне-славянского населения южнорусских степей [СИЭ, 1962: 748] и доказывает, что бродники изначально представляли собой этнос восточноиранского происхождения.

Бродники представлены в исторических хрониках крайне скудно. Так, византийский историк Никита Хониат (Акоминат) (1155-1213) в своем главном труде «История», в которой рассказывается об истории Византии и соседних с ней народов в промежутке с 1118 по 1206 гг., утверждал, что бродники – это ветвь тавроскифов [Князький, 2003: 258-259]. Рассказывая о войне с болгарами в 1180 г., он пишет: «Куманы народ доселе не поработенный, негостеприимный и весьма воинственный и те Бродники, презирающие смерть, ветвь Русских (в подлиннике «*ταυρωσχυθῶν*» (тавроскифы. – А.Ч.) но этот термин Никитой Акоминатом употребляется, как и другими греческими авторами, в смысле русских) и они, народ, повинующийся богу войны, соединившись с варварами, живущими на Гемосе склонились при их поражении и погибли» [Мавродин, 2002: 348]. В.В. Мавродин называет их «загадочными» [Мавродин, 2002: 348], и тут же подчеркивает, что они не тюрки: «За это говорит, во-первых, то, что они христиане (воевода их целует крест во время осады их лагеря у Калки татарами), а во-вторых, имя их воеводы – Плоскиня, звучащее по-русски» [Мавродин, 2002: 348]. Бродники были смешанным населением степей Причерноморья, занимавшим едва ли не весь огромный край от Приазовья и Тмутаракани до Побужья, и жили «где-то рядом с половцами» [Мавродин, 2002: 348]. О том, что их было не так уж мало, свидетельствует тот факт, что бродники были прекрасно известны в соседних землях и, в частности, в Венгрии, что отразилось в документах того времени. В частности, согласно им, венгерские миссионеры проповедают в двух смежных странах, в

«Кумании» и «Бродинии» или в «Кумании и областях Бродников» [Мавродин, 2002: 349].

Изучив и переработав большой объем литературных источников, прежде всего археологических, О. Бубенок поставил по-новому и такие дискуссионные вопросы, как: «о первоначальном сармато-аланском происхождении ныне тюркоязычных протоболгар», и «формирование хазарского этноса при непосредственном участии потомков сармато-аланов до гуннской эпохи» [Бубенок, 1997: 19].

Несомненной заслугой ученого можно считать и тот факт, что впервые в литературе им утверждается, «что потомки сарматов и аланов, могли принять участие в этногенезе протоболгар, хазар, печенегов, татар-мишарей, чувашей, восточных славян, мордвы и других народов» [Бубенок, 1997: 173]. При этом «следы воздействия аланов были отмечены не только в особенностях языка, но и в идеологии, хозяйственных и культурных традициях тех этнических общностей Волго-Донья и Северного Причерноморья, процесс формирования которых имел место еще в домонгольскую эпоху» [Бубенок, 1997: 173]. Для обоснования вышеприведенных тезисов, автором была проработана вся существующая вокруг проблемы источниковая база, в которой он больше всего акцентировал внимание на археологии. Монография привлекает к себе внимание еще и тем, что в качестве доказательной базы автором довольно широко были использованы нетрадиционные источники: данные о материальной и духовной культуре (вплоть до культуры земледелия, одежды, головных уборов и эпоса), обычаи не только ираноязычных скифо-сармато-алано-осетин, но и славян (украинцев и южных русских), средневожских угрофинов (чуваша, мордва-мокши), татар-мишарей, буртасов, которых связывало друг с другом многовековое соседство.

В этом потоке сравнительно-этнографического материала имеются и некоторые неточности, с которыми трудно согласиться. Так, полагаем, что нет достаточного основания возражать Г.А. Кокиеву и Л.А. Чибирову

[Бубенок, 1997: 156], которые считали адыгейский и осетинский равнинные тип жилища заимствованными соответственно от украинского и южнорусского. О том, что равнинные осетины строили свои дома по образцу русских, свидетельствует и название домов появившиеся в равнинной части во второй половине XIX в. Они так и назывались – *уырыссаг хадзар*, букв. русский дом [Калоев, 1971: 135]. Еще одно иносказательное значение слова *хадзар* – гроб, могила. Украинское *хата* так же имеет три значения – комната, дом, могила. То же самое значение у персов имеет понятие *ката* – дом и могила.

Еще одна блестящая монография О.Б. Бубенка под названием «Аланы-Асы в Золотой Орде (XIII–XIV вв.)», изданная в Киеве в 2004 г., дает четкое представление о научной концепции ученого, и его позиции по актуальным вопросам иранистики. Эта монография выделяется, прежде всего, солидным объемом (26 а.л.), значимостью и основательным освещением представляемых в ней проблем. Не берясь за подробный анализ многовекторного, основательного труда О.Б. Бубенка в силу того, что автор охватывает и освещает в ней широкий круг вопросов, мы, тем не менее, попробуем дать общую оценку этой весьма интересной работы.

Приятное впечатление о работе в целом создается уже при знакомстве с введением, ибо представленная в книге источниковедческая база исследования, а это и нарративные, археологические, антропологические, этнографические, языковедческие и другие источники, весьма богата и разнообразна, и более того, осмыслена автором достаточно критически. Все это в сочетании с использованием таких методов исследования как историко-критический, сравнительный, типологический и др. позволяют О.Б. Бубенку достичь поставленной цели. Ученым впервые запущен в научный оборот археологический материал, прекрасно иллюстрирующий позднейших аланов Золотой Орды за пределами Северного Кавказа. Монографию также украсили тематические карты и иллюстрации.

Обращает внимание широта тематического охвата. Монография состоит из двенадцати глав. Вслед за введением и историографическим обзором исследуемой темы, проанализированной и введенной в научный оборот богатейшей литературы, автор ставит ряд вопросов, которые раскрывает в следующих главах: «Аланы и монголы во времена Чингисхана», «Экспансия монголов в Восточной Европе и на Северном Кавказе после вторжения 1235 г. и ее последствия для аланов-асов», «Походы Тимура против Золотой Орды в конце XIV в. и изменение этнополитической ситуации на Северном Кавказе», «Термины алан и ас в этнической номенклатуре народов Евразии и вопросы этногенеза населения Центрального Кавказа». Далее следуют главы об интеграции аланов-асов в монгольскую империю, судьбе хорезмийских алан, позднейшем ираноязычном населении Волго-Донья, Северного Причерноморья, горного Крыма, Северо-Западного Причерноморья, подраздел о ясах Венгрии. Завершается монография историческими параллелями между традиционной культурой потомков алан-осетин и народами европейской степи.

Автором монографии рассмотрен довольно широкий круг вопросов, касающихся исторических судеб алан в наиболее драматический период их истории, предложены научно-обоснованные суждения и оценки, критически осмыслен господствовавший в исторической науке СССР марксистский подход к историческим процессам, когда ведущей доминантой являлся классовый подход, характер способа производства и другие догмы. Характеризуя алан в период становления в Монголии власти Чингисхана, автор акцентирует внимание на их широком расселении в XIII–XIV вв. на просторах Евразии, верно расценивая его как следствие татаро-монгольского нашествия на Аланию. Причины поражения алан в противостоянии с монголами (последствия политической зависимости от хазар, раздробление Алании на уделы, плохо контролируемая огромная территория от границ Дагестана до течения р. Кубань), О.Б. Бубенок считает объективными, ибо они вытекали из самого хода развития аланского общества, ставшего к этому

времени, согласно свидетельству католического миссионера, доминиканца Юлиана обществом, представляющем смесь христианства и язычества, где «имеется сколько местечек, столько и князей, из которых никто не считает себя подчиненным другому» [История, 1939: 444].

К достоинствам книги О.Б. Бубенка можно отнести и тот факт, что автор запустил в научный оборот большое количество материалов по топонимии, этнонимии, гидронимии из фондов иранистики и осетинского языка (Калка, Судак, Саваг, Крым, Казань, Бендер, бродники, Сауран и т.д.), которые оказались для него весьма удачным подспорьем, как дополнительная аргументация при изучении и освещении проблем этногенеза племен ираноязычного мира. Обращают на себя внимание также представленные автором подробные сведения о начальном периоде распространения христианства среди алан. Так, опираясь на данные археологии и письменных источников, О.Б. Бубенок приходит к выводу, что «аланы Крыма в VIII–IX вв. перешли в христианство, т.е. на несколько столетий раньше, чем северокавказские соплеменники» [Бубенок, 2004: 193].

В монографии впервые детально проиллюстрирован факт участия позднейших алан в этногенезе народов Восточной Европы. Речь идет об аланах, расселившихся на огромной территории, входившей в Улус Джучи. Письменные источники также зафиксировали алан на восточных границах, в районе Хорезма, «в городах и поселениях Нижней и Средней Волги, Подонья, Северного Кавказа, Нижнего Приднепровья, Восточного Крыма, Днепровско-Прутского междуречья» [Егоров, 1985: 26-74]. При этом автор исследует не только причины и цели миграции алан, но и то, как складывалась их жизнь на новом месте. Оказавшись изолированными небольшими группами в среде различных этносов, аланы подверглись ассимиляции и слились с ногайскими, казанскими, крымскими татарами, греками (урумами), со славянскими переселенцами, приняли участие в этногенезе молдаван [Бубенок, 2004: 294]. Аналогичные процессы имели место и с аланами Средней Азии, где произошла их ассимиляция с

туркменами, узбеками, каракалпаками и другими тюркоязычными народами. Помимо анализа литературных источников, прийти к такому заключению автору позволили широкие параллели с фольклором, этнографией, лингвистикой и антропологией уцелевших поздних алан в лице осетинского этноса и вышеупомянутых народов.

О.Б. Бубенок не разделяет позицию некоторых своих коллег, которые утверждают, что «со времени военных походов (монголов. – А.Ч.) аланы были частью побиты, частью укрылись в горах, частью ушли на восток», считает ее утрированной, и на страницах своей монографии доказывает, что «со времени военных походов во многих случаях монголы проявляли определенную лояльность по отношению к местному оседлому населению Северного Кавказа, Средней Азии и Восточной Европы» [Бубенок, 2004: 293]. Все это, согласно ему, делалось не из симпатии к покоренным территориям и народам их населяющим, а только лишь потому, что это отвечало стратегическим интересам монголов, которые были расписаны в Великой Ясе Чингисхана. При этом автор подчеркивает, что завоеватели были лояльны лишь к тем из покоренных народов, кто изъявлял покорность и переходил в их стан, то есть на службу в монгольскую армию. Поголовному истреблению подвергались те племена (в их числе и аланы) которые оказывали им упорное сопротивление. «Аланы же, не оказавшие сопротивление монголам, успешно интегрировались в военно-административную и социально-экономическую структуру Монгольской империи, отношение золотоордынских правителей к аланскому населению в мирное время отличалось лояльностью и прагматичностью» [Бубенок, 2004: 293]. Верность этого тезиса в монографии О. Бубенка не вызывает возражения. В качестве примера можно привести два случая из истории похода хана Батыя на Русь. Город Козельск, который в 1238 г войска Батыя взяли спустя только семь недель после тяжелой и кровопролитной осады, они прозвали «злым». Истребив всех, кто им попался под руку, монголы

разрушили город. В то же самое время жители богатого торгового города Углич откупились от монголов и тем самым спасли город и себя от насилия.

На основе анализа богатейших источников и литературы, автором пересмотрены некоторые, казавшиеся устоявшимися в науке исторические события. В частности считалось, что аланы пришли в Ясшаг вместе с половцами хана Котяна Сутоевича после разгрома их Батыем в 1238 г. Аргументация ученого, не согласного с одновременным заселением обоими этносами Венгрии и пришедшему к заключению о том, что ясы переселились в Венгрию массово и в разное время, на рубеже XIII–XIV вв. [Бубенок, 2004: 264], весьма интересна (в действительности орды хана Котяна кочевали на значительном удалении от Северного Кавказа и др.), хотя приводимые им в другом месте свидетельства о проживании значительной части алан в рассматриваемое время в Пруто-Днестровском междуречье [Бубенок, 2004: 250], немного смущают.

К несомненным достоинствам монографии следует отнести и подробное описание маршрутов и целей похода Батыя. Форсировав Волгу в 1238 г., хан Батый свой первый удар направил против Северо-Восточной Руси и Нижнего Поволжья, покорив которые, он двинулся на степи Северного Кавказа и Нижнего Подонья, сокрушил Западную Аланию, затем Восточную и другие анклавные территории с аланским населением в различных частях Восточной Европы и Северного Кавказа. Во время четырех походов Тимура конце XIV в., проходивших в период с 1395–1396 и 1400 гг. Тимур буквально стер с лица земли Аланию, завершив, тем самым начатое Батыем. Об этом разгроме остались свидетельства современников событий, прежде всего Шараф ад-Дина. Расправившись с народами, оказавшими ему наиболее сильное сопротивление, Тимур тем самым существенно изменил этнополитическую ситуацию на Северном Кавказе. В заочной дискуссии с оппонентами, автор придерживается позиции тех коллег, которые связывают окончательную гибель Алании с нашествием Тимура. Тимур, исходя, прежде всего из личного конфликта с ханом Золотой Орды Тохтамышем подверг

избиению народы, выступившие против него на стороне Тохтамыша. Так, в 1394 г., после оскорбительного ответа Тохтамыша на письмо Тимура, войска последнего выдвинулись из Шеки, прошли через Дербентский проход, и вступили в область *кайтаков* – народа, который населял эти земли, и был активным сторонником Тохтамыша. Союзничество с Тохтамышем в глазах Тимура было веским основанием для того, чтобы он отдал приказ о полном их истреблении. Кайтаки как народ были уничтожены, выжившие были взяты в плен, а все их селения были сожжены [Греков, Якубовский, 1950: 364]. Такая же участь впоследствии постигла алан. Шараф ад-Дин Али Йазди, автор исторического сочинения Зафар-Наме (Книга Побед), посвященного деяниям Тамерлана пишет: «Счастливый Сахибкиран с целью газавата отправился в сторону Бориберди и Барокана, которые были правителями племени асов. На той дороге были леса, вырубая лес, прокладывали дорогу. Хаджи Сайф ад-дин-бека оставил в обозе и с целью джихада отправился к горе Эльбурз. Тамошние крепости были в горах, поэтому шли по недоступным ущельям и дрались с религиозными врагами ... Убили многих неверных, разрушили их крепости, взяли бесчисленное имущество и, вернувшись с победой, присоединились к августейшему лагерю» [Шараф ад-Дин, 2008: 201–203]. «К городу м.к.с.¹⁸⁴ – продолжает Шараф ад-Дин – куда вследствие множества леса (даже) ветру трудно было пробраться ... проложили дорогу такой ширины, что на ней могли двигаться четыре встречные телеги. Они осадили город и после взятия (его) отдали приказание об общем избиении и сказали, чтобы у убитых отрезали правое ухо и представляли его. Было насчитано 270 000 (ушей)» [Тизенгаузен, 1941: 145]. Л.Н. Гумилёв писал, что «гулямы брали их крепости, а защитников, связав, сталкивали в пропасть. Шла уже истребительная война» [Гумилёв, 2018: 627]. Логика Тимура здесь была понятна, прагматична и проста: после разгрома орд Тохтамыша в битве на Тереке 15 апреля 1395 г. он не собирался останавливаться на Кавказе, ему надо было идти дальше, на север, и вполне

¹⁸⁴ Магас. – А.Ч.

естественно, что Тимур не мог допустить волнения в тылу своих войск. Ограждая свои войска от неожиданных нападений тех же алан, Тимур прагматично зачищал тылы.

История человечества насчитывает много примеров беспредельной жестокости того или иного завоевателя. К примеру, в 1221 г. сыновья Чингисхана Джучи, Чагатай и Угэдей вырезали все население столицы Хорезмийского царства Ургенч и города Мерва, уничтожив в этих двух городах более трех миллионов человек, половина из которых приходилась на город Ургенч [Буниятов, 1986: 152-153]. Задолго до Чингисхана другой завоеватель, Александр Македонский которого также принято называть Великим, потопил в крови и сжег дотла столицу империи Ахеменидов город Персеполис [Мортимер, 1972: 3-42], а также Сарды, вырезав при этом сотни тысяч людей в Согде [Арриан, 1962: 130-153]. Массовые казни населения с выстраиванием пирамид из отрубленных голов сопровождали походы арабского полководца Кутейбы ибн Муслима, который в начале VIII в. завоевал Среднюю Азию [История ат-Табари, 1987: 125-145]. Татары Поволжья и Сибири до сих пор передают из поколения в поколение истории о жестокости отрядов Ермака Тимофеевича и Ивана Грозного. Таким образом, действия Тимура в Алании ли, Багдаде, Исфахане и т.д. очень точно вписывались в изложенную выше тенденцию. Показательна история взятия Багдада «в воскресенье двадцать седьмого зуль-каъды (09.07.1401)» Шараф ад-Дин пишет: «Поступил приказ: «Каждому воину принести по одной голове!» Воины, услышав этот приказ, отправились за доставкой голов. Базар политики стал настолько жаркими, что палач приравнивал восьмидесятилетнего старца к восьмилетнему младенцу. Тавачи ходили и, собрав головы, построили башни. Это было сделано в назидание другим, чтобы, сговорившись с джиннами, не пошли по неверному пути, а знали пределы дозволенного» [Шараф ад-Дин, 2008: 286].

И в то же время Тимур любил играть в шахматы, возводил в Самарканде сады, известные как «сады Амира Темура», и строил

обсерваторию для своего внука Улугбека, собирая при этом в свою столицу звездных со всего завоеванного мира. Можно говорить о лояльности Чингизидов и Тимуридов к учёным, науке и искусству, но не стоит забывать и то, что при взятии Багдада 12 февраля 1258 г. войсками хана Хулагу, ими был полностью разрушен «Дом Мудрости» – величайшее собрание древних книг сравнимое по значимости только лишь с Александрийской библиотекой. Хранившиеся же в нем книги были выброшены в реку Тигр. П. Сайкс пишет, что грабежи и массовые убийства в Багдаде, который был центром мусульманского мира, продолжались неделю. «... уничтожение бесценной библиотеки и художественных ценностей, накопленных за многие годы, в течение которых Багдад был столицей халифов-Аббасидов, и убийство многих ученых нанесли ужасный удар по мусульманской цивилизации. Приведу цитату из Брауна: «Вероятно, никогда еще столь великая и великолепная цивилизация не была так быстро пожрана огнем и залита кровью» [Сайкс, 2021: 183].

Несомненно, что жестокость, особенно показательная в те времена была нормой. Если какого-то короля или правителя в народе прозывали «Добрый» это значило, что его правление не удалось. Но монголы своей прагматичностью действительно изменили мир. Они впервые связали между собой на постоянной основе Китай и Западную Европу. С тех пор эта связь не прерывалась никогда. В античные времена подобные контакты были единичными, посредством цепи посредников, которые передавали китайские товары, в основном шелк на Запад, и серебро с римских рудников на Восток. При монголах же была установлена постоянная торговая, дипломатическая и технологическая связь между Китаем и формирующейся цивилизацией городов Западной Европы. Символом этой связи может выступать Марко Поло, который совершал свои путешествия с 1271 по 1291 г., но который, конечно же был не единственным европейцем, посетившим Каракорум. Это движение работало и в обратную сторону. В ряд с Марко Поло можно поставить и монгольского посла Раббана бар Сауму, который путешествовал

на Запад с дипломатической миссией в Европу. Саума добрался до Лондона, и английский король Эдуард I принимая его, встал, чтобы отдать дань уважения Великому Хану, а с другой чтобы принять причастие из рук Саумы который был священником, христианином несторианского толка [Уэзерфорд, 2019: 307]. Ибн Батута совершал свои путешествия с 1325 по 1355 годы от Сахары до Тихого океана в абсолютной безопасности, и эти путешествия без *pax mongolica*¹⁸⁵, были бы невозможны. По своему влиянию на формирование цивилизации периода возрождения монгольский мир можно сравнить только с римским миром. Способствуя обмену товарами и идеями между различными частями известной на то время Ойкумены расширяя при этом кругозор людей монголы как раз-таки способствовали возрождению Европы и были предшественниками современной глобализации.

Временные перерывы в глобальном сообщении на континенте, установленном монголами привели к тому, что европейцы принялись искать новые дороги в Китай взамен перекрытых войнами и смутами. Так, Колумб плыл на Запад в поисках страны Великого Хана, и при этом руководствовался книгой Марко Поло «О разнообразии мира», на страницах которой сделал около семидесяти пометок. Монголы установили железный порядок и спокойствие на торговых караванных путях Евразии. Именно поэтому экономика стран, захваченных монголами начала быстро восстанавливаться и демонстрировать симптомы роста. Монголы не препятствовали тому, чтобы на всей подвластной им территории была распространена свобода мысли и идей, лишь бы они приносили пользу. Джек Уэзерфорд в своей книге «Чингисхан и рождение современного мира» заметил, что монголов нисколько не волновало, совпадает ли их астрономия с библейским канонem, придерживаются ли их писцы классических принципов первых китайских мандаринов, и одобряют ли мусульманские

¹⁸⁵ *Pax mongolica* (с лат. — «монгольский мир» — по аналогии с *Pax Romana*) — термин, принятый в европейской историографии для обозначения влияния монгольского завоевания на социальные, культурные и экономические стороны жизни народов Евразии, завоёванных Монгольской империей в XIII и XIV веках. Также монгольским миром называют влияние на торговлю и связь и период относительного мира, последовавший вслед за монгольским завоеванием.

имама их живопись. Мир монголов действительно был свободен от костных религиозных канонов и штампов, которые довели над любой другой цивилизацией. Ситуация, когда Коперник боялся опубликовать свое открытие о том, что земля круглая потому, что на это косо смотрели католические прелаты в монгольской империи была невозможна. Да и знали они про открытие Коперника задолго до самого Коперника. Для Хубилай Хана первые глобусы изготавливали уже в 1269 г. [Уэзерфорд, 2019: 307-332].

Монголы сделали очень много для того чтобы распространить технические достижения великой китайской цивилизации по всему миру. Они принесли в Европу три главных технологии – порох, книгопечатание и компас. Во время своих походов монголы уже применяли пороховые смеси во время осады и для прорыва фортификационных сооружений, что поразило европейцев. Арабы также заимствовали порох от монголов. Роджер Бэкон, который в конце XIII в. «изобрел» в Англии черный порох сделал открытие самостоятельно, но он знал, что он хочет открыть, потому что информация о порохе в Европе уже была. В 1260-х годах, за двести лет до изобретения Гуттенберга, при Хубилай хане существовали уже монгольские типографии, которые печатали ханские указы, и даже книги, используя при этом старомонгольский алфавит. В Китае книгопечатание не получило такого развития как в Европе, по вполне практическим причинам, так как 6000 иероглифов печатать сложнее нежели тридцать-сорок букв. Бумага как носитель информации пришла в Европу после монгольского нашествия и под прямым воздействием монголов, которые на этой самой бумаге писали письма европейским монархам. Хан Батый написал королю Беле IV более 30 писем, а хан Гуюк передавал папе Римскому письма на бумаге через своих послов и т.д. [Уэзерфорд, 2019: 307-332].

И, тем не менее, для Алании встреча с чингизидами, особенно с Тимуром закончилась катастрофой. Точно так же, как обернулось катастрофой для Ахейской Греции Дорийское вторжение (XIII–XII вв. до

н.э.), как закончился крахом для классического Рима переворот Одоакра, так же, как завоевание Константинополя в 1453 г. турками-османами под предводительством султана Мехмеда II привело к концу Византийской империи. В истории сохранилось много подобных примеров, и, естественно, масштабы и последствия таких катастроф разнятся в зависимости от политического и культурного значения, а также наследия государственных образований, подвергшихся агрессии. Однако, последствия подобных агрессивных действий, как правило, всегда одинаковы.

Разделяя в целом выводы, предложенные автором, мы, вместе с тем, полагаем, что О.Б. Бубенок слишком смягчает трагические последствия нашествия монголов в Аланию в 1238-1240 гг. Автор отмечает, что при монголах положение аланов, впрочем, как и других завоеванных народов, было не столь тяжелым, как представляется другим ученым, что отношение золотоордынских правителей к аланскому населению в мирное время отличалось лояльностью и прагматичностью [Бубенок, 2004: 92, 103]. В этой связи он упрекает и видного осетинского историка З.Н. Ванеева, который пишет о катастрофических последствиях похода Батыя на Аланию [Бубенок, 2004: 36]. Но это действительно была катастрофа, которая, как было сказано выше, полностью изменила этнополитическую ситуацию на Кавказе, Татарское нашествие разрушило в Алании вполне развитую, несмотря на внутреннюю разобщенность, раннефеодальную государственность. И на этот раз разгром был полным. Аланы были уничтожены не только как политическое образование, но и как этническое целое, следствием чего стало и то, что сам этноним *алан* почти полностью исчезает из использования в исторических источниках.

Можно согласиться с Л. Гумилёвым, который писал, что «аланы, или ясы – предки осетин и потомки воинственных сарматов были народом многочисленным, но очень старым. В фазе этнического подъёма роксоланы остановили римские легионы в Паннонии; в фазе надлома аланы были разбиты гуннами и частью отступили в Испанию, частью расселились по

предгорьям Кавказа и переждали там тяжелое время; в инерционную фазу аланы приняли греческое христианство, и за это пострадали от хазарских царей ... аланы утратили пассионарность предков настолько, что не могли удержать бывшую у них культуру и государственность ... Потому они не могли ни быть угрозой для соседей, ни организовать оборону при вражеском вторжении. Надо полагать, что среди них сохранились геноносители, потому что какая-то часть алан, отошедшая на склоны Кавказского хребта, сохранилась и доныне. Аланы не имели никакой государственной организации и потому не были способны к сопротивлению» [Гумилёв Л.Н. Черная легенда. М., 2014: 125-126]. В любом случае, после нашествий монголов аланское этнокультурное и военное наследие, мозаика, которая была рассыпана по всему миру вследствие участия алан в миграционных процессах, оказалась окончательно разрушенной. Такая же судьба постигла, к примеру, и народы, проживающие на территории современного Ирана. Так, исследователи расценивают нашествие монголов на государство Хорезмшахов в период с 1220 по 1258 гг. как беспрецедентную катастрофу, во время которой могли быть убиты 70-90 процентов его населения.

Как и любой подобный основательный труд, книга О.Б. Бубенка не свободна от некоторых недочетов и упущений, особенно в суждениях этногенетического характера, которые можно сформулировать в следующих вопросах:

1. Наиболее уязвимой стороной монографии, на наш взгляд, является глава «Термины «алан» и «ас» в этнической номенклатуре народов Евразии и вопросы этногенеза населения Центрального Кавказа». Так, серьезное возражение вызывает суждение автора о дигорцах и туаллах. Ссылка на В.И. Абаева считавшего этнонимы дигор, ирон и туал не иранского происхождения, и их отсутствие в источниках за пределами Кавказа, дали основание автору квалифицировать дигорцев и туаллов, как изначально местные кавказские племена, на которых распространяется иранский язык и многие элементы пришедшей кочевой культуры [Бубенок, 2004: 75, 89]. В то же

время автор книги противопоставляет дигорцев ираноязычным аланам и асам как носителей другого языка, автохтонных обитателей Кавказа, которые впоследствии забыли свой язык и заговорили на языке алан. Концепция ученого сводится к следующему: «До XIII в. в Западной Алании (Асия) и Дигория были населены племенами различного происхождения, господствующее положение среди которых занимали ираноязычные асы; последние начали распространять свой язык на местных кавказских горцев-туальцев и дигорцев. После событий XIII в. определенная часть асов погибла. Значительное большинство покинуло страну. Уцелевшие после вторжения Тимура незначительная часть асов приняли участие в формировании карачаево-балкарского и дигорского этносов (далее ссылка на Калоева о переселении отдельных групп асов с территории Балкарии и Карачая в Дигорское ущелье ... В XIV в. часть кавказо-аланского населения Карачая и Балкарии уже была ассимилирована продвинувшимися туда кипчаками. Этот процесс на территории прежней Азии особенно усилился после 1395 г. когда асы высокогорья современной Балкарии пострадали от Тимура горцы-дигорцы, принимали в свою среду асов, как и их соседи-туальцы-аланов. Однако дигорцы, благодаря своей географической обособленности смогли избежать процесса тюркизации, в этом их основное отличие от карачаевцев и балкарцев. Дигорцы, вследствие присутствия в среде их ираноязычных асов, усвоили от последних иранский язык, что в конечном итоге привело к тому, что они стали одним из подразделений современного осетинского этноса» [Бубенок, 2004: 89].

Так каков же был язык автохтонных дигорцев до усвоения ими аланского языка, и каковы были причины их ухода в Западную Аланию? Почему с Западной Аланией связывается не граничащая с ней горная Дигория? Да, дигорцы в результате их обособленности избежали тюркизации, но они жили рядом с тюркскими племенами уже не в горах Дигории, а в Западной Алании. Если «неиранский» народ, дигорцы смогли

усвоить иранский язык, то почему этого не удалось другому иранскому народу, или тем же карачаевцам и балкарцам?

Предположим, что суждения автора верны. Получается, что данный процесс должен был быть прерван в первой половине XIII в. с нашествием татаро-монголов на Аланию, когда значительная часть асов была уничтожена или изгнана, а уцелевшие ираноязычные асы должны были принять участие в формировании карачаево-балкарского и дигорского этносов. По автору после событий XIII в. горцы-дигорцы, принимают в свою среду асов, как и их соседи туальцы-аланов. Однако, дигорцы, благодаря своей географической обособленности смогли избежать процесса тюркизации. В этом их основное отличие от карачаевцев и балкарцев. Дигорцы, согласно автору, вследствие присутствия в их среде ираноязычных ясов, усвоили от последних иранский язык, что в конечном итоге привело к тому, что они стали подразделением современного осетинского этноса (!?). Как быть в таком случае с хрестоматийными истинами из истории дигорской части осетинского этноса? Как быть с сираками (предками дигорцев) и аорсами (предков иронцев), которые после боспоро-римской войны 49 г. слились в единый аланский народ? Как быть с фундаментальными работами В. Миллера, В. Абаева, Т. Камболова и др., которые доказали наибольшую архаичность дигорского диалекта осетинского языка? Как быть с известной Зеленчукской надписью X в., которая высечена на могильной плите задолго до войны с татаро-монголами, и аккуратно коррелируется с дигорским языком? Как быть с утверждением авторитетного алановеда В.А. Кузнецова, который пишет о принадлежности дигорского диалекта осетинского языка к числу более древних языков скифо-сарматского мира и возводящий дигорский этногенез на территории Прикубанья к сарматскому племени сираков? [Кузнецов, 2014: 156]. Большая часть слов в знаменитом Яском глоссарии легко сопоставляется с современным осетинским языком, особенно с его архаичной формой – дигорским диалектом.

На наш взгляд О.Б. Бубенок должен был опровергнуть фактами устоявшееся научное положение, согласно которому уцелевшие жители захваченной монголами хана Батыея Западной Алании нашли убежище в Дигорском ущелье, но им этого не было сделано. Не соответствует истине и утверждение О.Б. Бубенка об автохтонности туалов. До сих пор не прекращаются споры о происхождении двалов (осетинские туал – туаллаг. – А.Ч.), хотя более аргументированно выглядит утверждение Ю.С. Гаглойты, который относит их к осетинской этнотерриториальной (племенной) группе горной зоны Центрального Кавказа [Гаглойты, 2014: 110].

В октябре 1966 года во Владикавказе состоялась научная сессия по этногенезу осетинского народа. Теории о происхождении звучали самые разные, К примеру, видный археолог Е.И. Крупнов, хотя и признавал участие скифов и алан в этногенезе осетин, считал, что «ведущее место в этногенезе осетин следует отвести кавказской аборигенной общественной среде» [Происхождение ... , 1967: 319], называл осетин «истыми кавказцами по происхождению, внешнему облику и культуре, и иранцами по языку» [Происхождение ... , 1967: 319]. Тезис Е.И. Крупнова разделяли его коллеги археологи В.Б. Виноградов и И.М. Чеченов, а также антрополог В.П. Алексеев. Такого же мнения придерживается и О.Б. Бубенок, что было озвучено им в его работе «Осетины на Южном Кавказе: аборигены или пришельцы?» (Кавказ & глобализация Т.1(4), 2007: 138-152). В.И. Абаев отреагировал на тезис Е.И. Крупнова с некоей долей сарказма, заметив: «Получается, ираноязычные племена появились на Кавказе для того, чтобы преподавать аборигенам краткосрочные курсы своего языка» [Нартамонгæ, 2017: 309]. Как показало время, реакция В.И. Абаева на позицию Е.И. Крупнова в этом вопросе все так же актуальна.

2. Не соответствует истине и утверждение автора, будто этнонимы *дигор* и *ирон* до XVIII-XIX в. не были известны предкам осетин. Как пример можно привести известную историко-фольклорную песню-плач «Задалески

Нана» о походе Тимура в конце XIV в. на территорию современной Осетии (Дигории) в конце XIV, г., в которой имеются слова:

*«Кровавый дождь, кровавый дождь
Над Тапан Дигорией, над Тапан Дигорией,
От волков Ахсак-Тимура с железными пастями
Почернели их зеленые поля»* [Бекоев, 2009: 83].

Еще одна легенда называется «Как Ахсак-Тимур прибыл в Дигорию» [Бекоев, 209: 83]. Старинная дигорская пословица гласит: «у Дигории ее счастье еще не пропало, и она одолеет Ахсак-Тимура» [Туганов, 1977: 122]. Упоминание об Ахсак-Тимуре нашли отражение и в осетинских нартовских сказаниях [ПНТО Т. II, 1927].

3. Наряду с дигорцами, О. Бубенок ошибочно считает местными автохтонами карачаевцев и балкарцев, до ассимиляции их обосновавшимися там кипчаками [Бубенок, 2004: 90]. Подобные его суждения и предположения вокруг этногенеза этих народов еще больше запутывают вопрос, не проясняя его толком. Согласно академической науке, карачаево-балкарская народность сложилась в XIII-XIV в. из местных горских племен, алан, болгаров и кипчаков [СИЭ, 1965: 23]. В.Ф. Миллер и М.М. Ковалевский называли карачаевцев и балкарцев «отатарившимися осетинами». В Тепцов писал: «Чегемские князья по типу близки к осетинам ... Князья чегемские и сами не отрицают своего осетинского происхождения». Они говорят: «И мы, и карачаевцы одного племени, а наши предки, вероятно, были осетины» [Тепцов, 1892]. В работе Ш. Ногмова «История адыгейского народа» в «Постановлении о сословиях в Кабарде» начала XIX в. говорится о урусбиевских осетинах (балкарцах Восточного Приэльбрусья) и карачаевцах-осетинах [Ногмов, 1994: 160]. Тюркоязычные предки карачаевцев и балкарцев же именовались их соседями аланами (асами) только лишь потому, что в XIII в. они заняли территорию, которая многие столетия до этого принадлежала западным аланам-асам. Именно этим именем они и

покрывались длительное время. В этой связи наиболее научно-обоснованным считаем мнение В.А. Кузнецова, сводящего к следующему выводу касательно территории Западной Алании: «Аланы, бывшие этническим суперстатом в ходе миксации и интеграции и ставшие основой формирования осетин, вскоре сами стали субстратом в формировании карачаевцев и балкарцев» [Кузнецов, 2014: 141-142].

Конечно же, имеется много свидетельств того, как происходило формирование карачаевского и балкарского этносов и этногенез дигорской ветви осетинского народа. Понятен и процесс их взаимодействия и взаимовлияния в Дигорском ущелье, но все же слишком рискованно относить их к одной этнической группе, жившей до XIII в. на территории Западной Алании.

4. Монголы действительно проводили мудрую политику, которая полностью отвечала их интересам, строго придерживаясь при этом своеобразного «Долгостроя» Чингисхана. Суждения автора в целом понятны: завоеватели создавали благоприятные условия для перешедших на их сторону некоторых князей с подвластным населением. «При этом не ограничивались лишь добровольцами; в состав армии включали и войска побежденных аланов, В частности они вошли в состав войск Ногая и использовались на Восточном Кавказе против хулагуидских войск» [Бубенок, 2004: 184]. Однако создается впечатление, что автор намеренно акцентирует внимание больше на толерантности и лояльности завоевателей, нежели на трагических последствиях нашествия. Между тем, оценивая подобные масштабные события, исследователей должны интересовать всесторонние, в том числе глобальные последствия для покоренной страны в целом. А они для многочисленного аланского народа оказались катастрофичными. О.Б. Бубенок цитирует польского автора XV в. Матвея Маховского, который писал о последствиях войны для алан: «Аланы – это народ, живший в Алании, области Сарматии Европейской, у реки Танаиса и по соседству с ней. Страна их равнина без гор, с небольшими

возвышенностями и холмами. В ней нет поселенцев и жителей, так как они были выгнаны и рассеяны по чужим областям при нашествии врагов, и там погибли или истреблены. Поля Алании лежат широким простором. Это пустыня, в которой нет владельцев-ни аланов, ни пришлых» [Бубенок, 2004: 172]. То же самое наблюдал раньше Маховского И. Барбаро: «Народ сей (аланы. – А.Ч.) исповедавший христианскую веру был истреблен и выгнан из своих жилищ татарами» [Барбаро, 1971: 137]. Исход военной компании не осчастливил и алан, перешедших на сторону завоевателей: Из 100 тысяч алан (а это воины с семьями), ушедших на восток, значительный процент погиб, а остальные после свержения монгольской династии в Китае, в конечном итоге ассимилировались среди других народов. Такая же судьба постигла алан, которых монголы разбросали по всей территории Орды от Хорезма на востоке до Венгрии и Византии на западе и юге. Исходя из изложенного, считаем более обоснованным суждения тех ученых (а их немало) которые подчеркивали тяжелые последствия «золотоордынского ига» для народов Восточной Европы. В.А. Кузнецов в своей монографии «Очерки истории алан» главу о войнах алан с татаро-монголами обозначил емким словом «катастрофа». Не коррелируется ли это определение с утверждением самого автора об ассимиляции и растворения аланского населения среди других племен восточноевропейских степей? [Бубенок, 2004: 294].

5. Наконец, автор не мог обойти стороной отправку на восток передовых отрядов асов для покорения Южного Китая. О причинах отправки на восток 30 тысячных асских отрядов конницы и их действий, проявленном героизме, в монографии немало интересных страниц. О. Бубенок дает сжатую, но верную оценку вынужденной миграции алан на восток, о проявленном ими мужестве в боях за Южный Китай, что позволило аланам занять высокое положение в монгольском обществе, обрести высокий социальный статус в Ханбалыке. И еще один немаловажный факт, на который обратил внимание автор: «переселяя алан в Монголию и Китай, монгольские ханы ослабляли силы не до конца покоренной

Северокавказской Алании» [Бубенок, 2004: 103]. К этому вопросу мы вернемся при анализе трудов А. Кадырбаева и Ю. Рериха.

6. Вызывает вопрос сомнительное утверждение автора, будто во времена Золотой Орды в восточноевропейских степях увеличилось аланское население [Бубенок, 2004: 293]. Как правило, при столь масштабной агрессии обычно происходит обратное. Если же эта война, по мнению автора является исключением, то ему, наверное, следовало бы раскрыть скобки.

7. Нуждается в корректировке и предложение «Поздние аланы сыграли активную роль в становлении не только современных осетин, но и других соседних им народов-карачаевцев, балкарцев, ингушей» [Бубенок, 2004: 293]. Доля участия алан в формировании ингушей была не столь значительной, чтобы указать их в одном ряду с карачаевцами и балкарцами. Аланы на Кавказе известны не с III, а с I в. н.э. [Бубенок, 2004: 74]. Непонятно выражение «Иры и их соседи аланы» [Бубенок, 2004: 71], но ведь иры такие же аланы, как, скажем, асы. Еще более непонятна формулировка, что аланы имели «как местное, так и северокавказское происхождение» [Бубенок, 2004: 185].

И, наконец, коротко о ряде других недостаточно ясных, или непонятных позициях автора книги. Правильно считая осетин-иронцев и туальцев единым этническим массивом, непонятно на каком основании автор противопоставляет горцев-иров-жителей страны Иркувын (Тизенгаузен) и их соседей-алан-предков восточных осетин [Бубенок, 2004: 71]; ведь речь идет о едином этносе. Имеют место и противоречивые положения. С одной стороны, автор считает, что дигорцы-местное кавказское племя, с другой – «вместе с балкарцами своим происхождением связаны с аланами-асаами» [Бубенок, 2004: 85]. Видимо автор оговорился, называя грузинские племена мегрелов близкородственными карачаевцам и балкарцам. На деле между ними нет никакого родства, так как их языки относятся к разным языковым семьям (кавказская и алтайская, тюркская). Последняя глава об исторических параллелях полновесна, но она выглядела бы более весомой, если бы автор

пустил в научный оборот все известные литературные источники. Наблюдаются также небольшие повторы. К примеру, о стране «Иркувын» друг за другом пишется на стр. 67, 71, 74.

Разумеется, не все проблемы аланской истории периода войны с монголами автором книги решены, что и подчеркивает он сам на последних страницах своей монографии. Однако, несомненно следующее: своими основательными исследованиями О.Б. Бубенок внес вклад в алановедение, сделал уверенный шаг вперед в исследовании истории алан, обогатил знаковое время их драматической истории во многом новыми материалами. И, что следует особо подчеркнуть: впервые ввел в научный оборот доселе неизвестные подробности о расселении алан на всей территории Золотой Орды, придерживаясь и развив далее основополагающие устои академической науки об ираноязычности сарматского племени алан, сыгравшие роль суперстата при формировании нового этноса-осетины.

Полагаю, что самые важные исследования ученого ждут нас еще впереди. Несомненно одно. Своими трудами О.Б. Бубенок заявил о себе как ученый, который продолжает блестящие традиции украинской школы иранистики.

4.6. От Великобритании до Китая.

Говард Рид, А. Кадырбаев, Ю. Перих

Герой многочисленных средневековых рыцарских романов, центральный герой британского цикла сказаний под общим названием Артуриана, образ, объединяющий рыцарей «Круглого стола» – все это связано с именем легендарного короля бриттов, носившего имя Артур. Артуриана до сих пор во многом остается неразрешимой загадкой для историков, культурологов, мифологов, да и просто для тех, кто интересуется историей и культурой Великобритании. Именно поэтому значимым событием в контексте рассматриваемой темы стала книга английского

этнографа, доктора антропологии Кембриджского университета Говарда Рида под названием «Артур-король драконов. Варварские корни величайшей легенды Британии» (*Arthur the Dragon King: How a Barbarian Nomad Became Britain's Greatest Hero*), которая увидела свет в 2001 г. В 2005 г. эта книга в переводе на русский язык была издана в издательстве «Алания». Говард Рид охватил, казалось, всю возможную литературу о короле Артуре, в том числе и материалы, в которых отстаиваются его «варварские» корни. Наибольшее впечатление на него произвела монография Скотта Литтлтона и Линды Мэлкор «Из Скифии в Камелот», опубликованная в Нью-Йорке и Лондоне в 2000 году (C.S. Littleton, L.A. Malkor. *From Scythia to Camelot*. New York, London. 2000). Основные идеи этих авторов имели ключевое значение для описания культуры и традиции номадов, в которой они, опираясь на мифологию, раскрыли всю максимально возможную палитру исторических и символических связей между культурами Центральной Азии и древней Британии, которые, казалось, никак не могут быть связанными друг с другом. Заключение, сделанное авторами, гласит: «Собранные нами данные свидетельствуют о том, что за исключением памяти о некоторых исторических событиях, все, что позднее стало легендами о Граале и короле Артуре, зародилось в степях Древней Скифии у замечательного народа, чей вклад в Западную историю и фольклор только начинает получать должное признание» [Литтлтон, Малкор, 2007: 229]. Весьма познавательная книга С. Литтлтона и Л. Мэлкор заслуживает отдельного внимания, и небольшие неточности¹⁸⁶ никак не сказываются на ее научной значимости.

Но вернемся к книге Г. Рида. В своей монографии автор в увлекательной форме развивает свою, оригинальную концепцию о скифо-сарматских (аланских) корнях Артурианы. Она в его изложении звучит более цельно, чем у его коллег. Более того, в отличие от них же, к варварским

¹⁸⁶ Замечания и пожелания авторам книги касаются лишь некоторых неточностей, касающихся осетинских нартовских сказаний. Вопреки утверждению авторов чаша Уацамонга постоянно хранилась у рода Алагата. Неправы авторы, отвергая воинственность рода Ахсартаггата. Наоборот именно этим качеством они и прославились в эпосе. Покровитель кузнечного дела адыгов Тлешш, неверно представлен в монографии как общекавказское божество – А.Ч.

племенам Г. Рид относится максимально непредвзято, отдавая должное их культуре и самобытности. «Сарматы, – пишет автор, – были носителями сложной и самобытной культуры, имевшей тысячелетнюю историю. Они были прямыми потомками воинов, проникших в сердце древних цивилизации Ближнего Востока и Древнего Египта на западе и захвативших богатства, шелка и женщин Китайской империи на востоке. Их предки были одними из самых грозных и искусных воинов во всем мире, и они умело использовали силу своей кавалерии...» [Рид, 2005: 185]

Пользуясь сравнительно-историческим методом исследования, Г. Рид последовательно, с различными логическими и документальными выкладками, старается раскрыть основную идею, которая была озвучена самом названии его книги – обозначить возможные варварские истоки «величайшей легенды Британии». Он запустил в научный оборот всю существующую литературу об аланах на Западе, сфокусировав внимание на V – начале VI в. Научная достоверность его выводов не вызывает сомнений. Г. Рид довольно подробно описывает историю, быт и культуру алан начиная с первой половины I тыс. до н.э. вплоть до высадки Вильгельма Завоевателя¹⁸⁷ на британских островах в 1066 г., особо подчеркнув при этом их способность к ассимиляции. Автор охватывает большой период истории алан, не забывая, при этом и об их этнокультурных особенностях. Он описывает присущее им военное мастерство (тактика ложного отступления) и боевой опыт, особенности социальной структуры, появление аланских поселений на территории Галлии, их роль в судьбах средневековой Европы, трагический конец семьи Флавия Ардаурия и его сына Аспара после их полувекового господства в Византийской империи. Но даже в этом потоке аланианы есть герой, способный привлечь особо пристальное внимание

¹⁸⁷ Вильгельм I Завоеватель (англ. *William I the Conqueror*, фр. *Guillaume le Conquérant*, др.-англ. *Wilhelm se Gehīersumiend*, норманд. *Gllâome lé Counquèreus*), также известный как Вильгельм Бастард (англ. *William the Bastard*, фр. *Guillaume le Conquérant*, *Guillaume le Bâtard*; около 1027/1028, Фалез, Нормандия — 9 сентября 1087, Руан, Нормандия) — герцог Нормандии с 1035 года под именем Вильгельм II и король Англии с 1066 года, организатор и руководитель нормандского завоевания Англии, один из крупнейших политических деятелей Европы XI века.

Говарда Рида. По мнению автора, этим героем является выдающийся вождь галльских алан Гоар, который более чем сорок лет правил Арморикой, северо-западной областью современной Франции. Именно царь Гоар, о котором было рассказано в предыдущих главах, по мнению Г. Рида и является центральным образом Артурианы, «предтечей» легенд, окутавших имя короля Артура.

Основная идея монографии Г. Рида заключается в следующем. Автор утверждает, что легенды о короле Артуре, волшебнике Мерлине, королеве Гвинерве, Ланселоте, Персивале (Працифаль) и рыцарях «Круглого стола», возникшие в постримский период, имеют явное азиатское происхождение, и восходят к истории сарматов и алан. Сарматы и аланы совершали походы в Малую Азию и Восточную Европу. Во II веке нашей эры они достигли Дуная, где, в ходе Маркоманских войн (166-180) вплотную соприкоснулись с римскими войсками. После поражения, нанесенного в 175 г. сарматам-языгам императором Марком Аврелием, часть языгов в 179 г. последовала в составе VI легиона в Британию. По мнению Говарда Рида, потомки тех первых отрядов всадников, облаченных в металлические доспехи, под знаменами с изображением драконов, дали основу легенд об Артуре. Говард Рид полагает также, что именно сарматские шаманы послужили прообразом касты *аэдов* – древнегреческих сказителей, которые в английском фольклоре воплотились в образе чародея Мэрлина, а сарматская «шаманская» чаша стала прообразом чаши Грааля английской легенды.

Естественно идеи Рида повлекли за собой непростую дискуссию в научном мире. В частности, известный эксперт Гоффри Эш, заявил, что часть изложенных им идей о сарматском происхождении некоторых элементов артуровского мифа является «ерундой», которая «к сожалению, распространилась в научных кругах». Тем не менее, Эш признал, что Говард Рид «имел беспрецедентный доступ к архивным материалам, на основании которых версия о влиянии сарматских легенд на формирование мифов о Камелоте получила новое обоснование» [Гутнов, 2018: 47]

В целом история алан в книге представлена довольно подробно. Претензии в тексте могут вызвать лишь некоторые положения автора. В частности, Говард Рид некритически воспринимает то факт, что греки называли скифами всех кочевников, «находившимся в контакте с классическим миром» [Рид, 2005: 154]. В дальнейшем, сопоставляя греческую и римскую культуру со скифской, он вовсе не подразумевает под ними всех кочевников, подчеркивает родство скифов, сарматов и алан.

Г. Рид склонен видеть в мумифицированных телах, захороненных в Пазырыкском могильнике, людей монголоидного и кавказского типа, игнорируя при этом выводы целого ряда серьезных ученых. Описывая результаты раскопок знаменитого скифского захоронения в Пазырыке, он, вслед за С.И Руденко¹⁸⁸ утверждает о смешении этнических групп, что по антропологическому типу некоторые остатки относились к монголоидному типу, другие – к кавказскому [Рид, 2005: 161]. Между тем, согласно новым исследованиям (Гуляев и др.), обитатели Пазырыка принадлежали к европеоидной расе. Люди монголоидного типа в горном Алтае появились лишь тысячи лет спустя. Автор дословно воспринимает известную легенду об амазонках, когда пишет, что «амазонки бежали в Скифию, вступили в союз с местными юношами и дали начало новому народу-савроматы (позже известные как сарматы)» [Рид, 2005: 161].

Однако вернемся к основной идее монографии Г. Рида. Специалисты в области Артурианы до сих пор спорят об образе короля Артура. Одни исследователи считают его исторической личностью, другие же отказывают ему в этом, ссылаясь на отсутствие упоминаний о нем сведений в древних исторических хрониках. Что касается Г. Рида, то приводимые им аргументы и доказательства сводятся к тому, что Артур все же был реальной исторической личностью. Этих выводов он достиг в результате глубокого исследования истории иранских народов юга России, особенно алан. При этом, исследуя историю алан, автор книги сосредоточивает внимание на тех

¹⁸⁸ Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М-Л.: 1953.

исторических фактах, явлениях из быта и культуры скифо-сармато-алан, которым он находит соответствие и аналогии в британской легенде. Следует признать, что делает он это весьма своеобразно. Так, описание того или иного элемента из быта скифо-сармат-алан, к примеру эпизоды занятия охотой, ношение бород и длинных волос, приношение в жертву лошадей, восхищение оленями, четырехколесные деревянные повозки, священный меч, как воплощение бога войны, доспехи, стремяна, штандарт сшитый из шелка в виде извивающегося дракона и т.д., как правило, сопровождается шаблонной фразой автора: «так было и в легендах о короле Артуре», «прекрасно вписывается в рассказы о короле Артуре», «привнесенное ими (сармато-аланами – А.Ч.) искусство верховой езды и стиль ведения войны является типично артуровской» и т.д.

Итальянский медиевист Ф. Кардини в своей монографии «Истоки средневекового рыцарства», представленной выше, в ходе исследования пришел к следующему выводу: «возникновением средневекового рыцарства Запад обязан не только парфянам, но прежде всего иранским народам, находившимся к северу от Кавказа скифо-сарматам» [Кардини, 1987]. Г. Рид не только солидарен с Ф. Кардини, но и подтверждает его примерами из жизни Галлии, и в частности описанным нами ранее случаем, происшедшим с вождем алан Гоаром и епископом Германом Осерским. Этот исторический факт произвел на Г. Рида сильнейшее впечатление, как «необузданность аланской воинственности смягчается «учтивостью», и рождается понятие рыцарство» – кодекс воина, требующий скромности и сдержанного поведения [Рид, 2005: 244]. Именно этот день автор окрестил началом новой эры – эры рыцарства, а в Гоаре, с именем которого было связано событие, Г. Рид склонен был увидеть исторического прототипа легендарного Артура.

Еще одним интересным наблюдением, склонившим чашу весов в пользу Гоара, для Г. Рида послужило следующее: исторический фон на котором происходят действия в цикле легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, не согласуется с обстановкой не только Британии, Ирландии

или Шотландии, но и с обстановкой любой другой части Великобритании. Всецело захватившая Г. Рида идея подкрепляется и фольклорными материалами (К примеру, некий Алан, согласно «Истории бриттов» Ненния является первым жителем Европы. – А.Ч.). Особенно поразительны эпические параллели между нартом Батрадзом и Артуром, описанные в частности, в работе французского ученого Ж. Грисвара «Мотив меча, брошенного в озеро: Смерть Артура и смерть Батрадза»¹⁸⁹.

В целом, проанализированный ученым материал позволил ему заключить, что Артур не был мифическим персонажем, а был реальным историческим лицом, прославившимся своими ратными делами в Галлии в V-VI вв. У Г. Рида имеются веские основания считать его сарматским (аланским) воином, что эпизод исторической встречи Гоара/Эотара и святого Германа Осерского народ должен был сохранить в памяти, запомнить навсегда рыцарский жест могущественного царя. Именно в великом Гоаре Г. Рид склонен видеть исторического прототипа легендарного Артура.

Географию вопроса расширяет и небольшая по объему книга известного казахского-российского ученого А.Ш. Кадырбаева¹⁹⁰ «Тюрки и иранцы в Китае и в Центральной Азии XIII-XIV вв.», которая была издана в Алма-Ате в 1990 г. Она является ярким образцом комплексно-интенсивного метода исследования отдельно взятого исторического оазиса обширного исследовательского поля. Именно таким выглядит участие попавших под монгольское влияние представителей тюркских и иранских народов в

¹⁸⁹ J.H. Grisward. Le motif de l'épée jetée au lac: la mort d'Artur et la mort de Batradz // Romania, revue trimestrielle consacrée à l'étude des langues et des littératures romanes fondée en 1872 par Paul Meyer et Gaston Paris, publiée par Félix Lecoy. Paris: Société des amis de la Romania, 1969, t. 90, № 3-4, p. 289-340, t. 91, p. 473-514.

¹⁹⁰ С 1999 г. доктор исторических наук, А.Ш. Кадырбаев является ведущим научным сотрудником Института востоковедения РАН, до этого же, с 1972 по 1996 годы работал в Институте истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР в городе Алматы. С 1996 по 1999 годы А.Ш. Кадырбаев преподавал на историческом факультете Казахского национального государственного университета им. Аль-Фараби (Алматы, Казахстан). Является профессором этого университета. Рассматриваемая монография ученого была написана в бытность его проживания и работы в Казахстане, и именно по этой причине книга А.Ш. Кадырбаева была включена в данную работу.

завоевательных войнах, привлеченных к управлению Китаем в период наивысшего могущества империи Юань. Коротко говоря, на страницах своей работы автор рассматривает специфику управленческих механизмов в период монгольского господства в Китае, которая включала в себя, в том числе и немаловажный тюркский и иранский фактор.

И хотя нашествие монголов на Китай началось в 1211 г., им понадобилось еще целых семьдесят лет для того, чтобы уничтожить Суньскую династию и установить свое господство в этой стране посредством уже династии Юань. Завоеватели нанесли Китаю существенный урон, который выразился не только в массовом истреблении населения, обращении его в рабство, но и в уничтожении городов и разрушении экономики и инфраструктуры государства. После покорения страны, перед монголами встал вопрос организации управления вновь завоеванными землями. Не доверяя китайцам, они остановили свой выбор на представителях покоренных народов. В то же время монголы критически относились к собственным управленческим возможностям. Автор пишет: «Поскольку монголы находились на более низкой ступени развития по сравнению с этими странами, они не могли управлять сами и привлекали к управлению завоеванными странами представителей покоренных ими народов» [Кадырбаев, 1990: 154]. В подобных вопросах они отдавали предпочтение представителям племен, проживавших на территории современного Казахстана, Средней Азии и Северного Кавказа, вполне справедливо полагая, что «не связанные с местными интересами и родственными узами, они целиком зависели от своих монгольских владык и, как правило, проводили ту политику, которая формировалась при монгольском дворе» [Кадырбаев, 1990: 155]. Выбор монголов пал на тюркоязычные племена (кыпчаки, канглы, карлуки, найманы, киренты, онгуты, аргыны), ираноязычных таджиков и персов, арабов, исповедавших ислам, а также кавказских алан-асов. Всех их монголы называли общим именем – «сему».

Татаро-монголы следовали правилу, согласно которому вслед за завоеванием страны они знакомились с покоренным народом, изучали его с целью определить какие способности того или иного племени могут принести им пользу. К примеру, выбирая таджиков, персов и арабов как управленцев, способных к налаживанию торговых отношений мотивировалась тем, что эти народы в домонгольский период стояли во главе местных государств с оседло-земледельческим укладом в различных районах Средней Азии [Кадырбаев, 1990: 154]. Что касается асов-алан, то, как пишет автор книги, монголы видели в них отличных воинов.

Книга А.Ш. Кадырбаева является пока что единственной, которая посвящена изучению истории как тюркских, так и иранских народов «монгольского» Китая¹⁹¹. Она написана на базе богатых источников и, что важно подчеркнуть: архивный материал для нее извлечен автором непосредственно из китайских источников («Юань-ши» (1369-1370 гг.), «Синь Юань-ши» Кэ Шаомина и др.). Книга представляет интерес и в этногенетическом аспекте. Многочисленные тюркоязычные племена, на которых сфокусировано внимание автора монографии, приняли участие в этногенезе многих современных народов, таких как: казахи, узбеки, туркмены, татары, карачаевцы, балкарцы, башкиры, алтайцы, ногайцы, кумыки. И все же в рассматриваемой книге нас особенно заинтересовали разделы, посвященные ираноязычным племенам, их посреднической роли в укреплении престижа власти монголов над покоренным населением Китая. Вместе с тюркскими и другими ираноязычными народами, они остались в Китае в качестве монгольских управленцев, их основной военной и политической силой [Кадырбаев, 1990: 154]. Монгольские ханы также получили активную поддержку мусульманского купечества, таджиков, персов и арабов из Центральной и Западной Азии. Они оказались готовы «поддержать ту политическую систему, которая смогла бы обеспечить

¹⁹¹ Монография казахского ученого А.К. Камалова «Тюрки и иранцы в Танской империи», вышедшая в Алматы в 2017 г., под иранцами рассматривает исключительно согдийцев, уделяя незначительное внимание остальным народам. – А.Ч.

нормальное функционирование налаженных торговых путей чуть ли не на всей половине евразийского материка» [Кадырбаев, 1990: 66]. Своей верноподданнической поддержкой монгольского режима, купцы обеспечили себе высокое социальное положение при правителях династии Юань.

Что касается алан-асов, то им автор посвящает небольшой параграф во второй главе книги. При этом, раскрывая вопрос этногенеза алан-асов, автор подчеркивает их иранское происхождение и участие в этногенезе осетин [Кадырбаев, 1990: 5]. Основное внимание в монографии сосредоточено на судьбе части крупных феодалов раздробленной Алании, которые при вторжении монголов на Северный Кавказ, покорились им, и перешли на их сторону со своим военным контингентом и подвластным населением. Автор приводит подробные сведения о таких перебежчиках, начиная с главы одного из государственных образований асов Хан-ху-сы (Кангуз). «Хан-ху-сы был родом ас. Он был правителем владения асов. Когда войска Угедая достигли границ его (владения), Хан-ху-сы с народом подчинился Угедая (1229-1241)» [Кадырбаев, 1990: 282-283] при условии, что останется владельцем своей земли и народа. Татары охотно пошли на эту сделку и даже наградили князя-предателя золотой пайцзой и титулом «бадур» [Кадырбаев, 1990: 282-283]. В обмен на сохранение «независимости» Хан-ху-сы было предложено создать конное войско численностью в одну тысячу человек.

Стремительную карьеру в монгольской военной иерархии помимо самого Хан-ху-сы сделали еще три поколения аланского феодала, начиная с его сына Атачи, внука Байдара и правнуков Ороса и Фудина. Так, вместе с другими воинскими соединениями монголов, всадники Хан-ху-сы под командованием Атачи участвовали в завоевании юга Китая, при Мунке-хане сражались с китайскими войсками в провинции Сычуань и горах Тяо-юй, в ожесточенных сражениях против империи Сун. При следующем правителе, Ху-билай-хане, Атачи вновь участвовал в боях за Сун, воевал с враждебными династии Юань Чингизидами [Кадырбаев, 1990: 84]

Хроники свидетельствуют, что за усердную службу, участие в более чем двадцати крупных сражениях на территории Китая и Центральной Азии, Атачи, сын Кангуза удостоился высших наград и званий. [Кадырбаев, 1990: 84]. За личную храбрость и боевые заслуги высокого положения при монгольском дворе достиг и его сын Байдар, который впоследствии встал у истоков создания императорской гвардии асов. Аналогичные сведения приведены из боевых биографий ряда асских военачальников, отличившихся в монгольских войнах: Георгия (Коуэрци), Шари (Чэли), Шилабадура, Бадура, Юйваши, Фудэ (Петр), Арслана и др.

Помимо описания военных акций А. Кадырбаев представляет и другие сведения об асах. Так, он отмечает, что численность асских воинов в императорской гвардии первоначально составляла 3 тысячи человек, впоследствии же увеличилась до 10 тысяч [Кадырбаев, 1990: 85, 88], не считая тех 700 асов, которые служили в охране хана Хубилая. В двух округах монгольской империи в долинах Чаохэ и Сугу были организованы особые колонии (военные поселения); поскольку асские воины переселились в Китай со своими семьями. Монголы высоко ценили героизм асов на полях сражений и усердную службу империи, за что многие из них выдвинулись на руководящие посты при дворе императора, были среди министров и дипломатов [Кадырбаев, 1990: 111]. Упомянутая выше императорская гвардия асов, в начале XIV в. была реорганизована и усилена. С падением монгольской империи (1368), асские воины покинули Китай, а оставшиеся в стране со временем ассимилировались среди многочисленных местных племен. При монгольской династии Юань выходцы из покоренных монголами стран стали активно влиять и на различные элементы китайской культуры. В частности, персидско-таджикское и арабское влияние сказалось на цветовой гамме и орнаменте китайских фарфоров. Отразилось на китайской культуре и музыкальное влияние пришельцев. В свою очередь и монголы оставили след в истории, культуре, фольклора покоренных им народов [Кадырбаев, 1990: 61].

Между тем, подробное знакомство с книгой А.Ш. Кадырбаева выявило ее основной недочет, который заключается в далеко не полном освещении истории и деятельности асов-алан за целое столетие их пребывания в Китае. Из 160 страниц монографии асам посвящено неполных четыре страницы. Превалирующее внимание в книге уделено истории тюркских племен, хотя, если судить по заглавию («Тюрки и иранцы в Китае ...») автор, вероятно, должен был уделить им равное внимание. На наш взгляд, книга получилась бы более целостной, если бы деяния асов в Китае были представлены в ней автором подробнее.

Итак, начнем с вопроса о численности асов в Китае. По информации, представленной А.Ш. Кадырбаевым, асских воинов, принимавших участие в составе монгольских войск, было 10 тысяч. Эта цифра явно занижена и не вполне соответствует действительности. Согласно исследованиям В.А. Кузнецова, численность участвовавших в военных операциях асов в Китае (без резерва) при хане Хубилае составляла 30 тысяч всадников [Кузнецов, 1992: 362]. При этом он ссылается на католического миссионера, легата папы римского Бенедикта XII Джованни Мариньолли¹⁹², который был духовным пастырем китайских асов в течение многих лет: «Всех выше (стоят) также князя его государства, более 30 тысяч, которые зовутся аланами и управляют всей Восточной империей» [Кузнецов, 1992: 360]. Однако учитывая, что, во-первых, асы уходили в Китай со своими семьями, и во-вторых, принимая во внимание тот факт, что семья в среднем состояла из трех человек, общее количество асов в Китае до падения империи Юань с большой долей вероятности могло составлять около 100 000 человек.

А.Ш. Кадырбаев абсолютно прав в том, что монголы использовали асов-алан, прежде всего, как военную силу, но не объясняет причину такого предпочтения. Один из крупнейших востоковедов и лингвистов XX в. Ю.Н. Рерих объясняет это следующим образом: «Высшее монгольское

¹⁹² Джованни де Мариньолли (итал. *Giovanni de' Marignolli*, род. ок. 1290 г. сел. Мариньолли близ Флоренции – ум. после 1357 г.) – итальянский францисканец-миссионер, путешественник, дипломат, папский легат и епископ.

командование, которое всегда лояльно признавало военные качества своих противников, по справедливости оценило большую доблесть алан и мудрость их командиров. Потому оно было счастливо заключать с ними военный союз. С этого момента аланская кавалерия соединилась с монгольской армией, и приняла участие с ней во всех операциях» [Кузнецов, 1992: 360].

По монографии А.Ш. Кадырбаева не вполне удастся воссоздать полную картину деяния асов в составе монгольских войск. Между тем, многие асы достигли в ней выдающихся успехов. Всего один пример. Когда тот же Атачи погиб в 1275 г. при взятии города Чан-Чао, его заслуги были настолько велики, что хан Хубилай «сожалел о его смерти, пожаловал семье Атачи 500 лан серебра и 3500 связок ассигнациями, а также 1539 дворов из числа усмирённых жителей» [Иванов, 191: 284-285]. В то же время роль асов была настолько велика, что, как писал Дж. Мариньолли, благодаря их помощи «татары овладели Восточной империей», и что без них они «никогда не достигли бы славной победы» [Кузнецов, 1992: 360].

Отец еще одного знатного аса на службе династии Юань, Юй-ва-ши, которого звали Яньбадур или Еле-бадур еще при хане Угедее перешел к монголам и со своим войском отправился на восток, где, при взятии города Ян-Чу погиб вместе с одним из своих сыновей, которого звали Есудар. Унаследовав от погибшего брата должность тысячника Юй-ва-ши возглавил ряд гвардейских частей асов, показал себя истинным героем в военных походах, при подавлении мятежников за что удостоился особого знака отличия в виде золотой тигровой пайцзы и двух высоко престижных титулов; великого полководца дальних походов» и полководца, столпа государственности». О нем же, после очередного подвига под Чан-Чао сообщалось, что «Государь с радостью сказал, обращаясь ко всем военачальникам: «Кто кроме Юй-ва-ши способен был выполнить это героическое дело? Если облечь Юй-ва-ши в чистое золото, этим не выразить ему моей благодарности» [Кузнецов, 1992: 363]. Подобных эпизодов в многолетних войнах монголов было немало, и описание их в

рассматриваемой монографии представили бы ее в более выгодном свете для интересантов.

За проявленную храбрость, доблесть и умелое командование многие асы-аланы достигли самых высоких постов и чинов, что было следствием того, что «многовековые традиции, выработавшийся своеобразный рыцарский кодекс чести воина-профессионала сделали аланских конных дружинников одними из лучших боевых частей своего времени. Монгольское правительство понимало это и часто использовало алан в наиболее серьезных операциях» [Кузнецов, 1992: 363]. Ю. Рерих также подчеркивал, что «Под знаменем монгольских ханов меч алан снова начертал славную страницу своей истории» [Кузнецов, 1992: 363].

Хотя автором и заявлено, что в научный оборот пущены в полном объеме материалы китайских источников, все сведения об асах, они кажутся нам недостаточно полными. В монографии А.Ш. Кадырбаева отсутствуют интересные материалы, представленные в «Очерках ...» В.А. Кузнецова, издания 1992 г. В монографии также не упоминается имя одного из хроникеров деяний ханов империи Юань итальянца Джованни Мариньоллы и интересные подробности о переписке асов-католиков с папой Римским (Хеннинг, 1962). Нет ссылок на труды известных историков Н.Ю. Рериха, А. Иванова и других. В книге также нет сведений и о судьбе асов после падения династии Юань, отсутствует информация и о переброшенных в Монголию аланах, оставшихся в истории под именем *асуты*. Согласно некоторым исследователям, аланы растворились среди местного населения, хотя и частично сохранили свои европеоидные черты [Решетов, 1986].

Вышеизложенное позволяет заключить, что алано-асская эпопея в Китае и Монголии в XIII в. на страницах в целом очень интересного исследования А.Ш. Кадырбаева оказалась недостаточно раскрытой.

В рамках разрабатываемой темы нельзя не упомянуть известного русского ученого-лингвиста, востоковеда, сына великого русского

художника, писателя, археолога, философа и путешественника Николая Константиновича Рериха, Юрии Николаевиче Рерихе (16.08.1902 – 21.05.1960). Доктор филологических наук, профессор, директор Института Гималайских исследований «Урусвати», член Королевского азиатского общества в Лондоне, Азиатского общества в Бенгалии, Парижского географического общества, Американского археологического и этнографического обществ, заведующий сектором философии и истории религии Института востоковедения АН СССР – вышеперечисленное является всего лишь малой толикой всех его регалий и званий.

Большую часть жизни Юрий Николаевич провел за пределами России, что, конечно же, дает нам полное основание включить его в список ученых, имеющих непосредственное отношение к зарубежью. Так, с 1917 по 1919 гг. Ю.Н. Рерих проживал вместе с родителями в Финляндии. Затем, окончив петербургскую гимназию Карла Мая, в 1919-1920 гг., он становится слушателем курса лекций на индоиранском отделении в Школе восточных языков при Лондонском университете. В 1920 г. Юрий Николаевич перевелся в Гарвардский университет (США), который окончил в 1922 году со степенью бакалавра по отделению индийской филологии. После Гарварда была учеба в школе восточных языков при Парижском университете, где он работает на среднеазиатском и монголо-тибетском отделениях, и исследовательская работа в Индии, Сиккиме и Кашмире (1923 г.). В 1925-1928 гг. Ю.Н. Рерих принял участие в основном этапе Центральноазиатской экспедиции своего отца, Н. Рериха (Ладак, Синьцзян, Монголия, Китай и Тибет), где на него была возложена ответственность за охрану экспедиции. Кроме того, прекрасное владение тибетским и монгольскими языками и рядом центрально-азиатских диалектов помогло ему помимо прочего исполнять функции переводчика.

В общем итоге Ю.Н. Рерих провел за границей более сорока лет, большая часть из которых пришлась на Индию. В 1957 г. по протекции Н.С. Хрущева Юрий Николаевич вернулся в СССР, начал работать в

Институте Востоковедения РАН, однако, спустя три года ученый с мировым уровнем, или, как его называли – странствующий «рыцарь культуры», скончался «при невыясненных обстоятельствах».

Его деятельность в СССР была далека от того представления о Родине, которое сложилось у него за время долгого отсутствия. В своей научной деятельности Юрий Николаевич так же, как и его коллеги М.И. Ростовцев и Г.В. Вернадский не избежал клейма «буржуазного ученого», когда после выхода под его редакторством сборника изречений Будды в переводе академика В.Н. Топорова, так называемой «Дхаммапады», его начали «прорабатывать» на партсобраниях. Его имя практически не упоминалось в печати, а его научная деятельность оказалась под жестким партийным контролем, что, конечно же, сказалось на его внезапном уходе.

Библиография трудов Ю.Н. Рериха обширна. Помимо прочего, она насчитывает более двадцати основных работ, среди которых есть такие значимые для науки монографии, как «Тибетская живопись» (1925 г.), «Владения архатов» (1929 г.), «Современная тибетская фонетика» (1928 г.), «Каталог тибетской коллекции» (1930 г.), «Путешествие в сокровенную Азию» (1931 г.), «По тропам Срединной Азии» (1933 г.), и, конечно же, трехтомный труд «История Средней Азии». «Работа Юрия Николаевича Рериха о «зверином стиле» в Тибете, давно уже ставшая библиографической редкостью, цитируется всеми историками скифского и сарматского искусства как сочинение, сделавшее эпоху в науке» [Гумилёв, 2005: 668–674], - писал Л.Н. Гумилёв, характеризуя его фундаментальный труд «Звериный стиль у древних кочевников», изданный в Праге в 1930 г.

Тема номадов, как никогда была близка Ю.Н. Рериху. Более того, он считается основателем номадистики как научного направления [Величко, 2014: 68]. И если ориенталистика как направление до изысканий Ю.Н. Рериха считалась замкнутой областью науки, то Юрий Николаевич максимально приоткрыл ее для большего взаимопонимания «между двумя великими очагами мировой цивилизации» [Рерих, 1999: 13]. Одним из направлений

ориенталистики было изучение номадов, кочевничества, а также роли номадов и кочевых империй в истории Евразии. Очень ярко интерес Ю.Н. Рериха к этой проблеме проявляется в его письмах из Кембриджа. Так, 31 января 1921 года Ю.Н. Рерих писал: «Из лекции Ростовцева еще раз убедился, что Средняя Азия – это Египет будущего, в смысле археологических открытий. Меня очень заинтересовали татары и монголы, особенно их былины и песни кочевий» [Рерих, 2002: 31–32]. Апрель 1922 года: «Моя теория подтверждает теорию проф. Ростовцева о иранском происхождении княжеского рода скифов <...> на юге России. Постановка вопроса очень обширна и позволяет объяснить многое в скифском народном искусстве. Выясняется громадное значение Средней Азии в истории Юга России» [Рерих Ю.Н., 2002: 39]. Именно поэтому появление в его обширной библиографии небольшой по объему статьи, которая непосредственно касается алан, истории их пребывания в рядах монгольской армии, нельзя назвать случайной.

«Они являются в наши дни величайшим и благороднейшим народом мира, прекраснейшими и храбрейшими людьми» [Рерих, 1933: 3]. С этих слов монаха-францисканца Джованни Мариньоли об аланах начал свой небольшой, но емкий очерк «Аланские дружины в Монгольскую эпоху» Юрий Николаевич Рерих. Статья была опубликована в журнале «Осетия», которую издавал в Париже политический эмигрант Дзамбулат Дзанти (1933), и в работе которого Ю.Н. Рерих принимал самое активное участие. Статья носила больше просветительский характер. В ней, после краткого экскурса в историю алан, автор вкратце описывает начальный этап монгольских завоеваний, связанный с преследованием военачальниками Чингисхана Джэбэ-нойоном и Субэдэй-багатуром, султана Хорезма Ала ад-Дин Мухаммеда II, и последующий за этим победоносный вояж преследователей через Северо-Восточный Иран и Закавказье, с переходом через Дербент на Северный Кавказ. Именно здесь произошло первое скрещение боевого оружия монголов с наиболее многочисленным из народов Северного

Кавказа – аланами. Внезапное появление монголов на Северном Кавказе было неожиданностью для всех. Автор пишет: «На фоне общей дезорганизации и почти повсеместного бегства источники особо отмечают упорное сопротивление, оказанное аланскими дружинами. Многовековая военная культура алан столкнулась в кровавом бою с пришельцами с Востока. Монгольские полководцы, всегда гениально оценивавшие качества и особенности своих противников, особо отметили доблесть аланских дружин» [Рерих, 1933: 4]. При столкновениях на поле боя на начальном этапе их компании на Северном Кавказе, монголы были настолько впечатлены боевыми качествами алан, что «поединок сделал из монгол и алан соратников, и это тесное сотрудничество продолжалось до конца монгольской эпохи» [Рерих, 1933: 4].

Судя по назначению статьи, автор не ставил перед собой задачу подробного описания истории служения алан монголам, которое растянулось во времени на два столетия. Ю. Рерих и другие исследователи темы, единодушны в одном: аланские конные отряды показали себя на востоке достойно, о чем свидетельствует последующий рост их численности. Так, если в начальный период количество алан в личной гвардии Великого Хана не превышало 1000 единиц, то уже около 1271 г. при Хубилай-хане (1264-1294), совместно с некоторым количеством кипчаков из них была сформирована гвардия Джасин (охрана аланов) из 3000 всадников. Аланская гвардия достигла своего пика во время правления Туг-Темур¹⁹³, когда их общее количество увеличилось до 30 000 человек. На нескольких примерах автор статьи иллюстрирует то, каким высоким авторитетом пользовались воины-аланы у руководства империи, и ее армии. Речь идет об аланах не только как рядовых всадниках, но и о военачальниках, которые благодаря проявленному мужеству достигли высот в военной иерархии монгольской империи. Этот факт автор иллюстрирует на примере нескольких аланских

¹⁹³ Туг-Тэмур (монг. *Төвтөмөр*); тронное имя Джаяту-хаган (монг. *Заяат хаан*; 16 февраля 1304 – 2 сентября 1332) – восьмой китайский император династии Юань (1328-1329, 1329-1332) и двенадцатый хаган Монгольской империи (1328-1329, 1329-1332).

семейств. Выдающимся офицером стал Фу-дин (Фодин), сын Во-ло-сы (Василий), который в 1311 г. становится начальником штаба право-флангового корпуса аланской гвардии, а затем, проявив себя с лучшей стороны, был переведен на должность Начальника Военного Ведомства (Цюй-ми-юань). Впоследствии во главе отряда в тысячи всадников, он был послан охранять Цзянь-минь-чжень. Более того, в хрониках 1236 г. некий Фу-дин отмечен как «глава всех алан» [Рерих, 1933: 5].

Со ссылкой на Юань-ши Ю.Н. Рерих упоминает и такие имена знатных алан, как Кэ-ли-чжи-сы (Георгий), его сын Ди-ми-ди-эр (Дмитрий), Сянь-шань, Чжо-янь-бу-хуа, который был сыном Цяю-хуа, и соответственно правнука аланского князя Николая, который в свое время поступил на службу к Великому Хану Мунке. Согласно Юань-ши Чжо-янь-бу-хуа был выдающимся офицером, и в 1329 г. командовал отрядом в четыреста аланских всадников. «В 1336 г. он уже занимал высокий пост Начальника Военного Ведомства (*Цюй-ми-юань*), и командовал лево-фланговым корпусом аланской гвардии» [Рерих, 1933: 5].

Еще один интересный факт, который в качестве примера приводит Ю.Н. Рерих, говорит о посольстве, которое по просьбе местных христиан Хан Узбек отправил к Папе Бенедикту XII. Во главе посольства был некто Андрей, которого хроники называют франком. «При нем состоял алан Тогай и 13 спутников» [Рерих, 1933: 4]. Посольство было принято Папой в Авиньоне 31 мая 1338 г., и помимо ханских грамот Посольство передало письмо от асских военачальников, которое было датировано 11 июля 1336 г. «Этот любопытный документ ... был подписан рядом аланских князей» [Рерих, 1933: 4]. Первым подписантом среди асов был тот самый Фодин, сын Во-ло-сы, младший правнук прежнего правителя страны асов, который возглавлял Военное ведомство империи. В письме аланы сообщали о том, что христианский архиепископ Ханбалыка Джованни Монтекорвино, который долгие годы наставлял в вере аланскую паству, скончался, и аланы

империи, оставшись на восемь лет без попечения архиепископа, просили Святой Престол прислать им нового пастыря.

По следам этого посольства Папа Бенедикт XII направляет в Китай миссию из пятидесяти монахов во главе с папским легатом, путешественником и дипломатом Джованни де Мариньолли, которая прибыла в Ханбалык (Пекин) в 1342 г.

Аланы отметились в восточных хрониках, оставив при этом довольно значимый след в истории Китая. Более того, Ю.Н. Рерих отмечает, что «их потомки видимо продолжали играть известную роль и при следующей китайской династии Мин» [Рерих, 1933: 5]. Но вряд ли автор прав в этом, полагая, что потомки аланских воинов первой волны могли так же достойно служить в рядах армии, пришедшей на смену Юань китайской династии Мин. С военной силой побежденных монголов, китайцы не церемонились. Так, из 100 тысячного контингента (с семьями) немалая часть полегла на полях сражений, а остальные были обречены на ассимиляцию в местной среде, получив впоследствии название-асуды. Асуды как воинский клан компактно проживали в Южной Монголии. Кроме того, сомнение вызывает утверждение Ю.Н. Рериха будто при первой схватке с монголами (1222), наряду с половцами союзниками алан выступили лезгины и черкесы, в то время, как во всех известных источниках в качестве союзников алан указываются лишь половцы. «Ко времени выхода монголов на Северный Кавказ они (аланы – А.Ч.) заключили союз с кипчаками о совместной борьбе с завоевателями» – читаем мы в Истории Северо-Осетинской АССР [История ..., 1987: 124]. Первое сражение произошло между «объединенными силами северокавказских аланов и кипчаков» [Бубенок, 2004: 16] – отмечает украинский ученый О.Б. Бубенок. Нуждается в корректировке мнение автора о том, что со времени вторжения Батыя аланская конница постоянно участвовала в монгольских походах. Безусловно, в этот период произошло значительное увеличение аланского контингента в монгольской армии, а набор и отправка алан на военную

службу в монгольской армии начался с первой половины века после походов, возглавляемых Субедеем и Мунке [Бубенок, 2004: 96].

И, тем не менее, как заявляет Ю.Н. Рерих, «Под знаменами монгольских ханов аланский меч снова начертал славную страницу своей истории» [Рерих, 1933: 5]

4.7. Я. Лебединский: Сармато-аланская компонента французской истории

В последнее время европейская историография вновь начала уделять большое внимание скифо-аланской проблематике. Отчасти это обусловлено неухающим интересом ученых-историков к историческому прошлому Европы, существенное влияние на культуру которой оказали сарматы и аланы. Многие поколения европейских ученых до сих пор обоснованно считают, что сарматы и аланы являются неотъемлемой частью истории и наследия Европы. За последние десятилетия в разное время сарматам и аланам посвящали свои работы такие исследователи, как Т. Сулимирский, Ф. Кардини, М. Мельчарек, А. Алемань, Р. Шмоскель, Э. Истванович и другие.

Одну из наиболее интересных работ, посвященных сарматам и аланам, написал французский историк-археолог украинского происхождения Ярослав Лебединский. Книга под названием «Сарматы и аланы в Галлии IV-V вв. История и наследство» вышла в серии «Алано-кавказская библиотека» во Владикавказе в 2016 году. В своем предисловии к книге автор пишет: «Посвящается осетинскому народу, его интеллектуальной элите, усердно работающей на благо сохранения своего древнейшего языка и традиций, унаследованных от предков-алан» [Лебединский, 2016: 3].

Ярослав Лебединский родился в Париже в 1960 г. Он работал в разных исследовательских институтах и вузах Франции, однако с 1997 г. начал преподавать историю Украины в Парижском национальном институте восточных языков и цивилизации (INALCO). Ученый является специалистом

по древним евроазиатским степным культурам и Кавказу, из-под его пера вышло более трех десятков монографий, а также множество статей, посвященных древним кочевым народам Евразии, культурам Кавказа, изданных преимущественно на французском языке. Кроме этого Я. Лебединский выступает в роли переводчика на французский язык ряда научных изданий, интересных французскому научному сообществу.

Всего по скифо-сармато-аланской проблематике Ярослав Лебединский издал пять работ. Первая монография под названием «Аланы», написанная им в соавторстве с известным алановедом В.А. Кузнецовым, была издана в Париже в 1999 г. Позже, в 2005 г. эта работа была переиздана вновь. За ней последовали книги: «Саки» (2006); «Оружие и воины Кавказа» (2008); «Скифы, сарматы и славяне» (2009) и «Сарматы и аланы против Рима» (2010). Кроме всего прочего, автор уделил большое внимание и киммерийцам в своей монографии «Киммерийцы. Первые кочевники европейских степей IX-VII вв. до н.э.», изданной в Париже в 2004 г. Помимо основательных франкоязычных работ у Я. Лебединского есть публикации и на русском языке. Одна из них, статья под названием «Аланы в Галлии: ретроспективный обзор и выводы» (2013), вышла в сборнике «Этногенез и этническая история осетин. Материалы международного конгресса» во Владикавказе в 2013 г. [Лебединский, 2013]. И, наконец, в 2016 г. в серии «Алано-кавказская библиотека» во Владикавказе была издана основательная монография Я. Лебединского «Сарматы и аланы в Галлии в IV-V вв.». Как отмечает Я. Лебединский во введении к русскому изданию, данная монография являлась итогом двадцатилетних исследований в области сармато-аланской проблематики, была предназначена «для русскоязычных читателей и содержит всю последнюю информацию по данному вопросу, а также элементы ее интерпретации и обсуждения» [Лебединский, 2016: 10]. Это утверждение, а также богатая библиография ученого со всей ответственностью позволяют нам представить Ярослава Лебединского как крупного исследователя в данной области.

Чем же интересна данная работа для исторической науки в целом и для алановедения и осетиноведения в частности? В большинстве своем проникшие на территорию Галлии после Великого переселения варварские племена франков, бургундов, бриттов в большей степени, и вестготов, вандалов и гуннов в меньшей, оставили четкий след в исторической памяти французского народа. Этого нельзя сказать о сармато-аланских всадниках, пришедших на эту территорию через Паннонию из южнорусских степей, и оказавших существенное влияние на историю и культуру Франции, но почему-то не оставивших после себя столь устойчивых воспоминаний. Рассматриваемая монография в определенной степени восполняет этот вакуум. Это первое.

Во-вторых, серьезная исследовательская литература, в которой освещается участие алан в Великом переселении народов, а также история сармато-аланских племен на всей территории западно-римской империи, представлена такими исследователями, как Ф. Кардини, Б. Бахрах, В. Ковалевская, Т. Сулимирский, и т.д. Отличие рассматриваемой книги от работ вышеуказанных исследователей заключается в том, что в ней внимание сосредоточено лишь на истории сарматов и алан, прибывших в Галлию в строго ограниченные хронологические рамки – IV-V вв., что позволяет всесторонне обозреть определенный период истории этих народов, не обобщая и размазывая фактологию во вневременных рамках.

В-третьих, авторы, ранее писавшие, в частности, о сармато-аланах Галлии, по разным причинам не смогли использовать весь объем архивных материалов. В основе своей они пользовались лишь литературными источниками, в которых имели место недостоверная интерпретация тех или иных событий, искажение и неточное восприятие археологических артефактов, топонимов и т.д. Ограничивая исследование проблемы рамками определенного исторического периода, Я. Лебединский смог уделить особое внимание деталям, конкретике и точной фактологии событий, описываемых в различных исторических документах.

В-четвертых, критически оценивая некоторые положения, озвученные до него американским ученым Б. Бахрахом и другими учеными, автор в своей работе приводит самые последние данные исторической науки о сармато-аланах. Являясь признанным специалистом по истории раннесредневековой Галлии, этой книгой Я. Лебединский вновь заявил о себе как авторитетном и компетентном специалисте в области исторического прошлого Франции.

В-пятых. Обычно ученые, исходя из принадлежности алан к сарматскому племени, нередко приписывают события, связанные с сарматами-аланам, и наоборот. Я. Лебединский посвящает свою книгу одновременно и сарматам, и аланам, однако, в то же самое время он четко отделяет их друг от друга, ибо, по его мнению, в исследуемый на территории Галлии они были представлены самостоятельно. Более того, имели разный исторический статус. В частности, как пишет Я. Лебединский, так называемые дунайские сарматы (бывшие языги и частично роксоланы) были выходцами из венгерской равнины, Паннонии, в то время как аланы изначально пришли из юга России (территория между течениями Дона и Волги) и Северного Кавказа [Лебединский, 2016: 15]. А там, где сарматов и алан в отдельных конкретных ситуациях сложно было размежевать друг от друга по археологическим, лингвистическим и культурным влияниям, автор использует комбинированный этнонимом – сармато-аланы. Сопоставляя сармат и алан ученый обращает внимание и на такое обстоятельство, как их юридический статус в Римской империи: сарматы расселились на территориях, подвластных Риму во II веке, при этом они имели статус свободных иностранцев (*Gentiles*), являвшихся частью военно-административного аппарата империи, в то время как аланы, прибывшие в 405-406 гг. являлись «*федератами*», т.е. сохраняли собственное управление и возможность формировать микрокоролевства на территории Империи. Более того, хронология событий позволяет понять, что аланы как самостоятельная группа оказались в Галлии, то есть на территории Рима

позднее сармат. В качестве подтверждения сказанного стоит обратиться к другим источникам. Так, согласно историческим хроникам, первая крупная компактная группа сармат-языгов оказалась на территории римской империи, в Британии в 179 г. после поражения, нанесенного им Марком Аврелием в 175 г. в ходе Маркоманских войн (166-180 гг.). Что касается прибытия самой большой группы алан на территорию Галлии, то эта дата также оказалась зафиксирована в исторических хрониках, и случилось это событие позднее более чем на 200 лет. Согласно им, под новый 406-407 год аланы вместе с вандалами и свевами перешли по льду реку Рейн и вторглись в Галлию [Успенский, 2016: 286]. Лебединский обозначает это событие иной датой, 405-406 гг., что является не совсем корректным [Лебединский, 2016: 313, 314]. До описываемых событий Рим сталкивался с аланами в восточных провинциях, когда римлянам пришлось «в частности, отражать великий поход алан в Каппадокию в 135 г.» [Лебединский, 2016: 16].

Выше нами было отмечено, что история пребывания сармато-алан конкретно в Галлии изучена весьма слабо. Автор подчеркивает, что «благодаря исследованиям, проводимым в Центральной и Восточной Европе, наши знания о сармато-аланах непрерывно углубляются. Возможности для сопоставления, которыми мы располагаем, и значительно богаче, и надежнее тех, которые были доступны сто или пятьдесят лет назад» [Лебединский, 2016: 9].

Представляемая монография состоит из трех глав. В первой главе под названием «Исторические сведения» Я. Лебединский приводит данные о сарматах и аланах до перехода их в V в. в Галлию. Мы уже говорили о том, что они пришли на территорию Римской империи из двух различных географических районов. Сарматы, которые были самым западным ираноязычным племенем, в I-IV вв. взаимодействовали с римскими властями, находясь то в союзе с Римом (в частности при императоре Грациане), то враждуя с ним. Вслед за Т. Сулимирским Я. Лебединский пишет о той самой известной войне 175 г. сармат-языгов с Римом, в которой языги потерпели

поражение от войск императора Марка Аврелия. Автор книги обозначает в своей работе названия десятков сарматских поселений, их формирование и локализацию на территории Галлии, характеризует быт и социальную иерархию в сарматском обществе, их положение и роль в качестве *Gentiles* (язычники, «племенные») – варварских отрядов во главе с префектом на службе Риму. Некомпактно расположенные сарматские поселения быстро потеряли свою этнокультурную самобытность, и уже к концу V в. частично слились с франками, бургундами. Римские власти представили убежище самым разным сарматским племенам, очень часто вербуя их как воинов. Как правильно пишет автор, присутствие в Галлии алан и сармат в V веке вписывается в историю длительных межплеменных контактов и отражает их два разных этапа. Сарматские колонии восходят к более ранней практике расселения небольших групп варваров администрацией Римской империи. Я. Лебединский ссылается на так называемый Табель о рангах (Перечень Чинов) *Notitia Dignitatum Romani*, некий военно-административный справочник обеих Римских империй времен императора Гонория (395-423 гг.), а также на более раннее их упоминание в поэме Авсония, который говорит о «пашнях, недавно отмеренных сарматским поселенцам» [Лебединский, 2016: 19]. Святой Иероним сообщает, что сарматы, отличающиеся от алан, участвовали в нашествии на Галлию в 407 г. [Лебединский, 2016: 20]. Приводит автор и другие источники, которые действительно различают алан и сармат.

Аланы оказались на территории Франции позднее. После битвы при Адрианополе (нынешний Эдирне в Турции) в 378 г. между готами и аланами во главе с Фритигерном и римскими войсками под предводительством императора Валенты, в которой римляне потерпели сокрушительное поражение, аланы как участники этих процессов, перешли на территорию Рима в качестве федератов и «стали впоследствии «военно-политическим фактором чрезвычайной важности в жизни империи» [Лебединский, 2016: 18]. В отличие от сармат, «аланы представляют собой многочисленные

группы «федератов», с которыми ослабленная римская власть была вынуждена заключать соглашения» [Лебединский, 2016: 18]. Первое пребывание алан на территории Галлии Я. Лебединский связывает с вербовкой римским императором Грацианом войск из варварского населения Паннонии. При этом ученый акцентирует внимание на особо уважительном отношении Грациана к аланам, что проявлялось даже в его стремлении одеваться в аланский костюм. В конечном итоге римские солдаты не простили Грациану фаворитизм по отношению к аланам, вследствие чего 25 августа 383 года император был убит в Лионе. По предположению Я. Лебединского, те триста воинов, которые сохранили до конца верность императору, были аланы.

И все же наиболее значительная волна алан оказалась на территории Галлии после великого похода алаано-германских племен в 407-409 гг., о котором мы говорили выше. Событие, которое Я. Лебединский обозначил как «Великое вторжение», впоследствии оказало существенное влияние на дальнейшую судьбу Европы. Тогда многочисленные орды варварских племен, заправляемыми которыми аланы, вандалы и свевы, в ночь под новый 407 г. перешли Рейн и вступили на территорию современной Франции. Григорий Турский¹⁹⁴, автор Истории Франков (*Historia Francorum*), прозванный впоследствии «Геродотом варваров»¹⁹⁵ пишет: «Между тем король аланов Респендиал, после того как Гоар [аланский вождь] перешел на сторону римлян, отвёл своё войско от Рейна, так как в это время вандалы воевали с франками. Вандалы после гибели их короля Годегизила потеряли в этом сражении почти 20 тысяч человек, и они полностью были бы уничтожены, если бы к ним вовремя не подоспели на помощь аланы» [Григорий Турский, 1987: 38]. Отряды алан делились на две многочисленные группировки. Первая, возглавляемая Респендиалом, спешила на помощь вандалам, атакованным франками. В результате вандалы и аланы в течение

¹⁹⁴ Григорий Турский (лат. *Gregorius Turonensis*, 30 ноября 538 или 539 г. – 17 ноября 593 или 594 г.) – епископ Турский с 573 года, франкский историк, святой

¹⁹⁵ Ampere J. Histoire litteraire de la France avant Charlemagne. P., 1870. P. 8.

двух лет, пройдя с севера на юг всю Галлию, опустошили ее, и перешли через Пиренеи в Испанию. Гоар, возглавляющий другую группу алан, не стал участвовать в разбойничьих акциях Респендиала и вандалов. Вместо этого он заключил соглашение с Римом, согласно которому перешел на сторону римлян и начал защищать интересы Римской империи. При этом его авторитет как военачальника и союзника Рима был настолько высок, что в 411 г. Гоар оказался задействованным в интригах имперского масштаба. В частности, он вместе с бургундским королем Гундахаром (Гунтиярием) поддержал представителя галло-римской знати, некоего Йовина, провозгласившего себя императором, в его стремлении узурпировать власть. Источники умалчивают о том, какую роль в этой истории сыграл Гоар, и какие последствия имели для него эти события (Бахрах считает, что «после поражения Йовина Гоар продолжал оставаться на службе империи, считая, что он и не порывал с ней» [Бахрах, 1993: 79].), однако для Йовина все закончилось печально. Из последующей хроники перечня событий, связанных с аланами в Галлии стоит упомянуть и переход части алан из армии вестготов в лагерь римлян в аквитанском Базесе; обустройство алан в районе Валанс и в Галлии, в провинции Хиспания Ультериор, так называемая Внешняя Испания, к северу от Лувра (440-442 гг.); поход короля алан Эохара в 447-448 гг. в Арморику; участие короля алан Сангибана в защите Галлии от гуннов (451); война между аланами Луары вестготами Аквитании (452-452), опустошении Галлии аланами (461) и т.д. [Лебединский, 2013: 314]. В основе своей аланы были сконцентрированы в двух районах Галлии. Первая, так называемая Гоаровская Алания была расположена на северо-востоке Галлии. В то же время в другой провинции, Валанс начиная с 40 гг. V в. образовалась еще одна крупная аланская община.

Много внимания Я Лебединский уделяет взаимоотношениям римского полководца Аэция со сменившим Гоара вождем (царем) Сангибаном накануне Каталаунской битвы 451 г. Все авторы, в том числе и Я. Лебединский подчеркивал решающую роль аланских катафрактариев как

основной ударной силы группировки римских войск Аэция [Лебединский, 2016: 53]. После этой «Битвы народов», первой подобной в истории человечества, дальнейшая история европейских алан в источниках того времени прослеживается плохо. К примеру, в 464 г. аланы, изгнанные вестготами из Галлии, во главе со своим царем Беоргором, перешли через Альпы в Италию, и принялись грабить Паданскую долину. 6 февраля того же года, выступивший против них с армией Флавий Рицимер, внук по матери вестготского короля Валии, романизовавшийся германский генерал, нанёс аланам сокрушительное поражение в сражении неподалёку от Бергамо. Среди большого количества погибших аланов был и Беоргор. Немногие уцелевшие аланы были приняты на службу в римскую армию [Сиротенко, 1975: 184, 38]. В конце V в. представители династии Меровингов франкские короли Хильдерик, а затем и Хлодвиг, завладели территориями между Луарой и Сиагрием и, таким образом, аланские королевства на территории Галлии постепенно перешли к франкам. По сведениям Б. Бахраха, «Среди рушившегося римского государства аланы, в особенности те, которые были в Галлии, обладали большой возможностью стать составной частью новой средневековой аристократии» [Бахрах, 1993: 89]. Со ссылкой на Б. Бахраха Я. Лебединский считает, что, возможно, аланы Франкского королевства сформировали часть новой господствующей элиты в меровингский период [Лебединский, 2016: 58]. Что касается судьбы самых алан, то, как пишет ученый, «аланы Залуарской Галлии, как и аланы Валанса, а также аланы других вероятных поселений, неизвестных источникам, ассимилировались во второй половине V в.» [Лебединский, 2016: 58].

Значительное место в исследовании Я. Лебединского занимает анализ археологического наследия, оставленного сармато-аланами на французской земле. Как профессиональный археолог Я. Лебединский подвергает детальному критическому анализу всю существующую литературу по археологии раннесредневековой Франции, труды таких известных специалистов как Э. Сален, К. Цангемайстер, Д. Шорш, Е. Джеймс,

Л. Франше, Ж. Сират, К. Пиле, М. Казанский, П. Перен, К. Симон, Й. Вернер, М.Р. Сотер, А. Мастыкова. Ученый систематизирует и анализирует обнаруженные археологические артефакты, сопоставляет археологические находки с соответствующими по хронологии историческими событиями, тем самым достигая максимальной объективности представляемой картины.

В главе представлены все археологически значимые памятники и захоронения на территории Франции, имеющие отношения к раннему средневековью, т.е. V-VI вв., к периоду, когда сармато-аланы все еще сохраняли свою идентичность. Вслед за предметной идентификацией (обряды, погребения и погребальный инвентарь, зеркала, оружие, одежда, тагми), Я. Лебединский анализирует известные могильники с наличием сармато-аланского инвентаря (Реймс, Труа, Оберне, Страсбург, Креффельд-Геллет), а также единичные находки. Ученый исследует также «варварские» захоронения и погребальный инвентарь, и так называемые ложные следы и сомнительные эпизоды. Завершается глава исторической интерпретацией археологических находок, их общей оценкой.

Объективному анализу археологического наследия сармато-алан во многом способствовала удачно разработанная методология исследования и компетентность ученого в обрядовой жизни сармато-алан и других варварских племен, в умении отличить могильники, оставленные ираноязычными племенами от тех, которые принадлежали гуннским и германским племенам. Благодаря комплексному подходу ученому удалось систематизировать археологические объекты на территории Франции в V-VI вв. и разбить их на три части. К первой Я. Лебединский относит настоящие сармато-аланские археологические находки из Реймса, Хохфельдена, Оберне, Креффельд-Геллепа и, возможно Эрана, Мульта, Сен Ливрад-сюр-Лота и Флина. Ученый считает их достоверным признаком сармато-аланского наследия, характерными для обрядовой жизни сармато-алан, и подтвержденные историческими источниками. К такому выводу он пришел благодаря обнаружению в могильниках характерных для сармато-

алан, деформированных (моделированных) черепов, нашивных декоративных пластинок, разбитых металлических зеркал с боковым ушком рядом с телом погребенного, клинки с вырезом у основания рукоятки и др. Ко второй группе артефактов ученый отнес археологические памятники, которые его предшественниками считались аланскими, но которые вызывали у него сомнение в их правильной диагностике, хотя Я. Лебединский все же остерегается их полностью опровергать. Третью группу составили археологические памятники и отдельные находки, которые его коллеги ошибочно приписывали сармато-аланам.

В целом, если, помимо ошибок и сомнительных диагнозов исключить весь исследованный в той или иной связи материал, не принимать в расчет ранние случаи искусственной деформации черепа, и брать только минимальное количество артефактов – все же и они надежно свидетельствуют о присутствии в Галлии довольно многочисленных групп алан и сармат. Кладбищ и отдельных сармато-аланских захоронений во Франции, по всей вероятности, было достаточно много, заключает ученый при анализе археологических артефактов сармато-алан.

Итак, несмотря на то, что все находки носят случайный характер, автор утверждает, что во Франции никто никогда конкретно и системно не занимался поисками сармато-аланского наследия. Здесь не было археологов, которые обладали бы необходимым арсеналом знаний для их идентификации. Кроме того, сложность этой работы заключалась и в том, что специфическая самобытная «материальная культура» алан на территории Франции сохранилась лишь в течение жизни лишь одного-двух поколений, а в некоторых провинциях и того меньше. «В первой половине V в. аланы и сарматы должны были быть довольно распространенным и привычным элементом демографического пейзажа Галлии» [Лебединский, 2016: 119]. Затем появились захоронения со смешанным инвентарем, характерным для сармато-алан и германцев. Все вышеизложенное дало возможность Лебединскому подвергнуть обоснованной критике коллегу М. Робсон,

тенденциозно и необоснованно утверждавшего, будто «археология не выявила во Франции никаких следов сармат».

Большую научную нагрузку несет третья глава монографии. Если вторая глава была посвящена материальному (археологическому наследию), то в третьей исследуется нематериальное, лингвистическое и культурное наследие сармато-алан. К тому же, как отмечает автор, это наследие требует более осторожного и критического подхода. Исследуя археологические памятники, автор придерживался таких методологических устоев как: лингвистический контекст (региональные языки, диалекты), графическая и орфографическая специфика древних текстов, учет и анализ местечковых названий населенных пунктов. Такой разноплановый исследовательский подход дал возможность ученому подойти максимально близко к исторической истине, воссоздать объективную картину. Прав он, когда пишет, что «отдаленное сходство названий ничего не доказывает, тем более в случае, если существует альтернативные объяснения их происхождения от кельтского, латинского или романского, или германских языков ... Кроме того, они должны быть реалистичны» [Лебединский, 2016: 122, 123].

О сармато-аланском топонимическом наследии Франции писали многие ученые, такие, как В.Б. Ковалевская, В.Б. Виноградов, В.А. Кузнецов. Однако, даже на этом весьма компетентном фоне труд Я. Лебединского, заслуживает большего доверия и достоверности. Его монография пропитана любовью к своей стране, к ее великому прошлому. Автор отлично знает Францию, и зарекомендовал себя авторитетным специалистом. Я. Лебединским запущены в научный оборот все имеющиеся архивные источники вокруг темы исследования, подвергнута критическому осмыслению существующая по теме археологическая литература. Исследование топонимов, относящихся к сарматам и аланам, имеет свои сложности, которые сводятся к тому, что даже если топоним действительно имеет отношение к сарматам и аланам, он не обязательно означает их колонию, но может напоминать имя или прозвище отдельной личности

сарматского происхождения. Согласно исследованиям ученого, сарматские топонимы наиболее распространенной серии были расположены во внутренней Галлии, а не на ее рубежах, точно также как были расположены сарматские префектуры *Gentiles*.

Я. Лебединским установлено, что наиболее распространенной формой топонимов от племенного названия сармат были Сермез (таких топонимов на территории страны целых 36), и производные от него: Сомез, Сермазель, Сермероль, Сермесс, Сермель, Сермасс [Лебединский, 2016: 136, 140]. Он критикует коллег (М. Роблен, Ж. Таверне), скептически относящихся к наличию топонимов, связанных с сарматами, и приходит к заключению, согласно которому сарматы оставили свой прочный след в топонимии Франции. Вместе с тем, ученым выявлен ряд топонимов, которые ему кажутся проблематичными, а также топонимы, которые до него ошибочно считались сарматскими.

Исследование топонимов, образовавшихся от этнонима «аланы» оказалось более сложной задачей для автора, о чем говорит знакомство с методическими принципами и тщательнейшим анализом каждого из характеризуемых в монографии топо- и гидронимов. При этом примечательно, что при анализе происхождения тех или иных топонимов, автор наравне с кельтским, германскими и другими языками пользуется и данными осетинского, таджикского и др. иранских языков, проводит удачные топонимические (*Alan-gaw* – поселение алан; *хъæу* (осет.) – деревня) и гидронимические (*Alan-dan* – речка, протекавшая на территории Франции и Швейцарии) параллели, распознал скифскую основу осетинского слова *дон* (в значении вода, речка, а также название реки Дон) хотя в форме *дон* имеются реки и в самой Франции [Лебединский, 2016: 53]. В названии *Дурдан* Я. Лебединский усматривает сармато-аланский этноним *dur-dan* каменная река (место). Осторожный подход ученого к топонимическому наследию алан на территории современной Франции вызван также необходимостью избежать системной компиляции всего того, что

«напоминает» этноним *алан*. С этой целью Лебединским выделены топонимы – названия населенных пунктов, поселений, представляющие собой просто собственное имя, отдельно представляя названия, имеющие структуру алан *alan* + суффикс и *alan* + кур (*Alancio, Alanian, Alaniacum, Alankon, Alenkur*) [Лебединский, 2016: 140-150].

Как нами было отмечено выше, автор книги запустил в научный оборот большой архивный материал, который помог ему не только в наведении ясности в происхождении топонимов, но и в установлении их возраста и географии размещения по территории страны. Архивные источники подтвердили, что основными местами заселения алан оказались Валанс и Залуарская Галлия, что уже в начале V в. образовалось значительное количество военных поселений алан между средним течением Луары, Сены и департамента Сарта. Именно в этом ареале имя алан пользовалось наибольшей популярностью. Чуть сложнее оказалось с анализом топонима алан на полуострове Бретань, на котором аланы расселись также в V в. И вызвано это созвучием бретанских и аланских антропонимов.

Автор справедливо критикует Ж. Таверде, который сводил всех алан, за исключением названия серии типа Аллен/Allaines – к кельтскому *Alauna*, предлагает кельтскую этимологию названиям типа «маркоманн», которое в действительности являлось названием племени древних германцев. Ученый уделил внимание и топонимам, ошибочно считавшимися производными от этнонима алан. Он критикует тех, которые увидели, к примеру, в топониме «*массажет*» предков алан (массагетов), оставшихся в Центральной Азии. На деле Массажет – уменьшительное название одного из селений в Галлии – Массаж. Я. Лебединский считает ошибочным и мнение аббата де Ла Рю, считавшего аланскими топонимы в Нормандии как наследие возможно существовавшего там аланского королевства. Полагаю, что здесь обоснованно и замечание в адрес В.Б. Ковалевской, которая среди других топонимов на территории Франции с аланской основой считает *As, Ir* или *Saka*. Отвечая ей, Я. Лебединский пишет: «Первая основа входила в название,

по меньшей мере, части алан, но в период Средневековья у античных алан она не находит никакого подтверждения. Вторая представляет собой современный этноним осетин, также неизвестный в античные времена; шансы обнаружения его в топонимике ничтожны. Что касается третьей основы этнонима саков Центральной Азии, она и вовсе не встречается в среде сармато-алан» [Лебединский, 2016: 152].

Вместе с тем, сомнения уважаемого ученого относительно принадлежности некоторых топонимов аланам не всегда убедительны. В частности, Я. Лебединский сомневается в образовании топонима Каталония от названия племен готы и аланы на основании того, что до сих пор в указанном районе Испании не обнаружены следы поселений алан. То, что следы алан до сих пор не обнаружены в этой области, еще не является доказательством того, что алан там не было; аланский след на западе, как правило, обнаруживается только при случайных археологических находках. К тому же в другом месте своего труда Я. Лебединский называет Каталонию в числе регионов, в котором в раннее Средневековье получило наибольшее распространение знаменитая аланская (каталонская) собака [Бахрах, 1993: 141].

Исследователь не оставил без внимания гидронимы и омонимы, водных объектов, гор, холмов, содержащие в названии топоним алан; они получили распространение во многих департаментах Франции (Аланьон/*Alagnon*, Аллен/*Allaine* и др.). На территории Франции сохранились и сармато-аланские антропонимии. Их происхождение также было разным. Там, где сармато-аланы слились с позднеимской элитой, Я. Лебединский допускает возможность сохранения прежнего названия за местами их проживания. Топонимы «Сарматия» и «Алания» обычно носили военизированные поселения.

Я. Лебединский исследовал следы сармато-аланской топонимии и в таких собственных именах как Аланус, Сарматионус, Сарракус, Самбид, Гоар. Более подробно он разбирает происхождение последних двух имен.

Ученый считает недостаточным основанием для окончательного вывода одно упоминание имени Самбид в «Галльских хрониках». Однако и предложенные им предположения не совсем убедительны. Что касается имени другого, более могущественного аланского короля Гоара, то, как было сказано выше, это имя в разных источниках пишется по-разному. Среди вариантов, Я. Лебединский отдает предпочтение имени, предложенному В.И. Абаевым и Б. Бахрахом, которые расценивали антропонимии Гоар и Еухор (Эухор) как синонимы. Гоар без преувеличения был настолько легендарной личностью, что в последующем (даже после ассимиляции алан в местной франкской среде) его именем франкские аланы продолжали называть своих сыновей. В этой связи Я. Лебединский приводит наименования двух населенных пунктов: на территории нынешней Франции (Сент-Гоар) и Германии (Санкт-Гоархаузен) в память о святом Гоаре, жившем в первой половине VII в. (умер в 649 г.). Свидетельствами пребывания и оседания алан на территории Франции, являются и сармато-аланские слова, проникшие в лексику французского языка. Таковы топонимы из кочевой жизни сармато-алан (хæтæн, бадæн), имена, использованные в названиях известных сторожевых собак (каталонская собака-*catalanic*; аланская собака – *canis alanus* – *alano* (алан) и т.д. Да и среди части местного населения, в особенности после грабительского опустошения Галлии войсками аланского предводителя Респендиала, недружественных и непрошенных гостей местное население награждало оскорбительными на их взгляд именами. Так, в Нормандии слово *allain* означает «неприятный человек». Из вышеизложенного следует, что со многими положениями своих предшественников, свидетельствующих о пребывании сармато-алан на территории современной Франции, Я. Лебединский согласен, но, при этом, есть немало и таких утверждений, к которым он относится довольно скептически, не видит в них здравого смысла. Между тем, автор отмечает, что и с вычетом сомнительного и преувеличенного, «перед нами возникает картина присутствия в Галлии относительно многочисленной группы сармато-алан, а точнее алан, но

присутствие рассеянного и менее продолжительного, чем пребывание других этносов ... Непосредственное влияние алан на военно-политические события было значительным, но кратким» [Лебединский, 2013: 320]. Автор, безусловно, прав, отмечая кратковременность пребывания алан во Франции. В то время как королевства бургундов и вестготов сохранялись в Галлии одно-два столетия, поселение алан к северу от Луары просуществовали всего пару десятилетий. Разумеется, Я. Лебединский своими исследованиями не смог поставить точку над всем топонимическим арсеналом, связанным с сармато-аланами. Наоборот ученый призывает к дальнейшему исследованию сармато-аланского наследия, особенно древних форм названий.

Небольшой по объему последний параграф третьей главы – «Культурные связи» подтверждает не только факт пребывания алан в Галлии, но и глубокий культурный след, оставленный ими в этом ареале. Аланы упоминаются в начальной истории французского государства, источниках мифологического характера, составленных соответственно в VII–VIII вв. – в «Истории франков» Фредегера и анонимной «Книге истории франков» [Лебединский, 2016: 171]. Между тем, судя по этим книгам, франки получили свою независимость от римлян после одержанной ими победы над аланами на Азовском море. Следует отметить, что франки никогда не пересекались с аланами у берегов Азовского моря. Вымысел преследовал цель героизировать прошлое, зафиксировав победу над действительно значимым противником. Что касается источника под названием «История бриттов» (*Historia brittonum*) валлийского историка VIII–IX века Ненния (IX в.), то он содержит два генеалогических предания. Согласно первому некий Аланус, сын Яфета и внук Ноя, став первым жителем Европы после Всемирного потопа «становится предком нескольких больших европейских народов-вандалов, франков, «латинян», аламанов, бретонцев, бургундов и готов» [Лебединский, 2016: 172]. Второе предание возводит Алануса к Энею из Трои, к Яфету, и провозглашает его предком бретонцев

[Бахрах, 1993: 98]¹⁹⁶. При всех возможных предположениях Я. Лебединский не сомневается в том, что «свое имя этот вымышленный Аланус мог заимствовать только у алан» [Лебединский, 2016: 72] и этот факт является еще одним весомым свидетельством глубокого следа, оставленного аланами в Галлии, о котором писал французский ученый Э. Сален.

Я. Лебединский не обошел стороной и параллели между легендами о короле Артуре и нартовским эпосом, подверг критическому анализу монографии К. Скотт Литтлтона и Л. Малкор «От Скифии до Камелота» [Скотт Литтлтон, 2007] и Г. Рида «Артур-король драконов. Варварские истоки величайшей легенды Британии» [Рид, 2005], подчеркивая преувеличенность некоторых суждений и параллелей, хотя и признает, что «некоторые элементы легенд о короле Артура аналогичны кавказским, точнее осетинским нартовским преданиям, а также обычаям, отмеченным у сармато-алан в античные времена» [Лебединский, 2016: 173]. Эти свои мысли Я. Лебединский проиллюстрировал примерами из британского и осетинского эпосов: тематическое и композиционное сходство (святой Грааль – Уацамонга), образов, тождественных в малейших деталях (сходство мотивов смерти Артура и Батрадза), мантии (из бород рыцаря Ригта и из скальпов нарта Сослана), сближение имени Артура с осетинским *арт-хур* (огонь-солнце) [Лебединский, 2016: 173-175].

Автору монографии о сарматах и аланах удалось «выделить возможные случайные совпадения и выявить те элементы, которые могут восходить к общеиранским корням (эпические общеиндоевропейские сюжеты, унаследованные кельтами и ираноязычными степными народами). Ученый допускает и возможное фактическое заимствование, имея ввиду имевшие место контакты кельтов со скифами на Северном Причерноморье [Лебединский, 2016: 175].

Тем не менее, элемент сомнения в достоверности указанных параллелей у Я. Лебединского сохранился. И одним из поводов для сомнения

¹⁹⁶ Эти примеры были приведены в предыдущих главах диссертационного труда. – А.Ч.

послужил временной разрыв между ними. По его мнению, британская легенда о короле Артуре сложилась в раннее Средневековье, в то время как нартовские сказания автор датирует XIX в. Но это далеко неудачный пример, хотя бы потому, что, если ученому сообществу нартовские сказания стали известны в XIX в. это вовсе не говорит о том, что они тогда же и возникли. В нартоведении твердо установлено, что окончательное формирование нартовских сказаний осетин произошло в первом тысячелетии н.э. в среде аланских племен. Так что временного разрыва в возникновении эпосов практически не существовало. Для сравнения, такими же историческими источниками, в том числе для реконструкции воззрений и событий глубокой древности, служат финский эпос «Калевала», коми эпос, русские былины, восточнороманский эпос, записанные в XIX в.

«Очевидно, что область, в которую вклад сармато-алан в культуру Западной Европы кажется логичным – это развитие кавалерии ... в силу своих традиции сарматы и аланы были, по всеобщему признанию, непревзойденными наездниками» [Лебединский, 2016: 179] – этими словами Я. Лебединский иллюстрирует значительный вклад алан в преобразование армии франков, которая в те далекие времена в основном была пешей. Кроме того, известно, что аланское влияние в использовании тактики «притворного отступления» сохранилось во франкском государстве вплоть до XI в. Автор монографии не ограничивается этими примерами. Ссылаясь на М. Казанского, он допускает возможным аланское происхождение обычая захоронения некоторых «варваров» с одним единственным видом вооружения – мечом, который аланы боготворили. Именно сармато-аланы первыми принесли на территорию Франкского государства обычай искусственного деформирования черепа [Лебединский, 2016: 182-184]. Интересно описание этого процесса в монографии. Согласно автору, деформация черепа представляет из себя «углубление в форме арки более или менее полукруглой формы, особенно ярко выраженное в лобной и теменной частях, но распространяющееся также и на боковую часть черепа

над ушными раковинами. Она достигалась давлением на голову ребенка повязки с вшитой дугообразной железной пластинкой под названием «дужка», являвшейся частью круглой картонной шапочки, которую носили девочки и женщины» [Лебединский, 2016: 182, 183]. Впоследствии, в гуннскую эпоху эта традиция не была больше прерогативой сармато-алан, и получила распространение среди тейфалов, вестготов и др. племен. Таким образом «смешение народов и культур в эпоху Великого переселения народов в некотором смысле умножило влияние сармато-алан на территории всей Европы, в частности Галлии в позднеримский и постримские периоды» [Лебединский, 2016: 185]. Обычай деформации черепов просуществовал более тысячи лет. Так, одевать на маленьких детей головные уборы, обручи или повязки, плотно стянутые под подбородком или на затылке, вызывая, таким образом, деформацию, существовал на западе Франции вплоть до XIX века.

Весьма интересные и любопытные материалы содержатся в приложении к книге. В нем предлагается довольно подробный лингвистический анализ антропонимов (имен) самых видных аланских предводителей, а также антология современных мифов по теме. В ряде трудов по истории франков, к примеру, в очерке Никола Винье (1530-1596) «Трактат о происхождении древних французов» (1582), в котором опровергается легенда об их происхождении от троянцев, утверждается мысль, что франки могли быть сарматами или скифами, осевшими в Галлии в период Великого переселения народов и принявшими новое название. Вот как комментирует эти слова Я. Лебединский: «Хотя мнение де Винье и было ошибочным, оно предвосхитило современные представления о влиянии сармато-алан на германскую среду об их роли в формировании сначала «дунайской» межнациональной культуры в гуннскую эпоху, а затем и первой мерovingской культуры» [Лебединский, 2016: 195]. Неоспоримо также влияние, оказанное сообществами сармат и алан на армию позднего Рима, на германский мир, на культуру гуннов. Влияние это проявилось в том числе и в

нравственной сфере, в заимствовании предметов обихода, таких как золотые и серебряные браслеты, подвески для мечей из ценных материалов. Сармато-аланское происхождение имеют такие символы, как «драконы» – знамена-штандарты на длинном шесте, представляющих собой голову фантастического чудовища, тканевое тело, надувающиеся проходящим в пасть воздухом, и развевающийся хвост сзади» [Лебединский, 2013: 320].

И, наконец, как ни парадоксально, содержимое древних хроник повторяет современный автор Райнхард Шмёкель. Он пишет, что группа сармат служила в Паннонии недалеко от Будапешта. Рассорившись со своим начальством, сарматы ушли в Тюрингию, откуда впоследствии перебрались на берега Рейна, где подчинили себе германцев и основали франкский «народ» [Schmoeckel, 2016: 25]. Довольно любопытны страницы книги о тех современных жителях Франции, которые и сегодня с гордостью утверждают о своем сарматском и аланском происхождении и в «доказательство» этого доходят до мистицизма. Примером могут служить жители деревни Шальмазель, гордящиеся своими скифо-аланским происхождением.

Анализируемой монографией Я. Лебединского сделан решительный, прорывной шаг в поиске и исследовании сармато-аланского наследия на территории нынешней Франции, оставлен след, который, по утверждению автора, «ни тщетен, ни надуман». Призывая к дальнейшему, более глубокому изучению этого наследия, Я. Лебединский подчеркивает, что «проблема сармато-алан на территории Франции не малозначимая, ибо сармато-аланы сыграли несомненную роль в истории Галлии того времени, а именно в решающую эпоху перехода от римской Галлии сначала к «римско-варварским» королевствам, а затем к меровингской Франкии. Прямо или косвенно они оказали культурное влияние на страну, которая впоследствии должна была стать Францией. Они входят в число (пусть даже в малой пропорции) предков французов» [Лебединский, 2016: 187-188]. В этих словах автора ценной монографии заключается вся значимость трудов Ярослава

Лебединского по исследованию сармато-аланского наследия на территории Франции.

Работы Я. Лебединского показательны и в другом. Хотя его труды и не являются последним словом в изучении проблематики, тем не менее, они служат прекрасным ориентиром, образцом, для аналогичных исследований наследия сармато-алан в соседних с Францией странах Западной Европы, особенно Италии и Испании. Проблема эта захватывающая и перспективная. Она весьма привлекательна для истинных исследователей и интересантов. Возможно этому будет способствовать и исследовательский кружок «Галлия-Сарматия», относительно недавно созданный в Париже и возглавляемый, автором данного исследования, известным сармато-алановедом Европы Ярославом Лебединским.

* * *

Современная историография вопроса весьма обширна, и вполне изучена. Нет необходимости в рамках отдельно взятого параграфа приводить весь доступный материал. В данной работе мы лишь обозначили историю вопроса, такой, какой она представлялась в XIX, XX, и в начале XXI века. Это еще раз подчеркивает тот факт, что интерес к этногенезу осетинского народа не является сиюминутным, что школа, представленная такими именами как Я. Потоцкий, Ю. Клапрот, В.Ф. Миллер и др, насчитывает более чем двухсотлетнюю историю. Подводя же итоги общего экскурса в прошлое рассматриваемой темы, хочется отметить, что видение вопроса этногенеза осетинского народа, которое сформировалось в XIX в. в дальнейшем было дополнено такими видными учеными как Э. Миндз, М.И Ростовцев, Г.В. Вернадский, Ж. Дюмезиль, Я. Харматт, Тойблер, Л. Згуста, Г. Бейли, Т. Сулимирский, В. Ковалевская, Б. Скитский, Ж. Грисвар, Ф. Тодарсон, А. Алемань, Я. Лебединский, В.А. Кузнецов, и т.д., и в этом ряду мы сознательно упоминаем лишь нескольких известных ученых-осетин, мнение которых по освещаемому вопросу игнорировать не представляется

возможным. Это, прежде всего В.И. Абаев, З.Н. Ванеев, Б.А. Калоев, Р.Г. Дзаттиаты, А.А. Туаллагов, Ф.Х. Гутнов и Ю.С. Гаглойти. В основе своей все вышеуказанные ученые вне зависимости от временных и географических рамок своими работами подтверждают основную концепцию, сложившуюся более двух веков назад – осетины являются прямыми потомками ираноязычных скифо-сармато-аланских племен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В вышеизложенных главах и параграфах диссертационного труда мы рассмотрели точки зрения целого ряда авторов зарубежья по кардинальным вопросам этногенеза и истории номадов ираноязычного мира. При этом одни авторы акцентировали внимание на киммерийцах и скифах, другие – на сарматских племенах, третьи – на аланах. Однако их суждения об этногенезе, расселении, политической истории и культуре этих номадов совпадают не всегда. В заключительной части диссертации мы постараемся обобщить взгляды тех или иных ученых на историю и культуру ираноязычных племен, дать критическую оценку их суждениям, а также рассмотреть озвученную проблему с точки зрения современного уровня исторической науки.

Киммерийцы. Не случайно М.И. Ростовцев, как и Г.В. Вернадский начинают свои исследования ираноязычных номадов именно с киммерийцев. Согласно им, именно киммерийцы считаются первыми хозяевами южнорусских степей. Первым в отечественной исторической науке сведения о киммерийцах дает М.И. Ростовцев. Ученый правильно определил юг России местом их пребывания и считал их народом индоевропейского мира, но вопрос их этногенеза считал спорным. М.И. Ростовцев не вполне разобрался в их этногенезе, порой высказывая противоречивые суждения. С одной стороны, он приписывал им фракийское происхождение, с другой писал, что в Приазовье киммерийцы внесли *первые элементы иранской культуры* (подч. мною – А.Ч.).

Четкого ответа на этногенез киммерийцев нет и в трудах Г.В. Вернадского. Георгий Владимирович правильно считал их племенами переходного периода от бронзы к меди, верно определил место их локализации (степи Северного Кавказа и юга России), причины миграции из родных мест (вторжение скифов). Однако в вопросе этногенеза киммерийцев Г.В. Вернадский разделял мнение М.И. Ростовцева об их фракийском происхождении. При этом он исходил из единственного малоэффективного

аргумента, согласно которому некоторые боснийские цари носили фракийские имена. Со времен М.И. Ростовцева и Г.В. Вернадского киммерийцами и их этногенезом занималось немало ученых, среди которых присутствуют такие научные авторитеты как И.М. Дьяконов, А.И. Иванчик и др. Согласно их концепции, разделяемой другими коллегами, в том числе и нами, киммерийцы – это те же индоевропейцы, родство которых со скифами является непосредственным, но никак не через фракийцев.

Скифы. В силу разных причин гораздо больше внимания М.И. Ростовцев и Г.В. Вернадский уделяли истории и культуре скифов. М.И. Ростовцев был одним из первых в отечественной науке, который в своих трудах описал основные вехи истории скифов, однако не смог достичь четкого понимания всех ее аспектов. Ученый был уверен в восточном происхождении скифов, подчеркивал незыблемость этнической цепочки: скифы-сарматы-аланы, одним из первых запустил в научный аппарат равнозначность этнонимов саки и скифы, не сомневался в иранском происхождении скифских имен.

В вопросе общей прародины скифов мнение Г.В. Вернадского совпадало с мнением М.И. Ростовцева. М.И. Ростовцев высказался о восточном происхождении скифов. Г.В. Вернадский считал их первоначальной родиной Сибирь и Северный Туркестан. Он подкрепил свое мнение и причиной, которая заставила скифов двинуться на запад. Согласно ему, это была договоренность с ассирийским царем Ассагадом с целью помочь ему в борьбе с киммерийцами. Георгий Владимирович рассматривал скифское движение на запад как эпизод общего движения кочевников на запад. В заслугу Г.В. Вернадского следует поставить и то, что он не ограничился исследованием одних скифов, но и дал интересные сведения по родственным скифам племенам: *сакам, массагетам, меланхленам, тохарам, кушанам, эфталитам*. Ученый признавал ту большую роль, которую сыграли скифы в исторических судьбах России, не сомневался в их большом вкладе в сокровищницу мировой культуры.

Наряду с этими научно выверенными постулатами, некоторые другие суждения ученого о скифах не подтвердила историческая наука. Г.В. Вернадский ошибочно считал лингвистически недоказуемым принадлежность скифского языка к иранским языкам. Однако в трудах В.Ф. Миллера, опубликованных задолго до научных работ Г.В. Вернадского, и окончательно В.И. Абаева в его специальном исследовании «Скифский язык» доказана не только принадлежность скифского языка к иранским языкам, но конкретно к одному из них, то есть осетинскому [Абаев, 1949: 239]. Г.В. Вернадский также считал правящие верхи скифов-иранцами, а следующие за ними прослойки населения – выходцами из монголов, что также весьма сомнительно.

В условиях тесных связей экономического, политического и культурного порядка ближайšie к колониям скифо-сарматские племена становились полуэллинскими. При этом социальные верхи скифов настолько усвоили греческую культуру, что даже наиболее устойчивые местные этнокультурные элементы подвергались переработке в греко-античном духе (Анахарсис, Скил). В этом отношении особенно показательны скифские археологические артефакты, извлеченные из курганов.

При всей исключительной важности и ценности работ М.И. Ростовцева, в них недостаточно раскрыт вопрос влияния скифской действительности на самих греков. Вот что пишут по этому поводу известные ученые Г.М. Бонгард-Левин и Э.А. Грантовский: «В целом влияние скифской культуры на эллинский мир было весьма заметным. Греческие и римские поэты нередко обращались к скифским мотивам, их привлекали история, обычаи, нравы, традиции скифов, герои скифских преданий: «прародительница» скифов-змееногая богиня земли, эпический царь Колаксай, царицы-воительницы скифо-сарматских племен и др. Очень популярен в античной литературе был образ Анахарсиса ... Вместе с реальными фактами, описанием действительно существовавших народов

греки получали и фольклорные сюжеты скифов и их соседей» [Бонгард-Левин, Грантовский, 1983: 70-71].

Контакты иранского мира, а именно Понтийского царства с Боспорским, восходят к V в. до н.э., и уже в IV–III вв. до н.э. фиксируются определенные взаимоотношения между двумя этими царствами. Отметим и то, что контакты скифов не ограничивались только лишь греческим населением Боспора, хотя они и были преобладающими. Известны также контакты скифского мира с племенами Западной Европы. В эпоху господства греко-иранской цивилизации на юге России западное влияние все же проникало в этот мир, и при этом сильно влияло на общий характер культуры, главным образом западной части южно-российских степей [Ростовцев, 1918: 7]. Научная судьба М.И. Ростовцева – синтез иранства и эллинства, как ни странно определила дальнейшее культурное развитие России и Украины вплоть до сегодняшнего дня. Для нас это важно, ибо кавказский народ осетины есть живой осколок той, ушедшей великой эпохи иранства. Изучение и понимание наследия М.И. Ростовцева необходимо в современных условиях России, как чрезвычайно сложного, живого и турбулентного, нередко противоречивого государственного организма, очень сложного в организации управления. Именно поэтому, осознавая значимость его работ для современного понимания проблемы, жизнь и деятельность М.И. Ростовцева была выделена в отдельную главу. М.И. Ростовцев рассматривает контакты скифов не только с эллинским миром, но и с кельтами на рубеже IV–III вв. до н.э. [Еременко, Зуев, 1989: 110-112].

Во второй и третьей главе диссертационного труда много внимания уделено характеристике отдельных групп и частей скифского мира. Нет необходимости в том, чтобы повторять уже сказанное. Мы лишь коснемся некоторых утверждений круга ученых, мнение которых мы взяли за основу данного труда. Так, наиболее спорными оказались вопросы, связанные со скифами-пахарями, которые занимали западные области скифского мира. М.И. Ростовцев не разделяет точку зрения ряда ученых, одни из которых

(Рыбаков) приписывали им славянское происхождение, другие (Спицын и др.) утверждали, будто скифы пахали землю не сами, а лишь выполняли контрольные функции, заставляя работать оставшееся на месте автохтонное земледельческое население, при этом облагая его налогами. По их ошибочному мнению, скифы-пахари были племенем всадников, которое контролировало соседние земледельческие племена.

Это мнение решительно опровергается М.И. Ростовцевым всего лишь одной его знаменитой фразой: «Скифы учились земледелию у Европы». В действительности, вряд ли страна, которая полностью обеспечивала себя хлебом, и снабжала им всю Грецию, осуществляла все земледельческие работы лишь через подчиненные племена. Незыблемость этого положения подтверждает западноевропейское происхождение большинства земледельческой терминологии осетин, а также обычаев и обрядов, связанных с аграрным культом.

Вызывают возражение взгляды М.И. Ростовцева относительно расовой принадлежности скифов. Изучив артефакты из кургана Солоха, ученый почему-то разглядел в изображении киммерийца – арийца, европеоида, а скифа – монголоида. Что касается Г.В. Вернадского, то он, со своей стороны увидел в чертах лица скифа преобладание монгольского типа (в другой статье – небольшие вкрапления турок и монголов). Одновременно с этим Г.В. Вернадский признавал саков (тех же скифов) иранским племенем, т.е. европеоидами. Но ведь скифы и саки по сути являются иранцами, одним народом с общей материальной и духовной культурой? Если саки европеоиды, то каким образом кровнородственные им скифы могли оказаться монголоидами? Алогично.

Между тем на соответствующих страницах диссертационного труда со ссылкой на работы известных археологов В.И. Гуляева, В.В. Седова, других их коллег убедительно доказывается европеоидный характер антропологического типа скифского населения Северного Причерноморья. Современная наука показывает, что никакого отношения к монголам, ни

генетического, ни антропологического, скифы не имели. Многочисленные параллели в образе жизни и явлениях духовного мира наблюдаются только лишь в единстве скифов с сармато-алано-осетинским миром.

Сарматы. Значительны заслуги М.И. Ростовцева в исследовании истории сарматских племен. Он не сомневался в иранском происхождении сарматов, принадлежность их к скифскому миру, характеризует их как кочевое племя конных дружинников, чрезвычайно похожих на скифов, не сомневался в идентичности этих двух этнических терминов. Относительно терминов «савроматы» и «сарматы» у него все еще нет единого устоявшегося мнения. С одной стороны, М.И. Ростовцев полагал, что савроматы ничего общего не имеют с позднейшими сарматами, с другой – считал их тождественными этнонимами с разницей лишь в транскрипции.

Именно после трудов М.И. Ростовцева сарматология стала самостоятельной ветвью науки. Трудami крупнейших сарматологов (К.Ф. Смирнов и др.) установлено, что савроматы являются непосредственными предками многих сарматских племен, что они – те же сарматы, но та их группа, которая с IV по I вв. до н.э. была уже на западе, словом первая волна сарматских переселенцев на запад.

Заслуга М.И. Ростовцева заключается и в том, что одним из первых он ввел сведения о сарматских племенах (языги, роксоланы, сираки, аорсы, аланы) в научный оборот, верно определяет время занятия ими территории Скифии (вт. пол. III в. до н.э.). М.И. Ростовцев более подробно, чем кто-либо другой, исследовал взаимоотношения скифов и сармат, которые порою, забывая о кровном родстве, оказывались в коалициях держав, в противоборствующих лагерях. Говоря об этнической близости этих племен, ученый писал: «Новейшие лингвистические исследования в области изучения осетинского языка (осетины – отдаленные потомки алан; конечно очень смешанного) подтвердили это сближение» [Ростовцев, 1918: 129]. Вслед за М.И. Ростовцевым об этом пишет и Г.В. Вернадский, рассказывая о

движении сарматских племен на запад, и иллюстрируя сказанное на примерах языгов, роксолан, аорсов [Чибиров, 2018].

Что касается вопроса взаимоотношений сарматов и алан, то по этому вопросу до сих пор нет согласованного заключения. М.И. Ростовцев считал сармат и алан отдельными сарматскими племенами. Согласно мнению Е.И. Крупнова аланы – те же роксоланы. Однако В.А. Кузнецов не разделяет мнения своего учителя. Он утверждает, что аланы были самостоятельным сарматским племенем. Согласно его исследованиям «имя алан отчетливо просматривается уже во II-I вв. до н.э. в названии сарматского племени роксоланы («светлые» аланы). К середине I в. н.э. аланы появляются там, где до того жили сарматы на Северном Кавказе. Как считает ученый, «термин «аланы» вначале обозначал некую этническую или социальную группу внутри аорсов, однако, именно после Боспорской войны 49 г. между сарматскими племенами аорсов и сираков, на Северном Кавказе появляются аланы. Аорсы и сираки оказались покрытыми новым этнонимом аланы, ставшим необычно популярным и быстро распространившимся на все ираноязычные племена сарматского и сако-массагетского происхождения, а еще позже ставшего термином не только этническим, но и политическим, собирательным» [Кузнецов, 2016: 3]

В исследовании истории сарматов, значительны заслуги польского ученого Т. Сулимирского, который посвятил им отдельную ценную монографию. Автором верно использована и проанализирована существующая литература о сарматах, потому большинство его суждений не вызывают вопросов. Он прав, когда пишет, что сарматы «никогда не были единым народом и состояли из нескольких племен в той или иной степени отличавшиеся друг от друга; каждый из них говорил на собственном диалекте». Развивая далее свою мысль, ученый констатирует: «Но язык осетин, проживавших на Кавказе, произошел от древнего сармато-аланского диалекта и его можно считать современным сарматским языком». И, все-таки, у Т. Сулимирского нет четкого представления о сарматских племенах.

Перечисляя сарматские племена, он почему-то не упоминает языгов и сираков; как-бы взамен им он относит к сарматским племенам и антов. Анты, согласно Т. Сулимирскому, вопреки мнению большинства советских и российских ученых, являются племенем иранского происхождения. Помимо Т. Сулимирского принадлежность антов к иранскому миру решительно отстаивает ученый-самоучка, эмигрант Дз. Зураев «Анты, пишет он, бывшие первоначально одной из аланских племенных групп, в послеаланский период выдвинулись как организаторы Антского политического союза североиранских племен» (Зураев, 2014).

Чрезвычайно много внимания антам уделено в трудах Г.В. Вернадского. Ученый является автором исторической концепции о генетической связи алан со славянами-антами. А. Глорик, Л. Шмидт и Фр. Альтхайм считали даже антов не славянами, а алано-осетинами, жившими между Доном и Кавказом (см.: Буданова, 1990, с. 133, прим. 189). Г.В. Вернадский излагает существующие три версии происхождения антов (иранская, славянская и тюркская). При этом решительно отвергая последнюю версию, Георгий Владимирович не может окончательно определиться между иранством и славянством антов. Читая его различные труды и материалы об антах, у читателя не складывается четкого представления о них, об их этнической принадлежности. Анты у него представляются то племенем иранского происхождения, то они – «сильнейшее славянское племя», то он считает их прародителями осетин. В другом месте Г.В. Вернадский считает антов предками восточных славян, хотя не считает их чисто славянским племенем; По его мнению, славянское племя приняло имя своего покорителя и в итоге правящая верхушка их иранская, а остальные – славяне. Т. Сулимирский также часто отождествляет антов с асами, считая последних предками осетин. Обобщая мнение Г.В. Вернадского можно заключить, что страницы работ ученого относительно антов остаются самыми недоработанными.

При всем этом, в трудах Г.В. Вернадского явно вырисовывается роль аланских племен в формировании и становлении антов. Ведь длительное соседство и тесные взаимоотношения древнеславянского племени со своими ираноязычными соседями, не могло пройти бесследно. Неясно, почему в энциклопедических и других специальных изданиях обходится стороной роль, которую сыграли аланы в этногенезе антов?

История части сармат, которые обосновались на территории нынешней Франции, подробно рассмотрена и проанализирована в трудах Я. Лебединского. Автора интересует лишь определенный период истории двух сарматских племен (языгов и роксолан), когда они по воле судьбы оказались в Римской Галлии, где создали свои поселения и сыграли заметную роль в исторических судьбах, сформировавшегося на их основе французского народа, в жилах которого есть немалая часть и иранской крови.

Аланы. Если история и культура скифо-сарматов наиболее подробно исследована в трудах М.И. Ростовцева, Г.В. Вернадского и Т. Сулимирского, то круг зарубежных исследователей, в чьих трудах исследуется алано-осетинская преемственность, гораздо шире. История и культура алан освещены всеми представленными в диссертации учеными, но в разной степени глубины. Достоверные данные о них содержатся в обобщающих трудах М.И. Ростовцева и Г.В. Вернадского, но наиболее полно аланы нашли отражение в специальных исследованиях Б. Бахраха, А. Алеманя и Я. Лебединского.

Итак, исследуя историю скифов и сармат, М.И. Ростовцев не обошел молчанием и алан, подчеркивал преемственную связь последних с осетинами. Он же считал алан самостоятельным племенем. Ученый частично прав, считая, что после войны 49 г. этноним аланы распространился на аорсов, но почему-то не упоминает сираков, которых постигла та же судьба, что и аорсов. В своей многотомной истории России начиная с древнейших времен, Г.В. Вернадский довольно подробно исследует в соответствующих исторических периодах сарматские племена, которые появились на юге

России и контролировали значительные территории. Как и М.И. Ростовцев, Г.В. Вернадский считал алан самостоятельным сарматским племенем и был настолько убежденным сторонником скифо-сармато-алано-осетинского единства (считал алан предками осетинского народа), что в своих трудах весьма часто вместо этнонима «алан» использовал этноним – «осетин».

Ученый достаточно подробно излагает историю и культуру алан, начиная с их этногенеза, развернул широкую панораму политической истории алан вплоть до их разгрома монголо-татарами. Много внимания уделено добрососедским и особо дружественным отношениям, которые сложились у алан (асов) со славянскими племенами, особенно антами, подчеркнута определяющее значение алано-асских племен в формировании славянского мира, ту выдающуюся роль, которые сыграли аланы в истории древнего мира и средних веков.

Разумеется, взгляд М.И. Ростовцева и Г.В. Вернадского на алано-осетинскую преемственность неоспорим; аланская составляющая в формировании осетин – решающая. Однако, как показали последующие исследования, особенно Всесоюзная сессия по этногенезу осетин (1966), осетины как этнос окончательно сформировались на Кавказе из двух составных компонентов: пришлого ираноязычного (аланского) и местного кавказского.

Михаила Ивановича Ростовцева, как и его ближайшего друга, выдающегося русского ученого-историка Георгия Владимировича Вернадского, некоторые коллеги упрекали в том, что они слишком увлекаются иранизмами, преувеличивали роль иранцев в судьбах народов юга России в древности. Концепция М.И. Ростовцева об этнокультурном синтезе на юге России в скифо-сарматскую эпоху на этом официальном форуме археологов была отвергнута как «буржуазная». В частности, Э. Фролов осторожно отмечает «некоторые увлечения, проявленные М.И. Ростовцевым при оценке достижений причерноморских «иранцев» (т.е.

скифов) в государственном строительстве и культуре, равно как и степенью конструктивного взаимодействия их с греками» [Фролов, 1990: 163].

Однако, при всей исключительной важности и ценности работ М.И. Ростовцева, в них недостаточно был раскрыт вопрос влияния скифской действительности на самих греков. В условиях тесных связей экономического, политического и культурного порядка ближайшие к колониям скифо-сарматские племена становились полуэллиническими. При этом социальные верхи скифов настолько усвоили греческую культуру, что даже наиболее устойчивые местные этнокультурные элементы подвергались переработке в греко-античном духе (Анахарсис, Скил). В этом отношении особенно показательны скифские археологические артефакты, извлеченные из курганов. Вот что пишут по этому поводу известные ученые Г.М. Бонгард-Левин и Э.А. Грантовский: «В целом влияние скифской культуры на эллинский мир было весьма заметным. Греческие и римские поэты нередко обращались к скифским мотивам, их привлекали история, обычаи, нравы, традиции скифов, герои скифских преданий: «прародительница» скифов-змееногая богиня земли, эпический царь Колаксай, царицы-воительницы скифо-сарматских племен и др. Очень популярен в античной литературе был образ Анахарсиса ... Вместе с реальными фактами, описанием действительно существовавших народов греки получали и фольклорные сюжеты скифов и их соседей» [Бонгард-Левин, Грантовский, 1983: 70-71].

Контакты иранского мира, а именно Понтийского царства с Боспорским, восходят к V в. до н.э., и уже в IV–III вв. до н.э. фиксируются определенные взаимоотношения между двумя этими царствами. Отметим и то, что контакты скифов не ограничивались только лишь греческим населением Боспора, хотя они и были преобладающими. Известны также контакты скифского мира с племенами Западной Европы. В эпоху господства греко-иранской цивилизации на юге России западное влияние все же проникало в этот мир, и при этом сильно влияло на общий характер культуры, главным образом западной части южно-российских степей

[Ростовцев, 1918: 7]. М.И. Ростовцев рассматривает контакты скифов не только с эллинским миром, но и с кельтами на рубеже IV–III вв. до н.э. [Еременко, Зуев, 1989: 110-112].

В обобщающих трудах М.И. Ростовцева основная идея сводилась к простой мысли о столкновении в Северном Причерноморье двух начал – восточного, или иранского, привнесенного сюда кочевыми племенами скифов и сарматов, и эллинского – носителями которого были греческие колонии. Сочетание этих двух начал и дало замечательную скифскую культуру, воспринимаемую, прежде всего, со стороны скифского искусства или «звериного стиля» [Артамонов, 1947: 68]. Таков был этнический облик южнорусских степей в эпоху господства скифов.

Как правильно отметил М.И. Ростовцев: «Основной тон государственности, религии, быту юга России задавали иранцы, но чувствуется, что иранцы явились не на девственную почву, что они встретились здесь с племенами, выработавшими к тому времени свой уклад жизни, свою религию, свой быт» [Ростовцев, 1918: 75]. Несмотря на то, что работам Михаила Ивановича Ростовцева, посвященным древней истории Юга России – Боспору, более ста лет, их основные постулаты так и остались универсальными. Более того: «Некоторые его умозаключения настолько опередили свое время, что их ценность мы осознаем только сейчас, вступая в XXI столетие. Вызывают недоумение попытки Н.Н. Погребовой объявить М.И. Ростовцева горячим сторонником миграционизма в истории. Согласно ей, тезис о большой роли древнего иранства скифов, сарматов, алан М.И. Ростовцевым слишком преувеличен, а роль местных элементов принижена [Погребова, 1954: 13-15], хотя вероятно, это не только личная точка зрения Н.Н. Погребовой. Личность М.И. Ростовцева очень гармонично вписывалась в пресловутую «борьбу с космополитизмом», развернувшуюся в СССР в 1948-1953 гг.

Выше мы уже говорили о «миграционисте» М.И. Ростовцеве в противовес «автохтонисту» А.А. Спицыну. Подобная позиция слишком

категорична. Мы полагаем, что подобного рода претензии не имеют под собой основания. Нет оснований полагать, что Михаил Иванович Ростовцев симпатизировал бы этнически чуждым для него иранцам более, чем славянам. Да и сам Михаил Иванович четко обозначал, что, будучи русским человеком, в первую очередь он интересовался историческими корнями славянства. В своей автобиографии Михаил Иванович писал: «Как русский, глубоко привязанный к своей стране, я естественно, интересовался историей России в период классической древности» [Скифский роман, 1997: 46]. Великий русский ученый-патриот достигает этой цели через изучение иранской и греческой цивилизации. Будучи объективным исследователем и большим специалистом по античной истории, он прекрасно понимал, что свершившийся в глубочайшей древности в Северном Причерноморье симбиоз античной и скифской, а затем сарматской культур не прошли бесследно для наследников этого причудливого синтеза славянских племен, и что уже таким путем Россия была вовлечена во всемирно-исторический культурный процесс.

Своими исследованиями ученый обозначил истоки истории славян, более чем кто-либо другой доказал важность древнеиранской, скифо-сарматской и эллинской составляющей дославянского периода истории России. Согласно Э.Д. Фролову, большая заслуга М.И. Ростовцева заключается в том, что впервые в отечественном антиковедении «он досконально разработал взаимоотношения античности с миром окружающих варваров, показал оригинальность вклада обоих контрагентов – греческих городов и скифо-сарматских племен и, таким образом, обосновал значение этнокультурного взаимодействия как решающего фактора исторического развития» [Фролов, 1990: 162].

Подобно Э. Фролову и Н.Н. Погребовой, аналогичные претензии были высказаны в адрес Г.В. Вернадского М. Николаевым [Николаев, 2000а: 14] и М. Тихомировым [Тихомиров, 1946: 124], которые обвинили его в том, что основное внимание в своих трудах он сосредоточил не на истории славян, а

на истории степных народов: скифов, гуннов и т.д. Полагаем, что все претензии к Г.В. Вернадскому также необоснованны. В действительности, в первом томе своей пятитомной истории России ученый уделил много внимания взаимоотношениям славянских и иранских народов, но это ведь являлось объективным положением вещей, но никак не прихотью ученого, ибо русская государственность возникла не на севере современной России, а на территории ее южных границ, то есть в Северном Причерноморье, где древним славянам предшествовали ираноязычные племена. Рассмотренные выше исторические взаимоотношения и взаимовлияния народов юга России в древности являются результатом длительного соседства скифо-сармато-алан со славянским миром и их индоевропейских корней.

Что касается истории алан на Кавказе, то советскими учеными она изучалась достаточно интенсивно, чего нельзя сказать о части алан, которая под давлением внешних обстоятельств, ушла на запад. До начала XX столетия аланы, которые приняли участие в Великом переселении народов, были в некоем забвении. Первым о них научному миру заявил М.И. Ростовцев, а спустя 40 лет после него – Г.В. Вернадский. О них также довольно интересно писали Ю. Кулаковский, В. Кузнецов, В. Ковалевская, В. Виноградов, однако их пребывание в Европе не было отражено в специальных монографических исследованиях. Аланы, в силу различных причин ушедшие на запад практически оказались забыты как советскими, так и западными учеными. Казалось, они оказались вычеркнутыми, стертыми из истории Западной Европы. Негодую об этом, французский ученый Я. Лебединский писал: «Проникшие на территорию Галлии после Великого переселения варварские племена франков, бургундов, бриттов, вестготов, вандалов, гуннов оставили четкий след в исторической памяти французского народа. К сожалению, этого нельзя сказать о сармато-аланских всадниках, пришедших на эту территорию через Паннонию из южнорусских степей, и оказавших существенное влияние на историю и культуру Франции, но почему-то не оставивших после себя столь устойчивых воспоминаний». На

самом деле, аланы оставили заметный след не только в истории Западной Европы, но и мировой истории. Они были единственным негерманским народом, который обосновал свои поселения на западе, сыграл большую роль в становлении западноевропейского общества.

В 1973 г. американским ученым Б. Бахрахом издана книга «Аланы на Западе». Переведенная в 1993 г на русский язык И.Б. Санакоевым книга, посвященная конкретному периоду истории алан: уходу их части на запад после нашествия гуннов, получила широкое распространение в научных и не только кругах. Стоит отметить, что впервые за долгое время появилась монография, написанная на базе использования богатых европейских научных архивов. В ней научно обоснована и проиллюстрирована незыблемость этногенетической скифо-сармато-аланской цепочки, а также алано-осетинская преемственность. Б. Бахрах представил в книге широкую панораму деятельности алан на западе: обретение Европы аланами, их поход через Европу в Африку, военно-политическая активность, заметный след, культурное наследие. Все это – впечатляющие страницы отечественной истории. И эта история рассказана Бахрахом весьма полно и интересно.

Логическим продолжением исследований Ю. Кулаковского, Б. Бахраха и других ученых о перипетиях судеб иранских племен Восточной Европы являются монографии Г. Рида и К. Литтлтон и Л. Малкор, в которых произошло радикальное переосмысливание легенд о короле Артуре, рыцарях Круглого стола и Святом Граале. Ученые не сомневаются в сармато-аланской основе этих легенд и этногенетическом родстве скифо-сармато-алан с современными осетинами. Так, вопреки утверждению многих коллег, Г. Рид доказывает сармато-аланские корни величайшей легенды Британии, символически и непосредственно увязывая волшебный меч Артура с известными сарматскими изобретателями мечей.

Что касается книги К. Литтлтон и Л. Малкор, то и в ней лейтмотивом проходят близкородственные ираноязычные племена: скифы классической античности, сарматы и аланы позднеантичной эпохи и их потомки – осетины,

в лучшие свои времена расселившиеся от берегов Дуная до Центрального Китая. Проводя параллели между иранским (преимущественно осетинским) материалом и Артурианой, авторы книги радикально меняют представления о ранних этапах европейской цивилизации доказывая, что происхождение центральных легенд об Артуре и Святом Граале уходят не в древние кельтские предания, а, скорее всего, являются наследием северо-восточной иранской эпической традиции, которая дала начала Нартовскому эпосу.

Весьма интересные сведения о судьбе средневековых алан содержится в монографии А.Ш. Кадырбаева «Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII-XIV вв.». Приверженец алано-осетинской преемственности, А.Ш. Кадырбаев, опираясь в основном на китайские источники, исследует историю алан на Северном Кавказе в годы татаро-монгольских походов, вскрывает причины ухода значительного контингента алан на восток и участие в войнах в рядах войск Монгольской империи.

Еще одним важным исследованием в области современного алановедения является работа известного каталонского ученого А. Алеманя «Аланы в древних и средневековых письменных источниках», вышедшая на русском языке в 2003 г. На сегодняшний день это самое полное собрание документов и сведений, касающихся алан, которое открывает невероятные горизонты для развития исследований, касающихся всех аспектов алановедения. В нашей работе мы предоставили краткую характеристику этого труда, а также ссылку на те источники и материалы, которые не были указаны в книге А. Алеманя, и которыми вполне можно было бы дополнить это уникальное издание.

Мысль о том, что аланы являются неотъемлемой частью истории и наследия Европы получила реальное воплощение в трудах крупнейшего исследователя раннесредневековой Галлии, археолога Я. Лебединского, особенно в монографии «Сарматы и аланы в Галлии IV–V вв. История и наследство». Автор прекрасно ориентируется в древней истории ираноязычных скифо-сармато-алан. В рассматриваемой монографии он

сосредоточил внимание на изучение той части сармат и алан, которые в IV–V вв. пребывали на территории современной Франции. И надо отдать ему должное – тема освещена превосходно. Успеху его книги способствовал и тот факт, что Я. Лебединскому в ходе археологических изысканий первому среди ученых-археологов удалось обнаружить и исследовать следы сармат и алан на территории Франции. Во-вторых, Я. Лебединским гораздо полнее, чем его коллегами были использованы архивные источники. В-третьих, им верно подчеркнута та весомая роль, которую сармато-аланы сыграли в истории Галлии в судьбоносное время – перехода Римской Галлии сначала к «римско-варварским королевствам», а затем к меровингской Франкии». И далее: «Прямо или косвенно они оказали культурное влияние на страну, которая впоследствии должна была стать Францией. Они входят в число (пусть даже в малой пропорции) предков французов».

Не вызывает сомнений основная концептуальная линия ученого, суждения его об этногенезе иранских народов соответствует уровню современной историографии. Совершенно неслучайно и то, что свою монографию Я. Лебединский посвятил осетинскому народу, его интеллектуальной элите «усердно работающей на благо сохранения своего древнего языка и традиций, унаследованных от предков-алан».

В современных условиях, когда происходит процесс не только переосмысливания прошлого нашей страны, но и поиски идентичности народов, населяющих Россию, особое значение приобретает анализ зарубежной исторической мысли, освещающей историю племен, проживавших в древности на юге нашей страны. Обращение к историографической традиции обогащает наше знание, помогает восстановить утраченную преемственность в развитии исторической мысли, да и самого социума. Значение разработки темы возрастает в связи с тем, что в современном российском обществе, испытавшем на себе противоречивые последствия очередного витка модернизации, вызывает неоднозначный общественно-политический резонанс.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в ходе работы над диссертацией, проблемы, связанные с освещением этногенеза и этнической истории осетинского народа, как части древнеиранского мира, не входят в задачи диссертанта. Это – особая, актуальная и сложная комплексная тема, теоретически и методологически неразрешимая без учения В.И. Абаева о двуприродности осетинского языка и самого процесса формирования осетинского народа, как двуприродного (иранство+Кавказ). Диссертант разделяет концепцию В.И. Абаева, но кавказское направление еще находится в стадии накопления материала, эта часть работы впереди.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. – Т. I. – М.-Л., 1949. – 608 с.
2. Абаев В.И. ИЭСОЯ. Т. I. М., 1958.
3. Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы на стыке востока и запада. М., 1965. – 168 с.
4. Абаев В.И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов. Древний Восток и античный мир. М., 1972.
5. Абаев В.И. ИЭСОЯ. Т. III. М., 1979.
6. Абаев В.И. Избранные труды. Т. I. Владикавказ, 1990. – 638 с.
7. Абаев В.И. Избранные труды. Т. II. Владикавказ, 1995. – 724 с.
8. Абаев В.И. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Владикавказ, 1967.
9. Абрашкин А.А. Да – скифы мы! «Откуда есть пошла Русская Земля». Эксмо, 2014. – 288 с.
10. Аврелий Виктор. Извлечения о жизни и нравах римских императоров. // ВДИ, 1964, № 1. – С. 230–252
11. Аксенов Г.П. Вернадский. Жизнь замечательных людей. М., 2001. – 544 с.
12. Аланы и Кавказ. Сб. статей. Владикавказ, 1992. – 252 с.
13. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., Менеджер, 2003. – 608 с.
14. Алипов Л.А. Ростовцев М.И. – историк Древнего Рима: Автореф. канд. дис. М., 2010. – 27 с.
15. Андреев Н. Новый журнал (Нью-Йорк), 1954. № 36. – 324 с.
16. Андреев Ю.В. Греки и варвары Северного Причерноморья // ВДИ. 1996. № 1.
17. Античные и средневековые источники по истории Испании. СПб. СПбГУ. 2006. – 360 с.

18. Античные источники о Северном Кавказе. Сост. В.М. Аталиков. Нальчик, 1990. – 307 с.
19. Арриан. Поход Александра / Перевод с древнегреческого М.Е. Сергеевко. – М.-Л., 1962. – 394 с.
20. Артамонов С. Вопросы истории скифов в советской науке // ВДИ. 1947. № 3. – С. 68-82
21. Аюдайн Очир. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнический состав монгольских народов, Элиста, 2016. – 286 с.
22. Багаев А.Б. Верховая лошадь в этнокультуре осетин. Владикавказ, 2015. – 167 с.
23. Багалей Д.И. Русская история с картами, планами и снимками памятников древности и искусства. Том I. (до Иоанна III). Типография т-ва И.Д. Сытина М., 1914. – 513 с.
24. Барбаро И. Путешествие в Тану. СПб, 1836. – 68 с.
25. Барбаро и Контарини о России. Л. 1971. – 274 с.
26. Бахрах А. По памяти, по записям // Бахрах А. Бунин в халате. По памяти, по записям. М., 2005. – 592 с.
27. Бахрах Б. Аланы на Западе (От первого упоминания в античных источниках до периода раннего средневековья), М., Ард, 1993. – 191 с.
28. Бекоев В.И. Отражение истории средневековой Алании в песне «Задалесская нана. Культурная жизнь юга России. № 1(30) 2009. – С. 83-85
29. Берштам А.Н. Новые работы по тохарской проблеме // ВДИ, 1947. № 2. – С. 134-138
30. Бзаев К.К. Происхождение этнического термина «Русь». Владикавказ, «Ир», 1995. – 112 с.
31. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.-Л., 1950. – 471 с.
32. Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. – 240 с.

33. Блок А.А. Собрание сочинений в девяти томах. Государственное издательство художественной литературы. Том 6. Последние дни императорской власти. Статьи. 1962. – 479 с.
34. Бонгард-Левин Г.М. Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М., 1983. – 206 с.
35. Бороздин И.Н. Ученые заслуги М.И. Ростовцева // Отчет о 3-м присуждении медали им. гр. А.С. Уварова. М., 1915. – 16 с.
36. Брун Ф.К. Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Одесса, 1867. – 164 с.
37. Брун Ф.К. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. В двух томах. Одесса, 1879–1880. – 704 с.
38. Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.) Киев: Издательство «Логос», 1997. – 224 с.
39. Бубенок О.Б. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.). «Истина», Киев, 2004. – 324 с.
40. Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов; отв. ред. Б.А. Рыбаков; АН СССР, Институт всеобщей истории. – М.: Наука, 1990. – 232 с.
41. Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов – Ануштегинидов. – М., 1986. – 248 с.
42. Вайнштейн О. Этническая основа так называемого государства Одоакра и Теодориха // Историк-марксист, кн.6, 1938. – С. 134—158
43. Ванеев З.Н. Избранные работы по истории осетинского народа, Т. I. Цхинвал, 1989. – 419 с.
44. Великая княгиня Владимирская Мария Ясыня. Отв. Редактор и составитель З.К. Кусаева. Москва-Владикавказ, 2019. – 365 с.
45. Величко Н.Н. Юрий Рерих – основатель номадистики. Роль науки и культуры в духовном развитии России Материалы Межрегиональной общественно-научной конференции 7–8 апреля 2012 года. г. Кемерово 2014.

46. Венецианская хроника Мартина Канале с основания города до 1275 года. Перев. Е. С. Зевакина. Архив СОНИИ ИФЭ. фонд 4, дело № 2.
47. Вернадский Г.В. М.И. Ростовцев (к 60-летию): Сборник статей по археологии и византинологии. Прага, 1931.
48. Вернадский Г.В. Русская история (Перевод А.Х. Бекузарова) // Кавказ и аланы. Сб. ст. Владикавказ, 1992. – 244 с.
49. Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Изд.-во ЛЕАН, 1996. – 447 с.
50. Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Тверь–Москва: ЛЕАН АГРАФ, 2000а.
51. Вернадский Г.В. История России. Киевская Русь. Тверь–Москва: ЛЕАН АГРАФ, 2000б. – 480 с.
52. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Москва–Тверь, 2004. – 480 с.
53. Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Изд. 2-е. СПб, 1999. – 576 с.
54. Вернадский Г.В. Русская история. Учебное пособие. М., 2001. – 544 с.
55. Вернадский Г.В. Соединение церквей в исторической действительности // ВИ, 1994. №7. – С. 155-174
56. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Ч.1. Прага, 1927.
57. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Олма Медиа Групп, 2012. – 275 с.
58. Вернадский Г.В. Очерк об эпической поэзии осетин // НА СОИГСИ. Литература. Ф.41. Оп.1. Д. 23 «а».
59. Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Западный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972. – 389 с.
60. Виноградов Ю.А., Марченко К.К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // Советская археология. 1991. № 1. – С. 145-155

61. Виноградов Ю.А. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в доримскую эпоху. СПб., 2002. – 189 с.
62. Виноградов Ю.Г. Политическая история ольвийского полиса. VII— I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. – 285 с.
63. Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. Вестник древней истории, № 2, 1994. – С. 151-170
64. Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. Наука, 1992. – 121 с.
65. Вопросы истории естествознания и техники. № 3. Москва, 2007. – С. 104-110
66. Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. Тайник в позднеантичном склепе Фанагории (предварительная публикация). Краткие сообщения Института археологии. Вып. 257. 2019. – С. 174-181
67. Всемирная история. Т. II. М., 1956. – 900 с.
68. Гаглойти Ю.С. К проблеме появления алан на Северном Кавказе // Известия ЮОНИИ. Вып. VII. 1964. – С. 21-46
69. Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, Издательство Мецниереба. 1966. – 254 с.
70. Гаглойти Ю.С. Новый труд по истории алан (А. Алемань, Аланы в древних и средневековых письменных источниках.) М., 2003. // Nartamongæ, Т. IV, 2007. – С. 271-289
71. Гаглойти Ю.С. Избранные труды. Т. I. Цхинвал, 2010. – 814 с.
72. Гаглойти Ю.С. 80 лет. Цхинвал, 2014.
73. Гакстгаузен А. Закавказский край ч. II, СПб, 1857. – 504 с.
74. Галонифонтибус Иоанн. Сведения о народах Кавказа, 1404 г.: из сочинения «Книга познания мира» Баку, Изд. «Элм», 1980. – 25 с.
75. Гайдукович В.Ф. Капош С.М. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА. № 3. 1957. – С. 162-187

76. Гамкрелидзе Т.В. и Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. Тбилиси, 1984. – 1409 с.
77. Генис А.А. Сладкая жизнь. Вагриус, 2004. – 352 с.
78. Геродот. История в девяти книгах, Л., 1972. – 600 с.
79. Геродот. История в девяти книгах. М., 1993. – 576 с.
80. Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря. Геродотовы Невры. Центрполиграф, 2014. – 219 с.
81. Голубев В.В. Статьи о Востоке и об искусстве. Ариаварта, №1, 1997. – 336 с.
82. Гомер. Одиссея: поэма в 24 песнях / Пер. (размером подлинника) П.А. Шуйского, под ред. А.И. Виноградова. – Свердловск: Изд-во УрГУ им. А.М. Горького. Кафедра классической филологии, 1948. – 424 с.
83. Городцов В.А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Труды ГИМ. Вып. 1. М., 1926. – 63 с.
84. Готье Ю.В. Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. I. Симферополь, 1927. – 207 с.
85. Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ, 1947. № 3. – С. 100-121
86. Граков Б.Н. Скифы. Киев, 1947. – 96 с.
87. Грантовский Э.А. Индо-иранские касты у скифов // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. – М., 1960. – 22 с.
88. Греки и варвары Северного Причерноморья в скифское время. СПб, 2005. – 463 с.
89. Греков Б.Д. Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 508 с.
90. Григора Никифор. История ромеев. Том 1. СПб., Своё издательство, 2013. – 438 с.
91. Григорий Турский. История Франков. Наука. М., 1987. – 474 с.

92. Грисвар Ж. Мотив меча, брошенного в озеро: смерть Артура и смерть Батрадза // Эпос и мифология осетин и мировая культура, Владикавказ, 2003. – С. 6-81
93. Гуляев В. Скифы: расцвет и падение Великого царства. М., 2005. – 400 с.
94. Гумилёв Л.Н. Черная легенда. М., 2014. – 563 с.
95. Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. Аст. М., 2018. – 736 с.
96. Гумилёв Л.Н. Ю.Н. Рерих как историк Центральной Азии // Творческое наследие семьи Рерих в диалоге культур: филос. аспекты осмысления: сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2005. – 719 с.
97. Гутнов Ф.Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ, 2001. – 256 с.
98. Гутнов Ф.Х. Аланы: научно-популярные очерки истории. Владикавказ, 2011. – 208 с.
99. Гутнов Ф.Х. Скифы и аланы. Владикавказ, Проект пресс. 2014. – 319 с.
100. Гутнов Ф.Х. Аланы в эпоху великого переселения народов. Дарьял, № 1, 2018. – С. 216-239
101. Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб, 1803. – 394 с.
102. Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала. Тб. Мецниереба. 1986. – 149 с.
103. Дзуцев Ф.С., Малашев В.Ю. Беслановский археологический комплекс раннеаланской эпохи. Некоторые итоги исследований 1988–2014 гг. Владикавказ, 2015. – 112 с.
104. Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота в V в. до н.э. Л., 1957. – 201 с.
105. Дьяконов И.М. и др. Древний Восток. М., 1951. – 240 с.
106. Дьяконов И.М. История Мидии, Л., 1956. – 488 с.

107. Дьяконов И.М. К методике исследований по этнической истории Центральной Азии в древности. II тыс. до н.э. М., 1981.
108. Дьяконов И.М. Киммерийцы и скифы в Древнем Востоке // РА. №1, 1994. – С. 108-116
109. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990. – 232 с.
110. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. Наука, М., 1985. – 245 с.
111. Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977. – 256 с.
112. Еременко В.Е., Зуев В.Ю. М.И. Ростовцев и проблема кельтско-скифских культурных контактов // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. – С.110-112.
113. Жебелев С.А. Народы Северного Причерноморья в античную эпоху // ВДИ. 1938. – С. 149-163
114. Жебелев С.А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1953. – 388 с.
115. Жития царя царей Давида // Символ. № 40. 1998. – С. 314-318
116. Завадська І.А. Християнство в ранньовізантійському Херсонесі (За культовими пам'ятками): Автореферат дисс. канд. істор. наук. Київ, 2000. – 20 с.
117. Зайцев Ю.П. Скирул и его царство // ВДИ. № 2, 1999. – С. 127-148
118. Зализняк А.А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания, вып. 6, М., 1969. – С. 20-45
119. Зуев В.Ф. М.И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман. М., 1999. Зуев В.Ю. М.И. Ростовцев и неизвестные главы книги «Скифия и Боспор // ВДИ. 1989. № 1.

120. Зуев Э.А. Творческий путь М.И. Ростовцева // К созданию исследования по истории Скифии и Боспорского царства // ВДИ. 1999. № 1. – С. 148-153
121. Зураев Дз. А. Северные иранцы Восточной Европы и Северного Кавказа. Вл.: Изд-во «Терские ведомости», 2014. – 248 с.
122. Иванов А. История монголов (Юань-ши) об асах–аланах // Христианский восток, т.II, вып.III СПб, 1914. – 300 с.
123. Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н.э. М., 1996. – 324 с.
124. Извлечения о жизни и нравах римских императоров.// Римские историки IV века. М.: РОССПЭН. 1997. – С. 230-252
125. Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. М., 1876. – 466 с.
126. Ильинская В.А. Изображения скифов времени преднеазиатских походов. Древности степной Скифии. Киев, 1982. – С. 38-47
127. Иордан. Готика. Изд. 1-е, 1960. – 436 с.
128. Историкогеографические записки о странах между морями Черным и Каспийским. СПб., 1810. – 121 с.
129. История Кабардино-Балкарской АССР. Т.1. М., 1967.
130. История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства Части I-II. М-Л. 1939. – 423, 531 с.
131. История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. Части III-IV. Издательство Академии наук СССР. М-Л. 1939.
132. История Северо-Осетинской АССР. М., 1959. – 334 с.
133. История Северо Осетинской АССР в двух томах. Т. I. Орджоникидзе. 1987.
134. История ат-Табари. Избранные отрывки // Пер. с араб. В.И. Беляева. Дополнение к переводу О.Г. Большакова и А.Б. Халидова. - Ташкент, 1987. – 444 с.

135. Кадырбаев А.Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии в XIII–XIV вв. Алма-Ата. «Гылым», 1990. – 160 с.
136. Калистов Д.П. Античная литературная традиция о Северном Причерноморье // Исторические записки Т.ХVI. М-Л., 1945. – С. 182-197
137. Каллистов Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1945. – 288 с.
138. Калоев Б.А. Осетины, М., 1971. – 360 с.
139. Калоев Б.А. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999. – 402 с.
140. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М. Прогресс, 1987. – 384 с.
141. Карпини Плано. История монголов. М., 1957. – 460 с.
142. Ключевский В.О. Сочинения. Т. I. Ч.1. М., 1956. – 427 с.
143. Князький И.О. Бродники // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2003. Т. VI.
144. Ковалевская В.Б. Кавказ и Аланы. М., Наука. Главная редакция восточной литературы. 1984. – 192 с.
145. Ковалевская В.Б. Аланы в Западной Европе. Сопоставление данных истории, археологии, лингвистики и антропологии. Владикавказ, 1992.
146. Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М, 2005. – 398 с.
147. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. В 2 томах. т. 1. М. 1886. – 756 с.
148. Кокиев Г.А. Очерки по истории Осетии, Владикавказ. 1926.
149. Коларуссо Дж. Предисловие к книге: Литтлтон К. и Малкор К. От Скифии до Камелота, Владикавказ, 2007. – 488 с.
150. Колосовская Ю.К. Паннония в I–III веках. Наука, М., 1973. – 248 с.

151. Констанций Лионский: Житие святого Германа Осерского // Изд. «Ивановский государственный университет», 2019. – 96 с.
152. Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. КЭС. М. Т II, 1959. – 260 с.
153. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа», М. 1960. – 532 с.
154. Кузицин В.И. О публикации новых глав труда акад. М.И.Ростовцева // ВДИ. 1989. №1. – С. 206-207
155. Кулланда С.В. Скифы: язык и этнос. 2015. – 232 с.
156. Культура и время. №2 (44), 2012. С. 61.
157. Кузнецов В.А. Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
158. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. 2-е изд. Владикавказ, 1992. – 390 с.
159. Кузнецов В.А. Введение в кавказоведение. Владикавказ, 2004. – 186 с.
160. Кузнецов В.А. Аланы и Кавказ. Осетинская эпопея обретения родины, М., 2014. – 160 с.
161. Кузнецов В.А. Древности Алагирского ущелья. Алано-Кавказская библиотека. Владикавказ, 2016. – 176 с.
162. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994. – 464 с.
163. Куклина И.В. Этногеография Скифии по античным источникам. Наука, Л., 1985. – 205 с.
164. Кулаковский Ю.А. Керченская христианская катакомба 491 года// Материалы по археологии России. № 6., Санкт-Петербург, 1891. – 30 с.
165. Кулаковский Ю.А. Аланы по сведениям классических византийских писателей. Кн. 13. 1899. – 73 с.

166. Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. Санкт-Петербург, «Алетейя», 2000. – 318 с.
167. Ламанский В.И. Заметки об ясах-аланах // Протоколы XI арх. съезда. М., 1902. – С. 118-121
168. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Том 1. СПб., 1890. – 728 с.
169. Латышев В.В. Scythico et Caucasica. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т.1. СПб., 1893.
170. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1949. №3.
171. Лебединский Я. Три статьи о древнем оружии // Дарьял, 1997. №4. – С. 194-213
172. Лебединский Я. Сарматы и аланы в Галлии IV-V вв. История и наследство. Алано-Кавказская библиотека. Владикавказ, 2016. – 224 с.
173. Лебединский Я. Аланы в Галлии: ретроспективный обзор и выводы // Этногенез и этническая история осетин. Материалы международного конгресса. Владикавказ, 2013.
174. Летопись Картли. Тбилиси. Мецниереба. 1982. – 112 с.
175. Литвинский Б.А. Читая «Скифский роман» // ВДИ, 1999. №1. – С. 213-215
176. Литтлтон С., Малкор Л. От Скифии до Камелота. Владикавказ, Прект-Пресс, 2007. – 491 с.
177. Локтионова О.С. Методические рекомендации по подготовке школьников к ЕНТ по истории Казахстана Алматы: «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров системы образования», 2005. – 99 с.
178. Ломоносов М.В. Древняя российская история. ПСС. Т.VI. М.-Л., 1952.
179. Лурье С.Я. Геродот. М.-Л., 1947. – 236 с.

180. Лысенко Н.Н. Языги на Дунайском Лимесе Рима в I–II вв. н.э. // Этногенез и военная история иранских кочевников Евразии в период II в. до н.э.–II в. н.э. Владикавказ, 2007. – 650 с.
181. Любарт М.К. Народы Франции // Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы. М.: Наука. 1999. – С. 211-249
182. Мавродин В.В. Происхождение русского народа. Издательство Ленинградского университета. Л., 1978. – 184 с.
183. Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины. Наука. С.Пб. 2002. – 416 с.
184. Макговерн Уильям М. Древние империи Центральной Азии. Центрполиграф. М., 2021. – 640 с.
185. Малахов С.Н. Еще раз о «печенежском происхождении ясов в древнерусском переводе Иосифа Флавия // Проблемы этнографии осетин Вып. 2. Владикавказ, 1992. – С. 81-85
186. Марр Н.Я. Термин «скиф» // Избранные работы. Т.V. ГАИМК. М.-Л., 1933–1936.
187. Марцеллин Аммиан. Римская история. Алетейя. С.Пб., 2000. – 631 с.
188. Массон В.М. Экономический и социальный строй древних обществ. Л., 1976. – 196 с.
189. Миллер В.Ф. Эпиграфические следы иранства на юге России // ЖМНП, 1886.
190. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. II. Владикавказ, 1992. – 707 с.
191. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. III. 1887.
192. Миллер В.Ф. Экскурс в область русского народного эпоса. Кавказо-русские параллели. М., 1892.
193. Миллер Г.Ф. О народах, издревле в России обитавших (1773) // ЦГАДА. Ф.199. №47. Д.3. – 132 с.
194. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963. – 266 с.

195. Мортимер Уилер. Пламя над Персеполем. – М., Наука, 1972. – 144 с.
196. Нарты. Осетинский героический эпос. Книга 2. Главная редакция восточной литературы. М., 1989. – 492 с.
197. Нидерле Любор. Славянские древности. Новый Акрополь, М., 2013. – 752 с.
198. Низами Гянджеви. Хосров и Ширин. Баку, 1983. – 458 с.
199. Низами Гянджеви. Искандер-наме. М., Художественная литература 1986. – 142 с.
200. Николаев Б. Жизнь и труды Г.В. Вернадского // Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Москва–Тверь, 2000а. – 446 с.
201. Ногмов Ш. История адыгейского народа. Нальчик, 1994. – 231 с.
202. Обзорение российских владений за Кавказом. Ч. II. СПб., 1836. – 401 с.
203. Осетинская этнографическая энциклопедия. Под ред. Л.А. Чибирова. Владикавказ, 2013. – 688 с.
204. Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Сост. Б.А. Калоев. Орджоникидзе, 1967. – 319 с.
205. Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. Наука, М., 1979. – 387 с.
206. Очерки народов России в древнем и раннем средневековье. Учебник для гуманитарных факультетов вузов. В.Я. Петрухин и Д.С. Раевский. М., 2004. – 416 с.
207. Памятники Народного Творчества Осетин Вып. II, 1927. – 158 с.
208. Пантюхов. И.И. Антропологические наблюдения на Кавказе // ИКОИРГО. Кн XV. Тифлис. 1893. – 162 с.
209. Парфянский выстрел // Под ред. Г.М. Бонгард-Левина и Ю.Н. Литвиненко-Погребова // М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2003. – 760 с.

210. Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1991. – 400 с.
211. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Сост. Чибиров Л.А. Т.І. Владикавказ, Проект-Пресс, 2014. – 840 с.
212. Плиний. Естественная история. Кн. XVIII. Гл. 24.1, 1892.
213. Погребова Н.Н. Состояние проблем скифо-сарматской археологии к конференции ИИМК АН СССР 1952 // Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.). М, 1954. – 248 с.
214. Полное собрание русских летописей. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. С-Пб., 1897. – 254 с.
215. Попов А.И. Названия народов СССР. Ленинград: Наука, 1973. – 170 с.
216. Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, Северо-осетинское книжное издательство. 1967. – 336 с.
217. Прокопий Кесарийский. Война с готами. Война с вандалами. М., 1993.
218. Пряхин А.Д. История советской археологии, Воронеж, 1986. – 286 с.
219. Пуздровский А.Е. Политическая история Крымской Скифии // ВДИ. 2001. №3. – С. 86-118
220. Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. М., 1957. – 85 с.
221. Пфаф В.Б. Материалы для истории осетин: Сборник сведений о кавказских горцах. В. IV. – Тифлис, 1870. – 90 с.
222. Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // Изв. ГАИМК. Т. XII. В. 1-8. Готский сборник. Л., 1932. – С. 5-106
223. Раевский Д.С. К вопросу об «отложившихся» скифах // ВДИ. №1, 1989. – С. 45-65

224. Рахно Костянтин Іранські культурні терміни в українському словнику і топонімії // Вісник Львівського університету. Серія філологічна. – Львів, 2013. – Випуск 59. – С. 124-130
225. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т.І. Кн.2. Перевод Смирновой. М.-Л., 1952.
226. Рерих Ю.Н. Аланские дружины в монгольскую эпоху. Журн. «Осетия», № 4-5-6. Paris VII, 1933.
227. Рерих Ю.Н. Избранные труды, М., 1967. – 570 с.
228. Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы. Самара: Издательский дом «Агни», 1999. – 368 с.
229. Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. I (1919–1935). – М.: Международный Центр Рерихов, 2002. – 352 с.
230. Рецензия на книгу «Скифский роман» // Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997.
231. Решетов А.М. О совместной советско-монгольской этнографической экспедиции // СЭ, 1986, №1
232. Рид Г. «Артур-король драконов. Варварские истоки величайшей легенды Британии». Владикавказ, «Алания». 2005. – 360 с.
233. Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М.: Наука, 1972. – С. 9-89
234. Российские научная эмиграция. 20 портретов. М., 2001. – 368 с.
235. Ростовцев М.И. Эллинистический римский архитектурный пейзаж. СПб., 1908. – 198 с.
236. Ростовцев М.И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. Вып. 49. 1913. – С. 1-62, 133-140
237. Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Петроград, 1914. – 537 с.
238. Ростовцев М.И. Научное значение истории Боспорского царства. СПб.: Издательство Брокгауза и Эфрона, 1914. – 16 с.

239. Ростовцев М.И. Курган «Солоха» // Ежемесячный журнал. №1. СПб.: Типография Усова, 1914. – 13 с.
240. Ростовцев М.И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. XXV. 1916. – 31 с.
241. Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России, СПб, 1918. – 190 с.
242. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925.
243. Ростовцев М.И. Бог-всадник на юге России, в Индо-Скифии и в Китае. Прага. 1928. – С. 141-146
244. Ростовцев М.И. Глава V. Государство, религия и культура скифов и сарматов // ВДИ. 1989. №1. – С. 192-205
245. Ростовцев М.И. Skifika. Избранные работы. СПб., 1993. – 110 с.
246. Ростовцев М.И. Эллинизм как термин. М., 2003. – С. 309-317
247. Ростовцев М.И. Караванные города. СПб., 2010. – 216 с.
248. Ростовцев М.И. Иранский конный бог и юг России // Иранство и эллинизм на юге России. ВДИ, № 2(193), 1990. – С. 192-200
249. Рубрук Гильом де. Путешествие в восточные страны. М., 1957. – 272 с.
250. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: 1953. – 402 с.
251. Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сб. док. / Сост. М. Блиев. Орджоникидзе, Т.2. 1984. – 457 с.
252. Сайкс Перси. История Афганистана. Центрполиграф, М., 2021. – 639 с.
253. Саничева Н.Е., Г.В. Вернадский // Вопросы истории. 1994. №7.
254. Сарианиди В.И. Бактрия сквозь мглу веков. М., 1984. – 159 с.
255. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. III Тифлис, 1883. – 552 с.

256. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Издательство Академии наук СССР М-Л. Т. II. 1941. – 307 с.
257. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане: VIII. Мас'уди. Пер. Н.А. Караулова // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, Вып. 38. Тифлис. 1908. – 662 с.
258. Сведения византийских писателей о Грузии. Тбилиси, 1952.
259. Свенцицкая И.С. Роль частных сообществ в общественной жизни полисов эллинистического и римского времени // ВДИ. 1985. № 4. – С. 43-61
260. Севротян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974. – 768 с.
261. Седов В.В. Славяне и иранцы в древности // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. М., 1978. См. также: Природа, 1978. № 6. – С. 227-240
262. Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 145 с.
263. Секст Аврелий Виктор 1997. – 417 с.
264. Семенов-Зусер С.А. Родовая организация у скифов Геродота // Известия ГАИМК. Т. IX. В. 1. 1931. – 34 с.
265. Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы / Общ. ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой. М., 1995. – 591 с.
266. Сиротенко В.Т. История межд. отношений в Европе во второй половине IV – нач. VI вв. – Изд. Пермского госуниверситета, 1975. – 283 с.
267. СИЭ, Т. I. М., 1961. – 530 с.
268. СИЭ, Т. II. М., 1962. – 517 с.
269. СИЭ, Т. VII. М., 1965. – 520 с.
270. СИЭ, Т. XII, М., 1969. – 496 с.
271. СИЭ, Т. XIII. М., 1971. – 530 с.
272. СИЭ, Т. XIV. М., 1973. – 524 с.
273. СИЭ, Т. XV. М., 1974. – 510 с.

274. СИЭ, Т.ХVI. М., 1976. – 509 с.
275. Сказания о нартах. Цхинвал, 1981. – 400 с.
276. Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года» // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института, т. XI, 1947. – 194 с.
277. Скифия и Боспор. Археологический материал к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. – 134 с.
278. Скифский роман//Под ред. Г.М. Бонгард-Левина.М.,1997. – 624 с.
279. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990. – 300 с.
280. Смирнов А.П. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. М., 1935. – 36 с.
281. Смирнов К.Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК. Вып. 34, 1950. – С. 97-114
282. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. – 380 с.
283. Смирнов К.Ф. К вопросу о матриархате у савроматов // Проблемы скифской археологии. М., 1971. – С. 188-191
284. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975. – 176 с.
285. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., Наука. 1984. – 184 с.
286. Спицын А.А. Курганы скифов-пахарей // АК 65, 1918. – С. 87-143
287. Страбон. География. М.: «Ладомир», 1994. – 940 с.
288. Стражний А. Украинский менталитет, Киев, 2001. – 384 с.
289. Стрижак О.С. Етнонімія Птоломеевої Сарматії. У пошуках Русі. – К.: Наукова думка, 1991. – 224 с.
290. Сулимирский Т. Сарматы. Древний народ юга России. Пер. с англ. Т.В. Китаиной. М.: Центрполиграф, 2010. – 224 с.
291. Тадевосян Т.В. Русские былины и осетинский нартский эпос. Владикавказ, 2013. – 143 с.

292. Тепцов В. Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1892. – 572 с.
293. Тереножкин А.И. Киммерийцы. М.:«Наукова думка»,1976.–224 с.
294. Тереножкин А.И. Скифская культура // Скифская культура и искусство. Анахарсис. Вл., 2012.
295. Техов Б.В. В.А. Кузнецов – мне друг, но истина дороже. Южная Осетия № 80 (318) от 5 ноября 1995 г.
296. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.І. СПб, 1884. – 563 с.
297. Тихомиров М.Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // СЭ, 1947. Т.VI–VII. – С. 60-80
298. Тихомиров М.Н. О происхождении названия «Россия» // ВИ, 1953. №11. – С. 93-96
299. Тихомиров М.Н. Славяне в «Истории России» профессора Вернадского // ВИ, 1946. №4. – С. 124-129
300. Тогошвили Г.Д. Избранные труды по кавказоведению. Т.ІІ. Владикавказ, 2012. – 479 с.
301. Толстов С. Древнейшая история СССР в освещении Г. Вернадского // ВИ, 1946. №4. – С. 113-124
302. Толстов С.П. Города гyzов. Историко-этнографический очерк. СЭ, 1947. №3. – С. 55-102
303. Топоров В.Н. Прусский язык; Словарь. М.: Наука, 1995. Т. V. – 213 с.
304. Трубачёв О.Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоиранцы в Северном Причерноморье // ВЯ, №6, 1977.
305. Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье // Наука, М., 1999. – 320 с.
306. Туаллагов А.А. Меч и Фандыр. Артуриана и нартровский эпос, Владикавказ, 2012. – 275 с.

307. Туганов М.С. К истории осетинского народа. Литературное наследие. Орджоникидзе, 1977. – 238 с.
308. Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т.1. М., Директ – Медиа. 2016. – 1041 с.
309. Уэзерфорд Джек. Чингисхан и рождение современного мира. М., 2008. – 493 с.
310. Фаркаш Э. Искусство кочевников в музеях США// ВДИ. № 4, 1992. – С. 195-204
311. Филин Ф.П. Заметка о термине «анты» и о так называемом «антском периоде в древней истории восточных славян» // Проблемы сравнительной филологии // Сборник статей к 70-летию чл.-корр. АН СССР В.М. Жирмунского. М.-Л., 1964. – С. 266-270
312. Формозов А.А. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками. // Вестник древней истории, № 1, 1953. – С. 193-200
313. Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972. – 468 с.
314. Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. 2-е изд. СПб., 2008. – 616 с.
315. Фролов Э.Д. Судьба ученого: Ростовцев и его место в русской науке об античности // ВДИ. 1990. №3. Хазанов А.М. Золото скифов. М., 1975. – С. 143-165
316. Хазанов А.М. Характерные черты сарматского военного искусства. СА, 1970. – С. 52-63
317. Хазанов А.М. Материнский род у сарматов // ВДИ, 1970. № 2. – С. 138-148
318. Хейердал Т. В поисках Одина. По следам нашего прошлого. Осло, 2001.
319. Хейердал Т., Лиллиемстрем П. В погоне за Одином. По следам нашего прошлого. М.: Менеджер, 2008. – 367 с.
320. Хеннинг Ричард. Неведомые земли. Т.III. М. 1962. – 453 с.
321. Цагаева А.Д. Топонимия Северной Осетии. Т.1. Вл., 1971. – 239 с.

322. Цветаева Г.А. Боспор и Рим. М, «Наука», 1979. – 136 с.
323. Чернявский С.Н. Анты. Загадка исчезнувшего народа. М.: Вече, 2016. – 288 с.
324. Черных Е.Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток: этнокультурные связи / Под. ред. Г. М. Бонгард-Левина; Академия наук СССР; Институт востоковедения АН СССР. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – С. 37-57
325. Чибилов А.Л. Предисловие к книге Э. Ямаучи «Недрузи с северных границ. Владикавказ, 2014. – 343 с.
326. Чибилов А.Л. Иранство как предчувствие. Владикавказ, 2016. – 174 с.
327. Чибилов А.Л. Ещё раз об историографии алан-осетин // Интерактивная наука. №8, 2016. – С. 18-24
328. Чибилов А.Л. Вопросы взаимоотношений иранских и славянских племён в трудах профессора Г.В. Вернадского. Известия СОИГСИ. Школа молодых учёных. № 14, 2015. С. 97–104.
329. Чибилов Л.А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвал, 1976. – 280 с.
330. Чибилов Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М., 2008. – 711 с.
331. Чибилов Л.А. Осетинская Нартиада. Мифологические истоки и ареальные связи. Владикавказ, 2016. – 463 с.
332. Чибилов Л.А. Историческая основа параллелей осетинских сказаний о нартах и скандинавских саг // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. Вып. 3. Владикавказ, 2015. – С. 84-93
333. Чибилов Л.А. Ф. Нансен об осетино-скандинавских этнокультурных параллелях. Вестник СОГУ № 2. 2016. – С. 179-183

334. Шамелишвили Р. Илья Чавчавадзе о предках осетин, «Фидиуаг» №4. (на осетинском языке), Цхинвали, 1963 г.
335. Шараф ад-Дин Али Йазли. Зафар-наме. Ташкент, 2008. – 485 с.
336. Шафарик П.Й. Славянские древности. Москва, Университетская библиотека, 1847. Т. I. кн. II. 1847. – 448 с.
337. Шевченко О. (О.Ш). Царский культ на Боспоре в научных разработках М.И. Ростовцева // В.И. Даль и судьбы русской культуры: Мат-лы н-п. конф. Симферополь: ООО ПЦ «Московский мост», 2003. – С. 155-163
338. Шегрен А.М. Осетинские исследования / Сост. и перев. Камболов Т.Т. Владикавказ, 1998. – 172 с.
339. Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. (Кн. I–VI). М. Памятники исторической мысли. 2004. – 493 с.
340. Шелов Д.Б. Северное Причерноморье 2000 лет назад. М., 1975. – 185 с.
341. Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994. – 324 с.
342. Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 5. 2015. – 566 с.
343. Элиаде Мирча. История веры и религиозных идей. Том 2. От Гаутамы Будды до триумфа христианства. 2002. – 512 с.
1. Bachrach Bernard S. History of the Alans in the West // University of Minnesota press. Minneapolis 1973. – 180 p.
2. Baschmakoff. A. Ciuguante Siecles devolution ethnique autor de la Mer hoit Paris k, 1937. – 177 p.
3. Bleichsteiner R. Das Volk der Alanen, 1918.
4. Boardman J. The Grek Overseas Penguin Books. 1964. – 288 p.
5. Borjian H. Iran and the Caucasus 11(2007) – pp. 319-323
6. Charpentier J. Die ethnographische Stellung der Tocharer. // ZDMG, 1917. – 363 p.
7. Dumezil G. Legendes sur les Nartes. Paris, 1930. – 213 p.

8. Ebert Max. Sudrussiand im Allectum Bonn und Leipzig, 1921; Sudrussiand. – 436 p.
9. Essays in Russian History: a Collection Dedicated to George Vernadsky / Edited by Alan D. Ferguson and Alfred Levin Hardcover – 1964. – 317 p.
10. Fred. Dubois de Montpereux. Voyage autor du Caucase. T. IV, Paris, 1840. – 562 p.
11. Hanbook of oriental studies Central Asia Sources on the alans. A Critical Compilation by Agusti Alemany. BRILL. Leiden. Boston.Koln. 2000. – 608 p.
12. H. Hübschmann. Etymologie und Lautlehre, der Ossetischen Sprache. Strassburg, Karl Trübner.1887 – VIII. – 151 p.
13. Istvanovits E, Kulcsar V, «Sarmatians – History and Archaeology of a Forgotten People» - 2017. – 491 p.
14. Kalmykow A. Iranians and Slavs in South Russia. Journal of the American Oriental Society, Vol. 45 (1925). – pp. 68-71
15. Kletschmer, Scythae/RE/.11. A (1932).
16. Marquart. J. Eransahr ..., стр. 155.; J. Marquart. Wehrot und Arang. P. 136.
17. Miller V. Die Sprache der Osseten / Strassburg. 1903. – 134 p.
18. Minnz Scythians and Greeks. 1913.
19. Momigliana A. Studies in Historiographie. L., 1996. Rostovcev M. The social and economic history of the Hellenistic Word. 3 тома. Oxford, 1941.
20. Müllenhoff Karl. Deutsche Altertumskunde. – Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1892. – Dritter Band. – XVI. – 352 p.
21. Nansen F. Gjennem Kaukasus til Volga. Oslo. 1923. – 162 p.
22. Nostradamus. The Complete Prophecies in French and English. Zem Books. 2018. – 278 p.
23. Olrik Axel. Ragnarok: Die Sagen yom Weltuntergang, 1922. – 484 p.
24. Periode «Reall d. Vorgesch». Berlin, 1929.
25. Potocki J. Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase, tt. I–II, Paris, 1829. – 417 p.

26. Rangnow R. Im Land des schwarzen Windes Unter kosaken und Kaukasien. (пер. А. Дарчиева). Rraunschweig Verlad Gustav Wenze Sohn 1941. – 216 p.
27. Rostovceff M. Iranians and Greeksin South Pussia. Oxford 1922.– 370 p.
28. Schmoeckel Reinhardt. Sarmaten: Unbekannte Väter Europas: Ein neuer Blick auf die Frühgeschichte unseres Kontinent. Bonn, 2016. – 128 p.
29. V. de Saint-Martin. Recherches sur les populations primitives et les plus anciennes traditions du Caucase Paris, 1847. – 216 p.
30. Vernadsky George. Ancient Russia, New Haven, 1943. – pp. 212-221
31. Vernadsky G. Origins of Russia. Oxsford, 1959. – 378 p.
32. Vernadsky George. Eurasian Homas and their Impact on medieval Europe. Studi Medievali 3 td ser, IV (1963), 421.
33. Vernadsky G. Sur l’Origine des Alains. Byzantion. T. XVI. I. Boston, 1944. // ВДИ. 1947. №3.
34. Schmoeckel R. «Sarmaten: Unbekannte Vater Europas». 2013. – 122 p.
35. Узелац Александар. Источна и југоисточна Европа у делу Анонимног тосканског географа // Споменица академика Милоша Благојевића (1930-2012). Београд, 2015. С. 237-248.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ – Вестник древней истории.

ВИ – Вопросы истории.

ВЯ – Вопросы языкознания.

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.

ГИМ – Государственный исторический музей.

ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения.

ИЭСОЯ – Историко-этимологический словарь осетинского языка.

КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры.

НА СОИГСИ – Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

РА – Российская археология.

СА – Советская археология.

СИЭ – Советская историческая энциклопедия.

СЭ – Советская этнография.

ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов.